Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях
профессор Николай Фёдорович Каптерев

Предисловие ко второму изданию (Сергиев Посад, 1914)
Введение

Предисловие ко второму изданию (Сергиев Посад, 1914)

Настоящее исследование имеет свою историю.

Когда в журнале Чтения в Обществе любителей духовного просвещения в 1883 году стали печатать третью главу этой книги под заглавием: Перенесение в Москву святыни с Востока, где на основании архивных документов мне пришлось признать, что под видом святыни, за которую московское правительство всегда давало подносителям ту или другую «денежную дачу», иногда привозили и вовсе не святыню, тогдашний духовный цензор архимандрит Амфилохий остановил дальнейшее печатание книги, так как она, по его мнению, дискредитирует святыню, привезенную с Востока, а между тем эта святыня и сейчас хранится в московском Архангельском соборе и пользуется почитанием со стороны русских. Протоиерей Рождественский, редактор журнала, явился к тогдашнему Московскому митрополиту Иоанникию и, представив ему на прочтение мою статью, просил его разрешить дальнейшее печатание в журнале моего исследования. Митрополит Иоанникий, лично познакомившись со статьей, приказал продолжить печатание, заявив, что как это ни печально, но автор прав, так как основывается на подлинных архивных документах, против которых спорить нельзя. Книга была напечатана и представлена мною (в 1884 г.) в Совет Московской Духовной Академии для получения степени доктора церковной истории. Но тут встретились неожиданные препятствия.

Дело заключалось в следующем. Изучая в течение нескольких лет в Большом московском архиве Министерства иностранных дел так называемые Греческие дела, Греческие

статейные списки, Турецкие дела, Турецкие статейные списки, у меня невольно составилось такое убеждение, что русские, присматриваясь к грекам, когда в Москву с XVI века стали приезжать за милостынею греческие патриархи, митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты и проч., имели, со своей точки зрения, основания подозрительно относиться к тогдашнему греческому благочестию и отчасти даже к тогдашнему греческому правоверию. На основании именно специального изучения сношений Москвы с православным Востоком, особенно за XVII век, я пришел к тому заключению, что патриарху Никону не следовало слишком доверчиво относиться к приезжавшим в Москву грекам и по их указаниям исправлять наши древние церковные чины и книги. Но что особенно важно, в архиве мне удалось найти подлинное следственное дело об известном книжном справщике при Никоне – Арсении Греке, который был сослан нашим правительством под строгий начал «для исправления его православной веры» в Соловецкий монастырь. Но Никон, как известно, взял Арсения из Соловецкого монастыря, привез его в Москву и здесь поручил ему исправление русских церковных книг. Противники никоновской реформы постоянно заявляли, что Арсений Грек – воспитанник иезуитов и латынник и что такому сомнительному человеку никак не следует поручать справу наших церковных книг, так как он может только испортить их, а не исправить. Все эти обвинения и нападки на книжного справщика Арсения Грека считались доселе несправедливыми, порожденными слепою ненавистью невежественных противников церковной реформы Никона, которые образованного и православного грека, выдвинутого Никоном, тенденциозно ославили еретиком. Но найденное мною в архиве подлинное следственное дело об Арсении Греке неожиданно вполне подтвердило справедливость старообрядческих обвинений против Арсения. Из следственного дела оказывается, что Арсений, по его собственному сознанию на следствии, действительно был учеником иезуитов и, отказавшись от Православия, принял латинство, а по возвращении в Константинополь был обращен в мусульманство, почему

московское правительство и сослало его в заточение в Соловецкий монастырь. Понятно, что со стороны Никона было очень нетактично брать и приближать к себе такого крайне сомнительного в глазах русского общества человека, а тем более было крайнею неосторожностью поручать Арсению исправление русских церковных книг. Ввиду указанных фактов я и высказал в своем исследовании ту мысль, что церковная реформа Никона нуждается в пересмотре и проверке и что на некоторые, по крайней мере, заявления ее противников никак нельзя смотреть только как на продукт невежества и клеветы. Эти мои заявления крайне смутили тогдашнего официального полемиста со старообрядцами – профессора Субботина. Он решительно отказался дать мне степень доктора, если не будет изменено и перепечатано в желательном ему смысле мое краткое, впрочем, замечание о реформе Никона. Пришлось исполнить требование Субботина, и место о реформе Никона в некоторых «официальных» экземплярах книги было мною перепечатано. Тогда Совет Московской Духовной Академии присудил мне за мое исследование степень доктора церковной истории. Дело пошло затем на утверждение Святейшего Синода. Синод согласился с заключением Академического Совета и утвердил за мною искомую степень. Но тогдашний обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, вероятно, по частным представлениям ему проф. Субботина, отменил постановление Синода и отказался утвердить меня в степени доктора на том основании, что я будто бы непочтительно отзываюсь в свой книге о матери нашей – Греческой Церкви, хотя о Греческой Церкви я не делал в книге никаких отзывов, а отзывался только о тех греческих просителях милостыни, которые ради этого приезжали в Москву и между которыми встречалось немало разных авантюристов. Пришлось для получения степени доктора церковной истории написать новое исследование, за которое, наконец, мне и дана была искомая ученая степень. А между тем, опороченное Победоносцевым мое исследование встречено было в обществе очень благосклонно. Профессор, а потом и академик, Пыпин в тогдашнем передовом журнале «Вестник Европы» поместил о

моей книге особую статью (за 1884 г.) под заглавием: Греки в Московском царстве, в которой подробно передал ее содержание и дал о ней очень лестный отзыв. Академия наук присудила мне за эту книгу малую Уваровскую премию. В короткое время книга сделалась библиографическою редкостью. Что и побудило выпустить ее теперь вторым изданием, тем более что с тех пор еще не появлялось новых исследований, которые обнимали собою всю совокупность сношений России с православным Востоком в XVI и XVII столетиях. Как это сделано в моей книге.

Н. Каптерев 1913 г., 30 июля

Введение

(Всецелое подчинение Руси греческому влиянию со времени введения у нас христианства до второй половины XV века. Перемена в воззрениях русских на свои отношения к грекам, произведенная Флорентийскою унией и падением Константинополя. Возникновение у русских с конца XV века убеждения, что они, как избранный народ Божий, призваны занять в православном мире место греков, так как только у них одних сохранились и правая вера, и истинное благочестие, утерянные всеми другими народами. Значение этого убеждения для всей жизни русского общества и его влияние на характер последующих отношений России к православному Востоку)

Приняв от греков христианство и вступив чрез эго в семью европейских государств, русские должны были построит всю свою жизнь согласно новым для них христиански-культурным требованиям. Им, как народу, только что еще начинавшему свою историческую жизнь, приходилось все строить и уряжать у себя с самого начала. В силу того исторического закона, по которому некультурный народ всегда подчиняется другому, обладающему старою, развитою культурою, и находится под его духовною опекою до тех пор, пока не наживет своего собственного культурного капитала, –русские необходимо должны были, на первых порах своей жизни, подчиниться влиянию и опеке просветителей своих христианством – греков. С какой бы стороны русский ни сравнивал себя и свое с греческим, он должен был признать решительное превосходство

над своим всего греческого, должен был признать, что грек мудрее его, более опытен, сведущ и, что главное,–более образован. Все, на что молодая русская жизнь заявляла свои запросы и требования, на все могла дать ответы, всему могла удовлетворить зрелая и развитая культура греков. Русскому, поэтому, приходилось брать все готовым у греков и пересаживать взятое на свою еще девственную почву, приходилось всему учиться у грека, подражать ему и, в конце концов, смотреть на него, как на своего руководителя и опекуна. Иного образца, иного примера для подражания русские не имели пред глазами, так как этим иным мог быть только латинский запад, но он был отгорожен от них самою крепкою и непроницаемою стеною. Греки на первых же порах позаботились внушить русским представление о латинянах, как о самых злых еретиках, с которыми не следует вступать ни в какие сношения, которых всегда и всячески нужно сторониться. Эти внушения имели полный успех, чем надолго уничтожена была возможность сближения русских с более образованным западом. Вследствие этого обстоятельства, греческий авторитет на Руси действовал без помехи, без конкуренции, а потому необходимо особенно сильно, всесторонне и продолжительно. В течение нескольких столетий русские мало или даже вовсе не выражали деятельного желания избавиться от греческой опеки, хотя, конечно, и видели некоторык ек неудобнык для себя стороны; грек, как представитель и носитель высшей христианско-европейской культуры, был для них решительно необходим, и заменить его, до позднейшего сближения с западом, было некем.

Все стороны русской жизни более или менее испытали на себе греческое влияние, но главным центральным пунктом, на котором греческое влияние чувствовалось и сосредоточивалось по преимуществу, где оно царило всецело и всеми признавалось, – была религиозно-церковная жизнь русского народа. В течение нескольких столетий Русь в церковно-правительственном отношении была только частью константинопольского патриархата, обреченною воспроизводить в себе то, что было выработано и установлено греческою

церковью, обязанною всегда и во всем быть верною своей руководительнице, быть ее отображением, копиею. Решительное подчинение русской религиозной жизни греческому влиянию усиливалось еще тем обстоятельством, что митрополит, глава и управитель всей Русской Церкви, избирался и поставлялся Константинопольским патриархом по большей части из греков; что все возникавшие на Руси вопросы, недоумения, споры, сомнения решал Константинопольский патриарх, которому принадлежал верховный надзор и верховное водительство всеми русскими церковными делами. Это всецелое подчинение Русской Церкви Константинопольской греки считали вполне естественным и даже необходимым, чтобы насадить и укоренить на Руси Православие, поборниками, представителями и авторитетными знатоками которого они считали только себя. Они лучше и вернее знали, что православно и что нет, а потому лучше всех могли руководить религиозною жизнью молодого, неопытного еще народа, лучше всех могли оберечь и охранить его от возможных ошибок, заблуждений и сторонних вредных влияний. Со своей стороны русские, в сознании своей неопытности и незрелости в христианской жизни, безусловно отдали себя водительству более зрелых и опытных греков. Сомнений в их пригодности для такой роли, сомнений в их компетентности в делах веры, а тем более в их безусловной преданности Православию тогда еще не существовало: греки в глазах тогдашних русских были людьми более благочестивыми и более святыми, нежели они, русские[1].

Так, вследствие принятия русскими христианства от греков произошло не только простое сближение одного народа с другим и не одно только культурное религиозное подчинение русских грекам, но и прямое церковно-административное подчинение Русской Церкви Греческой. Такие отношения, раз установившись благодаря политической, религиозной и культурной незрелости русских, могли продолжаться очень долго. Но эти отношения должны были сильно измениться, как скоро у русских явилось сознание своей политической и народной силы, не допускающей какой-либо видимой, резко выраженной зависимости от другого народа, как скоро русские в

делах веры и благочестия сознали себя ни в чем не уступающими грекам и свою Церковь – настолько выросшею и окрепшею, что она уже не нуждалась более в дальнейшей опеке и руководстве с чьей бы то ни было стороны. Наконец, греческое влияние на Руси, опиравшееся на культурное превосходство греков над русскими, должно было пасть окончательно: или когда русские успеют запастись, с течением времени, своими собственными культурными силами и средствами, которые сделают ненужною дальнейшую подавляющую опеку греков; или когда для них откроются иные пути приобретения научных знаний, иные центры образованности, высшей и совершеннейшей, нежели образованность греков.

Первое проявление русской самостоятельности сказалось прежде всего относительно церковно-правительственного значения греков на Руси и выразилось в стремлении иметь митрополита, избранника великого князя. Из страны, разделенной на несколько мелких самостоятельных княжеств, постоянно враждовавших между собою и истощавших свои силы во взаимной борьбе, Русь постепенно стала превращаться в единое государство, с единою властью и центром, стала вырастать, крепнуть и усиливаться Москва, а в ней – власть великого князя, доросшая, наконец, до значения всероссийской. С развитием политической силы и самосознания тесно связывается обыкновенно и самосознание церковное: сильное, независимое государство стремится и Церковь у себя сделать независимой от сторонних влияний. В силу этого все более крепкая и развивавшаяся власть великого князя Московского уже с неудовольствием начинает смотреть на чуждого и независимого от нее представителя Русской Церкви; она во имя государственных интересов заявляет желание иметь своего митрополита, своего не в том только смысле, чтобы он был русский, но и в том, чтобы он был избранник великого князя. Верховные права Константинопольского патриарха над Русскою Церковью еще не отрицаются, он по-прежнему ставит митрополитов на Русь, но ему все чаще и чаще приходится ставить не только русских, но именно тех, кого посылает к нему

для посвящения великий князь, который неохотно и с трудом начинает принимать митрополита, не своего избранника. В этом уже сказалась довольно глубокая перемена в отношениях русских к Греческой Церкви – предшествующее всецелое подчинение Русской Церкви Греческой в церковно-правительственном отношении теперь кажется русским уже стеснительным и несправедливым, хотя верховные права Константинопольского патриарха над Русскою Церковью еще и не отрицаются.

Более коренным и решительным образом отношения русских к Греческой Церкви изменились, когда русские заподозрили чистоту и твердость в Православии своих бывших опекунов и учителей – греков, когда они убедились в их вероисповедных колебаниях, т.е. с половины XV века.

До слуха русских, вероятно, уже не раз кое-что доходило о замыслах греков изменить Православию и соединиться с латинами. Когда Московский митрополит Исидор отправился на Собор во Флоренцию, великий князь счел нужным предостеречь его, чтобы он привез на Русь ее прежнее неизменное Православие, которое она приняла при св. Владимире. Когда Исидор воротился с Собора, то от него и его спутников русские узнают, что греческий император, патриарх и многие иерархи изменили Православию и соединились с латинами, что митрополит Исидор, тоже перешедший на сторону латинян, воротился в Москву с целью привести православную Русь к унии с латинами. А между тем те же самые греки, которые теперь соединились с латинами и к тому же побуждают русских, в течение нескольких столетии постоянно твердили русским, что из всех еретиков самые злейшие – латиняне, что православному даже просто сообщаться с ними, есть из одного блюда не следует, так как всякое общение с ними уже грозит ему заразою, осквернением. Русские безусловно верили своим учителям, вполне усвоив их воззрение на латинян как на самых опасных и злых еретиков. Понятно теперь, какое потрясающее, глубокое впечатление произвело на русских то обстоятельство, что их бывшие учители и руководители в религиозной жизни, греки, открыто изменили Православию, соединившись с

латинами, и не только сами, но и русских хотят привлечь к этому беззаконному союзу со злейшими еретиками, не только сами потеряли Православие, но задумали искоренить его и на Святой Руси. Если этот злой замысел греков относительно Руси не удался, то единственно благодаря великому князю, который мужественно ополчился на защиту русского, не оскверненного Православия и изгнал из православной Руси предателя униата – митрополита Исидора. Принятие греками Флорентийской унии имело решающее значение для всех последующих отношений русских к грекам: русские более уже не верили грекам, всегда подозревали искренность и чистоту их Православия, не хотели более признавать их своими учителями и руководителями, не хотели более зависеть от них и подчиняться им, стали сторониться их, избегать всякого тесного сближения с ними, как могущими своим еретичеством внести смуту и в русскую среду.

Вслед за Флорентийской унией последовало другое событие, глубоко потрясшее и поразившее русских: Константинополь, бывшая столица и центр всего Православия, откуда до самого последнего времени исходила для России высшая церковная власть, на который русские привыкли смотреть с особенным уважением и даже благоговением, окончательно пал от руки безбожных агарян. Подобные потрясающие бедственные события совершаются недаром, они допускаются Божественным Промыслом за какой-нибудь великий народный грех. Русские не затруднились указать на этот великий народный грех, за который Господь попустил овладеть Царьградом безбожным агарянам: Константинополь пал потому, что греки отступили от Православия, за беззаконный союз с латинами греки потеряли свое царство. Так, первый русскими поставленный митрополит Иона в своем окружном послании литовским епископам 1458 года говорит: «И о сем сами весте, сынове, колику прежде беду подья Царьствующий град от болгар, также от персов, яко в мрежах дръжаще его семь лет, но подръжаху донележе, сынове, благочестие, ничтоже град пострадавше; (егда же) своего благочестия отступи, весте, что пострадаше, какова пленения и смерти различныя быша, о душах же их Бог весть един».

Митрополит Филипп в начале 1471 года, увещевая возмутившихся новгородцев, задумавших предаться литовскому королю, оставаться верными великому князю Московскому, писал: «А и то сынове, разумейте: царьствующий град и церкви Божия – Константинополь доколе непоколебимо стоял, не как ли солнце сияло в благочестии? а как, оставя истину, да соединился царь и патриарх Иосиф с латиною, да и подписал папе, злата деля, и безгодне скончал живот свой Иосиф патриарх, не впал ли в рукы Царьград поганым, не в турецких ли руках и ныне?» Инок Филофей говорит, что Константинополь потому пал от руки турок, «понеже они (греки) предаша гречьскую веру в латынство»[2]. Так сложилось у русских убеждение, что Константинополь пал потому, что там вследствие унии с латинами уже перестало сиять прежнее благочестие и что греки потерей своего царства наказаны были за свое вероотступничество.

Ближайшим практическим последствием такого убеждения было то, что русские не только не хотели, как прежде, принимать митрополитов, присылаемых из Константинополя, или посылать туда для посвящения своих выборных, но и внесли в архиерейскую присягу обязательство вообще не принимать на Русь никого поставленного в Константинополе. Русские теперь боялись, как бы их бывшие учители и руководители, греки, не заразили и их своим нечестием; тесный союз с Греческою Церковью, а тем более прежнее подчиненное и зависимое от нее положение представлялось русским уже опасным для чистоты их собственного Православия, которое с этого времени резко было отлично от современного греческого Православия. Но была во всем этом деле и другая важная сторона.

Греческое православное царство пало, его столица перешла в руки врагов веры Христовой, но ведь Константинополь был центром, главою всего православного мира: в нем сосредоточивались и высшее церковное управление, и высшее христианское знание, и вековая опытность в церковной жизни; в Константинополь обращались все православные народы за решением возникавших у них

вопросов и недоумений: из него каждый народ получал все необходимое ему для его духовно-религиозной жизни. С падением Константинополя православный мир лишился своего главы, привычного центра, так как невозможно было думать, что он и при господстве в нем врагов креста Христова удержал свое прежнее значение для православного мира; казалось невозможным, чтобы столица мусульманского властителя осталась по-прежнему и столицею Православия. Хорошо было известно, как господство мусульман заявило себя относительно христианства в Египте, Сирии, Малой Азии – оно или вконец истребило там христианство, или сузило его до минимума. Но и умалив христианство до крайности, оно все-таки заставляет его жить жизнью подневольною, несвободною, во всем стесненною, под вечным страхом за свое конечное истребление. То же самое, конечно, будет и с порабощенным Константинополем. Теперь грекам уже не до господства, не до руководящей роли: вся их забота и все силы будут сосредоточены на охранении от окончательного крушения того, что у них еще осталось. Жизнь спокойная, саморазвивающаяся, жизнь как центра и опоры всего православного мира казалась уже более невозможною для Константинополя, и потому невольно возникал вопрос: разобьется ли православный мир, объединяемый ранее главенством и всецелым преобладанием Константинополя, на отдельные, независимые Церкви, обнимающие каждый определенную народность; или появится у православных новая глава, новый центр, который займет место Константинополя; или, наконец, Константинополь и под властью турок удержит для православного мира то же значение, какое он имел и до своего падения? Русские задали себе эти вопросы и ответили на них.

По мнению русских книжных людей, греки уже через унию с латинами потеряли свое право на первенство и руководящее значение в православном мире; падение Константинополя окончательно и очевидным для всех образом подтвердило этот приговор над греками; место греков в православном мире должен был, очевидно, занять другой народ. Но все православные народы вместе с греками были покорены

турками, исключая одних русских, которые в это именно время успели окончательно сбросить с себя вековое татарское иго. Итак, в это время, когда все православные царства пали под ударами безбожных агарян, турок, осталось только одно православное царство непокоренным и самостоятельным – это царство Русское, единое теперь православное в целом мире, которому суждено все более шириться и процветать. Оно, очевидно, по мысли самого Божественного Промысла, и должно было сделаться теперь наследником павшего греческого царства, принять на себя отнятую от греков роль хранителя и поборника Православия; Москва – это Третий Рим, призванный занять место Нового Рима – Константинополя. Она на это имеет все неотъемлемые права, и как столица сильного, все более развивающегося государства, и как столица государства строго православного, в котором Православие с самого начала сохранялось всегда во всей его чистоте и неприкосновенности, которого даже не коснулась и последняя роковая попытка греков соединиться с латинами. Симеон Суздальский, присутствовавший на Флорентийском Соборе, в описании своего путешествия во Флоренцию помещает следующий характерный рассказ: Собор уже весь собрался, но еще не прибыл Московский митрополит Исидор, почему греческий император просил папу подождать с открытием Собора до приезда Исидора и, в пояснение своей просьбы, будто бы говорил папе: «Яко восточнии земли суть Рустии и большее есть Православие и высшее христианство белыя Русии, и брат мой, Василий Васильевич ему же восточные цари прислухают, и великие князи со землями служат ему. Но смирения ради, благочестия, величества разума и благоверия, не зовется царем, но князем великим русским, своих земель Православия»[3]. В 1464 году митрополит Феодосии в окружной грамоте новгородцам и псковичам о милостыне Святому Гробу пишет: «Патриарх Иерусалимский, слышав истинную нашу святую веру непорушную, юже от богопросвещенного Владимера в русских землях от многих лет просиявшу и в Божией воли исполнену и благочестием цветущу, якоже и свет солнечьный, и тако уповая от сих на благое» и пр. Русский

книжник свой рассказ о падении Константинополя заканчивает следующими словами: «Сия убо вся благочестивая царствия: греческое и сербское, басанское и арбаназское грех ради наших Божиим попущением безбожнии турци попленища, в запустение положиша и покориша под свою власть. Наша же российская, Божиею милостию пречистые Богородицы и всех св. Чудотворец, растет и молодеет и возвышается. Еже Христе милостивый даж роста и младети и разширятися и до скончания века»[4]. Но самое яркое и определенное выражение этот взгляд на особое призвание Москвы нашел себе в известных посланиях старца Филофея (конца XV – начала XVI века). В своем послании к великому князю старец Филофей говорит: «Иже от вышняя и от всемощные, вся содержащая десница Божия, им же царие царствуют и им же велиции величаются и силнии пишут правду, – тебе пресветлейшему и высокостольнейшему государю и великому князю православному христианскому царю и владыце всех, браздодержателю святых Божиих престол Святые Вселенские и Апостольские Церкви Пресвятая Богородицы честнаго и славнаго ея успения, иже вместо римския и константинопольский просиявшу. Стараго убо Рима церкви падеся неверием аполлинариевы ереси; втораго же Рима Константинова града церкви агаряне внуцы секирами и оскордами разсекоша двери. Сия же ныне третияго новаго Рима державнаго твоего царствия, Святая Соборная Апостольская Церкви, иже в концых вселенныя в православной христианстей вере, во всей поднебесней паче солнца светится. И да весть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православные христианския веры снидошася в твое едино царство, един ты во всей поднебесней Христианом царь... Не преступай, царю, заповеди, еже положиша твои прадеды великий Константин и блаженный Владимер и великий богоизбранный Ярослав и прочий блаженнии святии, их же корень и до тебе... Блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская царства снидошася в твое едино, яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти: уже твое

христианское царство инем не останется, по великому Богослову»[5].

Так после падения Константинополя возник и окончательно сложился у русских книжников взгляд на Русь как на представительницу и хранительницу истинного, неповрежденного Православия, которое в ней «во все концы вселенные паче солнца светится»; на Москву как на наследницу павшей Византии и других православных царств, как на новый «Третий Рим»; на Московского великого князя как на прямого потомка и законного наследника бывших греческих императоров. Эти представления, так льстившие национальному чувству и гордости русских, с течением времени все шире и глубже проникали в общественное сознание и нашли себе выражение в литературной, заведомо тенденциозной обработке некоторых сказаний, имевших в виду оправдать и еще более укрепить возникшие притязания русских на первенство в православном мире. К числу таких сказаний принадлежит рассказ о пребывании на Руси апостола Андрея, сказание о белом клобуке, о Тихвинской иконе Божией Матери, о Мономаховых регалиях. Естественное у каждого народа стремление связать начало своего христианства с проповедью апостолов уже ранее побудило русских создать у себя сказание о пребывании на Руси апостола Андрея. После падения Константинополя русские придали этому сказанию новое значение в видах отстранить от себя опекунские притязания греков, опиравшихся на то обстоятельство, что русские от греков приняли христианство. Ссылаясь на это сказание, русские стали уверять себя и других, что начало христианства на Руси так же древне, как и у греков, что не грекам, а апостолу Андрею они обязаны своим просвещением христианством, которое со времен апостольских и сохраняется у них во всем ненарушимо. В этом именно смысле русские и начали теперь пользоваться сказанием об апостоле Андрее. Когда Поссевин, желая расположить Грозного к унии, указал ему на греков, которые на Флорентийском Соборе соединились с латинами, то царь на это сказал ему: «Греки для нас не Евангелие, мы верим не в греков, а в Христа; мы получили христианскую веру при

начале христианской Церкви, когда Андрей, брат апостола Петра, пришел в эти страны, чтобы пройти в Рим; таким образом, мы на Москве приняли христианскую веру в то же самое время, как вы в Италии, и с тех пор досели мы соблюдали ее ненарушимою»[6]. Впоследствии старец Арсений Суханов в своем знаменитом прении с греками о вере подобно Грозному указывал грекам на апостола Андрея как просветителя Руси и на основании этого сказания старался приписать русским церковно-обрядовым особенностям, в которых греки видели русские новшества, апостольское происхождение[7]. Другие сказания, сложившиеся в это время или в это время только тенденциозно переработанные уже из существовавшего материала, имели в виду показать, что после падения Константинополя на Русь перешли из Византии символы высшего церковно-иерархического величия, символы царского достоинства и что даже самые знаменитые святыни с Востока стали переходить в православную Русь. Выражением первой мысли, что церковно-иерархическое величие перешло с Востока на Русь, служит сказание «о белом клобуке», который будто бы самим Константином Великим вручен был папе Сильвестру, но потом вследствие нечестия пап по особому откровению отослан был в Константинополь, откуда опять по особому откровению, ввиду приближавшегося падения Царьграда, отослан был на Русь. Тенденция сказания «о белом клобуке» ясно выражена в следующих словах папы Сильвестра, явившегося в откровении Константинопольскому патриарху: «Якоже бо от Рима благодать, слава и честь отнята бысть, такоже и от царствующего града благодать Духа Святаго отымется в пленение агарянского, и вся святая предана будет от Бога велицей рустей земли». Сказание о Мономаховых регалиях, по которому греческий император Константин Мономах послал на Русь князю Владимиру (тоже Мономаху) свои царские регалии, которыми он и был венчан эфесским митрополитом, имело в виду показать, что и царское достоинство из Византии перешло на Русь, что московские великие князья – прямые наследники достоинства греческих императоров[8]. Сказание о Тихвинской иконе Божией Матери,

чудесно перешедшей на Русь из Константинополя, ввиду его приближавшегося падения, имело целью показать, что и святыня с Востока стремится перейти на Русь, где только теперь она и может найти для себя достойное и безопасное убежище[9].

Новое чрезвычайное положение в православном мире, после падения Константинополя занятое русскими, естественно налагало на них и новые особенные обязанности, которые должны были определить характер и задачи их внутренней жизни, характер их отношений ко всем другим народам и, в частности, к православному Востоку. Поэтому для нас крайне важно знать, как русские поняли свои обязанности, вытекавшие из их нового первенствующего положения в православном мире.

Вековое первенствующее положение греков в православном мире опиралось не только на том, что они были просветителями христианством других народов, но и, главным образом, на их всецелом культурном превосходстве. Константинополь был для всех православных народностей не только религиозным и церковно-административным центром, но и представителем высших государственных форм, центром высшей тогда научной и умственной жизни, как наследник греко-римского классического образования, как хранитель и продолжатель последующего христианско-богословского образования и всех христианских церковных знаний. Именно на этом культурном превосходстве греков и основывалось их преобладание, их первенствующее, руководящее положение относительно всех других православных народов. Понятно отсюда, что для народа, заявившего притязание на первенствующее положение в православном мире, задумавшего занять в нем место греков, необходимо было в этом случае опереться если не на большее, то уж во всяком случае не меньшее, чем у греков, духовное свое развитие, иначе эти притязания будут и очень странны, и, главное, не достигнут своей цели. Но слишком хорошо известно, на каком уровне стояло тогда духовное развитие русских: они не только не имели у себя правильно устроенной школы и не знали, что

такое научное развитие и образование, но и не сознавали нужды и потребности в науке. Их идеал в этом отношении не шел далее бойкого чтения церковных книг, начетчество было самое высшее, до чего мог достигнуть тогдашний пытливый русский человек, да и начетчество было явлением уже не особенно частым, даже в среде пастырей Церкви преобладала простая полуграмотность, иногда затруднявшаяся брести и по Псалтыри. Очевидно отсюда, что о главенстве и первенстве русских в православном мире в смысле их высшего духовного развития сравнительно с другими православными народами, в смысле их культурного преобладания над последними не может быть и речи; очевидно, не в этом русские полагали свое превосходство, очевидно, на иных основаниях они строили свои притязания на первенство и главенство в ряду других православных народов.

Старый Рим пал «неверием аполлинариевы ереси», «греческое царство раззорися и не созиждется, понеже они (греки) предаша православную греческую веру в латинство», «тамо бо вера православная испроказися Махметовою прелестью от безбожных турок», «а по иным всем странам правая вера с ересьми смесишася»; только в русской земле «большее есть Православие и высшее христианство», только здесь твердо хранят «истинную святую нашу веру ненарушимою», только одна русская держава цветет теперь «совершенным благочестием как цвет солнечный». Вот на чем, собственно, основывается превосходство русских перед всеми другими народами, вот что дает им несомненное право на первенство и главенство в православном мире, – только у одних русских сохранилась теперь правая, ни в чем не изменная вера, из всех народов только у них одних процветает истинное, совершенное благочестие. Пусть грек или кто-либо другой будет образованнее, развитее русского, пусть преимущества образования и развития будут на его стороне, но зато русский твердо и право верит, хранит у себя истинное благочестие, чего нельзя сказать и об образованном греке. Раз уверившись, что только у них одних сохранилась теперь правая вера, а что у других народов она замутилась и даже «с ересьми

смесишася», русские без всякой дальнейшей проверки справедливости этого убеждения построили на основании его свои обязанности, определили те задачи и цели, которые они должны преследовать в своей жизни и деятельности. Если православная вера в ее чистом, неизменном виде сохранилась только у одних русских, то самая первая, самая заветная и священная их обязанность состоит, очевидно, в том, чтобы всячески сохранить наследованную от предков веру во всей ее чистоте, не допускать ни в чем перемен, которые бы могли повести к пременению самой веры. Тот же инок Филофей, который внушал великому князю, что правая вера осталась теперь только на одной Руси и что все прежде бывшие православные царства «снидошася в твое едино царство», считает нужным высказать и те обязанности, какие теперь лежат на нем. «Не преступай, царю, – говорит он, – заповеди, еже положиша твои прадеды великий Константин и блаженный Владимер и великий богоизбранный Ярослав и прочий блаженнии святии, их же корень и до тебе… Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти: уже твое христианское царство инем не останется». Но если «четвертому Риму не быть», если русское христианское царство иным не останется, то отсюда уже само собою следует: утеряют или исказят русские вверенное их хранению чистое Православие, то оно утратится тогда в целом мире, и вся страшная ответственность за его гибель падет исключительно на одних русских, от которых только и могут последующие поколения наследовать истинное Православие и благочестие. Понятно теперь, как важна и как страшно ответственна эта новая обязанность русских: хранить православную веру во всей ее чистоте и неприкосновенности, ничего не изменять и ней, ничего не утерять из нее. В этом случае для русских ничего не должно быть неважного, малозначащего, все для них важно, все для них имеет значение, что только касается области их верований. Они не должны допускать ни малейших перемен «не точию в вере, но ни в малейшей частице канонов и песней, что ни у какого слова, ни у какой речи не убавить, не прибавить ни единого слова не должно». Их должен всегда охватывать великий страх и дрожь

при виде перемены одной буквы в их священных книгах, наследованных от предков, страх, конечно, не за самую букву, которая сама по себе ничего не значит, но за ту перемену смысла в книгах, которая может последовать за изменением буквы. Поэтому загладить что-либо в богослужебных книгах нашим предкам казалось «загладить великий догмат премудрый». «Дрожь великая и ужас напал на меня», – говорил писец Медоварцев, когда Максим Грек велел ему загладить несколько строк. «Единым азбучным словом говорили наши предки вносится ересь», почему они и проповедовали, «что православным должно умирать за едину букву аз». Так строго русские поняли лежащую теперь на них обязанность неизменно хранить у себя православную веру; из такого понимания указанной обязанности и возникла с конца XVI века та всем известная боязнь русских перед всякими, по-видимому даже самыми незначительными, переменами в наших богослужебных книгах, их преклонение перед всякою обрядовою мелочью, упрямое нежелание каких бы то ни было перемен в их церковно-богослужебной практике. Указанная обязанность не допускать никаких перемен и утерь в наследованном от предков не есть только религиозная обязанность, но вместе и гражданская, гражданский долг каждого русского. Ветхий Рим пал именно за утерю правой веры, Новый Рим точно так же за утерю истинного благочестия, за союз с латинами. Понятно, что и Третий Рим – Москва несомненно падет и все Московское царство окончательно разрушится, если русские не уберегут от искажений и утерь преданное им на сохранение Православие; только последствия их небрежения будут в этом случае более ужасны и гибельны. У Ветхого Рима был наследник в Православии Второй Рим – Константинополь; преемником Нового Рима в благочестии сделалась Москва, которая уже не будет иметь по себе наследников, так как четвертому Риму не быть, значит, если погибнет Москва, то Православие погибнет тогда в целом мире, и русские будут одни виноваты в этой гибели. Понятна отсюда та «дрожь великая», которая забирала русского при виде всякой попытки что-либо изменить или переделать в его священных книгах; понятно, почему у русских

явилось убеждение, «что православным нужно умирать за едину букву аз», – неминуемая гибель русского царства, а вместе гибель и всего Православия постоянно виделась им во всякой перемене, во всяком изменении наследованного от предков. И чем сильнее эта мысль овладевала умами русских, тем строже и бдительнее они становились к охране того сокровища, которое служило залогом и их вечного спасения и залогом крепости, силы и процветания их царства; тем все с большею подозрительностью они стали относиться ко всякой попытке что-либо изменить из своей старины, упрямо не хотели допускать у себя никаких нововведений, особенно исходивших из сторонних, не русских влияний и производимых не русскими людьми, а пришельцами.

Таким образом, источник боязни русских перед всякими переменами и исправлениями в их богослужебных книгах заключался не в невежестве их, как некоторые думают, а в сложившемся у них после падения Константинополя убеждении, что они сделались единственными хранителями Православия и что историческая задача русского народа состоит в том, чтобы неизменно и во всей полноте сохранить у себя правую веру, которая или вполне, или отчасти уже утрачена всеми другими народами. Этим объясняется и то обстоятельство, почему указанное направление проявилось не ранее конца XV века, а развилось вполне только в XVI и в начале XVII века.

Но если русское невежество не было источником указанного явления, зато оно очень сильно влияло на самый характер его проявления, сообщив ему узкообрядовое и формальное направление. Если бы русские были научно образованны и развиты и в силу этого обстоятельства обладали высшим кругом христианских знаний, то они сумели бы понять и отличить вероучение от обряда, существенное и главное в самом обряде от несущественного и неважного или безразличного для веры и благочестия, сумели бы понять, что «истинное и совершенное благочестие» выражается в степени теоретического усвоения христианских истин и в степени осуществления их в жизни и деятельности; что изменение того или другого церковного обряда не есть изменение самой веры. Но русские, которым

недоступны были наука и образование, а вместе с этим и возможность теоретического усвоения системы христианского вероучения вне обряда, по необходимости сосредоточили свое внимание на внешней, обрядовой стороне христианства, которая, как наглядное выражение отвлеченных истин, была ближе и понятнее для простого, необразованного народа, малоспособного к отвлеченному мышлению. Обряд, таким образом, естественно выступал на первый план в христианской жизни русских: не от вероучения переходили они к обряду, как бы следовало, а совершенно наоборот – они начинали прежде всего с обряда и уже через обряд и при его посредстве переходили к усвоению и пониманию самого учения, так что русских воспитывал и учил христианству прежде всего обряд, вне которого они не могли ни представить, ни мыслить христианства. На самый обряд и его значение, по историческим обстоятельствам своей жизни, русские должны были смотреть значительно иначе, чем, например, греки. Греческая Церковь, отправляясь от учения Христа и апостолов, в течение своей исторической жизни выработала у себя на основании этого учения целую систему обрядов, которыми она выразила внешним образом содержимое ею учение и свое понимание его за различное время. Понятно, что она, как создавшая православный обряд, знала хорошо его происхождение, его отношение к вероучению, его истинное значение в христианской жизни. К русским обряд перешел уже готовый, в существенных чертах вполне сформировавшийся и законченный; процесс его исторического происхождения и постепенной выработки остался для них совершенно неизвестным, почему они приписали ему одинаковое происхождение и значение с самым вероучением. Ввиду указанных обстоятельств для русских обряд был то же, что и самое вероучение, он так же важен, свят, спасителен и неизменен, как и вероучение. Изменить обряд, по их мнению, значило то же, что изменить вероучение; иной обряд указывал и на иное учение, разность в обряде указывала на разность в учении, а не на иную только внешнюю форму его выражения, так что русский не учением проверял обряд, но обрядом учение; всякий держащийся иного обряда был в его представлении и

иноверующим, ибо правый обряд повсюду един, как едино повсюду правое вероучение. Понятно теперь, как русские должны были понять выпавшую на их долю после падения Константинополя задачу: хранить неизменно, без всяких перемен, правую веру, ничего не изменять в ней, ничего не утерять из нее. Хранить правую веру значило для них вместе с вероучением хранить и тот обряд, который они считали правым; не допускать никаких перемен и изменений в вере значило не допускать никаких перемен и изменений не только в вере, но и в обряде. А так как система христианского вероучения вне обряда была им малодоступна, то вся их забота – сохранить у себя в чистом, неизменном виде Православие – сосредоточилась главным образом на сохранении в неизменном виде известного обряда, т.е. приняла всем хорошо известное чисто внешнее и узкообрядовое направление, которое, потом развиваясь, из-за обряда и обрядовых мелочей окончательно упустило из внимания самую сущность Православия и породило в Русской Церкви раскол.

Сложившееся у русских после Флорентийской унии и падения Константинополя убеждение, что они заняли в православном мире место греков, так как только у них одних удержалась теперь правая вера, которую они призваны хранить и в неизменном виде передавать последующим поколениям, естественно, должно было внушить им мысль оглянуться назад на свое церковное прошлое, чтобы видеть тот доставшийся им от предков капитал, который им следует всячески хранить и приумножать, чтобы твердо знать и прочно установить, что именно нужно считать православным и что нет, чего следует держаться и чего избегать. Все ранее нажитое теперь тщательно собирается и приводится в известность, причем оказывается, что Русь жила недаром: у нее явилась не только политическая, но и своя собственная церковная история, свои религиозно-церковные традиции, обычаи, своя собственная обильная и славная святыня, целый сонм великих угодников Божиих, богатая и вполне достаточная для благочестивой жизни литература. Вместе с прошлым и вся современная жизнь подвергается тщательному пересмотру и проверке (на

Стоглавом Соборе) с прямой целью возвести ее на ту высоту, какая теперь необходима для Руси как представительницы чистого Православия и высшего благочестия. Результаты обзора и приведения в известность всего прошлого, нажитого ранее, а также и современного состояния Церкви оказались в общем не просто только удовлетворительными, но и вполне блестящими. Русская Церковь явилась перед русским сознанием богатою своим вековым наследством, всегда твердою и неизменною в преданности и сохранении Православия, несмотря на некоторые частные недостатки, цветущею и богатою в своем современном состоянии и потому имеющею полное и законное право стать хранительницей и убежищем гонимого, колеблющегося на Востоке Православия, его опорою и представительницею. И другое очень важное заключение сделали русские из ознакомления с прошлым и современным состоянием своей Церкви: если несостоятельность греческого благочестия доказана была исторически – уклонением греков в унию с латинами и последовавшею за тем гибелью их царства от руки неверных, то относительно русского благочестия как раз оказалось противное: оно выдержало вековую историческую пробу, его чистота и истинность вполне доказаны исторически. Отсюда уже само собою следовало, что русские не только должны тщательно беречь все, что они наследовали от предков, не допускать ни в чем ни малейшей перемены, крепко держаться за всякую мелочь в их обрядах, за всякую букву в их писании, но и считать все русское нормою для определения того, что православно и что нет, что истинно, благочестиво и что нет. Если русские так крестятся, так читают свои книги, содержат такие, а не иные чины и обряды, то, следовательно, так должен делать, того должен держаться и всякий, кто только хочет быть истинно-православным христианином, для кого дорого истинное благочестие. Непрерывный ряд великих угодников Русской Церкви своею святостью и прославлением от Бога доказал, что так именно следует креститься, читать, петь, держаться таких, а не иных церковных обрядов и чинов. Лучшей, более надежной и убедительной проверки достоинства и истинности русского благочестия не может быть, а потому

истинному благочестию теперь следует учиться уже не у греков, как это было прежде, а у русских.

Так сложился у русских взгляд на себя как на особый, избранный Богом народ. Это был своего рода новый Израиль, только в среде которого еще сохранилась правая вера и истинное благочестие, утерянные или искаженные всеми другими народами[10]. Этот новый Израиль должен был тщательно хранить вверенное ему сокровище, в этом заключалась его главная историческая задача, залог всех его успехов и процветания: утеря вверенного ему на хранение сокровища означала бы гибель истинного благочестия во всей вселенной, водворение на земле царства антихриста, а для самого Израиля – неминуемое конечное падение его царства.

С той же самой точки зрения, с которой русские определили свое положение и призвание в ряду других народов, задачи и конечные цели своей исторической жизни, те принципы и начала, по которым должна быть построена и направляема вся русская жизнь, они определили и свои отношения ко всем другим народам. Понятно, какого рода эти отношения должны быть к иноверным народам. Как древний Израиль постоянно впадал в опасности и многоразличные бедствия от сближения с другими неведающими Бога истинного народами, а, наоборот, процветал, когда замыкался в самом себе, был верен во всем своему отечественному и не допускал у себя никаких иноземных влияний, чуждых обычаев и т.п., так и новый Израиль – русские должны были далеко и опасливо держать себя относительно всех других иноверных народов, по возможности не допускать их в свою среду, не учиться у них; ничего не перенимать от них, не подражать их греховным обычаям, одежде и т.п., но твердо держаться во всем своего отечественного. Всякий иноверец в глазах русских должен был быть еретиком, нечестивцем, через близкое общение с которым русский подвергался опасности осквернить, «испроказить» свое чистое, ничем не оскверненное благочестие. Разобщение со всем иноверным должно было быть для него обязательным законом; на всякое допущение к себе иноверцев и иноверного ему следовало смотреть как на угрозу русскому Православию[11], тем более что все иноверное не

столько способно принести русским действительную, существенную пользу, сколько вред, так как всякий успех в этой жизни зависит исключительно только от истинного благочестия, которым обладают одни русские. Характер отношений русских ко всем иноверным народам был вполне ясен и определен, никаких сомнений и недоумений тут не могло быть. Иное было относительно православных восточных народностей, покоренных турками, особенно относительно недавних учителей и руководителей русских – греков. После Флорентийской унии и падения Константинополя русские заподозрили греков в утере правой веры и истинного благочестия и сначала как будто даже не прочь были отнести их к числу неправославных народов. Но скоро пришлось убедиться, что Флорентийская уния была делом только политического расчета, делом немногих, а не всего народа и что она не только не была принята греками, но и встретила у них самое горячее энергическое сопротивление. Скоро русским пришлось убедиться и в том, что турецкое завоевание не искоренило на Востоке Православия, что оно там хотя и терпит некоторое стеснение от турок, однако по-прежнему исповедуется как греками, так и другими народностями, которых поэтому и пришлось отнести к семье православных народов, исповедующих с русскими одну веру. Но, признав греков православными, русские в то же время уже не хотели признать их равными себе по благочестию, смотрели на них как на народ подозрительный, шаткий и нетвердый в делах веры и благочестия, почему и разделили православный мир на две половины: первая половина, удержавшая Православие во всей его первоначальной полноте и чистоте, без всяких утерь, прибавок и перемен, заключила в себе русских – православных по преимуществу; вторую половину составляли греки и другие покоренные турками православные народности. У последних «вера православная испроказися Махметовою прелестью от безбожных турок», вследствие чего она стала у них во многом ниже и несовершеннее во всем совершенной веры русской, почему и требовала со стороны русских не только покровительства, как угнетаемая, но и некоторого исправления в том, что в ней было «пестро»[12].

Таким образом, власть великого князя Московского, доросшая до значения всероссийской, и главным образом Флорентийская уния и падение Константинополя послужили исходным пунктом, с которого началась новая русская жизнь, под влиянием указанных событий установившая определенный взгляд на свое и чужое прошлое, на свое и чужое настоящее положение, на свое будущее признание, на свои отношения к иноверным и единоверным народам. Выработка этих взглядов всецело принадлежала русским грамотеям, книжникам, которые руководились в этом случае сильным национальным самомнением, желанием назначить Москве самую видную и блестящую роль в среде всех других христианских народов, хотя они и понимали эту роль с точки зрения узкого, одностороннего тогдашнего московского благочестия. Но эти взгляды не остались, однако, только измышлением и фантазиями досужих книжников, а перешли от них в массу, глубоко и прочно запали в душу русских, были усвоены самим правительством, настойчиво и постоянно заявляя себя во все продолжение XVI – XVII столетий, и даже не вполне вымерли и в настоящее время. Как к этому созданию московских книжников конца XV – начала XVI столетия отнеслась последующая историческая жизнь народа, слагавшаяся не по данной ей наперед мерке, что из их представлений она потом оправдала как справедливое, что видоизменила по требованию новых, последующею жизнью порожденных обстоятельств и что она совсем отвергла как заведомо ложное и непригодное для действительной жизни – это нам покажет фактический обзор тех отношений, какие установились между Русью и православным Востоком в XVI и XVII столетиях.

Новые отношения русских к православному Востоку, начавшиеся со времени падения Константинополя, определялись представлениями русских о Москве как Третьем Риме, о московском царе как покровителе и опоре всего Православия, о московском благочестии как высшем и совершеннейшем в целом мире. С точки зрения этих представлений русские старались построить все свои отношения к православному Востоку, и потому наше

исследование само собою распадается на три отдела: отдел первый – Москва есть Третий Рим; отдел второй – московский царь есть опора и покровитель всего Вселенского Православия; отдел третий – русское благочестие есть высшее и совершеннейшее в целом мире. Яснейшее содержание каждого отдела будет указано в самом исследовании, которое разделено на главы, имеющие каждая свое особое заглавие[13].

Отдел I. Москва – Третий Рим

После падения Константинополя роль мирового, державного города должна была, по убеждению русских, перейти к Москве как наследнице павшей Византии, как предназначенной сделаться Третьим Римом. Все, что ранее придавало Константинополю значение столицы православного мира, теперь следовало перенести в Москву; это было: достоинство императора как главы православного государства, как представителя, поборника и защитника Вселенского Православия; достоинство патриарха как главы и представителя Вселенской Церкви; и, наконец, особенно ценная и чтимая всеми православными святыня, которая придает столице особый характер – православный по преимуществу.

Глава 1. Соборное утверждение царского венчания Ивана Васильевича Грозного Константинопольским патриархом

(Побуждения, заставившие Ивана Васильевича обратиться к Константинопольскому патриарху за утверждением его царского венчания. Православный Восток признает русского царя преемником и наследником византийских императоров. Важность этого признания для последующих отношений России к православному Востоку)

Уже к концу XVI века власть великого князя Московского над Северо-Восточною Русью была всеми признана, прямо и открыто никем более не оспаривалась. Потомки прежних удельных князей сделались служилыми людьми при дворе великого князя, Русское царство стало иначе называться – Московским царством. Внешним, наглядным выражением завершения, окончательного объединения Северо-Восточной Руси Москвою и признания всеми единодержавия Московского великого князя было принятие Иваном Васильевичем Грозным царского титула. Но царское венчание Грозного, совершенное митрополитом Макарием, имело, так сказать, только домашнее, чисто внутреннее значение и вовсе еще не определяло международного значения московского царя – он стал царем только у себя дома и для своих только подданных. Между тем новый русский царь хотел быть царем не только московским, имеющим одно местное значение, какое ранее имели в православном мире греческие императоры, он хотел, чтобы весь православный Восток признал его прямым преемником и наследником византийских императоров, подобно им представителем, опорою и сберегателем всего Вселенского Православия. Но для этого венчания царя Московским митрополитом уже было недостаточно, необходимо требовалось обратиться к православному Востоку, чтобы он признал и своим признанием освятил и утвердил право московского царя как наследника и преемника византийских императоров, чтобы он признал в нем нового главу и поборника всего Вселенского

Православия. Так как Константинопольский патриарх со своим Собором был единственным представителем порабощенной греческой нации и, как глава Вселенской Церкви, единственным лицом, правоспособным распорядиться оставшимся наследством, то к нему и обращается Грозный за утверждением своего царского венчания, за признанием себя наследником греческих императоров. Он посылает в Константинополь суздальского архимандрита Феодорита с милостынею и грамотою к патриарху, в которой просит его прислать ему грамоту, соборно утверждающую его царское венчание. При этом царь счел нужным послать патриарху помянник всех князей своего рода с целью показать патриарху свое несомненное царское происхождение и вместе заявить, что в числе его предков находится немало и святых, которых он помечает особо с надписанием «поминать сих на молебнах, якоже и благо-угодивших святых; стихиры им и каноны и жития изложены и поминаются со святыми». Как сильно Грозный дорожил признанием своего царского венчания со стороны Константинопольского патриарха, это видно из инструкции Феодориту. В ней было сказано, что если патриарх захочет послать с ним благословенную грамоту о царском венчании от себя лишь только одного, то Феодориту следует напомнить патриарху, чтобы он послал не только от себя, но и от всего Константинопольского Собора, и если он таковую пошлет, то Феодориту немедленно ехать с нею к царю, не заезжая в Святую Гору, даже и в том случае, если бы грамота была написана только от одного патриарха.

Если же он пошлет с ним только обыкновенную грамоту, «без благословения на царство», то Феодориту можно будет побывать на Афонской Горе и в Иерусалиме. Ясно, что благословенная патриаршая грамота на царское венчание имела в глазах Грозного особое, чрезвычайное значение. В ней он видел признание себя царем, наследником византийских императоров, со стороны всего православного Востока, и только после получения утвердительной грамоты от патриарха и всего Константинопольского Собора считал себя вправе назваться единым православным царем во всей вселенной, признанным

всем Востоком за представителя и поборника всего Вселенского Православия.

Домогательство московского царя на признание себя потомком и преемником византийских императоров, наследником их царского достоинства не встретило, да и не могло встретить каких-либо серьезных препятствий со стороны Константинопольского патриарха и Собора. Если ранее притязания болгарских и сербских государей на титул греческих императоров встречались греками крайне враждебно, то это было в то время, когда Византия имела своих собственных императоров и в притязаниях славянских государей видела стремление уничтожить тогдашнее греческое царство и заменить его новым, болгарским или сербским. Совсем другое было относительно домогательств Грозного. Он заявил притязание на царское достоинство в то время, когда Византийская империя уже пала, когда греческих императоров более не существовало, их место оставалось праздным, и потому московский государь мог свободно его занять, тем более что он имел на него, как внук Софьи Палеолог, и некоторое наследственное право. С другой стороны, Константинопольский патриарх имел прямой интерес признать московского царя преемником и наследником византийских императоров. Этим признанием не только восстановлялось важное для всех православных, но уже совсем было потерянное для них достоинство православного царя, но и приобретался для всей Православной Церкви новый сильный покровитель и защитник, в котором она так нуждалась ввиду своего бедственного положения. Московский государь вместе с достоинством царя должен был принять на себя относительно всей Восточной Церкви и те обязанности, которые ранее лежали на византийских императорах. В частности, для себя и для своей кафедры патриарх мог рассчитывать на значительные выгоды от признания московского государя преемником и наследником достоинства византийских императоров, так как Грозный свое ходатайство подкреплял богатою милостынею, присылка которой имелась в виду и на будущее время. В сентябре 1562 года прибыл в Москву митрополит Евгрипский с

благословенною патриаршею грамотою. В ней патриарх совместно с Собором признает Ивана Васильевича потомком приснопамятной царевны Анны, сестры Василия Багрянородного, царем законным и утверждает «реченному царю, господину Иоанну, быть и называться ему царем законным и благочестивейшим, увенчанным и от нас правильно, вместе и церковно, так как он от рода происходит и от крови царской, как мы уже сказали, и сие полезно всему христианству, повсюду законно и справедливо для утверждения и пользы всей полноты христианства». Затем патриарх указывает на великую важность для московского государя того обстоятельства, что его царское венчание признано и утверждено самим Константинопольским патриархом, «ибо не только митрополит, – говорит соборная грамота, – или кто иной во власти сущий не имеет права сего совершить, но ни даже патриарх иной, кроме только двух, коим присвоено сие преимущество», т.е. Римского и Константинопольского. Согласно с этим заявлением в другой, уже частной, грамоте к царю патриарх прямо предлагает ему снова повторить над ним царское венчание через митрополита Евгрипского, как патриаршего экзарха. «Если будет, – говорит грамота, – повеление царствия твоего, благословением и советом там обретающегося преосвященного господина Макария, митрополита, да сделает и совершит Божественное Таинство и благословит государя тебя, царя, как бы от лица нашего, имеющий от нас (т.е. митрополит Евгрипский)власть творить всякое начало священства невозбранно, как экзарх патриарший истинный и соборный». Но это слишком ясно выраженное стремление Константинопольского патриарха иметь для московских государей то же значение, какое имел папа для государей западных, т.е. желание только себе одному усвоить право венчать на царство московских государей, по понятным причинам никак не могло увенчаться успехом. На этот счет у русских были свои особенные воззрения: для них важно и нужно было только формальное письменное утверждение патриархом и Собором законности царского венчания московского государя как преемника и наследника византийских императоров. Что же

касается совершения самого обряда царского венчания, то, по мнению русских, Московский митрополит был в этом случае даже гораздо приличнее самого Константинопольского патриарха, был более его правоспособен сообщить царю благодать Святого Духа, так как между Константинопольскими патриархами не раз бывали лица сомнительного благочестия и даже открытые приверженцы латинян. Поэтому предложение патриарха вновь повторить над царем, через посланного им митрополита Евгрипского, царское венчание не только не было принято в Москве, но царь даже отказался принять от присланного митрополита и простое благословение, потому что митрополит, проезжая Литвою, прикладывался будто бы к латинскому кресту, о чем было донесено царю. Признание Константинопольским патриархом и Собором законности царского венчания Ивана Васильевича как законного преемника и наследника византийских императоров имело в высшей степени важное значение для всех последующих отношений России к православному Востоку. С этого времени все народы православного Востока стали смотреть на московского царя как на главу и представителя всего Православия, как на их единственную и естественную опору и защиту; на нем опочили теперь чаяния покоренных турками народностей о возвращении себе прежней свободы и независимости. Этот взгляд на московского царя и его значение в православном мире выражается в целом ряде непрестанных заявлений, идущих из разных мест, от разных лиц и народностей всего православного Востока. Так, Константинопольский патриарх, утверждая царское венчание Грозного, в то же время в особой, подписанной всеми членами Константинопольского Собора грамоте извещал царя, что он повелел во всех церквах молиться о здравии государя, и называет его царем и государем православных христиан всей вселенной от Востока до Запада и до океана, надеждою и упованием всех родов христианских, которых он избавит от варварской тяготы и горькой работы, как имеющий пространное достояние и сильный благоприятный скипетр. «Не только в одной Константинопольской Церкви, – пишет патриарх, – но по всем церквам митрополичьим будем

молить Бога о имени твоем, да будешь и ты между царями как равноапостольный и приснославный Константин». В 1644 году патриарх Парфений писал: «Поистине сильно имя Божие, что во стольких печалях и тесноте, какие имеем от нечестивых, Бог дал великое утешение и охранение – державное ваше святое царствие в похвалу и утверждение и помощь всем православным христианам». Бывший Константинопольский патриарх Афанасий Пателар, уезжая из Москвы, писал государю: «Твоя царская премногая милость как солнце сияет во всю вселенную, не только надо мною одним богомольцем твоим; ныне ты государь и царь учинился православным христианам и убежище... Мы, бедные, Божиим изволением за свое согрешение лишились государей греческих держателей и живем ныне под областью неверных; только мы имеем столб твердый и утверждение веры и помощника в бедах тебя, великого государя, и прибежище нам и освобождение»[14]. Тот же взгляд на московского государя как на царя, защитника и покровителя всех православных выражали и представители других патриарших кафедр. Так, Александрийский патриарх Мелетий Пигас пишет царю Феодору Ивановичу: «Восточная Церковь и четыре патриархата православные не имеют другого покровителя, кроме твоей царственности, ты для них как бы второй Великий Константин. Да будет твое царское величество общим попечителем, покровителем и заступником Церкви Христовой и уставов богоносных отцов»[15]. Иерусалимский патриарх Софроний писал Годунову: «Кроме Бога иного помощника не имеем и заступника и покровителя во днях сих, и на тебя возлагаем все наше упование и надежду, и к тебе прибегаем»[16]. В 1698 году Иерусалимский патриарх Досифей писал: «В нынешнее время ваше богохранимое царство не только есть глава всех христиан, но и единая христианская глава, поскольку нет на земле иного царя православного, как ты един»[17]. Антиохийский патриарх Иоаким, испрашивая в 1586 году у государя разрешения прибыть в Москву, писал: «Писано: если кто видел небо и небо небеси и все звезды, а солнца не видел, тот еще ничего не видел, но когда увидит солнце, возрадуется и прославит сотворившего его. Солнце же наше,

правоверных христиан, в нынешние дни ваша царская милость, и кто видит царское лицо, возрадуется и прославит живодавца Бога, Который дал тебя во утверждение просвещения Восточной Церкви Христовой как солнце, светящее над звездами»[18]. Тот же взгляд на русского царя и его значение для всего Православия выражали и другие автокефальные иерархи Восточной Церкви, каковы патриархи Сербские, архиепископы Кипрский и Охридский. Из последних Харитон, например, в 1645 году писал: «Божиим произволением совершилось, что бедный народ наш греческий от многого добра и царства впал в порабощение под нечестивый народ, но милосердый и всещедрый Бог не оставил народа христианского и святых его церквей без призрения вконец разоренных и ради страдания и утешения объявил тихое, надежное пристанище, державное святое ваше царствие, от коего вспомоществуются нынешних времен начальники и пастыри церковные беспрестанно и получают облегчение мучению своему и утешение»[19]. Наконец, то же самое заявляют и разные епархиальные архиереи восточных кафедр, всевозможные знаменитые и незнаменитые монастыри, разные духовные и светские частные лица. Так, например, эфесский митрополит Мелетий, будучи в 1643 г. в Москве, писал в челобитной государю: «Ваше царствие есть прибежище нам, бедным и смиренным гречанам, и не имеем нигде пристанища, опричь вашего царского благого величества»[20]. Кизический митрополит Анфим в 1653 году пишет: «Мы покорены и посреде неверных народов пребываем мучимы и все терпим с великою радостию, будучи и нарицаясь благочестивыми христианами и слыша, что имеем вас, единовернаго, благочестиваго и непобедимаго царя, хотя и попрекают нас агаряне и евреи, что взято было царство от рода нашего, а мы, однако, пред ними хвалимся, что имеем благочестиваго и православного и единоверного царя московского и о сем веселимся сердечно и их посрамляем вашею царскою похвалою»[21]. В 1666 году иноки всех афонских монастырей обращаются с просительною грамотою к Алексею Михайловичу «яко ктитору и жалователю нашему, понеже в нынешнем роде светозарное светило ты еси всем

православным христианом, о христолюбивый само держче, и по Бозе иного не имам властелины, кроме твое царское величествие»[22]. В 1645 году иерусалимский протопоп Иоанн вместе с другими иерусалимскими священниками писал государю: «Кого имеем земным правителем над всеми православными? Истинно иного не имеем, токмо тебя, благочестиваго царя»[23].

Так вполне оправдались слова старца Филофея, некогда обращенные им к великому князю Василию Ивановичу: «Вся царства православныя христианския веры снидошася в твое едино царство; един ты во всей вселенней христианом царь». Теперь вместе с Филофеем и все православные народы стали смотреть на русского царя как на главу и представителя всего Вселенского Православия, как на естественного и притом единственного покровителя и защитника всех православных. Московский государь вместе с царским титулом получил, таким образом, значение общеправославное, был уже не только московским государем, охранителем и защитником Православия на Руси, но царем для всех православных народов, как представитель, охранитель и защитник всего Вселенского восточного Православия.

Глава 2. Учреждение в России патриаршества

(Побуждения, заставившие русских учредить у себя патриаршество. Необходимые затруднения, которые они должны были встретить на этом пути. Приезд в Москву Константинопольского патриарха Иеремии и его усиленное стремление сделаться Московским патриархом. Взгляд Иерофея Монемвасийского на поставление патриарха Иова как на дело русской хитрости. Ошибочность этого взгляда. Учреждение в Москве патриаршества встречено на Востоке с недоброжелательством. Недовольство русских назначением их патриарху последнего места в ряду других восточных патриархов. Взгляд русских на Московского патриарха как на единственного действительного патриарха, который один только обладает всею полнотою патриаршей чести и власти.)

Как наследница павшей Византии Москва должна была перенести на себя не только достоинство византийских императоров – сделать своего государя царем, но перенести в Москву и патриаршее достоинство, сделать своего митрополита патриархом. Византийские представления требовали, чтобы рядом с царем всегда существовал и патриарх, это было необходимо для полноты христианского царства. В силу этого представления болгарские и сербские государи, принимая титул императоров, в то же время всегда учреждали у себя и патриаршество, несмотря на энергическое противодействие Константинопольских патриархов. Русские в этом случае стояли также на почве византийских воззрений, и потому у них вслед за утверждением на Руси царского достоинства, естественно явилась мысль и об учреждении в Москве патриаршества, чтобы Москва и с церковной стороны вполне заменила собою павшую Византию. Этого требовала полнота христианского русского царства, теперь единого православного во всей вселенной; этого требовало вполне цветущее и блестящее положение Русской Церкви, особенно сравнительно с бедственным, угнетенным положением всех других православных Восточных Церквей; этого требовало резко

бросавшееся в глаза несоответствие между положением Москвы как покровительницы и опоры для всех Восточных Церквей и самих восточных патриархов и иерархическим положением ее церковного главы, только простого митрополита. Естественно поэтому было желать русским, чтобы рядом с московским царем существовал и Московский патриарх и чтобы как московский царь был преемником и наследником византийских императоров, так бы и Московский патриарх стал преемником и наследником Константинопольских патриархов. Но на этом пути домогательства русских должны были встретить очень сильные препятствия, вследствие чего их мечты о Московском патриаршестве осуществились далеко не так, как им желалось.

Когда Грозный обратился к Константинопольскому патриарху с просьбою утвердить от лица всей Константинопольской Церкви его царское венчание и признать его за законного преемника и наследника византийских императоров, то патриарх охотно удовлетворил желание царя, так как ничего не видел в этом, кроме прямой пользы и для себя, и для всей Восточной Церкви. Совсем иное было с учреждением патриаршества в России – в таких случаях Константинопольские патриархи всегда были очень неподатливы. Когда св. Савва, архиепископ Сербский, настаивал в Константинополе, чтобы сербский архиепископ избирался местными епископами, то «царю и патриарху (константинопольским) тяжко прошение виделося тое», хотя они и принуждены были в данном случае уступить обстоятельствам[24]. Крайне неохотно и только по неизбежной необходимости согласились Константинопольские патриархи на учреждение самостоятельных патриархов – Болгарского и Сербского, и при первой малейшей возможности старались опять уничтожить их[25]. Трудно было ожидать поэтому, чтобы Константинопольские патриархи охотно и без сопротивления согласились на учреждение Московского патриаршества. Тут они не только ничего не выигрывали, как это было в деле утверждения царского венчания Грозного, но, наоборот, прямо и сильно проигрывали. Хотя московские митрополиты избирались

и поставлялись собором русских иерархов и фактически совершенно не зависели от Константинопольского патриарха, однако де-юре Московская митрополия все-таки причислялась к Константинопольскому патриарху. Константинопольский патриарх никогда формально не отказывался от своих верховных прав над Русскою Церковью и, вероятно, не терял надежды при благоприятных обстоятельствах снова восстановить их. Возведение Московского митрополита в достоинство патриарха не только окончательно уничтожало эту надежду, но и прямо сокращало Константинопольский патриархат выделом из него обширнейшей и богатейшей митрополии, к чему Константинопольские патриархи по очень понятным причинам не могли отнестись равнодушно. С другой стороны, греки всегда смотрели на себя как на особую привилегированную нацию, которой всецело принадлежит первенство и руководящая роль во всем православном мире, по крайней мере в делах церковных. Они выработали взгляд, которому старались придать канонический характер, что только древние четыре патриарха (пятый Римский) должны существовать в православном мире и что все христианство заключено в пределах этих четырех патриархатов, которые должны находиться исключительно в руках греков[26]. Славянские нации, не исключая русских, в глазах греков были низшие, неспособные к самостоятельной церковной жизни; их должны были постоянно держать в своих руках и во всем руководить греки, их неизбежные опекуны и учители. Понятно поэтому, как враждебно должны были отнестись все истые греки к домогательству русских учредить у себя патриаршество; понятно, какие сильные препятствия должны были встретить русские на этом пути. Если сознание своей все более развивающейся народной силы, цветущее положение Церкви и государства побуждали русских стремиться учредить у себя патриаршество, то национальная гордость и вековые традиции побуждали греков противиться этим стремлениям русских и никак не дозволять им осуществиться.

Всем истым грекам учреждение Московского патриаршества могло казаться крайне опасным в том отношении, что с

церковным возвышением Москвы влияние и значение греков во всем православном мире должны будут сильно пошатнуться, если не исчезнуть окончательно. Дело заключалось в следующем: Русь сложилась в сильное и могучее государство, которое делало быстрые и блестящие успехи в развитии своего политического могущества и невольно обращало на себя взоры всех православных, покоренных турками народов. Московский царь был признан опорою и защитою всего Православия; в Москву, как новую столицу православного мира, направились теперь с Востока все гонимые, бедные, все нуждавшиеся в помощи и поддержке, не исключая самих восточных патриархов. Ясное дело, что в Москве образовывался новый центр для Православия, долженствовавший в глазах православных окончательно заслонить собою старую Византию, в которой теперь царит враждебный христианам и всему христианскому мусульманский повелитель. Но образовывавшийся в Москве новый центр Православия был в известном отношении не похож на прежний византийский и отчасти даже враждебен ему как возвысившийся за счет греков, за счет их бедствий и унижения. Но этого мало: этот новый центр Православия был уже центр славянский, а не греческий, вместе с Москвою на первое место в православном мире выдвигались славяне, центр тяжести от греков переходил к славянам. Перспектива с церковным возвышением Москвы потерять свое привилегированное, руководящее положение в православном мире, признать унижаемый и презираемый дотоле славянский мир равноправным себе и даже совсем уступить ему свое место должна была заставить греков всячески противодействовать учреждению в России патриаршества. Но счастливо сложившиеся обстоятельства помогли русским осуществить свое намерение.

В первый раз открыто мысль об учреждении в Москве патриаршества была высказана русскими в 1586 году, во время приезда в Москву за милостынею Антиохийского патриарха Иоакима. Ему дано было от царя словесное поручение, чтобы он об учреждении в Москве патриаршества «посоветывал с святейшим патриархом Цареградским, а пресвятейший бы

патриарх посоветывал о том великом деле со всеми патриархи, с пресвятейшим патриархом Селивестром и с тобою патриархом Иоакимом и с Иерусалимским патриархом Нифонтом и со архиепископы и епископы и со архимандриты и со игумены и со всем освященным собором; да и во святую бы гору и в синайскую о том обослалися, чтобы дал Бог такое великое дело в нашем российском государстве устроилося ко благочестию веры христианския. А помысля бы о том нам объявили, как тому делу пригоже состоятися». Иоаким лично от себя одобрил мысль об учреждении в России патриаршества, но заметил, что «то дело великое, всего собора, а мне без этого совета учинить то дело невозможно». Впрочем, он дал обещание советоваться об этом деле с другими восточными патриархами. Вместе с Иоакимом на Восток отправился подьячий Михаил Огарков, который повез восточным патриархам царскую милостыню и грамоты. Замечательно, что в этих грамотах вовсе не говорилось о намерении русских устроить у себя патриаршество, об этом должны были заявить словесно сам Иоаким и царский посланец. Очевидно, русское правительство знало, какие затруднения встретит на Востоке его домогательство, и потому прежде открытых официальных шагов хотело наперед разузнать и подготовить для себя почву. Опасения были далеко не напрасны, потому что, как показали последующие обстоятельства, в Константинополе вовсе и не думали об исполнении русских желаний. Прошел целый год в напрасных ожиданиях, и наконец в Москву в июне 1587 года явился какой-то грек Николай в качестве посланца патриархов Константинопольского и Антиохийского, которые будто бы на словах наказывали ему сказать, что «Цареградский и Антиохийский патриархи, соборовав, послали по Иерусалимского и по Александрийского патриархов и велели им быти в Цареграде, и о том деле соборовать хотят, что государь приказывал; и с Собору хотят прислать патриарха Иерусалимского и с ним о том наказать, как соборовать и патриарха учинить». Но, как видно, грек Николай вовсе не был действительный патриарший посол, и привезенное им известие, что Константинопольский и Антиохийский патриархи соборовали

между собою и порешили послать в Москву для учреждения там патриаршества Иерусалимского патриарха, было чистейшею выдумкою, как убедительно показали вскоре последующие обстоятельства. Прошел еще год, и русские по-прежнему оставались в полной неизвестности относительно интересовавшего их дела, как вдруг в Москву пришло неожиданное известие, что в пределы России прибыл сам Вселенский Константинопольский патриарх Иеремия и просит разрешения приехать в Москву. Сильное впечатление должен был произвести в Москве этот неожиданный приезд Иеремии, целый ряд вопросов возбудил он в умах русских: зачем Иеремия едет в Москву? Он ли действительный патриарх или кто-либо другой? Куда девался прежний патриарх Феолипт? И главное, что особенно интересовало русских, не везет ли Иеремия с собою полномочий на учреждение в России патриаршества? Приставу, обязанному сопровождать патриарха до Москвы, поручалось обо всем этом разведать тайно, стороною, в разговорах с патриаршею свитою, и обо всем узнанном немедленно донести в Москву. Но русским пришлось сильно разочароваться в своих ожиданиях: оказалось, уже из объяснений самого Иеремии в Москве, что он приехал в Россию исключительно за милостынею, для сбора подаяний на восстановление своей разоренной турками патриархии, и что с ним решительно нет никаких ни письменных, ни устных полномочий от других восточных патриархов на учреждение патриаршества в Москве. Для русского правительства теперь стало очевидным, что на Востоке вовсе не сочувствуют учреждению в России патриаршества и вовсе не желают дать решительного хода этому делу, что, перенесенное в Константинополь, оно там никогда не получит окончательного решения, несмотря на просьбы русского правительства и посылаемые на Восток подарки. Тогда правительство решилось воспользоваться прибытием Константинопольского патриарха и сразу порешить этот вопрос в Москве, где только он и мог получить желаемый русскими конец. Правда, приходилось несколько отступить от первоначального плана: сначала думали на учреждение в Москве патриаршества заручиться согласием

не только всех восточных патриархов, но и всех архиепископов, епископов, архимандритов, игуменов, согласием Афонской Горы и Синайской, т.е. представителей всего православного мира, чтобы «такое великое дело», как учреждение патриаршества в Российском государстве, было делом всей Православной Церкви и «устроилося ко благочестию веры христианския». Но теперь ввиду того, что вопрос об учреждении патриаршества на Руси, веденный указанным способом, мог не получить на Востоке решения в желанном смысле, положили во что бы то ни стало добиться учреждения патриаршества на Руси только лично от патриарха Иеремии и потом уже стараться о признании совершившегося факта всем Востоком. Расчет на получение согласия или утверждения того, что уже фактически совершилось, был, очевидно, практичнее, чем расчет получить согласие только на заявленный проект. Очевидно, что Иеремия, если бы только удалось склонить его на поставление в Москве патриарха, был бы по необходимости самым первым и сильным ходатаем на Востоке за совершившийся факт, с которым бы волей-неволей пришлось потом помириться и тем, которые его не одобряли. Итак, в Москве для достижения своих заветных желаний решились теперь избрать более практичный путь, решились действовать исключительно на патриарха Иеремию, который, к счастью русских, оказался человеком вполне подходящим для их целей. Дело повели по всем правилам московского дипломатического искусства, и всем делом руководил такой ловкий дипломат, как Годунов. В Москве патриарх был принят торжественно, с большим почетом, но только до представления его государю его держали на подворье чуть не под арестом; даже детей боярских, приставленных для наблюдения за патриархом, велено было выбрать «покрепчае». Никто не мог видеться с патриархом из греков, турок и вообще из иноземцев, и никто из его свиты не мог выйти со двора. В то же время приставленным к патриарху лицам приказано было немедленно сообщать царю обо всем, что с ними станет говорить патриарх или вообще что они заметят за патриархом и его свитою. Спутник Иеремии, монемвасийский митрополит Иерофей, говорит относительно этого обстоятельства в своем

хронографе: «Патриарх со всех сторон был окружен подозрительными людьми, которые повсюду следили за ним по пятам, умели искусно льстить ему, выпытывали его мнения и, что выслушивали, все передавали потом драгоманам, а те доносили государю; патриарх так был увлечен этими лицами, что неосторожно и без совета с кем-либо часто высказывал им свои думы и планы». Он имел такую привычку, замечено в хронографе, что не слушает ничьего доброго совета, даже от преданных ему лиц. Русские искусно воспользовались доверчивостью патриарха. Мимоходом, как бы только лично от себя, приставленные к патриарху лица стали говорить ему: как бы он поставил им патриарха? Иеремия сначала решительно отказался поставить в Москве патриарха, а соглашался только на поставление для русских автокефального архиепископа, подобного Охридскому. Но и против этого намерения сильно восстал спутник и друг патриарха Иерофей. «Владыка мой, – говорил он, – нельзя этого сделать, потому что Константин Великий на Вселенском Соборе установил патриаршество и Юстиниан Великий на Пятом Вселенском Соборе учредил Охридскую архиепископию и Иерусалимского патриарха ради страстей Христовых. Нас же, представителей Востока, здесь только трое (и третий Арсений Элассонский не имел уже своей кафедры); притом, владыка, мы пришли за милостыней к царю и ради нужды, какая настала во дни наши». Эти замечания подействовали на Иеремию, он понял, что его единоличные действия в Москве будут незаконны, и потому ответил Иерофею: «И я не хочу» (т.е. устраивать в Москве особое патриаршество), но при этом заметил: «Если же они (русские) захотят, то я сам останусь здесь патриархом». Но против этого намерения Иеремии сильно восстал Иерофей. «Владыка святый, – говорил он, – невозможно этому статься, потому что ты иноязычен и не знаешь обычаев здешнего края: здесь другие порядки и другие привычки, и они (русские) не хотят тебя иметь своим патриархом». Но Иеремия не хотел слушать предостережений своего друга и сильно желал остаться в России, чего, как верно знал, сильно желали и многие русские,

несмотря на уверения Иерофея, что будто бы они не хотят иметь Иеремию своим патриархом.

По словам Иерофея, русские хитро опутывали Иеремию, чтобы добиться от него поставления патриарха из русских. «Наконец, – говорит Иерофей, – русские хитро придумали и говорят патриарху: «Владыка, если бы ты захотел здесь остаться, мы имели бы тебя здесь патриархом». Эти слова высказаны были не царем, не кем-либо из главных придворных, а теми лицами, которые были приставлены надсматривать за патриархом. И Иеремия неосмотрительно и нерасчетливо и без совета с кем-либо сказал: «Остаюсь"". Теперь, когда Иеремия согласился на мысль, что в Москве должно быть патриаршество, русские искусно постарались устранить самого, нежеланного для них, Иеремию. «Русские, когда узнали, – говорит Иерофей, – что Иеремия не согласен рукоположить другого на патриаршество, а сам хочет здесь остаться, говорили ему: «Так как, владыка, ты хочешь здесь остаться, и мы согласны на это, но так как древний престол русский во Владимире, то ты и потрудись туда переехать и там жить», – а то было место, худшее Кукоса», – замечает Иерофей. Мысль, и очень хитрая, русских в данном случае была, по мнению Иерофея, ясна: русские искусно возбудили в Иеремии желание и надежду сделаться патриархом Русским, имея при этом только в виду получить от него согласие на учреждение у себя патриаршества, а в действительности вовсе не думая оставлять его у себя. Когда Иеремия неосторожно согласился на предложение остаться в России патриархом и тем самым согласился уже на признание в России патриаршества, русским оставалось только приличным образом отделаться от Иеремии и заставить его посвятить патриарха из русских, к чему, собственно, они и стремились. Чтобы заставить Иеремию отказаться от мысли сделаться партриархом Русским, ему предлагают жить не в Москве, а во Владимире с верным расчетом, что он откажется необходимо от такого предложения, так как по византийским понятиям, которые отлично знали русские, патриарх всегда должен жить при царе, а не вдали от него, что было бы великим унижением для его сана. Русские

этой хитростью вполне достигли своей цели: Иеремия соглашался остаться патриархом в России. «Только мне во Владимире, – говорил он, – быти невозможно, за иже патриархи бывают при государе царе всегда. А то, что за патриаршество, что жити не при государе, тому статься никак нельзя». Русские несколько раз повторяли патриарху свое предложение остаться в России, во Владимире, конечно, опять в полной уверенности, что патриарх ни под каким видом не примет этого предложения, и он наконец действительно решительно отказался от всяких переговоров по этому поводу. Того только и нужно было русским. Ввиду решительного отказа Иеремии ему от имени царя прямо заявлено было, что так как он отказался быть на владимирском патриаршестве и жить во Владимире, то государь определил передать ему посоветовать, чтобы он благословил быть на владимирском и Московском патриаршестве из Российского Собора митрополиту Иову. Иеремия против воли, замечает хронограф, принужден был согласиться на это требование царя, и хотя теперь увидел, что был обманут русскими, однако отступиться было уже невозможно, он сам себе отрезал отступление своим неразумным, настойчивым желанием остаться патриархом в России. И не только он должен был согласиться на немедленное поставление патриарха из русских, но и признать право за русскими и впредь самим выбирать и поставлять своего патриарха и, сверх того, дать обещание хлопотать об утверждении русского патриаршества всеми восточными иерархами. Таким образом, по мнению партии патриотов-греков, представителем которой явился в Москве Иерофей, Иеремия был обманут русскими, патриаршество в России было учреждено им в существе дела против его желания, единственно благодаря тому обстоятельству, что относительно Иеремии были употреблены в Москве самые неблаговидные средства, чтобы заставить его посвятить патриарха из русских, именно – хитрость и отчасти просто насилие. Вместе с Иерофеем и наши историки смотрят на все это дело как на хитрую проделку русских, успевших ловко обойти доверчивого патриарха, хитро выманив у него согласие на поставление

патриарха из русских. Нам все это дело представляется значительно иначе, нежели как оно представлялось Иерофею, не понимавшему тех побуждений, которые в данном случае руководили действиями русских, и видевшему в учреждении патриаршества в Москве только унижение Греческой Церкви.

Когда русское правительство узнало о неожиданном приезде на Русь самого Вселенского Константинопольского патриарха, то оно решилось воспользоваться этим обстоятельством, чтобы сразу порешить, согласно со своими видами, так занимавший его вопрос о русском патриаршестве. Рассказы Иеремии о его личных бедствиях и тяжком, бедственном положении всей Константинопольской Церкви от притеснений и гонений турок навели русских на мысль предложить Иеремии самому остаться в России патриархом. Такой исход дела устранил бы все дальнейшие хлопоты и затруднения об учреждении в Москве патриаршества и порешил бы вопрос в самом желанном для русских смысле. Тогда русское царство вполне бы совместило в себе прежние православные христианские царства, заключало бы в себе не только единого православного царя, но и старейшего представителя и начальную главу всей Православной Церкви – Вселенского патриарха; тогда Москва не только в политическом, но и в церковном отношении , безусловно, заняла бы место Византии, поистине стала бы Третьим Римом. Понятно отсюда, что русские вовсе и не думали хитрить, когда предлагали Иеремии остаться патриархом в России, а выражали этим свое задушевное, искреннее желание. Конечно, в Москве хорошо понимали, что такой исход дела причинит потом много затруднений со стороны греков-патриотов, которые будут протестовать против перенесения кафедры Вселенского патриарха в Россию. Но ввиду великой важности такого события для положения Русской Церкви в целом православном мире, ввиду того обстоятельства, что Русская Церковь через это сразу выдвигалась на первое место в церковно-иерархическом отношении, решено было, несмотря ни на что, удержать Иеремию в России в качестве Русского патриарха, лишь бы только удалось убедить его принять это предложение. Но

особенных убеждений не потребовалось: Иеремия с удовольствием и без возражений согласился сделаться Русским патриархом. Так, казалось, окончательно устроилось это дело, как желали того русские, к великой славе и чести их Церкви. Но для русских согласие Иеремии еще далеко не решало вопроса, как это представлялось грекам, не понимавшим русских. Как скоро русские уверились, что Иеремия действительно желает остаться в России, у них сейчас же явился совершенно неизвестный грекам, но очень важный и естественный для русских вопрос: можно ли грека сделать действительным главою и управителем Русской Церкви? Этот вопрос имел глубокий смысл и первостепенную важность, а между тем греки, конечно, и не подозревали самой возможности этого странного, на первый взгляд, вопроса и потому обвинили русских в хитрости, которая решительно была не нужна и могла не привести к той цели, которую они предполагали в этом случае у русских, если бы только Иеремия по каким-либо побуждениям согласился на житье во Владимире. Все дело тут, по нашему мнению, заключалось в следующем: если русские дорожили почетным положением своей Церкви в ряду других православных Церквей, то они еще более дорожили чистотою и полнотою своего истинного христианского благочестия, главными представителями и единственно надежными хранителями которого они теперь, после падения Византии, считали себя. Эта мысль или представление о себе побуждало их сделать свою Церковь самостоятельною, независимою от Константинополя, перенести в Москву вместе с царским и патриаршее достоинство. А между тем назначение главою и управителем Русской Церкви, руководителем русской религиозной и церковной жизни патриарха-грека, по взгляду и искреннему убеждению русских, могло грозить серьезной опасностью испытанному и доказанному русскому благочестию. Греки, по мнению русских, потому и потеряли свое царство, что утеряли свое древнее истинное благочестие и допустили у себя разные новшества. Русские видели, что греки иначе крестятся, троят аллилуйю, расходятся с русскими и в других церковных чинах и обрядах, что они в своей жизни не особенно строго

соблюдают разные церковные правила и предписания и что вообще в них очень мало истинного настоящего благочестия, как его понимали тогдашние русские. Все это во времена Никона признано было следствием русского невежества, результатом искажения русскими древнего церковного обряда и т.п.; но до Никона все церковные разности между греками и русскими относились у нас исключительно к утере греками истинного благочестия; на церковные особенности греков все у нас смотрели как на отступления, как на новшества, введенные греками, за которые они и наказаны были потерею своего царства. Очевидно отсюда, как важен был для русских вопрос: можно ли сделать Московским патриархом грека? С одной стороны, через это Русская Церковь возвышалась на первое место между другими православными Церквами, но с другой стороны, ей грозила опасность потерять свое истинное вековое благочестие. Вместе с патриархом-греком на Русь могут перейти и укорениться здесь разные греческие новшества, русское благочестие замутится, как оно уже замутилось у греков, а следствия этого известны: вместо чаемого возвышения и процветания Русь, как утерявшая истинное благочестие, падет подобно греческому царству, а вместе с этим совсем искоренится в мире и истинная христианская вера.

Понятно отсюда, что русские никак не могли согласиться сделать Иеремию действительным Московским патриархом, в руках которого находилось бы полное действительное управление всеми делами Русской Церкви и религиозной жизнью русского общества, это бы значило, по мнению русских, не возвышать русское царство, а прямо губить его. Чтобы избежать этих ужасных последствий, сопряженных с назначением Иеремии действительным Московским патриархом, и в то же время желая удержать его в России, чтобы потом передать титул и достоинство Вселенского патриарха будущему патриарху Московскому, русское правительство решается выйти из своего затруднения таким путем: решено было, чтобы Иеремия сделался патриархом Владимирским и жил во Владимире, а чтобы на Москве по-прежнему митрополитом оставался Иов. Смысл такого решения

понятен: Иеремия, по мысли русских, должен был жить во Владимире, вдали от центра религиозной и политической жизни русских, и потому сам не имел бы на нее никакого влияния; он, живя во Владимире, пользовался бы всеми почестями и преимуществами Вселенского патриарха, всеми материальными удобствами, которыми бы его окружили, но его бы отстранили от действительного, фактического управления Русскою Церковью. Для этого в Москве по-прежнему оставался митрополит Иов, который бы в действительности и был настоящим главою и управителем Русской Церкви, – словом, хотели сделать Иеремию только титулярным русским патриархом с тем, чтобы после его смерти титул и права Вселенского патриарха перешли бы на его русского преемника, который бы, конечно, уже жил в Москве и был бы действительным патриархом. Но Иеремия отлично понял, на какое тяжелое и прямо двусмысленное положение обрекает его русское правительство, отсылая его на житье во Владимир и оставляя в Москве прежнего митрополита, и потому решительно отказался сделаться Московским патриархом на предложенных ему условиях. Он охотно оставался в России, но только в том случае, если он будет жить в Москве, а Московский митрополит будет переведен в другое место, т.е. настоятельно хотел быть действительным Московским патриархом, а не титулярным только. Но на такое решение дела, по указанным причинам, никак не могли согласиться русские, что прямо и выразил благочестивый царь словами, что Иеремия, «только мы соизволим ему быти на Москве на патриаршестве у Пречистыя Богородицы, где ныне отец наш и богомолец Иов, и он нашу волю чинити хощет. И мы себе о том помыслили, что то дело нестаточное, как нам то дело у чинити, что такового сопрестольника великих чудотворцев Петра, и Алексия, и Ионы и достохвальнаго жития мужа свята и преподобнаго отца нашего богомольца преосвященного Иова, Митрополита всея Великия России, от Пречистыя Богородицы и от великих чудотворцев изринути и учинити греческаго закона патриарха».

Но русским все-таки крайне не хотелось отказаться от мысли перенести кафедру Вселенского патриарха в Москву.

Царь несколько раз посылал уговаривать Иеремию согласиться жить во Владимире, но Иеремия, несмотря на все самые заманчивые и соблазнительные предложения различных материальных выгод для него лично, для его свиты и для всех вообще гречан, остался тверд в своем решении, и когда русские не оставляли своих попыток убедить его, он, наконец, решительно заявил: «Не говорите мне таких слов, я этого никогда не сделаю». Ввиду категорического отказа Иеремии русским оставалось одно из двух: или сделать Иеремию действительным Московским патриархом, или же совсем отказаться от мысли перенести кафедру Вселенских патриархов в Москву. Интересы сохранения московского Православия во всей его чистоте и неизменности взяли на этот раз решительный перевес над всеми другими интересами – русские предпочли иметь у себя патриарха хотя и не Вселенского, но зато русского, воспитанного в русском благочестии и неизменно преданного ему. Они были крепко убеждены, что Московский патриарх и из русских займет если уже не первое, то во всяком случае далеко не последнее место в ряду других восточных патриархов. В этом убеждении их сильно поддерживал Иеремия, который и после поставления Иова остался при мысли, что кафедре Вселенского патриарха всего приличнее быть в Москве. Так, когда Иеремия торжественно посетил новопоставленного им патриарха Иова, то при встрече с ним первый начал просить у него благословения; когда же Иов решительно отказался первым благословить его, Иеремия сказал: «Во всей подсолнечной один благочестивый царь; вперед что Бог изволит, здесь подобает быть Вселенскому патриарху; а в старом Цареграде за наше согрешение вера христианская изгоняется от неверных турок». Русские не могли остаться равнодушными к таким лестным для них заявлениям Вселенского патриарха, и это естественно возбуждало в них гордые надежды, что Московский патриарх действительно займет возможно видное, почетное положение среди других восточных патриархов. В официальную уложенную грамоту об учреждении в России патриаршества, какая была составлена в Москве от лица Собора русских и греческих иерархов после

поставления Иова, в уста Иеремии вложена была между прочим и следующая характерная речь: «Так как ветхий Рим пал от Аполлинариевой ереси, а второй Рим, Константинополь, находится в обладании у безбожных турок, то твое, благочестивый царь, великое российское царство, Третий Рим, превзошло благочестием все прежние царства, и все благочестивые царства соединились в твое царство, и ты один теперь именуешься христианским царем во всей вселенной, поэтому и превеликое дело (учреждение патриаршества) по Божию Промыслу, молитвами чудотворцев русских, по твоему царскому прошению у Бога и по твоему совету исполнится». Таким образом, по смыслу этой грамоты, сам Иеремия признал торжественно, что Москва есть действительно Третий Рим, что Русь своим благочестием превзошла все прежние царства, которые теперь все соединились в одно русское царство, признал Москву центром и хранительницею истинного благочестия и Православия, которое в прежних центрах или окончательно уничтожилось (Рим), или уничтожается (Византия). Иеремия без всяких возражений подписал эту грамоту, когда она была принесена ему для подписи дьяком Андреем Щелкаловым. Не так отнесся к делу монемвасийский митрополит Иерофей. Когда Щелкалов обратился к нему с просьбою, чтобы он подписал уложенную грамоту, как уже это сделал Иеремия, Иерофей возразил: «Что это за грамота и что я должен в ней подписывать?» Щелкалов ответил: «Написано, как вы поставили патриарха и как вы пришли сюда». Иерофей заметил: «Приличнее было бы написать ее по-гречески, а не по-русски, да и предложить ее выслушать» – и затем решительно отказался подписать эту грамоту из опасения, «чтобы не разделилась Церковь Божья, не настала другая глава и не произошла великая схизма». Но упрямство Иерофея наконец было сломлено, он увидал, что всякое дальнейшее сопротивление навлечет на него большие несчастия, которые, однако, дела не изменят, и потому подписал грамоту[27].

Сопротивление, которое Иерофей постоянно оказывал делу учреждения патриаршества в Москве, его нежелание подписать уложенную грамоту уже ясно должно было показать русским,

что поставление Московского патриарха, совершенное одним только Иеремиею, как его только личное дело, может встретить на Востоке сильное сопротивление и неодобрение со стороны других представителей Греческой Церкви. Иеремия мог лично желать перенесения кафедры Константинопольского патриарха в Москву, мог находить вполне законным и справедливым желание русских иметь своего патриарха в Москве, мог находить, что русские в благочестии превосходят все прежние и современные православные народы; но он не имел права на основании своих только личных взглядов, единолично, без совета и согласия других восточных иерархов учреждать в России патриаршество. По словам хронографа Иерофея, Иеремия наконец сам сознал незаконность своих действий в Москве: когда ему предложили посвятить в Московские патриархи из русских, то, говорит Иерофей, Иеремия заговорил другое, что он не уполномочен епископами и что это было бы беззаконно. Но наконец «и нехотя» рукоположил в России патриарха. Богатая милостыня изгладила у Иеремии всякое чувство неудовольствия на русское правительство, а чаяние новых щедрых дач побудило его немедленно по прибытии в Константинополь оформить дело учреждения в России патриаршества – признать его законным со стороны Собора всех восточных иерархов. Но понятно, что Иеремия, говоривший в Москве, что здесь должен быть устроен престол Вселенского патриарха, в Константинополе, среди иерархов-греков, не мог и заикнуться о каких-либо преимуществах для Московского патриарха, особенно же за счет положения патриархов других кафедр, на что, однако, твердо рассчитывали русские. Константинопольский Собор 1590 г. признал законность учреждения Иеремиею в Москве патриаршества, но предоставил Московскому патриарху только пятое место в ряду других восточных патриархов.

Несмотря на то что Московскому патриарху назначено было только последнее место в ряду других восточных патриархов, против действий Иеремии в Москве и против определений Константинопольского Собора раздались на Востоке очень сильные и влиятельные голоса, игнорировать которые было

невозможно. Мелетий Пигас, не присутствовавший на Соборе 1590 года, сделавшись, после Сильвестра, Александрийским патриархом, открыто и резко восстал против законности и правильности единоличного посвящения Иеремиею Московского патриарха и против правильности Собора 1590 года, как не выражающего голоса всей Восточной Церкви. «Я очень хорошо знаю, – писал он Иеремии, – что ты погрешил возведением Московской митрополии на степень патриаршества, потому что тебе небезызвестно (если только новый Рим не научился следовать древнему), что в этом деле не властен один патриарх, но властен только Собор, и притом Вселенский Собор; так установлены все доныне существующие патриархии. Поэтому Ваше Святейшество должно было получить единодушное согласие остальной братии, так как согласно постановлению отцов Третьего Собора всем надлежит знать и определять то, что следует делать всякий раз, когда рассматривается вопрос общий. Известно, что патриарший престол не подчиняется никому иному, как только Кафолической Церкви, с которою он соединен и связан исповеданием единой и неизменяемой православной веры. Я знаю, что ты будешь поступать согласно этим началам и то, что ты сделал по принуждению, по размышлении уничтожишь словесно и письменно. Но так как наши слова не приводят тебя пока ни к чему доброму, а только к смущению, гневу и их последствиям, то я избавляю Ваше Святейшество от моих упреков и самого себя от хлопот и молю Бога быть милостивым к вам во всем на будущее время». Таким образом, один из известнейших и ученейших восточных патриархов открыто восстал против законности учреждения Иеремиею Русского Патриархата, как сделанного им единолично, без согласия и одобрения других восточных иерархов, на что Иеремия решительно не имел никакого права и поступил в этом случае в духе Ветхого Рима. Но этого мало: Мелетий прямо заявляет, что Иеремия так поступил только по принуждению, и выражает уверенность, что Иеремия, поразмыслив, сделанное им по принуждению уничтожит и словесно, и письменно. Голос Мелетия, человека в высшей степени ученого, строгого канониста и притом очень

влиятельного на Востоке, серьезно грозил уничтожить сделанное Иеремиею в Москве, тем более что Пигас мог найти себе сильную поддержку в среде других греческих иерархов, которые подобно Иерофею Монемвасийскому очень неодобрительно смотрели на учреждение русского патриаршества, видели в этом унижение Греческой Церкви, дело хитрости и насилия со стороны русских и в своем противодействии могли опираться на твердую каноническую почву[28]. С другой стороны, и в Москве были крайне недовольны Константинопольским Собором 1590 года, который назначил Московскому патриарху последнее пятое место в ряду других патриархов. Представитель Русской Церкви, будучи еще митрополитом, счел возможным первым благословить прибывшего в Москву за милостынею Антиохийского патриарха, в сознании именно величия и превосходства Русской Церкви перед бедным Патриархатом Антиохийским. Учреждение в Москве патриаршества, по мнению русских, должно было еще более возвысить Русскую Церковь не только во мнении русских, но и в глазах всего христианского мира так, чтобы положение Русского патриарха вполне соответствовало действительному цветущему положению Русской Церкви и вместе с тем соответствовало величию Русского царства, где находился теперь единый во всем мире православный царь. Русские, как мы видели, не прочь были усвоить своему патриарху титул Вселенского через перенесение Константинопольской кафедры в Россию[29]. Сам Иеремия не только не находил в этой мысли русских чего-либо несбыточного и неприличного, но, наоборот, усиленно желал остаться в Москве и даже после постановления Иова не переставал заявлять, что престолу Вселенского патриарха всего приличнее быть в Москве. Понятно разочарование русских, когда они узнали, что их патриарху отведено Константинопольским Собором только пятое место – ниже Антиохийского.

За норму для определения положения своей Церкви и патриарха в ряду других русские принимали не древность своей Церкви, не существовавшие соборные определения относительно других патриархов, а современное состояние

своей Церкви сравнительно с другими Восточными Церквами, также величие, силу и богатство своего государства. С этой точки зрения притязания русских находили себе полное оправдание, на этой точке зрения стоял, собственно, и Иеремия, когда заявлял, что именно в Москве приличнее всего быть кафедре Вселенского патриарха[30]. Но Собор греческих иерархов никак не мог усвоить на это дело русскую точку зрения, столь невыгодную для восточных кафедр и столь выгодную для русских, и естественно, что он постарался поставить вопрос об иерархическом положении Московского патриарха на почву прежних соборных определений о достоинстве патриархов, причем русские притязания необходимо были отстранены, и русский патриарх должен был занять последнее место в ряду других патриархов. Но такой исход дела слишком уже не соответствовал ожиданиям русских, и потому они делают новую попытку заставить восточных иерархов взглянуть на дело с русской точки зрения и изменить в этом духе соборные постановления 1590 года. В этих видах на Восток были посланы с Дионисием Тырновским, привезшим соборную грамоту 1590 г., царские и патриаршие грамоты ко всем восточным патриархам с просьбою снова, полным Собором, пересмотреть все дело об учреждении в России патриаршества, так как в первом соборном определении не было подписи Александрийского патриарха (Сильвестр тогда умер, а Мелетий еще не был посвящен). При этом московское правительство уже ясно и определенно выразило свои желания. «Поелику древлеримский Вселенский патриарх Сильвестр, – писал царь, – от святаго Вселенскаго собора и от равноапостольнаго царя Константина, достоинства честью почтен, то ваше архиерейство соборне уложили вначале именоваться и в папино место быть тебе, Иеремии, Божиею милостью архиепископу новаго Рима и Вселенскому патриарху, потом Александрийскому, потом нашего великаго государства царствующаго града Москвы патриарху, после же Антиохийскому и Иерусалимскому». То же писал в своей грамоте и Иов к Иеремии. Итак, русские желали, чтобы их патриарх занял если не первое место и даже не второе, то уж

никак не ниже третьего места, выше Антиохийского и Иерусалимского. В этом своем домогательстве русские сильно рассчитывали на содействие не только Иеремии, но и Мелетия Пигаса, который не участвовал на Соборе 1590 года. Чтобы дело было вернее, русские, по обычаю, послали на Восток для раздачи богатую милостыню, которая, с одной стороны, должна была заглушить все голоса, недовольные учреждением русского патриаршества, с другой – поощрить восточных патриархов к удовлетворению выраженных в царской грамоте русских желаний. Но и на этот раз домогательства русских не увенчались успехом: Восточная Церковь, правда, единогласно, с полным соблюдением всех формальностей признала справедливость и законность учреждения в России патриаршества, но как прежде, так и теперь Собор греческих иерархов признал за Московским патриархом только последнее – пятое место в ряду других патриархов; большего от греков нельзя было и требовать. С греческой точки зрения учреждением на Руси патриаршества сделано было все, что только можно было сделать для иноплеменной Церкви в видах почета для нее; по их представлениям, патриарх-негрек – явление незаконное, нетерпимое в Церкви и допускаемое только в крайней нужде и на время. На этот раз решение Восточной Церкви о русском патриаршестве было бесповоротное и уже не допускало дальнейших попыток к перерешению.

Русские остались крайне недовольны состоявшимся окончательным решением на Востоке относительно Московского патриаршества и потому, не обращая внимания на соборное определение, продолжали смотреть на своего патриарха как на высшего и даже единственно действительного патриарха в ряду всех других. Этот взгляд русских на относительное достоинство своего патриарха нашел себе полное и очень определенное выражение в известном сказании «Известие о начале патриаршества в России и возведении на патриаршеский престол Ростовского митрополита Филарета Никитича и чин поставления его»[31]. Здесь о побуждениях к учреждению патриаршества на Руси говорится, что на Русь с Востока много

приходило иерархов за милостынею, «некогда прииде, милостыни и искупления ради в плену страждущих, Антиохийскаго града патриарх, потом же прииде терновский митрополит, глаголю же болгарския земли первопрестольник, иже прежде имый патриаршеский престол, и инии многи митрополити и епископы; возвестиша же благочестивому царю, яко в греческой области святым Божиим церквам и монастырем разорение и расхищение, поганых властью, многое бывает, не токмо митрополиям и епископиям, но и самым патриаршеским престолам, злочестивых агарян умышлением, велику тщету поднимает дотолика, яко великаго Антиохийскаго града патриарху и инем митрополитом токмо нарекания именем святительства имети, прочую же всю власть их предерждщим окаянным туркам». Далее рассказывается, что, узнав обо всем этом, благочестивый царь Федор Иванович, «сердцем о сих поболе», давал на Восток и всем приходящим оттуда щедрую милостыню на поддержание благочестия, и наконец, разжигаемый божественною ревностью, созывает в Москве Собор русских святителей и держит на нем такую речь: «Весте отцы, яко излисшее благочестие бысть во дни благочестивых царей во Елладе и во Африкии, во Египте и в Ливии, и в Палестине, и в Сирии, сиречь в гречестей земле, в Констянтине граде, и во Александреи, и во Антиохии, и во святем граде Иеросалиме, и в других странах, ид еже неизреченная смотрения Божия содеяшася и многочеловечный народ от тьмы неведения ко свету благоразумия обратишася; ныне-же яко слышим аз же и вы, яко тамо преславная и премногия чести достойная, еже в похвалу в Троицы славимому Богу и ко спасению устроена быша, вся попрана бысть рукама злочестивых турок, и яко ничтоже от сих во благое зрится, но вся безчествуема и поношаема, Богу тако изволиша, в наказание наше, дотолика, яко тамо сущим патриархом и прочим святителем наречением святительства токмо именоватися, власти же едва не всяко лишенем; наша же страна якоже зрите, благо датию Божиею во многорасширение приходит, наипаче же благочестивая наша вера, яже на основании апостол и пророк утверждена, возрастает и

множится; и сего ради хощу, аще Богу угодно будет и писания божественная не прореку ют, яко да в царствующем граде Москве устроится превысочайший престол патриарший и пр.» Это сказание об учреждении в России патриаршества, составленное уже при Филарете Никитиче, показывает, что даже в русской официальной среде распространено было твердое убеждение, что на Русь перенесено было из Византии не только царское достоинство, но и патриаршее. По мнению русских, на Востоке патриархи существуют, собственно, только более по имени, нежели по действительной власти и чести, которыми владеют турки, так что настоящим действительным патриархом, в полном смысле этого слова, может быть назван только Московский, который и сделался патриархом именно потому, что без него другого настоящего, действительного патриарха более бы и не было. Эти воззрения русских на своего патриарха как на единственно действительного патриарха, обладающего всею полнотою власти и чести патриаршей, и на патриархов восточных как только на титулярных русские, в лице Арсения Суханова, торжественно заявили перед лицом Иерусалимского патриарха и других греческих иерархов. В своем прении с греками о вере Суханов прямо и открыто заявлял и доказывал грекам, что Московский патриарх есть единственно действительный патриарх, ибо имеет под собою митрополитов, архиепископов, епископов, а Александрийский, говорил Суханов, «над кем будет патриарх? только всего у него две церкви во всей его епархии, а не имеет под собою ни единого митрополита и архиепископа и епископа» – над кем же он будет патриарх? Да и Константинопольский патриарх, по мнению Суханова, живя в неволе, под игом неверных, не может пользоваться всею полнотою своей власти, не может во всей полноте и беспрепятственно исполнять все свои патриаршие обязанности. Ясно, заключали отсюда русские, что настоящим действительным патриархом, пользующимся всею полнотою патриарших прав, власти и чести, является только один Московский.

Таким образом, в деле учреждения русского патриаршества уже довольно ясно обрисовывается, с известной стороны,

характер отношений между Церквами Греческою и Русскою. Нельзя сказать, чтобы эти отношения между ними были особенно искренни и сердечны: каждая из сторон имеет о себе самое высокое представление и пренебрежительно смотрит на другую, каждая желает господствовать, главенствовать, преобладать; русские в своих притязаниях опираются на современное процветание своей Церкви и могущество своего государства, греки – на традицию, на свое историческое право, на своеобразно понимаемые ими соборные постановления. У тех и у других видную роль играет национальное самолюбие и самомнение, которое у них вызывает чрезмерную притязательность, желание возвысить себя за счет унижения другого; у других – враждебное отношение к сопернику, нежелание поступиться в пользу его чем бы то ни было из своего прежнего привилегированного и господствующего положения. Благодаря счастливо сложившимся обстоятельствам русские успевают сделать из учреждения у себя патриаршества уже совершившийся факт и как такой предъявляют его Собору восточных иерархов, чтобы придать ему необходимую каноническую санкцию. Греки-патриоты смотрят на учреждение Московского патриаршества как на унижение Греческой Церкви, как на дело русской хитрости и насилия над их патриархом, но вынуждены обстоятельствами помириться с совершившимся фактом и скрепя сердце признать и торжественно утвердить его законность. Но, признав законность учреждения на Руси патриаршества, они на двух Соборах назначают Московскому патриарху самое последнее место в ряду других четырех патриархов-греков, несмотря на усиленные хлопоты, старания и подарки русского правительства с целью поставить своего патриарха по крайней мере выше Иерусалимского и Антиохийского. Официально русское правительство должно было примириться с назначением Московскому патриарху последнего места, но, в существе дела, такое постановление восточных иерархов оно считало несправедливым, несогласным с истинным достоинством и честью Русской Церкви, даже обидным для нее и унизительным. Поэтому, несмотря на соборное определение, оно продолжало

считать своего патриарха не только высшим других, но единственно действительным патриархом, обладающим всею полнотою власти и чести патриаршей, противоположно патриархам восточным, патриархам более по имени, чем по действительным правам и чести. Глухой антагонизм, скрытая борьба между греками и русскими из-за преобладания и главенства в православном мире невольно чувствуются во всем деле учреждения Московского патриаршества. Все это дело стоит так, что у исследователя сама собою, невольно, является мысль, что эта глухая, скрытая борьба при известных обстоятельствах может усилиться и вызвать открытое столкновение между единоверными Церквами или, по крайней мере, между ее более горячими и неуступчивыми членами.

Глава 3. Перенесение в Москву святыни с православного Востока

(Значение святыни в жизни как отдельного человека, так и целого государства. Присвоение русским правительством креста царя Константина и главы св. Иоанна Златоуста. Святыня у греков была нередко частною собственностью, почему ее можно было приносить в дар, продавать и закладывать. Обилие святыни, принесенной греками на Русь. Греки приносили святыню на Русь в видах получения за нее платы от нашего правительства. Свидетельства о подлинности привозимой святыни. Оценка разной святыни русским правительством.)

Как наследница и преемница нового Рима, Москва должна была вместе с царским и патриаршим достоинством перенести к себе по возможности и всю особенно ценную и чтимую всеми святыню, которая доселе еще находилась на Востоке. Побуждения к этому были различны. Мощи, чудотворные иконы и т.п. имели в глазах русских чрезвычайную важность не только как предметы религиозного почитания и поклонения, но и по их крайней необходимости и полезности как в жизни отдельных лиц, так и целых учреждений, городов и даже всего государства. Олеарий говорит, что «русские погружают иногда кости или мощи святых своих в воде или хлебном вине и дают это пить больным, как заметил это верно Поссевин»[32]. Наблюдения иностранцев в этом случае были вполне справедливы. «Домострой» между другими средствами врачевания указывает и такое: «Молебны пети и воды святити Честным Животворящим Крестом и со святых мощей и чудотворных икон и с чудотворных образов и маслом свящатися»[33].

Наши русские княгини и царицы носили монистошейный убор, ожерелье исключительно золотое, т.е. состоящее из золотых привесок, у которого на гайтане (шнурке) помещались

небольшие иконы, панагии, кресты, а в них заключались части Животворящего Древа и части всевозможных святых.

Этими монистами матери обыкновенно благословляли своих дочерей. Крестами с мощами цари и царицы благословляли своих детей и носили их сами[34]. В случае появления каких-либо заразительных болезней в какой-либо области или городе жители для прекращения эпидемии прибегали к освящению воды с мощей и чудотворных икон. По мнению русских, тот же крест, но без мощей, далеко не имел той силы, как крест с мощами, почему они усиленно старались иметь у себя такую необходимую для общего благосостояния святыню. Так, Московский митрополит Макарий для уничтожения появившихся в Вольской пятине заразных болезней посылает туда воду, которую он освятил с мощей и чудотворных икон. Такую же воду он посылает и в Свияжск для уничтожения появившихся там болезней[35]. Антиохийский патриарх Макарий, приехавший первый раз в Россию во время чумы и принужденный ради этого прожить некоторое время в Коломне, святил здесь для прекращения заразы воду с мощей и разных священных предметов, которые он привез с собою в Россию[36]. В 1647 году жители вновь основанного города Карпова били челом государю, что на них напали разные болезни и скорби, от которых многие помирают, «а целебного Животворящего Креста Господня с мощами святых в Карпове нет, водосвящение бывает крестом Христовым без мощей. Вели, государь, послать в Карпов для наших скорбей и болезней Животворящий Крест Господень с мощами святыми на освящение воды и на исцеление нам, чтобы нам от тех полевых болезней и скорбей напрасною смертью не умереть». Крест с мощами был к ним послан. В 1649 году государь послал из Москвы Животворящий Крест с мощами в Курск, где «многие люди нападными болезнями и страхованиями болезновали и помирали»[37]. Мощи и другая святыня необходимы были для процветания каждого монастыря, популярность которого в народе зависела прямо от количества, качества и степени популярности находящейся в нем святыни. Поэтому каждый монастырь всегда усиленно старался раздобыться какою-либо

видною и ценною святынею, чтобы привлечь к себе возможно более богомольцев, иначе у монастыря не было будущности. Так, между прочим, поступил и патриарх Никон. Выстроив Крестный монастырь, он велел устроить для него особый, из кипарисного дерева, крест, по высоте и широте подобный Кресту Христову, украсил его серебром, золотом, драгоценными камнями и сокрыл в нем 300 частиц мощей, кровь многих святых мучеников и части святых палестинских камней. При этом Никон в окружной грамоте заявил: «Аще кто с верою восхощет к тому Животворящему Кресту на поклонение прийти, да не менее тому силою того святого Животворящего Креста благодать дается, якоже путешествующим в святые палестинские места»[38].

Если благословение, а иногда и самое существование отдельных лиц, учреждения, городов и областей часто зависело от обладания ими тою или другою ценною святынею, способною избавить человека от разных бед, напастей и болезней, то понятно само собою, что и жизнь целого государства находится необходимо в прямой тесной связи с количеством и качеством святыни, которою в данное время обладает государство. Поэтому заботиться о приобретении святыни составляло прямую обязанность православного благочестивого правительства, пренебречь которой значило бы лишить государство одного из самых верных и могущественных средств обеспечить ему успех во всех его делах и начинаниях. Что русское правительство так именно смотрело на это дело, что приобретение особенно какой-либо важной и ценной святыни с православного Востока оно считало своею прямою и священною обязанностью, не останавливалось в этом случае ни перед какими крупными затратами и даже перед насильственным удержанием у себя чужой, не принадлежавшей ему святыни – это доказывает следующий очень характерный с этой стороны и любопытный случай. Дело идет о приобретении из афонского Ватопедского монастыря креста царя Константина и главы святого Иоанна Златоуста.

В 1630 году Михаил Феодорович и Филарет Никитич узнали от жившего в Москве греческого Веррийского митрополита

Аверкия, что в Ватопедской афонской обители находится Крест Животворящего Древа, с которым ходили на недругов своих еще царь Константин и другие греческие цари. Сильно захотелось царю и патриарху приобрести этот замечательный крест для русской державы, хотя бы это и стоило больших денег. В этих видах, по совету Аверкия, царь посылает от себя Константинопольскому патриарху грамоту, в которой пишет: «Извещал нашему царскому величеству и отцу нашему великому государю, святейшему патриарху Филарету Никитичу Московскому и всея Руси, богомолец наш Веррийский митрополит Аверкий: сказывал ему, Аверкию, Ватопедскаго монастыря архимандрит Игнатий, который приезжал к нам для милостыни, что есть на Афонской горе в Ватопедском монастыре Крест Животворящаго Древа, на нем же распят был Господь наш Иисус Христос, с которым ходили благочестивые греческие цари на недругов своих, царь Константин и иные древние цари, и их верою и прошением даровал им Бог победу на недругов своих. Архимандрит и братия того монастыря хотят тот Крест Животворящаго Древа проводить к нам великому государю и к отцу нашему святейшему патриарху, в наше государство, но без вашего святительского благословения и повеления учинить то не смеют. И говорил нам митрополит Аверкий, чтобы мы о том отписали к вашему святейшеству. И мы архимандрита Игнатия, пожаловав нашим государским жалованьем, отпустили назад в Ватопедский монастырь, а велели ему тот Крест Животворящаго Древа, доложа вашему святейшеству, как вы укажете и повелите, привести к нам на поклонение и на освящение нам и всем православным христианам. Благословите, ваше святейшество, чтобы тот Животворящий Крест прислать к нам с архимандритом или старцем того же Ватопедскаго монастыря». А чтобы вернее побудить патриарха устроить это дело, царь делает в своей грамоте такую знаменательную приписку, что он и отец его «вашего святительства тщание в забвение не учиним и будем тебя против того дарити, а того Ватопедскаго монастыря архимандрита и старцев пожалуем нашим великим жалованьем и вашему святейшеству о том порадети со тщанием, чтоб тот

Животворящий Крест Христов был у нас в нашем государстве»[39]. Но на этот раз домогательства русских, несмотря на все хлопоты митрополита Аверкия, не имели успеха. Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис, правда, ответил на царское предложение своею грамотою, но она не дошла до нас и содержание ее потому неизвестно[40]. Вероятно, Лукарие отказался от посредничества в этом деле просто потому, что отдача или неотдача святыни зависела исключительно только от самих ватопедцев, а вовсе не от него. Что же касается ватопедского архимандрита Игнатия, который, получив подарки и милостыню, отправился в Ватопед, чтобы там хлопотать перед братией об отпуске святыни в Москву, то он просто обманул царя и патриарха. Это мы знаем из письма постельничего молдавского воеводы к Аверкию, в котором постельничий, укоряя Аверкия, что он задержал в Москве и не отпускает двух греческих архимандритов, пишет ему: «И посем говориши (т.е. Аверкий) до тех мест будут держать (архимандритов), покаместа крест будет великаго царя Константина от монастыря Ватопедскаго, а по сех мест никто не бывал туды ево искати, а архимандрит Игнатий, как суда пришед оттолева (из Москвы), и он в монастырь сам не ходил, а остался в Галиче городе, и тут его взял пострел и умер, и от него креста нечево было начаятца, а ныне и по готову, как он жил и он был ложник»[41]. Так и не удалось Михаилу Федоровичу приобрести для русской державы очень полезного для нее креста Константина, но зато это удалось его преемнику Алексею Михайловичу. В 1652 году прибыл в Москву ватопедский игумен Дамаскин за милостынею и между прочим сообщил в Москве, что в их монастыре есть древний крест царя Константина, положенный царем Феодосией, и глава святого Иоанна Златоуста, пожалованная царем Иоанном Кантакузеном. Благочестивые цари положили на их монастырь клятву, чтобы тот крест и главу из их монастыря никуда не отдавать, доколе мир стоит, а от того креста и главы чудеса с верою приходящим бывают и доселе. Однажды у властителя молдавской земли Василия была немощна жена его Екатерина, и он, князь, призывал многих врачей, чтобы ей помогли, но врачи сказали,

что от той болезни ей смерть будет, и он положился на волю Божию. Некоторые люди сказали ему про тот крест и главу, что от них бывают исцеления, и он писал в их монастырь к архимандриту Феодосию и всему Собору, чтобы они прислали сию святыню для исцеления, но архимандрит с братиею только одну главу Златоуста послал, а креста не послал. Жена князя от сей главы исцелела и доселе пребывает здравою и за сие немалую милостыню дала в их монастырь. Василий с честью отпустил сию главу назад тому три года. Если великий государь изволит приказать главу и крест привезти к себе, чтобы им поклониться, то должен опять возвратить их, чтобы монастырь от древних благочестивых царей в проклятии не был и святыни своей не лишился. Алексей Михайлович решился немедленно воспользоваться предложением Дамаскина и послал с ним в Ватопед грамоту следующего содержания: «В нынешнем во 161 году присылали есте к нам, великому государю, к нашему царскому величеству, бить челом о милостыне архимандрита своего Дамаскина с братьею; и мы, великий государь, того архимандрита вашего и старцов и белцов, которые с ним были присланы, пожаловали, велели им видети нашего царского величества очи и, пожаловав их нашим царским жалованьем, велели их отпустить с Москвы назад в свою землю и к вам в монастырь на милостыню и на церковное строение соболями с ними послали. Да тот же ваш архимандрит Дамаскин, на Москве будучи, объявил нашим царского величества ближним людям, что есть у вас в монастыре Животворящий Крест Господень, положение благочестиваго великаго царя Феодосия, который крест сделал благочестивый царь Костянтин с того образа, каков ему Крест Христов явился на небеси о победе на нечестивого царя Максентия и прочих; да в том вашем монастыре глава св. Иоанна Златоустого, а привез-де тое главу к вам в монастырь благочестивый царь Иоанн Кантакузен, и та-де глава стоит ныне у вас в монастыре за царскою печатью, и чудеса от того креста и главы и доднесь бывают; и будет мы, великий государь, изволим тот Животворящий Крест Господень и главу Златоустову видети и поклонитися, и дозря отослати опять в монастырь, и нам бы, великому государю, нашему

царскому величеству, велети с тою святынею быти ему, архимандриту Дамаскину. И тебе б, игумену Феодосию, с братьею нашей царского величества милости и жалованья к себе поискать, тот честной Животворящий Крест Господень, что положил у вас в монастыре благочестивый великий царь Феодосии, и главу св. Иоанна Златоустаго для поклонения приелати к нам, великому государю, с тем же архимандритом Дамаскиным или с иным верным человеком, кому в том верите, а мы, великий государь, за то вас пожалуем нашим царским жалованьем, а тот Животворящий Крест Господень и Златоустову главу, видев, пришлем к вам с тем же человеком, с кем вы к нам, великому государю, пришлете»[42]. Таким образом, в афонском Ватопедском монастыре действительно был замечательный крест, но вовсе не тот, на котором был распят Христос, как ранее говорил Михаилу Федоровичу и Филарету Никитичу митрополит Аверкий, а сделанный будто бы Константином по образу креста, который он видел на небе. В 1655 году Дамаскин привез святыню в Россию, причем на дороге ее везде встречали с молебным пением. По донесению архиепископа Тверского и Кашинского Лаврентия, Животворящий Крест «мерою с ковчегом в длину вершков шесть и болши, а поперег тот Животворящий Крест с ковчегом поменьше четверти аршина». В Москву святыня прибыла 7 июня. Имея теперь в своих руках такую важную и великую святыню, благочестивый Алексей Михайлович не удержался от искушения под разными предлогами навсегда оставить святыню в Москве, тем более что Москва в это время вела тяжелую войну с Польшей и победный крест Константина приходился ей как нельзя более кстати. Когда Дамаскин подал заявление, чтобы его, согласно царскому обещанию, отпустили со святынею назад в монастырь, то указом ему велено было ехать в Киев без святыни, так как «крест и главу изволил царское величество оставить у себя, государя». Тогда архимандрит бил челом государю: «Буде царское величество изволит тое святыню оставить у себя, государя, на время, и в том его государева воля и о том бы указал государь отписать в Ватопедский монастырь имянно – до коих мест та святыня у

него, государя, оставлена будет». Что же касается оставления святыни «впрок» (навсегда), то на это не согласен он, архимандрит, не согласится никогда и вся братия. Тогда в Ватопед была послана грамота, в которой заявлялось, что государь изволил оставить у себя святыню только на время «лет на двадцать и меньше, на сколько лет доведетца», «и вам, наместнику Леонтию с братьею, о той святыне, что ныне оставлена у нас, великаго государя, на время, сумненья и оскорбления никакого не иметь». Дамаскин был отпущен без святыни, но зато получил от правительства соболями и деньгами до двух тысяч рублей[43]. Но тысячная дача не могла помирить ватопедцев с мыслию о потере святыни, они решились настойчиво требовать от царя, чтобы он, согласно данному обещанию, возвратил посланную ему только для поклонения святыню. Но посылаемых с этою целью старцев два раза не пропускали в Москву, а возвращали назад из Путивля. Наконец, в 1665 году, когда в Москву прибыло посольство от всех афонских монастырей с просительной грамотой о милостыне, прибыл в Москву и ватопедский экклесиарх Лука вместе с келарем Кириллом. В своей челобитной царю Лука заявлял, что будто бы турки, узнав, что в монастыре нет более креста и главы Златоустовой, сильно стали теснить монахов и грозят разорить самый монастырь, что архимандрита Дамаскина хотели казнить и от их мучений он теперь болен; да и от ктиторов и от всех христиан поношение великое монастырю: говорят, что продали Животворящий Крест и честную главу Иоанна и, с тех пор как вывезена святыня, нет над монастырем милосердия христианского. Челобитчики умоляли царя ради их бедности и притеснения от турок и слезного прошения, чтобы он велел отдать им святыню на поругание и обличение поганых и на славу царского величества, чтобы не быть их обители разоренной от турок и всей братии от того не погибнуть, и отпустить их с Москвы вместе со святынею без задержания. Но Алексей Михайлович, несмотря на всю неловкость своего положения, ни за что не хотел расстаться с дорогою святынею и решился, как и прежде, удовлетворить ватопедцев крупною денежною дачею. Как видно, экклесиарх Лука охотно пошел на

денежную, небезвыгодную и для него лично, сделку, но келарь Кирилл, помня наказ братии, решительно отказался взять за святыню деньги и настоятельно требовал от царя возвращения неправо задержанной монастырской святыни и даже будто бы «глаголет великому вашему царствию хульные словеса о великом вашем царствии», говорит сейчас же появившийся на него донос его же собрата ватопедца. Кирилл за это свое невежество и бесчинство был сослан в Соловки, «покаместа он от того своего бесчинства исправитца», а Лука, получив за святыню тысячу рублей, отправлен был на Афон. С ним послано было к братии, сверх тысячи рублей, милостивое царское слово, чтоб они не оскорблялись и что как прежде всего Животворящий Крест «по небесному образу явлен был благочестивому царю христианскому Константину, а не тогдашним царям римским: Диоклетиану, Максимиану, Галерию, так и ныне вложил Бог в сердца отцов Ватопедскаго монастыря принести ту великую святыню, крест и главу Златоустого, изгнаннаго из Царьграда и мученическую смерть приявшаго, благочестивому царю христианскому». А так как удержание в Москве ватопедской святыни наделало на Афоне много шума и говора, то царь счел нужным объясниться относительно этого предмета со всею афонскою братиею и оправдать в ее глазах свой поступок.

В своей ответной грамоте на просьбу всех афонцев о милостыне царь между прочим пишет, что посылает ватопедцам за святыню добрыми соболями на тысячу рублей, причину же удержания святыни объясняет так: «А Животворящему Кресту Господню и главе св. Иоанна Златоустого под властью бусурманскою быти недостойно, потому что бусурманы неприятели веры христианской и ищут вере христианской всякими причинами искоренения, чтобы вера христианская испразднити, и износят своими скверными усты злые хулы и укоризны, а ведая нам, великому государю, про такое их бусурманское нечестивое хуление, отпустить тое святыни под власть нечестивых бусурман – страшно; аще коими причинами в пути или на месте в монастыре учинится от неверных какое поругание, страшны мы, великий государь, от всемогущаго,

чтобы не коснулся тот грех в отпуске той святыни и нашего царскаго имени». Затем, обещая и впредь всегда жаловать Ватопедский монастырь, про старца келаря Кирилла пишет, что он, «будучи в нашем Московском государстве, чинил безчинство многое и нам, великому государю, бил челом невежливо и на весь Ватопецкой монастырь похвалялся раззореньем турских людей, и мы, великий государь, за то ево безчинство велели сослать под начал в Соловецкой монастырь, покаместа он от того своего безчинства исправитца». Многое бы, конечно, могли сказать против царского толкования афонские старцы, но говорить не приходилось, так как охотников пожить на Соловках под началом между ними, конечно, было не много.

Для них одно было теперь вполне ясно, что царь решился окончательно удержать у себя святыню и не возвращать ее более в Ватопед. Иноки на время примирились с этою мыслию, хотя и не совсем. В 1693 году ватопедцы снова делают в Москве энергическую попытку возвратить себе отнятую у них святыню. В своей челобитной игумен и братия указывали на то, что святыня была послана только на время для поклонения, что царь обещал немедленно возвратить ее, и они, ведая, что царское слово изменяемо быть не может, твердую и незыблемую имели надежду на возвращение святыни, но она не была возвращена, и даже старец келарь Кирилл, не хотевший по наказу братии променять святыни на деньги, был отправлен за это в дальнее заключение как ослушник царской воли. Теперь братия умоляла царей: «Пожалуйте нас, смиреннейших рабов своих и богомольцев, к стопам пресветлаго вашего царского величества припадающих и из глубины душ наших с теплыми слезами болезненне вопиющих, вонмите, государи, гласу молитв наших и преклоните ушеса во глаголы уст наших, преложите, государи, на радость печаль нашу неудобостерпимую, тугу и лютую скорбь зелне наша терзающе сердца и снедающую утробу – в веселие и радование обратите; явите на нас щедрот благоутробие свое и неизреченную благость крайния своея милости покажите, помилуйте нас, убогих рабов и богомольцев, милосердия ради милости Бога нашего; возвратите во обитель нашу Животворящий Крест,

возвратите и честную главу светильника свету Иоанна Златоустаго своего ради государскаго многолетнего здравия; молим вы возратите вещи и помилуйте обитель нашу ватопедскую, до конечныя нищеты дошедшую и от ктиторов наших в поношении и укоризнах пребывающую» и пр. Просят еще возвратить в Ватопед и сосланного ранее келаря их Кирилла, который в 1679 году был взят из Соловков в Москву и проживал здесь в Чудове монастыре. В ответе на эту челобитную цари приказали отпустить на Афон старца Кирилла, а о святыне челобитчикам через Посольский приказ объявлено было, что она принесена была к благочестивому государю на сохранение от опасения нечестивых агарян, а вовсе не на время, ибо такого указа, чтобы на время, вовсе не было сыскано. В то же время государи и царевна, по совету с патриархом Иоакимом, приказали и бояре приговорили: за ту святыню послать в Ватопед соболями на 500 рублей и выдать ватопедцам жалованную грамоту для приезда в Москву через каждые четыре года и в каждый приезд выдавать им за святыню по 500 рублей[44]. Это обязательство наше правительство всегда точно исполняло до 1735 года, когда, по составленным так называемым «палестинским штатам», положено было отпускать «афонские горы в благовещенский Ватопедский монастырь за известную святыню на каждый год по 100 рублев, а на 5 лет 500 рублев»[45]. Утрата, особенно главы Златоуста, как видно, была очень тяжела для ватопедцев даже и в позднейшее время, так что они распустили на Афоне слух, что в Россию была вывезена глава не Златоуста, которая по-прежнему осталась в их монастыре, а глава Андрея Критского. Так афониты заявляли и в своих поклонниках, печатанных в Венеции, так они говорили и всем богомольцам. Наш известный путешественник по святым местам первой половины XVIII века Барский, посетив Ватопед, прикладывался там к одной главе, которую монах прямо выдавал ему за главу Златоуста. Но когда Барский заявил об этом странном обстоятельстве отцам Ватопедской обители, то они постарались уверить его, что в Москву была отослана действительно глава Златоуста, а не какая-либо другая и что

все, что напечатано или говорится вопреки этому, – чистая ложь[46].

Рассказанный нами случай наглядно показывает, как сильно русское правительство дорожило приобретением с Востока особенно какой-либо знаменитой и важной святыни, как оно употребляло все средства, не жалело никаких расходов, лишь бы только получить и удержать у себя нужную ему святыню.

Были у русского правительства, кроме указанных, и другие побуждения, заставлявшие его всячески заботиться о перенесении на Русь святыни с Востока. Восток владел самою богатою и драгоценною для христиан святынею, но он находился в руках турок, вследствие чего и святыня на Востоке или совсем истреблялась неверными, или расхищалась иноверцами, увозившими ее в свои страны. Спасти для Православия ту святыню, которая еще оставалась на Востоке, было прямой и священной обязанностью всякого православного правительства, каким теперь было только правительство русское. На нем, очевидно, и лежала обязанность позаботиться о том, чтобы святыня с Востока перешла в православное русское царство как самое лучшее для нее убежище, где она уже навсегда останется в руках православных и не будет более подвергаться опасности быть утерянною или истребленною. С другой стороны, Москва, после падения Константинополя сделавшаяся, по мнению русских, столицею всего православного мира, не могла уже довольствоваться одною местного, чисто русскою святынею; для столицы всего православного мира и святыня требовалась общеправославная, перед которою одинаково благоговел бы и грек, и славянин, и сириец, и грузин, как это раньше было относительно святыни, которою обладал Константинополь. Понятно, что эту ценную для всех христиан и всеми почитаемую святыню русские могли приобрести только на православном Востоке и главным образом от греков, коренных, исконных владетелей всякой древней святыни. По-видимому, выполнение этой задачи представляло неодолимые трудности, ибо какой же народ согласится уступить другому свою местную, всеми чтимую святыню, доставшуюся ему от древних времен? Но в

действительности никаких затруднений не встретилось. Рассказанный нами случай, когда ватопедцы проявили такую редкую стойкость относительно уступки хитростью задержанной у них русским правительством святыни, представляет явление единичное и исключительное, обыкновенно же было совсем иначе. Как скоро на Востоке узнали, что русские сильно дорожат всякою приносимою к ним святынею и предпочитают ее всем другим подаркам[47] , что они платят за нее соболями и деньгами, как со всех концов православного Востока находившаяся там святыня очень усердно стала переправляться в Москву, где охотно и без отказу была принимаема, а подноситель получал за это определенную награду. Между Россией и православным Востоком образовалась с XVI века правильная и постоянная мена святыни на русские деньги и соболя. Греки охотно привозили на Русь всякую святыню, русские охотно ее приобретали, причем святыня привозилась и присылалась на Русь самими патриархами, митрополитами и архиепископами, настоятелями и старцами разных монастырей и просто торговыми греками. Эта, на первый взгляд, довольно странная торговля объясняется тем обстоятельством, что в Греции мощи и всякая святыня во многих случаях была достоянием частных лиц, переходила по наследству, и частное лицо могло поэтому распорядиться святыней по своему усмотрению, как и всякой другой частной собственностью. Особенно много святыни оказалось в частных руках после захвата Константинополя крестоносцами и завоевания его турками. В обоих этих случаях святыня или расхищалась, или уничтожалась, а православные, конечно, всячески старались сохранить ее, удержать у себя; во время катастрофы ее забирал всякий, чтобы она не попалась в латинские или турецкие руки. Раз захваченная известным лицом святыня, как никому теперь не принадлежащая, становилась его частного собственностью, и он распоряжался ею по своему личному усмотрению. Так, например, около 1461 года некто Георгий Калохерети во время завоевания Константинополя турками захватил мощи св. Спиридона Тримифунтского и царицы Феодоры и привез их на о. Корфу. Здесь он женился и

троим своим сыновьям, между другим наследством, отказал и вывезенные им мощи. Старший сын Марк доставшиеся ему мощи царицы Феодоры подарил в 1610 году общине; но два другие брата хотя и положили мощи св. Спиридона в церковь, удержали, однако, на них право собственности. В 1520 году это право перешло к фамилии Вулгарисов, член которой получил их от Калохерети в приданое за их дочерью, на которой Вулгарис женился. И доселе мощи св. Спиридона составляют частную собственность Вулгарисов. Кроме того, в Греции многие церкви и даже монастыри с древних времен составляли собственность частных лиц. Вместе с церквами и находившаяся в них святыня была также частной собственностью, которою владелец мог распоряжаться по своему усмотрению[48]. С течением времени, особенно когда появился усиленный спрос на святыню со стороны разных народов, принявших Православие от греков и желавших обзавестись ценною христианскою святынею[49], мощи сделались у самих греков ходячею ценностью, которую свободно можно было купить, продать, заложить, отдать на время кредитору в обеспечение долга. Про главу св. Евгения, которую митрополит Халкидонский посылает царю, он пишет, что митрополит Писидийский, в митрополии которого находилась эта глава, «положи ю (святую главу) в заклад у неекиих внешних на семь сот ефимков и ныне, егда принесоша ю зде и прошаху продати ю», – митрополит ее купил. Про главу Григория Богослова, привезенную к нам, рассказывается, что вдова, которая ею прежде владела, «от нужи своей продала ту святую главу некоторому Петру Колофрону». Теперь монахи, купив главу у турка, видя крайнюю бедность своего монастыря, порешили «дати ея в некое место богатодарное, чтобы нам восприяти помочь исправить бедность нашего монастыря», т.е. для поправки монастырских дел решились продать святую главу. Иерусалимского патриарха протосинкелл Гавриил, приславший царю Влахернскую икону, купил ее у ее владельца, «а дал за нее 400 ефимков». Антиохийский патриарх Макарий хотел перекупить эту чудотворную икону у протосинкелла, «просил гораздо и давал ему за тое икону 500 ефимков и болыпи». Афонские иноки продали мощи афонского подвижника

Петра за 100 золотых[50]. В 1641 году молдавский господарь Василий Лупул купил у Константинопольского патриарха мощи Параскевы и перенес их из патриархии в Яссы[51]. Если мощи можно было свободно продавать и покупать, то, конечно, их можно было и закладывать или отдавать в залог в обеспечение уплаты долга. В 1648 году братия монастыря Николы, в Мутьянской земле, писала государю из Путивля: «Учинилось им убытков от турского паши 1000 златых и в том заложили они Евангелие и мощи – руку св. Николы и мощи от главы св. Иоанна Предтечи и два киота и четыре кадильницы серебряныя и иную святыню и для того послали они бить челом государю… пожаловать в их монастырь на окуп»[52]. В 1670 году Иверского Никольского, в Москве, монастыря архимандрит Соломон подал царю челобитную, в которой заявлял: «В прошлом, государь, в 176 году греченин Христофор Либеров занял у дьякона Мелетия денег 280 рублев, а в тех деньгах положил для веры мощи разных святых, да два чепрака, шиты золотом волоченым, да нож оправной турецкаго дела»[53]. По этому поводу грек Христофор на допросе сказал: «В прошлом-де во 170 году бывшей волоской Костянтин воевода, живучи в Польше, заложил ему, Христофору, те мощи от скудости своей в 500 золотых червонных, а, заложив, выкупить ему было нечем. И он-де, Христофор, мыслил, чтобы ему те мощи отвесть в Венецию или в иное которое государство, чтобы у него те золотые не пропали, и он-де воеводы спрашивал, и воевода-де приказал ему с теми мощами ехать к царскому величеству и говорил, что царское величество те мощи изволит у него взять и велит ему за тот его долг наградить из своей государской казны». Прибыв в Москву и проживая здесь долгое время, Христофор «те мощи от скудости своей заложил черному дьякону Мелетию в 280 рублев»[54]. Барский, осматривая сосудохранительницу (ризницу) в афонской Лавре св. Афанасия, замечает, что здесь хранятся «и некие излишние мощи, которых не посылают в мир или которые держат за долг от других меньших монастырей»[55]. Ввиду того что святыня была ходячею ценностью, за которую можно было получить хорошие деньги, она сделалась предметом корыстной эксплуатации: ею не только торговали, но

в видах наживы ее просто воровали. Так, в 1693 году к нам прибыл бывший андрусский епископ Акакий, который привез часть Животворящего Древа и разные мощи. Бывший в то время в Москве архимандрит Иерусалимского патриарха Досифея Хрисанф заявил, что святыня была украдена Акакием в Иерусалиме; Акакий был арестован и сослан, святыня у него отнята[56]. Григорович в своем путешествии по Европейской Турции[57] рассказывает, что мощи св. Климента Славянского до недавнего времени сохранялись целокуиными, пока монахи монастыря св. Антония, что близ Бера (на картах Караферия), не унесли скрытно честную его главу. В церкви монастыря св. Георгия, в Новом Базаре, построенной Стефаном Неманею, лежали мощи краля Драгутина, обновителя монастыря. Они, говорит Гильфердинг[58], лежали долго невредимы после запустения монастыря, пока святотатственная рука новобазарских христиан, по имени знобичей, не похитила их для распродажи по частям.

В течение XVI и всего XVII столетий наше правительство усиленно занималось перенесением святыни с Востока на Русь, получая ее от разных просителей милостыни. Как велико было количество привезенных к нам частей мощей, можно отчасти видеть из того, что, например, части мощей св. Пантелеймона нам встречались в числе привезенной святыни 23 раза, Златоуста – 14, архидиакона Стефана – 14, Меркурия – 13, св. Луки – 9, Иоанна Крестителя – 7, Андрея Первозванного – 5, Игнатия Богоносца – 5, Марии Магдалины – 4, царя Константина – 3, ап. Филиппа – 3 и пр., хотя мы и не обращали на это обстоятельство нарочитого внимания. Кроме того, много документов относительно привоза к нам святыни затерялось, много святыни разошлось по частным рукам, так как просители подносили ее не только государю, но и частным лицам, которые могли заплатить за подносимое. Мощи привозились к нам с Востока очень маленькими дробными частицами – это была обыкновенно небольшая, откуда-нибудь отделенная кость, не имевшая плоти и в большинстве случаев без обозначения, от какой части она взята; редко встречаются такие пояснения: мученицы Анастасии – зуб; Златоуста – часть от правой руки;

Прокопия-великомученика – часть от главы; Иоанна Крестителя – часть от руки; Луки-апостола – часть руки; Иоанна Предтечи – часть от главы; Анастасии Узорешительницы – часть ребра; Иоанна Предтечи – часть от правой лопатки и т.п. Целых вполне мощей к нам, конечно, никогда не привозили, так как их почти не встречается на всем Востоке, но к нам иногда привозили, хотя сравнительно с общею массою всей святыни и очень редко, крупные части мощей, каковы, например: глава св. Григория Богослова, глава св. Иоанна Златоустого, главы св. Евгения, великомученика Агафоника, великомученика Сергия; руки: Елевферия-мученика, Григория Декаполита, св. Иакова из 40 мучеников севастийских, Андрея Первозванного, Комнина-архимандрита правая рука, которою он расписывал церковь в Вифлееме (привез Иерусалимский патриарх Паисий), Василия, епископа Адасийского, Пелагеи, св. Кирика, Иоанна Предтечи; привозились и персты от рук: перст Златоуста, Василия Великого, Христины-великомученицы, Андрея Первозванного, великомученицы Екатерины; от ног: персты правой ноги ап. Филиппа и пр.

При каких условиях и как происходила самая передача святыни с Востока на Русь, на это наши документы дают следующий ответ: привозя или посылая святыню на Русь, просители милостыни имели в виду получить за подносимое известное вознаграждение[59], количество которого прямо или косвенно назначалось или самими просителями, или принимавшим святыню правительством. Так, в 1641 году служивший тайным агентом грек Константин Остафьев в Посольском приказе «сказал, что он выкупил у турченина две панагии, что остались после Цареградского патриарха Кирилла Стараго, да часть от Древа Животворящаго Креста, на нем же Господь наш Иисус Христос распят бысть, да мощи перст от руки великаго Василия, архиепископа Кисария Каппадокийския, а дал за то за все выкупу 2800 ефимков, и те панагии и часть от Древа Креста Господня и мощи Василия Великаго привез он к государю, и государь бы пожаловал велел у него то все принять, чтобы та святыня была во благочестии, а не в неверных руках». Когда греку за всю эту святыню выдали 600 рублей, то он подал

государю челобитную, в которой заявил, что цена ему за святыню дана низкая, дешевая, и потому просил прибавки. Государь велел ему прибавить за святыню к прежде данному еще 200 рублей[60]. В 1642 году архимандрит афонского Пантелеймонова монастыря Григорий, находясь в Москве, писал государю: «Извещаю великому твоему царствию: тот же митрополит Селунский и со своими ближними людьми велели бити челом тебе, государю, и известить, что они имеют на своей митрополии долгу 10 000 ефимков, а есть-де у них мощи иже во святых отца нашего Григория, архиепископа Селу некого, а творит по всяк день чудеса. Милостивый царь! Будет ваше царское произволение привезти того святого мощи, его благословенную руку, во освящение и исцеление и в помощь великому вашему царствию, с подлинными свидетельствы, и царствие бы ваше пожаловали их своим царским жалованием – милостынею, чтобы им мочно освободитца от такова великаго долгу, и о том я, богомолец ваш, бью челом и поклоняюся царствию вашему, чтобы мне, богомольцу вашему, имети ваш царской указ. Посем Господь Бог сподобит тя Царствию Небесному. Аминь»[61]. В 1651 году келарь янинского Ильинского монастыря предлагал в Посольском приказе купить у него крест «и просил за него 25 Рублев, и ему тот крест отдан, потому что сказал цену большую, а мощей в то время в кресте том не было и никакие святыни не объявил», но после келарь снова предлагал тот же крест, но уже с мощами в нем, который он будто бы ранее вынул, чтобы поднести их особо. За крест и мощи в нем он получил 30 рублей[62]. Иногда же просители назначали цену святыни не прямо, а косвенно, указывая ту сумму, за которую они приобрели ее сами, и представляя затем правительству решать, сколько следует дать за принесенную святыню. Так, например, в 1655 году Халкидонский митрополит, посылая государю главу св. Евгения, говорит, что она была положена «в заклад у некиих внешних на семьсот ефимков» и что он, митрополит, выкупил ее «дах долг и взях ю» и теперь посылает ее к государю, «и что известит благодать Божия человеколюбным твоим утробам и да помилует мя от велиа милости своея»[63]. Назаретского митрополита архимандрит

Иоаким поднес государю мощи ап. Филиппа, о которых свидетельствовал Антиохийский патриарх Макарий: «Были-де те мощи в Царегороде у некотораго знатнаго человека Лазаря и у вводе двора взяли турчанина убитаго человека и за то посадили ево в тюрьму и вымучили на нема 400 ефимкова, и он в тех деньгах заложил жену свою и детей, и как-де он свободился и приехал с теми мощами в Молдавскую землю, и он-де, патриарх, взял у него те мощи и послал к великому государю с тем архимандритом Иоакимом, и чтобы великий государь пожаловал того греченина милостынею и на окуп, как ему, великому государю, Бог известит»[64]. Про Влахернскую чудотворную икону привезший ее грек говорил, что она выкуплена была у турка за 500 ефимков одним греком портным, у которого за ту же сумму купил ее иерусалимский протосинкелл Гавриил, который и посылает теперь ее царю[65]. Иногда же просители, передавая ту или другую святыню, цены ее вовсе не назначали, но заявляли, что рассчитывают за нее получить от государя, что Бог ему известит. Так, например, в 1636 году бахчисарайский дьячок привез мощи св. Анастасии и в челобитной царю по этому случаю заявляет: «Пожалуй меня за те мощи своим царским жалованьем, как тебе, милосердому государю, Бог известит»[66]. В 1652 году Константинопольский патриарх Иоанникий пишет царю о торговом греке Иване Михайлове, что турки причинили ему большие убытки, а он-де «имел на себе едину панагию, а в той панагии мощи св. великомученика Меркурия, яко-же нам свидетельствовали и достоверно ведомо учинилось, и несет к вам, великому государю», – просит поэтому оделить его милостынею[67]. Принося лично или посылая на Русь святыню, греки отлично знали, что делают, знали, что именно за святыню они получают определенную дачу. Так, в 1656 году бывший Константинопольский патриарх Иоанникий благодарит государя за милостыню – «до нас дошли полтораста ефимков за мощи (которые он ранее послал с греком Иваном Юрьевым), да на милостыню 300 ефимков», т.е. цена мощей самим патриархом прямо отличается от милостыни[68]. В письме к нашему константинопольскому послу Толстому Иерусалимский патриарх

Досифей говорит между прочим: «Господине мой, время есть зело трудно и по премногу страшно и боимся о роде и о жизни нашей, а о издержке не отягощайся, яко мы держим и ими веру 500 левков, которые изволил к нам прислати вместо милостыни за святые мощи Златоустаго»[69]. Желая получить за святыню большую дачу, отдававшие ее иногда указывали на ее особую важность или какие-либо ее специальные, особенно ценные свойства. Например, бывший Константинопольский патриарх Иоанникий, посылая в Москву главу великомученика Агафоника, пишет относительно нее: «Се есть досточудное и многоценное упования достойно православному вашему царствию в дар; и подобает вам блюсти во святыни и молебствовати о помощи от врагов душевных и телесных, и подобает державе царствия вашего воздвигнути церковь во имя того мученика и праздновати во вся лета»[70]. Иноки афонского Иверского монастыря, посылая государю десную руку священномученика Василия, епископа Амасийского, пишут: «А мы с тою святою рукою хаживали в миру, освятя воду с нея, и исчезала всякая гадина в полях, семя ядущая саранча, мыши и всякая иная гадина, и сбираем с православных христиан много милостыни». Посылают еще мощи св. Евстафия: «Да восприимеши те мощи с верою и благоговением того святаго Евстафия помощником и заступником во время борения воинскаго дела, аки война, того ради те мощи послали к святому вашему царствию»[71]. Селунцы, предлагая через пантелеймоновского игумена царю приобрести от них имеющиеся у них мощи архиепископа Селунского Григория, считают нужным сказать: «А творит во всяк день чудеса». Бывший митрополит Навпакта и Арты Галактион привез крест с частью Животворящего Древа, о котором патриаршая грамота говорит: «Крест серебрян, а в нем часть от Животворящаго Древа Честнаго Креста, той есть истинный и безценный». Затем грамота говорит, что таким крестом никому не подобает владеть, кроме государя, «будете той имети, яко великий царь Константин на побеждение и одоление брани»[72]. Иногда просители, привозя святыню или присылая ее в видах получить за нее большую дачу, говорили, что будто бы эту святыню у них хотели купить за большие

деньги разные важные иноверные лица, но они ее не отдали, чтобы отослать ее к православному царю, в православное царство. Так, морейский монах, приславший в 1653 году царю главу Григория Богослова, в своей грамоте объясняет, что так как их монастырь очень беден и кругом задолжал, то иноки и порешили: «Дати ея (главу Богослова) в некое место богатодарное, чтобы нам восприяти помощь исправить бедность нашего монастыря, и, про то проведав, от многих и великих стран с великим радением присылали к нам и сулили многую казну, чтобы мы дали те святая мощи им, и великие труды полагали то от нас взяти, яко есть велие и славно и сладко имя сего великаго учителя и святильника вселенскаго Григория Богослова, только мы им не отдали», а решили-де отослать их царю православному[73]. В 1652 году иерусалимский протосинкелл Гавриил, посылая царю часть Животворящего Древа, говорил, что то древо настоящее и творит чудеса и что он расстается с ним по причине своей бедности, в которую он впал ради болезни, и заявляет: «К нему-де присылал веницейской агент и армянской патриарх и давали ему за то древо много, и он-де того древа им не отдал, а по совету архимандрита Амфилохия (который был самым деятельным политическим русским агентом в Константинополе) да Фомы Иванова (тоже политический агент) послал к государю, чтобы государь его пожаловал для его бедности своим царским жалованьем, как ему, государю, Бог известит»[74]. Тот же самый иерусалимский протосинкелл Гавриил прислал царю чудотворную Влахернскую икону с греком Димитрием Остафьевым, который в Посольском приказе показывал, что ту икону усиленно старались купить у протосинкелла патриархи Цареградский Паисий и особенно Антиохийский Макарий «и иные-де многие благочестивые люди, ведая про тое чудотворную икону, у протосингела за многие деньги тое чудотворные иконы добивалися, только-де протосингел от себя тое иконы никуда отпустити не хотел», но по совету его, Дмитрия, отправил в Москву к благочестивому государю[75].

Приведенные свидетельства с очевидностью показывают, что святыня привозилась гречанами на Русь с целью выгодной

ее продажи. Но как скоро святыня становилась предметом выгодного торга, то необходимо она могла подать повод к различным корыстным злоупотреблениям со стороны привозивших ее и имевших в виду исключительно только наживу. Поэтому особенно в выдающихся и сомнительных случаях для русского правительства требовались какие-либо гарантии, что оно получает за свои деньги настоящую, подлинную святыню, а не подложную, фабрикованную. Эту необходимость гарантии признавали сами привозившие в Москву святыню гречане, и потому они иногда привозили со святынею и патриаршие свидетельства об ее подлинности, иногда с объяснением, откуда и как она попала к подносителю. Так, например, в 1652 году цареградский грек Фома Иванов прислал в Москву грамоту с политическими вестями, в которой писал между прочим и следующее: «Еще ведомо чиним великому вашему царствию: досталася мне часть Древа Честнаго и Животворящаго Креста Господня от архидиакона бывшаго блаженнейшаго патриарха еросалимскаго Феофана, который крестился от жидов, и он хотел отвести тое часть в иные государства. И я, сведав, что та часть подлинно и истинная и свидетельствена от Вселенского патриарха и митрополитов, и взяв тое часть, посылаю к великому вашему царствию». К этому сообщению грек прилагает самое свидетельство Константинопольского патриарха Иоанникия, который пишет, «что то древо честное было у еросалимскаго протосингела Гавриила 17 лет, а досталося-де ему то древо от Газского митрополита Парфения, и имел то древо у себя, а ныне-де учинилася ему тяжкая болезнь и животы свои все роздал дохтуром и от того обеднял, и хотел он то честное древо отдать в некоторую обитель для вседневной пищи и вечного душевнаго помину и показал то древо ему, Иоанникию патриарху, и свидетельства от него прошал, и он-де, приняв у него то древо, посылал вопросити первых людей, которые ведали при прежнем митрополите: были ли чудеса от того честнаго древа, и они свидетельствовали, что от того-де честнаго и Животворящего Древа некоторому из мертвых было воскресение и многие немощные исцеление получили. И он,

Иоанникий патриарх, то древо для испытания клал в огнь и того ради пишет сию свидетельственную грамоту и свидетельствует о том, что то древо истинное Животворящаго Креста Господня» (подпись патриарха и многих митрополитов)[76]. В 1648 году патриаршая грамота свидетельствовала о кресте, привезенном На-впактским митрополитом, что «в нем есть часть от Животворящаго Древа Честнаго Креста, той есть истинной и безценной»[77].

Константинопольский патриарх Иоанникий в 1652 году свидетельствует про панагию, привезенную одним греком, что «в той панагии мощи святаго великомученика Меркурия, якоже нам свидетельствовали и достоверно ведомо учинилось»[78]. В 1694 году Халкидонский митрополит Гавриил прислал мощи Предтечи с следующим любопытным свидетельством Константинопольского патриарха Каллиника. «Всякая вещь, – пишет патриарх, – хотя иногда и истинна есть, однакож человецы ея в подозрении имеют и для многих иных приключившихся причин, а наипаче того ради, что не ведают ту вещь чрез искусство и подлинное испытание; сего ради всякое дело, требует свидетельства и объявления о тех, которые ту вещь подлинно и истинно ведают, для уверения и достоверения тем, которые о той вещи усумневаются. Сего ради умерение наше, сею нашею известною грамотою, известует и свидетельствует, яко сия священныя мощи суть истинны, и святейшая и пречестная часть и отсечение от святые руки святаго славнаго пророка и Предтечи и Крестителя Иоанна, иже и пророческим имя-нем для вящей чести от владыки Христа сподобися, чудесами и зна-меньми великими свидетельство-ванна суть, имеет же и от себя свидетельство и истинствование чрез пребогатое благоухание, которое от нея исходит, и освящения причастниками тех сотворит, которые несумненною верою притекают к ней. Прежде же сего времени пребывала сохранена в пречестной обители святые, преславные великомученицы и прехвальные Евфимии, сущей в митрополии Халкидонской, иже в Вифинии. Сего ради для свидетельства отпущена и сия наша известующая грамота» (подпись руки патриарха)[79]. Одною из важнейших святынь, привезенных к нам

с Востока, была знаменитая чудотворная икона Влахернская, которую привез к нам 11 октября 1653 года цареградский торговый грек Димитрий Остафьев от имени иерусалимского протосинкелла Гавриила. О самой иконе и ее обретении Константинопольский патриарх Паисий в свидетельственной грамоте сообщает следующее: «Обрели и познали, что она есть сделана смешением от святых мощей и от иного многаго благоуханнаго состава, понеже она прехвальная икона, какоже есть от древняго писания, что есть писан лик ея, яже творила многие чудеса в монастыре пречестном благоговейном в дому Влахерне во времена при царстве греческих царей и творила чудеса многослышанные во писании: егда царствовал царь И раклей и патриарх Сергий, и тогда обступили град безчисленные воинские варварские люди по суху и по морю, и Божиею милостью и благодатью и силою и заступлением все разорилися и сокрушилися, и избавился град от великие погибели. И после того судьбами Божиими, как взяли Царьград и разорили всю цареградскую красоту, тогда же разорили и ту многославную и прехвальную обитель, – и бысть увы достойные слезы и воздыхание, яко явно есть шли некоторые благочестивые и се многоценное сокровище взяли в монастырь девичей во имя Вседержителя Христа. О горе, Христе Царю, кто исповесть судьбы Твоя, тот монастырь и церковь взяли и учинили мечетию своим мольбищем, и слывет ныне то место Зегрек, и некоторые христиане, взяв ту преславную икону, поставили в церкве в глухом окне, а пред нею поставили кадило серебряное и иные сосуды и заделали кирпичом и замазали известью, чтобы она невидима была, якоже во время святый убрус Христов. И в минувшем невеликое время слуга тое мечети восхотел сделать у мечети окно и прибавить свету, и повелением Божиим объявилося сие многоценное сокровище и велел ломати то место, где поставлена была икона сия и, обретши ея, вынул, снял оклад ея и продал тое икону единой жене, которая жила близко ево. И та жена хотела тое икону продати на деньги, и бысть Божие произволение, обрете сего преподобнаго священноинока духовнаго господина Гавриила, протосингела престола Еросалимского, и он выменил сию икону драгоценную.

И сего ради сей духовный отец для достоверения просил у нас сию свидетельную грамоту, чтобы понуждати благочестивых христиан к великому благоговению.

И дал есми сию грамоту и посылаем ея ко всем благочестивым и свидетельствуем об ней, что есть та Богородицына честная икона чудотворная Лахерньская, паче злата и сребра и драгоценнаго камения, и понуждаем всех благочестивых с благоговением почитать и облобызать для освящения душам и телом в славу и честь Богу». Внизу грамоты находятся подписи разных митрополитов, греческих вельмож и клириков. Привезший икону грек Димитрий Остафьев о том, как она попала к протосинкеллу Гавриилу, заявил несколько иначе, нежели как об этом говорит патриаршая грамота; именно он показывал, что, когда турки, завладев Константинополем, для большего позору грекам отдали Влахернский храм цыганам, греки успели перенести икону в женский Спасов монастырь, где она и находилась 60 лет, а когда они узнали, что и монастырь будет обращен в мечеть, то заклали икону и сосуды в стену. В церкви Пантократора было четыре придела: три из них турки обратили в свое мольбище, а четвертый отдали абызам для бусурманского детского ученья, и с тех пор живут там абызы и учат детей грамоте. Один из этих бусурманских учителей пробил стену для света, обрел икону, а так как близко от него жил греческий портной, его приятель, который много шил ему платья, то бусурман и сказал ему, что нашел в стене греческий образ и что, если он хочет, может купить у него эту икону. Портной и прежде слышал об этой чудотворной иконе и, узнав ее по подписи, купил у бусурманина за 500 ефимков, «и держал-де тот портной мастер у себя тое чудотворную икону 30 лет, а в те-де лета, как та икона у него в дому была, явление Пречистые Богородицы тому портному мастеру и жене его было многое, чтобы они тое ея Богородицыну чудотворную икону в дому у себя не держали, а отпустили бы во благочестие, где царствует христианский благочестивый царь. И про то явление тот портной мастер объявил Еросалимского патриарха протосингелу Гавриилу, потому что он человек честной, а у него крестит детей, и сказал ему о той чудотворней иконе подробну.

И протосингел-де Гавриил у него тое чудотворную икону взял, а дал ему за нее 400 ефимков, а тому-де, как протосингел у того греченина тое чудотворную икону взял, ныне 7 лет, и по сие время та чудотворная икона была у того протосингела, а как-де та чудотворная икона была у протосингела и от нея-де было многое исцеление. А просили-де у протосингела тое чудотворные иконы патриархи Цареградской Паисий, что ныне отставлен, да Антиохийский, что ныне в Волоской земле и идет к государю, для того чтобы тому бывшему Цареградскому патриарху послать тое чудотворную икону к государю от себя. А Антиохийский патриарх просил, чтобы ко государю привесть тое чудотворную икону ему, патриарху, самому, о том-де Антиохийский патриарх у протосингела просил гораздо и давал ему за тое икону 500 ефимков и больше, и протосингел-де тем патриархам тое чудотворные иконы не дал. Да иные-де многие благочестивые люди, ведая про тое чудотворную икону, у протосингела за многие деньги тое чудотворные иконы добивалися, только-де протосингел от себя тое иконы никуды отпустити не хотел, а ему-де, Димитрию, тот Еросалимскаго патриарха протосингел отец духовный». Димитрий же, памятуя великую к себе царскую милость, желая сослужить службу и зная царское благочестие, стал говорить протосинкеллу, что хотя он и отказал в иконе обоим патриархам, но впредь если захочет Цареградский, то и силою велит у него отнять, и потому лучше бы ему послать икону в христианское государство и тем показать ему службу к великому государю, «а ему, протосингелу, будет за то государева милость и жалованье, и государевым-де жалованьем протосингела он, Димитрей, обнадежил», почему протосинкелл и согласился отпустить с ним к государю чудотворную икону. К своему рассказу об обретении иконы грек в заключение говорил и следующее: когда турки разорили Влахернскую церковь, то из того места, где стояла икона, потекла и теперь течет вода. Близ того места находятся две церкви: во имя Иоанна Богослова и Димитрия Солунского. В Великий пост, когда бывает акафист Пресвятой Богородице, и 2 июля греки приходят к той святой воде во множестве, устрояется к источнику крестный ход, и бывают в то время

исцеления от всякой болезни тою святою водою, и берут ее греки в домы для милосердия Божия. Святой источник сей течет под городскую стену в море, и 2 июля, когда бывает праздник, в море, где потонули кагана скифского корабли, вода бывает кровавою до 1 сентября, а с сентября опять по-прежнему. Оберегает все то место, откуда течет святая вода, русская полонянка, для того, что ей указано с тех людей, кто к святой воде придет, брать по деньге с человека, и тем она питается, а полонянка сия обусурманена[80].

Другою, не менее ценною святынею, которая принесена к нам с Востока, была глава св. Григория Богослова, и доныне хранящаяся в московском Успенском соборе. Она была привезена к государю в сентябре 1652 года греком Спиридоном Кирьяковым от морейского иеромонаха Григория при грамоте от него следующего содержания: «Ведомо буди благочестивому вашему царствию, что приснопамятный царь Константин Порфирогенит привез из Назианза града в Царьград, как писано в древних книгах, святую главу Григория Богослова, светильника Вселенскаго, учителя и патриарха. Пребывала она с иными многими мощами во время греческих царей на освящение и спасение православным христианам, а после разорения великого Константина града силою Божиею досталась сия святая глава в руки некоторой именитой, великой и благочестивой жены великого казначея Мануила Аргиропула. Жена сия, после пленения, вышла из Царьграда на житье в Критский остров и взяла с собою, как многоценное сокровище, сию святую главу и от нужды своей продала некоторому Петру Колофрону, великому канцлеру Ханеи города, а он дал ея вклад в один монастырь во имя Святой Троицы для своего поминовения, и творила глава сия чудеса несказанныя повседневно и многие исцеления и утешения с верою, чистым сердцем приходившим христианам. Когда же опять пленили город Ханею, в те поры, грех ради наших, раззорили монастырь Святой Троицы, взяли все святые сосуды и ризы и сию святую главу также, которая была великим сокровищем для монастыря. Досталась она некоторому великому вельможе, агарянину Шибан Капитан, и он хотел проведать, для какой притчи

христиане имели в своем монастыре сию святую главу с такою честью, посему помыслил он продать сию главу; для сего взял свидетельственную грамоту от игуменов, учителей, вельмож и православных христиан тамошней страны для удостоверения в истине и, ехавши от Критского острова, показывал на каждом месте сию честную главу с иными священными сосудами и ризами монастырскими, продавая оныя. Случилось Божиим благоволением, что я, меньший раб державного вашего царствия, священноинок Григорий и настоятель обители Пресвятой Богородицы, в области Морейской, на озере, увидел сии святыя мощи, вострепетал и начал у него просить свидетельныя грамоты. Когда увидел свидетельство достоверных христиан, расспросил многих жильцов Критского острова, которые прежде о ней ведали, что она была в Троицком монастыре, ибо не возмог стерпеть безчестия и, если бы можно было, сам предал бы себя на выкуп сей честной главы из агарянских рук, – я дал ему выкупу, сколько он захотел. Принес я к себе то драгоценное сокровище, и было оно в нашем монастыре на освящение и спасение душевное и телесное православным. Но мучение агарянское не дает нам, бедным, иметь ни единого утешения на сем свете, только проторы и обиды, и от того монастырь наш впал в великую бедность, дожили до того, чтобы сбыть сию святыню и дати ее в некое место богатодарное, чтобы нам восприяти помочь исправить бедность нашего монастыря. И про то проведав, от многих и великих стран с великим радением присылали к нам и сулили многую казну, чтобы мы дали те святые мощи им, и великий труд полагали то от нас взяти, яко есть велие и славно и сладко имя сего великого учителя и святильника Вселенского Григория Богослова, только мы им не отдали. И посоветовались между собою иереи с клириками и учителями и иными многими достохвальными людьми, помыслили, что поскольку явно есть патриаршия соборные грамоты о сей главе, то чтобы не отошла она в иное место, кроме как святому вашему царствию, дабы великое сие сокровище во веки веков оставалось посреди державного вашего царства, а не где-либо в малых местах и, как прежде у царей была, так и впредь у

царей будет, с честию и славою. Ибо подобает, где есть утверждение Православия и исполнение благочестия и житие чистое христианское, слава о благочестивых, похвала и утешение пленным, место освященное, на нем же почивает Бог, и имя Христово свободно дерзается; да будет же всегда на умножение святого вашего царства и на освящение благочестивым христианам. И так, боговенчанный и тихомирный царь, с великим радением вседушно и сердечно приговорили прислать и святым вашим рукам дать сию святыню святынь, как праведный закон. И мы же никому иному не поверили сию честную главу, как только сему христианину, Спиридону Кирьякову из области Кастерской, ибо нам о нем ведомо, что он доброго жития и православный христианин, и верен, и друг нельстивый, и поборник нашего монастыря. Посылая его тихомирной державе святого вашего царства, преклоняем главы наши вседушно к подножию Богом венчанного царства, моля вседержителя Бога и Пречистую Его Матерь и во святых отца нашего Вселенского учителя и патриарха Григория Богослова, да восприимешь дар сей во здравие и радость, в освящение и спасение христоименитым людям». Далее молили царя смилостивиться над их обителью, поскольку помогает он многим во все четыре конца вселенной, чтобы могли они оправиться и не разорилась вконец их обитель, за что обещали непрестанно молиться о царском благоденствии. При этом приложено было патриаршее свидетельство: «Да будет ведомо и свидетельствуем всем благочестивым православным христианам, что многого ради согрешения нашего преданы мы в руки агарянские, как и бедный и многострадальный Критский остров; в нем пленили много жен и детей, старых и юных, иноков и инокинь и священные божественные монастыри с церковными сосудами ограблены, а мощи святых рассеяны по Востоку и Западу. Посреди сих плененных монастырей есть монастырь во имя Живоначальной Троицы; в нем были многие священные ризы и святыя мощи и драгоценное сие сокровище – глава св. отца нашего Григория Богослова, учителя Вселенского, вкупе со иными 12 мощами, в серебряных сосудах. Вместе с тою святою главою другая св. глава великомученика Кирика, о

сем пишем и свидетельствуем всем православным христианам: как прежде принесена была на Критский остров святая глава великого Григория Богослова, после взятия Царяграда, женою великого казначея Мануила, где ее купил великий канцлер города Канеи Петр Колофрон, который дал ее во вклад в вышеписаный монастырь Святой Троицы, для поминовения своего и родителей, ныне же опять грехов ради наших во второй раз пленена сия святая глава и досталась в руки некоему капитану Шибал-Рейсу, и он просил у нас удостоверительной грамоты, о чем свидетельствуем истинно. 1648 года, июля 20». Подписались: Иосиф священноинок, Пателарий, экзарх патриарший, и еще 13 священников и иноков города Канеи. Такого же содержания была и соборная грамота, выданная во свидетельство иеромонаху Григорию Вселенским патриархом Паисием от ноября месяца 1652 г. с припиской Антиохийского патриарха Макария и восьми митрополитов[81]. В 1636 году приехал из Крыма вместе с крымскими послами дьячок Иван, Предтеченской, на Солончаках, церкви в Бахчисарае. Из Путивля с приставом он прислал государю мощи св. мученицы Анастасии и при мощах свидетельство о них архиепископа Халкидской страны Сильвестра. Архиепископ между прочим пишет, обращаясь ко всем христианам: «Ныне прибег к нам благочестивый иерей, требуя от нас свидетельства о тех святых мощах, что он нашел их в месте нечестивых, в стране Халкидской, и принес и положил их в церковь с надписью: мощи св. Анастасии, да мощи св. мученика Мины, и задумал подати те мощи православным христианам, и те есть истинные мощи. А посему молим всех вас, да воспримите сего благочестивого архиерея и воздадите ему милостыню всякой по своей силе, чем Бог кого наделил, чтобы ему освободитися и от долгу оплатитися»[82]. В 1680 году путивльский воевода доносил, что приехал старец Пафнутий из Иерусалима и с собою объявил: «Шкатулка не велика в коже, обита железом, а в ней сосудец не велик серебрен кован с кровлею, коробочка, а в той коробочке кость оправлена серебром по краям, а сказал, что-де та кость мощи святаго мученика Димитрия Селунского, часть главы его». Пропущенный в Москву в Посольском приказе Пафнутий

заявил, что его послал из Дамаска игумен их монастыря Михаил, «велел ему бить челом, чтобы великий государь изволил те святые мощи у него принять, а их в тот монастырь пожаловать своим великого государя жалованьем». Пафнутий представил свидетельственную грамоту сочавского митрополита, в которой говорилось, «что тот Димитриевский (в Дамаске) монастырь создан Константином и Еленою во имя святого великомученика Димитрия, ид еже и святые мощи его лежат, принесены от Солуни града изволением Божиим, и с которых мощей, для верности, сей священноинок Пафнутий носит с собою кость главы его – чело, во освящение и исцеление верою поклоняющихся и лобызающих ю»[83]. В 1646 году приехал в Москву архиепископ Симский и Корейский Анфим, который привез государю мощи великомученика Никиты со следующим свидетельством Константинопольского патриарха Неофита об их обретении: «Блаженные памяти инокосвященник Игнатий затворник, пребываючи в месте, нарицаемом Готфине, где святый мученик Никита восприял мучение свое огнем, и те мощи собрал тот затворник Игнатий, и привез в некоторый остров, нарицаемый Кария, и погреб в каменном гробе, и сверху написал свинцовое письмо: здесь положил, аз Игнатий инокосвященник, мощи св. Никиты; и те мощи от древних лет обрелися в Карий некоторым честным людям, и они паки их погребли, и бысть им ведомо то место и, тако шед, сказали епископу того града господину Анфиму и место ему показали, и где есть святые мощи, и отверже сыскал их – благоухание великое издали, и почтил, и имел великое желание положить их в христианских странах. И едучи морем, поймали его разбойники и ограбили его донага, да сверх того стало ему 2000 ефимков, покаместа те мощи освободить, как сведетельствуют ниже сего писанные тамошние священницы и миряне, такоже просил и у нас грамоты для истинной подлинны, и тако дали есми грамоту нашу преосвященному епископу Симскому и Корейскому господину Анфиму 1644 г., месяца апреля индикта 12». Затем следуют 12 подписей тамошнего духовенства, подпись хийского митрополита и последняя подпись: «Евфимий, милостью Божиею, патриарх великого

Божия града Антиохии и всея Анатольские страны»[84]. Халкидонский митрополит в 1655 году посылает главу св. Евгения с таким рассказом о ней: «Посылаю святую главу св. Евгения, иже празднуется в 13 день декабря с пятьми мученики, еяж святая глава обреташася в митрополии Писидийской и уж выше 75 лет, отнележе взяша турцы митрополию разориша ю, и митрополит оного времени Евфимий изжидив, да освободит митрополию, положи ю в заклад у неких внешних на седмьсот ефимков и имяху ю ту, якоже свидетельствует и блаженный патриарх Иерусалимский господин Феофан и блаженный патриарх Александрийский господин Герасим, иже бяху от оного места. И ныне, егда принесоша ю зде и прошаху продати ю и внегда бе митрополит Писидийский нынешний человек мой, понуди мя и дах долг, и взях ю и посылаю святую главу к державному и святому царствию твоему... Посылаю и едины святые мощи к самодержице царице супружнице, еяж суть от длани преподобные матери нашея Параскевии, яж празднуется в 14 день октября, еяж святые мощи бяху целы сохранены в патриаршестве зде в Константинопольском и во время, внеже проси ю и взял воевода молдавский Лупул в Молдавию, тогда аз сам своими руками со благоговением разлучих я и держах в страсе и не лгу, яже да имать во освящение и сохранение всякие противолежащия силы... и что известит благодать Божия человеколюбным твоим утробам и да помилует мя от велиа милости своея»[85]. В 1626 году привез в Москву Константин Ларивонов часть Животворящего Древа, о котором подал такое заявление: «Бью челом и пишу смея и не смея недостойный раб, который принес к вашему царскому величеству святое и пречестное, великое и неизреченное древо, есть то от пречестнаго и Животворящаго Креста, на котором распяли Господа нашего Иисуса Христа Сына Божия, единороднаго и единосущнаго и нераздельнаго. И это древо обрели прародители мои, а по прародителех моих досталось мне, убогому рабу вашего царскаго величества, и видечи я то, чтобы то пречестное древо не осталось там меж волков еретиков агарян, привез если то древо с собою к вашему царскому величеству: да извещаю вам, великим царем, что я от родства

великаго, про то велите распросить... преподобнаго келаря Аникея, он про то ведает... а то древо свидетельственно, и чудеса многие от него творились и про то объявляю неложно, не для мзды, сами вы узрите: какое чудо учнет от него происходить и распросить велите верийскаго митрополита Аверкия, что он видел, и он вам, государем, подлинно скажет про те чудеса»[86]. В 1693 году Иерусалимский патриарх Досифей с племянником своим архимандритом Хрисанфом прислал царице Наталье Кирилловне часть Животворящего Древа, причем писал: «Посылаем вам освящения ради и помощи душевной и телесной частицу самого подлиннаго Честнаго и Животворящаго Креста Господня»[87]. В 1700 году тот же патриарх Досифей писал Петру: «Посылаем с нашим архимандритом вашему величеству, в малом золотом крестике, честного древа часть истинную с иконою Пресвятыя Богородицы, весьма древнего изображения»[88]. В 1704 году братия Успенского в Морее монастыря посылает государю «от мощей великомученика Меркурия средний перст десныя руки, который невидимо прободал злоименитого Иулиана; мощи сии засвидетельствованы истинно»[89]. Так как каждый проситель с Востока обыкновенно привозил с собою какую-либо святыню, которую, как дар, подносил царю, иногда патриарху и другим лицам, имевшим в Москве влиятельное положение, и так как каждому за подносимое правительство платило соболями или деньгами, то с течением времени естественно должна была установиться у нас определенная и постоянная оценка разной святыни, исключая некоторых отдельных случаев, когда святыня привозилась какая-либо особая, за которую и дача была также особая. Обыкновенно правительство, принимая от просителя святыню, справлялось, что за подобную же святыню давалось ранее просителями, и выдавало всегда, применяясь к прежним дачам, благодаря чему в Москве и установились определенные цены на привозимую с Востока святыню. Приведем об этом несколько любопытных справок Посольского приказа, где происходила предварительная оценка привезенной святыни применительно к прежним дачам. «В прошлом во 136 году приезжал к Москве греченин Костянтин, а с собою привез к

государю и святейшему патриарху часть древа от Животворящаго Креста Христова. И за то ему дано государева и святейшего государя патриарха жалованья сорок соболей в 30 рублев, сорок соболей в 20 рублев, а всего на 50 рублев. В прошлом, во 140 году приезжал к Москве с турским послом гречанин Фома Петров, а с собою привез к великому государю святейшему патриарху четыре части древа от Животворящаго Креста Христова. И дано ему государева и святейшего патриарха жалованья за то два сорока соболей по 50 рублев сорок, сорок соболей в 60 рублев, всего на 160 рублев»[90]. «В прошлом во 149 году приезжал к государю к Москве из Царягорода греченин Костентин Остафьев, а привез к государю часть от древа святого и Животворящего Креста Господня. И дано ему государева жалованья за тою святыню соболями на сто рублев. Во 151 году приезжал к государю к Москве сербские земли города Кастория Успения Пресвятыя Богородицы Кременского монастыря архимандрит Герман и бил челом о милостыне и на церковное строение и поднес ко государю святыни часть от древа честного и Животворящего Креста Господня и иную святыню. И дано им государева жалованья на церковное строение и за святыню соболями на 100 рублев»[91]. «Во 160 году прислал ко государю Еросалимского патриарха Паисия протосингел Гавриил за греченином с Савою Дмитриевым святыни – часть древа честного и Животворящего Креста Господня и за тое святыню протосингелу послано государева жалованья соболями на 200 рублев»[92]. В 1754 году Павловского афонского монастыря архимандрит Анатолий поднес императрице вывезенный им из монастыря «ковчег со святым Животворящим Древом Креста Господня». В указе государыня говорит, что «Мы, приняв от того Животворящего Древа, часть отделя, оставили здесь, а протчее отдали ему, архимандриту», с которым послано было на монастырь милостыни на 3000 рублей, да ему, архимандриту, на проезд и на дорогу дано 1000 рублей[93]. Не только часть Животворящего Древа, но и другая святыня – мощи и чудотворные иконы в Москве получали также определенную любопытную оценку. Вот несколько справок Посольского приказа: в 1634 году «посол

(турецкий) Фома привез к великому государю святейшему патриарху святыни руку св. Меркурия от греченина Андрея, и тот Андрей умер, а за ту святыню дано послу Фоме соболями на 70 рублев, а Фоме те соболи отдать по душе того умершего Андрея». Греченин Андроник Ранкавей привез к великому государю святейшему патриарху святыни от греченина Ермолая Ранкавея часть мощей главы Иоанна Предтечи, часть мощей ап. Андрея Первозванного, часть мощей ап. Петра, часть мощей апостола и евангелиста Матвея, и за ту святыню по челобитью посла Фомы послано с ним, с Фомою, к греченину Ермолаю Ранкавею: за Предтечевы мощи соболями на 50 рублев, за апостольские за три мощи на 150 рублев, «а порознь имеетца за апостольские мощи по 35 Рублев соболями за мощи»[94]. «Во 144 году приезжал к государю с крымскими послы греченин из Бакчисарая пречистенской церковной дьячок, а привез мощи св. мученицы Анастасии, да свидетельственное письмо Селивестра архиепископа халдейския (халкидския?) страны, а в том письме писано, те мощи прямые мученицы Анастасеи, и дано ему государева жалованья за те мощи 26 рублев. Во 152 году приезжал ко государю к Москве турские земли города Селуни монастыря св. мученицы Анастасии Узорешительницы архимандрит Галахтион, а с ним старцы, и поднес архимандрит ко государю святыни – мощи святого апостола Андрея Первозваннаго правую руку и иную святыню, и дано ему государева жалованья на милостыню и за мощи соболями на 100 рублев»[95]. В 1646 году Симскому архиепископу Анфиму за привезенные им мощи св. Никиты дано соболями 130 рублей[96]. «Во 161 году прислал ко государю Цареградский бывший патриарх Иоанникий панагею, а в ней мощи св. страстотерпца Георгия Победоносца, да святого Меркурия и святыя Евфимии, и государева жалованья послано к патриарху на милостыню соболями на 150 рублев, да за мощи два сорока соболей, один в 40, другой в 35 рублев». «В нынешнем во 162 году прислали ко государю из Царягорода Еросалимскаго патриарха протосингел Гавриил с греченином Дмитрием Остафьевым чудотворный образ Пречистыя Богородицы Одигитрия иже Влахерне, да морейские области монастыря Пречистыя

Богородицы, что на езере, архимандрит Григорий с греченином с Спиридоном Кирьяковым мощи великого святителя Григория Богослова патриарха Царяграда, и за тое святыню велено к тем, кто прислал, послать государева жалованья соболями протосингелу Гавриилу на 200 рублев, а в морейский монастырь архимандриту на. 150 рублев»[97]. Волошенин Михайло Степанов поднес государю мощи св. великомученика Ореста, «и за тое святыню дано ему государева жалованья соболми 30 рублев»[98]. Из этих и подобных частных и единичных случаев дачи за святыню выработалась общая норма дачи, которая в делах приказа формулируется так: (1644 г.) «А за святые мощи, которые гречане мирские люди ко государю напред сего приваживали, давано государева жалованья соболми – первая статья по 50 рублев, а иным по 30 и 20 рублев за мощи»[99]. 1658 года: «да за святыню и за мощи приезжим гречаном в прошлых годех давано государева жалованья соболми по 50 и по 40 и 30 рублев»[100]. 1670 года: «а которые митрополиты и архиепископы к великому государю присылывал и святыни, и к ним за тое святыню посылывано великого государя жалованья по 40 и по 50 рублев»[101]. Как святыня оценивалась в Москве сравнительно с другими ценными предметами, это видно из следующего случая: в 1641 году грек Константин Остафьев поднес государю: две панагии золотых с алмазами и яхонтами на золотых цепях; мощи Василия Великого – перст от руки, обложенной золотом, и Древо Креста Господня. За панагии ему дали соболями на 500 рублей, за мощи и древо на 100 рублей[102].

Кроме частей Животворящего Древа, мощей и чудотворных икон, просители привозили и иную крайне ценную для христианина святыню. Например, Константинопольский патриарх Иеремия поднес государю золотую панагию, в которой находились: Кровь Христова, часть ризы Христовой, часть от копья, часть от трости, часть от губы, часть от тернового венца, да сверх того он поднес государю три пуговицы от ризы Пречистой Богородицы. В 1628 году архимандрит афонского Дмитриевского скита, зависящего от Ватопеда, принес государю в благословение чудотворное полотенце от великомученика Димитрия со свидетельством за подписью двух афонских

архимандритов (ватопедского и кутлушумского) и двух игуменов. В этом свидетельстве рассказывается, что в Волошской земле был некогда воеводою Авгарь, покрытый струпьями и искавший исцеления в Солуни при мощах св. Димитрия. Когда, по внушению святого, явившегося ему во сне, он положил себе на голову его полотенце, хранившееся в церкви, то немедленно исцелился от своей болезни. Тогда Авгарь увез это чудотворное полотенце в Волошскую землю и положил его в выстроенной им церкви в честь св. великомученика Димитрия. Император Андроник Палеолог Старший велел взять это чудотворное полотенце из Валахии и принес его на Афон в обитель великомученика Димитрия, в которой он постригся под именем Акакия; с тех пор это чудотворное полотенце и хранилось в их ските. «Но братия, видя, что их церковь разоряется и не имеет себе соорудителя, соборно приговорила: послать сие полотенце, вместе с миром св. Димитрия, к великим государям патриарху и самодержцу всея России, ради милостыни и искупления Святой Церкви, дабы они ей были новыми строителями, подобно первому царственному ктитору, императору Андронику Палеологу»[103].

В 1647 году в Москву прибыли старцы с острова Патмоса из монастыря евангелиста Иоанна Богослова и принесли в дар государю дивный и чудный камень с изображением Богородицы, выпавший из рук Ангела в то время, когда евангелист Иоанн писал свое Евангелие. Об этом камне старцы представили свидетельство Константинопольского патриарха Парфения, который пишет: «Отцы посылают небольшой дар – сей святый камень, пишучи святый Иван божественное и священное Евангелие, от божественного ангела паде пред ним, знаменное Богородица Мария». Старцы в своей грамоте к царю про этот камень, с изображением на нем Богородицы, писали так: «Посылаем к царствию вашему от части камени от страны, что апостол видел апокалипсиста, да будет на утверждение царствия вашего». За этот чудный камень старцам было послано в Путивль 25 руб., но самих их в Москву не пропустили[104]. В 1702 году архимандрит того же Богословского на острове Патмосе монастыря поднес государю: лист из

Евангелия Христова, благовестия апостола и евангелиста Иоанна Богослова, писанный учеником его Прохором[105].

Привозили к нам и другие редкости: в 1603 году Иерусалимский патриарх прислал древнюю икону Богоматери, обложенную серебром, принадлежавшую царице Елене; так называемый синайский митрополит Иеремия в 1623 году – масло, которое является из дерева на праздник светлого Христова Воскресения в горе, где постился Илия пророк; тоже от синайского архиепископа в 1636 году – три посоха от того куста, от которого Моисей взял жезл; был принесен к нам и омофор, который был на патриархе Александре, когда он проклинал Ария, печать Александра Македонского и т.п. В 1655 году халкидонский митрополит прислал, по его словам, очень древнюю и интересную Псалтирь, о которой он пишет царю: «Обрел настоящую Псалтирь приснопамятного царя Алексия Комнина в царской палате, ид еже суть сохранени вся книги от времени пленения и хранятся особно коегождо царя, обретох от всех прочих святую сию Псалтырь, якоже является с живописаниями своими, харатейную, является и от лета своего и не требует иного свидетельства, понеже и писец имать и лета писанное… труд великий положих к вельможным и со многими исходы, паче трехсот пятидесяти, и едва взях ю и посылаю в поклонение святого царствия твоего»[106].

Русские охотно, не жалея денег, приобретали от гречан всякую святыню в полной уверенности, что Восток, лишаясь своей святыни, лишался вместе с этим и прочных, необходимых основ истинного благочестия, терял вместе со святынею и право на руководящую роль в религиозной жизни православного мира. Наоборот, сосредоточение христианской святыни в Москве давало русским право с уверенностью смотреть на Москву как на действительный Третий Рим, во всех отношениях заменивший собою новый Рим – Константинополь, а на себя как на людей, обладающих высшим благочестием сравнительно с греками, всегда готовыми за шкуру соболя продать самую драгоценную для всякого истинного христианина святыню. Этот взгляд на торговлю греками святынею и на значение этого явления взаимных отношений между греками и русскими

последние высказывают очень ясно и определенно. Так, Арсений Суханов в своем прении с греками о вере говорил относительно этого в глаза грекам: «Мощей святых у вас было много, и вы их разносили по землям, и ныне у вас нету, а у нас стало много». Составитель славянских святцев из второй половины XVII века в предисловии к ним говорит: «И еже бо греци гордящеся и возносящеся глаголют, яко Русь от них начало прият и неверием омрачаются, мняще русское благочестие ничтоже есть и о святых, угодивших Богу на Руси, у сомневаются. Сами насилия ради от безбожных благочестие свое погубиша, чудотворные иконы также и мощи святых разделивше, вся от себе отвезоша на Русь и свое благочестие пусто сотвориша».

Так все, что прежде давало Константинополю значение главы, столицы всего православного мира: достоинство царское, достоинство патриаршее, обильная и всеми чтимая святыня – все это теперь было перенесено в Москву. Но там, где находится православный царь и рядом с ним патриарх, где не только местной, но и общехристианской святыни было более, чем где-либо в другом месте, там должна быть и столица всего Православия, там должно царить истинное благочестие. Москва, по убеждению русских, теперь стала действительным Третьим Римом, вполне заменившим собою новый Рим – Константинополь.

Отдел II. Русский царь есть опора и покровитель всего Вселенского Православия

Достоинство царя, усвоенное Иваном Васильевичем в качестве преемника и наследника византийских императоров, торжественно утвержденное за ним Константинопольским патриархом со всем Собором и признанное потом всем православным Востоком, налагало на русского государя особые, чрезвычайные обязанности относительно всего Православия и всех православных народов. Как единый теперь православный царь во всей вселенной, как единственный представитель и поборник всего Вселенского Православия, русский государь должен был заботиться о сохранении и процветании Православия не только у себя на Руси, но и на всем православном Востоке, чтобы не дать ему там окончательно погибнуть под тяжким гнетом неверных – это была его прямая, священная обязанность как преемника византийских императоров, как единого теперь православного царя в целом мире. Русские государи, со своей стороны, всегда ясно сознавали эту лежащую на них обязанность относительно Православного Востока и в течение столетий заботливо старались ее выполнить, сообразуясь с данными обстоятельствами того или другого времени.

Глава 4. Благотворительность русских государей православному Востоку в XVI и XVIIстолетиях

Когда русский царь как наследник и преемник византийских императоров принял на себя обязанность покровителя всего Вселенского Православия, то на первое время его покровительство бедствующему православному Востоку по необходимости не пошло далее простой благотворительности, дачи более или менее щедрой милостыни тем, которые обращались за нею в Москву. Поделиться избытком своих культурных сил, своим научным развитием и образованием, в смысле высшей культурной силы, влиять на укрепление духовно-религиозной жизни православных народов русские тогда не могли. В деле научного образования и развития православный Восток, в лице своих представителей-греков, стоял тогда несравненно выше русских, которые сами с течением времени принуждены были обратиться к грекам, чтобы у них добыть себе нужных ученых людей для книжных переводов и исправлений и для устройства школы на Руси. Не мог московский царь до более позднего времени оказывать покоренным турками православным народам какую-либо действительную помощь и в качестве крупной и влиятельной политической силы не мог защищать и ходатайствовать за них перед турецким правительством, потому что не был еще настолько силен, чтобы вмешиваться во внутренние дела и отношения в то время еще могущественной и страшной для всех Турции. Поэтому наши государи до самого XVIII столетия ни разу не решались открыто выступить перед турецким правительством в качестве естественных защитников и покровителей всех православных, конечно, в том убеждении, что всякая попытка в этом роде кончилась бы вполне безуспешно, если не прямо со вредом, даже и для самой России. Таким образом, московскому царю оставалось единственное доступное для него средство оказывать помощь и покровительство страждущим православным на Востоке – это давать и посылать им более или менее щедрую милостыню и в

крайнем случае предлагать преследуемым на Востоке убежище и приют на Руси. В этой именно двоякой форме и выражалось русское покровительство православному Востоку в течение XVI и XVII столетий.

а) Русская милостыня православному Востоку в течение XVI и XVII столетий

(Приезд в Москву различных просителей милостыни с Востока, кормы им на пути от русской границы и в Москве, их представление государю, их московская жизнь. Количество милостыни, которую наше правительство давало различным восточным патриархам, лично приезжающим в Москву, и количество милостыни, которую оно посылало им с различными лицами. Количество милостыни, которая давалась в Москве и Путивле всем другим просителям с Востока. Посылка милостыни на Восток, так называемой «заздравной» и «заупокойной».)

Как скоро московский царь был признан опорою и покровителем всего Вселенского Православия, из всех стран православного Востока в Москву направились целые толпы всевозможных просителей милостыни. Между ними мы встречаем самих восточных патриархов, и лично побывавших в Москве, и посылавших туда за милостынею своих доверенных лиц; видим представителей разных автокефальных Церквей: патриархов сербских, архиепископов – Охридского, Синайского, Кипрского; митрополитов, архиепископов и епископов епархий греческих, сербских, болгарских, молдовалахийских; настоятелей монастырей сирийских, палестинских, египетских, греческих, славянских, румынских; простых иноков, игуменей, инокинь, белых священников и разных мирских лиц. Словом, все православные страны и все православные народности постоянно в течение столетий присылали от себя в Москву самых разнообразных просителей милостыни, которые, кроме особых исключительных случаев, никогда не возвращались назад с пустыми руками.

Обыкновенно просители разными путями добирались до пограничного русского города Путивля (на другие города ездить запрещалось), где они обязаны были явиться к местному воеводе, который немедленно отбирал от них показания: кто они и откуда, через какие земли и города проезжали, зачем едут

в Москву, что везут с собою, т.е. какую святыню, не имеют ли при себе грамот патриарших или грамот с политическими вестями от разных агентов нашего правительства. После допроса воевода немедленно доносил обо всем государю и просил его разрешения пропустить в Москву означенных лиц, которые до получения ответа жили все время в Путивле и пользовались казенным содержанием. Пропуск просителей в Москву не обходился без злоупотреблений со стороны путивльских воевод и их приказных людей, которые иногда нарочно удерживали в Путивле просителей, чтобы получить с них взятку. Так, в 1648 году афонский пантелеймоновский архимандрит Никодим жаловался в Москве в Посольском приказе, что «в Путивле они приехали в феврале месяце, и путивльский-де воевода князь Юрий Долгорукой велел им жить в Путивле и сказал, что он об них отпишет к государю к Москве, и дал им корму на 15 дней. И после того присылал к ним Андрея Левонтьева сына и подьячего Василья и прошали у них сорок ефимков, а хотели их пропустить к Москве, и они им не дали, а жили в Путивле, дожидались государева указу шесть недель и четыре дни. И сказал им воевода, что прислано к ним государева жалованья сорок соболей в 30 рублей, и те соболи им дали. И они дали подарков воеводе: золотой большой царя Константина, да мощи св. Пантелеймона, да сафьян, да ковер, да подьячему Василью два ефимка, да сафьян, да фату, голове Ондрею 6 ефимков, и поехали они из Путивля на Киев»[107]. В том же году синайский архимандрит Меркурий в особой челобитной жаловался государю, что в жалованной грамоте синайскому монастырю повелевается из Путивля отпускать их в Москву без задержания, а между тем подьячий съезжей избы Петр Жагрин «своим насильством, без воеводского ведома держал нас многое время в Путивле для своей бездельной корысти и взял у нас семь рублев денег, да с толмача нашего два рубли, да он же сверх того хотел у нас монастырскую лошадь взять», почему и просит государя возвратить у них отнятое[108]. В 1651 году грек Иван Петров, служивший у нас тайным политическим агентом, в челобитной государю жалуется, что он с государевым делом послал из Малороссии

черного попа Давида, но путивльский воевода задержал его на шесть дней, пока не получил с него взятки в семь рублей. Далее Иван Петров заявляет в челобитной, что, когда в Путивль приезжают «купецкие люди» и просятся в Москву, воевода берет с них по 100, 150 и 200 ефимков и за то дает им сколько нужно подвод, кормы и не задерживает их[109]. Жалобы на подобные злоупотребления встречаются и еще не раз[110]. Когда на донесение воеводы о приехавших просителях милостыни получался царский указ с разрешением пропустить приехавших в Москву, их немедленно отправляли туда на казенных подводах и содержании, в сопровождении особого пристава, о чем воевода, т.е. об отпуске просителей в Москву, опять доносил государю особою грамотою. Подвод им давалось «сколько подняться можно», а содержание как в Путивле, так и на пути в Москву выдавалось неодинаковое, смотря по тому или другому рангу просителя[111].

Получив в Путивле казенные подводы и кормы, а питье получая по городам из кабаков, просители отправлялись определенным путем в Москву в сопровождении особого пристава, который и наблюдал за ними, и в то же время был их проводником и охранителем от разных случайностей пути. Не раз даже высокие просители во время пути подвергались разным неприятностям. В 1640 году севастийский митрополит Иосиф жаловался государю, что в одной деревеньке, не доезжая Севска, где он остановился на ночлег, крестьяне побили его племянника и служек без всякого повода. По словам Иосифа, дело происходило так: он послал было своих служек купить корму лошадям, а сам остался на гумне со своим племянником. Но мужики напали на его служек и побили их, а один из них подступил к нему, бил ослопом его племянника, которому переломил руки и ноги, и затем ругал и хотел бить и самого митрополита, и только крестьянин, у которого он остановился, спас его от побоев. Иначе показывали допрошенные по этому доносу на месте крестьяне. Они говорили: «Приехал к ним в село Козинку севастийский митрополит со старцы и служки и почали-де у них, крестьян, митрополичий племянник и служки грабить насильством конской

корм и себе на корм имали куры, и за то-де те крестьяне тово митрополича племянника били ослопы и, бив, покинули замертво»[112]. В 1650 году лаодикийский епископ Иоасаф в челобитной жаловался государю, что на него и его спутников в одном селе Севского уезда напали севский стрелец с товарищами и пограбили у него денег 20 рублей, а его, архимандрита, и спутников били и увечили[113]. Очень неприятные приключения на пути в Москву случались иногда даже с самими Вселенскими патриархами и их свитою. В 1649 году Иерусалимский патриарх Паисий, направляясь в Москву, остановился в Калуге. Сопровождавшие патриарха отправились в городские ряды, чтобы закупить себе хлеба, калачей и рыбы. Все купленное было сложено в сани, чтобы отправить на двор к патриарху. «И к ним, – говорит отписка калужского воеводы государю, – в сани бросили на тот харч – на хлеб, на калачи и на рыбу – неведомо какие люди кобылью кость». Когда гречане стали говорить этим людям, «для чего-де они их позорят и харч их скверняют», то в ответ на это те люди двух гречан «в ряду били вилами сенными и от того-де бою один человек лежит». Воевода произвел о случившемся розыск, и сын боярский Кузьма Бахтеяров сознался, что он бросил кобылью кость в сани гречанам на их харч, но что били их другие люди, которых он не знает. «И мы, – говорит отписка воеводы, – Кузьме Бахтеярову велели, навязав на горло тое кобылью кость, учинить наказанье: бить кнутом впроводку, и, у чиня ему наказанье, велели его вкинуть в тюрьму до твоего, государева, указу»[114]. В 1654 году Антиохийский патриарх Макарий жаловался царю, что калужский ямской приказчик, несмотря на царскую грамоту и все настояния его, патриарха, никак не хотел давать ему подвод. Вследствие этой жалобы государь велел за бесчестье патриарха отсечь приказчику мизинец и отставить от должности[115]. В 1660 году торговый грек Дмитрий Юрьев, приезжавший в Москву с узорочными товарами и с письмом к Никону от бывшего Константинопольского патриарха Паисия, в челобитной государю заявил, что проезжие царские грамоты, выдаваемые гречанам, «воеводы в городах и во всей царской земле не слушают и ни во что их почитают, а нас велия

изобижают и держат нас в городах воеводы по три дни и по четыре, мучат нас по-собачьи, и мы, бедные гречане, проезжаем три и четыре царствы», чтобы прибегнуть к милосердию православного государя и приять покой, «а здесь нас мучают пуще собак»[116].

Прибыв в Москву, просители милостыни должны были явиться в Посольский приказ, где их опять, как и в Путивле, подвергали допросу: кто они, откуда, через какие страны и места ехали, что видели или слышали на пути, что делается в других странах, нет ли где войны или приготовлений к ней и т.п. Все их показания немедленно записывались и хранились в архиве приказа. В Москве просители помещались обыкновенно на хиландарском сербском подворье, которое находилось за Иконным рядом у Богоявленского монастыря и было подарено афонскому сербскому Хиландарскому монастырю Иваном Грозным. С половиныXVII столетия, когда это подводье было отобрано у хиландарцев, просители жили в Никольском греческом монастыре, подаренном афонскому Иверскому монастырю; жили они иногда и по другим московским монастырям и подворьям. В Москве приезжим просителям поденный корм и питье давались обыкновенно в большем количестве, нежели в Путивле и на пути в Москву[117]. До представления государю просители не выходили со своих подворьев и не имели права сноситься с кем бы то ни было без посредства находившегося при них пристава и без особого разрешения государя. В назначенный срок каждый проситель получал дозволение «видеть государевы очи», что происходило с особыми церемониями, отличающимися большею или меньшею торжественностью, смотря по рангу и важности просителей. На представление государю они через дьяка являли привезенную государю святыню, имевшиеся при них патриаршие грамоты, а государь, со своей стороны, тоже через дьяка объявлял им свои подарки и допускал к своей руке. После представления они приглашались к столу государя, или вместо этого почетные кормы от государя посылались на подворье. Эти приемы государем просителей милостыни похожи были во всем на приемы послов и гонцов разных иностранных

государств[118]. После царского приема просители жили в Москве на полной свободе по нескольку недель и месяцев, пользуясь во все время своего пребывания определенным царским содержанием. В это время, всегда с особого разрешения государя, они ездили обыкновенно молиться в Троицкую Лавру, в Саввин и после в Воскресенский монастыри, где их встречали, угощали и наделяли более или менее ценными подарками. Кроме того, просители ходили по московским монастырям, по властям (архиереям), по знатным и богатым людям, выпрашивая у них милостыню, причем подносили им мощи или какую-либо другую святыню, за что получали особую плату. Между тем племянники просителей, которые в действительности были купцы, пользуясь в Москве казенным содержанием, выгодно распродавали здесь беспошлинно и на казенных подводах привезенные товары и по дешевым ценам закупали особенно меха, чтобы отвезти их на казенных подводах до границы и там продать с большими барышами, известную часть которых они должны были уделять тем духовным лицам, которые привозили их в Москву в качестве своих племянников. Когда просители получали в Москве все, что только им было можно получить, они подавали в Посольский приказ, ведению которого подлежали во все время своего пребывания в Москве, челобитную на имя государя с просьбою отпустить их домой. Тогда им назначалась прощальная аудиенция у государя в том же порядке, как и «на приезде», причем и «на отъезде» давались разные дары и лично и на монастыри. Но чаще прощальная аудиенция заменялась простым объявлением через Посольский приказ «дачи на отъезде», после чего просители отправлялись из Москвы в Путивль. Отправлялись они назад, как и приезжали, на казенных подводах, корм и питье давалось им от Москвы до Путивля на две недели, количеством несколько больше против того, что давалось им на пути в Москву[119].

Цель всех этих поездок просителей из разных стран православного Востока в Москву заключалась в том, чтобы получить от московского государя, как покровителя всех православных, милостыню, которая давалась в Москве каждому

просителю два раза: на «приезде» и «на «отъезде», и состояла из серебряных кубков, материй, соболей, денег, иногда икон и других предметов. Понятно, что милостыня, которую давали в Москве патриарху, митрополиту, простому старцу или бельцу, была очень неодинакова. В этом случае обращалось внимание на иерархический сан просителя – чем он был выше, тем дача была больше; с понижением сана просителя понижалось и количество дачи, так что просители по количеству получаемой ими дачи делились на несколько групп, из которых самую первую и высшую группу представляли восточные патриархи.

В Москву за милостынею не раз лично приезжали сами восточные патриархи различных кафедр и получали здесь от государя, государыни и от разных членов царской семьи очень богатую милостыню. Дача патриархам, как и другим просителям, была двух родов: личная, т.е. лицу самого просителя, и дача на милостыню, т.е. на нужды епархии, монастыря и т.п. Личная дача всем патриархам, по крайней мере за XVII век, всегда бывала одинакова, именно: каждому из них давали подарков на 2000 рублей, так как всегда давали, применяясь к подобным же предшествующим случаям[120]. Что же касается дачи на милостыню патриархам, то она была очень неодинакова: Иерусалимскому патриарху Паисию на милостыню дано 4000 рублей[121], Антиохийскому Макарию в первый его приезд в Москву 3000 рублей соболями, а во второй приезд 6000 рублей[122], Александрийскому патриарху Паисию государь велел дать на милостыню «из сибирского приказу мягкою рухлядью на 9000 рублей»[123]; бывшему Константинопольскому патриарху Афанасию Пателару всего дано было только на 2000 рублей[124], а Сербскому патриарху Гавриилу лично дано было столько же, сколько давалось более знатным митрополитам, а на милостыню и подъем, когда он отправлялся на богомолье в Иерусалим, ему дано всего только 400 рублей[125]. Меньшая дача Афанасию и Гавриилу объясняется тем, что первый в то время уже не был действительным патриархом, а второго, Гавриила, и вовсе не признавали за патриарха, а приравнивали его к высшим митрополитам. Кроме даров от царя, царицы и членов царской семьи, патриархи получали дары от разных московских

монастырей, в которых они иногда служили, от духовных властей, от бояр и разных богатых лиц, которым они посылали от себя части мощей, иконы, иорданскую воду, а также разрешительные грамоты, которые были для разных лиц различные. «Самая полная, – по словам дьякона Павла Алеппского, – предназначалась для знатных людей, средняя для простых, а сокращенная для женщин». Как и все просители, патриархи ездили на богомолье в Троицкую Лавру, где, по указу государя, тамошние власти должны были давать им: «образ Богородицы чеканен с пеленою из старых образов, образ Сергиево видение обложен серебром, кубок серебряный в семь гривенок (гривенка полфунта), братина серебряная в 10 рублей, атлас смирный, камка адамашка синея или багровая, объярь, если есть, сорок соболей в 40 рублей, денег 50 рублей, два полотенца троицких, 5 братин троицких с венцы хороших, ставики троицкие, ковш троицкий, судки столовые деревянные подписаны, стопа блюд больших подписанных, братина великая с покрышкою подписанная, кувшинец писаной не мал». Одаряли в Лавре разными подарками и всех лиц, сопровождавших патриарха[126]. Получали патриархи значительные выгоды и от сопровождавшей их свиты, которую они иногда нарочно составляли из всякого случайного сброда. Так, например, поступал, по свидетельству Павла Алеппского, Иерусалимский патриарх Паисий, который набирал в свою свиту кого попало, записывая всех то архимандритом, то иеромонахом, то просто монахом какого-нибудь вифлеемского, Михайловского, саввинского и других монастырей, с тем чтобы все эти лица уступали патриарху известную часть из тех подарков, какие они получат в Москве. Подобно Паисию поступал и Афанасий Пателар. Но этого мало: Паисий еще набрал в свою свиту многих купцов, чтобы под видом своих слуг провезти их на казенных подводах и полном казенном содержании в Москву вместе с их товарами. «Когда в Путивле воевода, знавший греческих купцов, заметил патриарху, что это не слуги, а купцы, то Паисий спокойно ответил на это, что-де хотя и были прежде сего торговые люди, только-де ныне служат ему, патриарху», и купцов пришлось пропустить в Москву под

видом патриарших слуг[127]. За такую услугу патриарх брал с купцов известную сумму, и, как видно, немалую. По крайней мере, один из этих купцов, грек Мануил Юрьев, показывал потом, что патриарх Паисий, будучи в Москве, просил у него в подарок себе часы, но, говорит грек, «я ему тех часов не дал, а продал я их на сторону, взял за них полтораста рублев, а дал я ему вместо милостыни по силе своей двадцать пять рублев денег». Патриарх остался крайне недоволен такою дачею и, не дав заметить этого Мануилу, уезжая из Москвы, оставил в Посольском приказе иск на Мануила в 75 рублей. Этот иск патриарха ввиду данных Мануилом объяснений оставлен без последствий[128]. Таким образом патриархи, приезжавшие в Москву за милостыней, собирали на Руси разными способами в общей сложности громадные суммы[129], так что их приезды, несмотря на всю честь, какую они приносили Москве как столице всего православного мира, обходились русскому правительству очень и очень дорого. Ко всевозможным дачам, как самим патриархам, так и каждому члену из их многочисленной свиты, нужно присоединить еще подводы, кормы, питья и посуточные деньги во все время пути и пребывания в Москве, которое иногда продолжалось чуть не целый год и даже более. Одних посуточных денег, помимо всевозможных припасов, выдавалось немало: Антиохийскому, например, патриарху Макарию давали один рубль на день, да на свиту 1 1/2 золотых в день. Разных же припасов ежедневно им выдавалось так много, что их, вероятно, приходилось продавать[130].

Приезды самих восточных патриархов за милостынею в Москву были явлением редким и исключительным, обыкновенно же милостыня им посылалась или с нарочитыми лицами, которых они сами присылали за этим в Москву, или же, и чаще, с нашими константинопольскими послами. Эта милостыня для разных патриарших кафедр была неодинакова, неодинакова в разные времена и для одной и той же кафедры, не всегда давалась всем четырем патриархам. Причина такого неравенства дачи милостыни разным патриаршим кафедрам зависела не столько от иерархического достоинства самых

кафедр, сколько от той роли, какую тот или другой патриарх в данное время играл в политических сношениях России с Турцией, насколько он мог оказать какие бы то ни было услуги русскому правительству, насколько оно считало известного патриарха нужным и почему-либо полезным для себя. Естественно, что Константинопольский патриарх по своей близости к турецкому правительству, по своим связям в Константинополе, по своему первенствующему положению в Православной Церкви был особенно важным и нужным лицом, а потому он всегда и пользовался особым вниманием русского правительства и получал от него самую большую дачу. Понятно, с другой стороны, что патриархи Александрийские и особенно Антиохийские, как жившие не в Константинополе, вдали от турецкого правительства, не могли оказывать каких-либо особых услуг русским государям, а потому Антиохийские, например, патриархи почти совсем и не получают милостыни от наших константинопольских послов наряду с другими патриархами. После Константинопольских более часто и в большем количестве получали милостыню

Иерусалимские патриархи, как по особому уважению русских к Иерусалиму, так и потому, что Иерусалимские патриархи часто жили в Константинополе и при случае, особенно некоторые из них, являлись очень ревностными приверженцами русского правительства, готовыми на всякие для него послуги. Понятно отсюда также и то, что количество дачи одной и той же кафедре могло быть в разное время очень неодинаково, смотря по тому, в каких отношениях данный патриарх находился к Москве, насколько от него ожидалось ревности и готовности служить интересам русского правительства. Сколько русское правительство передавало всего на милостыню восточным патриархам, высчитать теперь едва ли возможно[131], так как каких-либо определенных правил на этот случай до XVIII века вовсе не существовало; всякий раз посылали, соображаясь с данными обстоятельствами, и самую посылку приурочивали к отправке послов в Константинополь. Эта неопределенность и случайность дачи патриархам была уничтожена и заменена строго определенною дачею, сначала

относительно Константинопольских патриархов, а потом и относительно других уже в XVIII столетии.

В 1715 году Петр Великий обратился к Константинопольскому патриарху с просьбою разрешить ему лично и всему русскому войску во время походов мясоястие во все посты, обещая за это патриарху свои милости. Тот охотно исполнил просьбу царя и отменил для него лично и всего войска во время походов все посты, исключая недели перед причастием. За эту услугу патриарх требует от царя обещанной награды. А так как Петру еще нужно было заручиться согласием патриарха на отмену русского патриаршества и учреждение Святейшего Синода, на отмену перекрещивания лютеран и кальвинистов, то 3 января 1718 года он дал свою жалованную грамоту Константинопольскому престолу. В этой грамоте царь писал, что Константинопольскому патриарху «за подписанием нашей собственной руки и за нашею государственною большою печатью» посылается настоящая жалованная грамота; а так как патриарх просил государя помочь крайне бедствующей Константинопольской Церкви, то «посему, как Православие любящий и сын той Восточной Церкви, соболезнуя об оной, определяем повсегодное вспоможение великой Константинопольской Церкви к нему, святейшему патриарху Иеремии, и будущим по нем святейшим Константинопольским патриархам из нашей царской казны посылать каждый год на три тысячи рублей соболей, которые имеют отдаваемы быть без замедления присылаемым от него, святейшего патриарха, которых (а именно два или три лица) имеет он и преемники его, на том патриаршем престоле будущие, присылать для нашего жалованья повсегодно, и тем присланным в нашем Российском государстве надлежащий и достойный по чину и сану прием и отпуск учинен быть имеет... и то все впредь, – говорит грамота, – содержать нашего царского величества жалованною грамотою обнадеживаем, определяя и узаконяя нашим будущим наследникам нашего Всероссийского царского престола, по сей нашей данной жалованной грамоте без всякого прекословия исполнять»[132]. В 1735 году, 27 октября , составлены были так называемые «палестинские штаты», которыми назначалась

ежегодная пятитысячная сумма на дачу всем просителям милостыни, причем относительно дачи патриаршим кафедрам постановлено было следующее: так как доселе милостыня патриархам Александрийскому, Иерусалимскому и Антиохийскому выдавалась неравная и по расчету всех предшествующих дач оказывается, что им приходилось получать ежегодно не более как по 75 рублей, то теперь им полагается дача, равная в год 100 рублям патриарху. Теперь они должны через пять лет в шестой присылать в Россию за милостыней по одному архимандриту или игумену, по одному иеродиакону да из светских служителей по два человека. Повелевалось послать жалованные на указанную дачу грамоты патриархам Александрийскому, Иерусалимскому и Антиохийскому за подписью членов Святейшего Синода и вместе копии с этих грамот, чтобы подлинные грамоты всегда находились у самих патриархов, а за получением назначенной милостыни их посланные являлись бы с копиями. Посланные от патриархов пользуются казенными подводами и кормами и должны иметь достаточные свидетельства от патриархов, чтобы не случилось обмана, а также нелишним признается брать им свидетельство от русского константинопольского резидента, а посланным Александрийского и Антиохийского патриархов от английских и голландских местных торговых консулов. Если паче чаяния посланный от патриарха явится прежде назначенного срока, хотя бы и имел все нужные подлинные документы, что он действительно посол патриарший, пропускать его через границу ни под каким видом не следует, приехавших же в назначенный срок пропускать немедленно без всякой задержки, снабжая казенными подводами и кормовыми деньгами. Относительно дачи Константинопольскому патриарху состоялось особое постановление: ему назначена была из ассигнованной на ежегодную милостыню пятитысячной суммы ежегодная дача в тысячу рублей, которая должна отсылаться русскому константинопольскому резиденту, и уже тот передавал ее патриарху, но только при следующих условиях: так как известно, что Константинопольские патриархи нередко занимают патриарший престол незаконно, покупая его у турок и

низвергая через подкуп своего предшественника, то и повелевается указанную «немалую денежную сумму» производить только такому патриарху, который займет патриарший престол по смерти своего предшественника и через общее избрание. Чтобы получающие патриарший сан «через симонию» не имели никакой надежды на получку ежегодной тысячной дачи, русскому резиденту в Константинополе повелевается наблюдать за тем, как и при каких обстоятельствах совершилась перемена на патриаршем Константинопольском престоле, о чем немедленно доносить Святейшему Синоду и иностранной коллегии. И только когда, по донесении резидента, «таких перемен в тамошних Константинопольских патриархах не окажется, но престолоправительствуют правильно и общим правоверных избранием по смерти предместника своего, а не чрез симонию сан патриарший на себя восхитив, то таковому и впредь повсегодно оную определенную по тысяще рублев на год милостыню, из означенной же пятитысячной рублевой суммы, отпускать вышереченным образом»[133].

Кроме денежных дач патриархам иногда посылались очень ценные подарки. Так, в 1626 году Иерусалимскому патриарху Феофану от царя и Филарета Никитича посланы были «серебряные вызолоченные рукомойник да лахань, весу в обоих 31 гривенка (15 1/2 фунта) и сорок золотников, а гривенка по 5 рублев, итого 159 рублей, 6 алтын». В 1644 году тому же Феофану послано было с архимандритом его Анфимом 10 окладных икон, «а на оклад на те иконы пошло ефимочного серебра, которое взято из сибирского приказу, пуд, 8 гривенок и 25 золотников, цена по 7 рублев фунт, итого 337 рублев, 27 алтын, 3 деньги. Да на тот же оклад пошло листового золота 7300 листов, цена по 9 рублев, по 24 алтына, по 2 деньги тысяча; итого 71 рубль, 6 денег. Да на венцы и на подписи взято из казны ж 44 золотых, по рублю золотой, итого 44 рубли. Да серебряным мастерам, от того иконного окладу от дела дано 65 рублев. Всего на иконный оклад изошло 517 рублев, 28 алтын, 3 деньги». В то же время Феофану сделана была и послана шапка

(митра) ценою в 880 рублев, 29 алтын»[134]. В то же время и Александрийскому патриарху Иоанникию

посланы были: 4 местные, обложенные серебром иконы, драгоценная митра из золота и каменьев «с яхонты и лалы и с изумруды и жемчугом обнизана», а также «святительская одежда со всею службою и понагея и посох»[135]. Местные четыре иконы, обложенные чеканным серебром и золотом, посылались и Константинопольскому патриарху Кириллу Лукарису. В благодарственной грамоте за эти иконы Лукарис в 1632 году писал: «Те святые иконы с благоговением и со страхом поставили есми во святой Великой Церкви в патриаршестве в Костянтине граде, и услышал всяк народ и собрался в истинную и соборную церковь всяк поклонитися тем святым иконам, которые есте прислали царствие ваше, и со многим желанием и радостью пели есми всем собором молебен о здравии царствия твоего... И не токмо же христиане Костянтина града собралися и приходили кланятися тем святым иконам, не только Костянтин град бяше, из сел и из всех городов, слышати воспоминание то приходя, поклонялися им, и бысть великая радость и веселие во всем роде греческом и слава и похвала к тебе, благочестивому и Богом венчанному царю»[136]. Когда же вскоре после этого были посланы еще иконы уже лично самому патриарху, то он в июне 1633 года писал государю и патриарху следующее: «А как во Цареграде видели пречестные и пресвятые иконы великого твоего царствия и преблаженства твоего и великие люди у нас того просили, чтобы им тех святых образов послати посмотрити и я к ним не посылывал, а имею их паче великого сокровища, и поставил и устроил есми их в тайных моих кельях, в которых я сам пребываю, и почитаю их, и прикладываюся к ним, а когда молюся и я прошу в молитве своей, чтобы ваша царская молитва восходила к Богу с моею молитвою вкупе до моей смерти, что есми аз древний. Да великие ж люди, которые пребывают в Царьграде, христиане от всего народу и многие турки, приходили в мою келью видети те святые ваши иконы, и те честные иконы они видели, только турки к ним не прикладывалися, потому что на то я им не позволил и

прикоснутися им к тем честным иконам не дал. А которые в то время прилучилися греческие власти и те все к тем честным иконам прикладывалися, а франкам и иного народу никому не дал есми ни рукою прикоснутися, и благодарю много великое твое царствие и преблаженство твое, что есте мне учинили сию благодать, что мне имети те святые иконы, и да будет со мною Господь наш Иисус Христос и да сподобит нам стати пред лицем Своим во Царствии Небеснем»[137]. Если, по словам Кирилла Лукариса, смотреть на присланные ему в подарок царем иконы и прикладываться к ним собирался не только весь Константинополь, но и жители разных сел и городов, и не только христиане, но даже будто бы турки и франки, которых он, однако, приложиться к иконам не допустил, то Иерусалимский патриарх Феофан уже решительно заявляет, что полученная им в его бытность в Москве икона от инокини царицы Марфы творит теперь на Востоке чудеса. В грамоте к инокине Марфе в 1630 году с просьбою о милостыне Феофан между прочим пишет: «Сотвориши нам милостыню, якоже и прежде того нас помиловала еси, яже тою святою иконою, что есть творит ныне многие чудеса и здравие подает, и всяк видя, честь и хвалу воздает, что есть от рук даяние царских»[138]. Вероятно, подаренная Феофану икона была особенно драгоценна.

Дача милостыни патриархам, кроме исключительных случаев их личного приезда в Москву, производилась или через лиц, нарочно присылаемых ими в Москву, или через наших константинопольских послов. Между тем все другие просители, за самыми ничтожными исключениями, обязательно сами должны были ехать на Русь, чтобы здесь получить милостыню или в Москве, или в Путивле. Количество милостыни просителю определялось его иерархическим рангом, а также тем, где он получал милостыню – в Москве или в Путивле.

Высшую, после патриархов, дачу получали митрополиты, затем архиепископы и епископы, за ними следовали настоятели разных монастырей, а потом простые старцы и белые попы и, наконец, просто бельцы. Как и патриархи, все просители получали двойную дачу: лично для себя, или поручную во время представления государю, и на «отъезде», на

«милостыню» или «на окуп». Для каждой группы просителей существовала определенная норма дачи, так как каждому лицу давали, применяясь к прежним дачам таким же лицам. Приезжает, например, митрополит; чтобы определить, сколько ему следует дать на милостыню, в докладе о его приезде государю выписывались «на пример» случаи прежних приездов митрополитов и количество полученной ими милостыни (то же делалось и относительно поденных кормов и питий). Государь всегда приказывал выдать приезжему милостыню, применяясь к прежним дачам, вследствие чего и образовывалась для всех просителей определенная норма дачи, которая, за ничтожными изменениями, оставалась всегда одна и та же. Если по каким-либо обстоятельствам приходилось кому-либо дать больше обычной установившейся дачи, то в деле об этом указывалась и специальная причина увеличения дачи, причем в резолюции государя в таких случаях всегда обозначалось, что увеличенная дача дана не в образец другим: «И впредь на пример ее никому не выписывать». Уменьшать дачу против предшествующих примеров было неудобно в том отношении, что это обстоятельство всегда вызывало со стороны просителей, наперед уже хорошо знавших, сколько им следует получить, докучливые челобитные царю, что их обошли милостынею перед их собратьями, что они оскорблены малою дачею. Таких челобитных встречается немало, и потому правительство всегда строго держалось раз установившейся и всем известной нормы, чтобы избежать докучливых просьб о прибавке к данной уже милостыне. Сколько именно давалось разным просителям поручной дачи в Москве, это видно из следующей росписи Посольского приказа 1647 года, составленной на основании дач всех предшествующих годов: «Выписано на пример, по чему в прошлых годех на Москве государева жалованья давано приезжим гречаном: а) митрополитам – по кубку серебряному золочен с кровлею по 2 гривенки (т.е. фунт), кубок, камки куфтерю смирной по 12 аршин, по сороку соболей по 40 рублев сорок, а иным по 30 рублев сорок, человеку; денег по 40 рублев, а иным по 30 и по 20 рублев человеку. Архимандритам их: по камке адамашке, по сороку соболей по 20 рублев сорок, денег

по 20 рублев, а иным по 15 и по 12 рублев человеку. Архидиаконам: по сороку куниц меньшей цены. Денег по 10 и по 8 рублев человеку. Келарям и черным попам: по сороку куниц меньшей цены, денег по 8 и по 6 и по 5 рублев человеку. Дьяконам: по тафте, денег по 6 и по 5 рублев человеку. Митрополичьим братьям: по тафте, денег по 4 рубли человеку. Толмачам: по сукну по доброму, денег по 3 рубли человеку, и служкам: по сукну доброму, денег по 2 рубли человеку; б) архиепископам и епископам: по кубку серебряному золоченому по 2 гривенки кубок, камки куфтерю по 12 аршин, по сороку соболей в 30 рублей сорок, денег по 25 и по 20 рублев человеку. Архимандритам их, и архидиаконам, и келарям, и черным попам, и дьяконам с племянником давано государева жалованья на милостыню против митрополичих архимандритов, и старцев, и племянников, что писано выше сего; с) а гречанам бельцам: по тафте, денег по 5 рублев человеку. А на отпуске митрополитам же давано государева жалованья, по их челобитьям, на церковное и на монастырское строение, а иным на окуп, которые от агарян разорены и впали в большие долги, по 200 и по 150 и по 100 и по 50 рублев человеку. А иным митрополитам и архимандритам и старцам и толмачам и служкам давано государева жалованья на отпуске против тое ж дачи, как им давано на приезде. А иным митрополитам давано на отпуске по 50 рублев, архимандритам и старцам и толмачам и служкам против первые дачи, что им дано на приезде, в пол. А архиепископам и епископам давано государева жалованья против первые дачи тож, что им давано на приезде, а иным давано по 50 и по 40 рублев человеку. Архимандритам их и старцам и толмачам и служкам давано государева жалованья на отпуске против прежние дачи, что им давано и на приезде, а иным давано против прежней дачи в полы. А гречанам же бельцам давано государева жалованья на отпуске по их челобитью на окуп по 50 и по 40 и по 30 рублев человеку, а иным давано по 25 и по 20 и по 15 и по 12 рублев человеку»[139]. Таким образом, при высшей даче на приезде и отъезде сам митрополит получал от царя рублей 300, да его свита рублей 200, а при самой низшей даче митрополит

получал рублей 120, а его свита рублей 150, т.е. на наши деньги на подарки митрополитам и их свите каждый раз расходовалось от трех до пяти и более тысяч рублей, полагая, что ценность тогдашнего рубля равнялась десяти, если не более, нынешних. К этому нужно прибавить кормы, питья, подводы и т.п., что также должно было составить очень порядочную сумму, так как просители иногда жили на Руси довольно долго. Количество дачи архиепископам и епископам приравнивалось, как видно, к низшей даче митрополитам. Кроме митрополитов, архиепископов и епископов с их свитами в Москву приезжали, притом чаще всех других просителей, архимандриты разных православных восточных монастырей со своею свитою. По количеству получаемой дачи архимандриты делились на две статьи. Архимандритам первой статьи дача была следующая: по камке адамашке смирной, сорок соболей по 30 рублей сорок, денег по 25 и по 20 рублей человеку; архидьяконам: сорок куниц и денег по 10 и по 5 рублей человеку; черным дьяконам по тафте смирной, по 8 и по 7 рублей денег; служкам по 3 рубля да по сукну доброму. Архимандритам второй статьи: по камке адамашке, сорок соболей в 25 или в 20 рублей и денег по 20 или 15 рублей; келарям сорок куниц или сорок соболей в 5 рублей и денег по 10 и по 8 рублей; архидьяконам по тафте смирной и по 7 рублей денег; черным дьяконам по тафте смирной и по 6 рублей денег; служкам по 2 рубля денег и по сукну доброму[140]. Указанная дача архимандритам и их спутникам была личная или поручная, но была и другая дача на монастыри собственно. Эта дача была неодинакова для различных монастырей, неодинакова и для одного монастыря за разные годы. В приказных пометах дача на монастыри обозначается так: «И в иные монастыри давано государева жалованья архимандритом на милостыню и на окуп, а иным на монастырское строение собольми по 150 и по 130 и по 100 и по 70 рублев»[141]. Большую дачу давали обыкновенно в монастыри, которые имели у себя царские жалованные грамоты с правом приезжать в Москву в известные сроки. В каждый назначенный срок они обязаны были являться в Москву, так как за пропущенные сроки милостыня не выдавалась[142]. В 1688 г.

погоянинского Успенского монастыря архимандрит, получив в Москве на милостыню 100 рублей, просил еще прибавки на том основании, что из их монастыря не приезжали за милостынею уже 15 лет, а жалованная грамота велит им приезжать в пятый год. Ему было прибавлено на милостыню еще 100 рублей, но при этом сделана была помета: «А иных монастырей властям та дача не в образец и на пример никому не выписывать»[143]. Эти пропуски сроков, назначенных для приезда за милостынею в Москву, были явлением почти обычным, так что только очень редкие монастыри, имея у себя жалованную грамоту, являлись в Москву в каждый следующий срок[144]. Небольшие монастыри не имели жалованных грамот и получали меньшую дачу по 50 и по 40 и даже по 30 рублей[145]. Единообразная дача милостыни в различные монастыри введена была только в 1742 г., когда постановлено было, с одной стороны, давать милостыню только тем монастырям, которые имеют у себя царские жалованные грамоты, с другой стороны, давать всем монастырям, исключая афонского Ватопедского, одинаковую дачу через каждые пять лет, именно по 175 р. на монастырь, полагая ежегодную дачу на монастырь в 35 р.

Что же касается простых старцев, являвшихся в Москву не в свите какого-либо архиерея или архимандрита, а в качестве самостоятельных просителей милостыни, то их делили на статьи. Первой статье, большой, давали сорок куниц и 10 р. денег; средней и меньшей статье – 40 куниц и 8 р. денег, а иным по тафте смирной, да по 8, и по 7, и по 6 рублей денег человеку[146]. Белым попам в Москве давали против черных попов. Так, в 1625 г. приезжал с о. Крита белый поп Никифор, а государева жалованья ему дано против черных попов: сорок соболей в 20 рублей, камка смирная, 12 р. денег; от патриарха 40 соболей в 15 р., тафта смирная, денег 7 рублей[147]. До половины XVII в. в Москву нередко являлись белые гречане не только в качестве слуг или «племянников» при разных духовных особах, но как самостоятельные просители милостыни. Они принимаемы были государем, как и другие просители, и на представлении получали дачу по двум статьям. Первой статье давалось: по камке адамашке, да по сукну доброму, да по 5

рублей денег человеку; второй статье: по тафте, да по сукну доброму, да денег по 5, и по 4, и по 3 рубля человеку, людям их давано по два рубли человеку, а иным по полу-два рубля человеку[148]. Кроме поручной дачи гречане белые получали еще особую дачу «на окуп» и «на милостыню»: «А в прошлых годех гречаном, которые приезжали к государю бить челом на окуп женам и детем своим, и тем давано государева жалованья собольми ж по 30 и по 25 и по 20 рублев, а иным дано деньгами по 15 и по 12 и по 10 рублев человеку»[149]. Белые гречане, прибыв в Москву за милостынею, обязательно должны были привезти рекомендательную грамоту от какого-либо патриарха или же от митрополита, в которой обыкновенно объяснялось, почему нужно оказать милости тому или другому[150]. Поездки гречан-бельцов в Москву за милостынею прекратились с половины XVII века, когда и духовных лиц старались задерживать в Путивле.

Различные просители милостыни, являясь в Москву, нередко привозили с собою выкупленных ими из турецкой неволи русских пленных, за что и получали из казны как сумму окупа, так и затраченное дорогою на провоз и харчи: «А в прошлых годех, по указу великого государя, давано его, великого государя, жалованья окупу за полоняников из его, великого государя, казны из сибирского приказу половина собольми, а другая половина окупу деньгами из Новыя Чети: за дворян и за рейтаров по 100 и по 120 рублев за человека, а за драгунов и за солдат по 50 и по 60 рублев за человека, а достальной окуп, чего гречаном не достаяет, платили дворяне сами, а за боярских детей бояря их». Кроме того, давано государева жалованья «сверх окупу за харчи и за провоз и за убытки за дворян по 20 рублев за человека», но за простых драгун и солдат особой приплаты к окупу за харчи и убытки не выдавалось[151]. Полоняников разные просители милостыни возили очень охотно, потому что это было очень выгодно. Кроме полученной с казны суммы за окуп, харчи, провоз и убытки, гречане еще брали с полоняников особые кабалы – с дворян рублей на 200, с простых лиц рублей на 100, которые потом и представляли ко взысканию[152]. Случалось и так, что гречане

привозили полоняников, уже ранее отпущенных, но которых они, предварительно сговорясь с ними, выдавали перед правительством за выкупленных ими. Эти злоупотребления были так позорны, что возмущали даже самих греков. Один из них, служивший переводчиком при Порте, доводил в 1672 году до сведения государя, «чтобы не указал великий государь гречаном окупу за полоняников давати и тем свою государственную казну вотще терять, понеже те греки, которые полоняников вывозят, и, сговорясь с полоняниками, называют их окупленными; а хотя которые греки впредь полоняников учнут вывозить, и за них указал бы великий государь давать за провоз по своему государскому рассмотрению рублев по десяти или малым больши; а турки, слыша о тех окупах и о истощении государские казны, только тешатца»[153].

Не все просители пропускались в Москву. Число их с течением времени все более увеличивалось, и потому один провоз и содержание во время пути и в Москве, а также их обратная отправка до границы, помимо самых дач, составляли уже сами по себе тяжелое бремя для правительства, которое поэтому стало употреблять разные средства, чтобы задержать просителей в Путивле и там выдавать им милостыню. Так образовались путивльские дачи просителям, для которых, так же как и для московских, существовали определенные нормы. В росписи дач 1647 года они определяются следующим образом: «А которых греческих властей и старцов и бельцов к Москве пропустить не велено, и тем государева жалованья на милостыню камки и соболи посыланы с Москвы в Путивль, а деньги даваны из путивльских доходов – митрополитом: по камке куфтерю по 12 аршин, по сороку соболей по 40 и по 30 рублев сорок, денег по 30 и по 20 рублев человеку; архимандритом их: по сороку соболей по 15 рублев сорок, денег по 10 рублев человеку; архидьяконом и келарем и дьяконом давано по 10 рублев человеку; толмачем и служкам по 2 рубли человеку. А иным приезжим архимандритом давано государева жалованья в Путивле деньгами из путивльских доходов по 12 рублев человеку, а соболей к ним с Москвы не посылано; а черным попом и келарем и дьяконом, которые с теми

архимандриты в Путивль приезжали, давано государева жалованья из путивльских доходов по 8 и по 7 и по 6 рублев человеку; служкам по два рубли человеку. А митрополичьим братьям и племянником и епископским и архимандричьим племянником государева жалованья дачи в Путивле не бывало, потому что с теми властьми, которым государево жалованье давано в Путивле, братьев и племянников не бывало»[154]. Указом 1654 года повелевается: «В Путивле давать деньгами митрополитом по 60 рублев, архиепископом по 50 рублев, архимандритом, которым даваны государевы грамоты, что им ездить в Москву, тем по 30 рублев, а безграмотным по 20 и по 15 рублев человеку, а архидьяконом и келарем и черным попом по сороку куниц меньшей статьи или деньгами по 10 и по 5 рублев, а соболи и куницы имать из Казанского дворца и посылать в Путивль, как отпишут; а черным дьяконом и простым старцом и митрополичьим и архиепископлим и архимандричьим братьем и племянником и гречаном бельцом давать из путивльских доходов по 5 рублев, а иным и по четыре рубли человеку, а толмачем и служкам по 2 рубли человеку»[155]. Очевидно, что дача милостыни просителям в Путивле была выгодна для правительства не только в том отношении, что оно избавлялось этим от всех расходов на провоз и содержание просителей от границы до Москвы и обратно, но и в том отношении, что самая дача в Путивле была значительно меньше московской. Но, с другой стороны, по тем же самым причинам эти дачи были очень невыгодны для просителей, которые и старались поэтому во что бы то ни стало пробраться в Москву, в чем в большинстве случаев и преуспевали, как увидим это ниже.

Кроме дач милостыни просителям в Москве и Путивле, в XVI и XVII столетиях существовали еще специальные посылки милостыни на Восток, так называемой «заздравной» и «заупокойной», которая в XVI столетии посылалась в каких-либо только исключительных случаях.

Так, Иван Васильевич послал на Восток богатую милостыню по случаю утверждения Константинопольским патриархом своего царского венчания, а потом на помин своего сына и

жены. Федор Иванович послал богатую милостыню на Восток по случаю учреждения в России патриаршества, а также посылал милостыню на помин своего отца. В XVII столетии, до конца его, посылка милостыни на Восток, «заздравной» и «заупокойной», стала явлением обычным. Количество обычной «заздравной» милостыни средним числом определялось в 600 рублей, но иногда как заздравная милостыня, так особенно заупокойная были значительно больше. В 1634 г., например, заздравной милостыни с послом Карабиным было послано 1150 рублей, да на помин Филарета Никитича 1700 рублей. Милостыня посылалась обыкновенно с нашими константинопольскими послами[156], которые раздавали ее на Востоке по определенной, наперед составленной росписи. Кроме патриархов милостыню обычно давали в Константинополе: двум митрополитам – Селунскому и Афинскому – по 4 золотых; в шесть константинопольских монастырей 42 золотых; в 12 церквей священнослужителям 15 золотых; в Иерусалиме: Воскресению Христову и ко Гробу Господню 50 золотых; в придел к Распятию Господню 15 золотых; в Вифлеем к Рождеству Христову 20 золотых (в том числе 10 золотых Вифлеемскому митрополиту); в 10 монастырей около 100 золотых; лидскому в Иерусалиме архиепископу 8 золотых; газскому митрополиту 5 золотых; в Синайскую гору 45 золотых; в Афонскую гору в монастыри: Афанасия, Троицкий, Хиландар, Пантелеймонов и Павлов – около 80 золотых[157]. Когда милостыня посылалась больше обычной, то и давалась она в большем количестве и большему количеству лиц и монастырей. На Афоне, например, она давалась всем монастырям, а не некоторым только, посылалась милостыня в два египетских монастыря, раздавалась по монастырям и церквам по пути в Константинополь и в его окрестностях и т.п. Кроме раздачи милостыни по росписи, нашим послам, жившим в Константинополе, иногда довольно долго приходилось раздавать очень много денег и по разным особым случаям и очень различным лицам. Так, по приезде в Константинополь к ним являлись лица патриаршей свиты – архимандриты, старцы и другие, и спрашивали о здоровье государя и

патриарха, причем всех их нужно было оделить соболями. Патриарх на большие праздники присылал иногда в виде своего благословения подарки, за что ему посылались соболи. У посла, например, Никифора Кудрявцева (1681 г.) записано: «От патриарха Цареградского Иякова на Светлое воскресение Христово прислано его благословение к Никифору: два барана, двести яиц, и за то его патриаршее благословение послано к нему три пары соболей – две пары по 5 рублев, третья пара 3 рубля, итого 13 рублев»; слуги, принесшие патриаршее благословение, также одаривались послом. Патриархам и разным духовным лицам послы платили за служение молебнов по разным случаям и главным образом в царские дни. В их статейных списках встречаются такие пометы: «Августа в 3 день Иерусалимскому патриарху Феофану за молебны за государево многолетнее здоровье 5 рублей дано», «Цареградскаго патриарха Кирилла священником шести человеком на молебен 3 рубли», «генваря 3 дня священнику Никандре за многолетнее кликанье 10 алтын дано», «веницейскому попу Илье, который в имянины государя, во время литургии в церкви Пресвятыя Богородицы Элпиды, говорил поучение со многою похвалою имяни его царского величества», дано полкосяка камки лудану, да пара соболей трехсотрублевого достоинства. «Приходили к послам со святыми водами от Цареградского патриарха Кирилла протопоп и священники, и на собор два рубля дано; да тогож дни приходили от Иерусалимского патриарха Феофана с святыми водами архимандрит с братиею, и им на собор два рубля дано; разных шести монастырей священникам 2 рубля, 10 алтын дано». «Августа 10 день послы Илья (Милославский) и Леонтей были у Вселенскаго патриарха Парфения, и при патриархе и при послех, на патриаршем дворе, в соборной церкви св. великомученика Георгия, за государское многолетнее здоровье пели молебен ираклейской митрополит да два архимандрита, да два игумена, да соборные церкви св. великомученика Георгия протопоп с братиею, и им дано для государскаго многолетняго здоровья: митрополиту 8 ефимков, архимандритом по 4 ефимка, игуменом по 2 ефимка человеку, протопопу с братьею на весь собор 10 ефимков, да патриаршим

подьяком ефимок, да едучи дорогою роздано на милостыню чернцем и черницам и полоняником и всяким бедным людем 7 ефимков с полуефимком… и всего на молебен и на милостыню роздано 38 ефимков с полуефимком». К нашим послам в Константинополь нередко являлись разные лица с просьбами о милостыне. В росписях их расходов значатся между прочим и такие: «Августа в 12 день к послом к Илье и Леонтию приходил на посольский двор синайский митрополит Евфимий, а с ним архимандрит его да казначей, да протопоп, да черной поп, да дьякон, а сказал, что он за государево царево и великого князя… и за царицу и их благородных чад о многолетнем здоровье пел молебен соборне, и впредь-де он, митрополит, за государево многолетнее здоровье Бога молить рад; и мы митрополиту 8 ефимков, архимандриту 4 ефимка, казначею 2 ефимка, протопопу на весь собор 6 ефимков, итого всем 20 ефимков дали». «15 августа приходили двое безместных архимандритов, и им дано за государево здоровье по 2 ефимка человеку». Значатся в числе просителей милостыни и много других лиц: архимандриты, игумены, келари, черные попы, дьяконы, старцы и др.[158]

Таким образом, русские государи в течение двух столетий расходовали на благотворительность Востоку громадные суммы, сколько именно, не знали и они сами. Каких-либо раз определенных сумм на раздачу милостыни не существовало, затрачивали каждый год столько, сколько требовалось обстоятельствами, т.е. количество дачи на милостыню в тот или другой год определялось единственно количеством приезжавших просителей и их иерархическим рангом. До самого конца XVII столетия мы не встречаем ни одной попытки со стороны правительства определить, сколько приблизительно израсходовано на просителей за какой-либо год или за несколько лет. Благотворя без счета, правительство наше не интересовалось и тем, куда и как расходуется просителями получаемая ими, иногда очень немалая, милостыня. Никаких обязательств на получающего милостыню не возлагалось; от него требовалось только, чтобы он написал жалобную челобитную, в которой бы ярко были выставлены страдания от

безбожных агарян, разорение или ограбление ими святой обители, а также личные беды и напасти за твердость в вере, напыщенное и льстивое восхваление милосердного царствующего государя, обычное сравнение его с Константином и Феодосием и в заключение одно обещание, за выполнением которого могла наблюдать только совесть обещавшегося, – вечно молиться за государя день и ночь. Получив милостыню, проситель расходовал ее по своему личному усмотрению, так как никакого контроля над этим со стороны нашего правительства вовсе не существовало. Оно благотворило православному Востоку, как вообще благотворит большая часть русских, – не справляясь о том, идет ли подаваемая просителю лепта на удовлетворение действительной гнетущей нужды или же она сейчас же расходуется самым непроизводительным и даже предосудительным образом. Мысль о контроле над употреблением жертвуемых на милостыню сумм всегда казалась большей части русских как бы греховною, как бы унижающею самую милостыню, которая уже спасительна сама по себе, безотносительно к тому употреблению, какое из нее делается получающим. Поэтому, благотворя Востоку, наше правительство в течение XVI и XVII столетий ни разу даже не поинтересовалось узнать, приносят ли какую-либо действительную пользу Православию те миллионы, которые оно в течение столетий затратило в видах поддержания Православия на Востоке, или эти миллионы к положению там Православия не имели никакого отношения, а в большинстве случаев шли только на личные нужды и потребности тех, кто получал русскую милостыню. Оно в этом случае вполне верило заявлениям самих просителей, которые постоянно и настойчиво твердили в Москве, что только одна царская милостыня и поддерживает еще Православие на Востоке, что, не будь этой милостыни, Православие там окончательно погибло бы[159]. Благодаря этим увериям самих просителей наше правительство искренне было убеждено, что, раздавая всем и повсюду милостыню, оно тем самым спасает от конечной гибели Православие на Востоке, которое теперь держится там единственно благодаря русской милостыне. В этом убеждении

оно находило для себя полное удовлетворение за свои материальные жертвы, а просители пользовались им в видах наживы на счет русской благотворительности и со своей стороны тоже как нельзя более были довольны подобным характером русского покровительства православному Востоку. Понятно отсюда также и то, почему православный Восток так решительно и единодушно признал московского царя опорою и покровителем всего Православия, царем всех православных народов: с этим признанием соединена была постоянная возможность получать более или менее щедрую русскую милостыню, которую каждый получивший мог свободно израсходовать на свои личные нужды и потребности.

б) Разные иерархи и другие лица, приезжавшие с Востока и остававшиеся в России на вечное житье

(Побуждения, заставлявшие восточных милостынесобирателей оставаться в России на вечное житье. Причины, которые, с одной стороны, сдерживали прилив к нам выходцев с Востока, с другой – заставляли и тех из них, которые уже поселялись в России, в большинстве случаев снова возвращаться на Восток. Характеристика некоторых выходцев, успевших занять в Москве видное и влиятельное положение: Новоспасский келарь грек Иоанникий, Веррийский митрополит Аверкий, Паисий Лигарид, Арсений Грек, архимандрит Иверского афонского монастыря Дионисий. Впечатление, которое эти выходцы производили на русских.)

В Москву с православного Востока приезжали различные лица не только за получением обычной милостыни, но иногда и для вечного поселения в России, так как они не находили для себя более возможным по каким-либо причинам оставаться под властью неверных. Такие выезды в Россию разных лиц с Востока сделались нередки собственно с XVII века. В Москве их принимали очень радушно, награждали особенно щедрою милостынею и оказывали им всякое участие и благоволение. Когда в 1641 г. выехал, по тогдашнему выражению, «на государево имя» сербский Скопийский митрополит Симеон, Михаил Феодорович говорил ему: «Ты приехал к нам на вечное житье от гонения турских людей, и мы, великий государь, тебя, митрополита Симеона, пожаловали, велели тебе видеть наши царские очи и быть при нашей государевой милости, а как тебе в нашем царском жалованьи быти вперед, и о том тебе наш указ будет, а ты бы на наше царское жалованье был надежен»[160]. Такое радушное отношение наших государей к выходцам с Востока, стремившимся найти в России «тихое по обуревании пристанище», поощряло их к переселениям в Россию. Между ними мы встречаем как духовных лиц, начиная с самых высших иерархических рангов и кончая простыми чернецами, так и бельцов, служилых людей и купцов. Мы уже

выше говорили, что сам Вселенский патриарх Иеремия, приезжавший за милостынею, усиленно стремился остаться в Москве в качестве Московского патриарха, и только недоверие русского правительства к патриарху-греку, опасение, что вместе с греками, которых необходимо привлечет в Москву поселение там патриарха, на Руси укоренятся и греческие религиозные новшества, воспрепятствовало исполниться желанию Иеремии. В мае 1654 года прибыл в Москву на вечное житье Сербский патриарх Гавриил, который в феврале 1656 г. был отпущен из Москвы на поклонение святым местам и более на Русь не возвращался[161]. Из других автокефальных восточных иерархов у нас не раз находили приют охридские архиепископы, из которых Нектарий, приехавший еще при Годунове, в 1613 г. получил в свое управление Вологодскую епархию[162]. В 1686 г. приезжал в Москву Охридский архиепископ Мелетий, который, по его показанию, 6 лет жил в Нежине при церкви архистратига Михаила[163]. В 1722 году был определен на смоленскую епархию Охридский архиепископ Филофей, который, однако, потом был уволен от занимаемой им кафедры[164]. Приезжали к нам на имя государя и митрополиты разных восточных кафедр, а также архиепископы и епископы. Так, в 1628 году приехал в Москву на вечное житье веррийский митрополит Аверкий, в 1629 г. селунский Паисий, в 1630 г. севастийский Иосиф, в том же году зихновский Неофит, в 1641 г. скопийский Симеон, в 1652 г. колоссийский Михаил, в 1662 г. вершатский Феодосии, в том же году газский Паисий, в 1688 г. скопийский Евфимий. Из архиепископов и епископов к нам приезжали на вечное житье: Арсений Элассонский, прибывший в Москву с Константинопольским патриархом Иеремиею; в 1662 г. приехал погоянинский архиепископ Нектарий, в 1664 г. города Крыжевца сербо-словунекий епископ Иоаким, в 1670 г. лидорикийский епископ Панкратий и др. Поселялись в России и выходцы архимандриты, иеромонахи, диаконы и простые старцы[165]. В 1632 г. жил в московском Андроньевском монастыре грек архимандрит Никифор, называемый «затворник»; в 1644 г. переселился в Москву архимандрит Павловского афонского монастыря Никодим и др. Кроме собственно духовных особ к

нам выселялось с Востока немало мирян – служилых людей, тортовцев, ремесленников[166], а также толмачей, или переводчиков. Последние служили в Посольском приказе, и на их выбор обращалось особое внимание[167].

Побуждения, заставлявшие разных восточных иерархов выселяться в Россию, заключались обыкновенно в том, что им плохо жилось дома, приходилось по разным причинам окончательно терять свои кафедры и искать себе приюта где-либо в другом месте, а иногда и просто бежать от суда или кредиторов. На Россию они смотрели как на страну, где ловкий, бывалый и оборотливый иностранец, пользуясь своим культурным превосходством, искусно разыгрывая роль гонимого агарянами страдальца, с успехом может занять видное влиятельное положение, быстро составить себе состояние и при посредстве московского двора поправить свое пошатнувшееся положение на Востоке. Именно перспектива быстрой и значительной наживы, перспектива почета и влияния даже и на Востоке, через свою близость к московскому правительству, привлекла к нам немало честолюбцев, которым на родине уже не было ходу, разных искателей легкой и быстрой наживы, которые дома не находили подходящего для себя поприща. Но зато между выходцами очень мало было таких лиц, которые бы переселялись в Россию с целью принести какую-либо действительную пользу приютившей их стране, особенно нуждавшейся в лицах ученых, образованных. О невысоких побуждениях, заставлявших восточных иерархов переселяться в Россию, иногда говорят и они сами. Севастийский, например, митрополит Иосиф так объясняет причину своего выезда в Россию на вечное житье: «Слышал я, нищей твой государев богомолец, твою государскую и отца твоего государева... неизреченную милость и жалованье ко всем страннопришельцам и сего ради, оставя отечество мое и всех сродников и искренних ближних приятелей, выбрел есми на твое государево... имя»[168]. В 1670 году приехал «на государево имя» епископ Лидорикийский Панкратий. О побуждениях к выезду в Россию он заявил: «Слышал-де он про его царского величества премногую милость к их братии архиереом, которые

из их стран приезжают к Москве для милостыни, и великий-де государь жалует их своим государским жалованьем довольною милостынею, такожде и он, архиепископ, надеясь на его царское жалованье, приехал к Москве на его царского величества пресветлое имя и должен-де за его царское и его царских чад многолетнее здоровье Бога молить»[169]. О побуждениях, заставивших выехать в Россию на вечное житье Охридского архиепископа Филофея, русский константинопольский резидент Неплюев, которому было поручено разведать о нем, доносил: «Оной архиепископ сперва был богат и накупился на тое Ахриданскую епархию во архиепископы или патриархи, а потом прибавил на него Константинопольский патриарх дани, а он, архиепископ, расположил тое дань на митрополитов тое епархии, на епископов и прочих. И потом выискался один из его подкомандных духовного чина человек и просил, дабы ему быть в Ахридоне архиепископом, в каком случае он положенную дань будет платить без прибавку на подчиненных. И оной архиепископ Филофей имел с соперником своим ссору и, по тамошнему варварскому обычаю, хотя ево победить, истощил все свое имение и конечно того своего неприятеля победил и потом наложил на епархию свою вящие тягости, что снести не могли. Потом били челом на него прихожане у турецкого суда и начли на него тех лишних сборов 7000 левков, почему он, Филофей, и обвинен и посажен был у турецкого суда в тюрьму, и в таком случае занял он у голланской посолыпи денег 7000 левков и тот долг заплатил и освободился и дал ей, посолыпе, заемную крепость. Потом поехал в Россию»[170]. Приманкою для разных просителей милостыни оставаться на вечное житье в России служило и то обстоятельство, что им давалась за самый «выход» особая плата сверх обычной дачи. Так, веррийский митрополит Аверкий, оставшийся на государево имя, сразу получил от государя подарок на 235 рублей, да в то же время от Филарета Никитича на 124 рубля, на 8 алтына и 2 деньги[171]; селунский митрополит Паисий от государя получил на 245 рублей, от Филарета Никитича на 180 рублей[172]. Архимандритам и игуменам, остававшимся на житье в России, давали за выход:

по камке адамашке, по сороку соболей по 20 и по 15 рублей сорок, денег по 15 и по 12 рублей человеку; черным попам и дьяконам сорок куниц и 8 рублей денег, а иным по тафте и 6 рублей денег человеку[173]. Крылошанам и простым чернцам за выход давали: от царя по 5 рублей, от патриарха по 4 рубля, а иным по 3 рубля; или от царя по 4 рубля да по сукну, от патриарха по сукну да по 3 рубля; а так как их брали «под начал» «для исправления их христианской веры», то и за это исправление им выдавалась особая плата: старцам первой статьи по 4 рубля, второй статьи простым чернцам по 3 рубля[174]. Выезжим торговым и служилым гречанам за выход в Россию давали по трем статьям: первой – 15 рублей денег, сорок куниц, тафта, сукно; второй – 13 рублей денег, сорок куниц, тафта, сукно; третьей – 10 рублей денег, тафта, сукно[175]. Получив плату «за выход» и поселившись в Москве, выходцы-иерархи обращались теперь к государю с постоянными челобитными, чтобы он пожаловал их тем-то и тем-то. В 1631 году севастийский митрополит Иосиф просит государя и патриарха: «Пожалуйте, великие государи, меня богомольца своего манатеею да шубою, чтобы мне, богомольцу вашему, зимним временем не озябну ти», и обещает за это до скончания живота своего молить Бога о государях; соболья шуба ему была дана[176]. Сербский патриарх Гавриил в челобитной царю заявляет: «И по се время твоего царского жалованья никакого не бывало и саккоса, и митры, и посоха, и книг никаких мне не давано, как бывало прежь сего вашего царского величества жалованье иным патриархам, которые приезжали к твоей царской милости», почему и просит пожаловать его всем этим[177]. Вершатский митрополит Феодосии и погоянинский архиепископ Нектарий просят государя сверх полученной уже милостыни еще пожаловать им на окуп их долгов и получают: первый соболями на 350, а второй на 300 рублей; или, например, тот же вершатский митрополит Феодосии просит государя пожаловать ему сани, лошадей, конюха, так как ходить пешком ему зазорно от людей и т.п.[178] Кроме всевозможных получек от государя, жившие в Москве иерархи-выходцы занимались или сами непосредственно, или при посредстве

доверенных людей – «племянников» – торговлею, отправляя за границу меха, а оттуда привозя другие товары. Точно так же они входили, пользуясь своим влиянием при московском дворе, в сделки с приезжавшими просителями милостыни, обещая им выхлопотать, конечно за приличное вознаграждение, большую дачу у государя, словом, пользовались всяким случаем зашибить себе копейку, что им и удавалось, тем более что кормы, питье и все вообще содержание им полагалось казенное. К этой возможности хорошей наживы присоединялась еще возможность стать в близкие отношения к московскому двору и тем создать себе видное и почетное положение на самом Востоке, играя роль влиятельного посредника между московским правительством и всеми обращавшимися к нему за милостынею просителями.

Указанные блага и выгоды, в перспективе представлявшиеся каждому просителю милостыни, задумавшему поселиться в России, в конце концов сделали бы то, что все лишенные своих кафедр восточные иерархи, в видах поправить свои расстроенные дела, направились бы в Россию, которая скоро бы наводнилась целою массою бродячих безместных греческих архиереев, которых всегда так много на Востоке. Едва успели поселиться в Москве митрополиты, Веррийский Аверкий и Селу некий Паисий, как по их примеру в Москву прибыли в 1630 году для вечного поселения в ней сразу три архиерея: синадский Мелетий, имбрийский Афанасий, зихновский Неофит и с ними их архимандриты, келари, старцы, служки, и все это желало остаться в Москве на имя государя. Естественно, что московское правительство с опасением должно было посмотреть на этот наплыв в Москву греческих архиереев, которые едва ли что иное могли принести с собою, кроме интриг, кляуз и разных проделов в видах наживы. Филарет Никитич спрашивал Аверкия и Паисия про выезжих митрополитов: «Кто они и какие люди и есть ли у них свои митропольи?» Про синадского Мелетия сказали патриарху, что в 136 году он был в Москве архимандритом с Корецким митрополитом Неофитом, а с Москвы поехал с турецким послом Фомою Кантакузеном, которому он духовный отец, а в

митрополиты поставлен в Царьграде, а митрополии у него нет. Про имбрийского Афанасия сказали, что он поставлен в митрополиты давно, а митрополии у него нет же. Про зихновского Неофита сказали, что он поставлен в митрополиты давно и своя митрополия у него есть, причем Аверкий добавил, что он духовный сын Неофита, так как у него исповедывался. Указом государя синадского и имбрийского митрополитов велено было отпустить назад, откуда они приехали, а зихновского оставить на имя государя, но Неофит скоро умер в Москве[179]. В 1648 году приехал было в Россию на вечное житье селунского Успенского монастыря епископ Киприан. В поданной государю челобитной через несколько времени по приезде в Москву Киприан заявляет, что когда его ставленную послали к патриарху Иосифу, «и патриарх той ставленной слушав, сказал, что она несправчива, а велел-де ему взяти подлинную ставленную во Царе-граде от Цареградского патриарха Иоанникия». Но, заявлял епископ, по своей бедности он не может добыть ставленной из Константинополя, а его знают-де все греческие власти и гречане, и так как «ныне он стал во всем оскорблен», то и просит государя отпустить его назад в прежнюю епархию его; что ему дано за выезд, то он проел на Москве, тем более что указано-де давать ему государева жалованья не против прежних выезжих властей – только по два алтына на день. Его отпустили назад[180]. В 1671 году приезжал было в Москву на вечное житье призренский митрополит Никодим, но не был принят правительством и удалился в Малороссию, где поселился у гетмана Самойловича[181]. Таким образом, не всегда и не всех принимало наше правительство из желавших остаться в Москве на вечное житье, что в известной степени и сдерживало наплыв таких лиц в Россию.

Другим сдерживающим началом, отбивавшим охоту у разных выходцев навсегда поселяться в России, был весь своеобразный склад тогдашней московской религиозной жизни, обставленной бездной самых мелких утомительных формальностей, не терпевшей никаких уклонений от установившихся обычаев и привычек, которые налагали тяжелые оковы на все действия не привыкшего к такой жизни

человека, сковывали всякое свободное его движение. Всем выходцам наши посты казались чрезмерно суровыми, наши службы чрезмерно продолжительными, от долгих стояний у них пухли ноги, от утомления во время служб они готовы были падать в обморок; во всем и везде они чувствовали себя стесненными, принужденными казаться не тем, чем они были в действительности. Племянник Антиохийского патриарха Макария архидиакон Павел Алеппский, проживший вместе с патриархом в Москве почти два года, говорит, что патриарх и его свита первую неделю своего пребывания в Москве употребили на то, чтобы обучиться, как держать себя. «Вопреки всем нашим склонностям, – говорит Павел, – приходилось ходить подобно святым и соблюдать относительно себя большую осторожность, так как обо всем, что замечали в нас хорошего или дурного, немедленно доносили императору или патриарху. Боже! освободи нас от этих строгостей и возврати нам нашу свободу». Особенно тяжел был для гречан Великий пост. «Мы, – пишет архидиакон, – в течение этого поста (Великого) претерпевали такое крайнее изнурение, особенно по недостатку пищи, как будто нас считали каменными... По скудости пищи мы были в таком большом отчаянии, что готовы были даже извинить употребление рыбы во время поста. По-моему, не было бы большего греха, если бы даже на столе появилось и мясное, так как у москвичей в этот пост совсем нечего есть». Не вынося суровых русских постов, гречане в то же время с трудом выносили и обильные царские трапезы обыкновенного времени. По приезде Макария в Москву царь пригласил его и свиту к своему столу и так их усердно потчевал во время обеда, что их, по словам Павла, начало тошнить. Торжественные московские службы крайне утомляли просителей. Павел говорит, что после служб первого дня Пасхи «мы возвратились в монастырь почти в обмороке. Мы чувствовали боль в ногах и спине во все время этих праздников, которые, впрочем, вовсе не праздники для иностранца, хотя бы он свыкся со строгостью Александра». К довершению удовольствия православных иностранцев, когда они посещали Троицкую Лавру, их там угощали такою длинною

службою, что «по счету оказалось, – говорит Павел, – что мы простояли целых шесть часов, и все это делалось из уважения к нам, и однако, – простодушно замечает архидиакон, – что пользы нам в этом уважении, нам, которые ни днем ни ночью не имели ни минуты спасительного сна и стояли в церкви в каком-то оцепенении от крайней усталости»[182]. Как тяжело было разным гречанам переносить на себе все требования московского благочестия, это видно из следующего свидетельства того же Павла Алеппского. «Друзья наши, – говорит Павел, – хорошо знакомые со здешними обычаями, наперед предупреждали нас: кому, говорили они, хочется сократить свою жизнь на 5 или на 10, например, лет, тот пусть едет в страну Московскую и хоть по виду сделается человеком благочестивым, соблюдая постоянно пост, молитву, дневные чтения, обычай вставать в полночь на молитву и воздерживаясь при этом от всякого проявления радости и веселья и от громкого смеха и тихой улыбки, равно как и от употребления табаку и опиума, потому что московитяне, говорили они, строго следят за епископами, игуменами и за всеми, кто живет в монастыре, следят за ними днем и ночью, подсматривая в дверные щели». С каким чувством гречане оставляли Москву, это видно опять из слов Павла Алеппского, который говорит, что когда они прибыли в Киев, то «чувствовали себя как дома, потому что обитатели этой страны так же любезны и радушны, как земляки, между тем как в продолжение нашего двухлетнего пребывания в Москве как бы замок висел на наших сердцах и мысль наша была стеснена до крайности, ибо в Московской земле никто не может чувствовать себя спокойно и весело, кроме разве туземцев, и всякий из нас, сделайся он обладателем всей их страны, все-таки продолжал бы тосковать и не был бы счастлив»[183].

Но не одна только строгая и суровая московская жизнь производила на выходцев тяжелое, гнетущее впечатление, делала для них пребывание в Москве крайне стеснительным и трудным, но и некоторые другие обстоятельства. Русские после падения Константинополя порознились с греками в некоторых церковных обрядах и чинах и отнесли эту разность на счет

потери греками истинного благочестия, которое в его полном и высшем виде сохранилось только у одних русских, почему на них и лежит теперь обязанность не допускать в нем ни малейших перемен. Но, по мнению русских, допущение греков в свою среду, дозволение им переселяться в Москву и жить тут могли грозить серьезною опасностью чистоте русского Православия: вместе с греками на Русь могли проникнуть и разные греческие новшества, способные замутить русское благочестие. Если для русских священна обязанность давать приют и убежище гонимым на Востоке братьям по вере, то уже никак не менее священна для них и другая обязанность: не допускать никаких перемен и изменений в своей вере и в своем благочестии. Русские не согласились признать Иеремию Московским патриархом единственно потому, что опасались, как бы с патриархом-греком не перешли на Русь и греческие религиозные особенности. Эта опасность, естественно, всегда угрожала русским и после Иеремии, когда приезды с Востока различных просителей милостыни становились все более частыми и особенно когда некоторые из них оставались в Москве на вечное житье. Какие-либо меры против возможности вторжения в русскую среду греческих религиозных особенностей, очевидно, были необходимы. Естественно русским было требовать, чтобы особенности греческого благочестия, как менее совершенного, уступили место особенностям русского благочестия, как более совершенного; естественно было требовать, чтобы все выходцы с Востока, поселяясь на Руси, усвояли себе все особенности русского обряда с той стороны, где он рознился с греческим, чтобы они отказались от своих обрядовых особенностей, как неправых. Просители милостыни, являясь в Москву, должны были, по свидетельству Павла Алеппского, употребить несколько дней на то, чтобы обучиться, как держать себя, так как за каждым их шагом в Москве наблюдали. Нетрудно понять, чему должны были учиться просители милостыни, приехавшие в Москву: чтобы понравиться русским, вполне угодить им и ради этого получить щедрую дачу, нужно было подчиниться во всем русским обычаям, явиться в глазах русских людьми строго

благочестивыми, но благочестивыми в московском, а не греческом смысле, а это было невозможно без усвоения особенностей русского благочестия. Русские не только требовали от приезжавших полного подчинения всем особенностям русской религиозной жизни, но даже нарушение таких правил, как запрещение курить табак, влекло за собою ссылку просителя милостыни в какой-либо отдаленный русский монастырь. Понятное дело, что для всех приезжавших в Россию на вечное житье усвоение всех русских обычаев, церковных обрядов и чинов и оставление всего греческого, несогласного с русским, было безусловно обязательно. Некоторым из архиереев-выходцев на Руси даны были епархии. Но если русские не согласились Вселенского патриарха Иеремию сделать патриархом Московским из опасения привнести в русскую церковную жизнь греческие новшества, то тем более не могли они допустить простого иностранца-архиерея управлять русскою епархиею, если бы он наперед безусловно не отказался от всех особенностей греческого церковного чина и обряда в пользу особенностей русских. Греческий веррийский митрополит Аверкий, в 1628 г. оставшийся в Москве на государево имя, по одному случаю давал такое показание, что великий государь святейший патриарх приказал ему (Аверкию) русские обычаи указать севастийскому митрополиту Иосифу, потому что он (Иосиф) человек молодой, а приехал внове, и он (Аверкий) ему что знал, то указывал[184]. Ясное дело, что митрополитов-греков, оставшихся в Москве на государево имя, у нас обучали русским обычаям, конечно церковно-богослужебным, и только после этого обучения их допускали до отправления архиерейских обязанностей. Что же касается выходцев – простых старцев из разных восточных монастырей, хотя бы и афонских, а также мирян – служилых людей, купцов и т.п., то с ними поступали еще решительнее: их попросту рассылали по разным монастырям под начало, как тогда выражались, «для исправления их христианския веры» и только после этого исправления их веры считали возможным окончательно поселить их в России. В 1626 году выехал на государево имя белый цареградский поп Власий «и по

государеву и великого государя святейшего патриарха указу взят он для исправления христианския веры под начал на двор государя святейшего патриарха». По этому случаю в приказной справке замечено: «А которые старцы крылошане и простые чернцы выезжали на государево имя к Москве, и, по государеву и государя святейшего патриарха указу, даваны были для исправления крестьянския веры под начало, а государева жалованья им давано от государя за выход крылошанам и простым чернцом – по 5 рублев человеку, а от государя святейшего патриарха давано им для подначальства всем по 4 рубли человеку, а иным по три рубля да по киндяку»[185]. Между выходцами греками и выходцами из польско-литовских областей правительство делало значительное различие. В 1632 году в Москву выехали на государево имя два инока из Литвы и один инок грек. Старцам-киевлянам велено было поместиться на подворье подле Богоявленского монастыря «и приходити к церкве в Богоявленский монастырь, а в церковь их не пущать, а пения слушать в трапезе или в паперти, а святыни им никакие не давать и крестом воздвизательным не благословлять и ко образом не прикладыватися; а буде из них который изнеможет и о том известить и доложить государя патриарха, а жить на подворьи до сырныя недели, а на сырной неделе, в последний день в неделю, после обеда, притить на патриархов двор под начало». Относительно старца-грека Иосифа, который был постриженник афонского Иверского монастыря и исправлял в нем должность казначея, сделано было распоряжение, чтобы он жил также на подворье у Богоявленского монастыря до сырной недели, «а в церковь его пущать и от попа воздвизательным крестом на молебнах благословлятися и ко образом прикладыватися, а на сырной недели в последний день в неделю, после обеда, быть на патриаршем дворе». Иосиф был поселен в Угрешский монастырь, причем перед отправкою он заявлял в челобитной, что «он был на государеве патриаршем дворе под началом для исправления веры и ему государева и святейшего государя патриарха жалованья за выход не дано». Под какими условиями оставляли на вечное житье в России гречан мирских лиц, это видно из следующего

правительственного распоряжения: «Лета 7159, сентября в 8 день, по государеву, цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Русии указу боярину Илье Даниловичу Милославскому да дьяку Василию Ртищеву: в прошлом в 185 году остались на Москве на государево и великого князя Алексея Михайловича всея Русии имя от турского посла Мустафы-Чауша гречаня: Юрьи Яковлев, Юрьи Константинов, Дементий Иванов для исправления православные христианские веры были в монастырех и государево жалованье им за выход дано»[186]. Павел Алеппский говорит, что прежде у нас не позволяли даже служить епископам и патриархам (греческим), которые приезжали к нам с Востока, потому что они считались осквернеными через сближение с турками; по той же причине греческим купцам воспрещалось входить в наши церкви; если же кто из них объявлял, что желает остаться в России, жениться на русской или сделаться переводчиком, то он в течение 40 дней оставался в числе оглашенных и затем присоединялся через миропомазание[187]. Очевидно, что обучение выезжих иерархов русским обычаям и отдача под начал простых иноков, белых священников и мирских выходцев не было только простым ознакомлением их с русскими обычаями, но нечто гораздо большее, на что указывает и самый официальный термин, что их отдавали под начал «для исправления их христианския веры». Тут прямо и резко выражалась мысль, что современные греки из своей православной веры нечто уже утеряли, привнесли в свою христианскую жизнь нечто чужое, так что принятию их в совершеннейшую христианскую среду, какова русская, должно предшествовать предварительное исправление их несовершенной веры, исправление в том, в чем греки, по мнению русских, отступили от истинного благочестия. Понятно, как тяжело и обидно было для национального самолюбия греков мириться, признавать справедливым подобное отношение к ним русских. Страсть к наживе, к почету, к богато обставленной жизни заставляла некоторых из них на время, внешне, отказываться от сознания своего превосходства над русскими, лицемерно признавать русскую религиозность или русское благочестие выше греческого. Но понятно, что ни один грек, не

отказавшись окончательно от самого себя, не мог искренно и навсегда помириться с таким отношением к себе русских, не мог чувствовать себя в Москве как дома, видеть в России вторую родину. Разные материальные выгоды и почетное положение при московском дворе соединялись для него с такою массою разных неудобств от сурового непривычного для него склада всей московской жизни, от постоянного лицемерного принижения в себе всего греческого в пользу русского, что порядочные, честные греки едва ли решались выселяться в Москву на вечное житье, а потому в большинстве случаев к нам переселялись с Востока только разные честолюбцы и корыстолюбцы, люди, привыкшие поступаться всем из-за наживы, разных выгод, почетного личного положения. Но и выходцы этого рода в большинстве случаев, пожив некоторое время в России, под тем или другим предлогом оставляли ее и крайне редко оставались у нас навсегда. Например, севастийский митрополит Иосиф, приехавший в Москву в 1630 году с турецким послом Фомою Кантакузеном и оставшийся здесь на государево имя, после смерти Филарета Никитича подал царю челобитную, в которой заявляет, что когда он остался в Москве на государево имя, то государь и отец его «меня нищего страннопришельца, последнего своего государева богомольца, своим государским милосердием неудобосказаемым жалованьем пожаловали и всем удоволили чрез недостоинство мое паче надежды моея. И как государь отца твоего государева блаженные памяти, великаго государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии[188], милостиваго отца, пастыря и заступника нашего, волею Божиею не стало, и я, нищей твой богомолец, осиротел и яко овца заблудшая стал. А в твоей государевой благочестивой державе твоих государевых богомольцев не мало и без меня последняго», и потому просит его отпустить из Москвы в афонский Есфигменский монастырь, место его пострижения, куда теперь усиленно зовут его иноки. Он был отпущен из Москвы, получив на прощанье полное архиерейское облачение, на 100 рублей соболями, 100 рублей деньгами на всякие расходы да лошадь с санями и свидетельственную грамоту к

Константинопольскому патриарху Кириллу Лукарису, что он, митрополит, во время пребывания в Москве вел себя хорошо и ничего предосудительного в его поведении не было[189]. В мае 1654 г. приехал в Москву Сербский патриарх Гавриил для вечного житья в России, но в 1656 г. он отпросился на богомолье в Иерусалим, получил на прощание соболями на 400 рублей и в Россию уже более не возвращался[190]. В 1641 г. выехал в Россию на государево имя сербский скопийский митрополит Симеон, но в 1644 г. он отпросился на богомолье в Иерусалим, при чем получил на дорогу соболями на 70 рублей и деньгами 50 рублей[191].

В октябре 1615 г. приехал на вечное житье в Россию сербский кратовский или колоссейский митрополит Михаил, бежавший от насилий и грабежа турецкого софийского паши. Он был милостиво принят государем, получил, помимо обычной дачи, панагию, облачение, митру, напрестольное Евангелие, а приехавший с ним его племянник принят был на царскую службу. В 1654 г. он отправился в Иерусалим на поклонение Святым Местам и воротился в сентябре 1657 г., а в сентябре 1660 г. он просил государя отпустить его на его обещание в монастырь близ Кратова архистратига Михаила, называемый Лесновский, где почивают мощи Гавриила Лесновского чудотворца, «прешедша-го от русские земли и устроивша монастырь архистратига Михаила, давнее строение, последи же бысть строение царя Степана Сербского, а нынеча, государь, тот монастырь обнищал от насилия турецкаго», почему он просит дать в Лесновский монастырь жалованную грамоту. Грамота была дана, и митрополит был отпущен на свое обещание[192]. Другие же греческие иерархи, приехав в Россию с тем, чтобы навсегда поселиться в ней, и будучи приняты правительством, однако не проживали в ней и нескольких месяцев, но сейчас же просились назад. Так, например, в 1653 году выехал было на государево имя афинский архиепископ Иезекииль, который милостиво был принят в Москве, но вскоре стал просить об отпуске и был, действительно, отпущен[193]. В ноябре 1657 г. приехал в Москву на вечное жительство варнский митрополит Даниил. Он был милостиво принят государем, сверх обычной

милостыни получил полное архиерейское облачение, но вскоре стал проситься с Москвы и был отпущен[194]. В 1688 г. приехал в Москву на государево имя сербский скопийский митрополит, оставивши свою епархию потому, что ввиду войны немцев с турками все жители Скопии разошлись по разным городам. Так как митрополит просил дать ему какой-либо московский монастырь в управление, то вышел царский указ «жить ему в Троицком Сергиеве монастыре и давать ему в том монастыре пищу: митрополиту против четырех братов, а старцам против братьи, а служкам против монастырских служек, и отвесть ему, митрополиту, с причетники в том монастыре келью». Но митрополит и его свита просили, чтобы их вместо Сергиева монастыря отпустили в Малороссию, и их просьба была исполнена[195]. Вообще, иерархи из числа греческих выходцев охотнее оставались жить в Малороссии, чем в Москве. Варнский, например, митрополит Даниил, не захотевший жить в Москве, проживал потом в Малороссии, там же жил призренский митрополит Никодим у гетмана Самойловича; лакедемонский митрополит Иоасаф жил в Чернигове у Лазаря Барановича и отправлял, за его болезнью, все архиерейские службы; в Нежине жил охридский архиепископ Мелетий и другие[196].

В начале XVII столетия русское правительство приняло меры, чтобы поселившиеся в России восточные иерархи принимали русское подданство и навсегда оставались в России. Так, когда в 1722 г. охридский архиепископ Филофей был определен на Смоленскую епархию, то его привели к присяге, в которой он обещался между прочим быть под протекциею России до конца живота своего, не иметь заповедной корреспонденции ни внутри России, ни вне ее; все имение, которое имеет и впредь приобрести, обещается не посылать ни через кого в другие государства, «и никакими виды в подозрительныя отдачи истощевать и никаких на то претекстов употреблять не буду»[197]. Не только выходцы-иерархи, но и разные архимандриты, игумены, старцы, пожив в русских монастырях, через несколько лет обыкновенно просились опять отпустить их на их обещание и, за редкими исключениями,

всегда оставляли приютившую их Россию. Например, в 1628 г. выехал в Москву ватопедский игумен Никодим и сделан был игуменом на Угреше, но в 1635 г. он стал проситься на Афон и был отпущен[198]. В 1643 г. приехал в Москву на имя государя афонского Павловского монастыря архимандрит Никодим со старцем Исаиею. Они просили, чтобы государь не отсылал их в дальние русские монастыри, а велел бы устроить их в Москве в Чудове или каком-либо другом монастыре. Их поместили в Симонове монастыре на братской пище. Прожив год, архимандрит пишет в челобитной, что прежде государь и его отец жаловали выезжих архимандритов, «а ныне, государь, нас, богомольцев твоих, опричь Бога и тебя, праведнаго государя, никто не жалует, и нам, богомольцам твоим, жити здесь не возможно и привыкнути не мощно, потому что мы языку русского не умеем и научитися не можем», и просит отпустить их на Афон – они были отпущены[199].

Причины этого явления заключались не только в тех тяжелых условиях, какими окружена была в Москве вся жизнь каждого выходца, но и в самом характере поселявшихся у нас лиц, в тех целях, ради которых они оставались в России. В большинстве случаев к нам приезжали такие лица, которые уже потеряли всякую оседлость и привыкли перекочевывать из одного места в другое, стараясь пристроиться везде и ко всему и нигде не засиживаясь долго. Страсть бродяжничать обращалась у них в привычку, в потребность, она приводила их в Москву, она же и гнала их из Москвы. К этому присоединялось сознание, что все те выгоды, ради которых они поселялись в Москве, уже получены, а потому и незачем более оставаться на Руси. Оставив Россию, большинство живших в ней обыкновенно не прекращало своих связей и сношений с русским правительством, но всячески старалось поддерживать их, извлекая отсюда всевозможные для себя выгоды. Зная, как сильно русское правительство дорожит всякими вестями о положении дел в Турции, они поступали в разряд тайных политических агентов, добывали сведения «о турецких поведениях» и немедленно в особых отписках сообщали их нашему правительству. Как типический пример подобного рода

может служить севастийский митрополит Иосиф, который, пожив в Москве четыре года, отпросился затем в 1634 г. на Афон, место своего пострижения, но на Афон не попал, а поехал в Царьград, откуда уже в 1635 г. писал государю, что он принят был ради царской грамоты Константинопольским патриархом с великой любовью, что он по делам царским толмачил перед обоими патриархами и служил сколько мочи и силы было. А так как он дал обещание построить церковь в честь патрона царя св. Михаила Малеина, то поэтому просил государя прислать для будущей церкви три святые иконы. В 1639 г. Иосиф сообщает царю, что он живет в Троицком монастыре на острове Халки, в котором теперь пять священников, два дьякона черных, да десять братов, а пребывают они в большой бедности, и потому просит государя прислать в монастырь свою милостыню, а также для церкви, которую он построил, церковные сосуды. Затем пишет: «Еще молю и бью челом и поклонюся святому твоему царствию и благоверному твоему царевичу Алексею Михайловичу, чтобы он меня, богомольца беднаго и беспомощнаго, единою шубенкою пожаловал, а аз должен Бога молить о его многолетнем здравии». В том же году Иосиф сообщал и политические вести, причем заявлял, что свел знакомство с приказными султана. В 1640 г. Иосиф опять сам приезжал в Москву, причем поднес дары государю: бархат золотной веницейский, объярь золотнаявеницейская; государыне: бархат золотной веницейский; царевичу Алексею Михайловичу: бархат золотной веницейский, чарка яшмовая, оправленная золотом, опахало индейского перья в рукояти яшмовой, оправлено золотом с яхонты, изумруды и жемчуга, цена всех подарков 157 рублей. Митрополиту дана была обычная милостыня, полное архиерейское облачение, да за дары 200 рублей. Но Иосиф в особой челобитной просил еще дать ему в построенную им на Афоне церковь полную ризницу, да кадило, «да мне, богомольцу твоему, мантию», да в афонский Есфигменский монастырь жалованную грамоту. Ризы ценою 35 рублей, 8 алтын, 6 денег, да кадило серебряное, золоченое, о пяти цепях, весом 2 фунта без девяти золотников, были ему даны, да сверх того дано было соболями на 70 рублей

за то, что в построенной им церкви на Афоне он записал в синодик для поминовения родителей государевых; словом, Иосиф, ранее во время прежней московской жизни своей изучивший все роды дач, какие только просители получали от русского правительства, теперь пустил в ход свое знание и получил все, что только можно было получить[200].

Некоторые из выходцев, поселившиеся в Москве, приобретали значительное влияние при московском дворе и становились видною влиятельною силою, особенно в сношениях России с Востоком. Русское правительство, несмотря на свои постоянные сношения с Востоком, на ежегодную значительную трату денег на всевозможных просителей, все-таки мало знало Восток, мало знало, кому оно помогает и на что идут жертвуемые им деньги. Поэтому оно всегда не прочь было иметь у себя под рукою таких лиц, которые бы знали хорошо Восток, его действительные нужды, могли бы рекомендовать различных просителей, чтобы русская милостыня попадала в руки действительно нуждающихся, а не разных проходимцев, которых так много являлось на Русь под видом страждущих от агарян братии. С другой стороны, в некоторых выходцах русское правительство видело людей просвещенных, образованных и принимало их как могущих принести пользу России своим образованием, своими научными сведениями, своею просвещенною деятельностью на Руси. Такие выходцы, живя в России по нескольку лет, занимали видное влиятельное положение при московском дворе, необходимо становились предметом сознательного или несознательного изучения для русских – в них русские видели представителей Востока, по ним составляли свое представление о религиозных и нравственных качествах православного Востока. Ввиду этого для уяснения характера воззрений русских на православный Восток очень важно ближе познакомиться с некоторыми из этих выходцев, игравших при московском дворе видную и влиятельную роль, или по крайней мере с теми их характерными сторонами, которые особенно резко должны были бросаться в глаза русским и вызывать у них то или другое представление о греках вообще.

Иерусалимский патриарх Феофан, уезжая из Москвы после поставления в патриархи Филарета Никитича, оставил в Москве своего старца Иоанникия на вечное житье в России. Этот Иоанникий стал называться у нас новоспасским келарем греком Иоанникием и пользовался особым расположением царя и патриарха. В лице Иоанникия Феофан хотел иметь при московском дворе преданного ему агента, который бы служил в Москве представителем и истолкователем патриарших нужд и интересов и, что особенно важно, который бы направлял щедрую русскую милостыню главным образом в Иерусалим. Иоанникий действительно сделался в Москве радетелем интересов Иерусалимского патриарха, который не раз в своих письмах к Иоанникию просил его устроить то или другое дело и особенно, указывая на его влияние при дворе, просил похлопотать о милостыне Святому Гробу. Иоанникий, конечно, хлопочет об этом, хлопочет и по другим делам Феофана. Например, Феофан желал отделаться от одного старца своей свиты, которого он почему-то сильно опасался. Это был чернец, по имени Митрофан, родом грузин, и взят был патриархом во время посещения им Грузии. Митрофан был с патриархом в Москве, а на возвратном пути в Волошской земле оставил патриарха и возвратился в Литву, где, как слышит патриарх, «он ходит злым путем». Посылая в 1625 году посольство в Москву, Феофан приказал ему захватить с собою в Литве Митрофана и попросить Московского патриарха послать чернеца в дальний монастырь за то, «что нам учинил великую срамоту в Литве и ходя сказывался моим», причем Феофан не объясняет, однако, в чем, собственно, заключалась срамота, причиненная ему чернецом. Митрофан по прибытии в Москву был арестован и немедленно сослан сначала в Сийский монастырь, а потом в Соловки. Ссылка Митрофана была делом каких-то личных счетов, как это видно из одного письма к Иоанникию его приятеля старца Иоасафа, который между прочим пишет: «Сведал я, что ты сделал над окаянным шатуном, над другом моим собакою ивером, и тако есми обрадовался» и пр. Очевидно, что Филарет Никитич, в угоду Феофану ссылая Митрофана, сделался орудием каких-то неблаговидных интриг,

почему, конечно, за Митрофана и вступился наконец Константинопольский патриарх Кирилл. Благодаря его ходатайству Митрофан в 1630 г. был взят из Соловков и привезен в Москву, откуда был отправлен в Константинополь, но через Архангельск и Англию, так как боялись отпустить его в Литву. При этом Филарет Никитич в грамоте к патриарху Кириллу объяснял, что Митрофан в тюрьме не сидел, а только был сослан на Соловки по просьбе Иерусалимского патриарха Феофана за то, что он «будучи в Литве, патриарху (Феофану) зло делал и смуту великую чинил и хотел в Литве остатца и похвалялся нашим людям Московскаго государства делать всякое дурно», и потому его послали на Соловки, «чтобы он от такаго дурна отстал, а в тюрьме он не сиживал, и нужи ему опричь того никакие не бывало»[201].

Не только патриарх Феофан обращался к Иоанникию, прося его содействия при московском дворе по тому или другому случаю, но и разные просители милостыни, отправляясь в Москву, старались заручиться рекомендацией к Иоанникию как человеку сильному и влиятельному в Москве, от которого зависит успех ходатайства просителя о милостыне. В 1627 году приехал в Москву греческий «кабанский» (селунский) епископ Феофан. Он привез с собою к Иоанникию письмо от архимандрита Святого Гроба Гавриила, который просит келаря, как влиятельного в Москве человека, похлопотать за селунского епископа, чтобы ему дана была щедрая милостыня, хотя епископ и не имеет особых рекомендательных патриарших грамот. В этом письме архимандрит так определяет влияние Иоанникия: «Мы слышим, что помощь чинишь всем монастырям и архиереем, которые ездят (в Москву), и много радуемся, яко твои слова доходят к царю нашему и великому князю Михаилу Феодоровичу всеа Руссии и к пресвятейшему патриарху Филарету Никитичу Московскому и всеа Руссии, и которые ни бывали там, и те все малые и великие благодарят Бога и многолетнее их царское пребывание и тебя також». В 1628 году обращался к ходатайству Иоанникия газский митрополит Иосиф, а после митрополит Анхиальский, приятель Иоанникия иерусалимский старец Иоасаф и др. Указанные случаи

показывают, что Иоанникий действительно успел приобрести в Москве сильное влияние, что его рекомендация и отзыв имели решающее значение на раздачу милостыни просителям, что к нему русское правительство обращалось, чтобы получить те или другие сведения о разных греческих монастырях.

Это подтверждается и тем обстоятельством, что сохранилась «сказка Новоспасского монастыря келаря Иоанникия» о монастырях, имеющихся в Цареграде, Иерусалиме и во всей греческой земле, писанная им по просьбе Филарета Никитича. Когда персидский шах прислал в дар Михаилу Феодоровичу ризу Господню, то в Москве остереглись сразу верить в подлинность этой ризы и между прочим обратились за справками к келарю Иоанникию, не знает ли он чего про «Христову срачицу» и про иные святыни, где они и в котором государстве, не слыхал ли он чего об этом в Греции, когда был там[202].

В июле 1628 года прибыл в Москву веррийский митрополит Аверкий и остался в Москве на государево имя. В 1629 году выехал на государево имя и поселился в Москве селу некий митрополит Паисий, а в 1630 году приехал в Москву с турецким послом Фомою Кантакузеном севастийский митрополит Иосиф, который также остался в Москве на государево имя[203]. Эти три иерарха, поселившись в Москве, жили при дворе, пользовались у царя и патриарха почетом и влиянием. Когда в 1630 году представлялся Филарету Никитичу Фома Кантакузен в качестве турецкого посла, то на представлении присутствовали и митрополиты Паисий Селунский и Аверкий Веррийский; в том же году они присутствовали и на приеме царем и патриархом голландских послов. В 1631 году при приеме английского посла были Аверкий и севастийский митрополит Иосиф, они же присутствовали и при приеме датского посла[204]. Как велико было при дворе влияние этих архиереев, можно заключить из того обстоятельства, что к их покровительству и ходатайству прибегали даже русские вельможи. Так, Аверкий заявлял, «что наперед сего бил челом к государю святейшему патриарху севастийский митрополит Иосиф о князе Володимере Долгоруком, чтобы ему быти по-прежнему на Вологде. И

великий государь святейший патриарх чаял, что бил челом севастииский митрополит Иосиф о том с ево, Аверкиева, ведома, а он, Аверкий, про то не ведал, и с ним он о том не спрашивался и ныне што вперед о таком же деле учнет бить челом без его ведома и на него б, Аверкия, в том мненья не было»[205]. Но если так сильно и велико было влияние выезжих митрополитов на патриарха и царя, что к их ходатайству перед патриархом прибегали даже видные русские вельможи, то понятно, какое решительное и безусловное влияние должны были иметь эти митрополиты на отношение русского правительства к различным Восточным Церквам и к различным просителям милостыни. По мысли русского правительства, выезжие иерархи должны были быть посредниками между просителями и правительством: они должны были давать правительству сведения о личности просителя, о монастыре или епархии, представителем которой проситель является, о действительных нуждах и потребностях епархии или монастыря, должны были разоблачать обманы и проделки разных самозванцев-просителей и т.п. Очевидно, что роль их в этом отношении была очень важна и влиятельна, так что все дело раздачи милостыни почти исключительно находилось в их руках, и каждый приехавший в Москву проситель необходимо должен был заручиться их расположением и рекомендацией, без чего ему трудно было рассчитывать на успех. Поэтому почти все просители и обращаются к ним с просьбою о содействии и ходатайстве перед царем и патриархом. Но эти представители в Москве Православного Востока не стояли на высоте своего призвания, особенно митрополит Аверкий, самый видный и влиятельный между ними. Эти иерархи, живя в Москве, преследовали только свои личные эгоистические и корыстные цели, старались каждый усилить свое влияние и подорвать значение другого, вследствие чего между ними скоро возникла борьба, в которой они сами открывали и русским свои взаимные интриги и разные неблаговидные проделки. Митрополит Аверкий, поселившись в Москве, скоро приобрел сильное расположение к себе Филарета Никитича и полное его доверие. Этим он воспользовался прежде всего для личной наживы. Он

наговорил патриарху, что у него на родине есть вотчины и виноградники, которые он принужден был заложить. Теперь, пользуясь царскою милостынею, он посылает в Константинополь своего келаря Пахомия, чтобы устроить выкуп его имений и виноградников. Но Пахомий не исполнил этого поручения, а воротился в Москву с племянником Аверкия Дементием, который теперь был отправлен в Константинополь, чтобы не только выкупить Аверкиевы имения и виноградники, но и продать их. При этом Аверкий просил царя и патриарха написать от себя Константинопольскому патриарху, чтобы тот посодействовал Дементию в успешном выполнении возложенного на него поручения. Царь действительно писал к Кириллу Лукарису особую грамоту с просьбою похлопотать о выкупе и продаже имений Аверкия; о том же просил Лукариса и Феофана Иерусалимского особою грамотою и Филарет Никитич. Для нас это дело важно в том отношении, что оно указывает на живое и деятельное участие царя и патриарха в личных делах Аверкия, на их полное расположение и сердечное сочувствие к этому митрополиту. Но Аверкий злоупотребил царским и патриаршим доверием и расположением к нему с низкою корыстною целью. В действительности у него вовсе не было в Константинополе никаких имений и виноградников, все это он придумал с целью выманить у царя и патриарха побольше денег, на которые он покупал товары и посылал их для продажи в Константинополь то со своим келарем Пахомием, то с купцом Дементием, которого он выдавал за своего племянника. Впоследствии Феофан Иерусалимский, когда он уже враждебно столкнулся с Аверкием, счел возможным раскрыть Филарету Никитичу глаза на проделки Аверкия. Относительно данного обстоятельства он писал: «Если хочешь познать лживость его (Аверкия), скажу тебе первое, он подвигнул царствие ваше писать к нам о некоем человеке, которого назвал себе братаничем, но он не что иное, как купец, приходивший совершать куплю соболями, и будто бы он, Аверкий, имел виноградники в Константинополе, но он не только не имел здесь виноградников, но ради нищеты своей и лукавства уже двадцать лет, как изгнан из епархии Веррийской, и около десяти лет, как

переселился в Молдовлахийскую». Очень неблаговидно Аверкий поступил и со своим спутником Константином Ларевым. С ним он приехал в Москву и выдал его здесь за своего зятя. Этот Аверкиев зять привез в Москву часть Животворящего Древа, которое творило-де много чудес, причем он ссылался на Аверкия: «Распросить велите верийского митрополита Аверкия, что он видел, и он вам, государем, подлинно скажет про те чудеса». Аверкий, знавший, конечно, хорошо все касавшееся своего зятя, подтвердил его слова, и древо было куплено. Но через несколько времени Аверкий подал на своего зятя челобитную с просьбою взыскать с него деньги, которые он задолжал Аверкию, и когда Ларев, отрицавший долг, не хотел платить, он поставлен был на правеж, который заставил его уплатить долг. Аверкий вынужден был объяснить тогда, что Ларев вовсе не зять его, а только дорогою в Москву уговорился было жениться на племяннице Аверкия и успел этим путем выманить у него деньги, а между тем оказалось, что Ларев уже женат, т.е. Ларев не только не был зятем Аверкия, как тот сначала уверял, но Аверкий даже совсем и не знал его, не знал даже того, женатый он человек или холостой, и потому, выдавая Ларева за своего зятя, подтверждая его слова о чудесах от привезенной им части древа, заведомо лгал. Ларев решился отмстить Аверкию за правеж. По словам челобитной Аверкия, Ларев писал в Константинополь к своему отцу, который «Мурат салтана платье кроит» и у которого «с молодых лет келарь Аникей послужил», чтобы он задержал и ограбил в Константинополе посланного туда Аверкием келаря его Пахомия; писал он и постельничьему молдавского воеводы, советуя ему ограбить и задержать Пахомия. И это последнее письмо Ларев писал от имени Иоанникия, но без его ведома. Наконец, Аверкий доносил, что Константин хотел покинуть греческую веру и потурчиться. Ларев по этому доносу был обвинен и сослан в Вятку, где его велено было содержать в оковах под строгим караулом. В 1630 году Константинопольский патриарх Лукарис просил об освобождении Ларева, и по этому ходатайству он был отпущен в Константинополь в 1631 году.

Аверкий не раз посылал своего келаря Пахомия в Константинополь с разными поручениями вроде выкупа его родовых имений и виноградников, которых никогда не имел, а в действительности для торговли на деньги Аверкия. В последний раз он послал с ним 1300 рублей, и Пахомий не заблагорассудил возвратиться в Москву с этими деньгами, а остался в Молдавии. Аверкий употреблял все усилия вызвать Пахомия в Москву, он писал к нему с этою целью письмо в Молдавию, уговаривая его приехать в Москву, обещал ему за это милость от Бога, честь от государя и от него, смиренного. «Если же будешь так несмыслен, – пишет Аверкий, – что сюда не придешь, то знай верно и истинно: двоюродному брату твоему, архимандриту Григорию, выхода отселе не будет». Аверкий действительно в видах поощрения Пахомия на приезд в Москву успел оговорить находившегося в Москве двоюродного брата Пахомия, синадского архимандрита Григория, и двоюродного брата Григория бельца Кузьму, так что они благодаря оговору Аверкия по указу государя и патриарха были сосланы в нижегородский Дудин монастырь. Но на этот раз за сосланных вступился селунский митрополит Паисий вместе с келарем Иоанникием. Паисий в челобитной заявил, что архимандрит Григорий и его двоюродный брат Кузьма люди честные, что за ними никакого дурна никогда не было, что он знает их исстари – архимандрита учил грамоте, а у Кузьмы крестил двух детей. Вследствие этого думному дьяку велено было допросить Аверкия в патриаршей крестовой палате. На допросе Аверкий просил, «чтобы Святейший Патриарх Филарет Никитич пожаловал, не велел архимандрита Григория возвращать в Москву и отпускать в свою землю до тех пор, пока келарь его Пахомий не приедет в Москву, потому что архимандрит похваляется сделать келарю его великое зло, а что касается до сосланного с тем Григорием брата его двоюродного Кузьмы, то в нем лиха никакого не знает, только бы и ему побыть до времени там же в Печерском монастыре».

В то же время Аверкий говорил еще, что «на него всякое зло умышляет спасский бывший келарь Иоанникий вместе с селунским митрополитом Паисием, всегда с митрополитом

сходятся и пьют, а на Аверкия умышляют, как бы его чем опозорить и от государския и Святейшаго Патриарха милости отлучить своими лживыми доносами». Говорил еще Аверкий, что «селунский митрополит Паисий, умысля с Иоанникием, севастийского митрополита наговаривают, чтобы с ними ж в совете был, и звал его к себе селунский митрополит дважды, и с ним о том говорил, чтобы с ними ж был в совете на него, Аверкия. И севастийский митрополит Иосиф у селунского митрополита был, а он, Аверкий, опасается от них всякого дурна, и великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичу Московскому и всеа Руси про то было бы известно. Да он же Аверкий митрополит говорил: слышал он, что послано по Константина греченина (Ларева), велено ему быть в Москве. И как он к Москве приедет, и ему бы не велели водитца с селунским митрополитом и с бывшим спасским келарем Иоанникием, чтобы они не навели его на всякое дурно». Но на этот раз оговоры Аверкия не помогли, все ранее по его оговорам сосланные лица, Константин Ларев, архимандрит Григорий и его двоюродный брат Кузьма, были возвращены из ссылки и отпущены в Константинополь[206]. Все это уже само по себе не особенно красивое дело показывает, что Аверкий не ужился в Москве с Иоанникием и митрополитом Паисием, которые соединялись вместе против Аверкия, как видно успевшего подорвать при дворе прежнее безусловное значение Иоанникия и сделаться самым видным и влиятельным человеком при Филарете Никитиче. И вот выезжие гречане вступают в решительную борьбу между собою из-за влияния при московском дворе. Они подкапываются друг под друга, пускают в ход кляузы, интриги, оговоры и доносы, чтобы лишить своего противника доверия и расположения патриарха и царя. Аверкий, несмотря на все свои неблаговидные поступки относительно Ларева, архимандрита Григория и грека Кузьмы, оказывается все-таки сильнее своих противников. В 1631 году ему удается сослать на Соловки племянника Иоанникия черного дьякона Иоасафа, где тот прожил целых четыре года. После его перевели в московский Чудов монастырь, откуда он был отправлен в Константинополь по просьбе Лукариса, который

просил прислать к нему Иоасафа, как знающего греческий и русский языки, чтобы переводить для патриарха царские грамоты. Сам келарь Иоанникий вскоре после ссылки своего племянника «умер скорою смертью без приказу (духовной) и без отходныя»[207]. Теперь у Аверкия остался один противник, селунский митрополит Паисий, но с ним соединился скоро другой, всех более опасный и влиятельный в Москве – сам Иерусалимский патриарх Феофан. Феофан, как мы сказали выше, имел в лице келаря Иоанникия безусловно преданного ему человека, который являлся всегда ходатаем и представителем интересов Иерусалимского патриарха перед царем и Филаретом Никитичем. Но с появлением в Москве Аверкия авторитет и влияние Иоанникия значительно пали. Аверкий враждебно столкнулся с Иоанникием, одержал над ним победу и тем самым необходимо возбудил против себя Феофана. Последний скоро увидел, что в Москве пользуется влиянием уже не его креатура – Иоанникий, а другой человек, который не имел причин направлять русскую милостыню в Иерусалим или на лиц, рекомендуемых главным образом Иерусалимским патриархом. В конце 1629 года в Москву прибыло от Феофана посольство с просьбою о милостыне и просительными грамотами патриарха. Но присланный Феофаном вифлеемский митрополит получил обычную митрополичью дачу и только 100 рублей Святому Гробу[208]. Феофан увидал в этом неудачном, по его мнению, исходе посольства пагубное влияние при московском дворе Аверкия, что он и выразил в письме к селунскому митрополиту Паисию и в письме к самому Аверкию от 12 июля 1630 года. В письме к Паисию Феофан просит его словом и делом ходатайствовать за просителей монастыря св. Анастасии, благодарить его, «что прислал нам икону и не забываешь Святаго Гроба», а про Аверкия говорит, что слышал, будто он отсек милостыню от Святого Гроба, за что грозит ему наказанием в будущем веке и анафемою от Седми Соборов святых отец. В письме к Аверкию Феофан укорял его за то, что он отсек милостыню Святого Гробу, так что вифлеемский митрополит возвратился назад праздным; что донес царю и патриарху, будто Феофан роздал

царскую милостыню разным лицам и учинил своих митрополитами, что совершенно несправедливо, и заканчивает свое письмо следующим обращением к Аверкию: «Хотели мы много еще говорить и писать, а ныне молчим до тех пор, пока будем в Константине граде, увидим и рассудим, что ты тут у царя наговариваешь, доводишь то и другое напрасно и обманываешь царя, а он того не ведает; мы чаяли и ждали покаяния от злых дел твоих, а ныне на старости не будем покрывать злоразу мие твое, ибо многих в напасть ты ввел. Полно, окаянный, близок ты к смерти». Писал Феофан и Филарету Никитичу жалобу на Аверкия и обличал его в разных неблаговидных проделках и между прочим в такой: «Да ведаете, что писания, которые отовсюду приносят к вашему царскому величеству, он с толмачом Борисом перетолковывает, как сами хотят, не показывая вам истину, и нищий исходят от вашего царствия оскорбленные им, ибо он взимает себе данную им вами милостыню. Не подобает ему возлагать на себя ни епитрахили, ни омофора». Любопытен ответ Филарета Никитича на эту обвинительную грамоту Феофана против Аверкия. «Ей, ей, – пишет он Феофану, – глаголю о Христе, не лгу по своему святительству в правде, не слыхал я от Аверкия про ваше святительство, великаго господина брата нашего и сослужебника, никакого зла; напротив, он хвалился твоим благословением и духовною о Христе любовью; касательно же малой милостыни, которая тебе прислана с вифлеемским митрополитом, мы также ничего не слыхали от веррийского митрополита, а малая сия милостыня учинилась по самой нужде… мы готовимся против недругов своих и казну многую роздали многим ратным людям, и ты, господин брат наш, на нас о том не поскорби; безхитростно сие учинилось, а не от Аверкия. Касательно же большой милостыни, которая послана от царя и от нас с архимандритом вашим келарем Акакием, несправедливо, будто Аверкий, ссоря между собою нас, патриархов, говорил, что ты в предыдущие годы не положил оной сохранно в свою казну, и ныне там ее нет. Мы не слыхали сего ни от Аверкия, ни от кого другого и верим, что большая сия милостыня к Животворящему Гробу Господню в вашей казне и

ныне цела и в будущие годы сохранена будет. Касательно изгнания Аверкия из его Веррийской митрополии не написано тобою: от мирских ли людей или от духовного собора, за его недостойное житье изгнан? А что Аверкий извещал нам на гречан, на двух архимандритов Григориев и на Константина Ларева, то и другие гречане нас также извещали, что они не доброхотны нашему царствию и многую хотели нам учинить смуту, похваляясь всяким злом. Мы же, сыскав их воровство, рассылали их по городам, не в заточение, не в тюрьму, но только для смирения. И я, патриарх Филарет, помышляю сам в себе, что общий наш враг диавол между нас смуту учинил; возненавидев нашу духовную любовь, и я, господин и брат мой, весьма этим огорчаюсь» (грамота писана от 17 июня 1631 года). Очевидно, что Аверкий пользовался безусловным доверием Филарета Никитича, так что и донос на него самого Феофана не произвел в Москве ожидаемого впечатления – Филарет Никитич оправдывает Аверкия от обвинений, возводимых на него Феофаном. Но Аверкий продолжал злоупотреблять своим влиятельным положением в Москве и наконец дошел до того, что Филарет Никитич принужден был, неизвестно по какому частному случаю, предпринять против него самые решительные меры, именно: «митрополичий сан с него был снят и священных (он) не действовал», в качестве простого чернеца Аверкия он был сослан на житье в костромской Ипатьевский монастырь, откуда по ходатайству Константинопольского патриарха Кирилла Веррийского был взят и отправлен за границу. Он жил потом в Молдавии и не раз присылал государю оттуда челобитную с просьбою возвратить ему его ризницу, которую удержал у него суздальский архиепископ Иосиф за долг в 200 рублей; а также с просьбами о помощи и милостыне ради его крайней бедности. Присылал он и политические вести[209].

Недоброе воспоминание оставил по себе особенно Аверкий. Русское правительство желало иметь в поселившихся в Москве греческих иерархах честных, добросовестных, сведущих посредников в своих сношениях с православным Востоком, но встретило в них людей своекорыстных, интриганов, которые не только не содействовали упорядочению

и правильной постановке сношений России с Востоком, но еще вносили в них смуту, интриги, личное мелкое своекорыстие и самолюбие. Правительство наделило этих лиц своим полным доверием, окружило их своими заботами и попечениями, но они обманывали его доверие самым грубым образом в видах личной наживы; оно доверчиво дало им сильное влияние в делах по сношениям с Востоком, оно прислушивалось к их голосу при раздаче милостыни просителям, их рекомендация имела в этом случае решающее значение, а они употребляли свое влияние на то, чтобы преследовать ненавистных почему-либо им лиц, так что русское правительство в их руках являлось только орудием или их личной мести, или просто корысти. Самая русская милостыня направлялась ими не столько на лиц действительно нуждающихся, требующих помощи, сколько на лиц, находящихся с ними в дружеских отношениях или успевших приобрести их расположение подарками. Призванные быть советчиками и посредниками, они вступают в соблазнительную борьбу между собою из-за влияния при дворе, подкапываются друг под друга, интригуют, стараются уронить один другого во мнении царя и патриарха, пишут друг на друга жалобы, обвинения, так что правительству приходится умиротворять вздорящих, мелочно самолюбивых иерархов. О возможности получить от них истинные сведения о действительном положении и нуждах Востока, найти в них беспристрастных, искренно преданных интересам Православия советчиков и руководителей невозможно было и думать; в конце концов пришлось самого видного из них, Аверкия, лишить архиерейского сана и удалить из Москвы в ссылку, так как его бесчестные проделки перешли, очевидно, всякую границу возможного. Но этого мало: русским приходилось созерцать не только ссоры, интриги и разные проделки поселившихся в Москве греческих иерархов, но и видеть участие в этой борьбе своекорыстных интриганов из числа самих восточных патриархов. Феофан Иерусалимский деятельно вмешивается в борьбу двух враждующих митрополитов, принимает сторону одного из них и всеми мерами старается подорвать значение при московском дворе Аверкия. Побуждения, руководившие в

этом случае Феофаном, были не особенно высокие – это подозрение, что ему под влиянием Аверкия прислана скудная милостыня, тогда как он рассчитывал на получение большей. По этому только побуждению он решается раскрыть Московскому патриарху глаза на Аверкия и все его проделки, о которых он знал ранее, но о которых умалчивал, пока не счел себя обиженным Аверкием. Ничем не замаскированное своекорыстие даже патриарха, прикрывающего до поры до времени, пока его не заденут, нечестные проделки проживающего при московском дворе митрополита, не могли производить хорошего впечатления в Москве. Недоброе мнение о греческих иерархах составлялось у русских, а думать иначе они не имели данных.

После митрополита Веррийского Аверкия особенно резко выдается по своему громадному влиянию при московском дворе известный Паисий Лигарид, приехавший в Москву 12 февраля 1662 года. Как и Аверкий, Паисий принадлежал к числу тех бродячих, не ужившихся дома архиереев, которым «не подобает возлагать на себя ни епитрахили, ни омофора», которые, лишившись по какому-либо случаю своих кафедр, беспокойно переходят с места на место с целью пристроиться где-либо повыгоднее и поудобнее. Но Паисий заметно выделялся по своим личным качествам из толпы других греческих бродячих архиереев. Он был человек довольно образованный и даже ученый, человек ловкий, умный, находчивый и при этом, как воспитанник иезуитов, нравственно очень гибкий и податливый гречанин, способный приладиться ко всякой данной среде и обстановке, умевший сделаться нужным и необходимым для тех, которые были нужны ему самому, от кого он надеялся получить какие-либо выгоды для себя. В Москве этот воспитанник иезуитов, этот бросивший свою епархию архиерей, равнодушный к Православию и его интересам, ловко умел разыгрывать роль строгого поборника Православия, ревнителя церковных правил и постановлений, обличителя всяких уклонений от строго православной жизни, причем он искусно выдвигал на вид свой ученый авторитет там, где этого требовали его личные интересы, где ему нужно было произвести своею ученостью известное впечатление на русских.

Вообще Паисий был довольно даровитый и образованный архиерей-авантюрист, способный на все руки и на все послуги, за которые ему хорошо платят. Как и большая часть подобных выходцев, Паисий приехал в Москву с целью попытать счастья в этой варварской, но богатой стране, где его ум, ученость, иезуитская ловкость и изворотливость должны были обеспечить ему блестящую карьеру, уже более невозможную для него на Востоке. Паисий ехал в Москву с определенными целями, общими, впрочем, ему с другими выходцами: приобрести в России какими бы то ни было средствами побольше денег, заручиться расположением к себе московского двора и при его содействии восстановить свое незавидное, совсем уже пошатнувшееся положение на Востоке. О средствах к достижению этих целей, особенно о нравственном их характере, Паисий не задумывался. Он прибыл в Москву в самое горячее время, когда дело о Никоне все более и более запутывалось, когда московское правительство чувствовало свое полное бессилие так или иначе порешить это дело и потому крайне нуждалось в человеке, который бы помог ему выйти из затруднительного положения. Паисий и был таким именно человеком, способным взяться за всякое дело, особенно которое сулило ему всевозможные выгоды, почет и влияние. Он сразу понял выгоды своего положения между двух борющихся сторон и, как и следовало ожидать от него, немедленно пристал к сильнейшей, боярской, партии, стал душою и руководителем всех врагов Никона, дело которого уже было проиграно. Он скоро успел овладеть полным расположением и доверием к себе самого государя, у которого в некоторой степени даже занял место прежнего «собинного друга», так что Алексей Михайлович, по свидетельству самого Никона, стал слушать во всем Паисия и почитать его как «пророка Божия». Это понятно: вкрадчивый, гибкий и льстивый гречанин, желавший только всячески угождать царю, представлял полную противоположность с суровым, гордым, неуступчивым и притязательным Никоном, и потому ему нетрудно было приобрести расположение и любовь мягкого и привязчивого царя, нравственно измученного продолжительным

столкновением с Никоном, искавшего опоры, успокоения, оправдания своему поведению. Никто не мог лучше Паисия успокоить встревоженного, неуверенного в своей правоте царя, оправдать его в своих собственных глазах, сообщить ему, постоянно колебавшемуся, нравственную устойчивость и решительность. Паисий пустил в ход всю свою ловкость и изворотливость, все свое остроумие и находчивость, весь запас своих научных знаний, чтобы во всем оправдать царя и, наоборот, во всем обвинить Никона: причина нелюбви между царем и патриархом, причина всех церковных смут и нестроений заключается единственно в Никоне – вот в чем всеми средствами старался Паисий убедить царя, чтобы умиротворить, успокоить его встревоженную совесть. Понятно, что царь был искренно благодарен тому человеку, который всячески старался снять с его души тяжелое, давившее его бремя ссоры с бывшим его «собинным другом», понятно, что он стал чувствовать к Паисию особое доверие и расположение, готов был сделать для него все возможное.

Паисий не замедлил воспользоваться расположением к себе царя, чтобы извлечь отсюда всевозможные для себя выгоды. Целый ряд челобитных царю с самыми разнообразными требованиями ярко рисуют нам Паисия с этой стороны. Немедленно по своем прибытии в Москву Паисий просит государя откупить христиан его области от турок, с которыми-де он уговорился давать им окупу за христиан ежегодно по 500 ефимков, и просит вручить ему эту сумму, «чтоб мне, богомольцу твоему, из области своей изгнану не быть, и православных христиан моея области нечестивые турки не обратили б в свою турскую веру»[210]. Чтобы понять истинный смысл этой челобитной, нужно знать, что Паисий в это время не был действительным газским митрополитом, так как уже давно бросил на произвол свою митрополию, за что, между прочим, и был лишен архиерейства Иерусалимским патриархом Паисием. Просьба со стороны Лигарида денег у государя на выкуп его епархии от турок была прямым обманом, бесцеремонною, в видах наживы, эксплуатациею доверия и расположения к нему государя. В том же году, в сентябре месяце, Паисий в особой

челобитной государю желает поведать ему о своей скудости, что отпускаемого ему жалованья и корму достаточно только для него одного, а между тем при нем находятся несколько служек и три лошади, которых кормить ему нечем, и потому просит государя прибавить ему жалованья, чтобы ему людей своих и лошадей с голода не поморить вследствие наступившей дороговизны. Во второй челобитной просит себе у государя архиерейские одежды, саккоса и митры. Эти требования были не только удовлетворены, но государь еще пожаловал Паисию «кафтан камчатной холодной смирной камки, да рясу суконную черную на белках, сверх того, что ему ж дана была соболья под камкою». В следующем году Паисий обращается к царю уже с целым рядом челобитных, в которых просит пожаловать ему карету и лошадей вместе с новыми шлеями, потому что старые прогнили; просит дать жалованье его дьякону Агафангелу и обменять ему 250 рублей медных на серебряные, потому что-де Агафангел, будучи сослан на Соловки, где он прожил четыре года, оставил, отправляясь в ссылку, в Никольском монастыре 250 рублей медных, которые тогда ходили за серебряные. В том же году Паисий еще обращается к царю с челобитною. Он заявляет, что приехал в Москву просить милостыни «на уплату с епархии моей податей Иерусалимскому патриарху Нектарию и туркам и себе на пропитание», но что он живет по царскому указу на Москве уже три года, «и ныне мне, богомольцу твоему, ведомо учинилось, что Ероса-лимский патриарх на меня зело гневен за то, что я многое время, оставя епархию, живу на Москве, а без меня епархии моей пасти некому, да ему, патриарху, и турку никакие подати в епархии моей неплачены, да живущие в епархии моей заняли на нужные расходы многие деньги», именно 1700 ефимков, которые он и просит царя выдать ему для уплаты податей патриарху, туркам и долгов епархии. В другой челобитной Паисий просит, чтобы царь давал ему милостыню золотом «для ради легкости послать доведетца». По этой челобитной царь велел дать Паисию для уплаты епархиального долга, податей патриарху и туркам вместо 1700 ефимков «850 золотых червонных одиноких». Так умел Паисий выманивать у царя крупные суммы, разыгрывая

перед ним роль заботливого о своей пастве архипастыря, которой он, однако, уже не имел. Через год Паисий в челобитной заявляет, что корм с дворца ему дают, а соли нет, поэтому просит государя пожаловать его солью, как его, государя, Бог известит. Велено выдавать ему по три пуда соли в год. В другой челобитной Паисий просит государева жалованья муки пшеничной, дров, меду, как ему, великому государю, Бог известит. Через год Паисий подает обычную челобитную о поденном корме, которого ему лично давалось на день по 6 алтын, архимандриту его 2 алтына, архидьякону, келарю, черному дьякону по 8 денег человеку, назаретского митрополита келарю, который живет у Паисия, 10 денег, толмачу да двум челядникам по 4 деньги человеку на день, «да митрополиту ж дают великаго государя жалованья из дворца корм – рыбу и икру и питье – вино церковное и меды». В новой челобитной Паисий просит себе дров. В сентябре 1667 года Паисий просит царя прибавить ему корму, о том же он просит и в следующем году. Государь велел ему дать вместо прибавки корму сто рублей, обновить все ветхое в доме, где он стоит, и дозволил ему купить в Архангельске вина и на трех казенных подводах беспошлинно привезти его в Москву. Через год Паисий просит давать поденный корм его племяннику, который приехал в Москву, просит старые сани заменить новыми и просит ему лично и его людям прибавить корму. Через год Паисий опять просит себе, своим племянникам и челядникам поденного корму, ибо, заявляет митрополит, «помираем с голоду»[211].

Все эти многочисленные, подчас очень назойливые челобитные Паисия, требовавшие от царя постоянных забот и попечений о довольстве, покое и всех удобствах не только самого Паисия, но и его родственников, свиты и слуг, всегда удовлетворялись царем, даже требования крупных сумм на уплату мнимых долгов его фиктивной епархии исполнялись государем. А так как Паисий был очень изобретателен и умеренность в требованиях не считал своим качеством, то его жизнь в Москве с материальной стороны была устроена прекрасно – он жил в полном довольстве на полном царском содержании, которое обходилось ежегодно в 361 рубль.

Проживая на всем готовом, Паисий имел полную возможность скопить себе порядочный капиталец. Конечно, такие куши, как 850 золотых, сразу попадали к нему редко, но были и другие, хотя и менее крупные, получки, которые с течением времени должны были составить порядочную сумму, ибо царь был щедр и любил дарить своих любимцев. Но Паисий не пренебрегал и другими средствами наживы, которые особенно были возможны при его влиятельном положении. В одном докладе Посольского приказа государю говорится: «Великому государю бьет челом газской митрополит Паисей: хотел-де он купить соболей и послать в свою митрополию (?), и пришел-де к нему Юрьи греченин, взял у него денег двести рублев серебряных, а взялся принесть к нему соболей, и он-де к нему соболей и денег не принашивал; и великий государь пожаловал бы его, велел ему Юрью соболи или деньги к нему принесть»[212]. Этот доклад показывает, что Паисий подобно Аверкию, иеродиакону Мелетию и другим занимался торговлей. По низким ценам покупал он в Москве соболей и отсылал их с доверенными греческими купцами или племянниками в Константинополь, где они и продавались со значительным барышом. Но мало того, что Паисий вел торговлю, он еще занимался маклерством. В одной челобитной царю он ходатайствует за гречанина-купца, с которым «послано из Константинополя от соборной церкви продать здесь, в Москве, узорочных товаров – каменья и иного узорочного товару, чем бы ей, бедной церкви, заплатить долг»; эти церковные товары взял у доверенного лица другой грек-купец и не платит за них денег. Паисий просит взыскать их[213]. В 1663 году в челобитной он просит царя, чтобы государь велел пропустить в Москву нескольких торговых гречан, приехавших в Путивль с товарами. В самой Москве он вступается в споры торговых гречан между собою, принимает одну сторону, оправдывает ее, пишет за нее к царю челобитную, обвиняет другую и т.п.[214], и делает это, конечно, не даром. И менее честными средствами не пренебрегал Паисий, чтобы побольше нажиться в Москве. Из Соловков, как мы упоминали выше, воротился дьякон Агафангел и поступил к Паисию, который заявляет царю, что у Агафангела, когда он отправлялся на

Соловки, оставалась в Никольском монастыре коробка, а в ней 250 медных рублей, которые тогда ходили за серебряные. Сердобольный Паисий просит теперь царя обменять эти медные рубли на серебряные.

Но нетрудно видеть, что Агафангел, успевший обокрасть даже самого Паисия, никогда бы не оставил в монастыре в коробке, отправляясь в ссылку, такую крупную для тогдашнего времени сумму, как 250 рублей. Просто Паисий и Агафангел купили старые медные рубли как медные и решились получить за них серебряные рубли, а барыши от этой проделки поделили между собою. Нам известно и еще одно дело, которое ярко рисует свиту, окружавшую Паисия, и отчасти его самого. В августе 1669 года в Москву прибыл Никольского мутьянского монастыря архимандрит Христофор. На допросе он назвался племянником Александрийского патриарха Паисия и заявил, что когда он приехал в Белгород, то, по поручению митрополита Феодосия и воеводы Петра Скуратова, ездил в Чигирин к гетману Дорошенке просить об отпуске удерживаемых гетманом русских пленных и что гетман, ради слезного его прошения, отпустил до 70 знатных и простых русских пленных. В Москве дьякон Агафангел, живший у Паисия, потребовал от архимандрита взятки, обещая за это «промыслить великого государя жалованья на 1000 рублей». Когда архимандрит отказался от этого предложения, то Агафангел подговорил двух волошан заявить правительству, что он, Христофор, архимандрит не настоящий, а затем вместе с племянником Паисия отнял силою у архимандрита коробку с ценными вещами и поставил ее у Паисия. Вследствие челобитья архимандрита Паисий был спрошен относительно стоящей у него коробки. Но он заявил, что никакой коробки у него не было и нет, а за донос «архимандрита бранить и бить хотел». Но украденная коробка с некоторыми вещами архимандрита была, действительно, найдена у Паисия. Тогда, по указу государя, дьяк Посольского приказа говорил Паисию, «чтоб он, митрополит, и достальные архимандритовы животы, золотые, и ефимки, и соболи, и перстень, велел сыскать и, сыскав, прислать в Посольский приказ». Ввиду явных улик против него

Паисию оставалось одно – обидеться, что он и сделал: «И газ-кой митрополит подьячему Максиму Бурцеву сказал, что у него дьяконовых животов Агафангела никаких нет и не было, а что-де к нему, митрополиту, для такова дела присылают и тем-де ево, митрополита, безчестят, а что-де племянник его Николай не делает и о том с ним, митрополитом, не спрашивается»[215]. Это, по-видимому, неважное само по себе дело важно для нас, однако, в том отношении, что оно указывает на ту роль, какую играли относительно приезжих просителей милостыни члены свиты Паисия и не без его ведома. Они, пользуясь влиянием Паисия при дворе, бесчестно эксплуатировали приезжих просителей милостыни и относительно несговорчивых и нежелавших входить с ними в сделку пускали в ход ложные доносы, интриги, прямое насилие, рассчитывая на заступничество и покровительство Паисия, причем полученным через вымогательство они делились, вероятно,с самим Паисием. Известный грек, иеродиакон Мелетий, в 1675 году как на одно из своих видных достоинств указывает на то обстоятельство, что он, живя в Москве у государя, «никого не грабил»[216]. Очевидно, Паисий не мог сказать про себя и этого.

Русское правительство ввиду множества обращавшихся к нему за милостынею восточных христиан постоянно нуждалось в таких лицах, которые бы могли давать ему сведения насчет просителей милостыни, и охотно поэтому прибегало в этом деле к посредству выехавших в Россию греческих иерархов. Паисий, прибыв в Москву, немедленно взял на себя роль представителя и защитника гречан и греческих интересов в Москве, вместе с вершатским митрополитом Феодосией, погоянинским архиепископом Нектарием, архимандритом московского греческого Никольского монастыря Дионисием и другими. Прибыв в Москву в феврале 1662 года, Паисий уже в апреле выступает ходатаем за одного грека Юлия Харитонова, а это доказывает, что он сразу по прибытии в Москву занял здесь видное влиятельное положение и принял под свою защиту интересы разных гречан. В том же году Паисий вместе с погоянинским архиепископом Нектарием и иверским архимандритом Дионисием ходатайствует за двух гречан,

сосланных в Казань, чтобы их возвратили в Москву, а затем просит о благородном юноше греке Павле Николетине, который поступил на государеву службу, чтобы ему пожалован был двор «ради природной его чести и пространнаго жития отца его», «а мы бы, государь, – заявляют челобитчики, – возрадовалися, чтобы наш смиренный род у тебя, великаго государя, в презрении и забвении не был и наше б моление вотще не было ж». В том же году Паисий уже однолично ходатайствует за архимандрита Предтеченского, близ города Серры, монастыря Леонтия. Этот Леонтий соединился с Паисием еще в Молдавии и вместе с ним прибыл в Москву, причем успел оказать Паисию очень важную услугу – написал для него, как об этом говорит впоследствии грамота Иерусалимского патриарха, подложные грамоты, с которыми Паисий и явился в Москву. В благодарность за эту услугу Паисий взялся выхлопотать в Москве Леонтию прибавку к данной ему милостыне, в чем, действительно, и успел. В 1664 году Паисий, Феодосии, Нектарий и Афанасий Иконийский подают государю коллективную челобитную о милостыне греку, у которого сгорела в Константинополе лавка, а в ней чужое платье, которым грек торговал[217]. Но особенно резко влияние Паисия и компании при московском дворе выразилось в двух следующих случаях. В июне 1663 года возникло известное дело об архимандрите Костамонитского афонского монастыря Феофане, который без царского позволения ездил к Никону в Воскресенский монастырь и передал ему грамоту от всех афонских монастырей и мощи священномученика Власия. Феофан был сторонником Никона и врагом Паисия, с которым у него были столкновения еще в Молдавии[218], почему он, хорошо зная прошлое Паисия, поспешил сообщить о нем сведения Никону, который, опираясь на данные, принесенные ему Феофаном, открыто стал называть Паисия ненастоящим митрополитом и латынником. Феофан жестоко поплатился за свое сочувствие к Никону и вражду к Паисию. Он был арестован и передан в руки врага, Паисия, который «ево и наказывал и от всякого дурна унимал, и он-де ему учинился непослушен». Феофан был сослан в Кириллов монастырь, причем наше

правительство сочло нужным узнать относительно этого обстоятельства мнение греческих властей: «Во 172, декабря в 17 день по приказу думного дьяка Алмаза Иванова подьячей Ивашко Истошин посылай к греческим властем к митрополиту Газскому Паисию, да к Сербскому Феодосию, да к погоянинскому архиепископу Нектарию и с ними поговорит, что, по указу великаго государя, царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Белыя и Малыя России самодержца, декабря в 12 день послан в Кириллов монастырь архимандрит Феофан и в том им нет ли какого сумнения, а за что он, архимандрит, по указу царского величества сослан, и в том им велено объявить». Греческие власти нашли, что Феофан сослан за дело, но бывшие при нем старцы невинны, почему их велено было возвратить в Москву. Другой случай: в апреле 1665 года малороссийский гетман прислал в Москву под крепким караулом варнского митрополита Даниила с обвинением его в том, что будто бы он, живя в Малороссии, подговаривал казаков, чтобы они по-прежнему принимали польское подданство. На допросе Даниил показал: он-де ранее, в 1658 году, приезжал в Москву и получил здесь милостыню, но на возвратном пути его ограбили турки, почему он вторично поехал на Русь. В то время в Чигирине гетманом был Юрий Хмельницкий, который, наделив его милостынею и одеждою, отпустил его в город Лысенку на прокормление, и он прожил в тамошнем греческом монастыре четыре года. Когда гетманом сделался Иван Брюховецкий, Даниил прибежал к нему в Конев, куда из Лысенки писал к гетману тамошний полковник о митрополите, питая к нему недружбу, будто он, живя в Лысенке, подговаривал казаков поддаться польскому королю, а у него не только в мысли ничего такого не было, но он не знает даже ни языка черкасского, ни грамоты. Между тем гетман послал его в Москву, где он и был поселен в «убогих дому» и тут терпит неволю многое время неведомо за что, ибо ведает-де и гетман, что он, живя в черкасах, много терпел от изменников, только-де в том воля великого государя, будто он согрешил, а чает он, митрополит, что гетман великого государя об нем не известил, а как известит, то чает к себе царской милости и свободы, а

теперь не дают ему жалованья царского и кормят в монастыре. За опального митрополита вступились тогда жившие в Москве греческие власти: Лигарид, Григорий Никейский, Косьма Амасийский, которые подали государю челобитную и в ней заявляли: «Приходим мы, богомольцы твои, к твоему царскому величеству к Москве от нечестивых турок и терпим путем всякие напасти и беды, токмо надеемся утешение приять у твоего царского величества и тыя скорби все забываем; ныне же слышим, что брата нашего Варнского Даниила митрополита посылают молитися в некоторый монастырь, а про что, того нам, богомольцем твоим, неведомо, и мы о том вельми скорбим. Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец, пожалуй нас, богомольцев твоих, вели, государь, про того митрополита Даниила нам, богомольцам твоим, вину его известить предо всем освященным собором и его поставить отвещать, чтоб вина ево явна была и ему и нам, а кроме суда и сыску не велел бы государь его ссылать, чтоб нам о том скорбь и печаль перестала; царь государь, смилуйся, пожалуй!» Просьба челобитчиков была уважена, им были объявлены вины Даниила и в заключение сообщено, что Даниил будет задержан в Москве до приезда Вселенских патриархов, которые на Соборе и рассудят его дело[219]. Указанные нами случаи очень характерны: ссылая афонского костамонитского архимандрита Феофана в Кириллов монастырь, царь посылает думного дьяка спросить Паисия и компанию: «В том им нет ли какого су мнения», приказывает дьяку объявить им, за что архимандрит сослан, и когда власти отозвались, что Феофан сослан за дело, а бывшие с ним старцы, тоже уже сосланные, ни в чем не виноваты, то их немедленно возвратили в Москву. Очевидно, что Паисий вместе с другими, бывшими тогда в Москве греческими властями, играл роль посредника между гречанами и правительством. Последнее смотрело на Паисия как бы на официального представителя и защитника греческих интересов в Москве, почему без его ведома и одобрения правительство даже не решалось подвергать наказанию тех гречан, которые обвинялись в каком-либо преступлении. Точно так же и сам

Паисий вместе с компанией смотрел на себя как на правомочного представителя и защитника гречан перед московским правительством. Когда оно хотело сослать митрополита Варнского Даниила, обвиняемого в измене, то Паисий, вместе с другими греческими властями, считает себя вправе вмешаться в это дело и формально требует, чтобы им сообщено было, за что ссылают митрополита, «ибо того нам, богомоль-цом твоим, неведомо, и мы о том вельми скорбим», требует публичного соборного рассмотрения обвинений против митрополита, «чтобы вина его была явна ему и нам, а без суда и сыску чтоб его не ссылали». Требования челобитчиков относительно митрополита Даниила были исполнены, хотя он и обвинялся в чисто политическом преступлении, и потому оно не подлежало разбирательству и суду духовного Собора. Понятно, какие побуждения руководили челобитчиков в их ходатайствах за разных гречан: они имели в виду, по их собственному выражению, чтобы «смиренный греческий род у тебя, великаго государя, в презрении и забвении не был и наше б моление вотще не было ж». Но особенно сильное влияние Паисий приобрел в Москве благодаря своему вмешательству в дело Никона, в котором он принял самое живое и деятельное участие, став душою и руководителем всех врагов этого патриарха, инициатором всех правительственных мероприятий, направленных к осуждению и конечному низвержению Никона. Об участии Паисия в осуждении Никона мы будем говорить после, а здесь обратим внимание только на то обстоятельство, что Паисий, судивший и рядивший в Москве дело Никона, авторитетно трактовавший и решавший запутанные русские церковные дела, в действительности был не более как лишенный сана архиерей, и притом очень сомнительного Православия. Никону от преданных ему гречан удалось узнать прошлое Паисия, и он написал против него целую книгу, по словам Паисия, «безчествующу и источающу великия кривды мерзкия, а вящшие, яко есмь еретик и волхв». Сущность обвинений Никона против Паисия сводилась к тому, что Паисий, как воспитанник иезуитов и латинский ставленник, не может считаться православным, и его нельзя допускать поэтому к

участию в делах Православной Церкви; что Паисий ненастоящий и запрещенный архиерей, лишенный сана Иерусалимским патриархом. Паисий на первый раз успел оправдаться от этих тяжелых обвинений против него Никона благодаря, главным образом, подложным грамотам, написанным от имени Константинопольского патриарха Дионисия, которыми он успел раздобыться и успокоить встревоженного было царя[220].

Но торжество Паисия в этом отношении было непродолжительно. 29 июля 1668 года в Москве получена была грамота Иерусалимского патриарха Нектария, в которой он писал государю о Паисии, что тот был отлучен и проклят еще его предшественником патриархом Паисием, о чем была послана весть и Александрийскому патриарху Паисию, потому что Лигарид в то время служил в Волошской земле, где тогда находился и Александрийский патриарх. Когда Нектарий сделался патриархом, то Лигарид не явился к нему, как бы следовало, не представил своих грамот, а уехал сначала в Волошскую, а потом в Черкасскую землю и там писал грамоты ложные, с чем прийти к тебе, великому государю, а что в тех грамотах писал, мы того не ведаем, а кто те грамоты ему в черкасских городех писал, тот ныне человек у нас, а у него он был архимандритом, имя ему Леонтий». Далее извещает, что полученные от государя деньги на уплату епархиальных долгов Паисий отослал со своим племянником на свою родину, остров Хиос, а вовсе не в епархию, которую он уже бросил 14 лет тому назад. «Даем подлинную ведомость, – говорит Нектарий, – что он (Лигарид) отнюдь ни митрополит, ни архиерей, ни учитель, ни владыка, ни пастырь, потому что он столько лет отстал и по правилам святых отец есть он подлинно отставлен и всякого архиерейского чину лишен, только имянуетца Паисей». Затем Нектарий указывает на то обстоятельство, что Лигарид «называется с православными православным», а «латыни свидетельствуют и называют его своим, и папа Римский емлет от него на всякий год по двесте ефимков»[221]. Это говорит о Паисии уже не Никон, а сам Иерусалимский патриарх. Личность Паисия теперь стала ясна: это был лишенный сана архиерей-

авантюрист, который явился в Москву с подложными грамотами и, выдавая себя здесь за действительного газского митрополита, выпрашивал у царя милостыню для бедствующей своей паствы, дерзко и нагло обманывал царя как относительно своей личности, так и употребления тех денег, которые он получал от царя на покрытие долгов своей мнимой епархии. Но и этого мало: являясь в Москве в роли строгого ревнителя Православия, уставов и положений Православной Церкви, Паисий в действительности сильно подозревался в латинстве – латынником Паисия признал и его собственный Иерусалимский патриарх, а затем и патриарх Константинопольский. После разоблачений, сделанных относительно Паисия Иерусалимским патриархом Нектарием, которые показали русским, как дерзко и нагло обманывал их во всем Паисий, позволительно было ожидать, что он будет отправлен за все свои проделки на Соловки под крепкий начал, но в действительности этого не случилось. Русское правительство не могло решиться открыто признать, что человек, от которого исходили все советы и указания по делу Никона и его противников, на которого доселе смотрели как на образованнейшего и авторитетного представителя Востока, в мудрость и компетентность которого все верили, которого сам царь слушал «как пророка Божия», что этот человек был лишенный сана архиерей, обманщик и латынник, ловко разыгравший перед русскими роль судьи в их церковных делах, роль ревнителя чуждых для него интересов Православия. С другой стороны, ловкий и вкрадчивый Паисий ввиду патриарших на него обличений постарался выставить их перед царем делом, внушенным патриарху многочисленными личными врагами Паисия, не хотевшими ему простить его участие в деле Никона и завидовавшими его близости к царю. Как бы то ни было, но только грамота Нектария нисколько не повредила Паисию во мнении и расположении царя, напротив, принесла ему даже несомненную пользу. Алексей Михайлович, благодарный Паисию за его ревностную службу в деле Никона, питавший, как видно, искреннее расположение к Паисию и видевший в его осуждении как бы осуждение всего, что было сделано по советам и указаниям Паисия, решился хлопотать

перед Иерусалимским патриархом о восстановлении своего нового друга в его прежнем достоинстве Газского митрополита. Он горячо взялся за это дело. Грамотою от 13 июля 1669 года государь, извещая Иерусалимского патриарха Нектария о Московском Соборе, осудившем Никона, в то же время писал: «Извещаю о митрополите Газском Паисие, которого имеем в царском нашем дворе как великаго учителя и переводчика нашего, да возымеет первую честь и славу, как и было, поскольку некоторые, радующиеся злу, от зависти злословили его пред святительством вашим и безчестили и извергли; тем весьма опечалились и мы, ведая незлобие его и благодатство, ибо много потрудился и постился в стране нашей на Соборе и о исправлении Христовой Церкви словом и делом. Но вместо того, чтобы восприять честь, восприял безчестие и срамоту, посему просим написать, чтобы он был принят с прежнею честью, ибо нам известно житие его и свидетельствуем его архиереем добрым и честного жития; а которые иноки его оглашали и предали, лжу сказали, ибо очи ушей вернее. Итак, молим, да приимится прошение наше, ведая, что ни учинилось от зависти и ради дружбы с человеком». Очевидно, что Алексей Михайлович сильно желал оправдать Паисия в глазах Иерусалимского патриарха, но кроме своего сильного желания действительных каких-либо веских оснований к тому привести не мог. На это косвенно и указывает в своей ответной грамоте на просьбу царя патриарх Досифей, занявший место Нектария. В своей грамоте, которую 23 сентября 1669 года привез в Москву архимандрит Прохор, Досифей пишет, что принял царские грамоты и «прочитали о Газском митрополите, чтобы мы его простили, и что будто не имеет вины на себе; а он, Лигарид, имеет многие великие вины и согрешения, которые, написав, послал было к тебе, великому государю, свидетельства ради; только стыд послать нас не допустил, отчего и возвратили. Только единое говорим, что кир Нектарий патриарх не таковский, чтобы писать или говорить ложно, но такой в правиле, что ныне иной такой архиерей разумный и богобоязный не будет». Затем Досифей сообщает царю, что Паисий писал такие «неподобныя, хульныя, непотребныя и

превознесенныя слова» о патриархе Нектарии, что уже за одно это его следует лишить архиерейского достоинства. Но так как о прощении Паисия молит царь, то он, патриарх, и согласен отпустить Паисию его вины и восстановить его в прежнем достоинстве Газского митрополита. С архимандритом Прохором государь послал на искупление Святого Гроба 800 рублей соболями, да на 300 рублей соболей «по челобитью Газского митрополита Паисия» и в то же время писал Досифею: «Ныне посланное дарование благоговейным любезным сердцем изволишь принять, имея впредь добрую надежду иное и большее восприять, когда сбудутся наши желания о Газском митрополите, о коем молили уже через два писания, да приимет мир архиерейской и на прежнее будет возвращен достоинство, и разрешение совершенное получит оный митрополит, добре нам заслуженный Паисий Лигаридий». Затем, оправдывая Паисия и объясняя возведенные на него обвинения делом злобы его врагов, царь снова просит патриарха прислать Паисию полное разрешение, «ибо он был весьма достойный посредник и ходатай между столь великими архиереями восточными, двумя светильниками и двумя маслинами всего Востока», просит, чтобы и бывший патриарх Нектарий (который передал свой престол Досифею еще при своей жизни) «равно обвинительныя, как и доброхотныя словеса написал к нам о митрополите Паисие, ради совершенного и последнего удовлетворения нашего, ибо свидетельствуем, что Лигарид всегда ублажал Нектария и первое место премудрости между патриархами своего времени всегда держащим его исповедал»[222]. Это вторичное ходатайство царя перед Иерусалимским патриархом о разрешении Паисия, подкрепленное притом крупною дачею, имело полный успех. 24 января 1670 года грек Родион привез наконец в Москву разрешительную грамоту Паисию от Досифея, который формально прощал Паисия во всех его винах и согрешениях, повелевал ему быть по-прежнему в архиерейском достоинстве и чести и действовать все церковное. Но, послав государю разрешительную грамоту для Паисия, Досифей в то же время самому Паисию послал особое письмо, в котором между прочим писал следующее: «Если б не было ходатайства

святого царева, уведал бы святительство твое, Лигаридий, что есть Девора и кто есть мертводушные (?) и кто только именем верует в Божественный Промысл, тот ли, кто работает для папежей хийских и оставил 15 лет паству без пастыря или кто полагает душу свою за овцы?

Да, увидел бы ты варвара и слепня. Однако, на тебе кончаются езоповы басни, где говорится, как козел бранил волка с высокого места, ибо ты не столько велик, сколько глуп, безчеловечен и бесстыден, только место, где пребываешь, есть двор царский, – однако, уцеломудрись хотя отныне впредь»[223]. Итак, Досифей, хотя и очень неохотно, с бранью и только после двукратных настойчивых предложений царя, подкрепленных щедрою милостынею, решился наконец разрешить Паисия и возобновить его в прежнем достоинстве Газского митрополита. Таким исходом дела был доволен и царь за своего любимца, и особенно Паисий, который, казалось, вполне упрочил свое положение не только в Москве, но и на Востоке, куда он собирался было ехать. Но радость царя и торжество Паисия были очень непродолжительны. Мы не знаем, по каким причинам, но только не прошло и двух месяцев после разрешения Паисия, как он снова был запрещен, и царь снова хлопочет о его разрешении. Об этом грустном для царя и Паисия обстоятельстве мы узнаем из грамоты Алексея Михайловича от 14 августа 1671 года к волошскому воеводе Иоанну Дуке. Эту грамоту государь писал по челобитью Паисия. В ней Алексей Михайлович сообщает воеводе, что Паисий, разрешенный было по просьбе царя патриархом Досифеем, через два месяца вследствие каких-то жалоб на него снова был запрещен, чему «мы, великий государь, наше царское величество, удивилися», «о чем и архиереи государства нашего царскаго величества имеют не мало жали (жалости)», и, «понеже нам, великому государю, нашему царскому величеству, в другорядь к святейшим патриархом притещи о прощении его митрополитове не к чести показася», то он, государь, и просит теперь воеводу от себя порадеть об этом деле перед патриархами, «понеже ты, – говорит царская грамота, – вяшщую и частую имеешь со блаженнейшими патриархами ссылку и

дружбу». В заключение государь выражает уверенность получить от воеводы скорый и приятный ответ вместе с разрешением Паисию, причем за хлопоты обещает воеводе отплатить «в твоих делах такими же мерами»[224]. Но уверенность царя выхлопотать у патриархов через волошского воеводу разрешение для Паисия, как увидим, не оправдалась.

4 мая 1672 года по указу государя велено было отпустить Паисия с Москвы в Палестину через Киев, причем ему дано было: 300 рублей деньгами, 12 подвод до Киева, палатка в 5 рублей, полуб казенный, обит кожею, а его людям, пяти человекам, по аглицкому сукну да по киндяку[225]; да ему ж митрополиту из иконной дано пять образов окладных, «а книги, которые он, митрополит, писал, и на Симоновском подворье хоромы и сад его и всякое строенье приказал (государь) беречь Посольскаго приказа переводчику Миколаю Спотарию, а прощальную Иерусалимского патриарха грамоту из Посольскаго приказу отдать ему, митрополиту, с росписко̀ю». Но в тот же день, 24 мая, указом государя Паисий опять был задержан в Москве и отпущен был в Палестину через Киев 13 февраля 1673 года, причем ему на отпуске всего дано было вполовину против прежней дачи, а его хоромы велено было занять переводчику Спафарию «и переводить греческие и латинские книги и писать греческой и словенской и латинской лексикон». Отправляясь из Москвы, Паисий писал государю благодарственное письмо, в котором заявлял, что если его найдут достойным для какой-нибудь царской службы, то он будет верно служить, чтобы по силе своей заплатить за многоразличное царское милосердие. Просил еще царя утешить его на путь, чтобы он мог удобно совершить его в старости, просил и одежду патриаршую, которую много раз обещал ему государь, и в заключение снова просит государя поручать ему все, что может услужить на пользу Соборной Церкви, к службе царской и всей палаты и обещается возвратиться по первому царскому повелению. Поездка Паисия на Восток, которую он сам считал только временною, была предпринята им с целью уладить свои личные дела – получить себе окончательное разрешение, которого в другой раз ему уже не давали, несмотря

на все хлопоты об этом царя. Именно с целью заручиться расположением патриархов он выпрашивает у царя иконы, чтобы поднести их патриархам в подарок; с этою же целью он просит у государя патриаршего облачения и берет с собою присланную ему ранее разрешительную грамоту Досифея. Но Паисий, приехав в Киев, изменил свое намерение ехать на Восток немедленно; как видно, он получил оттуда неблагоприятные для себя известия и потому решился остаться в Киеве. Когда киевские воеводы донесли государю, что Паисий остался в Киеве и на Восток скоро ехать не хочет, и просили распоряжения на этот счет государя, то последовал к воеводам царский указ: без особого государева приказа никуда не отпускать Паисия из Киева, «а буде он похочет к кому за Днепр или с гречаны в Царьград писать какие письма», тех писем ни под каким видом не отсылать, а следить за ним и его перепиской «всякими мерами накрепко»[226]. Очевидно, в Москве уже не особенно доверяли политической благонадежности Паисия и крепкий надзор за ним и его перепиской считали делом далеко не лишним, тем более что ревностный русский политический агент Панагиот, служивший в Порте переводчиком, присылал сказать государю, «чтоб не велел газскаго митрополита с Москвы отпускать, чтобы он не учинил в Царьграде и в иных местах какого дела с простодушия своего (7)»[227]. Между тем Паисий от 8 ноября 1675 года жалуется государю из Киева «на горестное жизни своея состояние»; извещает, что Иерусалимский патриарх Досифей разрешил его, но просит за это подарка, а за подарок он мог бы добыть разрешение и от Константинопольского патриарха; жалуется на киевского архиерея, «в непорядках и взятках обращающегося», что он на одной литургии ставит многих священников и дьяконов. Письмом от 15 декабря того же года Паисий благодарит государя за совет опять возвратиться ему в Москву, жалуется на киевских воеводу и митрополита, «не внимающих гласу его о учинении ему вспоможения и дачи нужных вещей», описывает невоздержание киевского духовенства, просит прибавить ему корму, денег и оставить его в Киеве, где он, пребывая с благочестивыми мужами, упражняется в чтении и

сочинении богословских вещей, хотя и не имеет доступа в библиотеку академическую. В письме от 16 июля 1674 года Паисий жалуется государю на Иерусалимского патриарха Досифея, медлящего прислать ему разрешение от запрещения (под коим он восемь лет уже страждет), и единственно потому, что ожидает себе от Паисия присылки подарков: просит государя дозволить ему служить в Киево-Софийском соборе архиерейское служение, предсказывает, что царь освободит от турок греческий народ и овладеет Константинополем[228]. Первого августа того же года Паисий писал к боярину Артамону Матвееву о волошских мутьянских посланцах, ехавших в Москву с заявлением о подданстве России, причем они обратились-де в этом важном деле к посредству его, Паисия, «потому что в чужих странах слышали имя его и что чрез него могут принести пользу всем христианам». Затем он просит боярина вместо милостыни исходатайствовать ему у государя позволение служить по-архиерейски и извещает, что денег в Киеве собирают много, а кому и на что, неизвестно, и просит учинить розыск, куда обращаются доходы митрополита[229]. Двадцать первого августа 1675 года последовал указ государя киевскому воеводе князю Голицыну, что с Москвы был отпущен газский митрополит, и велено ему пожить в Киеве до царского указу, теперь же митрополиту повелевается из Киева ехать в Москву немедленно, «а буде он, митрополит, из Киева к Москве ехать не похочет, и вы бы, дав ему подводы и корм и пристава, к нам, великому государю, к Москве из Киева его выслали». Этот строгий указ о немедленной доставке Паисия из Киева в Москву, хотя бы и против его воли, сильно встревожил Паисия. «Не отврати светлейшего лица твоего, – писал он тогда царю, – от меня, смиреннаго богомольца твоего, яко погибну душою и телом и больше печалюсь, понеже не знаю вины толикаго возвращения, да плачу о согрешении своем». По прибытии в Москву он не был допущен к государю и обратился наконец к боярину Матвееву с письмом, в котором заявляет, что не знает уже, к кому и обращаться, истомляясь голодом и жаждою, ибо его пересылают из приказа в приказ, а он задолжал от долгого пути, и из дому его не пускают, а в домовой церкви даже не

имеет церковнослужителей: но ужели, при общей заботе такого обширного царства, не попекутся об одном лишь бедном архиерее? Не знает он, чем согрешил и был ли когда медлен в исполнении царских повелений. Если уже нельзя ему видеть царя, то да позволено ему будет видеть хотя боярина, ибо молва идет, что он подпал под царский гнев, чего Боже избави[230]. Очевидно, влияние и положение Паисия в Москве сильно пошатнулись под конец царствования Алексея Михайловича. Своею борьбою с Никоном, своим вмешательством в русские церковные дела, своими выходками против Иерусалимского патриарха Нектария и других, своими доносами московскому правительству о беспорядках в епархиальном киевском управлении Паисий повсюду – в Москве, на Востоке, в Киеве – создал себе многочисленных врагов, которые, по его собственному сознанию, всячески старались вредить ему во мнении царя. Со смертью Алексея Михайловича положение Паисия в Москве сделалось совсем неловким, особенно ввиду сильного нерасположения первых годов царствования Феодора к грекам вообще. За это время жизни Паисия в Москве до нас дошли два латинских письма Паисия от 15 февраля 1676 года, писанные им по поручению правительства. Одно письмо к кардиналу Барберини, а другое – к стриганийскому архиепископу Келефино, коими, изъявляя неудовольствие русского двора по причине несогласия папы дать государю Алексею Михайловичу царский титул, советует, дабы они склонились титул сей дать сыну помянутого государя, царю Федору Алексеевичу[231]. Это была последняя служба Паисия русскому правительству. В том же году он просил государя отпустить его в его епархию, и 1 сентября государь указал, а бояре приговорили отпустить Паисия с людьми его, по его обещанию, в Палестину, в какие места он ехать захочет, а на отпуск жалованья не дали, так как оно было ему дано в 1674 году, а дали ему только 50 рублей на расплату с долгами и на корм[232]. Но Паисий, как и прежде, в Палестину не поехал, а остался в Киеве, где и умер. 14 сентября 1678 года киевский воевода Михаил Андреевич Голицын доносил государю, что в 186 году (1678 г.) августа 24 Паисия Лигарида в Киеве не стало,

«а тело его поставлено в братском монастыре в склепу, а не погребено», причем воевода прислал и роспись оставшегося после Паисия имущества. Указом государя от 30 сентября велено было тело Лигарида погрести в братском монастыре, а имущество его передать в тот же монастырь на помин его души[233].

Сказанного нами вполне достаточно, чтобы видеть, что такое был Паисий. Это был запрещенный архиерей-авантюрист, лишенный своим патриархом кафедры и сана, но с замечательною смелостью, благодаря подложным грамотам долго разыгрывавший в Москве роль действительного газского митрополита, выпрашивавший у царя значительные суммы на уплаты долгов своей несуществующей епархии. В одно время, опять благодаря подложным грамотам, Паисий выдавал себя в Москве за экзарха Константинопольского патриарха, уполномоченного для суда над Никоном и решения русских церковных дел, хотя в действительности как в Иерусалиме, так и в Константинополе его не считали даже православным, а причисляли к латынникам. Для тогдашнего времени Паисий был человек образованный и даже ученый, но образованность и ученость служили для него только эффектной декорацией, за которой постоянно скрывались самые нечистые побуждения и стремления, порождаемые эгоизмом и корыстолюбием. Его самомнение и ученое самохвальство, его беспокойное стремление вмешиваться во все и во всем играть первую, решающую роль – роль инициатора и авторитетного советчика, его нечестность и интриги должны были во мнении большинства русских ронять значение самой учености и образованности. Простым, необразованным русским и самая ученость, представляемая такою во всех отношениях сомнительною личностью, как Паисий, естественно должна была показаться очень подозрительною; наблюдая и изучая ученого Паисия, большинство русских не могло прийти к мысли, что старое предубеждение русских против греков, особенно ученых, ошибочно и несправедливо.

Точно такое же впечатление на русских должен был производить и другой ученый грек, живший в это время в

Москве, – так называемый Арсений Грек, знаменитый справщик книг при патриархе Никоне. Если враги книжных исправлений Никона считали Арсения человеком крайне ненадежным во всех отношениях, даже прямо еретиком, внесшим свои ереси в русские богослужебные книги, и видели в нем главного виновника всех церковных новшеств, введенных при Никоне, то все православные писатели до последнего времени твердо настаивали, что Арсений был не только человек ученый, но и строгий ревнитель Православия. Как человек образованный и ревностный к Православию, он будто бы стал в Москве горячо обличать неправоту русских обрядов и порчу их церковно-богослужебных книг, чем он, собственно, и возбудил против себя злобу невежественных приверженцев русской старины. Они даже совсем было успели, пользуясь слабостью патриарха Иосифа, сгубить этого образованного и ревностного к Православию старца-грека, обвинив его в небывалом еретичестве, униатстве и т.п., вследствие чего он и был сослан на Соловки. Но Никон сумел понять и оценить этого образованного, пострадавшего за ревность к Православию грека, он возвратил его из Соловецкого монастыря и поручил ему исправление русских богослужебных книг. Найденное нами следственное дело об Арсении Греке вполне выясняет перед нами дотоле темную личность Арсения и дает твердые данные для суждения, справедливы или несправедливы были нападки на него первых противников книжных исправлений при Никоне[234].

В 1649 году, в январе, прибыл в Москву за милостынею Иерусалимский патриарх Паисий. В свите, сопровождавшей патриарха, находился между другими и патриарший дидаскал иеромонах Арсений. Этот Арсений, получивший по тогдашнему времени хорошее образование и к тому же знавший славянский язык, был в Москве вполне желанный человек, в каком тогда у нас особенно нуждались. Русское духовное и светское правительство, т.е. царь и патриарх, усиленно хлопотали в то время о розыске на Востоке лиц ученых, образованных, о привлечении их в Москву для учительства, для переводов книг, для решения разных возникавших церковных вопросов вроде

тех, какие, например, были подняты Арсением Сухановым в его прениях с греками о вере. Русские хотели иметь у себя учителей-греков не только образованных, но и строго православных, хотели, чтобы учитель «не имел бы никакого пороку в благочестивой вере». Таким именно человеком, удовлетворявшим, по-видимому, всем требованиям русских, и был патриарший дидаскал Арсений, к тому же знавший и славянский язык. За его религиозную и нравственную благонадежность ручалось русским то обстоятельство, что не мог же Иерусалимский патриарх иметь у себя дидаскалом человека сомнительного Православия и нравственно неблагонадежного. С согласия и одобрения Иерусалимского патриарха Арсений был оставлен в Москве в качестве учителя риторики. Но Арсению пришлось учительствовать очень недолго. Едва патриарх по выезде из Москвы успел доехать до Киева, как уже прислал в Москву донос на Арсения, в котором писал: «Буди ведомо, благочестивый царю, про Арсения, который остался в царствии вашем, да расспросите его добре, понеже он не утвержден в вере своей благочестивой христианской, а он был прежде инок и священник и шед бысть бусурман, и потом бежал к ляхам и бысть у них учинился униятом и имеет на себе великое злое безделие, и распросите его добре и будете обрести вся. А те старцы, которые пришли от гетмана, мне все сказали подробну, и велите расспросить, великое ваше царствие, што мне те старцы рассказывали и люди Матвея воеводы, есть ли будет так, или нет по тому, что писал я к патриарху господину Иосифу, брату и сослужителю. Утишите притчу ту лучши, что (пока) он сам есть (тут), штобы не было разврата церковнаго; и паки аз буду проведати подлинно и буду писать к великому вашему царствию, понеже есми должен, што ни услышу, то извещати и писати, потому что не подобает в ниве терну пребывати, чтобы не наполнилась нива вся тернием, и надобно отженуть такожде и тех, которые имеют ересь и есть двоеличны в вере, потому что я его обрел в Киеве, и зная он тот язык, говорил с полковником, и я взял его, а он не мой старец, как есми сказал я приставу – о беззаконии, что имеет, я не ведал. А ныне есми проведал и пишу вашему царствию, да

будете соблюдатися от таковых человек, чтобы не оскверняли церквей Христовых такие поганые и злые люди»[235]. Этот неожиданный донос патриарха на своего бывшего дидаскала произвел в Москве подобающее впечатление – над Арсением велено было немедленно произвести следствие. Допрашивать его назначены были боярин Никита Иванович Одоевский да думный дьяк Михаил Волошенинов. Они поставили Арсению следующие вопросы: из которого он государства родиною, где воспитывался и учился, где пострижен и как давно, и, постригшись, был ли в иерействе; в Риме, и Польше, и в иных государствах он бывал ли, и если бывал, то для чего и сколько лет жил он в Риме и Польше? Отвечая на эти вопросы, Арсений показал: родом он грек из Турции, отец его Антон был «поп и строитель города Трикала в великом новом селе». Их у отца пять братьев, которые все и ныне живы, и он, Арсений, младший, «а знатцы-де на него Арсения есть здесь на Москве выезжие гречане одного города». Крещен был в младенчестве, и отец говорил ему, что восприемником его был местный архиепископ, имя которого он не упомнит. Отец научил его грамоте и церковному кругу, а после того брат его архимандрит Афанасий[236] взял его с собою вместе в Веницейскую землю всего четырнадцати лет для ученья. В Венеции он был год, выучился там грамматике, и из Венеции тот же брат свез его в Рим для ученья же. В Риме он прожил пять лет и учился в школе «амирова и аристотелева ученья и Седмь Соборов. А как-де дошло до 8-го и до 9-го Собору, и у них-де, по папину указу, на то приводят, присягать велят с клятвою, будет им то ученье принять, и он-де к ним приобщиться и в римской вере быть с ними за одно и 8-й и 9-й Соборы держать, а без присяги и без клятвы-де того ученья никому не открывают и учить не велят, и он-де, видя то, прикинулся себе больным и из Риму съехал для того, чтобы ему от греческие веры не отпасть». На вопрос: у кого он жил в Риме, от кого приобщался Святых Тайн, или он «принимал сакрамент», Арсений объяснил, что жил он в Риме при греческой церкви Афанасия Великого, при которой живет греческий православный митрополит с пятью или шестью старцами, с ними жил и он, Арсений. Приобщался он Святых

Тайн у своего митрополита, «а сакраменту не приимывал, да и митрополит-де держит 7 Соборов, а 8-го и 9-го не держит и к папе не приобщается, а как-де папа велит ему быть к себе на Соборы, и он-де на Соборы к нему ходит и за папу Бога молит». Против этого показания Арсения ему замечено было, что он говорит ложно, будто при той греческой церкви, при которой он жил в Риме, митрополит православный, а не униат, ибо папа всех старается делать униатами и всем, которые бывают в Риме, не только в школах, но ядает» – «да и потому явно того митрополита в папе приобщенье, что он к нему на соборы ходит и за него Бога молит, а он, Арсений, был ему сообщник и униат, и ему надобно принести чистое покаяние к Богу, а вина своя принести к государю и сказать правду». Но Арсений настаивал, что он в униатстве не был, сакраменту не приимывал и, «не хотя римской вере приобщиться, из Риму приехал в венецейский город Бадов и был в том городе три года – учился философским наукам и лекарственному ученью». Из Бадова он приехал в Царьград к брату своему архимандриту Афанасию и хотел здесь постричься, «и они-де постричь его не хотели, чая то, что он в римской вере, и он-де им сказал, что он в Риму и Венецее был в православной греческой вере, а в римской не бывал и при них тое римскую веру проклял трижды». Тогда братья порешили его женить, но он отказался от этого и постригся, имея 23 года, а на другой год был поставлен в диаконы, а вскоре потом и в попы ларисским епископом Каллистом. «А после того вскоре ж тот же епископ поставил его на Скафе острове в Богородицкий монастырь в игумены, и был он в том монастыре игуменом шесть месяцев»[237]. Из монастыря он отправился в город Хию купить книг – Семь Соборов, но книг здесь не добыл и отправился в Царьград, где у одного знатного грека сделался учителем его сына. Из Царьграда приехал в мутьянскую землю к воеводе Матвею и жил у него три месяца, а от Матвея переехал к молдавскому воеводе и жил у него два года. Из Молдавии Арсений пробрался в Польшу во Львов город, «а во Львове ему сказали, что есть школа в Киеве, а без королевского-де листа в ту школу его не примут, и он-де, Арсений, ездил о том бить челом ко Владиславу-королю в

Варшаву. А у короля в то время была болезнь камень, а другая у него болезнь была чечюй, и как-де королю сказали, что он, Арсений, лекарством навычен, и король-де велел ему себя лечить, и он-де лекарства ему давал, и вышел у него камень не мал, а чечюй-де у короля дохтуры резали, и от того королю была болезнь большая, и шла кровь многая, и он-де, Арсений, от тое болезни давал королю пыль присыпать, и оттого-де у него болезнь засохла, и кровь перестала, и король дал ему в Киев к митрополиту Селивестру Косову от себя лист, чтобы его в школу принял». Арсению говорили, что государю стало подлинно известно, что он, Арсений, был униатом и, оставя чернечество и иерейство, сделался бусурман, а из бусурманства был опять в униатстве ж, чтоб он говорил правду. Но Арсений решительно настаивал, что все возведенные на него обвинения безусловно ложны, «а буде-де кто в том его уличит, что он был униатом и бусурманом, и царское б величество велел с него кожу снять – в том он у государя милости не просит». Ввиду запирательства Арсения ему погрозили осмотром – когда бусурманство его будет явно, и ему уже нельзя будет оправдаться. Тогда Арсений, хотя и не вполне, пошел на признания. По словам Арсения, Константинопольский патриарх Парфений, «знаючи его отца и племя», хотел его поставить коронским епископом, но об этом узнал визирь, и так как Арсений некогда жил в Венеции, то визирь и подумал, что Арсений купил эту епископию у патриарха с тем, чтобы передать ее венецианам, с которыми у турок тогда только что начиналась война. Его взяли к визирю, «и было ему истязанье многое, и платье с него и камилавку снимали и чалму на него клали и вкинули его в тюрьму, и сидел-де в тюрьме недели с две, а из тюрьмы ушел в мутьянскую землю, а обусурманен не был». Арсению объявили, что Иерусалимский патриарх писал о нем, что он был униат, потом бусурман, а потом опять униат, а патриарху сказали об этом в Киеве старцы, прибывшие от гетмана, так что он, действительно, «во всем еретик и дьявол». На это Арсений ответил, что униатом и бусурманом он никогда не был и киевские старцы сказали на него патриарху ложно, «как-де по навету от визиря сидел он в тюрьме, и было ему

мученье, и он-де о том известил Еросалимскому патриарху Паисею и во всем исповедывался, и патриарх-де его во всем простил. А как-де над ним у визиря было, и про то ему ныне сказать не мочно, а ведает-де про то Иерусалимский патриарх Паисей». Арсению выговаривали, что он все лжет, так как Иерусалимский патриарх писал о нем государю, «что он по ся место злых его (Арсения) дел не ведал, а только б Еросалимскому патриарху про то было ведомо, и он бы его для риторского ученья в Московском государстве, ведая его воровство, не оставил». Самому Арсению следовало известить о себе царю и патриарху, «а таить было такого злого дела за собою не довелось. А то знатно, что он своим еретическим вымыслом хотел и в Московском государстве свое злое дьявольское учение ввесть и православным христианам в благочестивой вере еретические плевелы сеять; а только б он в Московское царство приехал не для такого злого дела, а ему такое дело за что было таить? а в Московском государстве православная вера сияет много лет и от таких зловерных еретиков и от их плевельных учений отвращается и ни в чем согласия их не приемлют, и его злой умысел всесильный Господь Бог свыше узрил и в том его воровстве обличил». «И Арсений говорил: в том-де он пред Богом грешен и пред ним, государем, виноват, что такого дела царскому величеству не известил, а обусурманен-де он неволею, а как-де он после того пришел в волошскую землю, и митрополит-де Янинской Иоасаф его, Арсения, в вере исправил и миром помазывал, да и Еросалимскому-де патриарху Паисею он про то объявил же и покаяние принес, и патриарх-де в том его простил и благословил, и грамоту прощальную и благословенную патриарх ему дал, и та-де патриархова грамота и ныне у него. А государю-де не известил он для того, что его Паисей-патриарх простил и служить велел, а остался-де он в Москве не своею волею, про то-де известно великому государю». К этим показаниям Арсений собственноручно подписался, что они истинны. «Лета 7157 г., июля в 27 день, по государеву цареву указу боярину и дворецкому князю Алексею Михайловичу Львову, да дьяком Ивану Федорову, да Давиду Дерябину, да

Смирному Богданову указал государь сослать с Москвы под начал в Соловецкий монастырь для исправления православный христианския веры приезжаго греченина старца Арсенья и велел его в Соловецком монастыре отдати под крепкое начало, а пишу, и одежду, и обувь велел государь давати ему братцкую». В грамоте к соловецкому игумену повелевается ему, когда в монастырь привезут Арсения, отдать его под крепкий начал уставщику старцу Никодиму, береженье к нему иметь большое (до Соловков Арсения везли скованным) и из монастыря его никуда не отпускать. Другою грамотою от 31 июля к соловецкому игумену Илье с братиею повелевается сосланного в их монастырь на вечное житье за еретичество гречанина чернеца Арсения держать на Соловках в земляной тюрьме, в крепости[238]. Из следственного дела об Арсении Греке оказывается, что Арсений был воспитанник греческой иезуитской коллегии в Риме, имевший специальною целью воспитывать греков-униатов, каким, без сомнения, сделался и Арсений. Трудно и даже невозможно предположить, чтобы четырнадцатилетний мальчик, попавший в руки отцов-иезуитов, мог оказать какое-либо серьезное сопротивление их влиянию. Уже по самому своему возрасту он не мог еще хорошо понимать особенностей Православия и католичества, а потому без всякого сопротивления отдался водительству искусных в деле совращения своих учителей. Когда он прибыл в Константинополь, то его собственный брат, архимандрит Афанасий, не хотел его постригать на том основании, что в Риме Арсений сделался латинянином. Своими собственными родными братьями Арсений принужден был, если верить его показанию, торжественно проклясть латинство и сделался православным, но ненадолго. Он вскоре вовсе отказался от христианства и принял магометанство, добровольно или вынужденно, как заверял сам Арсений, сказать трудно. Оставив Константинополь и поселившись в Валахии, а потом в Молдавии, Арсений, попав здесь в православную среду, делается христианином снова, и притом, по требованию наличных обстоятельств, православным. Перебравшись во Львов, он опять делается униатом, едет в Варшаву и живет

здесь некоторое время при дворе польского короля и, наконец, посылается последним в киевскую православную школу в качестве учителя, конечно, в видах пропаганды здесь униатства.

Прибыв в Москву, Арсений заявляет себя здесь строго православным и, будучи затем на Соловках под строгим началом, он мог, как требовали тогда от него обстоятельства, умиляться при созерцании процветания и строгости русского благочестия, плакаться вместе с соловецкими иноками на упадок истинной веры и настоящего благочестия у греков, мог, в тон соловецким старцам, из всех сил похваливать русское благочестие, ставить его во всех отношениях несравненно выше греческого и т.п. Очевидно, Арсений был человек, нравственно совсем искалеченный данным ему иезуитским воспитанием, человек, которому ничего не стоило менять свои религиозные убеждения, смотря по требованиям обстоятельств, и с латинами он был латинянин, с мусульманами – мусульманин, с православными – православен, с соловецкими иноками – горячий поклонник русского благочестия и хулитель греческого. Арсений, так же как и Паисий Лигарид, воспитывавшийся в одной с ним школе, принадлежал к разряду тех авантюристов, каких в то время было немало между греками, которые под лоском внешнего образования скрывали в себе самый грубый эгоизм, полное отсутствие убеждений, продажность, готовность на все из-за личной выгоды, из желания играть видную роль. Обуреваемые нечистыми пожеланиями, беспокойно бродили они с места на место, предлагая всюду и всем свои продажные услуги, готовые торговать и совестью, и религиею, и своими учеными знаниями, лишь бы только нашелся покупщик, который бы хорошо платил за их послуги. Понятно, само собою, что Никон поступил крайне неосторожно, когда взял Арсения из Соловков с собою в Москву и поручил ему здесь исправлять русские церковно-богослужебные книги. Ведь сам Иерусалимский патриарх признал Арсения еретиком, человеком крайне опасным для Православия и потому советовал его, как зловредный терн, немедленно удалить с православной русской нивы, чтобы не вышло от него какого-либо «церковного разврата». Само русское правительство официально признало

Арсения зловерным еретиком, который «своим еретическим вымыслом хотел и в Московском государстве свое злое дьявольское учение ввесть и православным христианам во благочестивой вере еретические плевелы сеять», – как же можно было подобному человеку поручить исправление церковно-богослужебных книг? Если Никон сам лично уверился в полной невинности Арсения, в его всегдашней строгой приверженности и преданности Православию, в его полной пригодности для книжных церковных исправлений, то он обязан был в таком важном и щекотливом деле руководствоваться не только личным усмотрением и личною уверенностью, но и брать во внимание совесть немощных, которых крайне смущало доверие патриарха к уличенному в неправославии и сосланному за ересь на Соловки Арсению. Если Арсений открыто и официально был обличен в ереси и за еретичество сослан на Соловки, то Никону, прежде чем освобождать Арсения из Соловков и поручать ему исправление русских церковно-богослужебных книг, следовало бы наперед торжественно оправдать его от тех тяжких обвинений, за которые он был сослан, и только после его полного и для всех убедительного оправдания допустить до участия в работах по книжным исправлениям, если уже он был так необходим для этого дела. Но Никон ничего не сделал для оправдания Арсения в глазах русских, считавших его, и не без основания, еретиком. Когда впоследствии Неронов укорял Никона, зачем он приблизил к себе Арсения и поручил ему исправление богослужебных книг, хотя об Арсении всем известно, что он еретик и за ересь был сослан правительством на Соловки, то Никон на этот упрек Неронова нашелся только сказать: «Лгут-де на него: то-де на него солгал, по ненависти, троицкий старец Арсений Суханов». Но подобное странное заверение, конечно, никого не успокоило и не могло рассеять предубеждений против Арсения. Поэтому его участие в книжных исправлениях естественно послужило потом одним из главных оснований для противников реформ Никона признать новоисправленные книги еретическими, потому что Арсений Грек заведомый еретик, внес в них при исправлении свои ереси. Уверенность противников

реформ Никона в еретичестве Арсения поддерживалась и тем обстоятельством, что Арсений по возвращении с Соловков продолжал, однако, оставаться под началом. Это видно из его собственной челобитной государю в 1666 году, в которой он заявлял: «Сослан-де он в Соловецкий монастырь и по правилам святых отец урочные лета в запрещении ему прошли по второму Поместному Собору, и государь бы пожаловал, велел его из-под начала освободить и быти в монастыре, где государь укажет». Итак, Арсений до 1666 года продолжал находиться под началом «для исправления его православныя христианския веры», а между тем он, исправляемый в Православии, в это время занимался исправлением московских церковных чинов, обрядов и богослужебных книг, в чем они не согласны были с истинноправо-славными церковными чинами, обрядами и богослужебными книгами – несообразность слишком очевидная.

Вместе с Лигаридом и Арсением Греком деятельную роль как по делу Никона, так и по книжным исправлениям играл еще иверский афонский архимандрит Дионисий. В деле исправления русских церковных чинов и обрядов к Дионисию обращались за сведениями и справками как к знатоку церковных чинов и обрядов, практиковавшихся на святой горе Афонской. Дионисий писал свои ответы на предложенные ему вопросы по-гречески, и его ответы переводились потом на русский язык. Так, он подавал особую записку об освящении воды на Иордани[239], записку об афонских уставах относительно начала и продолжительности различных церковных служб на Афоне в различное время года[240] и пр. Об этом деятеле в эпоху русских церковных замешательств ходили у нас очень нелестные слухи; но для нас особое значение имеют не эти слухи о Дионисии, а его собственная оценка себя и своей московской деятельности, которую он сделал в челобитной государю перед своим отправлением на Афон. В этой челобитной Дионисий обидчиво заявляет государю, что иным архимандритам, которые вовсе государю и не работали, однако дано было по 100, 500 и даже 1000 рублей и священные одежды, «а ему, Дионисию, который по царскому делу задержан был и лишен звания своего 15 лет и

работал великому государю и Святой Соборной Греко-Российской Церкви столь многое время, всею душою и сколько было силы, и труды сии ведомы государю, ему дано только на 200 рублей соболями, и ему не только не с чем будет явиться к братии, но и на дорогу едва станет. Приехать же ему с порожними руками в монастырь пред всеми будет стыдно и не знает он, с каким лицем явится пред братией, потому что, – колко замечает архимандрит, – если бив своих странах он столько бы пожил, то много бы пользы сделал монастырю своему и себе, а здесь только напрасно здоровье свое изнурил, работая великому государю, и Мелетий не малую работу нес, но за то и получил царскую милость неизреченно, а его, Дионисьева, работа не меньше». В заключение Дионисий умоляет государя за его многую службу Святой Соборной Церкви и ему, государю, прибавить еще милостыни, и ему действительно еще было дано на 200 рублей соболями и одежда[241]. Эта откровенная оценка своей работы «государю и Святой Соборной Греко-Российской Церкви» количеством рублей, это откровенное признание, что за малую дачу не стоило бы, собственно, и служить государю и Святой Соборной Греко-Восточной Церкви, настолько ясно, определенно рисует характер дельца-гречанина, работавшего на Руси, что всякая дальнейшая характеристика Дионисия уже будет излишнею.

Если новоспасский келарь Иоанникий, веррийский митрополит Аверкий и другие оставили по себе в Москве не особенно доброе воспоминание, то то же нужно сказать и о последующих греческих выходцах, об ученых Паисии, Арсении, Дионисии. Все большинству русских казалось в них подозрительным: их ученость, полученная в латинских школах, самое их Православие, видимо пошатнувшееся под влиянием латинского воспитания, их частная и общественная жизнь, несогласная с представлениями русских об истинно благочестивой и строго православной жизни; вся их деятельность, определявшаяся нередко самыми нечистыми побуждениями и вожделениями и почти совсем чуждая высших и истинно нравственных мотивов. Неудивительно поэтому, что подобные выходцы-авантюристы, хотя бы в известном смысле

действительно ученые и образованные, не могли, однако, поселить в большинстве русских уважения и любви к науке и образованию, так как отделить науку от личных свойств и действий ее случайных носителей и представителей, понять и оценить великое значение образования, только самого в себе, безотносительно к той или другой отдельной личности, способны были тогда крайне немногие русские. Неудивительно также, если многие русские ко всей деятельности этих лиц, особенно в сфере церковной, отнеслись крайне подозрительно или прямо отрицательно. Как было им не подумать, что эти пришельцы, с очень темным и сомнительным прошлым, нетвердые в Православии, корыстолюбивые и эгоистичные, готовые служить всякому и всем, лишь бы только им хорошо платили за их службу, – что эти пришельцы, ломая русскую церковную старину, решая у нас разные церковные вопросы, тем самым не исправляли будто бы затемнившееся Православие Русской Церкви, а только искажали его? Как русским было не признать глубокого унижения своей Церкви и всего русского в том обстоятельстве, что на Святой Руси всеми церковными делами орудует и заправляет выходец из Турции, запрещенный архиерей-авантюрист, лишенный своим патриархом кафедры и сана и даже не признаваемый самими восточными патриархами за православного? Как русским было не заволноваться при виде того, что русские церковно-богослужебные книги, будто бы не во всем строго православные вследствие допущенных в них искажений, исправляются человеком, который с детства был воспитан и совращен в униатство иезуитами, а потом принимал мусульманство, а затем опять делался то православным, то униатом, который и в то время, как восстановлял истинно православный характер русских церковно-богослужебных книг, сам находился, однако, под началом «для исправления его христианския православныя веры»? Словом, выходцы-гречане, которых только знали и изучали русские, способны были характером своей жизни и деятельности на Руси не столько разрушить и уничтожить старое предубеждение русских против греков и греческого благочестия, сколько еще более усилить и укрепить его.

Глава 5. Злоупотребления русскою милостынею со стороны различных просителей с Востока

(Заявления со стороны самих восточных патриархов и других лиц о том, что в Москву с Востока нередко являются за милостынею различные самозваные просители и разные обманщики. Некоторые наиболее характерные следственные дела о просителях милостыни, уличенных в самозванстве, подлогах и разных обманах.)

Русская милостыня в течение столетий обильно изливалась на православный Восток, всякий спешил ею пользоваться, начиная с патриарха и кончая простым иноком и бельцом; никто из приехавших на Русь за милостынею не возвращался назад с пустыми руками. Естественно, что жажда легкой и скорой наживы на счет широкой русской благотворительности привлекала с Востока на Русь много и таких лиц, которые дозволяли себе самые непозволительные и даже прямо преступные средства – самозванство, подделку грамот, интриги и всякий обман, лишь бы только получить возможно обильную милостыню. Поэтому наряду с просителями, действительно нуждающимися в помощи и имеющими на нее право, много являлось к нам и разных проходимцев, нагло обманывавших русское правительство. На эти злоупотребления со стороны просителей русскою милостынею не раз указывали нашему правительству сами восточные иерархи. Анхиальский митрополит Христофор, бывший в Москве в 1626 году и обещавшийся в предупреждение обманов сообщать правительству о разных просителях милостыни верные и точные сведения, в одной из своих грамот пишет, чтобы в Москву допускали просителей только «от добрых и подлинных монастырей», почему-де необходимо их обстоятельно расспрашивать: «Да познаются, которые подлинные и которые нет, чтоб вперед приходили истинные к самодержавному вашему царствию». Лучшим удостоверением за просителей митрополит признает рекомендательные патриаршие грамоты, а которые являются просители неподлинные, «и вам бы их

смирити и наставити о самодержавном своем царствии, чтобы было им в страх и в боязнь и иным многим в наказание»[242]. В 1636 году грек Иван Петров говорит в Москве от имени Иерусалимского патриарха Феофана: «Молит (Феофан) великому твоему царствию: которые приезжают с грамотами к великому твоему царствию монастырские старцы и бельцы и вам бы им не верить, потому что блаженнейший патриарх грамот никому не дает, только своим людям о милостыне»[243]. В 1640 году ранее живший в Москве севастийский митрополит Иосиф писал из Константинополя государю: «На гречан, которые, государь, умысля воровски, писали составные грамоты и печати прикладывали и руки прикладывали именем Александрийского Никифора патриарха и с теми воровскими нарядными грамотами хотели ехать к тебе, великому государю». По словам митрополита, один из этих гречан подписался было и подделал печать Константинопольского патриарха Парфения, чтобы отправиться с этою поддельною грамотою в Москву, но патриарх, узнав об этом, успел захватить поддельные грамоты и разорвать их[244]. В 1643 году Константинопольский патриарх Парфений Старший в грамоте государю пишет: «Еще проведали есми, что приезжают к державе царствия вашего многие иноко-священники и архимандриты, принося грамоты, и называют их нашими, и мы того отнюдь не ведаем и никому их не давывали и иному никому не дадим, и царствие ваше учини над ними, как Бог известит»[245]. В 1646 году Константинопольский патриарх Парфений Младший писал государю: «Извещаю великому и державному и святому вашему царствию о некоторых торговых людях и о черньцах, что они научилися составлять ложные печати и пишут грамоты будто от меня и привозят к царствию вашему, и за то им подобает великое наказание и поучение, чтоб не обманывали народ христианский, такоже и царей. И сего ради посылаю сие мое знамя, чтобы вам вперед было ведомо и верно, которые люди вперед учнут приезжати от вас с двема печатьми – большая печать по достоянию внизу грамоты под подписью, а меньшая печать поверх грамоты с правой руки у титула – по тому учнете узнавать вперед те наши грамоты»[246]. Наш посол Украинцев, в бытность свою в Константинополе

(1699 – 1700), говорил Константинопольскому патриарху, что года два тому назад в Польше на Луцкую епархию был выбран человек очень ученый, но двоеженец, почему Московский патриарх и отказался поставить его в епископы. Между тем в Польше появился тогда какой-то греческий митрополит или епископ, который выдал себя за экзарха Константинопольского патриарха и посвятил во епископы того двоеженца – знает ли патриарх об этом? Патриарх говорил, что он об этом ничего не знает и экзарха у него там нет, «а знатно, то учинил некакой изверженной чина архиерейского, понеже у них здесь таких много есть, которых они поставляют во архиереи, а потом смотря по житью его от того чина отлучают, видя ево какое непостоянство. И такие-де для стыда отсюда выезжают и ездят к Москве, и в Польшу, и Рим, и во Италию, и во Францию и там отлучения чина своего таят, а называются архиереями и делают, что хотят. И того им не жаль, что они у папежников делают, того им пуще жаль, что между христианами творят. А те-де изверженные или отлученные от чина архиерейского в тамошних странах являют во оправдание или во свидетельство чина своего ставленные патриаршие грамоты и таким-де грамотам верить не надобно, а надобно верить, если у них будут святейших Константинопольских патриархов об отпуске их и об милостыне заступительные листы; и слава-де на свете лежит не на таких беззаконников, но на всех христиан, также и на него, патриарха, что будто так чинитца за неприсмотром и нерадением ево патриаршим, и христианин христианина прельщает и обманывает. И того ради он, святейший патриарх, ныне им, посланником, объявляет и предлагает, чтоб великий государь, его царское величество, впредь таких лживых архиереев в государство свое пропускать не велел, а который явитца, таким бы указ чинить какой пристойной, а пропускать бы таких митрополитов, и архиепископов, и епископов, и архимандритов, и игуменов, и старцев к Москве, у которых будут его, святеишаго патриарха, заступительные и просительные за ево патриаршею рукою листы, а у которых такого свидетельства не будет, и таких бы к Москве не пропускать, а высылать по-прежнему за рубеж»[247]. Таким

образом, сами Вселенские патриархи не раз указывали русскому правительству, что в Москву являются за милостынею различные самозванцы, подделывая патриаршие печати и подписи или каким-либо другим способом обманывая московское правительство, которому и советуют построже относиться к разным просителям и наказывать тех из них, которые будут обличены в мошенничестве. О неблаговидных проделках в Москве разных просителей милостыни наше правительство узнавало и из других источников. Иерусалимский патриарх Паисий по выезде своем из Москвы, кроме доноса на своего дидаскала Арсения, прислал еще думному дьяку Михаилу Волошенинову донос на переводчика Посольского приказа Ивана Боярчикова. В своем доносе патриарх выражается: «Удивляюся тому проклятому переводчику Ивану – дьявол и изменник есть многолетнего нашего царя, чтоб хлеб его убил, что он ест! И ходя оглашает и говорит из уст своих нечистых – от патриархов непрошенный и тайных дел царских не хранитель, яже ходит по рядам со единомышленными ворами, которых он любит и словеса им сказывает, что он хочет. Коли то бывало прежь и ныне, что тайна царева бысть явственна в миру, и той есть не человек, но сатана и дьявол!» В объяснение этого доноса патриарха Боярчиков указывал на то обстоятельство, что он, как знающий турецкий и греческий языки, всегда обличал разные плутни приезжих гречан, которые и наговаривали на него патриарху, когда он был еще в Москве, так что уже тогда патриарх на него шумел и не велел было ходить к нему, но потом простил и даже дал разрешительную грамоту. «Приезжают, – показывал Боярчиков, – к Москве многие греченя бельцы, а надевают на себя чернеческое платье и привозят с собою о милостыне от патриархов ложные грамоты, а не за прямыми печатями. И он-де, Иван, узнав их воровство, прежь сего сказывал думным дьяком Григорью Львову и Назарью Чистому, и те-де гречане на него, Ивана, рьятца и оглашают его патриарху всяким дурном»[248]. Клирошанин Чудова монастыря, посланный сопровождать Иерусалимского патриарха Паисия и возвращенный им назад из Молдавии, через путивльских воевод доносил государю, что

простые греки бельцы наряжаются в чернеческое платье и едут в Россию бить челом о милостыне, «а грамоты-де от патриархов пишут и руки патриаршие подписывают сами своими руками, а печати-де, государь, потому ж они подделывают, сделал-де один серебряник (который сам и рассказал об этом Пахомию в Яссах) тем гречаном разных палестинских патриархов печатей с сорок, а сказываются-де будто они, греческие старцы, приезжают из дальних палестинских мест, а живут-де они, гречени старцы и бельцы, все в молдавской земле, а надевают черные платья в молдавской же земле, а взяв-де твое государево жалованье, они ни во что то почитают, только пропивают да табак покупают»[249]. На различные злоупотребления скитавшихся по Руси греческих просителей милостыни указывал нашему правительству и знаменитый серб Юрий Крижанич. Греки, говорит он, своими стеклянными каменьями вместо драгоценных, стеклянными подделками вместо жемчуга и запрещенными товарами (именно табаком) выносят из Руси большие богатства. А что касается до разного рода духовной торговли, то праздношатающиеся греческие монахи, и порою самозванцы-митрополиты, скитаются по Руси и выжиливают ссуды. Некто Софроний, называвший себя митрополитом Филиппополя и Драмы, а в народе известный под именем Македонского, понуждал меня, чтоб я сочинил ему подложные грамоты от имени Иоанникия-патриарха, будто бы он был выслан от сего последнего вследствие общих церковных нужд. Когда я не хотел этого исполнить, он, вместе с одним другим митрополитом, хотел меня отстегать и, конечно, сделал бы это, если бы, вырвавшись, я не убежал к городскому писарю. Впрочем, признаюсь в своей вине: впоследствии я сочинил ему помянутые грамоты, боясь за свою жизнь[250]. Греческие митрополиты, настоящие и самозванцы, блуждают вдоль и поперек по Руси (особенно Малой и Белой): они возводят в священнические степени лица, им неизвестные, незаслуженные, неискушенные, незасвидетельствованные, даже отвергнутые в других местах, и без всякого другого испытания, кроме того, что аккуратно поторгуются, «сколько мне хотите дать, я вам предам его». Я сам видел не один пример подобного рода. Видел

также, как одну и ту же супружескую чету разные митрополиты, и даже один и тот же митрополит, несколько раз то разводили, то снова соединяли, всегда, однако, заранее поторговавшись и взявши добрую кучу денег. Если дела такого рода, пожалуй, кто-нибудь скажет, можно еще терпеть, то уже, конечно, никаким образом нельзя терпеть того, что помянутые митрополиты за деньги продают и прямо посылают в ад человеческие души. Я видел на русском языке напечатанные в Киеве отпустительные грамоты, который по Руси продавал Византийский патриарх Афанасий. Каким образом или почем он продавал их, не знаю. То лишь знаю и собственными глазами видел, что подобные отпустительные грамоты в рукописи (со вставкою имени того человека, коему вручается грамота) некоторые продавали знатным людям за деньги: здесь разрешают от всех грехов, не поминая ни слова об исповеди или покаянии. А несчастные люди берегут эти грамоты как великое сокровище и завещают класть с собою в гроб. Наконец, видел я одного митрополита, который, бывало, повсюду, куда ни придет к знатному человеку, прежде выспросит у него, не хочет ли иметь разрешение от грехов. Тот выражает желание: является митрополит и, освятивши воду в доме этого человека, кропит его самого и целый дом с семейством. Потом перед всем семейством, – а барин стоит в средине, – митрополит кладет ему на голову руки и книгу, читает над ним длинное и полнейшее отпущение грехов прежде всякой перед тем исповеди или речи, не упомянув ни слова о покаянии или вознаграждении за те вещи, которые, может статься, несправедливо похитили те люди у других»[251].

Получая со всех сторон известие о всевозможных злоупотреблениях, которые дозволяли себе разные являвшиеся на Русь просители милостыни, наше правительство могло убедиться в этом и из некоторых отдельных случаев, которые ему по тем или другим побуждениям приходилось расследовать. Укажем некоторые более характерные из этих случаев.

В 1623 году прибыл в Москву за милостынею так называемый синайский митрополит Иеремия с просительною грамотою от братии Синайской горы и всего собора Палестины и

с рекомендательною грамотою от Иерусалимского патриарха Феофана. Последний, рекомендуя Иеремию государю, выражался о нем в своей грамоте: «Мы послали сего преосвященнаго митрополита, брата и сослужебника на него смирения, господина Иеремию, который был прежде сего в Родосе, мужа вернаго и любезнаго». Точно так же Феофан рекомендовал Иеремию и Филарету Никитичу как мужа верного и любезного и просил с честью принять его. Благодаря этой рекомендации Феофана, особенно уважаемого в Москве, Иеремия был принят Филаретом Никитичем с особенной честью и на представлении патриарху был одарен им щедрее, чем другие митрополиты, бывшие тогда в Москве. Поощренный этим первым успехом, Иеремия захотел получить больше и подал Филарету Никитичу особую челобитную, в которой, между другими напыщенными восхвалениями и пожеланиями, говорится и следующее: «Молим Богу и весь порабощенный род греческой, чтобы нам сподобил Бог видеть на Вселенском Константинопольском престоле царя царей, великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Русии самодержца, да и мы обрящем покой и легость». Затем, благодаря патриарха за милостыню ему, митрополиту, просит еще пожаловать ему три образа, «да отвезу их к трем патриархам: Константинопольскому, Александрийскому и Иерусалимскому, занеже путное наше шествие будет мимо их, и им буду рассказывать, что те иконы я на них выпросил». Далее Иеремия повествует, что будто бы он, грешник, еще будучи на Синае, сновидение видел, в котором явился ему преподобный Сергий: да месяце в октябре в сновидении видел я, смиренный грешник: явился мне святой Сергий, как бы я с ним был на горе Хориве, ид еже видяше Илья-пророк Божие видение, и рек ми и указуя пещеру: тут-де был Стефан (чудо)творец, занеже тут пустынничал. И аз грешный не возмог есми со святителем (здесь Иеремия сильно ошибся, назвав преподобного Сергия святителем) поговорити, зряще величество его и страшное зрение, только пал на землю безгласен. Посем молю много-много для любви Христовой и для любви святителей отпустите меня, да облобызаю и поклонюсь святому сему Сергию, да ми

простит согрешение мое, а большая мзда да будет на святительстве твоем». Очевидно, Иеремия был ловкий, бывалый человек, отлично понимавший, с кем он имеет дело, и потому смело пустил в ход все средства, чтобы как можно более нажиться от русского благочестивого легковерия. Испрашивая иконы для поднесения восточным патриархам, он основательно рассчитывал, что эти иконы, как царский подарок патриархам, должны быть особенно ценны, так что от продажи их он может выручить себе порядочную сумму. Его рассказ о видении ему преподобного Сергия точно так же был рассчитан на хорошую получку, но уже от Лавры, в которую он намерен был отправиться. Если Лавра дарила всех вообще являвшихся в нее просителей с Востока, то, по расчету Иеремии, она обязана была одарить его с особенною щедростью, оказать ему особенное, исключительное внимание, так как сам преподобный Сергий явил к нему небывалую в отношении гречан милость: удостоил его, еще на Синае, своего видения. Но все это смело и, по-видимому, так удачно веденное Иеремиею дело совершенно неожиданно рушилось. На Иеремию вдруг последовал донос со стороны сопровождавших его архидиакона Неофита и старца-келаря Паисия, которые заявили, что Иеремия патриаршим Собором был лишен митрополитства и ему запрещено служить, что после запрещения он был в Риме, служил с папою, целовал его в ногу и вообще отпал от Православия. Вернувшись из Рима в синайскую обитель, которой он был постриженник, Иеремия слезно просил архиепископа и братию снова принять его в монастырь. Архиепископ и братия, желая сделать доброе дело для заблудшего и думая, что он вполне раскаялся, приняли его. Иеремия успел тогда заверить, что желает добра монастырю и хочет послужить ему сбором милостыни. Ему поверили и послали в Россию, придав к нему их старцев для наблюдения за ним. Дорогою они сбирали милостыню, но Иеремия скрывал ее от них и обращал в свою пользу. Получив в Москве милостыню, он не хочет теперь возвращаться в монастырь и задумал убить их в литовской земле. Поэтому они просили

отпустить их из Москвы отдельно от митрополита и отобрать у него все принадлежащее монастырю.

Этот донос на Иеремию его спутников должен был произвести сильное впечатление на царя и патриарха. Митрополит, которого сам Иерусалимский патриарх Феофан называл своим сослужебником, мужем верным и любезным; которого благодаря патриаршей рекомендации приняли в Москве с особою честию, который, конечно за свою святую и добродетельную жизнь, удостоился видения преподобного Сергия, в действительности оказывается лишенным сана, изменником Православия, пройдохою. Кому же и чему после этого верить? За митрополита говорили патриаршая и синайская грамоты, против него – его же собственные спутники. Прибегли к опросу духовных особ из гречан, бывших в это время в Москве, и они единогласно подтвердили донос. На очной ставке с обвинителями Иеремия показал: девятнадцать лет назад он был поставлен митрополитом в Родос Константинопольским патриархом Рафаилом и был в Родосе три года. «Патриарх Рафаил стал с меня требовать три тысячи золотых, если-де я их дам ему, то буду митрополитом в Родосе, а если не дам, то он лишит меня кафедры». Митрополит ответил на требование патриарха письмом, в котором заявил, что он-де, митрополит, сам ест одну капусту с солью, и дать ему патриарху нечего, да и не за что, и оттого-де он из Родоса ушел в Синайскую гору; а если сыщется, что он от митрополитства отставлен, то он уже не будет у государя и патриарха просить пощады. А из Синая он ездил в Индию, потому что португальская королева Екатерина оставила в Индии для Синайской горы на помин своего мужа 500 золотых, кроме же его послать в Индию было некого. Эти золотые и еще значительную собранную им милостыню в Индии он привез в Синайский монастырь и затем был послан в Испанию. В Риме он действительно был по следующему случаю: дает-де испанский король в Синайскую гору по 50 золотых, и так как те золотые он не присылал, то Собор синайских отцов послал его и еще четырех старцев с ним в Испанию за теми золотыми. В Испанию они отправились через Рим и были у тогдашнего папы

Павла V, но от греческой веры не отставали и с папою он, как его ложно обвиняют, не служил, тем более что папа со властями никогда не служит, а всегда один. Папа писал к королю испанскому о выдаче тех золотых, да и сам дослал от себя в Синайскую гору 500 золотых, на что есть у него лист. Были затем они во французской земле, а французский король посылает в Синайскую гору ежегодно 1000 золотых – эти присылки от французского короля начались уже лет с двадцать. Из французской земли отправились на острова, которые были даны ему от Константинопольского патриарха, и всего ходил за милостынею лет с пять. Это любопытное и в то же время соблазнительное для русских показание Иеремии о милостыне Синаю со стороны папы и католических королей оспаривалось бывшим тогда в Москве силистрийским митрополитом и обвинителями-синаитами. Они, со своей стороны, заявляли, что папа и короли испанский и французский в греческую землю, ни в какие места, никогда ничего не присылали, что от всех греческих патриархов то заклято, чтобы не только от папы, но даже и от всякого простого человека папежской веры милостыни ни одной деньги не принимать и ни в чем с ними не сообщаться. Но Иеремия в доказательство справедливости своего показания представил листы: один от пацы в Синайскую гору, другой – от английского короля, а третий от испанского. Чтобы привести Иеремию к сознанию, велено было поговорить с ним силистрийскому митрополиту Иоакиму, но тот, «шумно и долго поговоря с Иеремиею по-гречески», объявил, что Иеремия не сознается, но что он, Иоаким, за справедливость извета ручается головою, причем он выразительно провел пальцем по своей шее. Ввиду упорства обеих сторон оказалось невозможным окончательно разъяснить это соблазнительное дело. Но когда Иеремия обратился к Филарету Никитичу с просьбою дозволить ему приобщаться по архиерейскому сану, то патриарх, ввиду согласного подтверждения извета всеми гречанами, велел выставить ему на вид эти обвинения и отказать Иеремии в его просьбе: «Для этого-де он должен обратиться к Константинопольскому патриарху, для чего-де его теперь отпускают в Константинополь, чтобы он там очистился от

всего пред тамошнею властью. А здесь на Москве государь и патриарх неволи ему никоторые учинити не велели и до того времени, пока он побудет в Москве, ему велено стоять на старом подворье и корм ему давать по-прежнему. А в Рим к папе и в аглицкую и во французскую землю не ездить; а буде он в те неверныя государства поедет, и он будет проклят в сем веце и будущем»[252].

Таким образом, лично для Иеремии донос кончился вполне благополучно, он ничего не потерял и спокойно уехал из Москвы, где ему «никакия неволи не было». Но это дело могло дурно отозваться на последующих отношениях русского правительства к просителям, поселив в нем недоверие даже к рекомендательным грамотам самих восточных патриархов. Ибо невольно возникал вопрос: каким образом патриарх Иерусалимский мог рекомендовать русскому правительству архиерея, лишенного сана и даже отступника от Православия своим сослужителем, мужем верным и любезным? Было ли это следствием незнания со стороны патриарха личности митрополита, что очень странно, или следствием подкупа его канцелярии, которая за известный гонорар выдавала от имени патриарха рекомендательные грамоты решительно всякому, кто только хорошо платил за них? Каким образом могло случиться, что Синайская обитель наделила своим полномочием такого во всех отношениях сомнительного человека, которого, однако, она знала хорошо, и что значит показание Иеремии о милостыне православному Синаю от самого папы и разных католических королей? Можно ли было теперь, ввиду случайно обнаружившихся обстоятельств, доверять рекомендательным патриаршим грамотам и всем вообще просителям с Востока? Как сильно это дело огорчило царя и Филарета Никитича, видно из того, что последний решился написать о нем Вселенскому Константинопольскому патриарху. «Буди ведомо вашему святительству, – говорит он в своей грамоте, – из давних лет с тех пор, как греческую власть захватили измаильские внуки, обычай имеют приходить к благочестивым и христолюбивым царям российским греческой области святейшие патриархи, и митрополиты, и архиепископы, и прочие священные иноки

милостыни ради и искупления святых мест, захваченных турками, – и доныне приходят. Мы таковых принимать привыкли, и дарами и милостынею не только их обогащать, но и святым местам потребное посылать, и тем плачущих и оскорбляемых утешать и, таким образом почтивши приходящих к нам, отпускали восвояси. Ныне же пришел к нам от святой горы Синайской митрополит Иеремия, объявляя, что прежде был Родосскаго острова митрополит, милостыни ради, с ним же вместе и другие пришли. Мы, по обычаю нашему, человеколюбиво приняли их, ибо они принесли с собою грамоты от блаженного Феофана, патриарха Иерусалимского, которого, как говорят, встретили в Константинограде. Потом, не знаю какой ради вины, Иеремия начал враждовать с пришедшими с ним[253], называя их чуждыми христианского звания и жития недостойного, истинного же свидетельства о том против них привести не мог. Они же, видя его злые поступки, восстали против него и во многом его обвинили: первое, что он собранное и дарованное от христолюбцев во обитель святой горы Синайской, все себе взял; второе, что он святительства одежду неправо носит, ибо прежде чем поставлен был митрополитом в городе Родосе, некоторых ради преткновений от Вселенского патриарха Неофита изгнан был, и святительски действовать ему воспрещено. Потом же, пошел он, митрополит, к папе Римскому Павлу V и от него благословение принял, чего делать не подобало, ибо это противно Православию»[254]. Очевидно, что грамота Филарета Никитича была формальною жалобою Вселенскому патриарху, заключала в себе горький упрек за обманутое доверие к просителям милостыни, которых рекомендуют сами патриархи. Понятно, что восточные патриархи, если только они дорожили добрыми отношениями с московским правительством, необходимо должны были обратить серьезное внимание на грамоту Филарета Никитича и всячески постараться загладить то дурное впечатление, какое произвело в Москве дело Иеремии. Действительно, когда в 1627 году прибыло в Москву новое синайское посольство за милостынею, оно привезло с собою грамоты трех восточных патриархов, из которых каждый посильно старался объяснить

дело Иеремии. Иерусалимский патриарх Феофан, на которого по преимуществу падал упрек по делу Иеремии, писал Филарету Никитичу: «А прежде сего присылали к вашему святительству из Синайские горы некотораго бывшаго родосского митрополита и с иными монастырскими людьми, не знаючи его дела и разума, что он за злой свой разум отставлен от патриарха». Александрийский патриарх, со своей стороны, писал, что прежние послы «дьявольским искушением поссорились между собою», а Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис выражался так: «По грехам меж ними вражим искушением объявилася рознь и безчинство». Наконец, сам синайский архиепископ Иоасаф в грамоте к царю так говорит о предшествующем посольстве: «В прошлом времени, видя мы блаженную любовь, яко держиши к святым местам и к нам убогим богомольцам своим, посылали есмя к царствию твоему родосского митрополита Иеремея, который был у нас в монастыре, не зная дел ево, и дали ему товарищей священномонахов келаря Паисия да архидиакона Неофита. И дьявол, ненавистник роду хрестьянскому, видя их, что они пришли к великому твоему царствию для милостыни, которою милостынею хотела свободиться святая и великая обитель наша от великого долгу, вложил в них смуту и меж их учало быть презорство и ненависть, и они только объявились в твоем царствии безумием и всяким безчинием, а нам от твоей царские милости помочи никоторые не учинили, а кто у них был первый смут заводчик, и тому здесь от нас было великое наказание»[255]. Таким образом, все дело Иеремии объяснялось, с одной стороны, просто незнанием Феофаном и синаитами личности Иеремии, его злого разума и дел его, хотя это незнание и не помешало Феофану и синаитам рекомендовать Иеремию как мужа верного и любезного, с другой стороны, во всем этом деле, по объяснению восточных иерархов, сказалась обычная проделка ненавистника роду христианскому – диавола. Пришлось московскому правительству удовольствоваться и таким объяснением.

В 1628 году приехал в Москву за милостынею так называемый метаморфосский митрополит Неофит. Он привез

рекомендательную о себе грамоту Анхиальского митрополита Христофора, который по поручению московского правительства присылал в Москву сведения о всех просителях милостыни. Христофор в своей рекомендательной грамоте называет Неофита митрополитом «от области Ганской», выражается о нем, что он «брат и сослужебник нашего смирения, труждался и скорби многие принял» из-за казаков, которые приплыли к его городу и хотели выжечь его, но по просьбе митрополита пощадили город и только перебили всех турок. После турки обвинили митрополита в заговоре с казаками и предали его всевозможным истязаниям, от которых митрополит избавился только благодаря окупу. Анхиальский митрополит особым письмом просит за Неофита и так называемого Новоспасского келаря грека Иоанникия, пользовавшегося особым влиянием при московском дворе. И сам Неофит писал к Иоанникию, что он друг друзьям его, почему и просит его прийти к себе, «а я тебе поведаю тайное доброе слово, и что у нас обрящем, будем и тебе дава-ти». Неофит был торжественно принять царем и получил от него обычные дары. Он уже готовился представиться, по обычаю, Филарету Никитичу, как на него последовал донос со стороны сопровождавших его архимандрита Нектария, келаря Симеона, архидиакона Феоны и приехавшего вместе с ним архимандрита афонского Дионисиева монастыря. Доносчики заявили, что Неофит был в городе Ганском тому лет пять назад митрополитом, но потом Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис, вместе с собором, отставил его от митрополитства и сан с него снял за то, «что он на Кирилла-патриарха всякое зло умышлял и патриаршества под ним подыскивал, чтобы ему быть на его месте патриархом. Да у него же был племянник во диаконех, рожеем чист, и он-де того своего племянника-диакона отдал турскому царю сам своею волею, и ту рекой царь того диакона обусурманил и учинил его у себя ближним человеком – казначеем, и ныне племянник у турскаго казначей». Сделал это митрополит для того, чтобы с помощью своего племянника низвергнуть Кирилла Лукариса и на его место самому сделаться патриархом; узнав о чем, Лукарис «отставил его от митропольи,

и сан с него святительский снял с собору, и служити ему запретил, и проклял его собором». После этого Неофит ушел из Константинополя «бегом», иначе быть бы ему «за свои дела отдану на каторгу или в воду по-сажену». Удалившись из Константинополя, Неофит жил в Синопе. Тамошний митрополит его не благословлял и служить ему не велел, «а будучи-де он в Синопе, продавал питье шарал, и пиво, и мед, да камешки заноски». Доносчики говорили, что «митрополит взял с собою гречанина, мирского человека, и, приехав в Киев, положил на него чернеческое платье, и говорил ему, что ему так ехать прибыльнее – милостыни на Москве дадут больше, а ему из тое милостыни взять у него половину. А из буданской земли взял он с собою бусурманина, родом кизыльбашские земли, и велел ему называться, едучи дорогою, хрестьянином и здесь на Москве зовут его хрестьянином греческие веры, а он-де бусурманин и окрещен не бывал». Кроме того, все старцы показывали, что в Путивле у митрополита пропала мантия и он по этому случаю был очень сердит и говорил про государя и про патриарха «непригожие речи» и их, великих государей, проклинал и с милостынею, «а говорил: того-де мне не дадут, что я потерял». «А приехав в Москву, говорил про Московское государство и христьянскую веру непригожие речи – только-де на Москве и веры, что звонят в колокола много, а иного нет ничего». Обвиняли еще митрополита и в том, что будто бы «в дороге до Путивля и в Путивле он мясо ел и Седьмой Собор святых отец проклинал, а говорил: кто заповедал чернецам мясо есть?» Вследствие доноса допросили прежде всего двух спутников Неофита – бельца, преображенного на время в монаха, и бусурманина, переделанного на время в христианина. Первый заявил, что он действительно не монах и только по желанию митрополита возложил на себя, без пострижения, монашеское платье и что он видел, как митрополит в дороге ел мясо. Служка митрополита, названный им христианином – гречанином Ивашком, на допросе заявил, что он природный татарин и веры бусурманской; с митрополитом встретился в Яссах и просил его взять с собою в Москву для торгу. Митрополит попросил у него взаймы денег, и он дал ему 60 золотых, после чего митрополит

взял его с собою в качестве слуги, приказав ему называться греком и христианином. Подвергли допросу и самого митрополита. Он показывал, что у него действительно племянника-дьякона турки взяли, но силою, силою же его и обусурманил и, и он теперь у султана ближний человек – казначей, а вероятно, будет и визирем, ибо из казначеев делают визирей, но через племянника патриаршества не искал. Когда жил в Синопе, то от тамошнего митрополита благословение принимал и ел с ним за одним столом, «а питье-де шарал, и пиво, и мед, и камешки заноски для своей скудости продавал и тем кормился». Митрополит признался, что в Путивле, где он был болен два месяца, мясо по болезни ел. На мирянина монашеское платье возложил потому, что тот обещался постричься, а про бусурманина сказал, что тот просился с ним в Москву для торгу, и так как он занял у него 60 золотых, то и взял его с собою, «а христианином называл его спроста, а не с умышлением». Про царя и патриарха «никаких непригожих речей и слов и того, что в Москве только и веры, что в колокола звонят, не говаривал и мысли у него не было, то на него затевают ложно по недружбе». На обвинение, что он тайком уехал из Константинополя, Неофит заявил, что он уехал явно, приняв благословение от патриарха и патриаршую грамоту к царю, которая и теперь находится у него. Принесли грамоту: оказалось, что она писана уже четыре года назад ко всем вообще владетелям, без подписи патриаршей руки, и притом в ней Неофит назван отставным митрополитом. Со своей стороны свидетели заявили относительно этой грамоты, что она не патриаршая: «Много-де таких грамот дают без патриаршаго ведома для своей корысти». Неофит, по указу государя, сослан был в Сви-яжский монастырь на смирение, причем у него отобраны были некоторые письма, которые он было написал в Турцию. В одном письме к Ибрагим-паше Неофит все случившееся с ним в Москве объясняет таким образом, что он собрал несколько денег, «и покупил было кое-что для ради московского ходу, и взял с собою трех воров чернцов и одел их, и обул, и кормил, и поил, и многую нужду от них претерпел». По ранее заключенному условию его спутники должны были,

получив в Москве милостыню, отдать Неофиту половину потраченных на них дорогою издержек. Но, пишет Неофит, когда они прибыли в Москву и получили от царя соболи и корм и денег много, «и они меня не стали чтить ни во что, лише меня бранили всякою неподобною бранью; и стал я прошати денег своих у них, и они, шед к царю, довели на меня, будто я царя бранил и проклинал и иное многое неподобное говорили». Он просит Ибрагим-пашу, который и ранее выручал его не раз из беды, чтобы он упросил султана написать грамоту в Москву об освобождении митрополита из заключения, «да еще пожалуй возьми и от патриарха Цареградского Кирилла грамоту к царю московскому и патриарху Московскому обо мне, митрополите бедном, он ведает и да отпишет тако, что я человек доброй и не отставленной и не проклятой... да прикажи патриарху, чтобы писал к царю грамоты честно и патриарху, чтобы меня, бедного, освободили и отпустили бы сюда меня, что сказали зло на меня напрасно лихие собаки старцы мои дионисьевские, что будто ты хотел поставить меня в патриархи, а того патриарха скинуть, да будто не стало тебя столько, что не мог ты сделать, и меня будто прокляли тогда и аз будто побежал, а я ничего того не ведаю, у меня того и во уме не было, ни в помышлении не было и в патриархи не мыслил и в иное ни во что». Сообщает паше имена оговоривших его старцев и просит схватить их и сослать на каторгу, где и держать их, пока его не освободят. В письме к своему двоюродному брату Неофит пишет, что старцы оклеветали его, будто он бранил царя и патриарха, хулил христианскую веру и что он по этим обвинениям мог бы подвергнуться смертной казни: «Как бы иной царь был, дал бы главу мою на ссечение, а се царь христинской и благочестивой и милосерд и милостив и отец его святейший патриарх щедр и милостив, також кровопролития николи не хотят пролити, но виноватой и невиноватой лише ссылают в темное место, ид еже солнце не заходит, а меня их милосердие в те темные места не послали, а сослали меня в их царской монастырь доброй и о том аз нищей благодарю их милости... Здеся благочестия лутчи нашего, христиане благочестивые и добрые». Но скоро Неофит решительно изменил свой взгляд на царя, московское

благочестие, на русскую доброту и человеколюбие. Ожидаемого освобождения из заточения он не получал и потому, пробыв в Свияжском монастыре два года, в первый день Рождества перелез монастырскую стену, выбрался из Свияжска и прибыл в Казань. Но здесь он был схвачен, брошен в тюрьму и снова водворен в Свияжский монастырь. Отсюда Неофит успел было послать в Турцию с каким-то татарином письма к разным лицам, чтобы они похлопотали об его освобождении. Но эти, очень любопытные, письма были доставлены в Посольский приказ, почему Неофита стали держать еще крепче. В одном из этих писем Неофит рассказывает про себя, как он торжественно, со всевозможными почестями, представлялся царю, как много ценных подарков получил от него, как много он ел и пил за царской трапезой и как вдруг его оговорили в ужасных преступлениях и между прочим: «Яко проклях царя и обычаи московские, яко проклях звоны их колокольные, яко проклях весь московский народ, понеже ядят рыбы во святую четыредесятницу и во вся среды и пятки всего лета». Услышав об этих обвинениях, «царь ужаснулся и велел трижды розжечь пещь и велел меня вкинуть в нея внутрь, аки трех отрок, а отец его не велел так сделать, потому что он есть праведен человек и разумен, только велел железа на меня положить на ноги и на руки и на шею». В другом письме к разным духовным лицам в Константинополе завравшийся Неофит пишет: «Царь московский повелел огнем меня сожещи, но отец его, патриарх Московский, не остави сему быти и сице рече ему царю: ты митрополита не можеши погубити, понеже архиерей есть и паче сего: Бог весть, аще сицевая беззакония сотворил есть, понеже грекове един другого ненавидит и ему всяко позавидеша, понеже лучше еси пожаловал его, нежели онех и того ради оклеветаша (его) и обидеша, но понеже есть калугер, сего ради аз его наказывати буду и тогда тремя веригами связаша мя и в каторгу повергоша и 50 стрельцов со мною послаша, яко да не избегну». В письме к различным духовным и мирским лицам Неофит просит всех своих друзей: «Да припадете и умолите Вселенского патриарха, яко да пошлет грамоту к царю и патриарху Московскому, прося и моля их, яко да измут мя от

тьмы, которая есть в малой Индее, глаголемой Сибири, и из казанского города Свияжска». Но особенно любопытно и характерно одно письмо Неофита, к какому-то турку из бывших христиан, может быть к своему племяннику. В этом письме он пишет: «И томят мя немил остивии человецы московстии, и мучитилие поруганные человецы томят мя и мучат четырьмя бичи и острые иглицы от лучины за ногты мои и во все тело мое вонзают, и кричу, и вопию к Богу, и проклинаю обычаи и законы их, которые имут; яко же эллины живут и яко-же Иулиян и Максимиян супруг дьявольский, сице и они творят и еще горей: те бо мучаху святых мучеников и проливаху крови их во един день или во едину седмицу или во един месяц и тако убиваху их и свобождахуся от зла-го мира. А сии мучащий мя, не хотят убити мя, яко да избавлюся от бед и мук, ими же мучат меня день и нощь и всегда глаголют ми: буди москвитином? аз же к ним глаголю: почто да буду москвитином, аз бо есмь православный христианин; они же лютейше меня мучу т. Уже три или четыре лета ношу сия три вериги тяжки: едину на выи моей, а другую на руках и третью на ногах и да бых уже умер и свободился от бед. Но Бог многолетна да сотворит турскаго царя, да многолетен будет, понеже добре судит суды своя и аще есть человек повинен смерти, то повелевает отсещи ему главу и тако от бед свобождается. Но зде человека по малу мучат, до́ндеже сам умрет, яко да не нарекутся убийцами – виждь, какову прелесть даде им дьявол, яко от Бога хотят утаиться, но злая их дела ведома суть дьяволу. Прославляю Бога, яко не допущает мне зде умрети в песьем мире». В заключение просит ходатайствовать об его освобождении, «да не умру в проклятой земле неправедной, но да умру во благословенной земле турской». Еще в одном письме к своим друзьям Неофит пишет, что, несмотря ни на что, Бог хранит ему жизнь, «хощет избавити мя Бог и от сего грубовиднаго и варваровиднаго народа московскаго, яко да изыду оттуду и вся злая скажу, яже пострадах и вся стражду и да повем безместная и беззаконная дела, яже зде творят, не суть сии православнии христиане…»[256]. Понятно, что Неофиту не удалось умереть «во благословенной земле ту рекой».

В 1647 году в Москве возникло дело о великом архимандрите, учителе и богослове Великой Церкви Константинопольской Венедикте, который приехал было в Москву для учительства, но не был здесь принят, и о митрополитах: Силистрийском и Варнском и архиепископе Элассонском. Архимандрит и келарь силистрийского митрополита Иеремии сделали на него донос, что он перед выездом из Москвы был у учителя архимандрита Венедикта и писал с ним ночью грамоту в Литву, чтобы там задержать архимандрита и келаря и ограбить их. Митрополит был подвергнут допросу, на котором заявил, что он у Венедикта действительно был и писал грамоту, но не в Литву, а проезжую от имени Александрийского патриарха Иоанникия, вместо прежней, которая у него затерялась. Руку Александрийского патриарха подписал на этой грамоте учитель архимандрит Венедикт, «потому что-де ему дана вольность вместо трех патриархов: Константинопольскаго, Иерусалимскаго и Александрийскаго руки прикладывать, и он-де, учитель, к той грамоте и руку приложил имянем Александрийскаго патриарха». Иначе показывали свидетели, особенно писец Иван, который писал самую грамоту и слышал все переговоры участников. Он показал, что грамота действительно писана в Литву, в Конотоп, к тамошнему старосте по научению учителя Венедикта, «чтобы староста митрополича архимандрита и келаря (которые, по предварительному договору с митрополитом, должны были, получив в Москве милостыню, ехать каждый с Путивля кто куда знает) в Конотопе оставил и посадил в яму, покаместа приедут с Москвы иные греческие власти: Варна города митрополит Парфений, да аласунской архиепископ Иоасаф с своими архимандриты и с келарями, да и он, учитель Венедикт, и им-де сообча всем митрополитам и архиепископу архимандритов и келарей своих грабить, что им дано государева жалованья и чтоб все у них отнять, потому что-де тем архимандритам и келарям государево жалованье дано большое и, ограбя их, отпустить куды кто хочет, а им бы, митрополитом и архиепископу, тем всем совладеть одним. А конотопской-де староста учителю архимандриту Венедикту друг большой и

помешки-де от него старосты в том их деле не будет, еще-де он им и помощь учинит для своей корысти. А ту-де грамоту, по архимандричью веленью, писал он, Ивашко, польским письмом, и к той грамоте Варнскаго города митрополит и аласунскии архиепископ и учитель архимандрит Венедикт руки свои приложили, а ево же, Ивашка, закляли они, чтоб он той мысли не сказывал никому». Подвергли допросу учителя Венедикта, который заявил, что митрополиты Силистрийский и Варнский у него были и писали «советную грамоту» к конотопскому старосте, который мне друг, и я к тому их письму приложил свою руку, «а подлинно-де он про то, что в том письме у них написано, он не ведает, потому что он болен гораздо». К проезжей грамоте силистрийского митрополита руки своей, вместо Александрийского патриарха, он не прикладывал, «да и никому-де нельзя того учинить, чтобы вместо патриарха руку приложить, опричь самого того, от кого грамота писана будет, и вольности такие никому не дают, чтоб в патриархово место руки прикладывать». Элассонский архиепископ сначала заявил было, что про грамоту в Литву он ничего не ведает и к ней не подписывался, но, уличаемый свидетелями, сознался, что к конотопскому старосте писана была грамота о лошади и о покупке, но услышав, что между силистрийским митрополитом и архимандритом из-за этой грамоты вышел шум, он сжег ее вместе с варнским митрополитом. Последний подтвердил это показание, «а подлинно про ту грамоту, о чем она писана и кто к ней руку прикладывал и кто ее сжег и где жгли, не сказал». «Да они ж говорили: писана-де в лесе, а жгли ее в лесе ж, а правды про тое грамоту митрополиты и архиепископ не сказали, а все говорили разные речи»[257].

В 1671 году прибыл в Москву торговый грек Кирилл Христофоров. Прибывший в то же время в Москву за милостынею греческий епископ Панкратий сделал донос на него, что Кирилл вовсе не грек, а турецкий янычар и что он приехал в Москву для лазутчества, высматривать, сколько в Москве пушек, и наедине говорил ему, епископу, что Москву взять можно. Вследствие этого доноса грек был арестован и посажен в тюрьму, но за него вступились Лигарид и другие

греческие власти, которые объяснили донос таким образом: брат епископа Панкратия еще в волошской земле занял у грека Кирилла 150 рублей с тем, чтобы отдать их в Москве, но на Москве занятых денег не отдал, а подговорил своего брата епископа сделать извет на своего кредитора, чтобы этим способом окончательно отделаться от него[258].

В 1696 году прибыл в Москву за милостыней с острова Самоса Воздвиженского монастыря архимандрит Филимон с иеромонахом Каллиником и представил о себе рекомендательные грамоты Константинопольского патриарха и архиепископа Самосского. Прибывший вместе с ним иеромонах Каллиник подал донос на Филимона, в котором было сказано, что Филимон в своей соборной грамоте сам написал себя архимандритом, каким в действительности он никогда не был. На это Филимон отозвался: «В том-де листу скребено и таков-де скребеный лист дан ему из монастыря», в монастыре-де его написали архимандритом, хотя он и не посвящен. В извете было написано: те-де три листа, которые подал старец Филимон, составил и написал воровски на Москве он же Филимон и к тем листам вместо патриарха, и архиепископа, и Воздвиженского монастыря братии приписывал руку и печать подделал на грецком мыле и те листы запечатал он же Филимон, а опричде ево изветчика никто того не видал». Филимон отрицал обвинение, но изветчик настаивал, что он ранее уже обманул составною грамотою гетмана. Обвиняли Филимона и в том, что он занимается докторством и пускает кровь, что для монаха неприлично. Обвиняемый сознался, что он лечил, но крови не пускал. В извете еще написано: «В Никольском-де греческом монастыре тот старец Филимон у себя в келье варил собаки в масле деревянном, а для чего варил, того он не ведает. И по указыванью изветчикову в келье у того Филимона вынят горшок муравленой замазан тестом, а по осмотру в том горшке сварено три щенка в шерсти». – «А Филимон сказал: те-де собаки в церковном и деревянном масле для лечения скорби подагры, которая та скорбь и иная водяная была у гостя Гаврила Романова, а подагра еще из ноги у него не вся вылечена, а мимо того лекарства той скорби вылечить не

мочно, только-де тем лекарством его, Гаврила, он не лечил, потому что лекарство в свое лекарственное дело не дошло, а около того лекарства, по его Филимонову веленью, ходил и составливал греченин Споданин Маринин, а сам он, Филимон, к тому делу своими руками не прикасался». Когда изветчику и Филимону дали очную ставку, то Филимон в конце концов сознался в составлении подложных подписей и в подделке печатей, сознался, что он не архимандрит. Филимон за свое воровство был сослан в Соловецкий монастырь[259].

В 1728 году приехал в Москву греческий монах Симеон из монастыря Благовещенского, на острове Скопелло, и привез просительную грамоту о милостыне от братии монастыря. Но один бывший тогда в Москве белорусский монах донес, что видел Симеона в Польше, где он назывался митрополитом и служил по-архиерейски. Симеона арестовали со всем его имуществом и бумагами, причем у него были найдены поддельные патриаршие рекомендательные грамоты, разные паспорта, записки, антиминс на белом полотне, полное архиерейское облачение и т.п. На допросе Симеон показал, что он родом из Демотики, постригся на Афоне, оставив который, бродил по монастырям разных государств. В 1724 году прибыл он в Польшу, где «назвался сам собою архиереем, ходил по-архиерейскому в мантии и в белом клобуке и в разных городех служил божественные службы по архиерейскому чиноположению, а именно: в Могилеве, в Слуцке, в Розе и в Вильне, и в тех служениях посвящал диаконов и благословил архимандрита и игумена и писался в письменных произвождениях филиппольским архиепископом и митрополитом Стефаном Иустинианом, князем и кавалером св. Андрея Первозванного и архимандритом трех монастырей, а в других местах: Стефаном Иустинианом, киязем и кавалером св. Андрея Первозванного и архиепископом Демотиха и сочинял многие собою ж лживо грамоты и прочия письма. И будучи-де в Риме в 1727 году учинил он, иеромонах Симеон, присягу, чтоб признавать папу яко наместника Христова, свыше святейших патриархов и содержать бы чиноположение и устав, как повелевает Западная Церковь. И в 1728 году прибыл он в

Москву того ради, что хотел принести о показанных его заблуждениях истинное Ея Императорскому Величеству и Святейшему Правительствующему Синоду покаяние и стал в Никольском греческом монастыре, но, однако же, сам собою того не учинил из страха». Симеона немедленно велено было «обнажить монашества и священства» и сослать в Пустоозерский острог. В заарестованных бумагах Симеона находится одно очень характерное письмо следующего содержания: «Я, иеромонах Варнава, сим моим письмом утверждаю: просил я преосвященнейшего нашего господина и владыку кир Симеона, чтоб меня принял к себе в товарищество, т.е. для путестранствования в Москву. И положили согласие между собою, а сколько милостыни подает нам Иисус Христос за молитвами св. славного пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна, из оного имеет брать господин наш и владыка кир Симеон две доли, а я одну со всяким страхом Божиим, и всегда повинен я иметь, яко малейший, покорение и послушание, в чем ни повелит. А буде кто похощет раскаятися или обмануть друг друга, тот имеет дать 500 грошей. И во известие истины дали мы друг другу своеручные письма лета 1719, октоврия 10 дня. Варнава иеромонах вышеписанное утверждаю»[260].

Приведенные нами свидетельства о злоупотреблениях со стороны просителей русскою милостынею и указанные некоторые отдельные случаи самих злоупотреблений, насколько они были раскрыты правительством, показывают, что к нам очень нередко являлись за милостынею различные самозванцы, подделывавшие патриаршие подписи и печати, запрещенные и даже совсем лишенные сана архиереи, выдававшие себя за действительных митрополитов или архиепископов, и что все вообще просители ради получки более щедрой милостыни дозволяли себе прибегать к самым предосудительным и даже прямо преступным средствам. Бороться с этими злоупотреблениями правительству было очень трудно, так как просители обыкновенно действовали заодно, дружно покрывая свои плутни и обманы, всегда готовы были подтвердить любое показание своего собрата и всячески оправдать его. Только дележ полученной в Москве милостыни подавал нередко повод

к ссорам и доносам просителей друг на друга. Обыкновенно какой-либо митрополит или архиепископ, действительный или самозваный, направляясь в Москву, подбирал свиту из всякого случайного сброда и заключал с набранными лицами условие, сколько он должен взять себе из полученной в Москве дачи и сколько они. Но в Москве, получив милостыню, одна из сторон выражала притязание на больший условленный пай, вследствие чего между ними возникали ссоры, всегда сопровождавшиеся доносом одной стороны на другую, причем доносчики обыкновенно раскрывали весь тот ряд обманов, с помощью которых получалась многими просителями щедрая русская милостыня. Но замечательно, что наше правительство и после полученного доноса вело расследование как-то не особенно охотно и настойчиво, не предпринимало, до самого XVIII столетия, каких-либо особых, специальных и усиленных мер для предупреждения обманов на будущее время. Оно как будто не хотело высокое дело благотворительности Востоку грязнить расследованием и раскрытием тех плутней и обманов, которые вносили в это святое, христианское дело некоторые из просителей.

Глава 6. Постановления правительства относительно пропуска в Москву различных просителей милостыни с Востока в XVI и XVII столетиях

(В XVI веке правительство еще не предпринимало никаких определенных мер относительно пропуска просителей в Москву, эти меры начинают появляться только с начала XVII века. Со времени Алексея Михайловича издается уже целый ряд указов с целью сдержать чрезмерный прилив в Москву просителей милостыни с Востока и предупредить различные обманы с их стороны. Указ царя Феодора Алексеевича, запрещающий милостынесобирателям и всем вообще грекам приезжать в Москву. Отмена этого указа благодаря вмешательству патриарха Иоакима. Со времени Петра Великого относительно восточных просителей милостыни издается ряд постановлений, которые приводят в конце к составлению при Анне Иоанновне так называемых «палестинских штатов».)

Русь с XVI столетия широко раскрыла свои двери для всех просителей милостыни со страждущего под игом неверных православного Востока. Всякий нуждающийся православный, кто бы он ни был, мог смело идти на Русь в полной уверенности, что здесь он получит более или менее щедрую милостыню. Отказа никому не было, всех без различия просителей пропускали в Москву, всех наделяли здесь милостынею, так что за весь XVI век мы знаем только один случай, когда просители были возвращены назад из Путивля, и то по особым обстоятельствам[261]. Понятно, что на Востоке нашлось много и даже очень много охотников воспользоваться широкою русскою благотворительностью. Поток всевозможных просителей милостыни с различных концов православного Востока устремился в Москву и с течением времени становился все шире и стремительнее, грозя совсем опустошить царскую казну. Ввиду этого требовались от русского правительства какие-либо меры, которые бы, с одной стороны, предупреждали чрезмерный наплыв в Москву просителей милостыни с Востока,

с другой стороны, устраняли возможность злоупотреблений, так как под видом просителей милостыни могли являться на Русь, и действительно являлись, разные самозванцы, запрещенные архиереи, всевозможные авантюристы и т.п.

В XVI веке мы вовсе не встречаем еще никаких мер, предпринятых правительством с целью стеснения приезда просителей в Москву или с целью предупреждения различных злоупотреблений со стороны просителей. Это понятно. В XVI столетии Москва только еще выступает в качестве покровительницы всего восточного Православия, она усиленно ищет признания ее в этой роли со стороны православного Востока и ее прямой интерес требовал самого широкого развития благотворительности Востоку – чем более в Москву приезжало просителей милостыни, тем яснее выражалось этим признание Москвы покровительницею всего Вселенского Православия. Иван Васильевич Грозный по собственной инициативе посылает от себя богатую милостыню всем восточным патриархам, многим митрополитам, монастырям и церквам, хотя они и не просили его об этом. Посылка милостыни была ему нужна для того, чтобы явить себя всему Востоку единым теперь православным царем, опорою и покровителем всего Вселенского Православия. Естественно поэтому, что просители милостыни в XVI столетии не только не могли встретить со стороны московского правительства каких-либо стеснений или препятствий к получению милостыни, но, наоборот, встречали только одно поощрение, а потому приток их все более увеличивался. К концу XVI века приезжают в Москву в качестве просителей милостыни уже два восточных патриарха, из которых один был сам Вселенский – Иеремия. Понятно также, что за это время не могло возникнуть никаких особых мер и по поводу злоупотреблений русскою милостынею со стороны просителей, потому что эти злоупотребления развились особенно только в последующее время, а на встречавшиеся отдельные случаи в Москве и смотрели как на отдельные исключительные случаи, которым не придавали особого значения.

Смутное время, наступившее в России, остановило было приток в Москву просителей. Но как скоро в Москве установилось прочное правительство, просители милостыни снова направились в Москву, и чем далее, тем все в большем количестве. Россия в Смутное время была разорена, целые города и области были разграблены, опустошены, выжжены; народ сильно обеднел, совсем опустела и царская казна, не было денег на удовлетворение первых, необходимейших государственных потребностей, а между тем нужд было так много, все они были так настоятельны. Казалось бы, что тут уже не до благотворительности, не до покровительства Востоку, казалось невозможным и крайне неразумным при таких обстоятельствах тратить большие суммы вконец истощенной казны на раздачу милостыни разным просителям с Востока. Не так смотрело на это дело московское правительство: отказаться от благотворительности православному Востоку значило бы из боязни лишних, хотя бы и тяжелых для государства, расходов отказаться от исторического призвания России, от той высокой роли, какая самим Промыслом назначена Руси относительно всего православного мира, значило бы порвать связь с прежними, самыми заветными и дорогими стремлениями и преданиями Московского царства, значило бы подвергать никем более не поддерживаемое Православие на Востоке крайней опасности и сделать ответственной Москву за его если не конечное падение, то умаление на Востоке. На такой шаг московское правительство, несмотря на все свои финансовые затруднения, было не способно, особенно же Филарет Никитич, строгий ревнитель русской чести и преданий Московского царства. Поэтому с воцарением Михаила Феодоровича, и особенно с приездом Филарета Никитича, прием в Москве просителей милостыни снова был восстановлен и число их все более увеличивалось, так как Филарет Никитич хотел во всей силе поддержать и продолжить старые московские традиции по отношению к православному Востоку. Просителей не только радушно принимали, но и одаряли милостынею ничуть не меньше прежнего времени, несмотря на крайнюю скудость государственной казны. Но так как число их увеличивалось с

каждым годом, а вместе с тем росло и количество злоупотреблений милостынею, то явилась потребность в каких-либо определенных правилах, имевших в виду на первый раз не столько сокращение числа просителей или количества отпускаемой им милостыни, сколько предупреждение злоупотреблений. Одною из первых мер в этом роде была дача разным восточным обителям так называемых жалованных грамот. Такие грамоты уже выдавались раньше Иваном Васильевичем и Федором Ивановичем некоторым восточным монастырям, например: Пантелеймоновскому афонскому монастырю, Благовещенскому сербскому на реке Папраче, Всесвятскому Метеорскому. В этих грамотах, которые буквально сходны между собою, приказывается воеводам старцев означенного в грамоте монастыря пропускать в Москву, когда они явятся на рубеж с жалованною грамотою, давать им подводы и пристава до Москвы. На каждого человека полагалась одна подвода, а под рухлядь «сколько можно поднятись». «А корму имдавати в дорогу архимандриту и строителю по алтыну человеку на день, а конского корму давати им зимою по 2 деньги на лошадь на день, сколько с ними лошадей будет». Если при старцах были служки, то им полагалось «по 3 деньги человеку на день». Затем в грамотах предписывается всем властям не брать пошлин с рухляди старцев, на мостах и реках за перевоз и проезд и вообще пропускать их везде без всякой «зацепки»; а кто их обидит или что возьмет у них, тому быть от государя в опале, а взятое возвратить вдвое без суда. В заключение грамоты говорится, чтоб архимандрит и старцы означенного монастыря не ввозили и не вывозили иных монастырей старцев, слуг и лошадей, а также товаров чужих и заповедных – на виновных государь наложит пеню, смотря по вине. Точно такие же жалованные грамоты давались и во все последующее время, только с самого начала XVII столетия в них внесены были два небольших, но очень важных по своему значению добавления. Теперь в жалованных грамотах всегда стали обозначать сроки, через сколько лет обитель может присылать своих просителей в Москву за милостынею. Сроки эти для различных обителей

были различны: по большей части назначалось приезжать в шестой или седьмой год, значительно реже в пятый, восьмой и десятый и в исключительных случаях в четвертый и даже в третий. Ранее назначенного срока приезжать в Москву за милостынею просители уже не имели права, и их теперь нередко отсылали назад с замечанием, что они приехали ранее назначенного срока, тогда как прежде, когда срока в грамотах не назначалось, они могли ездить за милостынею чуть не каждый год. С течением времени, когда явилась потребность стеснить и ограничить все более увеличивающийся прилив просителей, старались пропускать в Москву просителей только из тех монастырей, которые имели у себя жалованные грамоты. Поэтому каждая восточная обитель употребляла обыкновенно все усилия добыть себе царскую жалованную грамоту, которая в известные сроки обеспечивала просителям свободный, беспрепятственный проезд в Москву. Для получения жалованных грамот употреблялись со стороны просителей всевозможные средства: личные просьбы и моления перед государем, ходатайства восточных патриархов, разных лиц, пользующихся при московском дворе влиянием, и т.п. Получившие грамоту с долгим сроком старались переменить его на более короткий и в большинстве случаев достигали цели. Другое добавление, внесенное в жалованные грамоты с начала XVII столетия, состояло в точном обозначении числа лиц, которых обитель могла присылать в Москву за милостынею, о чем грамоты XVI века вовсе не упоминали. Это добавление вызвано было тем обстоятельством, что вместе с действительными просителями от обители приезжали в Москву и сторонние лица, по большей части купцы. Всех приехавших приходилось перевозить, а купцов и с их товарами от границы до Москвы на казенных подводах, давать им во все время пребывания на Руси полное казенное содержание и, сверх того, оделять их подарками и милостынею. В видах ограничения подобных злоупотреблений в грамотах и стали с XVII века точно обозначать, сколько лиц зараз могут приехать в Москву за милостынею от известной обители. Впрочем, просители всячески старались обойти эти стеснительные для них правила,

а правительство, со своей стороны, не всегда достаточно энергично настаивало на их точном выполнении, почему отступления от них были нередки. Другим правилом, которым с XVII столетия стали руководствоваться в Москве относительно просителей милостыни, было требование рекомендательных или ходатайственных грамот за просителя какого-либо восточного патриарха. Некоторых просителей теперь стали возвращать из Путивля именно потому, что они не имели за себя рекомендательных грамот ни от какого патриарха[262]. Следствием этого требования было то, что каждый проситель, отправляясь на Русь за милостынею, старался раздобыться рекомендательною патриаршею грамотою, и если не добывал настоящей, то заменял ее поддельной, благодаря чему фабрикация поддельных рекомендательных патриарших грамот и приняла с тех пор очень почтенные размеры. Наше правительство не умело или не хотело энергично бороться против этих злоупотреблений, и потому требование от просителей рекомендательных патриарших грамот не могло служить гарантией против разных обманов со стороны просителей, тем более что к их проделкам правительство относилось в большинстве случаев как-то очень снисходительно. Например, в 1640 году в Москву прибыли из Метеорского Преображенского монастыря архимандрит Захарий, да с Белого моря игумен Афанасий, да из Царьграда протопоп Захарий, «а в Путивле они пролгалися: архимандрит сказал, что будто он выехал на государево имя на вечное житье, а к Москве приехав, бил челом государю, чтобы государь пожаловал велел его с Москвы отпустить назад в его монастырь, и на Москве жить не хочет. А игумен Афанасий сказал у себя в Путивле лист молдавского владетеля Василья о государеве тайном деле, о котором-де был посылай с Москвы в молдавскую землю Богдан Дубровской; а на Москве тот игумен заперся о том, будто он в Путивле такого листа у себя не сказывал. Да он же, игумен, с собою привез Цареградского патриарха старого Кирилла грамоту – рука и печать патриарха подделаны. А протопоп Захарей сказал, что есть с ним к государю грамота нового Цареградского патриарха Парфения и

словесный приказ о великом деле; а на Москве в том заперся ж, что будто он того в Путивле не сказывал. И за те ложные статьи архимандрит и игумен и протопоп государевых очей не видали, а государева жалованья дано им для их бедности на отпуске деньгами: архимандриту 12 рублев, игумену да протопопу по 6 рублев человеку и отпущены с Москвы назад в свои земли»[263]. Наконец, значение указанной меры отчасти подрывало и само правительство, которое, несмотря на ходатайственные грамоты патриархов, все-таки отсылало просителей назад из Путивля. Так, в 1632 году отосланы были назад из Путивля два архимандрита двух греческих монастырей, несмотря на то что за них ходатайствовал особыми грамотами Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис. В 1636 году воротили из Путивля белого священника и двух бельцов-гречан, хотя за них просили два патриарха: Константинопольский и Иерусалимский. В 1641 году был возвращен назад из Путивля архимандрит афонской лавры св. Афанасия, несмотря на особое ходатайство о лавре Иерусалимского патриарха Феофана[264]. Вообще, как и без патриарших рекомендательных грамот можно было попасть в Москву, особенно лицам высшего иерархического ранга, каковы: митрополиты, архиепископы, так и наоборот: с патриаршей грамотой можно было не побывать в Москве, а возвратиться назад из Путивля – раз строго определенного в этом отношении ничего не было.

Придерживались при пропуске просителей в Москву и некоторых других правил, хотя и не особенно крепко. Так, возвращали из Путивля назад тех, которые, раз получив милостыню, очень скоро опять обращались за нею. В 1627 году из Путивля возвратили афонского ватопедского архимандрита, потому что за три года перед тем приезжал архимандрит Ватопедский Игнатий и получил милостыни на 200 рублей – «надобно, чтобы они помнили русскую милостыню». В 1630 году воротили из Путивля гревенского митрополита Сергия, который уже получил милостыню в 1626 году. В 1631 году не пропустили в Москву греческого митрополита Иеремию, потому что он ранее был в Москве и тогда милостыня была дана ему «нескудная». Наоборот, в Москву беспрепятственно

пропускались просители из таких монастырей, от которых ранее просителей в Москве не было, на это обстоятельство обыкновенно и указывалось в царском приказе путивльским воеводам о пропуске таких лиц в Москву.

Иногда просителей не пропускали в Москву потому, что они не привозили с собою никаких политических вестей. Раз, в 1630 году, отказали просителям «за скудостью», так как в московский пожар 1626 года сгорела многая царская казна, а иногда просителей возвращали назад из Путивля без всяких объяснений.

Существовало и еще одно правило, которого правительство придерживалось в течение первой половины XVII века относительно пропуска просителей в Москву: обращалось внимание на национальность просителя – греки были по преимуществу покровительствуемые, просители же славяне возвращались назад из Путивля. В 1628 году был возвращен из Путивля назад сербского Благовещенского, на реке Попраче, монастыря архимандрит Анания со своими спутниками, хотя они и заявляли, что лучше им живыми не быть, чем не видеть царское пресветлое лицо, чем они будут хвалиться перед сербским архиепископом и митрополитами. В 1629 году не были пропущены в Москву просители славянских афонских монастырей: Пантелеймоновского, Зографского и Хиландарского, а также просители из сербской Студеницкой Лавры. В 1635 году воротили назад из Путивля просителей из Милешевского монастыря, причем в приказной справке замечено: «А из сербские земли приезжали бить челом к государю о милостыне в прошлых годех разных иных монастырей архимандриты и старцы на Путивль и им государево жалованье давано в Путивле и отпусканы с Путивля назад, а к Москве многие не иманы»[265]. В приказной справке следующего, 1636 года по поводу приезда просителей из сербского Дмитриевского монастыря прямо говорится, что черных попов просителей из разных сербских монастырей в Москву пропускать не велено, а велено выдавать им милостыню в Путивле[266]. В 1643 г. приехал в Путивль от сербского печского архиепископа Паисия архимандрит печского

Вознесенского монастыря, но его с малой дачей велено было возвратить назад. Архимандрит не поехал и прислал к государю грамоту, в которой была означена разная привезенная им святыня. «Все сие, – писал архимандрит, – на почесть прислал наш святейший архиепископ Паисий вашему пресветлому царству; мы, убогие, стояли в Путивле три месяца, но Василий Петрович воевода послал нас назад, мы же стали ни туда ни сюда; а наш архиепископ стар, имеет около ста лет, и мы оставили его в турской земле в неволе, сидит в железах, ради дани впал в великий долг – долгу девять тысяч ефимков, а земля в убожество пришла от агарянского насилия, что и у вас слышно»[267]. Но царь не тронулся этими молениями архимандрита, а приказал воеводе отпустить его назад из Путивля. Причина такого пренебрежительного отношения русского правительства к сербским просителям может быть объяснена следующими соображениями: русское правительство по преимуществу благотворило грекам потому, что они постоянно доставляли ему нужные сведения «о турецких поведениях», служили ему в качестве тайных политических агентов, между тем как сербы не могли удовлетворять этому требованию, почему их и не пропускали в Москву, а наделяли милостынею в Путивле. Греки, отправляясь в Москву, всегда старались иметь при себе рекомендательные грамоты от восточных патриархов, что, как мы видели, было одним из условий для получения пропуска в Москву. Сербам таких грамот добыть было неоткуда; рекомендательные же грамоты их собственного архиепископа или митрополитов в глазах русских не имели значения, а потому их в Москву и не пропускали. Московский царь, как покровитель всего Вселенского Православия, старался благотворить по преимуществу обителям славным и знаменитым в целом православном мире, почитаемым всеми и повсюду с древних времен, а такими были обители греческие. Как прямой наследник византийских императоров, он старался благотворить по преимуществу грекам, которые, сверх того, и по своему прежнему и настоящему положению на Востоке оставались там главными представителями и хранителями Православия. Сербы же ни в

своем прошлом, ни в своем настоящем не имели ничего такого, что бы могло привлечь к ним особое внимание и расположение тогдашнего московского правительства. Наконец, на указанное отношение московского правительства к просителям сербам могли влиять и гречане, жившие в Москве, игравшие при московском дворе важную роль в деле раздачи милостыни просителям. Они были посредниками между просителями и нашим правительством, которое обращалось к ним за сведениями относительно различных восточных обителей, о лицах, приезжавших в Москву за милостынею, причем их голос и рекомендация в большинстве случаев имели решающее значение. Но гречане, естественно, покровительствовали только гречанам же, только им оказывали всевозможное содействие в деле получения милостыни от русского правительства. Ходатайствовать в Москве за сербов и сербские монастыри они не имели никаких побуждений, тем более что греки вообще крайне не любили самостоятельных и независимых от них в церковном отношении сербов и потому, со своей стороны, не только не могли содействовать установлению более близких и сердечных отношений между восточными славянами и Москвой, но, наоборот, старались поставить к тому всевозможные препятствия, чтобы направить всю русскую благотворительность на одних бедных гречан. Достигнуть им этой цели было нетрудно, ввиду того что русские смотрели на православный Восток только греческими глазами, видели в нем почти исключительно одних греков, а о славянах, их положении на Востоке, их кровном родстве и братстве с русскими, их стремлениях и симпатиях не имели почти никакого представления. Таким образом, почти до самой половины XVII века во время царствования Михаила Феодоровича русское правительство хотя и держалось некоторых правил относительно пропуска и приема просителей милостыни с Востока, но эти правила не имели общей обязательной силы закона, были как-то случайны и неустойчивы, не были никогда точно формулированы и выражены в каком-либо всем известном постановлении. Личная воля и благоусмотрение высшей власти в каждом отдельном случае всегда брали

перевес над практиковавшимся доселе правилом или, вернее, обычаем, так что отступление от этих правил со стороны самого правительства было явлением очень нередким. По своему характеру все указанные правила не имели в виду стеснить или ограничить прилив в Москву просителей милостыни, а только устранить злоупотребления царскою милостынею, найти гарантии того, что милостыня идет действительно нуждающимся, действительно пострадавшим от агарянского насилия. В этих только видах правительство требовало от просителей рекомендательных патриарших грамот, собирало о них и их обителях сведения от живших в Москве гречан, возвращало назад из Путивля лиц сомнительных или же таких, которые уже слишком часто и бесцеремонно хотели пользоваться русскою милостынею и т.п. С воцарением Алексея Михайловича правительство начинает принимать целый ряд мер в видах уже сдержать чрезмерный приток просителей в Москву, которых оно думает теперь останавливать в Путивле и там наделять их милостынею. Распоряжения в этом смысле сделаны были немедленно по вступлении на престол Алексея Михайловича, первые годы царствования которого далеко не отличались тем грекофильством, которое так сильно проявилось у него позднее под влиянием Никона. Прежде всего решено было для приездов всех имеющих царские жалованные грамоты назначить один общий срок, и притом самый длинный – именно десятилетний, чем само собою значительно сокращалось число приездов в Москву просителей. Впрочем, само правительство скоро отступилось от этой меры: уступая разным ходатайствам и челобитьям, оно снова стало сокращать сроки с десяти лет на меньшие, выдавать новые жалованные грамоты с короткими сроками, так что в конце концов эта мера никогда не была осуществлена и в последующее время к ней более не возвращались. Более важное значение имела другая мера: решено было пропускать в Москву только тех просителей, которые имели с собою патриаршие грамоты с какими-либо вестями или личные наказы от патриархов по какому-либо государеву делу. Но просители, являясь в Путивль, стали обманывать воевод, что будто бы у них есть к государю

патриаршие грамоты или личные наказы от патриархов, вследствие чего их беспрепятственно пропускали в Москву. Между тем в Москве они заявляли, что так говорили в Путивле только для того, чтоб их пропустили в Москву; грамот же патриарших и личных наказов к государю с ними нет. Таким способом пробрались, например, в Москву силистрийский митрополит Иеремия, элассонский архиепископ Иоасаф и другие. Ввиду этих злоупотреблений со стороны просителей издан был 19 октября 1646 года первый известный нам царский указ, которым предписывалось путивльским воеводам руководствоваться следующими правилами относительно отпуска из Путивля в Москву различных просителей милостыни. «Которые впредь, – говорит указ, – гречане-старцы и бельцы учнут в Путивль приезжать, а скажут у себя грамоты от Цареградских патриархов, и от митрополитов, и от архиепископов о наших делах, и ты бы (путивльский воевода) велел у них тех грамот досматривать подлинно, и которые грамоты у них будут за отворчатыми печатьми, их к нам к Москве не пропускать; а которые грамоты у них будут к нам, великому государю, за глухими печатьми, а скажут они, что писаны те грамоты об них о милостыне, и ты б велел им ждати нашего указу в Путивле, а о том писал и грамоты их прислал к Москве. А буде которые скажут, писаны те грамоты об наших делах, и ты б велел их допрашивать подлинно, о чем те грамоты писаны и то им велел выговаривать, чтоб они сказывали правду, не затевая никаких дел; и буде они едут к нам к Москве бити челом о милостыне и им, по нашему указу, милостыня будет дана в Путивле: а будет они, пролгася нашим делом, приедут к нам к Москве, а в грамотах их об наших делех ничего не объявится, и им за ту их ложь на Москве нашего жалованья, корму и милостыни не будет, и они б сказывали правду, никаких дел не затевая. Да будет по распросу, с которыми гречаны грамот к нам, великому государю, о наших делах не будет и вестей надобных не скажут, и ты б однолично таких гречан к Москве не пропускал, а писал бы вся об них к нам к Москве, а им до нашего указу велел побыти в Путивле. А буде у которых гречан будут грамоты к нам, великому государю,

греческих патриархов или митрополитов или архиепископов за глухими печатьми, а скажут впрямь, что те грамоты писаны о наших делех, а не о милостыне, и ты б с теми грамотами присылал их к нам к Москве по прежнему нашему указу»[268]. Понятно, чем был вызван приведенный указ: все более увеличивающийся приток просителей в Москве становился слишком обременительным для государственной казны, тем более что каждый проситель являлся в Москву не один, а в сопровождении нескольких сопутствующих ему лиц, набранных нередко из всякого случайного сброда. А между тем всех их нужно было переправлять из Путивля в Москву и обратно на казенный счет, кормить и поить дорогою и во все время их пребывания в Москве, что требовало от правительства очень значительных, а в то же время непроизводительных расходов. Чтобы избежать их, правительство и решается всех просителей задерживать в Путивле и здесь выдавать им известную положенную милостыню. Русь по-прежнему будет благотворить православному Востоку, только не из Москвы, а из Путивля. Но эта мера не могла быть проведена во всей строгости: наряду с простыми, обыкновенными просителями милостыни приезжали в Путивль и такие, которые привозили с собою тайные отписки разных духовных и светских особ о делах государевых, т.е. попросту политические вести. Такие просители были в Москве желанные люди, тем более что посылавшие их нередко поручали им на словах передать то, что они не успевали или опасались передать на бумаге. Таких-то нужных в Москве просителей воеводам повелевается немедленно отсылать из Путивля в Москву, сделав наперед им предупреждение, что если они обманут государевым делом и обманом проедут в Москву, то здесь им не дадут ни кормов, ни милостыни, а немедленно отправят назад, но только не на казенных, а на своих подводах. Последняя оговорка в указе: пропускать в Москву немедленно всех, которые имеют грамоты о государевых делах, и послужила той лазейкой, в которую бойко полезли смелые гречане-просители, обходя закон, удерживающий их в Путивле. Так, уже в том же году[269], когда издан был указ, явился из Варны митрополит Парфений и на

строгий допрос путивльского воеводы о цели своего приезда смело и решительно заявил, что едет к царю об его, государеве, деле, почему немедленно и был отправлен в Москву. Но здесь в Посольском приказе он заявил, что государева дела у него никакого нет, а сказал он это в Путивле для того, чтоб его пропустили в Москву; действительная же цель его поездки – ударить челом государю о милостыне, о своем великом разорении, что подтвердят и привезенные им грамоты патриарха Константинопольского и архиепископа Охридского. В Москве решились было наказать митрополита за такую ложь, как и предупреждали в Путивле воеводы: ему целых полторы недели не давали казенных кормов и питья, пока, наконец, он не обратился к царю с челобитной ради его бедности и великого разоренья пожаловать его государевым кормом и питьем. Государь сжалился над ним и велел выдавать ему корм и питье против иных митрополитов, но по меньшей статье, а затем дозволил ему видеть свои государевы очи и оделил его обычною милостынею. Таким образом, сам государь далеко не строго выполнял им же самим изданные постановления, что для просителей было прямым побуждением обходить стеснительный для них закон. Находили гречане и другие средства пробраться в Москву вопреки закону, удерживающему их в Путивле. В 1648 году в Путивль приехал города Верии Предтеченского монастыря архимандрит Дамиан и города Сервия Успенского монастыря архимандрит Феофан. На допросе Дамиан объявил путивльскому воеводе, что он имеет с собою грамоту Александрийского патриарха, но не ведает о чем, грамоту архимандрита Венедикта с политическими вестями, грамоту одного волошанина тоже о государеве деле. Архимандрит Феофан сказал у себя, кроме грамот с политическими вестями, «и вести тайные и тех-де вестей, государь, – пишет воевода, – в Путивле сказать ему не уметь, а скажет-де, государь, он, архимандрит, те вести на Москве в Посольском приказе. И я, холоп твой, – сообщает воевода, – посылал к ним архимандритам к Демьяну и Феофану гостинна двора голову Ондрея Литвинова, да съезжей избы подьячего многажды, говорить им, государь, велел накрепко: впрямь ли в

тех грамотах и в письме Исайя Остафьева (волошанина), которые грамоты и письмо послано с ними к тебе, государю, писано твое государево дело и вести, или они затевают, чтобы им теми грамотами пробраться к Москве?

И я, холоп твой, послал к ним, архимандритам, евож Ондрея Литвинова, да съезжей избы подьячего, а велел им, государь, тем архимандритам против твоего государева указу выговаривать накрепко, чтобы они сказывали правду, а ничего не затевали; а будет они, твоим государевым делом пролгався, к Москве и приедут, а твоих государевых великих дел за ними никаких не будет, а приедут для милостыни или своего дела, а им за ту их ложь на Москве твоего государева жалованья и корму и милостыни ничего не будет и вышлют их с Москвы назад тотчас на их подводах». Архимандриты отправлены были в Москву, где они действительно подали грамоты с политическими вестями, но самыми незначительными, неважными, набрать которые ничего не значило[270]. В том же году был новый случай и прямого уже обмана. 10 января приехал в Москву гревенского Преображенского Спасова монастыря архимандрит Гавриил со старцами. В Путивле он объявил воеводе, что в Москву его послал Константинопольский патриарх Иоанникий с грамотою о государевом великом деле и о вестях, да с ним же есть изустный тайный приказ от патриарха к государю о его государеве деле. В Москве же на допросе сказал, что у него грамота Цареградского патриарха Иоанникия к государю о нем, архимандрите, о милостыне, а не о государевом деле и изустного приказа с ним от патриарха о государевом деле нет. А в Путивле он сказал все это для того, что его не хотели пропустить в Москву, а они бедные, едучи дорогою, исхарчились в полтораста ефимков и для-де бедности он архимандрит сказывал за собою государево дело, чтобы их из Путивля пропустили в Москву. Им дана была обычная дача[271]. Таким образом закон 1646 года обходился или прямо нарушался просителями, к которым царь не решался приложить его во всей строгости, а потому было вполне естественно, что он вскоре по выходе теряет всякую силу, не соблюдается самим даже

правительством, которое по-прежнему начинает пропускать в Москву решительно всех просителей. В 1648 году снова указом государя подтверждается воеводам пограничным не пропускать в Москву не только просителей собственно милостыни, но уже и тех, которые привезут с собою вестовые письма, до особого распоряжения о них из Москвы. Указ воеводам говорит: «А которые они у себя грамоты скажут, или вестовые письма, или сами вестей, что скажут, и ты б те грамоты и вестовые письма у них взял и что вестей скажут, то велел записать и о том писал бы и грамоты их и вестовые письма прислал к нам к Москве с нарочными гончиками, а однолично еси никаких гречан, кто откуда ни приедет, к нам к Москве без нашего указа не пропускать»[272]. Таким образом, казалось, что этот указ окончательно отнимал у гречан всякую возможность пробраться в Москву, так как теперь и грамоты с политическими вестями не давали на это права – их нужно было наперед отослать в Москву, а вместе с ними и изустные политические вести, написав их предварительно на бумаге, и в Москве уже по этим данным решат, следует ли пропустить известное лицо в Москву или нет. Но и тут гречане нашлись. Вскоре после объявления указа явился в Путивль архимандрит янинского Успенского монастыря и заявил воеводе, что его послал в Москву Константинопольский патриарх Иоанникий с грамотою об его государевом деле и о турских вестях, о которых он, архимандрит, ничего не знает. Воевода в силу последнего указа потребовал от архимандрита грамоту, чтобы отослать ее в Москву, но архимандрит грамоты не дал, а только показал ее воеводе из своих рук и говорил, что патриарх велел ему ту грамоту отдать в Посольском приказе в Москве. Архимандрит был отправлен в Москву, где и отдал патриаршую грамоту, в которой описывалось случившееся в Константинополе землетрясение[273]. Впрочем, само правительство и теперь, как и прежде, не держалось строго своих постановлений, тем более что в Москву в январе 1649 года приехал за милостынею сам Иерусалимский патриарх Паисий, а с ним и за ним всевозможные гречане. По отъезде патриарха Паисия в том же 1649 году (июня 15 и 29 июля) указом государя путивльскому

воеводе опять предписывается: «Которые гречане старцы и бельцы приедут в Путивль для милостыни и ты б тем гречаном старцам и бельцам наше жалованье на милостину давал из наших из путивльских доходов по прежнему нашему указу, почему им давати указано и отпускал бы еси их назад откуды они приедут, а к нам к Москве никого из них не пропускал. А будет они привезут с собою к нам грамоты или какие-нибудь письма, и ты б те грамоты и письма, взяв у них, присылал к нам к Москве, да о том писал к нам отписки, и грамоты и письма велел отдавати в Посольском приказе думному нашему дьяку Михаилу Волошенинову, а тех гречан, потому ж, дав им на мил остину по указу, из Путивля отпускал назад». Посланцев же молдавского воеводы Василия и иных также приехавших для торгу с ефимками, с золотыми и иными товарами повелевается в Москву пропускать. По получении этого указа воеводы обратились к государю за инструкциями на такой случай: если приехавшие с грамотами о государевом деле тех грамот воеводам не отдадут и будут говорить, что имеют устный тайный наказ о государевых делах, как тогда поступать? Государь предписывает отбирать привезенные грамоты и отсылать их в Москву, а относительно устных тайных наказов повелевается: от привезших их требовать, чтобы они в Путивле излагали их на бумаге и запечатывали своими печатями, а воеводы будут такие отписки немедленно пересылать в Москву, если же кто из гречан упрямо будет отказываться от письменного изложения тайного наказа в Путивле, то о таком обстоятельстве сообщать государю и ждать его указа на каждый отдельный подобный случай[274]. Так происходила упорная борьба между правительством и гречанами: первое напрягало все свои усилия задержать их в Путивле и не пропускать далее, вторые употребляли всевозможные средства пробраться из Путивля в Москву и пользовались для этого всяким подходящим случаем, всякою неопределенностью и недомолвкою закона, который они всегда так или иначе успевали обойти. Так было и с последним законом, предусмотревшим, казалось, все случаи. Только что он был издан, как в Путивле появились два греческих архимандрита и

сказали, что едут к государю с тайным словесным приказом от Константинопольского патриарха о государевом деле, которого никак не хотели изложить письменно в Путивле, а требовали немедленного пропуска в Москву, куда действительно и были отправлены[275]. А за одним нарушением закона последовал, как и всегда, целый ряд других, так что закон потерял, наконец, всякое практическое значение. Тогда в 1654 году пришлось опять напомнить указ 1646 года, с таким ясным сознанием его бессилия: «И греческие власти и старцы и бельцы, приехав в Путивль, пролыгаются сказывают за собой вести надобные, а иные от патриархов и от иных греческих властей грамоты и тайные приказы, а как приедут к Москве, а за ними вестей подобных и тайных приказов нет, а грамоты привозят с собой о милостыне, а не о вестях; а государеве казне от их многих приездов в лишних кормах и подводах чинятца многие убытки». Далее указывается, что просители являются даже с подложными, составными грамотами, почему Иерусалимский патриарх прислал свою особую печать, чтобы можно было его подлинные грамоты отличить от подложных. Ввиду этого воеводам рекомендуется строже следить за просителями и не пропускать их в Москву[276]. Но в это время Московским патриархом сделался Никон, великий любитель и почитатель гречан и всего греческого. Никон взял гречан под свое особое покровительство и стал ходатайствовать об их пропуске в Москву. Его ходатайства, конечно, всегда уважались, так что наконец просители стали заявлять в Путивле прямо, что они едут к святейшему Никону, и этого заявления было достаточно, чтобы их, ради Никона, свободно пропускали в Москву. Впрочем, как слабо и нерешительно применялся указ о непропуске просителей в Москву, помимо вмешательства Никона, видно из следующего случая: в 1659 году в Путивль приехал греческий архиепископ Кирилл, которого, во исполнение указа, велено было отпустить из Путивля, наделив его здесь обычною милостынею. Воеводы по этому случаю доносят, что им в грамоте государя повелевается наделить приехавшего архиепископа и его спутников милостынею и отпустить назад, «а буде, государь, они из Путивля назад ехать

не похотят и нам бы, холопем твоим, ему, митрополиту, говорить дважды и трижды, чтобы они, взяв твое, великаго государя, жалованье, ехали из Путивля назад. Да будет, государь, они ехать назад не похотят и учнут бить челом тебе, великому государю, чтобы их отпустить к Москве, и нам бы, холопем твоим, дав им подводы и проводников и в дорогу корм, отпустить к тебе, великому государю, к Москве»[277]. В данном случае проситель уехать из Путивля назад не похотел, хотя ему в исполнение царского указа воевода говорил об этом дважды и трижды, даже посылал к нему государево жалованье на двор, но он его не брал, а настоятельно требовал отпуска в Москву, куда действительно и был отправлен. Значит, стоило только греку несколько заупрямиться и не ехать назад, стоило только не обращать внимания на убеждения воеводы, на существующий закон о пропуске просителей, и он благополучно, на казенных подводах и на полном содержании, провозился к Москве. С удалением Никона для гречан в Москве настало самое золотое время: они стали для правительства нужными, желанными людьми, дельцами, руководителями, посредниками. Они во все вмешиваются, все устрояют, всюду хозяйничают, все прибирают к своим рукам. О каком-либо ограничении доступа для них в Москву в такое жаркое время, конечно, не могло быть и речи, хотя государственная казна и была истощена вконец. Старые указы о непропуске просителей в Москву были решительно забыты, а каких-либо новых распоряжений в этом духе не делалось. Только уже в 1671 году, 29 марта, государевым указом подтверждалось прежнее распоряжение о непропуске в Москву духовных особ без жалованных грамот, о пропуске с жалованными грамотами только в назначенные сроки, о пропуске лиц, едущих с государевым делом, не иначе как с высочайшего всякий раз разрешения[278]. Так все время царствования Алексея Михайловича прошло в непрерывных колебаниях относительно пропуска в Москву просителей. Был издан целый ряд указов, которые сейчас же нарушались и просителями и самим правительством, почему они и не имели никакого практического значения, так что дела шли прежним порядком или, вернее, без всякого определенного порядка.

С воцарением Феодора Алексеевича, воспитавшегося под влиянием лиц антигреческого направления, для гречан наступили было самые тяжелые времена – им окончательно воспрещен был въезд в Москву, потому что, как говорит указ, ранее «приезжали греческие власти из Палестин, а с собою привозили многоцелебные мощи и чудотворные иконы, а их братья торговыя гречаня самые знатные люди и привозили с собою золото, серебро и узорочные каменья, а локотные дорогие товары самые добрые, а винной и табашной продажи, и воровских составных писем и в товарех утайки и никакого дурна за ними, опричь торгу, не бывало; а ныне духовного чина никто не приезжает, а они, гречаня, учали приезжать самые молодчие люди и не для прямаго торгу; а буде у которых объявятся товары, и те худые, и в запанех и в иных вещах вместо алмазов и иных узорочных камней подделанные стекла, а золото и иных дорогих товаров, как наперед сего бывало, привозить не учали; да из них многие учали воровать, товары привозить тайно, для кражи пошлин, а иные подделывали заочно кабалы, и торгуют вином и табаком, и в том во всем многие обличены и в корчемных делех были многажды»[279]. А так как много греков почти постоянно жило в Москве, то «в нынешнем во 185 году сентября в 10 день великий государь указал и бояре приговорили: гречан всех, которые на Москве, выслать в свою землю и впредь им приезжать и всякими товары торговать в Путивле, во всем против того, как было со 155 года, а к Москве им ездить не велено»[280]. Таким образом, не только Москва была очищена от греков, но и всякий доступ им внутрь России был безусловно воспрещен. Так, казалось, готовы были прерваться вековые сношения России с православным Востоком, Русь как бы отказывалась от своего исторического призвания, от вековой роли благотворительницы и покровительницы православных. Но такой разрыв был слишком насильственен, шел вразрез вековым традициям, был неудобен и невыгоден для самой России во многих отношениях и потому не мог быть продолжителен. Неудобства прекращения сношений с Востоком особенно были ощутительны в церковной сфере, где в это время возникли горячие прения по разным вопросам,

порешить которые в известном смысле было гораздо легче, опираясь на авторитет восточных патриархов, который всегда был готов явиться к услугам Московского патриарха. Предстояло затем решить важный в церковном и в политическом отношении вопрос о присоединении Киевской митрополии к Московскому патриархату, чего опять нельзя было сделать без согласия Константинопольского патриарха, которого при добрых с ним отношениях можно было склонить на уступки теми или другими средствами. Нечужда была, как некоторые утверждают, патриарху Иоакиму и мысль о церковном подчинении всех православных славян Московскому патриарху, чего достигнуть можно было не иначе как с помощью опять-таки добрых отношений к восточным патриархам и ко всем угнетенным православным народностям. Да и вообще та внимательность, то уважение и почтение, хотя бы только внешние и формальные, какими пользовался Московский патриарх со стороны своих восточных собратьев, та угодливость и заискивание перед ним всевозможных греческих иерархов зависели и происходили исключительно от того обстоятельства, что русское правительство благотворило Востоку. С помощью милостыни Русь крепко держала в своих руках влияние на восточных патриархов, а через них и на других просителей и на весь православный Восток – выпускать эту уже веками созданную силу из своих рук было бы крайне неразумно не только в церковном отношении, но и в политическом. В это время Русь сделалась непосредственной соседкой Турции и между ними явилось множество недоразумений, за которыми естественно должно было последовать враждебное столкновение. Разумно ли было теперь разрывать сношения с православными, подчиненными Турции народностями, открыто симпатизировавшими России; время ли было из-за мелких плутней и обманов гречан уничтожать те народные симпатии, которые Русь уже успела приобрести благодаря своей вековой благотворительности у разных православных национальностей Балканского полуострова? Теперь следовало пожинать то, что ранее сеяло и возращало московское правительство, собирать плод, а не уничтожать его, не бросать как негодный. Так

посмотрел на это дело, так понял его Московский патриарх Иоаким и решился уничтожить, отменить постановление, запрещавшее приезд в Москву просителям милостыни с Востока и греческим купцам для торговли в Москве. «186 года, марта в 18 день, бил челом великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцу великий господин святейший Иоаким, патриарх Московский и всеа Русии: в прошлом во 184 году по его, великаго государя, указу досланы его, великаго государя, грамоты в порубежные города: в Путивль и в Севск и в иные, велено греческих властей митрополитов и архиепископов и архимандритов для милостыни и гречан к Москве с полонянники и с товары не пропускать, а приезжать им греком и торговать в тех порубежных городех. И великий государь пожаловал бы его, повелел греческих монастырей властей, которые по жалованным предков его государских, великих государей и великих князей российских и отца ево государева, блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Алексея Михаиловича всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца, грамотам учнут приезжать, также и греков православные христианские веры в Московское государство пропускать по-прежнему, потому что власти приезживали в Московское государство со святынею, а греки привозят единоверных православных христиан, которые пребывают в бусурманской неволе, полонянников и всякие узорочные товары. И великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержец, по челобитью и прошению великаго господина святейшаго Иоакима патриарха Московскаго и всеа Русин, пожаловал, для единые православные христианские веры и для свобождения из бусурманских рук православных христиан, которые побраны на разных боях, указал: греческие палестины пестрым и черным властей по жалованным грамотам, в указной год, с причетники их приезжать, а гречан с окупными полонянники и с товары пропускать против прежняго, а заповедных товаров не провозить и о том из Посольскаго приказу в порубежные города: в Киев и в Нежин и в Путивль и в

Севск и к гетману послать с сего его, великаго государя, указу грамоты», причем воеводам настоятельно предписывается всячески наблюдать, чтобы ни под каким видом не пропускать на Русь таких лиц, которые приехали из мест, зараженных моровым поветрием[281]. Таким образом, благодаря вмешательству и настоянию патриарха Иоакима снова восстановлена была связь России с православным Востоком, все имевшие жалованные грамоты русских царей по-прежнему свободно, в указанные им сроки могли являться в Москву за получением обычной милостыни, греческие купцы свободно могли везти свои товары в Москву, Русь по-прежнему выступила как покровительница всех православных.

Во время управления царевны Софии не только не издавалось никаких распоряжений, стеснительных для просителей[282], но их всегда встречали в Москве особенно радушно и щедро одаряли. Это объясняется тем, что Софья хотела явить себя Востоку действительною православною царицею, пекущеюся о поддержании и процветании святых мест, столь дорогих для каждого христианина; она хотела своим широким покровительством угнетенному на Востоке Православию сделать свое имя славным и популярным среди восточных христиан, приобрести их симпатии, чтобы при случае воспользоваться ими для своих честолюбивых целей.

При Петре Великом издан был относительно просителей с Востока целый ряд постановлений, имевших в виду, с одной стороны, ограничить приезд просителей только теми лицами, которые имели у себя жалованные грамоты, с другой стороны, оградить Россию от приездов в нее самозваных и всех вообще подозрительных просителей милостыни. Так, в 1700 году велено было пропускать через рубеж только тех духовных особ, которые имеют у себя жалованные грамоты, без которых въезд в Москву просителям решительно воспрещался. Когда поэтому в 1702 году явился в Севск игумен одного из сербских фрушских монастырей, чтобы проехать в Москву, то был задержан воеводою и отпущен им в Москву только после получения специального приказа: пропустить игумена «для уведомления нынешнего в Турской земле состояния»[283]. В 1705 году

предпринимается относительно просителей новая мера: указом 26 февраля повелевается пограничным воеводам пропускать в Москву только тех палестинских особ, которые будут иметь у себя подорожные от константинопольского русского посла Толстого, а из Москвы не пропускать за рубеж тех просителей, которые не будут иметь у себя паспорта, выданного из Посольского приказа[284]. В 1708 году велено было переписать всех гречан, живших в Москве[285], и с них взята была сказка, под угрозой смертной казни, чтобы им без указа государя и не взяв из Посольского приказа подорожных грамот «тайно и воровски с Москвы не уехать»[286]. В августе 1718 года состоялся новый царский указ, которым повелевается из восточного духовенства пропускать в Россию за милостынею только тех, которые привезут от своего патриарха свидетельственную грамоту, а с одними жалованными грамотами или с грамотами от братии монастыря в Москву никого не пропускать[287]. В 1723 году русский константинопольский резидент Иван Неплюев доносил в Коллегию иностранных дел, что Портою через волошского владетеля посланы в Россию шпионы греческого закона попы и чернецы под видом просителей милостыни в монастыри, чтобы высматривать войска и прочие военные приготовления[288]. Ввиду этого донесения русского константинопольского резидента состоялся сенатский указ с подтверждением воеводам порубежных городов присматривать за приезжими духовными лицами, подвергать их строгому допросу и пропускать только имеющих жалованные грамоты, а также свидетельственные от своих патриархов. Состоялся по этому поводу и синодский указ в видах ограждения России от разных обманщиков, «которые приходят из Греции и Турции в таком образе якобы просить или в монастыри собирать милостыню и ходят под видом святыни, а являются в них большая часть безверников». Синод посылает ко всем архиереям распоряжения, «дабы во всех местах надлежащее о оном предостерегательстве учреждение учинено было».

Наконец, Петр решился ввести определенный порядок и отчетность в расходовании сумм на просителей. До последнего времени русское правительство затрачивало на просителей

значительные суммы, но сколько именно, оно этого не знало. Вся благотворительность Востоку была только личным делом государя, к которому исключительно обращались со своими челобитными просители, каждая их просьба всегда представлялась на личное усмотрение государя, который повелевал выдать просителю столько-то. Правда, держались в этом отношении установленной практикою нормы, но это не было делом обязательным, на каждый данный случай возможны были отступления, изменения, иногда зависевшие исключительно только от личного настроения государя в данную минуту. Поэтому милостыня Востоку как только личное дело государя могла быть прекращена и вовсе, если государь почему-либо не считал нужным продолжать ее, от благоусмотрения государя зависело усилить благотворительность или ослабить – ничего прочного, раз определенного в этом отношении не было, вся благотворительность носила какой-то случайный, неустойчивый и беспорядочный характер. Очевидно, чтобы внести в раздачу милостыни просителям некоторую правильность, определенность и отчетность, требовалось наперед определить количество суммы, которую правительство ежегодно могло затрачивать на дачу милостыни просителям, определить, кто именно и когда может и должен являться за милостынею: передать раздачу милостыни в ведение какого-либо учреждения, которое, как и всякое учреждение, подчиненное контролю и отчетности, должно во всем руководствоваться раз определенными правилами. С этою именно целью Петр Великий велел передать заведывание раздачею милостыни в руки Святейшего Синода, приказав ему составить относительно раздачи милостыни определенные штаты. Но указ об этом, подписанный Петром, был издан уже Екатериною Первою 29 апреля 1725 года в следующей редакции: «Приезжим из Палестины архиереям и иным духовным особам, которые приезжают по жалованным грамотам в указные годы, по подписанию блаженныя и вечно достойныя памяти его императорскаго величества собственною рукою на докладном от иностранной коллегии реэстре декабря 22 дня 1724 года,

ведомым быть в Синоде и жалованье давать им из доходов, которые в сборе быть имеют с вотчин дома святейшего патриарха, кроме подушных денег; и велено в конторе Коллегии иностранных дел сделать окладную книгу о приезжих духовных особах, которые приезжают из Путивля и из других краев с жалованными грамотами для милостыни, поскольку в который монастырь и которого года по жалованным грамотам велено приезжать для милостыни и почему в который монастырь послать жалованья, и тем духовным особам, что на приезде и на отпуске жалованья (следует давать), и о поденном им корме и о питье и на прогоны, и прислать оную роспись в С.-Петербургскую коллегию иностранных дел для отсылки в Синод»[289]. Таким образом, с 1725 года все просители милостыни перешли из ведения Коллегии иностранных дел в ведение Святейшего Синода, который стал заведовать также распределением и раздачею милостыни просителям, для чего в исполнение указа Петра Великого, изданного Екатериной Первой, уже при Анне Ивановне Святейшим Синодом и составлены были так называемые палестинские штаты, точно определившие, кому, когда и сколько следует давать милостыни.

В заключение обзора правительственных мер и постановлений относительно просителей милостыни за различное время нелишне будет заметить, что и до настоящего времени практикующийся обычай разрешать просителям милостыни делать сбор пожертвований по книжке в разных местах России впервые введен при Петре Великом, когда стали давать разрешение просителям собирать пожертвования или по всей России, или в одной только Москве, записывая каждое пожертвование в данную книжку. При этом сборщику милостыни предписывалось, чтобы он, «будучи в Российском государстве, требовал милостыни от православных кафолического исповедания христиан, кто что доброхотно по усердию своему даст, о чем и прошение предлагали бы словесное, с надлежащею учтивостью, без стужения, а письменными просьбами никого не утруждали, к от иностранных бы персон, т.е. от папистов, лютеров и кальвинов, в России обретающихся,

никакой себе дачи, никакими виды отнюдь не домогалися, ибо от оных не другого чего к пользе церковной, но токмо нарекания для посмеяния православных можно надеяться, чего ради оным просителем и просьбу свою одним только православным предлагать, и подаваемое от них в книги записывать имянно без всякой утайки, и по окончании того сбора книги при доношении своем к объявлению предложить в Святейшем Правительствующем Синоде безотлагательно»[290].

Глава 7. Восточные патриархи, митрополиты, архиепископы и прочие как политические агенты русского правительства с конца XVI и до начала XVIII столетия

(Со времени приезда в Москву Константинопольского патриарха Иеремии восточные патриархи делаются тайными политическими агентами русского правительства. Наши константинопольские послы правительственными инструкциями ставились в зависимость от восточных патриархов, которые помогают им своими связями, советами, сведениями, руководят ими в затруднительных случаях и сообщают об их деятельности те или другие отзывы нашему правительству. Патриархи посылали на Русь и особые отписки от себя с разными политическими вестями. Побуждения, заставлявшие восточных патриархов служить русскому правительству, и те опасности, которым они ради этого подвергались. Служба русскому правительству других политических агентов. Какого рода вести сообщали нашему правительству его тайные политические агенты в Турции. С начала XVIII века служба восточных патриархов и других греков как тайных политических агентов нашего правительства прекращается навсегда.)

Когда в Москву как новую столицу Православия из всех стран порабощенного турками православного Востока стали стекаться всевозможные просители милостыни, тогда у русских естественно возникла мысль воспользоваться этим, чтобы получать от приезжих просителей сведения о том, что делается в тех странах, откуда они вышли и через которые они проезжали. При тогдашней замкнутости и отчужденности русской жизни нашему правительству неоткуда было получать постоянных и непрерывных сведений обо всем, что делается у соседей, а между тем такие сведения для него были в высшей степени важны и необходимы. Этой насущной потребности как нельзя более могли удовлетворять просители милостыни, приезжавшие из разных концов Востока, на котором в то время и сосредоточивались все самые главные и существенные

интересы России. В этом отношении особенно были пригодны греки, народ юркий, ловкий, бродивший по всей Европе, способный все выведать и разузнать и действительно хорошо знавший, где что делается. Утилизировать эту сторону своих сношений с православным Востоком было так естественно для нашего правительства, что уже с конца XVI столетия (когда всеми делами стал заправлять Годунов) путивльские воеводы должны были допрашивать каждого приехавшего, откуда и когда он выехал, через какие земли проезжал, нет ли где войны, морового поветрия и т.п. В Москве приехавший обязан был прежде всего явиться в Посольский приказ и здесь обстоятельно рассказать, что он сам видел или слышал от других обо всем, что делается в тех странах, через которые он проезжал, пробираясь в Москву. Так как не привезший никаких вестей в Москву обыкновенно не пропускался, а получал милостыню в Путивле, то все просители, хорошо зная это обстоятельство, всячески старались, отправляясь в Москву, добыть на пути разные вести, и чем важней и обстоятельнее они были, тем вернее просители могли рассчитывать на скорый пропуск в Москву и на получение здесь более щедрой милостыни. Правда, что вести, привозимые просителями, иногда были очень мелочны, неважны, случайны и не всегда достоверны, так как составлялись нередко на основании слухов, народной молвы и т.п., но при невозможности получать нужные сведения другим путем и эти вести просителей были очень важны для нашего правительства, тем более что они шли от многих разных лиц и потому допускали взаимную проверку, недостатки показания одного просителя восполнялись и исправлялись показаниями другого. А так как поток этих вестей никогда не прерывался и все показания тщательно записывались, то на основании их нашему правительству являлась возможность следить из Посольского приказа за ходом событий, имевших место в Турции, Молдавии и Валахии, в Сербии, в Крыму, в Польше, у казаков, т.е. в тех именно странах, которые для тогдашней России имели особенную и преимущественную важность.

Для той же самой цели – получения достоверных и своевременных вестей обо всем происходящем на Востоке, наше правительство прибегло и к другому способу, более совершенному и верному, чем первый. Не довольствуясь случайными и отрывочными сведениями случайных просителей милостыни, оно постаралось обратить некоторых из них в особых, специальных агентов, которые бы и в Константинополе помогали своими сведениями и связями нашим послам, и на Русь бы нарочно писали обо всем, что делается в Турции и других странах и что в каком-либо отношении важно было знать, и притом своевременно, московскому правительству. Это дело скоро устроилось, так как разные гречане, заметив, как сильно русские дорожат всякими идущими с Востока вестями, сами стали заявлять свою готовность поступать на тайную службу к православному царю, который к тому же готов хорошо платить за такую службу. Уже с конца XVI века и особенно в XVII московское правительство обзаводится в Турции довольно многочисленным штатом тайных политических агентов из гречан, которые внимательно следят за всем, что делается в Турции, и обо всем, что узнают, немедленно уведомляют русское правительство через особые вестовые письма, пересылаемые на Русь с верными и надежными людьми. В ряду этих тайных русских политических агентов первое место занимали патриархи, по преимуществу Константинопольские и Иерусалимские, а затем следовали разные митрополиты, архиепископы, архимандриты, иеромонахи, учители и простые бельцы-гречане.

Политическая тайная служба восточных патриархов русскому правительству началась со времени приезда в Москву Константинопольского патриарха Иеремии. Уже ранее наши послы в Константинополе видались с тамошними патриархами, но каких-либо политических сношений с ними не имели. Так, например, великий князь Василий Иванович, посылая в 1515 году Бориса Голохвастова послом в Константинополь, наказал ему по окончании всех государевых дел сходить к патриарху и сообщить ему, что посланный от него в Москву за милостынею зихновский митрополит Иосиф скоро воротится с княжескою

милостынею и чтобы патриарх молил Бога о здоровье князя и обо всем православном христианстве. О каком-либо наказе послу советоваться с патриархом о государевых делах, как это делалось впоследствии, нет и намека[291]. Иван Васильевич Грозный, посылая на Восток архимандрита Феодорита, дает ему тайный наказ разведать, «с кем турецкий султан в миру и с кем не в миру, и с патриархом в доверенных беседах, как бы нечаянно, поговорить о том, какие есть намерения у турок, и все сие сохранить у себя в величайшей тайне». Очевидно, что Грозный смотрел на Константинопольского патриарха еще как на человека, совершенно чуждого политическим интересам России. Но подобное положение дел при постоянном обращении патриархов на Русь за милостынею не могло продолжаться долго: между ними сами собою должны были возникнуть более близкие и интимные отношения, от которых обе стороны могли только выиграть. Русское правительство скоро увидало, что Константинопольские патриархи, как живущие в столице султана и имеющие связи и знакомства среди высших правительственных лиц Турции, могут при случае оказать содействие нашим послам своими знаниями и советами, могут благодаря своим связям так или иначе влиять, в интересах России, на турецких пашей, могут при случае сообщать русскому правительству нужные и драгоценные для него сведения о положении дел в Турции. Единому теперь православному царю естественно было ожидать подобных услуг от первейшего представителя православной Церкви, тем более что патриархи, постоянно присылая к московскому царю просительные грамоты о милостыне, в то же время всегда выражали в них свое крайнее отвращение к безбожным агарянам и свои горячие симпатии к России. Ввиду этого естественно было думать русским, что Константинопольские патриархи не прочь будут и делом посодействовать успехам московского правительства в его сношениях с турками, от которых они так много терпят и которых так ненавидят. Приезд в Москву Константинопольского патриарха Иеремии дал нашему правительству прекрасный случай вступить в непосредственное соглашение с патриархом. При личном свидании с Борисом

Годуновым Иеремия рассказал ему о крайне бедственном положении Константинопольской Церкви и затем, конечно по просьбе Годунова, сообщил ему разные политические вести, какие он узнал, проезжая через Польшу, и в заключение прибавил, что «есть у него некоторые речи тайные. И Борис Федорович выслушал их вкратце». Но этим дело не ограничилось. Годунов постарался войти с Иеремиею в более близкие отношения и даже заключил с ним какой-то тайный договор. В переписных делах Посольского приказа 1626 года[292] значится: «Книжка и договор Еремея патриарха с боярином Борисом Федоровичем Годуновым 96 году и поставление на патриаршество Иова и новгородского митрополита Александра – оболочена белою кожицею». Этот договор, как есть основание думать, состоял в том, что Иеремия обязался Годунову присылать политические вести из Литвы и Польши, через которые он должен был проезжать, а затем, по приезде в Константинополь, во всем помогать и советовать нашим послам в их сношениях с турецким правительством. Такое соображение подтверждается следующим: когда Иеремия возвращался из Москвы, то на рубеже его догнал царский гонец с царскими подарками и с письмом от Годунова, в котором тот писал Иеремии: «А как будешь в Литве и ты б, государь, проведал про Максимилиана про Цысарева брата, где ныне и каким обычаем живет, в польской ли земле и ныне, или отпущен, по которому договору; также бы еси и того проведал, укрепился ли свейской королевич на короне польской и на великом княжестве литовском и на какове мере утвердился, и что его вперед умышленье с государем нашим, а проведав о том, еси о всем подлинно отписал, с кем возможно, и послал бы еси письмо, написав о вестех тайно, закрыто, своего святительского имени и моего ни в чем не объявив. А как даст Бог, будешь в царствующем граде, и ты б о своем приезде, каков приезд твой будет и что вестей всяких будет во Царе-городе и как ныне держит Мурат-салтан, и нет ли розни в пашах, и насильства христианству лишнего нет ли, и с кем ныне султану турскому война, и внове с которым государством – с фряскими людьми и с кисильбашибой рать какова была ль, и чего вперед чаять – о

всех делех отписал бы еси и словом наказал, кого пошлешь своего верного к благочестивому царю, чтоб о всем государю нашему благочестивому царю было в ведоме, а яз, тебе государю своему, много челом бью». Такой наказ давал Годунов патриарху Иеремии, конечно, потому, что тот, будучи в Москве, согласился сделаться тайным политическим агентом московского правительства. Согласие Иеремии на такую службу московскому правительству подтверждается и его ответным письмом Годунову. «Которую грамоту прислал ко мне, – писал Иеремия, – и яз ее прияхом, и видел все и выразумел подлинно, и о том, Бог даст, искусно отпишу, как всякое дело было про Максимилиана и про брата его Рудольфа и о свейского короля сыне, о литовском короле, о всем, что у них ни было. Да которые грамоты пошлю отселе в честные твои руки, и ты прикажи воеводам смоленским и черниговским, которые и вперед грамоты и людей своих пошлю, и они бы отсылали тебе, государю... А о том даю ведомость тебе государю: в Opine слышал есмь подлинно, что Максимилиана отпустили, а с королем ели и пили, да и помирилися, а которая харчь ни сделана, то все пропало; а про татар нигде не слыхать, а король в Вильну будет часа того, да и вперед к тебе, ко государю, о всем отпишу»[293]. Когда в 1592 году в Константинополь отправлен был послом Григорий Афанасьевич Нащокин, то ему дан был особый наказ во всем советоваться в Константинополе с патриархом Иеремиею и с тырновским митрополитом Дионисием, который в бытность свою в Москве вызвался служить государевым послам. Наказ именно повелевает послам по прибытии в Константинополь напомнить патриарху и митрополиту об их обещании служить государю, чтобы они «государю служили и Мурад-салтана на всякое добро наводили, чтоб с государем, царем и великим князем Салтан похотел быти в крепкой дружбе и в любви, и их бы, посланников, отпустил к государю с добрым делом, и с ними вместе слал бы ко государю своего посланника, ближнего человека. «И буде, – говорит наказ, – патриарх Иеремей и митрополит Дионисий учнет государю служити и учнет буде у них списка с грамоты государевы просити, какова послана к

Салтану, чтоб им ведати государево дело, чем промышлять, и Григорью и Ондрею список государевы грамоты, каков с ними послан к Салтану, патриарху и митрополиту дати, а отослати к нему тайно с толмачем или его человеком и приказати к ним, чтоб они тот список держали у себя тайно, никому не объявляли, а сами его вычетчи, потому и государевым делом промышляли». Нащокин в Константинополе действительно советовался с патриархом Иеремиею и действовал в некоторых случаях по его указаниям. Так, прибыв в Константинополь, он по обычаю одарил визиря назначенными ему подарками, но оказалось, что этот визирь подвергся опале и был заменен другим, так что подарки пропали даром. В таком затруднительном положении посол обратился за советом через тырновского митрополита к патриарху, как ему поступить в этом случае: следует ли давать подарки и новому визирю? Патриарх велел сказать послу, что здешние люди корыстолюбивы и старый паша (новый визирь) может сделать все, что ни захочет, так как султан его слушает, «и вам бы его однолично почтить гораздо, чтобы он в чем государеву делу порухи не учинил». Нащокин поступил по совету патриарха[294].

В лице Иеремии и другие патриархи, преемники Иеремии, поступили на службу к русскому правительству в качестве его тайных политических агентов, получая за свои услуги определенное вознаграждение от нашего правительства под видом милостыни. Такие отношения настолько были выгодны и естественны для обеих заинтересованных сторон, что после короткого перерыва их в течение Смутного времени у нас они немедленно восстановляются. Михаил Феодорович, вступив на престол, сейчас же посылает к Константинопольскому патриарху грамоту, в которой, извещая его о событиях Смутного времени и своем воцарении, пишет: «О наших государских делах прошу радеть и брата нашего Ахмет Салтанова величества пашам и ближним людям говорить и напоминать и о наших делех с радением промышлять, и мы, великий государь, ваше архиерейство нашим жалованьем не будем забывать». Определение взаимных отношений было очень ясное: патриарх обязывался всеми зависящими от него средствами служить

перед турецким правительством интересам России, с радением промышлять о государевых делах, а царь обещает ему за это свое жалованье – милостыню, которая таким образом в известной степени была только платою за политические услуги. Так эти отношения понимались нашим правительством и в последующее время. В 1660 году, например, государь, извещая Константинопольского патриарха Парфения о посылке ему милостыни, в то же время просит его в своей грамоте о царе, царице, царских детях «Бога молить соборне и келейне и о наших государских делех радети и ведомо нашему царскому величеству чинити и у нас, великого государя нашего царского величества, и впредь ваше святительство в забвении не будет»[295]. Радение патриархов в государевых делах должно было прежде всего выразиться в содействии нашим константинопольским послам в их сношениях с турецким правительством. В 1632 году Филарет Никитич писал Кириллу Лукарису: «Послам нашим велели приходить к вам и в делех с вами совещаться и обо всем докладывать, чтоб в наших делах им помощь чинили». В 1634 году государь, извещая Кирилла Лукариса о смерти Филарета Никитича и об избрании Московским патриархом Иоасафа, просит его порадеть и вразумить послов наших, как бы они лучше могли навести султана на мысль, чтоб он в своих грамотах к русскому царю его титул и именование писал без умаления для его чести[296]. В 1667 году с послом Нестеровым Алексей Михайлович писал Иерусалимскому патриарху Нектарию: «Да мы же, великий государь, наше царское величество, приказали послом нашим, будучи во Царегороде, приходити к вашему святительству к благословению и о наших государских делех, о чем доведетца, вам докладывати, и вашему святительству тех наших царскаго величества делех порадети и мысль своя послом нашим подавати, а мы, великий государь, наше царское величество, и впредь ваше святительство в забвенье пола-гати не будем»[297]. В июле 1681 года патриарх Иоаким писал Иерусалимскому патриарху Досифею, что в Константинополь отправлен послом окольничий Илья Иванович Чириков, «и ежели сей посол востребует от твоего святительства какова вспоможения, о чем

он от царского величества послан, слова потребного или доброго совета, ради любви Христовы, яко ведущий тамошния обычаи, ему помощь в том творити»[298]. В 1702 году Петр Великий писал от себя тому же Иерусалимскому патриарху Досифею: «Се посылаем тамо посла, нашего ближняго нашего стольника Петра Андреевича Толстова, которому указали, чтобы, будучи ему тамо, советы свои приобщил с блаженством вашим, как и прежние наши послы, будучи там, учинили; а от блаженства вашего желаем, дабы к тому послу нашему был еси во всяких приключающихся ему делах способник и делом и словом, елико возможно. И того ради пространнее о том на письме отповеди не пишем ко блаженству вашему, понеже указали ему про всякие дела наши объявити словесно и советовали об них, как лучше можно быти и как Бог наставит блаженство ваше, так и учини, против святого своего прежнего обычая. А мы в том не токмо не сумневаемся, но надеемся, что блаженство ваше тому послу нашему будешь во всех делах советник и искренний помощник, и о делех тамошних случающихся желаем от блаженства вашего, дабы всегда, чрез того же посла нашего, изволил к нам писати и объявляти, а у нашего царского величества тое радение и прилежание к нам блаженства вашего зело приятно и незабвенно будет»[299].

Таким образом наше правительство желало и требовало от восточных, по преимуществу Константинопольских, патриархов, чтобы они были советниками и руководителями наших послов в их сношениях о делах государевых с турецким правительством, оказывали помощь и содействие во всем, что от них потребуют наши послы. Согласно с этим наше правительство и наделяло своих константинопольских послов такими инструкциями, которые вменяли им в непременную обязанность обо всем советоваться с патриархами и во всех затруднительных случаях поступать по их указаниям. Так, например, в 1664 году в инструкции послам Афанасию Нестерову и дьяку Ивану Вахрамееву говорилось: «А буде им послом Афонасию и дьяку Ивану доведется о каких делех говорить с визирем и с пашами, а визирь и паши будет им быти вскоре у себя не велят и тех дел, выслушав у них, и до Солтана доносить вскоре не похотят,

или им учнет чинитца какое безчестье и теснота – и послом спрашиватись о том о всем с патриархом Парфением, буде он благочестив и к великому государю радетелен, и чаять в нем правды; и что патриарх им прикажет и о чем посоветует, то им и учинить, и говорить патриарху, чтоб он царского величества о делех промышлял, визиря и пашей и ближних людей, которые ему дружны, наговаривать на всякое добро, чтоб они меж великого государя, его царского величества, и великого государя своего Магмет Салтанова величества о всяком добре радели и Солтана на всякое добро наводили, чтоб впредь меж ими, великими государи, братская любовь и дружба и ссылка была крепка и неподвижна. И приходити им к патриарху для благословения и для спросу почасто, и будет патриарх учнет их спрашивать, для какого они дела от царского величества к салтану посланы, и послом сказать, что они присланы от царского величества к Магмет Салтанову величеству о брацкой дружбе и о любви, чтоб им государем быть в брацкой дружбе и в любви по-прежнему неподвижно»[300]. В 1631 году послы Илья Иванович Чириков и дьяк Прокопий Возницын отправились в Константинополь, получили такую инструкцию от правительства, что если визирь и паши, переговорив с ними о деле, вскоре им быть у себя не велят и не захотят доложить султану, или им «учнет чинитца какое безчестие и теснота», то «послам о той своей тесноте объявить святейшему патриарху и просить у него совету, как он им ко отраде той их тесноты мысль свою подаст, чтоб визиря и ближних людей привести на любовь. И приходите им к патриарху для благословения, усмотри время, как прилучитца, чтоб на него и на себя тем не навести от салтана и от визиря нелюбья»[301].

Поставленные прямыми инструкциями в зависимость от патриархов, наши константинопольские послы действительно во всех затруднениях прибегали к совету патриархов и поступали уже по их указаниям. Так, например, посол Андрей Петрович Совин (1630 г.) доносит правительству, что случилась смена визиря и других сановников при Порте и что вновь назначенные сановники прислали к нему переводчика с просьбою подарков. Послы сказали переводчику, «что у них соболей нет, а что

прислано было, и те соболи розданы визирям и пашам и приказным людям, а ныне им соболей взять негде», но переводчик настаивал на своей просьбе. Тогда послы обратились за советом к русскому тайному агенту Фоме Кантакузену, как им быть в этом случае, ибо они опасаются, что если не дадут новым турецким сановникам просимых ими соболей, «то от них государеву делу поруха будет». Фома отослал их к патриарху Кириллу Лукарису, которому послы и заявили о своем затруднительном положении, «как он о том придумает, а по государеву цареву... и отца его... указу велено им послом о всяких делех его Вселенского патриарха докладывать и советовать с Фомою Кантакузиным». Патриарх нашел необходимым удовлетворить просьбы турок и посоветовал им немедленно занять на это денег при его содействии и посредничестве, так как у него самого в казне денег нет, ибо на его место подкупился было веррийский митрополит, ради чего ему и пришлось задолжать 25 000 рублей. Послы, с патриаршего ведома и посоветовавшись с Фомою, денег на соболиную покупку заняли и ими удовлетворили турецких чиновников[302]. В 1700 году наши послы Емельян Украинцев и Иван Чередеев, отправляясь из Константинополя, получили предложение от турецкого правительства оставить кого-либо из членов посольства в Константинополе. Не имея на такой случай инструкции от своего правительства и не понимая цели небывалого доселе предложения турок, послы обратились к Иерусалимскому патриарху Досифею, что «желают от него, святейшаго патриарха, о том благаго совета, как им в том поступить». Досифей объяснил послам причину, почему турки желают удержать в Константинополе одного из членов русского посольства, и посоветовал исполнить их желание. Тогда посланники заявили, что ввиду нужды, «а паче ж по совету его, святейшаго патриарха, оставляют в Константинополе дворянина Лаврецкаго и с ним подьячего», и били челом, чтобы он, святейший патриарх, «в нуждах и во всяких требованиях ево не оставил и был к нему милостив, якоже к ним посланником». Досифей, со своей стороны, заявил, что «Семену (Лаврецкому)

в желаниях ево всякое вспоможение чинить ему будет, только-де он, Семен, в чем ему прилучитца, советывал бы с ним святейшим патриархом и поступал бы по его приказу». И посланники сказали, что он без его совета ничего собою делать не будет и такое его патриаршеское милостивое обещание великому государю, его царскому величеству, донесут»[303]. Иногда наши посланники прямо обращались к патриархам с требованием, чтобы они сказали им все о замыслах турок и сообщили им все сведения, какие только они, послы, от них потребуют. Посол Афанасий Поросуков (1677 г.) в своем статейном списке рассказывает, что после торжественного и официального представления Константинопольскому патриарху он явился к нему в другой раз тайно, ночью, и говорил патриарху, чтобы он, «видя к себе великого государя, его царского величества, милостивое жалованье, объявил ему, Афанасью, о замыслах Султана турского втайне». Патриарх заявил Афанасию, что он желает государю всякого добра, как себе царствия Божия, и о замыслах неприятеля креста святого ему, Афанасью, объявляет». Затем патриарх говорил, что султан турецкий, «имея чрево свое бусурманское ненасыщенное», думает присоединить к себе владения Дорошенки Петра, а потом овладеть и всей Украиною; сообщает потом о количестве предполагаемого турецкого войска, о тех местах, через которые оно пойдет на Украину, и т.п. «И святейший патриарх, – доносит посол, – с прошением говорил, чтобы великий государь, его царское величество, церквей ради Божиих и веры христианской, Чигирина и Украины в сторону салтана турскаго не уступал, а если великий государь Чигирин уступит, тогда не токмо Малой России, но и государству Московскому тяжек будет неприятель». В заключение патриарх сообщал послу о статьях, на которых султан помирился с польским королем[304]. 20 июня 1704 года Иерусалимский патриарх Досифей писал Петру Великому из Бухареста, что в 1702 году 1 августа «здесь в Мултянской земле проехал посол вашего величества в Андрианополь. Он возвестил нам, что имеет объявить нам указы вашего тишайшества, почему мы без всякого отлагательства выехали отсюда в Андрианополь и

обрели его как бы обладаемаго от турок. Приняв вашего величества почтенную грамоту, отложив всякую свою заботу, мы послужили ему в сих четырех делах: первое, во всякой трудности, какая случалась по его вопросу, способствовали советом, так что Божиим благоволением совершенно она устранялась; второе, о тех делах, которых он не ведал, мы позаботились и писали ему обо всем, чтобы знать, что говорить и как действовать и чего беречься; третье, если приключилась необходимость, чтобы ведала о том ваша держава, извещали его чрез слово и писание, дабы докладывал о том вашей державе; четвертое, указы, которые изволило ваше величество посылать послу вашему чрез вернейшего раба своего преславнаго господаря мултянскаго, и мы отдавали ему, и то, что сам посол писал к вашей кротости, мы опять посылали к господарю мултянскому и чрез него к престолу богоизбраннаго вашего величества»[305].

Служа советчиками и руководителями наших константинопольских послов, доставляя им нужные и необходимые сведения по разным вопросам и делам, патриархи в то же время посылали свои отзывы нашему правительству о той или другой деятельности послов, которая, таким образом, находилась под постоянным контролем патриархов. Так, в 1634 году Кирилл Лукарис извещал царя и патриарха, что «пришли послы великаго вашего царствия Афанасий Осипович Прончищев да Тихон Васильевич Бормосов, разумные и достойные люди во всех делех великаго твоего царствия и преблаженства твоего, и в тех во всех ваших государевых делех посильные и спешные пред великим царем салтан Муратом говорили, сколько было пригоже, и великому царю Мурат Салтану и начальному ево пресветлому визирю Магмет полюбилися, и почтили их и говорили с ними сколько было надобно»[306]. В 1644 году патриарх Парфений писал: «Буди ведомо, благочестивый царю, что послы царствия вашего, стольник Илья Данилович Милославский да дьяк Левонтей Лазаревской, как они были здесь во Цареграде, служили тебе, великому государю, и о твоих царских делех радели великим радением со мною богомольцем вашим, и ходили они ко мне

часто, и милостью Божиею и вашим царским счастьем все ваши царские дела Бог исполнил»[307]. В 1649 году патриарх Парфений писал государю, что посол Кузовлев человек смышленый и досужий, что он, несмотря на тяжелые времена, умел с честью вести государевы дела, особенно о царском титуле[308]. В 1683 году Иерусалимский патриарх Досифей писал государю: «Великому послу вашего царствия в чем мы содействовали, сам он да свидетельствует; но и он, Прокопий (Возницын), как никто иной поборал и подвизался, чтобы к благополучному концу привести повеление ваше, разумный человек и честный, воистину почтил службу ему врученную, хотя и немоществовал как человек»[309]. В 1704 году Досифей писал Петру: «Нынешний в Константинополе посол вашего божественного величества поступал зело хорошо, зане чего не разумел, нас вопрошал и познавал, и что мы ему возвещали, слушал»[310]. В 1706 году Досифей писал канцлеру Головкину: «Три государевы послы, которые приезжали сюда, имели нас наставниками, и когда нас слушали, тоблагоуспевали»[311]. Не всякий, однако, патриарх был годным политическим агентом, а только тот, который уже заявил себя чем-либо с этой стороны и которого русское правительство знало как своего доброхота. Отправляя в 1630 году послов, Яковлева и Евдокимова, в Константинополь, правительство в инструкции им дает наказ быть у патриарха и говорить с ним о государевых делах, если патриархом по-прежнему будет Кирилл Лука-рис, или если и новый «в православной христианской вере благочестив и крепок и непоколебим». Но если патриарх будет новый, «а они про него проведают, что он в вере некрепок и неблагочестив и о государевых делех раденья и промыслу в нем не чаять», тогда послам приказывается такому патриарху государевых грамот не отдавать, поминок ему не посылать и о государевых делах с ним не говорить[312]. Подобные инструкции давались обыкновенно и другим послам. В инструкции Афанасию Нестерову и дьяку Вахрамееву (1667 г.) предписывается «спрашиватись о всем с патриархом Парфением, буде он благочестив и к великому государю радетелен и чаять в нем правды, и что патриарх им прикажет и о чем посоветует, то им и учинить, и приходить им к патриарху

для благословения и для спросу почасто. А будет волею Божиею, – говорит наказ, – патриарха не станет, а на ево место учинился новой патриарх, и послом Афанасью и дьяку Ивану к новому патриарху приходите не часто, однова или дважды, а не спрашиватца с ним ни о чем; а что послано к патриарху государево жалованье, то новому патриарху, будет он благочестив, отдати, а будет новый патриарх поставлен иноверен, и послом Афанасью и дьяку Ивану тому новому патриарху не давать ничего и к благословению к нему не ходить»[313]. В инструкции послам Чирикову и Возницыну в 1681 году предписывается на случай перемены патриарха: «А буде новый патриарх к великому государю, его царскому величеству и ко всему российскому государству не доброхотен и в делах никакого добра от него не чаять, и ему государева жалованья не давать и к нему не ходить»[314]. Когда в 1700 году нашим послам Украинцеву и Чередееву турецкий переводчик Маврокордат, служивший посредником между ними и турецким правительством, интересы которого он очень заметно отстаивал, предложил прислать к ним патриархов, которые-де посоветуют им сделать уступки, на которые послы не решались, то они отказались принять патриархов и советоваться с ними, «понеже ни о каких делех с ними говорить и советывать им, посланникам, не належит и не для чего»[315].

Восточные патриархи, со своей стороны, выражали полную готовность служить русским интересам и охотно вступали в штат тайных политических агентов при русском правительстве. В 1634 году Кирилл Лукарис писал государю: «Мы и ныне (как и прежде) не отлучимся работати великому твоему царствию и преблаженству твоему (т.е. Филарету Никитичу) всем добрым делом и словом и поспешением и верою, сколько будет нам возможно». В 1648 году, 19 ноября, патриарх Парфений писал государю: «Я имел многое радение и великую любовь послужить великому вашему царствию словом и делом по силе своей, и объявляюся пред Богом и царствием вашим верной ваш богомолец; боле бывших прежних Вселенских патриархов, для природы православные нашие веры и для душевного спасения совершити все ваши царские дела чистым сердцем,

по повелению блаженные памяти по плоти отца вашего великого государя»[316]. От 10 ноября 1649 года Иерусалимский патриарх Паисий писал государю из Молдавии: «Пожалуйте, извольте прислать к нам святую вашу грамоту о каких делех изволите, а мы готовы о тех делех радеть и работать, якоже реклися великому вашему царствию, что ни услышим, будем всегда ведомо чинить, да будеши ведать другов своих и недругов»[317]. В 1703 году Иерусалимский патриарх Досифей по поводу просьбы к нему Петра помогать своими советами послу Толстому писал царю: «Несть такого дела, которое бы мы ведали, что оно нужно послу вашему знати, и не объявляхом ему, ниже отлучаемся когда, чтоб ему не советывати в нужных делех, и тако будем действовати покамест живем, понеже не токмо есмы богомольцы теплейшия вашея державы, но и работники усерднии, а наипаче указ твой имеем, яко слово святое и глас Божий»[318]. Бывший Антиохийский патриарх Афанасий в 1707 году собственноручно писал Петру из Константинополя: «Ныне сие объявляю своеручно, яко обещаюся всегда защищати в делех, которые суть свойственны непобедимому царствию вашему, купно и всею душею помогати хочу и послу вашему во всякой приключающейся ему потребе во всякое время»[319]. Между патриархами являлось даже соревнование по делу службы русскому правительству. Так, статейный список посла Украинцева рассказывает, что во все время ведения переговоров с турецким правительством он не мог видеться с патриархами вследствие строгого надзора за ними турок и только один Иерусалимский патриарх Досифей успевал передавать ему через надежных людей нужные вести. Но когда переговоры кончились заключением перемирия, то Константинопольский патриарх заявил желание лично посетить послов. Узнав об этом, и Иерусалимский патриарх Досифей тоже пожелал повидаться с послами, которым он доселе служил через разных посредников. При этом он говорил, «что уже-де ныне и Вселенский святейший патриарх кир Каллиник будет являться другом и приятелем им посланником, зане в благополучное время многие являются друзьями, а в нужное время ни один, окроме его святейшего патриарха, от чего он

имел в чести своей великое опасение, а наипаче и живота своего лишение, радея и промышляя о делех православного государя нашего, а иной никто ни с чем, а паче ж и со всякою осторожностью к ним, посланником, не отзывался»[320]. Единственное, что сдерживало патриархов в их готовности всеми мерами служить интересам русского правительства, это опасение со стороны турок, опасение вполне справедливое, которое вынуждало патриархов к великой осторожности при сношениях с русским правительством. Иерусалимский патриарх Феофан в 1638 году писал: «Посем пишем и объявляем, что деетца во Цареграде, и о том у нас бывает великий страх, о том бо есть и вам ведомо, только наша великая любовь и для благочестия твоего и для милостыни, что имеет к нам, понуждает нас писати и объявляти». Константинопольский патриарх Парфений в 1644 году, сообщая политические вести, замечает: «С великим страхом писал я, а обо всех подобных тайнах будет говорить изустно митрополит, который приедет к царствию вашему»[321]. В 1648 году патриарх Парфений писал, сообщая политические вести: «Сие писали мы наскоро и посылаем тайным образом к великому вашему царствию, как верный ваш богомолец, запечатано нашею патриаршею печатью, а иные тайны, что невозможно было писать к великому вашему царствию, то услышите изустно от вашего царского посла»[322]. В 1658 году Александрийский патриарх прислал в Москву грека Исайю Остафьева и велел ему сообщить политические вести на словах, а грамоты не дал, потому что «вероятно и государь слышал, как учинили турки с братом его Константинопольским патриархом»[323] (его турки повесили за сношения с русским правительством)[324]. В 1662 году Антиохийский патриарх Макарий писал государю: «Да не будет явно писание патриаршее, ибо с великим страхом посылалась даже жалованная грамота (ранее данная патриарху) – невозможно нам писать от наших державцев, борющих нас»[325]. Когда посол Нестеров именем царя говорил бывшему Константинопольскому патриарху Дионисию, чтобы он государю «о всяких подлинных ведомостях писал, то Дионисий решительно отказался принять сделанное ему предложение на

том основании, что султан строго запретил писать в Московское государство какие бы то ни было письма»[326]. Иерусалимский патриарх Досифей писал нашему константинопольскому послу Толстому в 1706 году: «Господине мой, время есть зело трудно и по премногу страшно и боимся о роде и о жизни нашей», и в другой раз: «Преславность ваша веси, яко третьяго года человека твоего, аще бы не прияла понукла (опухоль, грыжа), толикая зла имел бы происходатайствовать нам. Молим тя и советуем тебе, да послушавши нас и имееши людей московских верных ради службы сия, а от греков удаляйся, зане греки тайная не хранят»[327]. Эти постоянные опасения патриархов, что турки могут узнать об их отношениях с московским правительством, были не напрасны. В 1654 году, от 6 августа, Цареградский архимандрит Парфений писал государю между прочим следующее: «В некое время блаженный Парфений патриарх (младший) писал к великому царствию твоему вести тайные – не ведаю, как случились они в руках ляхов. Они послали их с своим послом к царю турскому и сказали: «видишь ли, как греки и патриарх их пишут о всех тайнах к врагам царствия твоего». Случилось же по Божию благоволению, что был тут чауш, боярский человек, которого брат грек и доныне был наместник патриарха Парфения. Визирь призвал чауша и спрашивал: знает ли он по-гречески? Тот отвечал ему: не только по-гречески, но и грамоты греческия. И так визирь отдал ему письма. Он же узнал грамоты и кто писал их и призвал брата своего и писца, в моем присутствии растолковал грамоты, как хотел, а не так, как были написаны. Бог помог, что не дались сии грамоты в руки другого чауша, ибо многие бы христиане погибли. А он сказал визирю, что никакого зла не пишут, а только просят, чтобы дали милостыню грекам и их патриарху»[328]. Совсем иначе кончилось подобное же дело для другого Константинопольского патриарха Парфения III: он был уличен в тайных сношениях с московским правительством и за это публично повешен в Константинополе. Сербский митрополит Михаил, поселившийся в России и ездивший оттуда в Иерусалим, собрал в Константинополе сведения об обстоятельствах казни Парфения и сообщил их в Москве, куда

он прибыл 16 сентября 1657 года. Он показывал, «что 15 июня 1656 года он прибыл в Царьград, где в то время патриархом учинен был брусский митрополит Парфений, человек добрый и похвальный. До него, после прежняго патриарха Парфения, которого казнили турки, наречены были два патриарха из митрополитов, но их миром не возлюбили, потому что они друг перед другом на патриаршество перекупались, а избрали того брусского митрополита, ведая его доброе житие. Прежнему патриарху Парфению учинилась казнь от турок на Страстной неделе за то, что написал некто, неприятель его, лист на имя царского величества, что православным Христианом от нечестивых турок угнетение, а война у турского солтана с венецианами непрестанна, и немцы турков побивают, то чтобы царское величество изволил идти на Царьград войною, а они ему, великому государю, все рады. Укравши у патриарха печать, запечатали ею тот лист, и, неведомо какими мерами, письмо сие крымские татары перехватили и отдали в Царьграде визирю. Визирь тотчас велел быть у себя патриарху Парфению и, показав ему лист, спросил: для чего он такие смутные листы пишет? Патриарх сказал, что он такого листа не писал, хотя печать и его, а как запечатано, того не ведает. Визирь не поверил патриаршим речам, велел привязать ему веревку на шею и водить три дня по городу, а бирючь кликал, объявляя всем, что патриарх такими листами учиняет смуту между государств. После трех дней велели патриарха повесить на торгу, на улице, между лавок; висел он три дня, а потом кинули его в море, и греки, дав за него выкуп, вынули его из моря и погребли. Но покамест гречане просили указа о погребении тела, в то время оно плавало поверх воды и на дно не погрязло, а иные люди говорят, как он висел три дня, все три ночи видели над головою его свет великий». В том же году и то же самое рассказывал о казни Парфения и выехавший на государево имя варнский митрополит Даниил с тем лишь добавлением, что будто бы турки не только казнили патриарха, «но и начали изыскивать иных властей и хотели их побить; он же (Даниил), убоявшись сего, ушел из города Варны тайно:

слышал, что патриарх висел три дня, а куда дели тело его, не ведает»[329].

Наши константинопольские послы очень дорожили теми услугами, какие им оказывали патриархи, тем более что подозрительное турецкое правительство иногда держало их как бы под арестом, и они часто совсем не знали, что делается кругом их. В таких обстоятельствах услуги патриархов были особенно ценны: они успевали сообщать послам через верных людей необходимые для них сведения и указания, пересылали их отписки в Россию, а им передавали царские вновь присланные инструкции, рекомендовали им для услуг верных людей и т.п. Какую важность этим услугам патриархов придавали сами послы, это, между прочим, видно, например, из слов Толстого, который в 1705 году от 16 июля доносил канцлеру Головкину: «Письма мои святейший Иерусалимский патриарх начал принимать по-прежнему и в делех великаго государя усердствует вельми, обаче страха ради от сих поганцев не может мне часто подавать потребных ведомостей чрез писания, как чинил наперед сего, однакож усердие являет изрядное чрез единого грека словесно». Чтобы убедиться, как важны были эти услуги Досифея для нашего посла, достаточно указать на ту в высшей степени обширную переписку, какая существовала между Толстым и Досифеем, из которой оказывается, что Досифей имел у себя особых агентов в разных местах, от которых он узнавал все необходимое для нашего посла и немедленно обо всем сообщал ему с присовокуплением своих советов, как лучше, по его мнению, поступить в том или другом случае. Со своей стороны, и Толстой сообщал Досифею полученные им сведения, ход переговоров с турками, свои предположения и планы относительно ведения того или другого дела, спрашивал его мнения и т.п.[330]

Услуги восточных патриархов нашему правительству не ограничивались тем, что они руководили нашими послами в Константинополе, давали им полезные советы, сообщали нужные сведения и т.п., но они еще присылали и от себя лично в Москву разные сведения о положении дел в Турции. Так,

например, Кирилл Лукарис, посылая в 1630 году грамоту в Москву с архимандритом Амфилохием, заявляет в ней: «И в той грамоте пишу и поведаю все тайное, всякое бытейское дело истинное; и приказано ему (посланному архимандриту) из уст тайное дело говорить царствию вашему». В 1647 году Александрийский патриарх Иоанникий с греком Иваном Петровым прислал к государю грамоту, в которой пишет: «Еще хотел писать и объявить великому вашему царствию о всякой причине царственных вестей, но невозможно было, и теперь же идет верный раб и честный слуга великого вашего царствия и сын о Святом Духе нашего смирения Иван Петров; ведая, что он муж честный и сверх того обо всем радетельный к вашему царствию и друг нашего смирения и во всем верен, я поручил ему изустно все объявить державному вашему царствию, как будто мы сами говорили на лицо в царствии вашем»[331]. Такие отписки в Москву с политическими вестями обыкновенно посылал почти каждый патриарх в видах заслужить благоволение к себе московского правительства и получать от него милостыню, которая давалась за эту службу патриархов, на что им при даче милостыни прямо и указывалось. Посол Украинцев, например, передавая царскую милостыню Иерусалимскому патриарху Досифею, должен был от имени государя говорить ему: «За многие ваши святейшего патриарха ему, великому государю, письменные доношения он, великий государь, благодарствует и впредь от тебя того же требует»[332]. Некоторые патриархи, особенно те из них, которые подолгу занимали свои кафедры, становились самыми деятельными политическими агентами; они с увлечением исполняли свою небезопасную для них лично службу, тщательно извещая наше правительство решительно обо всем, что ни делается или замышляется турецким правительством. Досифей, например, в одной из грамот к царю сам говорит о себе, что «в вашей богохранимой державе мы имеем чин доносителя». Большинство патриархов действительно не шло дальше «чина доносителей», но зато некоторые из них, находившиеся в сношениях с московским правительством в течение многих лет, были не просто пассивные «доносители», но активные и

влиятельные дипломатические агенты. Они к своим донесениям о разных событиях в Турции нередко присоединяют советы, указания, предостережения, нескрываемое иногда притязание направлять и определять образ действий нашего правительства. Константинопольский, например, патриарх Кирилл Лукарие, грамотою от 6 июля 1634 года извещая государя о возвращении наших константинопольских послов в Москву, говорит, что они долго не могли добиться от турецкого правительства, чтобы грамоты к государю были написаны с полными царскими титулами, а если теперь они и написаны, как того желали послы, то это не может служить ручательством, что всегда так будет и после. Ввиду этого, говорит в грамоте патриарх, «аз о том вам пишу и советываю с вами, да учините то, чтоб написати от царствия вашего с Москвы к султан Мурату с послы царствия вашего грамоты особные о том деле, и будет возможно, хотя б их и поту реки написать, и подати их велеть в руки царю салтану Мурату, чтоб ему их прочести самому, а в тех грамотах напишите и просите того, чтоб титла царствия вашего писати сполна по достоянию. Да и то напишите и учините ему ведомо, да узнает он города и царства, что есте обладали саблею своею и имеете их под своею державою: Казань, и Астрахань, и Сибирь, и иные как надобно, потом и учините им ведомо; пишите, от которого царя и с которого времена начали есте называ-тися и именоватися цари; и то напишите, что все короли, в которые королевства посылаете послов своих, и те все вас пишут царем, да прикажите послу их Алею-аге, чтоб он изустно сказал царю и визирю… Тако я пишу и советую царствию вашему о том деле, да учините так, а я имею к вам желание и духовную божественную любовь и хочу имени вашему чести и возвышения царствию вашему»[333]. Особенно много советов по разным случаям давал русскому правительству один из самых деятельных и ревностных его агентов – Иерусалимский патриарх Досифей, неустанно служивший интересам России более тридцати лет. В 1692 году, например, Досифей писал, что еще Алексею Михайловичу он давал совет бросить борьбу с поляками и смирить прежде турок, но его тогда не послушали, а между тем турки уже

стремятся овладеть Днепром, что он тогда и предсказывал. «Буде хотите мириться, – пишет он, – миритесь так, чтобы и Украина была освобождена и Иерусалим отдан (грекам)», иначе лучше бросить мир и воевать с турками в союзе с соседями, ибо поляков когда захотите смирить, тогда и смирите. Турки никогда и ни за что не будут вам благодарны, «потому что думают, что доброта ваша от неблагоразумия, и ныне вместе с ханом радеет (турок) вас обмануть, покамест будет возможно немцев победить, а потом и за мужей вас не будет почитать, потому что весьма глубок и лукав он. При этом нынешний или иной визирь будет, если победят немцев, то после сего великую награду иметь будут и станут воевать вас с великим гневом многих ради причин», и потому советует во что бы то ни стало выгнать турок из Украины, «случай имеете, дабы поганцы смирились, и не пропустите его». Затем он советует в союзе с поляками разгромить окончательно татар: «И буде татары погибнут, то и турки с ними и вся власть погибнет, и дойдет ваша власть до Дуная»[334]. В следующем, 1693 году Досифей после своих переговоров с мутьянским воеводою Константином старается убедить наше правительство, чтобы оно «промысл учинить изволило» над турецкими городками, стоящими на Днепре, и, взяв их, разорило бы потом и белгородскую орду, и тогда господарства Молдавское и Валахское поддадутся царскому величеству без всякого замедления, так как мутьянский господарь уполномочил его заявить следующее: «Если царское войско пойдет на белгородскую орду, то больше шестидесяти тысяч казаков не надобно, и в один месяц могут всю орду раззорить; когда же та орда раззорится и городки, что на Днепре, взяты будут, тотчас и он востанет против поганых, и с ним премножество людей совокупится». В августе того же года Досифей прислал в Москву добытые им статьи английского посла, на основании которых предполагалось заключить мир между немцами, венецианами и поляками, с одной стороны, и турками с другой. Туркам обещается заключение мира с Москвой под условием уступки ей Азова и двух порубежных с ним крепостей. По этому поводу Досифей пишет: «Нечестивые паписты: 1) представляют, будто имеют попечение о Москве, но

сие, думаем, раде своей нужды, а не любви; 2) обрекают греков на вечное порабощение и погибель; 3) соседям своим, папистам же, близ турок живущим, радеют всею силою, а для православных ничего; 4) поминают об отдаче Москве Азова и двух крепостей, т.е. нечто малое, что не только Москва, но и ее подвластные вскоре взять могут, а не предлагают, чтоб Украина была за Москвою; 5) как положат немцы рубежом Дунай и возобладают сербской, венгерской и седмиградскою землею, а поляки возьмут Украину, Подолию, волошскую и мутьянскую земли, также и белгородскую орду, тогда они будут первые враги Москве, и всегда война будет с ними, а когда болгары, сербы, вол охи, мултяне и седмиградчане будут под ними, тогда станут всех принуждать в унию, так же как и благочестивых, которые теперь под ними обретаются, и не только весьма умалится благочестие и паписты будут весьма сильны и не столько будут неприятелями турок, как православному царству врагами»[335]. В 1698 году Досифей сообщает царю, что поляки, захватив в Яссах множество православных в плен, всех их обратили в папежство, что австрийцы, приглашая к себе сербов и наделяя их привилегиями, в действительности употребляют все усилия обратить их в латинство, что все вообще папежники, а также англичане и голландцы – злые, непримиримые враги Православия и царя и всячески готовы всегда противодействовать его успехам, увеличению могущества и силы православного русского царства. Хотя они, пишет Досифей, «ваше священное высочество уважают, просят и восхваляют, но только для того, чтобы помощью вашею победить своего неприятеля или избежать его нашествия, а буде увидят, что возрастаете или распространяете пределы ваши, тогда позавидуют и будут наветовать, хотя и не явно, но тайно, по обычаю еретическому… Сего ради ваша пречестная душа, имея сведения о их любви к вам, не верь им, ниже преклоняй святые уши свои к советам их»[336].

Внимательность и ревность Досифея к интересам русского правительства шла и далее – он дает свои советы и относительно различных сторон внутренней уже русской жизни. Так, в 1700 году он разъясняет Петру, что казаки представляют

из себя лучшее войско для борьбы с Турцией, так как турки никого так не боятся, как казаков. Поэтому царь должен стараться всеми мерами крепче привязать к себе казаков, которых турки всячески стараются поссорить с москвичами, ожидая себе от их тесного союза больших опасностей. Затем он советует царю усиленно стараться о скорейшем образовании хорошего, всему правильно обученного войска. Относительно Азова Досифей советует царю образовать из него торговый пункт, для чего с привозимых туда товаров нужно брать только половинную пошлину сравнительно с Москвою, чем будут привлечены в Азов промышленные и торговые люди. А от Азова до Москвы следует провести большую дорогу, благодаря чему через Азов пойдет тогда вся торговля. В то же время Досифей просит царя, чтобы с греков, которые поселятся в Азове и его окрестностях, не брали никаких податей, тогда эти места быстро заселятся греческими выходцами из разных мест. Затем он советует царю учредить в Азове митрополию с подчиненными епископами по городам. «А дабы не учинило тягости царской казне житие их, чтобы было по древнему обычаю Кафолической Церкви, а наипаче, понеже суть соседи наши, чтобы было и житие их, якоже и наше. Патриархи и здесь в Царьграде наипаче пеши ходят, а архиереи суть нищие и прежь сего были, как познавается от историах и от собрания Вселенских Соборов, что там нищия были, что цари их кормили, платья дорогие духовным людем (носить) непристойно, а носили такие платья иконоборцы, и буде изволишь, прочтите правило шестоенадесять Вселенскаго Седьмаго Собора, которое весьма низвергает»[337]. Относительно того же Азова Досифей прислал государю с послом Украинцевым и такой наказ: «Если-де изволит великий государь, его царское величество, город Азов и к нему прилежащие старые и новые городки держать, то ненадобно их пометывать, но всегда иметь в осмотрении и во всяком призрении, чтоб в них воеводы и начальные люди были разумные, а ратные люда добрые и смелые, и неприятель, на то смотря, не так будет в мысли своей распространяться. А если те города в крепости и в обороне будут слабы, и неприятель всегда имети будет тщание и неусыпное радение о воинском

над ними промыслу; а на то нечего смотреть и обнадеживаться, что с ним учинены будут мирные договоры, понеже он древний вероломный и лукавый христианский неприятель. А если когда царское величество изволит начать с ним войну, и тогда надобно прежде взять Очаков – левый рог, а правый рог был Таганрог, а взяв Очаков, то надобно Крым взять, а взявши Крым, то будет дорога на Черное море свободною, и тогда пристанут сербы, и волохи, и мултяны, и болгары, а не взяв Очакова и Крыму, турков на море воевать трудно, понеже татаровя в том чинить будут препону, да и оные народы для той же опасности вспоможения чинить не будут. А к тому-де воинскому поведению надобны морские мелкие многие суды, которые великий страх могут здесь учинить, нежели корабли, и тех кораблей турки так не боятца, как мелких судов, потому что те мелкие суды могут по всему Черному морю во все стороны рассеятися и жилищам бусурманским чинить огнем и мечом раззоренье и плененье»[338]. Во время войны со шведами Досифей дает Петру в высшей степени своеобразный совет, как покончить эту войну в пользу России, именно: нужно-де поддерживать непрерывные сражения со шведами, не жалея людей, ибо тогда силы шведов, хотя бы они и побеждали, необходимо будут умаляться после каждого сражения, и им, по дальности их страны от театра войны, будет невозможно скоро пополнять эту убыль людей, что, наоборот, легко делать русским, которых к тому же там много. В конце концов от непрерывных сражений силы шведов все более и более будут умаляться, и наконец все они будут уничтожены, и русские, таким образом, одержат над ними решительный верх. Жалеть убитых русских никак не следует, потому что все убитые – мученики[339]. Не менее любопытно нравоучение, какое делает Досифей Петру относительно продажи русскими пленных шведов в Турцию. В 1706 году Досифей писал Петру: «Пишем ныне об одном великом и нужном деле, которое, по данному нам от Бога духовному дарованию, имеем должность донести, не в научение вашему царскому величеству, ибо ведаем, что Богом просвещен и богомудр, но в напоминание, а наипаче поскольку в вашей богохранимой державе имеем чин

доносителя. Шведы хотя и еретики, но, когда приемлют их к Москве, делаются православными мало-помалу; но бывает и то, что имеют позволение некоторые вывозить их в землю турскую, и покупают их папежники и кальвины, а не одни православные, и еще продают их и туркам. Пресветлейший и превеликий государь! не допусти, дабы труды твоего царскаго величества были в прибыль нечестивым, а потом: не грех ли сие пред Богом и на свете не великое ли безчестие, поскольку ни из которого христианского государства не привозят сюда продавать христиан, а из святых стран привозить непристойно. Надобно, если изволите, повелеть, чтобы не вывозили христиан больше, и объявить ослушникам смерть неотложную, и будет великая честь и великая слава твоему царскому величеству. Мы, как долг имея, доносим церковную правду вашей светлости; а вашему благочестию, как сыну Церкви, праведно послушать, да возымеешь и Бога должником своим во всякой правде»[340]. И в Константинополе Досифей сильно упрекал нашего посла Толстого, зачем из России вывозят пленных шведов и продают их туркам. На эти упреки Толстой отвечал Досифею, что это делают недостойные купцы-греки и что если бы это сделал хотя бы один московский купец, то он с ним и здесь бы расправился по достоинству, а на греков он управы не имеет; «и не токмо шведов крадут тамо (в России) греки и сюда привозят и продают, но и сущих московских, как ныне слышу, что привез греченин одну девку московскую и здесь продал»[341]. Затем Толстой признается, что ранее и ему прислали одну девку шведскую, которую он подарил одному греку, работающему у Порты, в благодарность за что грек прислал ему своего невольника. Толстой не видел возможности иначе прекратить этот постыдный торг, как просить государя, чтобы тех плутов-греков запретили пропускать в Россию и к казакам. Впрочем, справедливость требует заметить, что Досифей возмущался, собственно, не самим фактом продажи пленных шведов в рабство, а только тем, что их продают в руки нечестивых. В 1704 году он сам обращался к переводчику Спафарию, «чтобы он промыслил купити ему (Досифею) четырех человек полоняников шведских – двух ребят по 15 лет

в келейники, да для писаря и сродника своего двух девок по 17 и 18 лет». Указом государя того же года 28 декабря повелевается послать к Иерусалимскому патриарху Досифею просимых им шведских полоняников, двух ребят и двух девок[342].

Понятно, как важны и ценны были для наших константинопольских послов и для правительства услуги восточных патриархов, особенно тех из них, которые служили в течение многих лет и оказывали на этой службе особенную ревность и преданность интересам России. Сам Великий Петр, например, высоко ценил службу Иерусалимского патриарха Досифея, не раз посылал ему от себя лично письма, в которых он восхвалял его ревность, выражал ему свою любовь и уважение, просил его и впредь быть пособником в делах царских, не оставлять его своими писаниями. «Мы блаженство ваше, – писал, например, Петр Досифею 3 сентября 1703 года, – имеем паче протчих всех о Христе возлюбленнаго отца и пастыря и великодушнаго мужа и тем паки призываем блаженство ваше, дабы как прежде сего в богоугодных молитвах своих нас никогда запомнил и в делах наших приключающихся всегда пособники имели есмы, так и ныне потому ж от блаженства вашего желаем, аки от возлюбленного отца и пастыря, яко да во всяких делех наших, покамест наш великий посол в тех краях пребудет, было б ему блаженство ваше советник истинный, а мы, великий государь, наше царское величество, к тебе, возлюбленному отцу и пастырю нашему, поелико возможно, не токмо словом, но и делом ко всем богопроходимым местам святых склонны есмы щедрою рукою способляти, токмо и блаженство ваше, как и прежде сего, всегда честными грамотами своими нас посещать благоволиши и молитвою не оставляй»[343]. В 1706 году канцлер Головин писал Досифею: «Известия ваши, как пишете о тамошних владетелях, выразумели и благодарим блаженство ваше, как благодетеля нашего». Головкин, заступивший место умершего Головина, счел себя обязанным немедленно писать Досифею и просить его, чтобы он по-прежнему продолжал присылать правительству свои грамоты. «Просим ваше блаженство, – писал Головкин, –

дабы и впредь, как и прежде, при господине Федоре Алексеевиче, и с нами имели чрез писания свои собеседование, и не сомневаемся, что блаженство ваше, по обычной своей ко всем отеческой склонности, соизволит на сие непременно; мы же по возможности нашей не пренебрежем явить подобающую вам службу нашу и знаки истинного послушания нашего»[344].

Служба одних только восточных патриархов не могла, однако, удовлетворить всем требованиям русского правительства, потому что Константинопольские патриархи, которые в этом отношении имели особую важность, слишком часто менялись, что мешало нашему правительству войти с ними в желанные близкие отношения. С другой стороны, патриархи были слишком крупною и заметною личностью, на которую подозрительно посматривало турецкое правительство. Пока Россия была далеко от Турции и не была для нее опасна, турки почти совсем не обращали внимания на сношения патриархов с Москвою[345]. Но с течением времени обстоятельства изменились, и турецкое правительство не могло не заметить, что патриархи всегда готовы служить и радеть единоверной Москве во вред Турции. Тогда турки стали внимательно следить за сношениями патриархов с русскими послами и правительством и стали строго карать тех из них, которых уличали в преступных, тайных сношениях с Москвою. Так, за тайные сношения с Москвою они повесили патриарха Парфения; за поездку в Москву они лишили кафедр патриархов Александрийского Паисия и Антиохийского Макария. Прежде наши послы в Константинополе беспрепятственно ходили к патриархам и советовались с ними о государевых делах, но со второй половины XVII столетия им уже не дозволялось иметь никаких сношений с патриархами до полного окончания всех дел. Ввиду этого и наше правительство в своих инструкциях послам стало предписывать ходить им к патриарху тайно, «усмотри время, как прилунится, чтоб на него и на себя тем не навести от салтана и визиря нелюбья». В 1705 году Константинопольский патриарх говорил нашему послу через одного грека, что ему ни письменно, ни через особых посланных никак нельзя было сноситься с царем, «понеже-де турки вельми

к нему, патриарху, подзирают паче прочих, понеже о прочих патриархах небрегут, кроме Константинопольского, и того-де ради Иерусалимский патриарх (Досифей) и пишет к царскому величеству, еже имеет свободу, а ему-де писать никоторые делы немочно»[346]. Патриархи опасались даже своих собратий архиереев, которые могли донести на них туркам. Так, патриарх Мефодий просил посла Нестерова, чтобы он в присутствии греческих властей не передавал и не говорил ему о присланных царем грамотах и дарах, потому что он, патриарх, «и от греческих властей имеет опасенье»[347]. Таким образом, патриархи из-за подозрительности турецкого правительства далеко не всегда могли с успехом исполнять службу тайных русских политических агентов и часто, несмотря на все свое желание, не могли быть полезными в этом отношении, что естественно побуждало московское правительство пользоваться, помимо патриархов, услугами и других лиц, тем более что охотников до такой службы всегда было много.

В числе тайных русских политических агентов, состоявших на службе у нашего правительства, мы встречаем, помимо патриархов, всевозможных восточных митрополитов, архиепископов, архимандритов, иеромонахов, учителей и разных мирских лиц, по преимуществу греков-купцов. В большинстве случаев на службу к русскому правительству поступали те лица, которые побывали в Москве за милостынею и хотели поддерживать дальнейшие небезвыгодные для них сношения с Москвою. Первым после патриарха Иеремии известным нам лицом, поступившим в число тайных политических агентов, был тырновский митрополит Дионисий, привезший в Москву грамоту об утверждении в России патриаршества. Находясь в Москве, Дионисий сам вызвался помогать нашим послам в Константинополе, почему в инструкции послу Нащокину 1592 года говорится: «Да память Григорию и Ондрею: приезжал к государю царю от Цареградцкаго патриярхова Собору терновский митрополит Дионисий и сказывал государевым приказным людем, что у турского салтана ближней человек Иван греченин, а ему племянник, и он, приехав в Царьгород, рекся государю служить

и всякими делы промышлять, а что проведает, и он о всяких делех рекся к ним государевым посланником приказывает и к греченину Ивану послано с ним государева жалованья». Поэтому послам предписывается сноситься в Константинополе с Дионисием и напомнить ему о его обещании служить государю[348]. Подобную же роль при наших послах играли и другие гречане. В 1621 году в качестве турецкого посла явился в Москву грек Фома Кантакузен, которого Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис рекомендовал русскому правительству как человека, могущего служить нашим послам к Константинополе, в инструкции которым и предписывается советоваться им с Фомою[349]. Но этого мало: Фома пересылает в Москву с разными греками вестовые письма о «турецких поведениях», так что царь пишет ему: «Ты делаешь добро, что к нам, царскому величеству, о наших делех пишешь», и посылает ему три сорока соболей, чтобы и впредь продолжал служить государю[350]. В 1667 году с послом Нестеровым государь послал грамоту адрианопольскому митрополиту Неофиту, в которой пишет, что когда к султану посылай был с любительною грамотою стряпчий Тяпкин, то Неофит, когда Тяпкин был в Адрианополе, «о наших государских делех, о чем ему наказано было говорить святейшему Парфению, патриарху Царегородскому, говорил, а что ты ему на те дела ответ учинил, и про то нам, великому государю, ведомо». Далее митрополиту напоминается, что он Тяпкину заявил тогда, чтобы мы «о всяких государских делех писали к тебе, а ты, служа и нам, великому государю, те дела исправлять будешь с великим тщанием», и потому, если случится ему быть в Константинополе в бытность там государевых послов, «и тебе бы о наших государских делех, о чем тебе наши послы учнут говорить, радеть и с ними советовать и мысль свою им, послом, подавать, где будет пристойно, а мы великий государь, наше царское величество, и впредь радения твоего забвенна не учиним» (а теперь ему послано было на 200 рублей соболями). Эта просьба царя к митрополиту Неофиту имела успех. Как видно из статейного списка посла Нестерова, Неофит тайно являлся к послу в Константинополе и сообщал ему разные вести. Впрочем, с этою

же целью являлись к Нестерову и другие духовные особы, как, например, кесарийский митрополит Феодосии и филиппопольский Гавриил[351]. Служили в Константинополе нашим послам и многие другие лица, которые по большей части были посредниками между патриархами и нашими послами, а иногда служили и самостоятельно. В 1629 году прибыли в Москву два грека, Константин и Федор Ларевы, которым дано было сорок соболей в шестьдесят рублей за то, что они в Цареграде у государевых посланников о делах их промышляли. В статейном списке посла Украинцева значится в числе расходов: Иерусалимского патриарха архимандриту Макарию дана пара соболей двухсотрублевого достоинства, так как он приносил от патриарха разные ведомости; сербянину старцу Григорью, который прислан был от него же, святейшего патриарха, к посланником со всякими ведомостями почасту, дана пара соболей двухсотрублевого достоинства[352]. В 1642 году наши послы писали про службу им послам в Константинополе грека Ивана Петрова Тафрали: «А во Царегороде он, Иван, служил тебе, царю, от истинна сердца верою и правдою и о твоих государевых делех вседушно радел и промышлял, на салтанове и на визиреве дворех – везде имел друзей. Ныне у салтана и у визиря ближний человек Речепага жалует иво добре и во всяких делех верят ему, а к нему, Ивану Петрову, Речеп-ага приятлив… и никоторый греченин того не ищет, как он, Иван, во всяких твоих государевых делех радеет, и для того многие гречане его, Ивана, ненавидят, зависти ради»[353]. Один из таких агентов, работавших государю в Константинополе, именно архимандрит Амфилохий, так изображает свою службу в одной из своих грамот государю (1649 года): сообщив разные политические вести и рассказав о нестроениях в патриархии вследствие частой смены патриархов, Амфилохий далее говорит: «Еще объявляем тебе, великому и праведному царю, что в таких нужных и смутных временах, я, богомолец твой, от твоей государской службы не отлучался никогда и по силе моей в таких страшных часах во всякой мере твоему государеву послу помощь оказывал писанием моим Вселенскому патриарху Парфению – посол твой

мою к тебе государю прямую службу сам ведает. Как Вселенский патриарх Парфений позвал меня к себе тайным делом ночью и спрашивал богомольца твоего про всякое государское дело, и я ему объявил о нужде и тесноте, какую терпели твои люди с послом Алферьем Кузовлевым в таких страшных временах; я открывал все ему, святейшему патриарху, слово в слово о сих делах неложно, и он послал меня к твоему послу спрашивать: какое у него есть прошение и дело до визиря? Посол говорил о твоих делах, и я, по приказу его, тотчас ходил к Вселенскому патриарху и объявил посольские всякие речи и бил челом от себя усердно за твоего государева посла и всех твоих людей, чтобы Вселенский патриарх визиря Магмет-пашу просил об их отпуске и скором совершении ваших государских дел. Посему я, богомолец твой, бью челом тебе великому и праведному государю, чтобы пожаловал меня своим царским жалованьем, как тебе Бог известит, а я буду работать тебе и Бога молить до конца жизни моей, и на отъезде я твоему послу говорил и велел всякие мои речи о тайных делах тебе, государю, объявить, в том волен Бог да ты, великий государь»[354]. Как происходила вербовка гречан на службу государя в Константинополе, об этом статейный список посла Афанасия Поросукова рассказывает следующее: раз ночью явился к нему один грек, служивший переводчиком у турок, и заявил желание служить православному царю. В знак своей верности грек снял икону и поцеловал ее и затем того же потребовал и от посла в доказательство того, что все ему сообщенное будет им сохранено в строгой тайне и будет доведено до сведения царя и его ближних людей. Афанасий поцеловал икону, то же должны были сделать, по его приказу и по требованию грека, посольский подьячий и толмач. После этой церемонии грек стал сообщать послу о намерениях и замыслах турок, заявил между прочим, что султан вовсе не желает войны с Москвою, а Украину – владения Дорошенки и Чигирин надеется захватить без войны; он-де боится в борьбе с Москвою потерять ту славу, которую он получил в войне с поляками[355]. Таким образом, нашим константинопольским послам, кроме патриархов, совместно с ними или отдельно от

них помогали своими советами, сведениями и связями при турецком дворе и другие духовные и светские лица, услуги которых, по заявлению самих послов, были для них иногда очень важны и полезны.

Кроме патриархов и других лиц, которые так или иначе служили нашим послам в Константинополе, русское правительство имело еще целый многочисленный штат тайных политических агентов, которые, проживая в Турции, находились в постоянных сношениях с Посольским приказом, куда они присылали свои вестовые письма с подробным изложением того, что замечательного в каком-либо отношении происходило в различных местах Турции. Как велико было число этих агентов, видно из того, что в период времени между 1630 и 1660 годом в числе их встречаются митрополиты: севастийский, веррийский, фессалийский, тырновский, приконийский, халкидонский, назаретский, вифлеемский, коринфский, варнский. Кроме митрополитов, в числе русских агентов, присылавших свои отписки в Посольский приказ, встречаются за указанное время архимандриты: Амфилохий, Венедикт, Парфений и другие; затем молдавский учитель Гавриил Власьев, цареградский инокосвященник Дионисий, иерусалимский протосинкелл Гавриил, иерусалимский иеромонах Дионисий и греки-бельцы: Иван Петров Тафрали, Мануил Константинов, Фома Иванов и другие.

В число тайных русских политических агентов поступали прежде всего те лица, которые оставались в Москве на государево имя, но через несколько лет опять оставляли Россию и возвращались на Восток. Не желая по своем отъезде из Москвы прекращать выгодные для них сношения с русским правительством, они поступали обыкновенно в число его тайных агентов и начинали присылать в Москву вести о турецких поведениях в надежде получать за это милостыню. Так, севастийский митрополит Иосиф, в 1630 году оставшийся в Москве на государево имя и отпущенный опять на Восток в 1634 году, немедленно присылает государю грамоту, в которой заявляет, что он прибыл в Константинополь, был здесь у патриарха и принят им ради царской грамоты, с ним посланной,

с великою любовью, что он по делам царским перед обоими патриархами толмачил и служил, сколько мочи и силы было. Затем Иосиф начинает присылать в Москву ряд грамот с политическими вестями, тем более что он, по его словам, успел свести короткое знакомство с приказными султана[356]. Точно так же и веррийский митрополит Аверкий, оставив Москву и поселившись в Молдавии, начинает присылать отсюда грамоты в Москву с политическими вестями; так же поступает и долго живший в Москве и известный у нас по книжным исправлениям иверский архимандрит Дионисий и другие лица[357].

В число русских политических агентов поступали затем те лица, которые приезжали в Москву за милостынею и здесь узнавали, как сильно русское правительство дорожит разными политическими вестями, как охотно оно отличает и награждает тех, которые для него бывают полезны в этом отношении. В надежде на милости русского правительства такие лица вступали в число политических агентов, если только получали на это разрешение от правительства, которое не всех и не всегда принимало к себе на службу, а только чем-либо зарекомендовавших себя или успевших внушить ему доверие к себе. В 1645 году халкидонский митрополит Даниил, ранее побывавший в Москве, присылает государю обстоятельное донесение о турецких поведениях и смутах в Константинопольской Патриархии, причем замечает, что он уже и ранее через одного грека извещал государя о турецких делах. Но, как видно, на его услуги в Москве не обращали сначала внимания, и потому он в 1651 году обратился к государю с формальным и настоятельным предложением принять его в число политических агентов. «Я желаю, – писал митрополит, – наречься рабом вашего царствия и почитаться с прочими вашими рабами (т.е. агентами). Пребывая в Царьграде у святейшего патриарха, хожу я к султановым ближним людям и всяких вестей проведываю и начну писать к царствию вашему, лишь бы нам только иметь ваше царское повеление, а я, богомолец и верный раб ваш, послужу царствию вашему и желаю быть и молю Бога, да сподобит меня быть у державы царствия вашего; и если только будет произволение, всегда

буду писать верно и подлинно, ибо мы, богомольцы ваши, должны вседушно радеть и промышлять с великою радостью христианскому царю, сколько нашей силы достанет, как и прежде сего делали искренно». Предложение Даниила на этот раз было принято, и он стал присылать в Москву самые подробные и обстоятельные известия о событиях в Турции. В том же году приконийский митрополит, приезжавший в Москву за милостынею, по выезде из России писал государю: «Как раб и должник великому вашему царствию, всегда должен я, как работник, на дело, где удобно по силе моей, и пишу, как верный раб и богомолец, что на местах наших бывает, и буду давать о том весть тихомирному вашему царствию». Царегородский инокосвященник Дионисий, посвященный в монахи, по его словам, в Москве Иерусалимским патриархом Паисием на Кирилловском подворье, в том же 1651 году писал государю, что он, помня к себе царскую милость, посылает к государю (с греком Дмитрием) золотой крест, а теперь предлагает, если на это будет царское соизволение, присылать политические вести, только бы все это было тайно. Услуги Дионисия были приняты правительством и в последующее время встречаются присланные им вестовые письма[358]. В 1653 году назаретский митрополит Гавриил, сообщая политические вести, заключает свою грамоту предложением услуг и впредь обо всем извещать государя, так как он нашел вход к ближним вельможам султана, и от них теперь он может выведывать все, если только о том будет царский указ[359]. В 1654 году архимандрит умершего Иерусалимского патриарха Феофана Макарий писал: «Свидетель Бог, готов я со всяким тщанием работать на всякую службу, какая мне по силе, для великого твоего царствия»[360]. В 1658 году иерусалимский архимандрит Иоасаф извещал, что патриарх, уезжая из Иерусалима, оставил его своим наместником «и приказал мне писать вашему царствию о всяких делах и статьях», которые он и сообщает в своей грамоте[361]. В 1660 году архимандрит Иерусалимского патриарха Дионисий, сообщая разные политические вести, замечает: «Пишу, помня к себе великую и неизреченную вашу милость и жалованье»[362]. В 1661 году получено было в Москве письмо от погоянинского

архиепископа Нектария, ранее уже бывшего в Москве, в котором он благодарит царя за его милости, сообщает о делах турецких и молдовлахийских и обещает писать о них и впредь[363]. В 1662 году прислал грамоту варнский митрополит Даниил, в которой он заявляет желание свое служить государю по силе своей, сколько может[364]. Одним из самых видных и деятельных агентов был архимандрит Амфилохий, не раз приезжавший в Москву в качестве доверенного лица от патриарха Кирилла Лукариса с тайными от него наказами, в Константинополе служивший посредником между нашими послами и патриархами, присылавший и от себя в Москву обстоятельные сведения о делах турецких, почему он пользовался в Москве особым расположением и вниманием. Когда в 1653 году Амфилохий умер, то явилось сразу несколько человек, желавших занять его место на службе русскому правительству. Так, александрийский архимандрит Варфоломей, ранее приезжавший в Москву в качестве посланного от Александрийского патриарха Никифора, заявляет после передачи разных политических вестей: «Еще пишем великому вашему царствию, аще да производит царствие ваше быти нам и служить великому вашему царствию вместо блаженные памяти архимандрита Амфилохия и ведомо чинити обо всем, как и он чинил, и будет на то ваше царское произволение, и что о том повелел ведомо учинить вашею царскою грамотою». При этом Варфоломей обещает служить государю верою и правдою тем более, «что имеем друзей достойных человек, у которых обо всем проведываем». В то же самое время и иерусалимский протосинкелл Гавриил обращался к государю с просьбою, чтобы он дозволил ему занять место Амфилохия, о смерти которого он извещает государя. Наконец, в том же году в Москву прибыл с рекомендательными грамотами Цареградского патриарха Паисия архимандрит Парфений, племянник Амфилохия. Он заявил, что поставлен архимандритом на место своего дяди, что имеет от покойного заповедь всегда радеть о делах царских и что поэтому он желает на службе русскому правительству занять место своего дяди[365]. Таким образом, охотников служить

русскому правительству в качестве его политических агентов всегда было много: на место одного выбывшего агента сейчас же являлось несколько кандидатов с предложением своих услуг, так что правительству приходилось выбирать между ними. Ввиду этого было вполне естественно, что между разными агентами возникала конкуренция, переходившая иногда прямо в недоброжелательство. Каждый из них старался выставить на вид свои услуги, свою преданность и ревность в служении государю и при случае не прочь был заподозрить, уронить в глазах царя службу, ревность и достоверность сообщаемого другими агентами. В 1649 году архимандрит Венедикт, сообщая разные политические вести между прочим писал и следующее: «Многие грамоты писал и посылал я к великому вашему царствию и в них писал прежде иных людей о всем подлинно про турского салтана, и никто иной не писал так подлинно и не рассказывал»[366]. Учитель великой церкви Гавриил с послом Нестеровым прислал к государю грамоту, в которой благодарит государя за присланные ему соболи в 300 ефимков и в то же время пишет следующее: «Которые к царскому величеству палестинские епископы и архиепископы, и митрополиты, и патриархи пишут, будто они царскому вашему величеству о делех радеют и пишут и, приехав, изустно сказывают, и тому б вашему царскому величеству не верить – все пишут и говорят ложно, потому что они, там будучи, никаких подлинных дел и вестей не ведают да и ведать им не дают и почитают (их) вместо псов»[367]. Про ревностного русского агента Ивана Петрова наши послы писали государю, «что никоторый греченин того не ищет, как он, Иван, во всяких твоих государевых делех радеет, и для того многие гречаня его, Ивана, ненавидят зависти ради». Эта зависть к уважаемым и влиятельным при московском дворе агентам побудила, без сомнения, написать Иерусалимского патриарха Феофана в 1641 году следующий донос государю на архимандрита Амфилохия. «Некий архимандрит Амфилохий, – писал Феофан, – которого я имел прежде у Святаго Гроба, от меня сбежав, пристал к прежнему патриарху Кириллу (Лукарису) и посылаем был дважды к вашему царствию, а ныне он ни у Цареградскаго

патриарха, ни со мною у Святаго Гроба. Он пишет и посылает к вам государю от нас, обоих патриархов, грамоты ложью многою, вы же ему не верьте; сказываюсь, что от него пострадал Иван Петров, и он недобрый человек»[368]. Понятно, что на этот донос патриарха не было обращено никакого внимания в Москве, где хорошо знали Амфилохия как самого ревностного и преданного русскому правительству агента и потому, несмотря на донос патриарха, продолжали пользоваться услугами Амфилохия до самой его смерти.

Служба русскому правительству второстепенных агентов, так же как и патриархов, была для них далеко не безопасна. Архимандрит Амфилохий сообщал о низвержении и смерти патриарха Кирилла Лукариса, пишет, что и ему грозила сильная опасность: «Я бегал и укрывался больше шести месяцев и ожидал всякий день смерти, а ныне пребываю на иерусалимском подворье беден и в нужде»[369]. В 1652 году фессалийский архиепископ Даниил сообщает политические вести, хотя он и сильно опасается за себя, потому что агаряне беспрестанно кровь проливают и преданы во всем дьяволу[370]. В 1661 году архимандрит Дионисий сообщал: «Пишем с сим верным рабом вашего царствия Саввою Дмитриевым и всегда желаем писать, но не смеем, потому что многие за такие дела погублены. А буде турки услышат, что кто в Москву идет или из Москвы приехал, тотчас его казнят и на кол посадят. Один чернец ездил к вашему царствию от Константина воеводы, и как он возвратился в Молдавскую землю, тотчас его поймали нечестивые и отослали к визирю, а визирь его казнил, и сего ради пишем к вам с великим страхом, не щадя своих голов»[371]. То же подтверждали и другие лица, приезжавшие в этот год в Москву. Афонский, например, иверский архимандрит заявил, что по султанову повелению в Царьгороде, мутьянской и волошской земле сделан заказ крепкий, чтобы в Московское государство патриархов, митрополитов и иных властей и старцев не пропускать. При нем приехал в Яссы вифлеемский митрополит и хотел ехать к царскому величеству, но воевода Стефан его не пропустил и велел ехать назад, да и купецких людей и гречан к Москве не пропускает, и он, архимандрит,

уехал тайно. Грек Исайя Остафьев, приехавший от Константинопольского патриарха, заявил, что патриарх и гречане, которые работали великому государю царю, страшились от турок злого их мучения и смерти и теперь не от кого больше получать разные вести. Агентам нашего правительства приходилось опасаться и самих греков, особенно тех, которые побывали в Москве. В 1661 году цареградский инокосвященник Дионисий прислал грамоту с политическими вестями и в ней просит не объявлять этого рода писем приходившим в Москву грекам, чтобы от того не пострадать.

В 1672 году переводчик при турецком дворе Панагиот доносил государю через грека Ивана Юрьева, «что от тех греков, которые долго живут на Москве, великое зло вырастает; как только кто-нибудь из них обеднял и в Царьград съедет, то святейшим патриархам и нарочитым грекам чинят великое раззорение, оглашая туркам, ради своей бездельной корысти, будто патриархи и честные люди о всяких вестях Москве пишут, а турки за то многих казнят смертью»[372].

Одним из побуждений, которое заставляло и патриархов, и других агентов служить русскому правительству, несмотря на все опасности со стороны турок, заключалось в той милостыне, которую они получали от нашего правительства за свою службу. Иерусалимский патриарх Феофан писал, «что только великая наша любовь и для благочестия твоего и для милостыни, что имеете к нам, понуждает нас писати и объявляти» разные политические вести. Кирилл Лукарис в 1634 году со слезами благодарит государя за присланную им милостыню и обещает за это работать великому государю делом, и словом, и поспешением, и верою, сколько будет возможно. Для патриархов царская милостыня имела иногда в высшей степени важное значение. В 1636 году Кирилл Лукарис, лишенный в это время кафедры, просил у государя прислать ему шубу из черных лисиц, которую он отдаст в подарок начальным турецким людям. Шуба ему была послана и возвратила ему потерянную было кафедру. По крайней мере сам Лукарис писал об этом обстоятельстве государю в 1638 году следующее: «Приняли есми твоего царского жалованья – шубу лисью, и ту я

шубу отдал начальным людям, и они согнали беззаконника, а мне велели быть по-прежнему. Посем молим, чтобы всегда неотлучно было от нас твое царское жалованье, потому что мы всегда богомольцы державного твоего царствия»[373]. Подобно патриархам и все другие агенты, работая великому государю, имели в виду получать за свою работу известное вознаграждение. Отписки этих агентов заключались обыкновенно жалобами на их бедственное положение и просьбами к государю прислать им милостыню. В 1640 году архимандрит Амфилохий писал: «Ныне пребываю беден, и нищ, и в великом долгу и сего ради молю со слезами и бью челом тебе, великому государю: пожалуй меня, бедного богомольца своего, как тебе Бог известит». В 1642 году он писал: «Ныне он беден и в пожарное время келия его с книгами и со всею рухлядью погорела, и государь бы его пожаловал своею милостынею». В 1649 году он же писал: «Я богомолец твой вельми бью челом тебе, великому и праведному государю, чтоб тебе пожаловати меня своим царским жалованьем, как тебе, государю, Бог известит, а я буду работать тебе, великому государю, и Бога молить до конца живота моего»[374]. В 1646 году халкидонский митрополит Даниил свою отписку с политическими вестями заключает: «Поклоняюсь, молюсь и благословляю великое ваше царствие, своим жалованьем не забывайте нас как верных ваших рабов». Вскоре Даниил прислал и другую грамоту, в которой, извещая государя о своем поставлении в тырновские митрополиты, писал: «Еще, благочестивый царю, бью челом великому вашему царствию и поклоняюся, молю и благословляю великое ваше царствие, да не забудеши нас от милости царствия вашего... Ныне тому пять лет имеем, не прияли милостыни великого вашего царствия ничего и тако уповаем ныне, да не забудете нас»[375]. В 1653 году халкидонский митрополит Гавриил просит государя наградить его милостынею за его хождение по делам царским[376]. Подобные просьбы царских богомольцев и работников о милостыне за их службу и радение о государевых делах по возможности удовлетворялись нашим правительством. Так, севастийскому, например, митрополиту Иосифу в 1636 году за

его службу послано было три сорока соболей в 200 рублей; в 1639 году ему посланы сосуды церковные ценою 23 рубля, 25 алтын, 4 деньги, да шуба соболья в 40 рублей; да по его челобитью послано в Троицкий на острове Халки монастырь, где жил митрополит, сорок соболей в 30 рублей. В 1640 году, когда митрополит сам приехал в Москву, ему дано было: кубок серебряный в три гривенки, камки 12 аршин, сорок соболей в 30 рублей и 40 рублей деньгами, да ему еще дано было 70 рублей за то, что у него в синодике записаны были родители государя, да еще даны ему ризы в 35 рублей, 8 алтын, 6 денег, да кадило серебряное золоченое весом в 2 фунта без 9 золотников. В 1642 году ему было послано соболей на 100 рублей. Архимандриту Амфилохию, помимо дач, которые он получал во время двух своих приездов в Москву, платили за его службу государю соболями: в 1638,1640,1641 и в 1642 годах на 50 рублей каждый раз, в 1645 году на 370 рублей, в 1646 году на 100 рублей, в 1647 и 1648 годах на 30 рублей в год, в 1649 году на 100 рублей, в 1650 году на 50 рублей и в 1651 году на 70 рублей[377]. Приблизительно такая же дача давалась и другим лицам, присылавшим в Москву отписки с политическими вестями, конечно, если правительство соглашалось признать присылающее отписки лицо за своего агента, в противном случае за присылку вестей милостыни не давали. Подобный случай, например, был с архимандритом Великой церкви Венедиктом, который прислал в Москву несколько грамот с политическими вестями и в каждой из них умолял государя пристать ему «хоть один добрый сорок соболей», который, однако, так и не попал в его руки, потому что Венедикт, будучи в Москве, произвел здесь очень дурное впечатление. За какие-нибудь особые, чрезвычайные услуги агентов и плата им давалась особая. Так, назаретскому митрополиту Гавриилу, бывшему посредником между Москвою и Хмельницким, деятельно склонявшему последнего подчиниться Москве, сверх обычной дачи дано было соболями на 200 рублей, да потом еще прибавлено на 400 рублей[378].

Некоторые гречане, поступая на службу русскому правительству, имели в этом случае в виду не только личные

материальные интересы, но интересы всего Православия. Служа русскому правительству, они думали тем самым служить всему Православию. Грек Иван Петров Тафрали в челобитной государю заявляет: «Как мои сродники служили прежним православным царям, так и я хочу служить царствию твоему до конца живота своего всем сердцем и душою», заявляет, что он «для ради православныя христианская веры» будет охотно отправлять всякую службу, какую только поручит ему государь[379]. Философ и учитель Николай Морицкий, приезжавший в Москву в 1657 году и сообщавший здесь разные вести, так мотивирует свою службу государю: «Радея для Православия и многолетнего царя, я кровь свою хочу пролить и живота своего не щажу, потому что иного царя православного в роде нашем греческом не имею, если кто любит царствие твое, тот любит Православие и Бога, а если кто не любит царствия твоего, тот не любит ни Православия, ни Бога»[380].

Иерусалимский патриарх Досифей посылает вступившему на отеческий престол царю Федору Алексеевичу грамоту, в которой он изображает, каков должен быть истинно православный христианский царь по своим личным качествам, как он должен относиться к делам веры, Церкви, к подданным и т.п.[381] Это довольно обширное наставление молодому царю не было со стороны Досифея простою формальностью, но выражением того высокого взгляда на русского единого теперь православного царя, который усвоил себе Досифей. Для него русский царь – это представитель, защитник и поборник всего Вселенского Православия, почему он должен всегда по своим личным качествами и по характеру своей деятельности стоять на высоте своего призвания, должен интересы всего Православия ставить выше всех других интересов, а все православные, без исключения, обязаны беспрекословно подчиняться его высшему водительству как Божественному, во всем и всегда должны верно и неустанно служить царю. Понятно отсюда, что ревностная служба русскому царю в глазах подобных агентов была делом святым и богоугодным, службою интересам всего Вселенского Православия, так что для агента этого разряда она была обязательна и в том случае, если она

ему лично и ничего не давала, кроме труда, разных тревог и даже прямой опасности для жизни. Понятно также, что агенты этого рода были самые верные и усердные слуги русского правительства, преданные ему всею душою и готовые везде и повсюду ревностно исполнять все возложенные на них поручения.

Политические вести, сообщаемые нашему правительству разными агентами из гречан, были очень разнообразны и касались всех важнейших внешних и внутренних событий Турции и стран, ближайших к России, каковы: Крым, Польша, Малороссия, Молдавия и Валахия, Австрия в ее славянских провинциях. Чтобы хотя отчасти познакомиться с характером тех сообщений, которые наше правительство получало от своих агентов, мы укажем на некоторые из них.

Для Московского государства его отношения к Крыму всегда стояли на первом месте, так как они затрагивали самые существенные его интересы. Поэтому для русского правительства крайне важно было получать постоянные и обстоятельные сведения о всем, что касалось Крыма. Разные агенты вполне удовлетворяли этой насущной потребности московского правительства. Они тщательно следили и наблюдали за всем, что делается в Крыму, разузнавали замыслы и намерения хана, его отношения к турецкому правительству, к Польше, к казакам и обо всем немедленно уведомляли наше правительство, причем нередко к своим сообщениям присоединяли предостережения, советы и наставления, как следует поступать при известных обстоятельствах. В 1645 году, например, браиловский митрополит Мелетий сообщал в Москве от имени Константинопольского патриарха Пар-фения о крымском хане, что он злой человек и ранее был сослан в Родос вместе с визирем Магмет-пашою, где они побратались и условились между собою помогать друг другу. Теперь Магмет сделался опять визирем и послал своего приятеля хана в Крым и велел ему воевать государеву Украину, где тот и взял в полон две тысячи человек. А так как в Крыму ныне голод и там едят человечину, то нужно ждать нового нападения крымцев на

государевы владения, и потому царю следует теперь тщательно оберегать свою Украину. В том же году архимандрит Амфилохий уведомлял государя, что крымские люди воевали государеву Украину и это было любо султану Ибрагиму, который послал за это хану кафтан и саблю и велел ему опять послать в государеву Украину своих людей, которых теперь собрано в Крыму до 40 000 человек. По тому же самому поводу и в том же году грек Иван Петров советует государю говорить находившемуся в Москве турецкому послу, что царь по любви к султану отдал ему Азов и смирил казаков и в надежде на турецкую приязнь за это, не оберегал своей Украины, а между тем султан не устоял в своем слове и послал крымцев воевать Украину, ввиду чего русский царь вперед уже будет действовать как Бог велит. Такую речь, по мнению Ивана Петрова, следует написать и в грамотах к султану и визирю, а послов посылать не следует, так как тогда все пропадет, ибо султан в своем слове неустойчив, что говорит, того не делает. Затем Иван Петров советует послать в поход казаков и дать им от себя помощь и держать их под своим царским повелением, ибо «пока ваши казаки будут проживать на Дону, то вашей царской Украине будет великая помощь, а турскому посрамленье. И он смирится, потому что и в книгах своих обретают, что царство их будет взято от царского рода. Итак, велите оберегать свою Украину, ибо турки лживы, как извещаю я, смиренный и меньший раб ваш. Пока Азов был у казаков и послы царствия вашего не приезжали в Царьград, тогда не позволено было воевать Украину вашу, потому что турки боялись, а как изволили вы отдать Азов и послы ваши приехали в Царьград, тогда турки ударили на казаков и татарам велели Украину раззорить, потому что опасения себе никакого не чаяли». В новой грамоте от того же года Иван Петров продолжает извещать наше правительство, «что султан Ибрагим приказал крымскому хану идти воевать Украину и что он похваляется заставить царствие ваше платить дань султану и ему, хану, что весьма полюбилось султану». Халкидонский митрополит Даниил, со своей стороны, писал: «Ноября в 17 день прибыл корабль из Кафы с московскими полоняниками; мы расспрашивали их чрез

толмача, и они нам сказали, что крымский царь взял их в полон от страны вашей четыре тысячи, и о том все цареградские христиане пожалели и подивились, что поверило царствие ваше турской любви и покинули Украину свою без ратных людей, а они, собаки-татаре, сыскали время и полонили стольких христиан. Должно всегда православным христианам не верить турскому собаке, и многолетнему царю надлежит в ту пору, когда с неверными в любви бывает, еще больше оберегать свою Украину. Как услышал турской султан, что крымские тата-ре такой поход учинили и столько полону взяли, они, собаки, весьма обрадовались и после того послали Антона Константинова чрез Крым к царствию вашему утешать тем, что будто султан ничего не знает; но все то ложь, нам всем подлинно известно, что по повелению султанову учинили поход в Украину и что станет Антон Константинов сказывать, то все ложно, потому что он дал Бекташ-аге много ефимков и много иных даров, чтобы его послали, и не должно царствию вашему почтить Антона, потому что явно обманывают вас: с одной стороны мирятся, а с другой разоряют Украину царствия вашего; сего ради должно стоять твердо, ибо ты великий царь и должен почитать их ни во что, ибо они на слове своем не стоят. Князь Матвей, мутьянский воевода, имеет только тридцать тысяч воинских людей, и то турки весьма устрашаются его, и послал к нему султан свою жалованную грамоту, чтобы ему владеть по смерть свою; а великое ваше царствие зачем их почитаешь? Если только не воззришь ты своим страшным оком на нечестивых турок, увидишь, что они больше того начнут разорять Украину великого вашего царствия; ты благочестив и тихомирен и потому уважаешь их, а они себе думают, что ты, государь, устрашаешься и потому почитаешь, и ради этого они превозносятся. Крымский царь послал к султану Ибрагиму гонца своего и просил у него повеления, чтобы ему опять поход учинить в другой раз на Украину, и похвалился крымский хан султану, что заставит московского царя давать дань ежегодно султану, как и ему дает, а султан явно кажется как будто не дает крымскому воли, но весьма тому рад. И так извещаю великому вашему царствию, что он готов ударить на Украину опять, и вам

бы приказать оберегать Украину свою»[382]. В 1646 г. тот же халкидонский митрополит Даниил извещал государя, «что турской вельми разорился» и что, вследствие громадных потерь во время войны с немцами, он, не имея людей для вновь построенных каторг, решился набрать гребцов для них из полоняников, ради чего 20 октября послал к крымскому хану грамоту, чтобы ему без всякого мешканья идти на Московское государство и там взять полону для каторг. «Извещаю великому вашему царствию, – писал митрополит, – да наскоро великое ваше царствие, яко благочестивый и благоразумный царю, пошлет ратных своих людей оберегати свои украйные места, чтобы христианам раззорения не было и по всему бы миру позору не было, потому что турки николи на своей вере и на дружбе не стоят и непостоянны… великое ваше царствие не верьте им ни в чем… и не оплошайте, да не будете посрамлены во всем народе: а все короли соединилися заодно на турского… Не помышляйте послать посла к турскому султану, только оберегайте украйну свою от татар, а от султана не опасайтесь, потому что он планиту восприял ныне и будет восприяти и многие лета с умом не соберется»[383]. В 1647 году тот же Даниил извещал государя, что султан с ханом замышляют поход на Московское государство, и потому «да не будете без опасения, да не будет же у вас не готово прежде их, потому что они не спят, а радеют взяти города и места, такожде подобает великому вашему царствию не спати, а оберегати украйну свою»[384]. В 1651 году фессалийский архиепископ Даниил, сообщая государю политические вести, советовал ему особенно оберегать свою царскую украйну, потому что крымский хан собрал великое войско в Добрудже и с иных сторон, и с ним еще черкасы заодно, так что он может неожиданно напасть на царские пределы, и потому тщательно следует оберегать царскую украйну, ибо хану веры ни в чем давать нельзя[385].

В 1662 году грек Дмитрий Иванов извещает государя, что крымскому хану писал кумыцкий султан Мурат, чтобы он поднялся для имени Божия и освободил много бусурманских душ от нечестивых рук русских, они же, со своей стороны, готовы. Крымский хан на это отвечал, что ныне у него война с

Литвою, а к весне он будет готов и придет к их освобождению, и заставил бирюча по всему Крыму кликать, чтобы ратные люди были готовы, почему государю следует оберегать путивльскую украйну, а Бог сокрушит недругов царских[386]. В 1656 году цареградский архимандрит Парфений, сообщая вести о турских делах, писал: «Ныне да будет ведомо тебе, многолетный царю, что крымский хан готовит войну, а с которой стороны, мы не знаем, только вели свою украйну оберегать, потому что на дружбу их надеяться нельзя»[387].

Приведенные нами выдержки из донесений о Крыме показывают, что агенты очень внимательно следили за всем, что замышлялось или происходило в Крыму, и обо всем замеченном немедленно сообщали русскому правительству, предупреждая и остерегая его, чтобы оно не было застигнуто врасплох событиями. Понятно, как важны и дороги были для московского правительства все эти вести о Крыме, отношения к которому тогда стояли на первом плане наших международных сношений.

Не менее важны и интересны были сообщения разных агентов об отношениях турок к другим государствам, об их войнах, о постигших их удачах и неудачах и т.п. В 1646 году халкидонский митрополит Даниил подробно описывает, например, все приготовления турок к войне с венецианами и все их военные действия, точно обозначая, в какой именно день и что случилось[388]. Или, например, в 1649 году архимандрит Венедикт сообщал, что турецкий султан «ныне весною готовит великую армаду и корабли, только людей не имеет, чем их наполнить, а с другой стороны сказывают, что немцы новую великую армаду имеют на Белом море, а иные стоят у беломорского гирла у новых городков, и не смеет ни один турский корабль выехать на Белое море. Венециане хотели помириться с султаном на том, чтобы критский остров покинул, а взял бы миллион золота, но турки говорили, что невозможно сему быть, потому что в Ханеи уже поставили свои мечети и города не отдадут. Еще слышали, что венециане ныне одного великого посла посылают в Литву, а зачем, того не ведомо. Еще писали из Царьграда, что французский король молод и его мать-

королева, с некоторым кардиналом и некие их земли отложились, а с шпанским помирились, ибо у них междоусобная брань. Шпанские великую помощь подают венецианам, и от того наполнилось Белое море немецкими кораблями – да наполнится и Черное море христианами! Так, превысочайший царь Алексей Михайлович всея Русии, мы слышали и, как верный раб и богомолец вашего царствия, объявляю, ибо я всегда радею и пишу к вашему царствию»[389]. В 1652 году фессалийский архиепископ извещал государя о морских сражениях немцев с турками, причем решительный перевес был на стороне немцев, но при этом пострадали и христиане. Немцы, вышедши на берег, рассказывает архиепископ, принуждали христиан выдавать им турок, которые спаслись на берег острова Сантарино, угрожая в противном случае истребить всех. Устрашенные христиане вынуждены были выдать турок, которых немцы всех побили. А так как в числе корабельщиков вместе с турками были и христиане, то немцы, отделив их, посадили на три корабля, взятые у турок, и без милосердия всех их сожгли, чтобы и иным не было повадно наниматься к туркам на службу против единоверных. Остальные турецкие суда бежали в Родос, и вся их похвальба престала, у них было 50 больших и 50 малых кораблей, и половину у них отобрали немцы[390]. Из донесений агентов русское правительство обстоятельно узнавало о внутреннем состоянии Турции, о тех смутах и нестроениях, которые происходили при турецком дворе.

Итак, в 1648 году архимандрит Венедикт сообщает: «Слышал есми подлинно, что восстали четыре паши из анатольской стороны и идут судиться с салтаном в Царегороде о своих напраслинах, что им салтан сотворяет, и то бо есть истина, а не ложь, потому что и все царегородцы от него изобижены и ряды их – турских людей, и животы православных христиан из лавок пограбил, што имели в соблюдении и более того, што и от братии своих, взял все их дорогие вещи, и чаю истинно, што его по се число извели, потому что всегда на него роптали, что он безбожный и по своей вере Богу не молится, только живет блудно и безумно»[391]. В следующем, 1649 году

архимандрит Амфилохий сообщал с греком Христофором Мануйловым: «Объявляем тебе, великому государю, что июля в 28 числе собрались все янычаре, и стали они заодно с оружием против царского двора, и заперли все ворота цареградские и поймали царя Ибрагима августа в 8 день и задавили его за многую его неправду и на его место посадили на царство царевича, сына его Ибрагимова по седьмому году, и убили еще визиря Ахмет-пашу и на его место выбрали нового визиря Мегмет-пашу»[392]. Об этом задавленном янычарами султане Ибрагиме встречаются любопытные сведения, идущие из разных рук. В 1646 году приехал в Москву Лаврентий, архиепископ Кассандрийский, с которым патриарх Парфений прислал разные вести. Между прочим архиепископ сказал: «Говорил-де Цареградскому Парфению патриарху визирь, что нынешний Ибрагим султан несчастлив, как-де он сел на царство и по ся место никоторое дело в путь нейдет и никакого добра нет, где-де он ни пошлет людей, и их-де всех побивают, а счастья никакого нет. Да и турченя-де служилые люди все во Царьгороде говорят про турского Ибрагима султана тож, что он несчастлив и в разуме недостаточен». В 1647 году приехал в Москву корицкий митрополит Гавриил, который на предложенные ему в Посольском приказе вопросы: что Ибрагим-султан думает об общем вооружении против него? – сказал, «что ту рекой Ибрагим салтан в великом страхованье и ночью сна ему нет, ходит по вся ночи с ближними своими людьми по городу, а Царьгород запирают за час до вечера, а отпирают с утра в час дни, и говорит-де турский Ибрагим-султан с ближними своими людьми, что наступили на него многие немецкие государства и московский государь (агенты доносили, что с восшествием на престол Алексея Михайловича турки стали думать, что русские опять захватят уступленный ими Азов, и ходили у них слухи, что московское войско двигается на Крым) и литовский король на него ж собираются, и нешто-де нам от Царягорода отступить и быть по-прежнему на своих юртах». О самой личности султана Ибрагима московское правительство получило довольно интересные для него сведения. В 1641 году приехавший в Москву грек заявлял в

Посольском приказе: «А турской Ибрагим-салтан малоумен и немощен и кривошееват, а детей у него нет, а во всем владеет визирь Мустафа-паша». В 1647 году силистрийский митрополит Иеремия сообщал в Москве, «что Ибрагим-салтан пьет, а допьяна не упивается, только прост во всем». В 1648 году грек Юрий Остафьев сообщал в Москве: «А салтан (Ибрагим) ни о чем не радеет, только дался на блуд женской и на иные великие блуды и ни о чем не помышляет». В том же году очень любопытные вести о султане сообщил в Москву и архимандрит Венедикт, именно, что султаном сильно недовольны в Царьгороде, потому что видят, «что он не радеет о воинском строении и он есть дурак и предан на восхотение женское и встает близ полдня, потом поедит со многими девицами в возках и едучи к решеткам, сиречь к великому базару, ставит шатры и с дерзновением ест и пьет и делает многое позорная. Потом, паки возстав, едет на иное место на аврат-базар под вечер и чинит такожде, и тако делаючи по вся дни. И возстали дворяне на него и насилу тремястами мешками утолил их, а в мешку по пяти сот ефимков. И после того не оставил же своего дуровства и визиреву жену и дефтедарову жену и иных многих, где услышит про лепых, всех опозорил. А для утешения визиря, что он опозорил жену его, дал за него дочь свою – году и трех месяцев и учинил его зятем себе. Сия и иные многие неисчетные и пуще того – безумие его понуждает и чинит. Да не токмо сего ради, великий царю, ненавидят его во Царегороде, но во Анатольской стране восстал единой изменник и отложился – именем Кара-Хасан. Султан писал к одному паше, чтоб поймал его, а он отъехав стал с ним заодно и оба изменили и собрали, сказывают, много войска»[393].

Смерть султана и воцарение нового вызвали в Константинополе смуты, волнения и дворцовые интриги, о чем немедленно сообщали русскому правительству его агенты. С греком Христофором Мануйловым архимандрит Венедикт извещал: «Объявляю, что в великом бессилии пребывает нечестивое царство турецкое, ибо султан молод, а паши владеющие разных дум, и делает всякий по своему разуму. Еще: в прошлых днях имели междоусобную брань янычаре с

дворянами, не только в Цареграде, но и везде побивали друг друга, и то знаю подлинно. Ныне они помирились, но меж себя вражду держат, а когда-нибудь у них великое зло будет, и пошли Бог такой свой гнев на них»[394]. Приконийский митрополит Иеремия в 1651 году извещал про турок, что они «друг друга побивают и янычаре ссорятся с своими начальниками, а наши с визирями. В Анатолии восстал мятежник, все раззоряет и разбил посланных против него»[395]. Фессалийский архиепископ Даниил в 1652 году сообщал, что в Цареграде большие смуты, «вельможи едят друг друга как псы, кому из них быть визирем и богатство собрать, а султан остался без родителей, и вельможи владеют, как хотят». В том же году грек Фома Иванов сообщал, «что турки пребывают в великом непостоянстве и невозможно высказать, какое зло всем они творят, по малолетству султана, не почитая его царем. Если бы еще владели благородные люди, то не было бы досадно, а то владеет черный араб Селиктор-ага, который ведает девок султанских и столько гордится, что никто ему не противится: ни визирь, ни кто другой, что скажет султану, то и верит, потому что к нраву его привычен; он отставляет и визирей и муфтий, и без его ведома визири никакого дела не делают; кого убивает, кого ссылает. На место визирское посадил грузина, который никакого дела рассудить не умеет, и их делам окрестные народы смеются»[396]. Наконец доносили агенты (цареградский архимандрит Парфений), что господство евнуха вызвало возмущение: «Янычары и спаги, собравшись, явились к султану, и когда он вышел, и спрашивал: чего они хотят? – все поклонились султану и возопили: «Дай нам твоих ближних арабов, потому что они тратят твою казну и мир раззоряют». Султан говорил им, чтобы от мысли своей они отстали, но они возопияли опять: «Дай нам их, и тебе лучше будет, казну твою раззоряют и собирают себе». Султан, видя, что они не покоряются, удавил девичья своего агу и учителя своего и выкинул к ним мертвых; они, взяв их, наругалися им и вешали их за ноги на площади, а на третий день пришли к султану просить и остальных. Султан вышел к ним и выдал своего дворецкого и с ним иных своих ближних людей также мертвыми, и одну женщину, удавив с мужем, также выкинул к ним. Янычаре

опять наругались над ними. У тех мертвых осталась казна неисчетная, то все отдали султану. Но янычаре опять начали просить из затворных ближних людей. Каймавана Мустафу-пашу переменили, а к Сиуш-паше послали наскоро, чтобы приехал и сел визирем, а затворных ближних людей султановых всех четвертовали. Еще просили янычерского агу и иных, которые скрылись, и султан дал им наказную память, чтобы где их сыщут, там и погубили. После сего янычаре и спаги укротились. Марта 5 пришел в Царьград Сиуш-паша, а 25 марта удавили таможенного голову Асанагу, а остальных агов поймали и всех удавили»[397]. Во всех этих смутах, особенно во время малолетства султана, по донесениям агентов, немалую роль играли женщины.

Так, грек Фома Иванов в 1651 году прямо заявлял в Москве, что смуты в Константинополе происходят, между прочим, от султановой бабки, которая, поссорившись с матерью султана, говорила, что никогда не допустит ее править государством и в случае нужды посадит на царство меньшего внука и что визири стараются прекратить эту распрю между царицами, как опасную для целости империи, и без того погибающей от христианских королей[398]. О дальнейшем развитии этой ссоры цариц и об ее последствиях, в 1652 году сообщал фессалийский архиепископ Даниил следующее: старая царица, жена султана Ахмета, побранилась с новою и стакнулась с ближними людьми, чтобы убить султана и посадить на престол младшего брата, как более достойного и смелого; раздавали для этого много денег янычарам. Новая же царица имела у себя верного скопца, его влиянием переменила визиря и старалась привлечь к себе народ, уменьшая цену съестных припасов. Они проведали об опасности, угрожавшей султану, и вовремя ее предупредили. Визирь пришел с вооруженными людьми во дворец; старая же царица вооружила своих девок в латы и понесла молодому султану молоко с отравою, но один верный человек дал знать султану, чтоб он не пил. Тогда султанша, бросив чашку с молоком на землю, схватила за горло султана и хотела удавить, но прибежал старший из скопцов и спас его из рук бабки. Пришел и визирь, которому жаловался

султан, что бабка хотела его удавить. Визирь велел немедленно задавить царицу и приказал вооруженным людям охранять все ворота дворца, а внутри убивать всех евнухов и девок, которые были на стороне царицы. Когда прибежали янычары на двор визиря, они не нашли его и, узнав, что в султановом дворце все вооружены, возвратились назад. На другой день визирь велел выставить знамя пророка и сзывать всех правоверных на помощь султану. Ближние же люди, понадеясь на янычар, не пошли на зов сей, и сделалась великая смута. Вооруженные бегали по всему городу, собрались и христиане на помощь государю. Султан и визирь, видя, что не покорились вельможи и что муфтий на их стороне, послали за старым муфтием и возвели его на старую степень. Новый сановник объявил всех непокорных отлученными от своей веры, и хотя сам султан выехал на коне против янычар, но по малодушию бежал от них; однако янычары не захотели быть отлученными от своей веры за несколько вельмож и поддались под царское знамя. Тогда вельможи разбежались по дворам своим. Однако их не казнили, а только удалили от занимаемых ими мест и раздали им различные пашалыки, но впоследствии их умертвили, лишь только они выехали из Царьграда. Новый султан имеет такой страх пред янычарами, что никого из них не хочет видеть, помня, что они задавили отца его, и когда ездит в мечеть св. Софии, то велит их отгонять. Беспокойство и в Анатолии и такое непостоянство у агарян, что и описать невозможно[399].

Кроме разных политических вестей и сообщений о придворных и гаремных происшествиях при турецком дворе, агенты и приезжавшие за милостынею просители доставляли иногда в Москву вести и о других событиях, которые казались им почему-либо выдающимися или особенно интересными. Эти сообщения для тогдашнего правительства заменяли нынешние газетные известия. Например, в 1641 году приезжие гречане сообщали: «Да в нынешнем во 149 году в марте месяце был в Царе-городе пожар на Галатех, сгорело с тысячу дворов и нанесло огонь на сарай, где стоит наряда для снаряжения каторг, и из одной пушки выстрелило и визиря Мустафу-пашу от ядра опалило – бороду и глаз попортило, и от того лежал болен

недели с две»[400]. В 1648 году Константинопольский патриарх Иоанникий пишет государю особую грамоту, «чтобы вам достоверно ведомо было о чудесех, что здесь сотворилось от Бога, – страшный трус, что николи такого не бывало и никто толь не помнит». Затем рассказывает, что от землетрясения разрушились многие дома, «и упали два столба пречудные, которые были поставлены в древние лета от добрых мастеров»; эти столпы всегда оставались целы и невредимы во все предшествующие землетрясения. Раз жиды дали туркам много денег и с их позволения обожгли кругом один из этих столпов, который был позолочен, «чая от него много злата снята», но ошиблись в расчетах. Столп от огня только расселся, и жидам пришлось скрепить его железными обручами; так столп и стоял до последнего времени, а теперь вместе с другим пал, чего никто не ожидал. Как видно, это землетрясение произвело сильное впечатление в Царьграде, так что и архимандрит Амфилохий счел нужным, со своей стороны, уведомить о нем царя, причем он замечает, что сами турки считают это явление недобрым знаком для их царства[401]. В 1653 году халкидонский митрополит Гавриил между другими вестями сообщает государю и следующее: «Учинилось некакое чудо здеся в турской земле, в арцком епископстве, а писал нам о том некоторой священноинок, имянем Евгеней: в прошлом-де году, месяца сентября в 9 день, часу дни, источила земля кровь горячую красную, и наполнилися места и хоромы, и мир устрашился и прибегли к церквам и учали петь молебны, и та кровь во всю ночь источила, а наутре та кровь ухронилась, только земля и стены остались окровяны; и о сем чудесе многие, с той стороны приходящие, сказывали патриарху, что видели сами оковидно, и яз, раб твой, дерзнул еси писати и ведомо учинити великому вашему царствию»[402]. Не без интереса русские могли читать и следующий рассказ из местной жизни янинского митрополита Каллиника, написанный им в 1650 году 5 мая и присланный в Москву с архимандритом Нектарием. «Слышал я от агарян, – писал митрополит, – как они говорили о великом вашем царствии: в нашей янинской области, по той стороне озера, есть село, называемое Струны, и близ него

большой куст (именем Пурнарий), из-под корня его от камня выходит вода, «аки происходящая река», и та вода так холодна, что невозможно вложить в нее руку. Там поставил некто Али-паша большой терем каменный, и приезжают туда для прохлады многие вельможи на всякое лето. Приехал туда и один капыджи-баши из Царьграда и велел ловить христиан и называть их изменниками, будто они посылают запасы и порох и иное снадобье во французскую землю, а как те люди разбежались, капыджи велел раззорить домы их и собрал к себе к той воде для прохлады князей и вельмож. Были у него в то время Али-паши сын, и капитан-паша, и братья его, и кадий. Они промеж себя говорили о воинских людях и о иных государствах, и капыджи-баши сказал, что опричь московского царя иного такого нет, потому что государство его велико и владеет многими местами вдесятеро больше султана, и князь страны той весьма тому дивился. Капыджи говорил и про московских ратных людей, что их у царя много, «только-де худосильны, потому что у них красного питья нет», но некоторые из них говорили: «Есть-де у них питье и лучше нашего красного питья, а царь-де вельми богат». Демир-паша говорил: от того-де и наши бывшие султаны на Московское государство войною не ходили. Капыджи сказал на это: хотел было славныя памяти султан Мурат с московским царем войну начать, только прежде хотел помириться с поляками и Литвою, чтобы ему пройти через Литву. К этим словам присовокупил ближний человек паши, потурчившийся гречанин: «Что-де вы то говорите? всего-де от Бога не дано; уже наш срок отходит, что мы владеем, а хотят тем опять владеть гречане, да и в книгах-де о том писано, что от страны московские сядет царем в Константинополь». В те поры у капыджи-баши были греческих монастырей игумены, которые приносили ему почесть, и Али-пашин сын Теврик-бей говорил: «Чаю-де из тех чернцов который-нибудь на Москве бывал?» И спрашивал их о том, но они сказали, что на Москве не бывали. Тогда князь тамошней страны спрашивал тех игуменов «с пристрастием», чтобы они сказали добром, кто из них на Москве бывал, а буде они не скажут, а он после про то сведает, тех замучает. Слыша это, некоторый архимандрит от св. пророка

Илии, Нектарий, который был в Москве в прошлом году и принял милостыню от великого вашего царствия, сказал, что он в Москве бывал. Они его о Московском государстве расспрашивали. Нектарий сказал: хотя московский царь и пожаловал меня милостынею, только я скажу правду, что видел очами своими: бывал я в Царьграде и в иных многих государствах и столь многосильных ратных людей, опричь Московского государства, нигде не видал. Они спрашивали и его о вашем царском возрасте, и он им сказал, «что млад, и страшен, и грозен, и храбр». Еще спрашивали его: есть ли в Московском государстве лошади добрые против того, как у них в Царьгороде? и он им сказал, что видел там лошадей лучше царегородских, да на Москве видел он народ такой, никого ин-де нигде не видал. И капыджи за то его бранил, что-де он сказывает неправду, и отошел от него прочь. После того тамошней страны князь ходил к некоторому бусурманской веры учителю, именем Лезию, которого они почитают святым, а пребывает он в янинской области, идет ему царева корму по пяти ефимков на день. Князь спрашивал Лезия: есть ли то писано, что будет такое время, «когда им туркам доступити Московского государства, или нет, и как о том в их турских библиях или в летописце написано?» И тот ему сказал: «Уже-де срок наш доходит и не много остается нам владети; спрашиваете про Московское государство, а про себя не чаете, что московской царь сам сядет во Царьграде». Они еще спрашивали: почему так в их книгах написано, а в греческих книгах нет? Лезий сказал князю, чтоб он призвал к себе игумена монастыря Косьмы и Дамиана, и когда тот пришел, Лезий велел ему принести из церкви греческую летописную книгу. Игумен, ничего не ведая, книги принес Лезию и, по его веленью, приискал ту статью, которая указывает, что по первому индикту Магомет Палеологов род одолеет, и все вычитал ему подробно. А Лезий рассказал им, бусурманам, тоже подробно, «что-де сядет в Царегороде от северные страны, от народа русского, а северная-де страна – Московское государство, и то-де время доходит». И за то турки разгневались на Лезия, зачем так говорил, но он, вот, сказал: «Как-де Бог изволил, так то и

будет!» И турчане, напившись пьяны, игумена поймали и требовали от него указной грамоты, почему он свою церковь обновил, и велено было ратным людям раззорить ее до основания»[403]. И другие очень интересные сведения получались в Москве от разных гречан. Русские издавна сильно интересовались рассказами об огне, исходящем в Иерусалиме на Гроб Господень в навечерии светлого дня. Об этом огне обязательно говорили все паломники, побывавшие в Иерусалиме, возбуждая своими рассказами и удивление, и любопытство русских. Когда поэтому в Москву приехал в 1649 году Иерусалимский патриарх Паисий, его не преминули расспросить и о чудесном огне. Паисий дал об этом такое показание: «А на Гроб Господень благодать Святаго Духа небесным огнем сходит по-прежнему в Великую субботу: стоит-де у Гроба Господня 800 кадил, и турки-де те кадила все погасить в Великую пятницу, а в Великую субботу на вечерни отомкнут турки Гроб Господень, а с него, патриарха, снимут сан и кору ну. И как на вечерни учнут петь литию, и в то время входит он, патриарх, ко Гробу Господню, а турки тут же входят и осматривают Гроб Господень: сшел ли на Гроб Господень огнь с небеси и будет еще не сшел; от Гроба Господня выходят и ожидают, как на Гроб Господень огнь с небеси сойдет. А как огнь с небеси сойдет, и перво-де от того огня засветится в паникадиле христианском, которое стоит над Гробом Господнем, свеча, а потом на камени, что на Гробе Господни, а потом по всему Гробу Господню рассыплется, что краплины, и от того-де огня он, патриарх, засвечает свечи и дает во весь мир. И было-де то одинова, что Софрония, патриарха Иерусалимскаго, как он из Царя-города приехал, турки в Великую субботу не хотели пустить в церковь, а просили у него за то подарков больших, а он им в том отказал и подарков ничего не дал и он-де то видел и вне церкви, как огнь с небеси в церковь на Гроб Господень сшол. Да в некое-де время прилучилось армянскому празднику великому дню вместе с христианы, и они дали туркам, чтоб им отпечатать Гроб Господень и чтобы огнь с небеси сшол на Гроб Господень при них, армянах, 20 000 ефимков, и как-де Гроб Господень

отпечатали и огнь-де с небеси при них на Гроб Господень не сшол, а сшол на руки и засветил свечи у некоторой инокини, которая прилучилась в то время в церкви Воскресения Христова. И во Иерусалиме-де есть люди десяти разных вер, только-де они, православные христиане, с ними совету не имеют, и Церковь христианская их не приемлет»[404]. Но объяснениями патриарха Паисия об огне, сходящем в Иерусалиме на Гроб Господень, русские, как видно, не вполне удовлетворились. Когда в 1654 году отправился из Москвы на поклонение Святым Местам сербский митрополит Михаил, то ему дано было поручение разведать относительно небесного иерусалимского огня все пообстоятельнее. Михаил исполнил это поручение, хотя и не так, как он думал. Воротившись в Москву 16 сентября 1657 года, Михаил показывал о небесном иерусалимском огне: в Великую субботу перед вечернею, как пришло время идти в самый Гроб Господень, наместник патриарший (а патриарха не было) и он, митрополит, ходили около палатки трижды с незажженными свечами. Наместник пошел внутрь Гроба, и хотя давал митрополит почесть немалую турчину, чтобы ему войти в Гроб вместе с наместником, но он заказал турчанам, чтобы опричь его не пускать во Гроб ни митрополита, ни кого-либо иных, и дал им за то почесть большую. Наместник, войдя внутрь Гроба один, затворил за собою двери, был там полчаса и вынес с собою свечи зажженные, говоря, что они засветились от Гроба Господня действием Святого Духа, и раздавал свечи сии митрополиту, армянскому патриарху и прочим людям. «И митрополит-де Михаил того огня испытывал, и от него-де жар и палит так же, как и от прочего вещественного огня»[405], а каким образом у наместника патриаршего возжегся огнь у Гроба Господня, он не ведает, потому что его, митрополита, туда не пустили, а уже только по выходе наместника входил он и прочие люди для поклонения[406].

Таким образом, хотя русское правительство в течение всего XVII столетия и не имело при иностранных дворах своих постоянных специальных агентов, которые бы сообщали ему нужные сведения о других странах, однако, несмотря на это,

оно хорошо и своевременно знало обо всем, что делалось и предпринималось в соседних государствах, особенно в Турции, в Крыму, в Молдавии и Валахии, и в Польше. Этим оно исключительно было обязано услугам гречан, которые в течение всего XVII столетия с успехом заменяли для нашего правительства и дипломатический корпус, и отчасти нынешние газеты, так что правительство, затрачивая на милостыню просителям значительные суммы, достигало этим двух важных целей: поддерживало Православие на Востоке и в этот же счет получало необходимые для него сведения обо всех выдающихся заграничных событиях. Такой порядок дел продолжался, впрочем, только до начала XVIII века, когда кредит греков, как преданных и полезных для России политических агентов, сильно пошатнулся во мнении наших правительственных лиц и когда в Константинополе появилось постоянное русское посольство. В 1706 году наш константинопольский посол Толстой, получив от канцлера Головина приказ, «чтобы греков мастеровых людей и малороссов к Москве не отпускать, понеже они лживы», писал ему, что «письма посылать чрез старых друзей всеусердно желаю, обаче временем, когда бывают во утеснении, опасаются и не принимают и в нужная времена отбегают и слышать их негде, того ради посылаю кроме их; а когда мне бывает в пребывании моем свобода, тогда приятели усердствуют изрядно; а греков, государь, по приказу твоему отнюдь отпускать к Москве не буду, понеже, государь, во истинно от мала и до велика все лгут и верить им отнюдь не мочно»[407]. Иерусалимский патриарх Досифей, со своей стороны, писал Толстому: «Молим тя и советуем тебе, да послушавши нас и имееши людей московских верных ради службы сия, а от греков удаляйся, зане греки тайная не хранят»[408]. В 1712 году прибыл из Константинополя с письмом от Шафирова грек Георгий Эргакий, который канцлеру Головину объявил секретно следующее: «Ехал он из Царягорода чрез Мултянскую землю и когда был в Бухаресте, тогда ночью приходил к нему один человек, закрыв лице свое, только очи свои показал и говорил: ведает он, что Эргакий едет к его царскому величеству и сего

ради объявляет ему под присягою, чтобы уведомил его царское величество, что по повелению салтана турского, по наущению короля шведского, велено господарю мултянскому послать нарочно двух человек из греческих купцов в Российское государство под имянем купеческим, будто для торгового промысла, а в самом деле для того, чтобы они всякими мерами промышляли высокую персону его царского величества чрез отраву умертвить (от чего всемогущий Бог да сохранит его), за что ему, мултянскому господарю, от Порты обещано вечно иметь господарство, а также и его наследникам. Господарь, по тому повелеваю и по своим злым поступкам, двух греков послал для сил злых промыслов, а как тех греков зовут и в какие места отправлены, о том ему, Эргакию, не объявил. Потом ехал он чрез Седмиградскую землю в Польшу, а когда приехал в Львов, то грек Евфимий о том же деле ему под присягою объявил и сверх того сказывал, что дядя графа Фомы Кантакузена, Михайло Кантакузен, послал с письмами верного своего человека к двору его царского величества и к нему, и Фоме, Георгия Мирузина, чтоб наскоро секрет сей Георгий объявил ему для донесения о том его царскому величеству, дабы тех посланных греков поймать, ибо Георгий их знает. С теми греками посланы весьма богатые серьги алмазные, будто для продажи, и несколько тысяч червонных золотых, а именно: в алмазах червонных на сто пятьдесят тысяч ефимков, и при этом маленькая скляночка с отравою. Георгий уже был во Львове у Евфимия и хотел ехать в тот же день, как Эргакий поехал, только за худыми лошадьми остановился. Да он же объявил за высший секрет под присягою, что от многих своих друзей слышал, что господарь мултянский поступает неправедно и во всем делает великому государю противное и что всякие ведомости к турецкой Порте посылает через патриарха Иерусалимского Хрисанфа, который не христианин, но атеист и сущий турецкий шпег от древних лет. Когда визирь прошлого года был во Адрианополе, то он у визиря почти по цельным ночам бывал инкогнито, и когда турки пошли из Андрианополя в поход, то он послал с визирем верного своего чернеца, который был инкогнито в турецком платье при визире и

почти повседневно от мултянского господаря давал визирю ведомости о войсках государевых и о состоянии противника, а для большего уверения, сказывал Георгий, что сей секрет слышал и некоторую часть видел, а все подлинно узнал и проведал через секретаря вышеписаного патриарха, турченина, именем Абдир-Кади, который на турецком языке по визирскому повелению писал, по слову патриаршескому, всякие ведомости и визирю передавал»[409]. Со своей стороны, и Шафиров, находившийся после прутской катастрофы в Константинополе, писал оттуда, чтобы не доверяли ни господарю валахскому, ни Иерусалимскому патриарху Хрисанфу, потому что оба турецкие приятели, ни вообще грекам, «ибо изо всех греков, – доносил Шафиров, – ни мы, ни Петр Андреевич (Толстой) не сыскали приятеля, ни доброго человека, бегут от нас как от чумы»[410]. С этого времени политическая служба восточных патриархов русскому правительству навсегда прекращается, так что уже ни один из них не является более в роли тайного агента нашего правительства, а вместе с этим постепенно прекращается и служба всех других гречан не потому только, что им уже более не доверяли, а главным образом потому, что в ней больше не нуждались. С начала XVIII столетия наше правительство завело при турецком дворе своих постоянных посланников или резидентов, которыми, по выражению одного распоряжения Анны Иоанновны, наши дела «прямо Порте чинимы предложениями в лучшее и в несравненное с прежними (когда грекам посредникам платили немалые суммы) поведение преведены»[411]. При существовании в Константинополе нашего постоянного посольства значение прежних случайных агентов необходимо должно было пасть само собою.

Глава 8. Признание русским правительством в конце XVII века своею историческою миссиею освобождение православного Востока от турецкого ига

(Московские государи до самого конца XVII века не думали вступать в борьбу с турками для освобождения православных народов Востока. Убеждение греков, переданное ими и туркам, что русские овладеют Константинополем. Удачное восстание Хмельницкого пробуждает у греков надежду на свое освобождение от турецкого ига с помощью русских и казаков. Живое и деятельное участие восточных иерархов и других греков в деле присоединения Малороссии к Москве. Обращение в 1688 году Валашского воеводы Щербана, Константинопольского патриарха Дионисия, сербского архиепископа Арсения с воззванием к царям, чтобы они силою оружия освободили православные народы от турецкого ига. В конце XVII века русское правительство открыто принимает на себя обязанность освободить православные народы от турецкого ига.)

Когда Иван Васильевич Грозный принял титул царя как законный наследник греческих императоров, то он и его ближайшие преемники вовсе не думали предъявлять каких-либо прав на саму Византийскую империю как на принадлежащую им по праву наследства. Московские цари хотели быть наследниками византийских императоров, не выступая, однако, из Москвы и не вступая в Константинополь. Из всех прав прежних греческих императоров они усвоили только одно – право считаться представителями и защитниками всего Вселенского Православия, причем их покровительство Вселенскому Православию на первых порах не шло далее дачи милостыни различным просителям с Востока. О покровительстве православным народам в качестве крупной и влиятельной политической силы, а тем более о роли их как освободителей от турецкого ига московские цари вовсе даже и не думали, да и не могли думать. Грозный, извещая

Константинопольского патриарха о взятии Казани и Астрахани, пишет ему: «Желательно желаем, дабы и вы от Бога получили милость, как чашу исполненную растворения, и избавились во дни сии от томительства богохульных, и мы, о том услышав, возрадуемся и принесем победную песнь Богу во славу и честь Его имени». И во все последующее время, вплоть до конца XVII столетия, русское правительство никогда серьезно не думало вступать в борьбу с Турцией в видах освобождения православных народов из-под ее власти. А между тем самые обстоятельства с течением времени слагались так, что русскому правительству волею или неволею пришлось, однако, в конце концов выступить в роли освободителей православных народов, стремиться не из Москвы сделать Константинополь, Третий Рим, а овладеть настоящим, действительным Константинополем, изгнав из него турок. На эту роль освободителей русских энергично толкали сами покоренные турками православные народы. XVII век представляет несколько любопытных попыток со стороны православных народностей воспользоваться политической силой выросшей России с целью своего освобождения от господства турок. Такое отношение к России православных народов было вполне естественно. У них никогда не умирала мысль о возможности освободиться от ненавистного турецкого ига, они всегда питали надежду так или иначе возвратить себе прежнюю свободу и самостоятельность. А так как во всем мире теперь был только один независимый и могучий православный правитель – московский царь, то на нем, естественно, и сосредотачивались все заветные чаяния и надежды порабощенных православных народностей о своем освобождении – русский царь, стали думать они, положит конец мусульманскому владычеству на Востоке, он овладеет Константинополем и изгонит оттуда турок. Подобные заявления о призвании московского царя появляются с Востока уже немедленно после принятия Грозным царского титула. Константинопольский патриарх, утверждая царское венчание Ивана Васильевича, в то же время в своей грамоте называет его «надеждою и упованием всех родов христианских, которых он избавит от варварской тяготы и горькой работы», пишет, что

он со всем собором молит Бога, да укрепит он царство его и возвысит руку его, «да избавит повсюду все христианские роды от скверных варвар, сыро-ядцев и страшных язычников-агарян». Александрийский патриарх Иоаким, со своей стороны, пишет Грозному, что «царь является им как бы второе солнце, утешая их надеждою благих времен, дабы и им когда-либо избавиться его рукою от руки злочестивых… уже воображают в сердце надежды свои, взирая на него как на основание и начаток благодатного воинства, имеющего их освободить». Тот же Александрийский патриарх говорит в Константинополе царскому послу Благому: «Ныне достиг я старости великой, и не велит мне Бог того видеть, как ему (московскому государю) Господь Бог подает наследие царя Константина и покорит все государства к подножию его; а мы чаем того у Бога, что подаст ему, государю, Господь Бог наследие Константина царя в недолгое время… я говорю тебе от книг откровения Ивана Богослова». Это представление о московском царе как предназначенном овладеть с течением времени наследием великого Константина, как об имеющем освободить все православные народы от руки злочестивых все более укоренялось на Востоке, пока, наконец, не сделалось общим верованием, народным убеждением. Это понятно. В течение столетий многочисленные просители милостыни со всех концов православного Востока являлись в Москву и необходимо повсюду разносили рассказы о могуществе и богатстве московского православного царя, о его благочестии и преданности Православию, об его покровительстве и щедрых дарах всем православным, являющимся к нему за милостынею. При этом побывавшие в Москве приводили с собою и видимые знаки царской щедрости: деньги, соболя, материи, церковные сосуды, ризы, иконы, книги, царские жалованные грамоты. Притесняемые и угнетаемые иноверным завоевателем православные народы, не видя себе ниоткуда помощи и защиты, с удовольствием слушали, что там, в далекой Москве, есть могущественный и сильный православный царь, который всячески радеет и покровительствует всем православным, царство которого все более крепнет и расширяется, который

всегда готов оказать им всякую помощь. Нет поэтому ничего удивительного в том обстоятельстве, что в среде православных покоренных турками народностей сложилось и окончательно укоренилось убеждение, что московский царь есть покровитель и защитник всех православных народов и что ему именно предназначено свыше освободить их из рук неверных. По мере того как русское царство крепло и расширяло свои пределы, и надежды православных на освобождение от турецкого ига с помощью русских становились все более определенными и осязательными и даже породили у них верование, что будто бы и у самих турок существует пророчество о том, что Константинополь будет взят русскими и владычество мусульман приходит к концу. Заявления в этом роде не раз делались гречанами нашему правительству. В 1645 году грек Иван Петров советует государю послать против турок донских казаков со своими ратными людьми, от чего турскому будет большое посрамление и он смирится, «потому что в книгах своих обретают, что царство их будет взято от русского рода». В 1647 году силистрийский митрополит Иеремия показывал в Посольском приказе: «Опасение у турчан большое от донских казаков, а от немцев такого опасения нет, потому что-де у них описует взяту быть Царьграду с сея государские стороны»[412]. В 1650 году янинский митрополит сообщал в Москву, что будто бы один потурчившийся гречанин говорил раз местным нашим: «Уже наш срок отходит, что мы владеем, а хотят тем опять владеть гречане; да и в книгах-де о том писано, что от страны московские сядет царем в Константинополе». То же будто бы подтвердил и призванный пашами мусульманский учитель, почитаемый за святого, Лезий, который подробно разъяснил басурманам, «что-де сядет во Царе-городе от северные страны, от народа русского, а северная-де страна – Московское государство, и то-де время доходит». Паисий Лигарид, как известно, указывал на существующее пророчество, что греков освободит из-под турецкой неволи Алексей Михайлович. Малороссийский православный писатель Галятовский в своем сочинении «Лебедь» (1683 г.) пишет: «Есть у туринов пророчество, до сих пор сохраняемое, что полунощный

самодержец мечом своим покорит и подчинит своей державе святой град Иерусалим и все турецкое царство. Этот полунощный самодержец есть царь и великий князь Московский. Он-то истребит бусурманскую скверную ересь и до конца погубит»[413]. Как чутки и восприимчивы в этом отношении были греки, турки и сами русские, как они во всем готовы были видеть признаки исполнения существующего пророчества о временном господстве турок в Константинополе, на это указывает следующий случай. В 1672 году был отправлен послом в Константинополь Василий Даудов, который сообщает в своем статейном списке: «При нем Василье в Царе-городе, в Великий пост, на третьей неделе, в среду, в большой мечети, что прежде была благочестивая церковь Софии, Премудрости Божией, во время того, как турки чинили мольбище, слышен был страшный благовест. Прежде ударили трижды, а потом, помешкав мало, также ударило трижды, и в третие потому ж. И на завтрее того дни, в четверг, был слышен благовест против того ж, а в пятницу, по таковом же благовесте, слышано было литоргисование Божественной литоргии греческим языком и иже херувимскую песнь ангельскими гласы воспеваема. И о том-де чудеси учинилось ведомо в Адрианополе, и салтан-де велел тое бывшую благочестивую церковь запечатать до Светлого Христова Воскресения, и велено смотреть, что на тот превеликий праздник изъявится. Турцы же, старые люди и ученые, говорят и, конечно, чают, что тот знак от самого Бога к тому, что паки тому государству быти во благочестии; а что же после его Васильева поезду учинилось, того он не ведает»[414]. Особенно сильные надежды у гречан возбудило удачное восстание Хмельницкого против поляков. Они решились поддерживать это восстание всеми средствами и приняли в нем самое живое и деятельное участие. Хорошо понимая, что Хмельницкому трудно справиться с поляками своими собственными только силами, не сочувствуя в то же время его союзу с татарами, гречане с самого начала все свои усилия направили на то, чтобы, с одной стороны, побудить Хмельницкого и всех казаков отдаться в подданство московскому православному царю, а с другой стороны, чтобы

Москва приняла это подданство и немедленно послала свои войска на помощь Хмельницкому. Задача была трудная: Москва подозрительно относилась к восставшим казакам, не хотела из-за них разрывать своего мира с Польшею и потому упрямо отказывалась от содействия Хмельницкому и от принятия его в свое подданство. Со своей стороны, Хмельницкий сильно был недоволен Москвою, не раз публично бранил московское правительство и даже грозил вместе с татарами заглянуть в Москву. Несмотря на естественное тяготение между Великою и Малою Русью, их соединение, однако, постоянно встречало много препятствий, и если оно совершилось все-таки сравнительно скоро и благополучно, то справедливость требует признать, что это было в значительной степени делом посредничества разных гречан. Самую видную и деятельную роль в восстании Хмельницкого и в деле присоединения Малороссии к Москве играл прежде всего Иерусалимский патриарх Паисий. Он вступил в сношения с Хмельницким, еще когда находился в Молдавии, готовясь отправиться в Москву. Первого декабря 1648 года приехали в Москву за милостынею старцы афонского Зографского монастыря, которые в Посольском приказе заявили, что они выехали из Молдавии в октябре вместе с Иерусалимским патриархом Паисием и 19-го приехали в литовский город Винницы, где патриарх и остался для того, что из Молдавии посылал он гетману, а кого и для чего, того не знают. После этой посылки от патриарха из Молдавии гетман прислал к нему полковника, который, прибыв с ними в Винницу, отправился оттуда к гетману, а патриарх остался ждать вести от гетмана в Виннице, но о чем меж ними ссылка была, они не знают[415]. В Киеве Паисий виделся с Хмельницким, благословил его на решительную борьбу с поляками, убеждал его принять подданство московскому царю и взялся хлопотать об этом в Москве, куда он отправился в качестве уполномоченного от Хмельницкого, пославшего с ним своего полковника Силуяна Мужеловского. В Москве уже знали о сношениях патриарха с гетманом, почему приставу, назначенному провожать патриарха от Путивля до Москвы, наказано было расспросить Паисия про Хмельницкого и вообще

про малороссийские и польские дела, «а проведовати Федору (приставу) приказано было про то, опознався с ним гораздо в разговорех, а не явно». По прибытии в Москву к Паисию послан был 29 января думный дьяк Михаил Волошенинов спросить его о здоровье «и о делех с ним поговорити». Патриарх говорил дьяку: «Как-де он, патриарх, был в Киеве и приказывал от себя к гетману Хмельницкому, что он человек христьянские веры, а, сложась с бусурманы, многие христианские крови пролил, а ему-де было о том мочно сослаться с царским величеством. И гетман-де писал к нему, патриарху, что ему о помочи писать было неколи, а покамест было им о помочи писать, а ляхи б их всех побили и веру искоренили, и он-де по ссылке с татары сложася, против поляков за православную христианскую веру стоял. Да гетман же Хмельницкий писал к нему патриарху, что он ко государю о помочи писал, чтоб он, государь, ему, гетману, на поляков помочь велел учинить и войною на них с своей стороны послал и свои города, которые от Московского государства к ним, полякам, отошли, их поймал; и он-де гетман, с своей стороны, с войском на поляков пойдет же и ему, государю, помогать учнет, а только бы де государь на то изволил, что свои государевы го-роды у поляков отымать, и он бы де гетман все городы и до Смоленска под государеву руку подвел, и он-де великий государь помочи им черкасом учинити и городов у них взяти не изволил. А ныне они, гетман и все войско запорожское, велели ему, патриарху, бить челом царскому величеству, чтобы он, великий государь, изволил войско запорожское держать под своею государскою рукою, а они, черкасы, будут ему, государю, как есть каменная стена, и чтоб он, государь, им помочь учинил ратными людьми, а они, черкасы, ему, государю, вперед будут надобны. И он де, патриарх, Хмельницкому говорил, чтоб они всегда искали его царские милости. И гетман говорил, что он весь в его государеве воле, как государь велит, так он и делать рад. И о том-де у гетмана будет сейм, а с сейму пришлет ко государю послов, а что на сейме приговорят и с каким делом ко государю гетман послов пришлет, того-де он не ведает. Да он-де патриарх, как у них черкасов был, и он всю их мысль видел, что

они под государевою рукою быти желают». Когда Паисий уезжал из Москвы, то он обратился к правительству с просьбою, чтобы оно дало ему положительный ответ на предложение Хмельницкого о подданстве. Когда государь приказал ехать к Паисию и «объявить ему про вечное докончанье словом боярину и дворецкому Алексею Михайловичу Львову, да думному дьяку Михаилу Волошенинову». Посланные должны были передать патриарху следующее решение государя: так как у царя с Польшею заключен вечный мир, то «его царскому величеству его государевых ратных людей на помочь войску запорожскому за вечным докончаньем дати и войска запорожского с землями в царского величества сторону принять нельзя и вечного докончанья никакими мерами нарушить немочно. А будет гетман Хмельницкий и все запорожское войско своею мочью у короля и у панов рады учинятца свободны и похотят быти в подданстве за великим государем нашим, за его царским величеством, без нарушенья вечного докончанья, и великий государь наш, его царское величество, его, гетмана, и все войско запорожское пожалует под свою царского величества высокую руку принять велит». – «И патриарх говорил: про то-де, что у царского величества с короли польскими и великими князи литовскими и с Польшею и Литвою вечное докон-чанье ему, патриарху, было неведомо, а коли-де меж обоими великими государи и их великими государствы вечное докончанье и он-де, патриарх, и сам то знает, что ему, великому христианскому государю, его царскому величеству, того вечного утверженья по делу нарушить немочно, а надобно остерегати. А казаки-де запорожские люди простые, говорят, не знаючи ничего». – «И патриарху говорено: а будет черкасом за православную христианскую веру учинитца теснота и гоненье, а пойдут они в царского величества сторону и великий государь наш, его царское величество, для православные христианские веры их пожалует: велит приняти без земель, потому что после вечного докончанья с обе стороны переходить повольно». – «И патриарх на государеве жалованьи бил челом, что-де царское величество пожаловал, велел ему о вечном докончаньи объявить, и он на государеве жалованьи челом бьет, и как будет в войске

запорожском и он им про то скажет»[416]. Таким образом, Иерусалимский патриарх Паисий явился в Москву в качестве уполномоченного от Хмельницкого и казаков уладить дело о присоединении Малороссии к Москве. Но его посредничество не имело успеха: на его предложение московское правительство отвечало решительным отказом, оно не хотело ни помогать казакам, ни принимать их в свое подданство. Паисий остался очень недоволен неудачею своего посольства, что он не раз и выражал потом открыто сопровождавшему его до Молдавии Арсению Суханову. Но неудача не охладила, однако, участия патриарха к делу казаков и не изменила его убеждения, что казаки должны принять подданство московскому царю. В этом духе Паисий энергично продолжал действовать из Молдавии, где он поселился, стараясь влиять, с одной стороны, на Хмельницкого, с другой – на московское правительство. В этих видах он послал из Молдавии ко Хмельницкому вместе с Арсением Сухановым назаретского митрополита Гавриила, который должен был посредничать между гетманом и Москвою с целью привести их к соглашению. Гавриил действительно отправился ко Хмельницкому и после переговоров с ним, получив от него полномочия, поехал в Москву, чтобы склонить государя принять в свое подданство казаков. Хмельницкий в особой грамоте к государю просит его наделить митрополита милостынею и затем пишет: «Тому ж преосвященному отцу митрополиту назаретскому о делех добрых, к вере нашей православной належачих, твоему царскому величеству потребных, словесно говорить поручили есмя, которому изволь ваше царское величество милостиво ухо преклонити и во всем верити, как нам самим, понеже он изустное научение от нас имеет». Поручение Гавриила к государю от гетмана было то же, что и поручение Паисия: просить государя, чтобы он принял казаков в свое подданство и оказал им помощь войском. Митрополит между прочим показывал в Москве, что он был послан вместе с Сухановым к Хмельницкому от патриарха Паисия, после того как тот узнал, что гетман соединился с татарами, чтобы напасть на московскую Украину. Митрополит от имени патриарха должен был остановить гетмана от этого шага

и пригрозить ему отлучением от христианства. Из своих переговоров с Хмельницким Гавриил передал в Москве следующее: Хмельницкий говорил митрополиту, «что-де он приказу отца своего духовнаго, блаженнейшаго патриарха Паисия, ничем не преслушает», но тут же выразил и сильное неудовольствие на то, что царь «их челобитья и прошенья не призрел», не принял их под свою высокую руку. Гетман говорил митрополиту: «Ему, Хмельницкому, на государстве быть непристойно, не тое природы человек, а великий-де государь, его царское величество, издавна государскаго благочестиваго корени природный государь, от колена благочестиваго великаго князя Владимира Мономаха и ими владеть ему, государю, пристойно, понеже великий христианский государь благочестивый под солнцем един. И они ему, великому государю, поклоняются и хотят раби его быти, и чтоб-де великий государь, для подлиннаго уверения, изволил к ним прислать кого-нибудь с своею царскою грамотою, с милостивым указом, чтоб им на его государеву милость быть надежным, и велел бы прислати к ним в полк свое государево знамя, а они-де в его государеве во всем повелении быти готовы и его государева указу ожидают с радостью, а как-де его государев указ о том к ним будет, и они-де, Хмельницкий, во всех тех городех, которыми ныне владеет, посадит воевод от царскаго величества и крепости всякия в городех чинити»[417]. В то же время прибыл в Москву из Константинополя грек Исайя Остафьев с товарищами. Он между прочим заявил, что, когда он был в Молдавии, призывал его к себе Иерусалимский патриарх Паисий в городе Тарговице и велел ему объявить в Москве в Посольском приказе, чтобы царское величество гетмана Хмельницкого и войско его жаловал. С этим же греком патриарх прислал письмо за своею печатью Илье Даниловичу Милославскому и приказывал сказать словесно, что прежде всего, когда перед волошскою войною крымский хан хотел идти на Московское государство и гетман писал к патриарху, что хан просит у него себе людей на помощь, то патриарх отвечал гетману, «что буде он на Московское государство начнет давать помощь крымскому хану, то все они, Вселенские патриархи,

собравшись, учинят Собор и предадут проклятию и христианином называть его не будут, и чтобы он, гетман, с своим войском царскому величеству всеконечно покорность учинил и поклонился, потому что христианский государь под солнцем единый»[418]. Таким образом, патриарх Паисий, проживая в Молдавии, тем не менее внимательно следил за ходом дел в Малороссии, поддерживал постоянно деятельные сношения и с гетманом, и с московским правительством, склоняя обе стороны к союзу и окончательному соединению и по возможности устраняя из их отношений все, что могло вести к недоразумениям и разрыву между ними.

В том же духе, как и Паисий, действовал на Хмельницкого и Константинопольский патриарх. В 1651 году прислал свои отписки с разными вестями архимандрит Амфилохий, который между прочим извещал, что от гетмана был прислан к визирю для переговоров полковник, который был принят турецким правительством с большою честию и после свидания с визирем был и у патриарха. Последний тайно у себя в келий через посредство Амфилохия говорил полковнику многие добрые слова про великого государя и велел все сии слова сказать самому гетману бесстрашно. А говорил он ему, что не следует гетману ходить войною на Московское государство как единоверное, а следует всегда действовать заодно с ним, а если гетман допустит совершиться такому беззаконному делу, то он уподобится Каину, который убил своего брата Авеля, и Бог почтет его как братоубийцу. Патриарх заклинал полковника «ради Бога и своей души» передать все это гетману. Полковник клятвенно обещался исполнить просьбу патриарха, но в то же время жаловался, что Москва не только не платит им, как прежде, жалованья, но и не помогла им «ни словом, ни делом» в нужное время. Патриарх отвечал на жалобы полковника, что он будет писать великому государю про жалованье и про всякие дела великого войска, и полковник бил челом до земли Вселенскому патриарху, чтобы он обо всем писал великому государю. Патриарх угостил у себя за столом полковника и отпустил его с великою честью, приказывая, чтобы гетман писал к нему о государевом деле против того письма, какое он,

патриарх, пошлет к нему. После этого патриарх послал Амфилохия к полковнику с грамотою к гетману, припоминая полковнику все свои речи о великом государе, и полковник снова обещал довести их до гетмана[419].

Кроме Вселенских патриархов, и другие греки, как духовные, так и мирские, принимали самое живое и деятельное участие в присоединении Малороссии к Москве, служа посредниками между Москвою и Хмельницким и склоняя обе стороны к соединению. Так, коринфский митрополит Иоасаф, живший при гетмане, не только поощрял его и все казачество на решительную борьбу с поляками, но и находился в постоянных сношениях с московским правительством, убеждая его принять казаков в свое подданство. В 1651 году Иоасаф писал государю, что он находится при гетмане и убеждает его, чтобы он отдался Москве. Митрополит уверяет царя, что все казачество поцелует крест на подданство государю и будет ему верным работником, защитой от татар и ляхов, а за свою службу «жалованья от царствия вашего они не просят, только бы быти им работниками царствию вашему, и Божиим изволением возьмешь города свои от ляхов, ибо завладеешь всеми городами литовскими, и учинится соединение и единое христианство». В то же время митрополит извещал государя, «что приехал верный раб царствия вашего господин Иван Петров (Тафрали) и радел зело о вашем царском деле и обо всем он будет вам изустно сказати». Действительно, грек Иван Петров был отправлен из Москвы ранее к гетману для переговоров, и теперь он возвратился в Москву от Хмельницкого «с тайным приказом, да с ним же присланы к государю от гетмана посланцы с листом»; он же привез к государю и грамоту коринфского митрополита. О важности поручения, возложенного правительством на грека Ивана Петрова, посланного к гетману, можно видеть из заявления грека Димитрия, который 28 февраля того же 1651 года показывал в Москве, что, «будучи у гетмана, он просил у него грамоты к государю, но гетман сказал ему, что уже послал грамоту с Иваном Петровым и, о чем писал, в том твердо стоять будет: хочет быть во единой христианской вере и надеется на

помощь Божию, что победит недругов своих, и хочет быть, если Бог произво-лит, во едином благочестии»[420]. В том же 1651 году прислал в Москву грамоту и патриарший экзарх, Приконийский митрополит Иеремия, за год перед тем бывший в Москве. Иеремия сообщал государю, что на обратном пути из Москвы он встретился с гетманом, у которого были собраны огромные войска. При гетмане находились тогда послы молдавский, турецкий и венгерский. Гетман расспрашивал митрополита о государе, так как молдавский посол, ехавший из Москвы, сообщил ему, будто бы он видел при московском дворе литовского посла, которому государь обещал помощь против гетмана, о чем тот кручинился и был гневен. Но экзарх с клятвою сказал ему, что слова молдавского посла были ложны, ибо благочестивый христианский государь наипаче радеет о благочестии. На это гетман сказал ему: московские люди лживы и в словах своих не стоят, а я радею о любви Христовой и всю надежду имею на государя, да поможет мне воевать своих недругов, а царь не имеет готовых ратных людей ни с которой стороны. «А мы хотя и не ведали, – пишет митрополит, – но сказали, что многолетний царь ляхов ненавидит и хочет на них ратных людей послать, чтобы очистить места свои от них и города свои взять, которыми они завладели, и гетману помочь. Гетман спросил: подлинно ли будет так? И мы ему сказали: по истинному Богу поверь, что будет так. И потом сердце гетмана утишилось, и говорил он, что для христианства и царя он радеет и трудится, как произволит его царствие. Потом гетман спрашивал про христиан, которые живут у турок, как они пребывают? Мы ему сказали, что они всегда в гонении и тесноте ради податей, что у них просят, и насильством у них отнимают детей и бусурманят, и он против того сказал: уповаю на силу всемогущего Бога, да освободятся скоро»[421]. В 1653 году в Москву прибыл с рекомендательными грамотами от трех восточных патриархов митрополит Навпакта и Арты Гавриил. С ним гетман прислал к государю грамоту, в которой писал: «Мы поручили митрополиту устным разговором передать о ваших царских делах». Гавриил заявил в Посольском приказе, что, будучи у гетмана, он говорил ему: для чего он имеет с собою

татар и пленяет бедных христиан, единоверцев наших? Какое общение есть свету с тьмой? Гетман отвечал: делаю то поневоле, чтобы мне победить недругов своих, потому что великий государь московский и прочие единоверные христиане мне не помогают; писал я многажды, но они все сказывают, что ныне да завтра, и никогда в совершение не приводят, а ныне время – только бы захотели, могли бы взять Смоленск и другие города и имели бы меня своим во всем своем произволении. Да еще слышал он, будто ляхи просили у государя помощи, предлагая отдать Смоленск, и будто государь обещал дать помощь ляхам, но он, митрополит, заверил гетмана, что дело такое сбыться не может, а что, напротив, государь пошлет ему помощь. Если угодно государю, то на обратном пути митрополит готов передать гетману все, что будет приказано, и готов служить государю до самой своей смерти[422].

Таким образом, в деле присоединения Малороссии гречане играли очень видную и деятельную роль как посредники между Хмельницким и Москвою. Они влияли, с одной стороны, на Хмельницкого, всячески убеждая его принять подданство московскому царю, успокаивая его подозрительность и недовольство Москвою за ее бездействие, сдерживая и остерегая его от таких поступков, которые бы сделали невозможным соединение с Москвою, и постоянно поддерживали в нем надежду, что царь сочувствует казакам и готов оказать им деятельную помощь, так как он ненавидит ляхов. С другой стороны, в Москве гречане постоянно твердили о необходимости принять казаков под высокую руку царя и оказать им деятельную поддержку против поляков, выставляли на вид, что казаки искренно преданы московскому единоверному царю, желают быть его подданными, что они будут для Московского государства стеною против поляков и крымцев, старались ослабить и смягчить в Москве то впечатление, какое производило здесь известие о союзе Хмельницкого с заклятыми врагами Руси – татарами, об его попытках заключить союз с турками и т.п. Вообще роль гречан во всем этом деле была посредническая, примиряющая, имевшая в виду конечное и всецелое присоединение

Малороссии к Москве, образование из них единого сильного и могучего православного царства, которое бы потом могло послужить гречанам и всем другим покоренным турками православным народам орудием для их освобождения от ига неверных. Что не одно только единоверие и естественное сочувствие к угнетенным руководили в этом случае гречанами, но и более практические расчеты, это видно из следующих данных. Арсений Суханов, сопровождавший Иерусалимского патриарха Паисия и по его поручению приезжавший из Молдавии в Москву, 11 декабря 1649 года докладывал в Посольском приказе: «А приказывал-де с ним Иерусалимский патриарх словесно, а велел известить государю: прежде-де сего писал он к государю, что турский царь велел крымскому царю идти на Русь войною, а ныне-де в совете волоский воевода Василий с мутьянским воеводою Матвеем и с запорожскими черкасы и хотят на лето итти на Царь-город. И патриарх велел о том государю объявити, чтоб он, великий государь, велел с своей царского величества стороны итти морем, хотя малыми людьми. И в то время, слыша про то, пойдут под Царь-город сербяне и гречане и волоской и мутьянской воеводы со всеми людьми; а ныне-де турского сила изнемогает, потому что веницеяне одолевают. А приказывал-де он про то объявить, слышав подлинно. Говорят-де все христиане, чтоб им то видеть, чтобы Царьградом владети великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу, нежели немцом»[423]. Очевидно, что у Иерусалимского патриарха по поводу неудач турок в войне с венецианами и успехов Хмельницкого в борьбе с поляками созрел целый грандиозный план о всеобщем восстании всех покоренных турками народностей против своих притеснителей. Как видно, этот план патриарх сообщил Хмельницкому и нашел у него сочувствие, так как Хмельницкому не чужда была мысль о борьбе казаков против неверных с целью освобождения православных народов. Живя по возвращении из Москвы в Молдавии, Паисий успел склонить в пользу своего плана господарей молдавского и валахского, стараясь теснее соединить их с Хмельницким в видах предполагавшейся борьбы с турками[424]. Но для успеха всего

предприятия необходимо было участие русских, которое бы придало всему движению порабощенных народностей единство, прочность и силу – русские должны были составить ядро, вокруг которого сгруппировались бы все другие мелкие народности, сами по себе слишком разъединенные, раздробленные и потому бессильные для борьбы со своими угнетателями. План был задуман широко, но при тогдашних обстоятельствах решительно неисполним, так как Москва вовсе не думала пускаться в рискованную борьбу с Турцией, опираясь только на сомнительную возможность поддержки со стороны покоренных турками различных православных народностей. Даже с Польшей, как потом оказалось, ей было трудно справиться. Понятно, что при таких обстоятельствах русские не могли и думать о борьбе с Турцией в видах освобождения православных народов. А между тем присоединение Малороссии и первые блестящие успехи русских в войне с поляками произвели на Востоке самое глубокое впечатление. Грекам стало казаться, что уже наступил час их освобождения, что московский царь, покончив с поляками, начнет затем борьбу с турками для освобождения своих единоверцев, которые с нетерпением ожидают появления среди себя царских войск, чтобы вместе с ними ударить на своего поработителя и окончательно уничтожить его господство над христианами. В этом духе греки не раз делали заявления московскому правительству. Так, в 1655 году грек Мануил Юрьев давал в Москве следующее показание. «В Царь-городе говорят, – сообщал Мануил, – что если государь взял Смоленск, город крепче Царя-града, и как завоюет Литву, тогда и турскому царству от войны и разоренья не избыть. У них ведомо, что у государя ратных людей 600 000, а если государь пришлет на турок 50 или 60 тысяч, то у них многие христиане к ним пристанут и на каждого турка будет по десяти христиан»[425]. В следующем, 1656 году грек Павел Кондратьев показывал в Москве: «А в прошлом во 163 году, как послышали в Царь-городе турки, что государь пошел на польского короля и многие города поймал, и они-де все были страшны добре; а как-де услышали; что государь изволил возвратитца к Москве, и они-де о том обрадовались, а только-

де послышат, что государь в нынешнем году пойдет в поход и турки-де все учнут страшитца. А румельская-де страна все Бога молют, чтобы Бог дал государю на неприятелей победу, а только-де государь изволит хоть малых людей прислать к ним для славы, и они б де все тому обрадовались и на турков с государевыми людьми возстали собча, а болгары-де и сербы все того желают же и на турков начнут стоять собча. А венгерский-де Ракоц с волоским воеводою в дружбе, а молдавский-де владетель поневоле с ними в дружбе, потому что пред нами безсилен»[426]. В том же году от 5 июня писал в Москву бывший Константинопольский патриарх Иоанникий: «Мы в сии времена скитаемся во всяких бедах и в скудости и иных надежд не имеем, кроме святаго вашего царствия, и слыша ныне, что покоряются вам враги, радуемся и печаль свою забываем и уповаем впредь о державе святаго вашего царствия, да возможете и Восточную всея вселенныя Церковь под высокую свою руку восприять по благодати милостивого Бога»[427]. В 1657 году греческий учитель и философ Николай Морицкий показывал в Москве, что, находясь в Чигирине, он говорил гетманскому писарю: «Румельской страны греки, слыша, что царь московский пошел на войну, все соединились и положили, как только услышат, что казаки с царскими войсками перешли Дунай, к ним присоединиться; в сборе их до 30 000, да албанцев 20 000, которые, когда была война турок с венецианами, весь запас турецкий отбили и отдали армаде венецианской, а в Венецию послали, чтобы всех их и детей перевести на их острова, но венециане не хотели им помогать; а гетману с московским царем можно такое боголюбезное дело учинить и христиан освободить, потому что ныне турки обессилели и имеют междоусобную брань. А если христиане братию свою освободить не хотят, то за сие дадут ответ Богу»[428]. В том же 1657 году венецианские греки, посетив находившегося в Венеции русского посла Чемоданова, говорили ему: «Ездим-де мы из Венеции в турскую землю со всякими товары по свету, и с турскими людьми торгуем; и турские-де люди многие говорили пред нами: Божиим-де изволением и счастием великаго государя московскаго, Бог ему дал на

поляков и иных государств победу; и у них-де в турской земле во всей и во всех государствах их слава о том великая; и турской-де царь и их паши все, сыскав в письмах своих гадательных, и говорят, что то время пришло, что Царю-граду быти за ним же государем: и живут с великим опасением и у Царя-города на многое время ворота бывают засыпаны; и учали-де им, гречанам, чинить всякое утеснение, и мы-де на милость Божию и на заступленье великого государя… надеемся, чтоб он, великий государь, его царское величество, своими государскими молитвами и счастием из бусурманских рук из порабощения нас, православных христиан греческаго закона, высвободил»[429]. Не остался безучастным зрителем царских побед и Иерусалимский патриарх Паисий. Мысль еще более усилить Россию и сделать из нее верное и надежное орудие для своего освобождения от турок побуждает его хлопотать о присоединении к России, вслед за Малороссией, и Молдавии, благодаря чему Россия прочно стала бы на Дунае и могла бы войти в непосредственную связь и сношения с порабощенными турками народами. В этом духе и действует теперь Паисий. Как в 1649 году он явился в Москву в качестве уполномоченного от Хмельницкого с предложением царю принять казаков в свое подданство, так и теперь, в качестве уполномоченного от молдавского воеводы, он обращается к Алексею Михайловичу (в 1655 году, 8 октября) с просительною грамотою (присланною в Москву с греком Мануилом Константиновым) о принятии в покровительство и оборону молдавского владетеля со всею его землею, которую агаряне часто набегами своими опустошают, святые храмы оскверняют и христиан берут в полон[430]. Вслед за этим посланием Паисия последовало в следующем, 1656 году и официальное предложение, привезенное митрополитом молдавским Гедеоном, принять, подобно Хмельницкому, и молдавского владетеля в подданство России. Под просительною грамотою между прочим подписался и Антиохийский патриарх Макарий, который при этом свидетельствовал, что и Иерусалимский патриарх Паисий одобряет это дело[431].

Надежды гречан, что московский царь, присоединив к себе Малороссию и победив поляков, двинется потом и против турок, чтобы освободить православные народы, решительно не оправдались – даже не вся Малороссия отошла к Москве, а только часть ее. Несмотря на такой исход широких и блестящих надежд, возбужденных на Востоке присоединением Малороссии и первыми успехами русских в войне с поляками, теперь, однако, становилось для всех очевидным, что православный Восток ждет от русских не только милостыни и прибежища на случай гонения, но и своего освобождения от турецкого ига. Русь, по мысли православных народов, должна была вступить в открытую борьбу с Турцией, чтобы освободить своих единоверцев, которые всегда готовы примкнуть к ней и с нетерпением ожидают появления в среде своей царских войск, чтобы восстать и бороться против своих притеснителей; русскому православному царю, наследнику и преемнику древних благочестивых греческих царей, предназначено свыше овладеть самим Константинополем, изгнав из него безбожных агарян; царство великого Константина снова будет восстановлено, и именно русскими. Так естественно и само собою в отношение России к православному Востоку был привнесен и политический элемент: на русское правительство возлагалась теперь новая и важная обязанность – не просто только милостынею поддерживать Православие на Востоке, но и стремиться силою оружия освободить своих единоверцев от турецкого ига. Эти представления о политической роли русского государства относительно порабощенного Востока, опиравшиеся на действительный рост и быстрое развитие политического могущества России, раз возникнув и открыто заявив себя, никогда уже более не исчезали, но все глубже и глубже входили в сознание порабощенных турками православных народов, тем более что другого православного царства, на которое бы они могли перенести свои заветные чаяния о возвращении себе свободы и самостоятельности, не было. В конце XVII века эти чаяния покоренных турками православных народов снова заявили себя, и с особою силою. В сентябре 1688 года прибыл в Москву архимандрит афонского

Павловского монастыря Исайя, который привез с собою к государям и царевне грамоты от бывшего Константинопольского патриарха Дионисия, от валашского воеводы Щербана и сербского архиепископа, нареченного патриарха Арсения. Дионисий после предисловия, в котором он рассуждает о различных дарах царства и священства, которые одно без другого существовать не могут, пишет: «И к нему предисловие мое сие, святые мои и Богом венчанные цари, несть иное, кроме того, воеже объявити простыми речениями, без риторических сладословий или витийств эллинских, понеже несть время ныне таковым, но увещевание о помощи и избавлении веры, зане достигохом в последние времена и мучими бываем от неверных: церкви запустевают, монастыри раззоряются, крест обругается, иконы омерзаются, христиане пленяются, грады благочестивых запустеют, молбища их от основания подкапаются, и ничесо иное не слышат от убогих христиан, кроме – горе, оле болезнь и воздыхание; и кто может нас избавити, кроме един сын Божий по благодати, и кто есть сей, кроме царстия вашего, которое может, яко превосходящее и богатством, и силою, и войска множеством. И кое благополучнейшее время будет, яко сие время, егда всякие государства и власти благочестивых королей и князей православных все вкупе восташа на антихриста, воююще на него сухим путем и морем, воеже одолети зверя сего, а царствие ваше дремлет. Имени ради сладчайшего Иисуса Христа нашего восстанете и возмете оружие и щит на безбожных агарян и утвердите непорочную веру, ничесо бо невозможно вам, яко умаляхомся кроме всех языков, грехов ради наших; все благочестивии святого вашего царствия ожидают: сербы и болгары, вол охи и мултяне, вышние и нижние Мисии, востанете убо и не дремлите и приидите, воеже спасти нас… Время есть бодрости, а не лености, ныне является любовь ко ближнему, ныне показуются ревнители веры и подражатели Христовы, время угодное ныне и не всегда тоеж-де, яко же и прежде писах к державе вашей и словесным приказом послам вашим рекох в Константинополе, и ныне тоежде пишу и коленом вашим прикасаюсь и молюся о

избавлении Церкви Христовой и непорочной веры утверждении и благочестивых христиан освобождении; талант, иже уверовався от Господа моего, се пред святым вашим царствием вержу, а еже у множите его и сохранити (дело) вашей державы есть, яко же ревнители и подражатели царю царствующих». В грамоте к царевне Софье Дионисий указывает ей на то, как некогда Бог спасал народ свой через Девору, Юдифь и Есфирь, и потом говорит: «И чего ради воспоминал в начале писания моего приклады сия? Да устремляю святое царство ваше воеже явитися в нынешние времена, яко едина от оных, да избавиши через руки державнейших святых наших царей род твой, благочестивое собрание, язык святый, царское освящение сущу некогда, ныне же порабощенно и от безбожных и неверных агарян мучимое, и бысть языком поругание и уничтожение и дерзающе реши: несть места, ниже града, который не мучится от них нечестивых; пленится во вся дни благочестивое собрание, кровопролитие многое, везде церкви Божий в раззорении, жертвенники раскопаны, монастыри попраны, архиереи и иереи поруганы от них, нечестивых, Крест Господень оплеван от них, и имя Господа нашего Иисуса Христа хулимое и укоренное, и глаголюще скверным своим языком: аще бы бе Христос Сын Божий и Бог, его же христиане именуют, не остави бы их, рабов сущих, в руки наши. Тако поругаются, таким хульным языком проповедуют и поведуют Агары отродие, а вы дремлете царствующие единые, радея о своих, а братия ваши, благочестивые христиане – рабы и пленники востали Бога ради. Подай руку помощи словом и делом ко державнейшим и самобратиям своим святым царем, да восприяв оружие со войски наступити на супостаты, скифы и варвары; могут убо, аще восхотят, Бога имеюще поборника, избавити род христианский, яко умалихомся во всей земли днесь кроме всех языков, глаголя: где есть Бог их, или цари вернейшие и их вере подобные, да приидут и да помогут им? Явися убо, яко Девора и Юдифь и Есфирь – словом и делом… святое ваше имя проповедатися будет в роды и роды, и память пребудет вечная». Воевода Щербан в своей грамоте к царям приносит им раболепное и смиренное свое поклонение, «якоже превеликим

столпам и непоколебимым основаниям святая православныя веры и пресвятыя и непобедимыя Апостольские Восточные Церкви, яко единым, которые единые есте солнцы, сияющие круг земной, а наипаче изрядно тем, которые оскорблены суть и укоряются, подданни суще неверным и мучительной силе, под которым и мы даже до днесь пребываем». Указав затем на бедственное положение покоренных турками христиан, Щербан пишет: «Яко некогда от истинного Мессия, разрушителя умного фараона, ожидал мир избавления своего, сицевым образом ныне от вас, великих и пресильных царей, от рук видимого фараона православные ожидают избавления своего». В заключение воевода пишет, что обо всем подробно и обстоятельно государи узнают из устных сообщений архимандрита Исайи, «потому что преподобность его ведает и разумеет и причастник тех скорбей». Сербский архиепископ Арсений пишет: «Известно буди вашему пресветлому царствию о нашем убогом народе, а наипаче ваших богомольцев, колико пострада род наш от безбожных агарянских и немилостивых чад: церкви святые и царские монастыри всеконечно-му запустению предаша и самих нас долгими леты в попрание и в под-данники сотворите больше трехсот лет, церковное украшение отъемше и многих в свою скверную службу обратяша и иные огнем попалиша, мощи же святых конскими ногами попирают, священные сосуды и иные потребные вещи во оружие себе в погибель сковаше и множество народа христианскаго мечем поразиша, других же в плен отведоша, и сие недавно, зане невозможно от нечестиваго благочестия быти… Милостиви будете рабом вашим, призывающим вас в нуждах, достойно потщитеся в помощь роду нашему скоро прийти, будите ходатаи ко спасению и обновлению нашему, вооружайтеся на варвары, да освободите невесту Христову от угрызения змиина и избавите нища и убога от сильна, ему же несть помощника, кроме Бога и вашего царствия; и немедлите, се прииде время делания спасения вашего, воздвигните силу свою и поженити враги своя, не аки б недовольствовали о державе пределов вашего царствия – довольни бо есть, но будите нам ожалователи едино-язычникам богомольцам и

рабам вашим, вем бо, яко Господь Бог предаст ныне враги ваши в руце царствию вашему и покорити будете супостаты под ноги ваша, точию не облените се, за сие бо велику мзду и милость от Бога приимете. Аще ли презрите, ответ кто даст Богу о нашей погибели? Аще не бы есмы возвестили, греха не бысте имели»[432]. В Посольском приказе архимандрит Исайя заявил, что его послал в Москву настоящий Константинопольский патриарх Иаков, и прежде бывший Дионисий, и все духовенство, и все православные христиане, обретающие под игом бусурманским, и мутьянский господарь Щербан, и архиепископ Сербский и Печский, нареченный патриарх, и все сербы, и болгары, и вол охи, и мултяне к великим государям бить челом об избавлении их от ига, поскольку пришло время их избавления. Во-первых, в нынешнее время все турское владетельство от Господа Бога приняло великое наказание, и приходит то великое бусурманство к самой конечной погибели. Как от войск христианских, так и от внутренних междоусобий пришли турки в великое бессилие и в казне, и в людях, и уже невозможно им стоять против сил христианских. Никогда у них подобного разорения не бывало, и за тысячу лет не бывало более удобного времени до конца сгубить бусурман и освободить из-под ига их православных христиан. Христиане же от их бусурманской погибели все посечены и в плен забраны, а именно: турские войска в прошлых годах, не будучи в силах стоять против венецианских и цесарских войск, отступая, более трех тысяч предали огню и мечу и множество малолетних обоего пола свезли за море в Анатолию и в Египет, а города, где пребывало Православие, церкви и монастыри все до основания сожгли и никакого жилища не оставили. Такое разорение христианам бусур-мане учинили с всего своего сборища поганского, с самим султаном и муфтиями их, для того, чтобы христиане тех земель не соединились с неприятелями их и на них не восстали и дабы их пожитки не достались христианскому войску. У бусурман между собою положен совет: когда войска христианские начнут приближаться во внутрь их земли и к Святой Горе, тогда они всех христиан в тех местах искоренят и церкви разорят, а сами, оставив свои жилища, пойдут за море,

откуда пришли. Итак, пусть будут единые православные государи иметь попечение об избавлении христиан от сих бедствий. Во-вторых, все великое христианство со слезами молит государей, чтобы их из неволи бусурманской в большую и горшую неволю пускать не изволили и их милостиво призрети, потому что Церковь Святую Православную всегда ненавидят папежники, т.е. римляне. Какие города в Венгрии и Морее цесарские и венецианские войска побрали у турок, во всех них они православные храмы обратили в униатские. Когда же римлянам посчастливится добыть под свою власть православных христиан, а особенно если они возьмут Царь-град, то земли сии в худшее, нежели при турках, придут состояние, так как латиняне обратят монастыри в костелы и, искоренив православное духовенство, наставят своих бискупов, в ожидании чего все православное христианство пребывает в великом сетовании. Для сего, упреждая их, чтобы не пришло такое насилование от римлян, послали они государям свою грамоту. Итак, пусть умилосердятся великие государи и, освободив их от ига, над ними бы и обладали и не дозволили бы над ними владеть цесарю и венецианам, так как у них и язык (с русскими) единый. К этому архимандрит прибавил, что воевода Щербан поручил ему просить государей, чтобы они послали войска свои на Буджакскую орду, и как только он услышит о прибытии царского войска, сейчас же выведет к нему на помощь 70 000 человек. В тех странах вод много и скудости в запасе не будет, ибо земля мултянская доходит до Дуная, и как только услышат о приближении войск и воевода выйдет к ним навстречу, тогда все сербы, болгары и молдаване пристанут к ним же, и будет путь их до Царьграда без помехи, ибо в тех странах живут одни христиане, и соберется в тех местах сербов и болгар 300 000, и все христианство восстанет, а немцам помогать не будут, разве только из неволи и нужды. Воевода с собранным войском стоит в Бухаресте, и хотя ему много было присылки от цезаря, чтобы помогал ему против турок, но воевода отказывает, а сие по причине веры, что не хочет быть под ним, а под державою православной. К этому Исайя, согласно приказанию патриархов и воеводы, прибавил еще:

ехал он на Седмиградскую землю, которая из-под султана выбилась и поддалась цезарю; много в ней православных людей, которым от папежан стало притеснение в вере. Приезжал из Вены римский бискуп, переписал все церкви, а попам сказал, чтобы все с Римскою Церковью были в соединении, а если волею не захотят, то их будут мучить, а народ будут принуждать цезарским указом, и от такого принуждения великая печаль всем, ибо под турским игом была им тяжесть от налогов, а в вере принуждения не было. Рассказывал Исайя и о турецких междоусобиях: много почетных между турками побито, и пришло разорение на турское царство, везде междоусобия – в Египте и Анатолии желают сына старого султана; «стало турку нечем воевать, все войны были у него побиты» и т.п. Исайя надолго был задержан в Москве в ожидании царских ответов на привезенные им предложения.

28 декабря были приготовлены ответные грамоты государей патриарху Дионисию, воеводе Щербану и сербскому архиепископу Арсению, в которых одинаково говорилось, что государи и архипастырей, и воеводу, и все православное христианство, в странах тамошних живущее, за такое их желание, что они нашей царской милости ищут, жалуют милостиво и похваляют и имеют о вашем архипастырстве и о всех православных христианах, живущих под игом поганским, попечение неотменное; что государи посылают сильное войско против крымцев и, разорив их юрты, двинутся к Дунаю, чтобы освободить всех православных, а воеводу Щербана готовы принять в свое подданство, только бы он соединился с царскими войсками неотменно, невзирая ни на какие препятствия и никому не склоняясь в подданство, кроме нас, милостивых государей. Исайя отправлен был с этими грамотами из Москвы только в феврале 1689 года, причем на дороге в Валахию он был арестован в Австрии и брошен в тюрьму, грамоты у него были отобраны. Исайя пробыл в заключении целых два года, и только после усиленных хлопот его друзей русское правительство решилось просить австрийского императора об его освобождении. Когда он прибыл после своего освобождения в Москву, к нему отнеслись здесь очень холодно,

за все его хлопоты и страдания в австрийских тюрьмах ему дано было только 10 рублей деньгами, да соболями на 18 рублей, и затем он был отослан на Афон[433].

Между тем в октябре 1688 года, когда Исайя еще находился в Москве в ожидании ответных царских грамот, наше правительство послало к господарю Валахии и к патриарху Дионисию грека Дементия с ответными грамотами на те письма, которые они прислали к государям с афонским архимандритом Исаиею. В то же время государи писали к нашему константинопольскому посланнику Возницыну, что бывший Царе-градский патриарх Дионисий, воевода мултянский и архиепископ Сербский просили государей о защите их от басурман, и к ним по этому делу послан грек Дементий. Возницыну предписывалось, чтобы он, со своей стороны, под предлогом выкупа пленных послал бы своего подьячего наблюдать за греком Дементием, в то же время и сам бы выведывал о намерении тамошних христиан и о том, много ли войска и удобен ли будет путь для ратных. Грек Дементий исполнил возложенное на него поручение и, возвратившись в Москву, дал в Посольском приказе следующее показание: «Он уже не застал в живых господаря Щербана, к которому были посланы грамоты государей, но патриарху Дионисию он отдал царский совет и спросил его: отдавать ли грамоту новому господарю? Патриарх сказал, что нового господаря опасаться нечего, так как он про все ведает, почему он и отдал царскую грамоту новому господарю Константину. Тот с большим уважением спрашивал о здоровье государей, и когда посланный объявил ему государскую милость, то господарь бил челом и кланялся до земли многократно. Он сказал, что о всех тайных делах объявил дяде своему, брату покойного господаря, у которого потом и был Дементий, и тот его расспрашивал о числе войск московских и кто будет воеводою. Когда затем Дементий объявил господарю, что государи принимают его под свою высокую руку, будут охранять его и чтобы он без всякого сомнения шел на соединение с царскими войсками, то господарь отвечал, что потом об этом подумает и к царю напишет.

Тогда посланный снова отправился к патриарху Дионисию и прямо спрашивал его: подлинно ли господарь мултянскии желает подданства великих государей и пошлет ли он войска свои на соединение с царскими? Патриарх отвечал: лишь бы были на то царская дума и совет, а что воевода, как только услышит о походе царских войск, сейчас же выступит с 30 000 ратников. У негоже, патриарха, готово и письмо к царям, которое он передает господарю, потому что сам отъезжает в Царьград. На вопрос, для чего он туда едет, сказал, что к нему неоднократно присылали турки и просят его, чтобы он по-прежнему был патриархом. Объявил патриарх и то, что бывший господарь посылал от себя к цесарю брата и племянника с просьбою принять его в свое подданство, но вряд ли де те поехали, и после его смерти их велено было воротить. При отпуске Дементий спрашивал у дяди господаря, хотят ли они по-прежнему быть в подданстве у государей и пришлют ли войска на помощь, но тот медлил ответом, сколько он ни настаивал. Господарь, отпуская Дементия, заявил, что в подданстве у государя быть рад и милости их желает так же, как и дядя, только письма о том от страха писать не смеет, да сего дела с малыми людьми и учинить нельзя. Надобно, чтобы о том многие знали и на тех листах подписались, а многим объявить об этом теперь нельзя, чтобы не вышло разногласия, и если о том услышат немцы, то придут и всех их разорят до конца. Пусть великие государи прикажут написать, на каких статьях ему быть в подданстве, и тогда он напишет лист подданства и все руки приложат, а когда услышит, что царские воеводы идут в Крым, то и он пойдет к ним на соединение с войском или пришлет до 30 000 конных и пеших воинов». С Дементи-ем были присланы государям грамоты от патриарха Дионисия и господаря Константина. Дионисий в своей грамоте извещал государей о кончине бывшего господаря Щербана, о выборе на его место народом и боярами Константина, по матери из рода Кантакузенов, а по отцу Бассарабы, Константину от роду 35 лет, но разумом он стар и ревнитель православной веры паче многих прежних господарей и надежно исполнит все повеления царские. О себе Дионисий извещал, что он, получив грамоты от

царей, собрался ехать в Константинополь, «чтобы дать надежду тамошним благочестивым христианам на то усердие, которое имеете, чтобы пособить им, да будут они иметь надежду на свое избавление». В заключение патриарх пишет: «Явитесь в последние дни новые Константины, покажите щедроты милосердия к братии вашей, покажите любовь к ближнему чрез совершение дел, чтобы сподобиться Небесного Царствия с равноапостольными Константином и Еленою». Мултянский господарь Константин писал государям (от 31 декабря 1688 года) очень витиевато и трогательно, но уже ничего не говорил о подданстве. Царские грамоты, пишет воевода, «всех исполнили утешения и надежды по своему милостивому содержанию и обещанием избавления от тяжкой работы. Все ожили, как оживают после тяжкой зимы и распускаются листья и цветы, так и христиане, под игом поганским живуще, чая скорого избавления, теплые воссылают к Богу молитвы о царях». Затем, указав на опасность для своей страны от турок, которые имеют за Дунаем, против мултянской земли, много крепостей и войска, воевода, поклоняясь государям до земли, со слезами молит их быть всегда к нему милостивыми и свою высокую руку обратить на искоренение неприятеля, от которого страждет народ православный, ибо на них, государей, обращены все взоры и за них воссылаются теплые молитвы к Богу[434].

Все дело о подданстве Валахии России и совместном их действии против Крыма и потом турок, как известно, потерпело неудачу. Два похода русских в Крым при Софье не имели успеха, прутской катастрофой окончился потом и поход Петра. Но, несмотря на неудачный исход этих кампаний, предпринятых, между прочим, под влиянием побуждений, исходивших с Православного Востока и имевших конечною целью его освобождение от турецкого ига, для всех теперь стало очевидным, что русский царь, раз вступив в открытую борьбу с турками во имя освобождения покоренных ими народов, тем самым фактически принял на себя относительно Православного Востока новую обязанность, на которую, впрочем, уже давно ему настойчиво указывали с Востока, именно – обязанность силою оружия возвратить православным

народам свободу и независимость, уничтожив господство над ними турок. И другая, не менее важная задача в это уже время возложена была на русских относительно Православного Востока. К наследию Великого Константина протягивают руки и латиняне, отнимая у турок область за областью. Во всех местах, попавших под господство латинян, они угнетают и преследуют православных, силою склоняя их к латинству, их господство в этом отношении гораздо тяжелее и прямо опаснее господства турок, так что если латиняне успеют овладеть Константинополем, то все Православие может погибнуть на Востоке. Отсюда само собою следовало, что задача русских состоит не только в том, чтобы освободить православный Восток от господства турок, но и предупредить захват православных стран со стороны латинян и других иноверцев – православный Восток всегда должен оставаться православным и в православных руках.

Таким образом, покровительство России православному Востоку, начавшись простою благотворительностью, раздачею милостыни бедствующим единоверцам, с течением времени перешло в покровительство политическое; задача поддерживать Православие на Востоке с помощью милостыни превратилась к концу XVII столетия в задачу возвратить свободу и самостоятельность всем православным народам, покоренным турками. Такое изменение в характере отношений России к православному Востоку произошло постепенно, незаметно, само собою и было естественным, необходимым результатом предшествующих сношений с Востоком. С одной стороны, православные народы, пользуясь вековою русскою благотворительностью, видя постепенное возрастание силы и могущества Русского государства, невольно составили представление о русских как о своих будущих освободителях от агарянского ига, стали веровать, что русские призваны положить конец мусульманскому владычеству на Востоке, где крест при их содействии снова возьмет перевес над луной. Вековые, постоянные сношения России с самыми отдаленными уголками православного мира поддерживали, оживляли и укрепляли эти представления православных народов относительно призвания

русских, заставляли их радостно приветствовать всякий успех русского оружия как свой собственный успех, как новый шаг к их освобождению с помощью русских. С другой стороны, русский царь, сделавшись представителем, опорою и охранителем всего Вселенского Православия и в силу этого благотворя в течение столетий всему православному Востоку, находясь с ним в непрерывных, живых сношениях, тем самым невольно направлял мысль русских на Восток, приучал их смотреть на него как на самую близкую и родную для них страну, где находятся самые жизненные и священные их интересы, так что у русских само собою и незаметно сложилось и окрепло представление, что они призваны освободить православные народы от господства турок. Постоянный прилив в Москву просителей милостыни с Востока возбуждал и поддерживал эту мысль, не давал ей заснуть, заглохнуть, внес ее, так сказать, в плоть и кровь русского самосознания. Словом, существующее убеждение, что Россия призвана порешить так называемый восточный вопрос, что ее историческое призвание заключается и в том, чтобы сделать свободными и самостоятельными все православные народы, не есть что-нибудь случайное, искусственное, кем-либо придуманное, а естественное, логическое следствие исторического хода событий, простой результат, вывод из вековых отношений России к православному Востоку. Если мы в недавнее время принуждены были бороться с турками, то мы в этом случае продолжали в измененном виде то же дело, начало которого положено было еще сотни лет тому назад царями московскими, выступившими в качестве покровителей и охранителей всего Вселенского Православия. Задача современной мудрости должна состоять не в отрицании этого исторического призвания России, которое, несмотря на все препятствия, всегда сумеет заявить себя достаточною силою, а в указании лучших путей и средств для его своевременного и окончательного выполнения.

Отдел III. Русское благочестие есть высшее и совершеннейшее в целом мире

После Флорентийской унии и падения Константинополя у русских сложилось представление, что правая, ни в чем не измененная вера сохранилась только у них одних, так что на Руси, сравнительно со всеми другими странами, «большее есть Православие и высшее христианство», только одна русская держава цветет «совершенным благочестием как свет солнечный». Если ранее центром и представителем всего православия был Константинополь, то теперь его место в православном мире заняла Москва – Третий Рим, так как у самих греков «вера православная испроказися Махметовою прелестью от безбожных турок», вследствие чего она стала у них во многом ниже и несовершеннее во всем совершенной веры русской. Ввиду этого русские обязаны не только твердо и неизменно хранить у себя преданное им благочестие, не допускать в нем никаких перемен и нововведений, но и свое русское считать нормою при определении того, что православно и что нет, что истинно благочестиво и что нет. Теперь все идущее на Русь от греков следует подвергать строгой проверке русским и все оказавшееся с ним несогласным отметать как несогласное с истинным Православием, как позднейшие допущенные греками новшества.

Глава 9. Взгляд русских XVI и первой половины XVII столетия на греков и греческое благочестие

(Убеждение, что греки после Флорентийской унии и падения Константинополя потеряли истинное благочестие, широко распространилось среди русских уже в начале XVI века, а на Стоглавом Соборе оно получило соборную санкцию. В первой половине XVII века этот взгляд на греков был общим убеждением русских, не исключая самого правительства. Прения с греками о вере Арсения Суханова служат самым полным и систематическим выражением русских воззрений на относительное достоинство греческого и русского благочестия. Воззрения русских на греков и греческое благочестие находили себе подтверждение и оправдание в сумме тех сведений о положении Греческой Церкви, какие русские имели тогда в своем распоряжении.)

Представления русских о своем религиозном превосходстве над всеми другими народами, о греках как об утерявших правую веру и истинное благочестие так сильно распространились в русском обществе уже в первой половине XVI века, что Максиму Греку пришлось писать два особых сочинения в опровержение этих представлений[435]. Но попытка Максима Грека не имела успеха, и он сам был осужден как еретик, боговдохновенные книги растлевающий, а не правящий, как человек, который своими книжными исправлениями прилагал «велик» досаду» воссиявшим в русской земле преподобнейшим чудотворцам. Стоглавый Собор, имевший в виду «исправити истинная и непорочная наша христианская вера», все те церковные порядки и обычаи, которые в последнее время «поисшаталися», производит церковные исправления исключительно русскими силами и средствами, вовсе не думая обращаться к грекам за советом, руководством, за какими-либо указаниями, за утверждением состоявшихся на Соборе постановлений. Иерархи, присутствовавшие на Стоглавом Соборе, конечно, хорошо знали, что сделанные ими соборные постановления о двоеперстии, сугубой аллилуйи и

т.п., окончательно узаконили в Русской Церкви некоторые обряды, несогласные с обрядами современной Греческой Церкви, но они не только не стеснялись этим обстоятельством, а и оградили установленный ими несогласный с греческим обряд страшною соборною клятвою с целью предупредить возможность его изменения и в последующее время.

Очевидно, что иерархами, присутствовавшими на Стоглавом Соборе, руководило в этом случае убеждение, что православный обряд во всей его первоначальной чистоте и неповрежденности сохранился только у русских, тогда как у греков в нем допущены были позднейшие новшества и искажения. После Стоглавого Собора взгляд русских XVI века на греческое благочестие довольно ярко выразился в деле учреждения у нас патриаршества, когда русские не решились «учинити у себя греческаго закона патриарха» из опасения, как бы вместе с патриархом-греком не перешли на Русь и не укоренились здесь разные греческие новшества, способные замутить и русское благочестие, как оно уже замутилось у самих греков.

Из XVII столетия мы имеем вполне ясные и определенные данные относительно того, как русские смотрели тогда на сравнительное достоинство греческого и русского благочестия. В Москву с XVII века часто приезжали для торговли греческие купцы, которые по необходимости должны были проживать в Москве довольно долго. На этих купцов-греков некоторые русские смотрели как на неправославных, называли их неверными и не пускали их в русские храмы, так что греки принуждены были просить себе у правительства особой церкви, которая бы служила исключительно для греков. В 1653 году иверский архимандрит Клим, приезжавший в Москву за милостынею, с согласия всех бывших тогда в Москве греческих властей и торговых гречан, просил у государя и патриарха Никона дать для приезжих греков особый монастырь в Москве, где бы служба совершалась на греческом языке, потому что, объясняет в своей челобитной архимандрит Клим, греки русской службы не понимают, «а иные русские попы мирских торговых греков в церковь Божию божественнаго пения слушать не

пущали, называли их неверными»[436]. То же самое подтверждает и Павел Алеппский, который свидетельствует, что в Москве греческим купцам воспрещалось входить в русские церкви. Но этого мало: по свидетельству того же Павла Алеппского, у нас прежде его приезда в Москву не дозволяли служить приезжавшим к нам с Востока греческим епископам и патриархам, потому что считали их осквернеными через сближение с турками[437]. Как само наше правительство смотрело на греческое благочестие, это видно из царской грамоты в Новгород 1617 года. В ней царь торжественно заявляет, что враг рода человеческого – диавол – всегда делает покушение на христианскую православную веру «ово многоразличными ересьми, овож ратьми и бедами, возставляя богоборные языки, якоже на греческие люди мусульманские народы, на Рим и на прочих душе-губительные волки, еже есть еретические люди, злыми некими дьявольскими умышленьми веру их, преданную святыми апостолы, во многих летех прежде держимую отцы их, развратиша; на нас же, на славянские народы, всегубительный дьявол тако же непрестая восстает и борется, но (в противоположность грекам и римлянам) развращением в вере благоверные люди не возмог развратити и в душевную пагубу свести»[438]. Как правительство относилось к благочестию самих Вселенских патриархов, это очень ясно видно из его наказов нашим константинопольским послам, которым предписывается, прежде чем входить в сношения с новым патриархом, подлинно про него проведать: благочестив ли он и крепок ли в вере православной, не иноверен ли он?

Очевидно отсюда, что наше правительство допускало полную возможность таких случаев, когда Константинопольскими патриархами делались люди неблагочестивые, некрепкие в вере православной и даже прямо иноверные. Понятно отсюда, какая осторожность вообще внушалась русским самим правительством на случай каких-либо сношений со Вселенскими патриархами, особенно по делам церковным – нельзя же было безусловно верить голосу той Церкви, которою управляет и руководит человек неблагочестивый, нетвердый в Православии и даже иноверный.

Как в XVII веке русское правительство относилось к оставшимся в России на вечное житье восточным иерархам, инокам и бельцам, мы уже видели выше. Всех иерархов оно обучало русским обычаям и только после этого обучения допускало их до отправления архиерейских обязанностей. Что же касается до выходцев, простых иноков и мирян, то их предварительно посылали в разные русские монастыри под начало «для исправления их христианския веры» и только после этого исправления веры считали возможным окончательно поселить их в России. В обоих случаях нашим правительством руководила одна и та же мысль, что современные греки уже нечто утеряли из своего Православия и привнесли в свою христианскую жизнь нечто чуждое, вследствие чего принятию их в совершеннейшую христианскую среду, какова русская, должно предшествовать исправление их несовершенной веры, научение их русскому совершеннейшему благочестию, в противном случае являлась опасность заразить и русских греческими новшествами. Не только к грекам и их благочестию русские относились очень подозрительно, но и к самим греческим церковным книгам, которым они решительно не доверяли. У русских сложилось сказание, что будто бы все греческие книги при завоевании Константинополя были отобраны у греков латинянами и сожжены ими. После этого греческие книги были напечатаны все вновь в латинских странах, продолжают там печататься и доселе, причем латиняне переправляют их на свой лад и в этом переделанном виде продают их потом грекам. Это сказание находило полную веру у всех русских, почему они и не считали для себя возможным пользоваться греческими печатными книгами, а тем более исправлять по ним русские книги – это бы значило, по их мнению, не исправлять русские церковные книги, а вводить в них те ереси, которые латиняне внесли в греческие напечатанные у них книги. Если же русские и принимали печатные греческие книги, то только те, с которых существовали старые славянские переводы, но признавали их опять-таки настолько, насколько они согласны были с этими переводами, все несогласное в них со старыми переводами отрицалось как

латинская переделка. Вполне точно и определенно этот взгляд русских на печатные греческие книги был выражен игуменом Ильею и Онисимовым во время их собеседования с Лаврентием Зизанием. На замечание Зизания: «Да у вас греческих правил нет», Илья и Онисимов говорили: «Всех греческих старых переводов добрых правила у вас есть, а новых переводов греческого языка и всяких книг не приемлем, потому что греки ныне живут в теснотах великих между неверными, и по своих волях печатати им книг своих не уметь, и для того вводят иныя веры в переводы греческого языка, что хотят. И нам таких новых переводов греческих не надобно, хотя что и есть в них от нового обычая напечатано, и мы тот новый ввод не приемлем». На замечание Зизания: «Да откуда у вас взялися греческие правила», собеседники ответили ему: «Киприян, митрополит Киевский и всея России, егда прииде из Константина града на русскую митрополию, и тогда с собою привез правильныя книги христианскаго закона греческаго языка и перевел их на славянский язык, Божиею милостью пребывают и доныне без всяких смутков и прикладов новых вводов, да и многие книги греческаго языка есть у нас старых переводов, а ныне к нам которые книги выходят печатные греческаго языка и будет сойдутся с старыми переводы, и мы их приемлем и любим, а будет в них приложено ново, и мы тех не приемлем, хотя они и греческим языком тиснуты, потому что греки живут ныне в великих теснотах в неверных странах и печатати им по своему обычаю невозможно»[439].

Самым полным и систематическим выражением русских воззрений XVII века на греков, на отношение Русской Церкви к Греческой, на достоинство русского благочестия сравнительно с греческим служат знаменитые прения Арсения Суханова с греками о вере. Во время этих прений о вере Арсений доказывал грекам, что единственно правое перстосложение и есть московское двуперстное, тогда как троеперстное греческое перстосложение есть позднейшее измышление греков, несогласное с древним преданием. На возражение, что греки лучше русских знают древнее Предание, так как они приняли христианство от самих апостолов, а русские были крещены в

позднейшее время и от греков, Арсений отвечал указанием на то, что Русь была первоначально просвещена христианством апостолом Андреем, так что Русская Церковь по своему происхождению совершенно равна греческой и греки в этом отношении не имеют никаких преимуществ над русскими. Если греки в доказательство справедливости своего перстосложения будут ссылаться на апостолов, от которых они его получили, то и русские с равным правом могут указывать на то же обстоятельство, в доказательство справедливости своего перстосложения. Вообще, по мнению Суханова, греки не имеют перед русскими в деле веры никакого преимущества, которое бы оправдало их притязание обличать русские церковные обряды как неправые и требовать их исправления по образцу современных греческих. Пусть даже будет справедливо, что русские приняли веру от греков, но приняли ее от тех греков, «которые непорочно сохраняли правила святых апостолов и седми Вселенских Соборов, а не от нынешних, которые не соблюдают правил святых апостолов, в крещении обливаются и покропляются, а не погружаются в купели и книг своих и науки у себя не имеют, но от немец приимают», т.е. Арсений ставит русских наравне с древними благочестивыми греками, а над современными дает решительное преимущество русским, так как если бы современные греки «по святых отец преданию и по апостольскому благовестию ходили», то они крестились бы тогда одинаково с русским двуперстным сложением, а если они теперь крестятся иначе, чем русские, то это потому, что они отклонились в этом случае от истины, как они уклонились от нее и в других случаях. Когда патриарх предложил Арсению поговорить с учеными греческими дидаскалами, откуда произошла у русских и греков разница в летосчислении, то Арсений отклонил это предложение вести беседу с дидаскалами и высказал при этом очень невысокое представление об ученых греках. «У них, – говорил он, – такова наука: тщатся они не истину сыскать, но только бы перетягать и многословесием своим истину замять, на то они тщатся, и наука у них такова езуитская», так как, по мнению Арсения, греки «книг своих и науки у себя не имеют», а берут все у иноверных,

у немцев. На заявление патриарха, что летосчисление неверно у русских, так как все четыре восточные патриарха держат его согласно и невозможно, чтобы все они ошибались, Арсений ответил: «Владыка святый, мнится ми, что у вас погрешено, понеже по взятии Царяграда от турка латинницы книги греческия все выкупили и, у себя переправя, печатали по-гречески и вам раздавали». Возможность погрешить со стороны патриархов Арсений объяснял и доказывал тем, что и Иуда был апостол, что апостол Петр трижды отрекся от Христа, что в Александрии и Риме появлялись многие ереси и что доселе в Царьграде греки своих патриархов низводят, душат и топят, что и сейчас греки имеют четыре Константинопольских патриарха. На замечание патриарха, что ведь вера «от Сиона изыде и что есть доброго, то от нас изыде, и мы корень и источник всего в вере, и Вселенские Соборы у нас же были», Арсений отвечал: «Владыка святый, истину глаголешь, что закон изыде от Сиона и Соборы у вас же были, тое и мы веру держим и проповедуем, которая от Сиона изыде и Вселенскими Соборы подкреплена, а вы, греки, тое веры не держите, которая от Сиона изыде, но токмо словом говорите». На упрек греков, зачем русские перекрещивают уже крещеных христиан, что все восточные патриархи будут об этом писать в Москву царю и патриарху, которые, конечно, послушают голоса четырех патриархов – иначе кого же вам слушать? – Арсений изложил взгляд русских на значение для Русской Церкви голоса четырех современных патриархов по делам церковным. «Есть, – говорил Арсений грекам, – по святых отец правилом станут писать (греческие патриархи на Русь), послушают (их на Москве), а не по преданию, ино не послушают, могут на Москве и четырех патриархов откинуть, якоже и папу, есть ли они неправославны будут... То ведь вам, грекам, не мочно ничего делать без четырех патриархов своих, потому что в Цареграде был царь благочестивый един под солнцем, и он учинил четырех патриархов, да папу в первых, и те патриархи были в одном царствии под единым царем, и на соборы сбирались патриархи по его царскому изволению. А ныне вместо того царя на Москве государь-царь благочестивой, во всей подсолнечной един царь благочестивой, и царство

христианское у нас Бог прославил и государь-царь устроил у себя вместо папы – патриарха на царствующем граде Москве, а вместо ваших четырех патриархов – четырех митрополитов, и ему мощно без четырех патриархов ваших править закон Божий». В заключение прений Арсений заявил грекам, «что у вас не было добраго, то все к Москве перешло – все ваше начало к нам перешло». Когда греки попросили Арсения точно определить, что именно перешло от них к русским, то Арсений заявил: «Был у вас царь благочестивый, а ныне нет, и в то место воздвиг Господь Бог на Москве царя благочестиваго...» На Втором Вселенском Соборе постановлено иметь Константинопольскому патриарху честь, равную с римским, «но ныне у вас как и чем величатися патриарху, якоже и римскому бискупу?». Константинопольские патриархи теперь не могут проявлять даже самых обыкновенных патриарших действий: устроять по городу крестные ходы, на главе крест носить, на церквах иметь кресты, звонить в колокола, ездить на осляти, так что честию он не может теперь сравняться не только с римским епископом, «но невозможно ему и против епископа московскаго величатися». Поэтому, говорил Арсений, «у нас на Москве патриарх вместо Кон-стантинопольскаго, не токмо якож второй по римском величаться, но якож и первый епископ римский, сиречь, якоже древний папа благочестивый, церковною утварью украшенный, занеже, и клобук белый первого папы Селивестра римскаго на себе носит... У вас, – говорил далее Арсений, – было монастырей много и иноков без числа, а ныне токмо след знать, и церкви ваша многие бусурманы завладели и починили на мечети, и христианы многие побусурманились. И мощей святых у вас было много, и вы их разносили по землям и ныне у вас нету, а у нас стало много, да и нашея земли многих Бог прославил угодников своих, мощи их нетленны лежат и чудеса творят, и риза Спасителя нашего Бога Христа у нас же»[440].

Таким образом, по мнению Арсения Суханова, Москва во всех отношениях заменила собою Византию и заняла ее место в православном мире, так как все доброе от греков перешло теперь на Русь. Московский царь занял место прежних греческих благочестивых царей, Московский патриарх занял

место Константинопольского патриарха; мощи и вся другая святыня с Востока перешли теперь на Русь, где святыни стало уже больше, чем у греков, не говоря о местных, собственно русских угодниках Божиих. К русским же перешло от греков и истинное благочестие, так как греки не держат более той веры, которая от Сиона изыде, и древние православные обычаи переменили на новые: ввели у себя троеперстие, обливание при крещении и т.п. Теперь нормою для определения того, что православно и что нет, должно служить уже русское, а не греческое; даже голос всех четырех восточных патриархов не имеет для русских никакого значения, если он утверждает противное имеющемуся у русских, расходится с ним. В последнем случае русские не должны слушать и самих восточных патриархов, а решать церковные вопросы своими силами, ибо единому теперь православному царю «мощно и без четырех патриархов ваших править закон Божий».

Воззрения Арсения Суханова на греков и греческое благочестие, выраженные им в его прениях с греками о вере, не были только его личными воззрениями, его личным измышлением, но образовались, как это уже мы видели, задолго до него, именно после Флорентийской унии и падения Константинополя, так что в своих прениях Суханов заявлял только то, что думали о греках, в чем убеждены были почти все русские, не исключая и самого правительства. Мы видели, что эти воззрения заявлялись не раз в течение XVI и первой половины XVII века, но заявлялись по каким-либо частным случаям и потому отрывочно, без надлежащей системы и полноты. На долю Суханова выпало привести эти воззрения в систему и порядок, высказать их по всей полноте перед лицом Иерусалимского патриарха, разных греческих иерархов и ученых, высказать их во время горячего спора и потому особенно жестоко и резко. Но несомненно, что значительное большинство тогдашних русских безо всякого колебания подписалось бы под прениями с греками Суханова и все им высказанное о греках признало бы за свои действительные мнения о них. Чтобы понять, каким образом так прочно и долго могли держаться среди русских на греков и греческое

благочестие подобные воззрения и особенно ввиду того, что русские находились все это время в постоянных живых сношениях с греками, нужно обратить внимание на особенности в понимании русскими обряда и благочестия, а также на те сведения о православном Востоке, которые имелись тогда у русских.

Во введении к настоящему исследованию мы старались уяснить, что русские по особым обстоятельствам их умственной и исторической жизни на обряд смотрели так же, как и на самое вероучение, считали обряд так же спасительным, неизменяемым и единым, как и самое вероучение. Не тот обряд, по мнению русских, указывал и на иное учение, перемена в обряде вела за собою и перемену в самом учении, поэтому не от учения к обряду делали они заключение, а от обряда к учению. Если русский видел держащегося иного, чем он, обряда, то он, не изучая, не входя в оценку верований этого другого, прямо заключал, что он иноверен, именно потому, что он держится другого обряда, ибо правый обряд, как и правое вероучение, должен быть у всех один, причем правым обрядом русский считал именно только свой. Своеобразно смотрели русские и на самое христианское благочестие. Истинное благочестие, по их мнению, всегда должно выражаться в известных условных формах и именно так, как они сложились на Руси. Этих условных форм благочестия обязан держаться всякий истинно-православный человек – благочестие, проявляемое иным способом, отливающееся в иные внешние формы, не казалось русскому настоящим благочестием. Ввиду этих особенностей русских воззрений на обряд и благочестие понятным становится, почему русские, несмотря на свои постоянные живые сношения с греками, считали их, однако, утерявшими и правую веру, и истинное благочестие. Русские видели, что греки иначе крестятся, иначе поют и читают в церкви, имеют некоторые свои особые церковные чины и обряды, несогласные с русскими, и отсюда заключали, что греки и веруют иначе, чем русские, так как иной обряд у греков, отличный от русского, появился необходимо потому, что у греков появилось иное учение. Точно так же и греческое

благочестие, по наблюдению русских, оказывалось вовсе не таким, каким было русское. Греки были относительно равнодушны к внешней обрядности и внешним формам проявления благочестия, они на первый план ставили верование, а не обряды, верность духу и учению Православия, а не внешним только, иногда совершенно случайным формам его проявления, и вообще христианское благочестие понимали более внутренно и духовно, не затемняя его излишними условными формальностями. Ввиду этого русские, не замечая у греков тех же форм проявления благочестия, какие они привыкли считать обязательными и необходимыми для всякого истинно-православного христианина, приходили к заключению, что у греков уже нет более истинного благочестия, что оно, вследствие разных неблагоприятных обстоятельств, окончательно у них иссякло и сохранилось теперь только на Руси.

Если по особому складу своих воззрений на обряд и благочестие русский уже предрасположен был относиться к грекам как к утерявшим правую веру и истинное благочестие, то по характеру тех сведений, которые он имел у себя относительно положения Православия на Востоке, он приходил необходимо к твердому и решительному убеждению, что правая вера в ее неизменном виде и настоящее истинное благочестие действительно находятся теперь на одной Руси, так как на Востоке Православие совсем погибает вследствие господства там безбожных агарян. В этом настоятельно убеждали русских сами восточные патриархи, митрополиты, архиепископы, епископы, настоятели и братия разных монастырей. Обращаясь на Русь за милостынею, они изображали в своих просительных грамотах государю свое положение под турецким игом в самых мрачных красках. «Православие повсюду на Востоке ратуемо иноплеменными врагами, – пишет Константинопольский патриарх Дионисий Грозному царю, – и столь велики напасти и убытки, что без помощи христианской невозможно существовать». Тому же государю Александрийский патриарх Иоаким пишет, «что зловерные арапляне, немилостивые к нам до конца, тщатся истребить Святую Церковь Божию», что он

пребывает всегда со своею паствою «на всякий день в великих печалях, нуждах и бедах, срамотах и поношениях, убиваемые и гонимые ради сохранения веры православной». Другой Александрийский патриарх, Мелетий Пигас, пишет царю Феодору: «Если бы не помощь твоей царственности, то верь, православнейший царь, Православие нашлось бы в крайней опасности, так же как и эта патриархия». В другой грамоте он пишет Феодору: «Горячо заботься о ней (Восточной Церкви), чтобы она, порабощенная и рассеянная среди ассириан, вавилонян и египтян, не исчезла до конца, подавляемая чрезмерными угнетениями и нуждами». Иерусалимский патриарх Софроний, изображая в грамоте к Годунову те бедствия, которые им приходится испытывать, замечает: «Все терпим для имени Христа, как прежние мученики, но те только день или два или три страдали, а мы на всяк день мучимся для святых мест». Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис в 1634 году писал государю: «Только благий Бог и молитва Пречистыя Богородицы и всех святых и сокровище великаго вашего царствия нас бережет и помогает и крепит великую Церковь Восточную для пребывания православныя веры христианства». Патриарх Парфений в 1644 году писал: «Все места христианские пребывают в великой печали и утеснении и погибают душевно и телесно; мысль визиря есть извести весь род христианский». Антиохийский патриарх Макарий в 1653 году писал государю: «Мы, богомольцы великаго вашего царствия, пребываем в великой смуте и в обиде неизчетной, будучи в работе у христианских недругов агарян, которые, как дикие и лютые звери, хотят нас поглотить». Александрийский патриарх Паисий, присутствовавший на большом Московском Соборе в 1671 году, писал царю Алексею Михайловичу о своих личных великих страданиях: «О, горе, кто не будет плакать о нас! О, горе, кто слыша, да не будет дивитися о такой неправедной на нас клевете, еже сотвори лукавый человек! Елико страдал, державный царю, аз отец твой и стражду, кто иной терпел? И старые святые не терпеша. Писати по единому несть ми времени и смею глаголати, яко вторый Павел и вторый Иов, ей, ей клянуся царствию твоему, яко не лгу». То же самое писали на

Русь и другие восточные патриархи, а также митрополиты, архиепископы и епископы разных кафедр, настоятели и братия разных восточных монастырей. Афониты, например, в своей просительной грамоте 1670 года писали государю от лица всех афонских обителей: «Веруй, во истину многолетствуяй царю, яко аще не простреши многоподатливую царскую десницу в помощь Святой Горе, запустением запустеет, ина-ко несть!» В таком мрачном и прямо отчаянном положении изображали состояние Православия на Востоке сами его представители, об этом они твердили русскому правительству в течение столетий, и потому вполне было естественно, что у русских сложилось и твердо держалось убеждение, что на Востоке Православие погибает почти окончательно, а если оно и держится там, то единственно только благодаря русской помощи, без которой оно не может более существовать.

Опасность, грозившая восточному Православию со стороны турок, была чисто внешняя, не касавшаяся самой его сущности учения, так что от господства турок Православие теряло только количественно, а не качественно. Но другие неблагоприятные условия, по уверению самих восточных иерархов, грозили Православию на Востоке уже не внешне только, но прямо искажением чистоты самого его учения, привнесением в него чуждых верований. Александрийский патриарх Мелетий Пигас в своем послании к православным русским и грекам, жившим в Польше между прочим пишет, что у греков со времени завоевания их турками «начали иссякать ручьи божественной мудрости, заглохло наше просвещение, настал для вселенной (духовный) голод и жажда. И даже Запад, т.е. греки, живущие на Западе, терпят необычайное несчастие. Ибо, те, которые пленены, пришли в такое злосчастье, что едва могут сохранить веру Христову целою и неис-казимою, и то с большими опасностями и страданиями; те же, которые, по человеколюбию Божию, были свободными от этого плена и его бедствий, мало-помалу попали в другие затруднения вследствие того многобедственного разделения Церквей, которое приготовлено крайним славолюбием желающих властвовать вместо Христа; таким образом и эти последние страдают, быв подвержены

другим бедствиям»[441]. Русские имели полную возможность убедиться в справедливости грустного заявления Мелетия о плачевном состоянии Православия на Востоке. После завоевания Константинополя турками просвещение у греков действительно почти окончательно упало, школ, где бы давалось научное образование, или вовсе не было, или они были крайне редки, и притом, сравнительно с западными школами, очень неудовлетворительны по своей постановке. Поэтому все греки, желавшие получить высшее научное образование по необходимости должны были учиться в иноверных западных школах, или в протестантских, или, в большинстве случаев, в латинских. В Риме в конце XVII века папою Григорием XIII была уже основана специальная греческая коллегия, где в духе латинства под руководством отцов-иезуитов воспитывались молодые греки, которые потом должны были сделаться поборниками и проповедниками латинства среди православных. Из этой римской греческой коллегии вышли, между прочим, и известные нам деятели Арсений Грек и Паисий Лигарид. Даже те ученые греки, которые остались верны Православию, обучаясь в латинских школах, принуждены были временно отказываться от Православия и принимать латинство. Да и вообще иноверная школа, иногда даже невольно, должна была оказьшать свое заражающее влияние на учащихся в ней православных греков, незаметно прививая к ним или латинские, или протестантские воззрения, а между тем воспитанники иноверных школ, как получившие высшее научное образование, стремились занять места учителей, проповедников и архиерейские кафедры. Но этого мало. Не только ученые греки заражались иногда в иноверных школах чуждыми Православию воззрениями, но и самые греческие книги подвергались серьезной опасности быть попорченными, особенно со стороны латинян, которые, кроме школы, не прочь были и таким путем пропагандировать латинство между греками. Греки не имели у себя дома своей типографии и принуждены были печатать свои книги за границей, преимущественно в Венеции. Попытка Константинопольского патриарха Кирилла Лукариса завести свою греческую типографию в Константинополе из-за интриг

иезуитов потерпела полную неудачу, и греки принуждены были по-прежнему печатать свои книги в латинских землях, что открывало возможность латинянам злоупотреблять греческими печатными книгами. При упомянутой выше коллегии в Риме печатались и греческие книги, пройдя предварительно через руки и цензуру отцов-иезуитов. Сами венецианские греки не прочь были внести в печатаемые ими греческие книги некоторые латинские нововведения. Так, в лице своего митрополита Гавриила Севера они обращаются к Константинопольскому патриарху Иеремии II с просьбою разрешить им ввести у себя ради житейских удобств григорианский календарь, на что патриарх отвечает: «Пишете, что Западная Церковь хочет нечто переделать в книгах Восточной, другое же прояснить; но наша Церковь не привыкла вводить новости под каким бы то ни было видом, как постоянно это делает Западная... Мы не дерзаем отнять даже одной запятой в древних книгах». Когда протестанты в видах пропаганды издали Новый Завет на народном новогреческом языке, то православные греки не приняли этих изданий на том, между прочим, основании, что они выходили из неправославных стран. Вообще сами православные греки очень подозрительно относились особенно к латинским изданиям отеческих творений ввиду того сложившегося у них представления, что латиняне при издании отеческих творений дозволяют себе их намеренные искажения и даже прямо тенденциозные подлоги[442].

Русские хорошо знали, что греки черпают свою ученость, которою они так гордятся и превозносятся перед русскими, в иностранных иноверных школах, что греческие книги печатаются в иноверных землях и что иноверцы вносят в их книги свои ереси. Все это русские знали из заявлений самих греков. В этом отношении особенно замечательна челобитная палеопатрасского митрополита Феофана, поданная им государю в 1645 году, после того как он исполнил поручение Константинопольского патриарха и Собора, которыми он был послан в Москву. В своей челобитной царю Феофан пишет: «Буди ведомо, державный царю, что велие есть ныне бессилие во всем роде православных христиан и борения от еретиков,

потому что имеют папежи и лютори греческую печать и печатают повседневно богословные книги святых отец и в тех книгах вмещают лютое зелие – поганую свою ересь. И клеплют святых и богоносных отец, что будто пишут по их обычаю, и тое есть нестаточно, потому что ныне есть древние книги и библеи харатейные рукописьмены и богословные святых отец в монастырех во Святой Горе Афонской и в иных древних монастырях и по тем библиям и книгам объявляетца их лукавство. Посем ныне они которые книги печатали и составили, по своему обычаю и вымыслу, теми же книгами они борются во странах, а где древних библей нет, и опаясаютца оружием нашим и являются они мужественны и стреляют на нас нашими стрелами. И то чинитца, державный царю, для того, что турки не поволят нам печатать книги в Царе-граде, понеже и немцы, которые пребывают в Царе-граде, мешают от зависти своей и осиливают они своею мздою... Сердцевидец есть Господь свидетель, что велие веселие и радость восприяла душа моя, что Бог сподобил меня и видел такова православного царя и благочестие велие, и вспомянул смуты, что имеют христиане от еретиков и смущаются многие в умах, прочитаючи тех составленных книг и надеютца, что такое есть составление святых отец и падают в прелесть их и погибают. Аз прослезился и помыслил, абие понуждая от глубины сердца своего известите обо всем к великому вашему царствию, а преблагий Бог избрал тя царем на земли и есть ваше царское имя славно во всей земли. И будет известит в сердце великому и державному царствию вашему к надобю благочестивым и православным Христианом: да повелиши быть греческой печати и приехать греческому учителю учить русских людей философства и богословия греческого языку и по русскому, тогда будут переводить многие книги греческие на русский язык, которые не переведены, и будет великое надобе на обе стороны и великая доброта, да и гречане освободятца от лукавства еретиков, да испол-нятца во всем мире православные христианские книги и не будет нужны теми составленными римскими и люторскими книгами; здеся ис-полнятца древние книги, будут их печатать и переводить на русский язык прямо, подлинно и благочестиво, и

тогда будет великая радость во всем мире и во всем народе христианском и прославитца великое имя царствия вашего по всей вселенной, но и паки Птоломея-царя… Сие извещаю, державный царю, великому вашему царствию Божиим наставлением, да не явлюся докуч-ник к великому вашему царствию, потому что сие дело не одному мне надобно, но и всем православным Христианом»[443]. Понятно, какое глубокое впечатление должно было произвести на всех русских это заявление палеопатрасского митрополита Феофана. Оно вполне подтверждало уже давно сложившееся у русских убеждение, что греческие книги, печатаемые в иноверных землях, намеренно искажаются там еретиками, которые вносят в них свои ереси. Отсюда русские само собою сделали прямое заключение, что доверять новопечатным греческим книгам, особенно в тех случаях, где они расходятся с русскими книгами, никак не следует, ибо сами греки, и именно посол от Константинопольского патриарха и Собора, палеопатрасский митрополит, торжественно заявляет царю, что для избежания козней еретиков греческие книги необходимо печатать в Москве, так как только здесь будут их печатать и переводить на русский язык прямо, подлинно и благочестиво. Не верить этому заявлению Феофана русские не могли уже потому, что оно вполне подтверждало их собственное, ранее сложившееся мнение о греческих новопечатных книгах, да к тому же и другие данные подтверждали заявление Феофана. Во время прений с греками о вере Суханов укорял их, зачем они сожгли на Афоне русские богослужебные книги, им бы следовало лучше жечь свои греческие книги, которые печатаются у латинян, так как в этих книгах действительно находятся латинские ереси. Для доказательства Суханов принес и показал патриарху Паисию одну греческую книгу, взятую им у греческого учителя, в которой Символ веры действительно был напечатан с прибавлением filioque. Ввиду этой очевидной улики патриарх Паисий объяснил Суханову, что они, православные греки, пользуются греческими книгами венецианских изданий с большою осторожностью, так как хорошо знают, что латиняне намеренно вносят в греческие книги свои еретические мнения, которые они, православные

греки, и вымарывают из этих книг, но самих книг не сжигают. Павел Алеппский свидетельствует, что он достоверно узнал, будто франки запретили печатать в греческих книгах многие вещи и между прочим чин освящения церкви и приготовления мира[444]. В 1700 году наши послы в Константинополе, Украинцев и Чередеев, были у Иерусалимского патриарха Досифея, который им показывал разные купленные им греческие хроники, напечатанные во Франции по-гречески и по-латыни. Послы полюбопытствовали спросить Досифея: «Как они, французы, те книги печатают, понеже в вере и в иных церковных догматах имеют великое разнствие, и совершенно ли знают греческий язык?» Патриарх отвечал: «Печатают всю старину правдою, разве малое что не печатают, которое им что к поношению и к укоризне належит, и эллино-греческий язык знают достаточно»[445].

Таким образом, на основании тех заявлений, какие сами восточные иерархи постоянно делали нашему правительству, у русских естественно и само собою явилось такое представление, «что Православие повсюду на Востоке ратуемо иноплеменными врагами», что, находясь под игом турок, восточные христиане «едва могут сохранить веру Христову целою и неисказимою», так как они «пребывают на всякий день в великих печалях, нуждах и бедах, срамотах и поношениях, убиваемые и гонимые ради сохранения веры православной», которую «зловерные тщатся истребить», почему православные постоянно опасаются, как бы Православная Церковь на Востоке, «порабощенная и разсеянная среди ассириян, вавилонян и египтян, не исчезла до конца». Но этого мало. От самих же греческих иерархов русские узнавали, что Православие на Востоке испытывает не одни только внешние притеснения и умаления, но и подвергается серьезной опасности «и от борения еретиков, потому что имеют папежи и лютори греческую печать и печатают повсядневно богословные книги святых отец и в тех книгах вмещают лютое зелие, поганую свою ересь», и это не остается без вредного, пагубного влияния на православных, «ибо смущаются многие в умах прочитаючи тех составленных книг и надеютца, что такое есть составление

святых отец и падают в прелесть их и погибают». Самый простой и естественный вывод, который русские логически необходимо должны были сделать на основании имевшихся у них сведений о состоянии Православия на Востоке, был тот, что слова «грек» и «Православие» перестали уже быть синонимами, что русские должны крайне недоверчиво и опасливо относиться ко всему, что переходит на Русь от греков, иначе и на Русь может проникнуть лютое зелье, поганая ересь папежей и люторей, как она уже успела проникнуть и все шире и глубже проникает в среду православных греков.

Внешние гонения на Церковь и нападения на нее со стороны еретиков еще не дают, однако, права подозрительно и опасливо относиться к гонимой Церкви. Разные гонения и невзгоды нередко только развивают и закаляют высокие духовные свойства в гонимых, доводят духовно-нравственную их жизнь до высокого возможного напряжения, ярко выставляют на вид высокие качества пастырей и пасомых, словом, то духовное богатство, ту внутреннюю силу и мощь, которые присущи гонимой Церкви. Но вовсе не в таком виде являлась перед русскими жизнь православной Греческой Церкви на Востоке. Начиная с конца XVI века русские получили очень подробные и обстоятельные сведения из разных рук о всех событиях и происшествиях, особенно имевших место в Константинопольской Патриархии, и на основании этих сведении имели полную возможность составить довольно ясное представление о жизни Греческой Церкви, о порядках, царящих в ней, о нравственных качествах ее важнейших и второстепенных представителей и т.п. Нужно сознаться, что картина церковной жизни на Востоке на основании идущих оттуда сведений получилась в общем довольно мрачная, хотя эти сведения шли от самых достоверных лиц, так что заподозрить правдивость их показаний русские не имели никаких оснований. Приехавший в Москву Константинопольский патриарх Иеремия заявляет здесь, что он был на некоторое время отставлен от патриаршества из-за происков и подкупа некоего Феолипта, «который стал подкупать пашей, чтобы учинили его в Цареграде патриархом, а он будет давать

султану, сверх прежней дани, две тысячи золотых». Грамотою от 29 июля 1636 года патриарх Кирилл Лукарис извещает царя, что на его место подкупился некто митрополит Веррийский Кирилл, который посулил султану за свое поставление 15 тысяч рублей и успел сделаться патриархом, но за свои жестокости и разные неправды был скоро отставлен и даже чуть не казнен. Бывший Константинопольский патриарх Афанасий Пателар о своем избрании писал царю: «Меня поставили на Вселенский престол братья мои архиереи в помощь блаженнейшему и святейшему старому патриарху господину Кириллу, чтоб согнать нового Кирилла Веррийского, и после того дали мне Собором Селу некий престол», но он его оставил, потому что не мог уплатить громадных долгов митрополии, и удалился в Молдавию, где и живет теперь. Совершенно иначе объясняет дело Константинопольский патриарх Парфений в своей грамоте к государю от 18 августа 1643 года. Он говорит, что Афанасий как критянин и, следовательно, земляк Лукариса в качестве простого иеромонаха появился в Константинополе, был принять и обласкан Лукарисом, успел приобрести его расположение и был, наконец, поставлен Селунским митрополитом. Но Афанасий оказал величайшую неблагодарность своему благодетелю: «Будучи злой человек и изменник, не пребыл в том достоинстве, что Бог ему даровал, поднялся внезапу с некиими злыми человеки и недруги и изменники Церкви нашей, якоже супостат и новый Июда», низверг Лука-риса, добился его ссылки, а сам сел на патриаршество, «учинив Великой Церкви многую поруху и убытки болыпи 50 000 ефимков». Но он патриаршествовал только 28 дней, его, «яко недруга и супостата Великия Церкви и изменника нового Июду», согнали с патриаршества и возвратили Лукариса. Афанасию же дали опять прежнюю его Селунскую епархию с тем, чтобы он торжественною клятвою обязался не искать более патриаршества, и в том он, Афанасий, дал патриарху и архиереям веру на святом Евангелии. Между тем по смерти Лукариса патриархом сделался он, Парфении, и, со своей стороны, утвердил за Афанасием Селунскую митрополию. Но, сообщает Парфении, прошло три года, и мы услышали, что

«всеял в сердце ево (Афанасия) дьявол и преступил тою свою евангельскую клятву», бросив Селунскую епархию, своевольно отправился в молдавскую землю, чтобы происками произвести охлаждение между патриархом Парфением, владетелем Василием и его вельможами и, заручившись рекомендацией господаря, приехал в Москву, и «получил здесь большую милостыню, якоже и прежде сего приезжал веррейский Кирилл, недруг и изменник Великия Церкви, и имел он также сатанинскую мысль, что и ныне Афанасий». Как ранее Кирилл, получив от царя богатую милостыню, по возвращении из Москвы «учинил великие смуты и убытки великие Великой Церкви и убил блаженнейшего того старого патриарха Кирилла, так теперь и Афанасий тем же обычаем хочет учинить над нами и над Великою Церковью». Затем Парфении заявляет, что эта грамота об Афанасии написана «по хотению и по совету» всех архиереев и благородных цареградских вельмож в удостоверение, что «тот Афанасей Паталарей есть изменник и злой человек и недруг Великия Церкви Христовы, и хочет он приехать к тебе, великому государю, для милостыни, чтобы ему тем собранным совершити сатанинский умысел и злое свое хотение». Поэтому патриарх просит царя, если Афанасий приедет в Москву, учинить над ним как Бог известит, «чтобы не погибла вперед Церковь Божия от нево». В заключение Парфении делает такую приписку: «Тою грамоту посылаем к тебе, великому государю, тайным обычаем». Очевидно, это был тайный донос на сильного соперника, сделанный в расчете так или иначе избавиться от него[446]. Если Парфении резко отзывался об Афанасии Пателаре, то и о самом Парфении на Руси был получен не лучший отзыв. От 10 декабря 1644 года Собор, низвергший Парфения Старшего и возведший на его место тоже Парфения, писал царю: «Взошел сатана в сердце ныне отставленного патриарха Парфения, по его греху и неправедному житию и по зависти славы патриаршеской, научил он понемногу искушать того блаженнейшего старого патриарха Кирилла, ибо желал себе престол его, будучи исполнен лукавства, не хотел, однако, вдруг объявить поганые свои мысли и свою лукавую думу, что тайно мыслил день и

ночь, как бы ему достигнуть патриаршеского места». Соборная грамота пишет, что будто бы Парфений научил треклятого Веррийского Кирилла извести Лукариса, чтобы самому сделаться патриархом. По его же научению Кирилл Веррийский многих архиереев от областей их отставил напрасно, убыточил и ссылал их не по делу и не оставил ни единого, чтобы кому не сотворить зла, как мучитель и похититель престола, также делал и с иереями, и с монастырями, и со многими христианами. Кирилл за его тяжкие вины был низложен, и Парфений, которого тогда еще не знали, сделался патриархом, «но он явился как бывший Веррийский и злее того, повседневно творил правеж, обиды и беззакония и сверх того впал в грех сребролюбия – Церковь Святую разорил и впал в тяжкие долги ради личной наживы». За взятки и ради взяток стал он отставлять архиереев, а некоторых хотел и совсем извести, и только сила Божия спасла их от смерти. Тогда все, видя, «что он был весь наполнен лжи, и лукавства, и непостоянства, одно имел в устах, а сердцем мыслил другое, как бы человеку досадить и каким бы вымыслом имение его взять и обогатить себя, чтобы тем исполнить хотение сребролюбное», Собором отставили его и избрали на его место другого Парфения, зная, что он добрый и хороший человек. Но прежде чем пришли эти соборные грамоты в Москву, здесь уже знали обо всем случившемся из отписок агентов: халкидонского митрополита Даниила и грека Ивана Петрова, которые изображали все дело низвержения Парфения Старшего совершенно иначе, нежели как рассказывала об этом соборная грамота. По словам халкидонского митрополита, низвержение Парфения было делом интриг и происков трех архиереев: Ларисского Григория, Адрианопольского Парфения и нынешнего Халкидонского Пахомия, из них Парфений сам добивался патриаршего престола. Парфений Старший, чтобы прекратить эти происки враждебных ему архиереев и тем предупредить дальнейшие смуты, созвал, по словам Ивана Петрова, 26 августа Собор, постановивший, чтобы все архиереи, исключая четырех, отправились в свои епархии, для чего им и дан был десятидневный срок. Но враги стали действовать теперь

решительно, так что уже первого сентября визирь надел кафтан на нового патриарха, а прежнего сослал на остров Тенедос и, «восплакались, – пишет Даниил, – все православные христиане о старом патриархе Парфении». Торжественное провозглашение нового патриарха не только не было единодушным, как уверяет соборная грамота, но, напротив, вызвало со стороны некоторых публичный протест и сопровождалось великим позором. Халкидонский митрополит об этом рассказывает: в праздник Рождества Богоматери собрал новый патриарх духовные власти, которые случились в Царьграде, собрался и весь народ на постановление патриаршее; когда прочли отставление старого патриарха, новый возгласил ему анафему, но весь народ возопил: «Бог простит старого патриарха, а новый буди проклят!» Потом раздали народу свечи, и когда ираклийский митрополит поднес посох и, возведя новопоставляемого на престол, произнес: «аксиос», то весь народ возопил: «анаксиос», т.е. недостоин! И был великий позор, которого никогда не бывало; потом же за деньги, обещанные новым патриархом, сослали старого в Кипрский остров. Совершенно также рассказывает это дело и Иван Петров[447].

Подобного же рода известия получались в Москве о событиях в Константинопольской Патриархии и в последующее время. Так, в 1652 году, августа 23, ватопедский архимандрит показывал в Москве, что в 1652 году, июня 13, на место патриарха Иоанникия поставлен опять патриархом Афанасий, по прозванию Пателарий, и был на патриаршестве только 14 дней, а на его место подкупился Кирилл, филиппопольский митрополит, и тот был на патриаршестве только три дня, а после того июня 30 поставлен на патриаршество митрополит Паисий, да и на место этого патриарха подкупается адрианопольский митрополит Неофит, а отставных патриархов ныне в Царьграде четыре[448]. В декабре того же года приехавшие в Москву гречане сообщили, что над патриархом Паисием, недавно поставленным, промышляет опять бывший патриарх Иоанникий со своими людьми, чтоб его отставить, а иные вельможи желают возвести Александрийского, потому что

он мудр и разумен, и вообще с тех пор, как потеряли Парфения, равного обрести ему не могут и теперь весьма каются, что его погубили. То же самое писал государю назаретский митрополит Гавриил, приконийский Иеремия и халкидонскии Гавриил[449]. В августе 1653 года прислал государю грамоту бывший Константинопольский патриарх Иоанникий. Интересен его отзыв о других патриархах, его соперниках. Если Парфений Младший, как мы видели, делает о низвергнутом им Парфений Старшем очень неблагоприятный отзыв, то и о Парфений Младшем низвергший его Иоанникий делает в грамоте государю следующий, тоже не особенно лестный отзыв: «Как на патриаршестве был новый Парфений, жестокий нравом и немилосердый (упокой его Бог, понеже и он был человек, если имел на себе какую вину, и то не диво), сослали его от патриаршества в ссылку, а меня взяли от области моей и поставили меня Цареградским патриархом. Так пребыл я немногое время со смирением в мирном подавлении, а как приехал Парфений из ссылки и насильством, с великим домогательством, взял опять патриаршество, то меня отставили. Но его опять от патриаршества сослал султан с великою опалою, и меня снова призвали Собором (в мае 1650 года)… и дали мне владычество патриаршее, владел я мирно, но недолгое время (1 год и 13 дней). В то время восстал некий отставной митрополит, непотребный человек по имени Кирилл, и сел на патриаршество насилием, беззаконно, как разбойник, но он, видя, что его никто не почитает, покинул патриаршество и отошел прочь» (был патриархом 18 дней), затем 18 дней (14?) был патриархом Пателар, но он сам покинул патриаршество, «и на его место учинился некто Ларский митрополит Паисий (1651 года 1 июля), образ его лихим человеком не показует, но что подобает иметь патриарху, он всего того чужд»[450]. В сентябре 1654 года халкидонский митрополит писал об Иоанникии и вообще о положении дел в патриархии: «Державнейший и святейший царю, писать ли мне о непостоянстве патриаршества нашего? Ничто же иное здесь, кроме скорби и болезни, как было и в прошлом: Иоанникии насильно взял патриаршество, много издержал вельможам, и мы это потерпели. Но не прошло и 10

месяцев, как восстал один низверженный от трех или четырех Соборов за многие неприличные и беззаконные дела. Он пошел к царскому девтердару и обещал 40 000 ефимков, чтобы дали ему патриаршество. Когда услышал о деньгах девтердар, то не только патриаршество, но и все иное отдал бы ему и известил о том визиря». Изверженный Кирилл сделался патриархом. Тогда из архиереев и мирян собрался совет, на котором говорили, «что слишком много обещал Кирилл и что нельзя найти столько денег, да сверх того он извержен и держит за собою три епархии доныне». Тогда внесли визирю 28 000 ефимков, согнали Кирилла и поставили Паисия. «Ныне обретается патриаршество наше в долгу, свыше 100 000 ефимков, которые задолжал отчасти господин Паисий, отчасти Иоанникии и господин Афанасий Пателларий, который и больше задолжал, и потом опять Иоанникии»[451]. Если Иоанникии в грамоте царю сделал очень неблагоприятный отзыв о своем предшественнике Парфении и преемнике Паисий, то и Паисий, со своей стороны, не особенно лестно отзывается об Иоанникии в грамоте царю, которую привез в Москву один грек 9 ноября 1656 года. Паисий пишет, что когда он против воли поставлен был патриархом на место низведенного Иоанникия, то Иоанникии, «не хотя ни на каком месте успокоиться и плакать о своих согрешениях иночески и ради старости своей, чрез краткое время посулил много денег туркам и сделался опять патриархом, а нас изгнал». Сказав затем, как Иоанникия вскоре согнал с престола Кирилл, в свою очередь согнанный архиереями, и как его, Паисия, упросили снова сделаться патриархом, Паисий продолжает: как скоро он сделался патриархом, «тотчас же мы привели из заточения Иоанникия, куда сослал его безбородый (т.е. Кирилл), и привели его в патриархию с честию и славою. Как собрался весь Собор, возопил он, что в патриархах быть не хочет, и по доброй своей воле просил, чтобы принести ему из Великой Церкви книгу правил, и подписал отречение своею рукою. Потом патриарх Иоанникии и весь народ пошли в Великую Церковь; он пел молебен и, облачась в омофор, проклял сам себя, если будет воспоминать и просить патриаршества, и, потребовав священное Евангелие, принял

над ним клятву, что до конца жизни своей никаким помыслом не будет просить себе патриаршества, с нами же целовался по-братски». Но весь этот обряд ни к чему не привел, и Иоанникии изменил своей клятве. «Он же, окаянный, – пишет Паисий, – не разумев, в какую сеть впал, не захотел быть в смирении и не пошел в митрополию, которую ему дали, а только стал жить в городе Хиосе и начал писать письма к друзьям своим, чтобы опять его возвратили на патриаршество. Несколько времени спустя послал он опять несчетное число денег и снова сел, как слепой, на патриаршество, обещаниями и насилием, а не чьим-либо хотением, не вспомнив проклятия своего и клятвы над Евангелием об оставлении престола, ни страха Божия, ни срамоты человеческой; все сие попрал, и посрамил весь род христианский, и не приобрел себе ни единого человека. Стали все архиереи со мною заедино, и никто не хотел выйти к нему поклониться, только я опять понаучил людей, чтобы шли к нему и не впали бы в зло от повеления султанова. Таким образом вошел внутрь патриархии с бранью и позором от малых и великих, и не знаю, как будет в ней пребывать. Христиане все восстали на него, как звери дикие, за его божбу и беззаконное клятвопреступление, а я, бедный, живу в великом страхе от злаго его помысла»[452]. Любопытной после всего нами приведенного покажется грамота патриарха Иоанникия, присланная им к государю в мае 1654 года, в которой он пишет: «Мы страдаем от неверного и многоглавного змия агарянского, который нами владеет за наши великие грехи и не дает по сие время отдохновения благочестивому христианскому роду, а ныне, как у него взяли Критский остров, восстал на нас, как лютый зверь и как волк на агнца, ибо многие тысячи людей погубил в бранях и всуе истощил многую казну и впредь ничего не может учинить, ибо самого его никто царем не почитает в царстве его, а только вся его мысль напрасно мучить христиан, и ныне против прежнего берет стократно, потому что казну свою истерял всю и нечем жаловать служилых людей, а чрез то великие убытки учинил Великой Церкви Христовой, больше ста тысяч рублей, и мы переходим с места на место, потому что уже мочи не стало давать подати и долг платить. Слышал он, что

ваше царское величество промыслило победу над недругами и многими местами овладело, и ненавидит нас, как лютый зверь, за то, что мы единоверны с православными христианами вашего царского величества, и радуемся о Божией вам помощи, и молимся день и ночь о победе вам над врагами»[453]. Эта грамота с уверением, что причина громадного долга патриархии – тяжелые турецкие поборы и подати, которые разоренные неудачною войною турки налагают теперь на патриархов, и что в разорении патриархий косвенно виноват даже русский царь, военные успехи которого побудили турок возненавидеть подчиненных им христиан, как единоверных царю; эта грамота, написанная непосредственно после того, что писали о беспорядках в патриархии разные лица и сам Иоанникий, является прекрасным образчиком тех бесцеремонных отношений, какие дозволяли себе восточные патриархи в своих сношениях с Москвою. Понятно, что очень невысокое представление о личных качествах Константинопольских патриархов должно было составиться у русских на основании тех известий, которые доходили до них о происходящем в Константинопольской Патриархии.

Из донесений как самих патриархов, так и разных агентов московское правительство не только узнавало о том, что в Константинопольской Патриархии царят подкупы, интриги и всевозможные неправды, но что там для уничтожения своего соперника практикуются и убийства и что некоторые патриархи действительно потеряли жизнь из-за происков других патриархов, их соперников. Так, патриарх Иерусалимский Феофан сообщал в Москву, что патриарха Кирилла Лукариса убили из-за наветов его соперника, нового Константинопольского патриарха Кирилла Веррийского. В 1640 году иверский старец сообщал в Москве, что в мутьянской земле не стало Александрийского патриарха Митрофана, а каким образом случилась ему смерть, того он подлинно не ведает, но в мутьянской земле всякие люди говорят, что его окормили отравою по повелению Кирилла, нового патриарха Цареградского. То же самое подтвердил и черный критский священник Феофан, в это же время прибывший в Москву. Он

заявил, что Веррийский потому отравил Александрийского патриарха, что его хотели сделать на место Кирилла Цареградским патриархом, а что Митрофан доподлинно отравлен, это говорил ему, Феофану, доктор мутьянского воеводы. В 1643 году патриарх Парфений Старший писал в Москву, что Кирилл «убил блаженнейшего того старого патриарха Кирилла»[454]. Грек Иван Петров писал в Москву, что когда Парфений Младший низверг Парфения Старшего с патриаршего престола, «то старого патриарха хотели извести и писали о том к князю Василию-воеводе: что об нем думаешь? Но Василий-воевода писал об нем, чтобы его ничем не вредили, а только бы сослали в Кипрский остров»[455]. Впрочем, носились слухи, что Парфений Старший действительно кончил неблагополучно, по крайней мере, молдавский учитель Гавриил Власьев от 9 января 1646 года писал государю, что в сентябре 1645 года некоторые люди поехали в Кипр и без повеления султана освободили Парфения, но патриарх, доехав до Хиоса, разнемогся и, пролежав два дня, умер, и слух есть, замечает учитель, будто его окормили; «учинилась в Цареграде смута великая о нем, и всколебались многие христиане»[456]. Но и Парфений Младший, низвергший старшего Парфения, со своей стороны, погиб ужасною насильственною смертью. В июле 1651 года приконийский митрополит прислал государю грамоту, в которой сообщал, что бедного патриарха Парфения зло и беззаконно убили, и затем описывает самую смерть патриарха: его посадили в каик «и первое ему глаза выняли, потом же ушибли топором между плеч и по лбу и потом удариша кинжалом в брюхо и тако иво скончаша и вкинули в море». Но когда узнали, что патриарха убивать не велено, то бросились немедленно на патриарший двор, «поймали первых смутников» и одного из них тотчас же повесили на патриарших воротах, так как, по словам митрополита, патриарха убили патриаршие люди[457]. В октябре 1651 года фессалийский архиепископ Даниил сообщал, что во время убийства патриарха Парфения, которое случилось 16 мая, «я в то время был послан на Белое море в остров в Линской собирать десятины патриаршеской», а когда воротился, то постарался собрать точные сведения о

смерти патриарха. Оказалось, что патриарха Парфения убил какой-то портной Михаил, питавший злобу к патриарху и искавший его головы, потому что его жаловала прежняя султанова мать. Портной сознался в убийстве и был повешен на патриарших воротах. Но портной был только орудием в руках других лиц, которых прямо и называет архиепископ: «А Аникея (преемника убитого Парфения) и ево прикащиков дали за пристава за то, что они промышляли с ним убойцом и по их промыслу убили патриарха, и они в том заперлися и сказали, что тот Михайло один промышлял и мутьянской, и молдавской воеводы дали 30 000 ефимков и их освободили. И грех ради наших сказывают, что Иерусалимский патриарх прислал денег немало тут же на помощь, чтоб ево, патриарха Парфения, сослали, потому что они имели меж себя недружбу»[458]. Итак, в низвержении и убийстве патриарха Парфения прямо обвинялись преемник Парфения на Константинопольском престоле патриарх Иоанникий, который был даже арестован и освободился только благодаря 30 000 ефимкам, внесенным за него воеводами Молдавии и Валахии, затем патриарх Иерусалимский Паисий и, наконец, косвенно воеводы молдавский и валахский. Об участии патриарха Иоанникия в низвержении и убийстве Парфения говорят и другие донесения. В октябре 1653 года халкидонский митрополит Даниил доносил, что Иоанникий, занявши престол убитого Парфения, в том же году был отставлен вместе с покровительствовавшим ему визирем, между прочим, за убийство Парфения[459]. Великий архимандрит Константинопольской Церкви от 6 августа 1664 года сообщал, что Иоанникий, прежде чем убить Парфения, не разписал молдавскому воеводе, что будто бы Парфений с пашами ищет на его место поставить иного государя и хочет погубить его государство, вследствие чего молдавский воевода прислал от себя Иоанникию 16 000 ефимков, чтобы согнать патриарха Парфения. Но Иоанникий не только низверг Парфения, а и убил его. Теперь же, сообщает архимандрит, воевода, узнав, что изветы Иоанникия на Парфения были ложны, открыто заявляет в Константинополе, что он послал деньги Иоанникию только для низвержения Парфения, «а вы, –

говорит воевода, – деньги издержали, а его (Парфения) погубили, и неправедное сие убийство привело меня к тому, что я погубил богатство свое, государство, жену и детей. Ныне же, поскольку тот (Иоанникий) сотворил волю свою, а не мою, то да отдаст мне деньги мои обратно»[460]. Очевидно отсюда, что патриарх Иоанникий был сильно замешан в деле убийства своего предшественника Парфения. Другим участником низвержения и смерти Парфения был Иерусалимский патриарх Паисий. Об его дружбе с Парфением мы имеем несколько свидетельств. В 1650 году возвратился в Путивль Чудовского монастыря старец Пахомий, посланный сопровождать Иерусалимского патриарха Паисия. Через путивльского воеводу он доносил царю, что Паисий отпустил его из молдавской земли, а сам поехал в мутьянскую, где и остается жить, «в Иерусалим же он опасается ехать, боясь опалы от султана, за что – не знает, да за старую недружбу Цареградско-го патриарха Парфения опасается запрещения ехать и потому думает долго прожить в Мутьянах, до самой смерти Парфения»; это сообщили Пахомию черный поп патриарха Даниил, да старец Феона[461]. Троицкий иеродиакон Иона, отправившийся из Москвы в Иерусалим вместе с патриархом Паисием, о причинах замедления патриарха в Мутьянах говорит: «Патриарху же коснящу страха ради турскаго, овоже бояся патриарха Цареградскаго, занеже между собою велию вражду имуще». Арсений Суханов говорит: «И строитель Арсений выспрашивал у иных старцев, которые к нему, Арсению, были добры: поедет ли патриарх в Иерусалим? И они ему сказали: сказывают-де поедет, а мы не чаем ему ехать, если Парфений патриарх Цареградский жив будет»[462]. В январе 1651 года цареградский грек Исайя Остафьев показывал между прочим в Москве, что Иерусалимский патриарх ныне в мутьянской земле и в Царьгород ехать боится, потому что там про него молва, что он ездил к гетману и в Московское государство без султанского ведома, а ему только дозволено быть в мутьянской земле и в волошской для милостыни; теперь же у него с Ца-реградским патриархом несогласие. В том же году назаретский митрополит писал, что патриарх Иерусалимский живет в мутьянской земле у

воеводы и готовится ехать, доселе же ехать было нельзя, известно по какой причине (т.е. по нелюбию с Парфением). Это нелюбие двух патриархов привело к тому, что Паисий, как ходила тогда общераспространенная молва, послал значительную сумму денег, чтобы низвергнуть своего недруга с патриаршего престола. Это сделать для него тем более было удобно, что против Парфения были возбуждены воеводы молдавский и волошский, у которых проживал Паисий, нетерпеливо ожидавший низвержения своего врага. Оба воеводы, вероятно, не без ведома и согласия проживавшего у них Паисия, и сверх того, возбуждаемые наветами Иоанникия, решились разделаться с Парфением. Об этом обстоятельстве приконийский митрополит доносил царю, что «патриарх Парфений был убит турками по наветам мултянского воеводы Матвея и валашского Василия. Матвей прислал ближним султанским людям 20 000 ефимков, а Василий 10 000 с тем, чтобы патриарх был сослан, потому что он стал на патриаршество без их воли. Но Парфений вместо ссылки был убит, и когда об этом узнали султан и визирь, то они казнили всех убийц, и тогда побито было человек десять важных людей, убили также и посланных к ним от обоих воевод. Халкидонский митрополит в своей грамоте доносил, что Парфению причинилась смерть от двух владетелей молдавского и мутьянского за то, что он их воли не творил и Хмельницкого послов к себе к благословению принимал, молебен им пел и у себя их кормил. По сей недружбе послали они в Царьград 60 000 ефимков, чтобы извести патриарха, и по их научению грек Михаил промыслил и патриарха извел». Варварская и несправедливая смерть Парфения, погибшего по интригам патриархов и воевод, произвела в Константинополе сильное впечатление, на Парфения большинство стало смотреть как на святого страдальца и мученика. В этом смысле скоро сложились о Парфений сказания, и одно из них уже в 1652 году, в декабре, так передавал грек Фома Петров: «Тело убитого патриарха было брошено в море, которое его выкинуло под Новым селом. Тогда его отвезли от села версты за две и опять бросили в море, так как жители опасались пени, но тело опять приплыло к селу, и

так повторялось несколько раз. Наконец, патриарх явился во сне попу того села и сказал ему: «Для чего вы мечете меня в море? Я – патриарх Парфений, возьмите и погребите меня у церкви св. Николы». Поп со страху встал и пел заутреню, а после то видение объявил старшинам и говорил им, чтобы они шли с ним на пристанище; они обрели тело патриарха на старом месте и собрали с села деньги, дали приказному, и приказный велел его погребсти»[463]. И в Москве смерть Парфения должна была произвести сильное впечатление, тем более что Парфений был одним из самых преданных России патриархов и всячески старался оказывать ей разные услуги. Отметим при этом одну, по нашему мнению, довольно характерную частность. В 1653 году, в июле, Константинопольский патриарх Паисий писал между прочим государю, что по смерти Парфения Младшего остались в руках агарянских части риз его архиерейских, и от того патриарх имел не токмо великую срамоту, но и грех покинуть их в иноплеменных руках, так как агаряне хотели их портить и учинить великое бесчестие. Великая Церковь ради налогов агарянских не имела чем выкупить ризы, и потому их выкупил грек Иван Кириллов за 1050 ефимков. Этот грек с патриаршею грамотою и выкупленными им ризами отправился теперь в Москву, и Паисий просит, чтобы «государь отверз сокровища своей милости и искупил бы ризы от раба своего, а потом прислал бы их обратно в Царьград, как царский свой вклад для того, чтобы не лишена была Великая Церковь своего достояния и чтобы Вселенские патриархи всегда облекались в ризы сии»[464]. В январе 1654 года грек Иван Кириллов привез в Москву пять саккосов бывшего патриарха Парфения, которые, однако, не были отосланы назад в Константинополь, как просил патриарх Паисий, а отосланы государем к святейшему патриарху Никону[465]. В грамоте от 5 августа 1654 года халкидонский митрополит Гавриил, рекомендуя милости государя греков Ивана и Димитрия, пишет, что они обрели честную панагию блаженного патриарха Парфения, патерицу и трикирии его, которые несут царю[466]. Так ловкие и находчивые гречане самую смерть патриарха Парфения умели обратить в благовидный

повод к наживе на счет уважения русского правительства к убитому патриарху.

О деятельности и характере вообще церковного управления Константинопольскими патриархами в Москве получались тоже самые неутешительные вести. О патриархе Кирилле Веррийском Лу-карис пишет, что Кирилл, «усиливаясь выплатить то, что посулил, и еще другие пятнадцать тысяч рублей и не имев тех денег, мучил он митрополитов и священников и всех церковников и, собрав вдвое против тех денег, что посулил, отдал басурманам, чтоб его любили»[467]. Приезжавшие в Москву за милостынею в 1637 году заявляли, что Кирилла Веррийского отставили от патриаршества «для того, что он было учил отставливать и переменять греческих властей, которые ему не почали давать казны»[468]. В 1639 году грек Иван Савельев сообщал в Москве, что Веррийского арестовали за то, «что били челом на него власти: митрополиты, и архиепископы, и архимандриты, и старцы, что-де он, патриарх, собрал с них многую казну и утаил себе, а салтану дани ничего не дал, и строенья тою казною никакого не учинил, и должником ничего не уплатил. Да он же, патриарх, учинил на Александрийскаго патриарха Митрофаново место патриархом из Критцкаго острова черного попа, Никифором зовут, без соборнаго совету»[469]. В 1640 году севастийский митрополит Иосиф в грамоте царю писал, «что патриарх Кирилл Веррийский над властьми делал сыски и обиды, над священницы, и над монастырями, и над крестьяны, и еще повелел беззаконник, чтоб не молили Бога о вашем царском многолетном здравии, старого патриарха святаго мужа извел, и потеряли его напрасно»[470]. О патриархе Парфений Старшем низвергший его собор торжественно писал государю, что он «повседневно творил правеж, обиды и беззакония и сверх того впал в грех сребролюбия. Какие он собирал церковные доходы, те держал про себя, долгов никаких не платил и никакой доброты не делал, без дани жил, а оставил великий долг церковный с великим ростом, и погибает и раззоряется до конца Церковь Христова. Да еще, желая грабить, начал и некоторые власти отставлять от их престолов без вины взяток ради, а

иные власти хотел извести, только божественная сила спасла их от такого зла, а то подлинно быть бы им раззоренным и убитым»[471]. Про патриарха Кирилла Безбородого, подкупившегося на место Иоанникия, халкидонский митрополит Гавриил пишет, что когда турки поставили Кирилла патриархом, то «дали ему грамоту, что если какой митрополит не пойдет поклониться ему и не даст ему денег, то пусть он накажет его и даст епархию другому», т.е. открыто признали за ним право торговать епархиями[472]. Это право отдавать епархии тому, кто больше даст, практиковали, как видно, все патриархи. В 1623 году так называемый у нас синайский митрополит Иеремия показывал в Москве, что ранее он был родосским митрополитом и, добровольно оставив кафедру, ушел на Синай: «Просил-де у меня Константинопольский патриарх Рафаил три тысячи золотых; если их дам, то буду в Родосе, если не дам, то патриарх мне быть в Родосе не велит». Митрополит письменно ответил на патриаршее требование, что «он-де ест одну капусту с солью и дать ему, патриарху, нечего, да и не за что, и от того-де он из Родоса ушел в Синайскую гору». Афанасий Пателар, сам не раз бывший Константинопольским патриархом, в письме к учителю архимандриту Венедикту между прочим сообщает: тырновский митрополит преставился в Болгарии, и на его место поставлен бывший Халкидонский, за что он дал 10 000 ефимков[473]. Про патриарха Иоанникия цареградский архимандрит Парфений в грамоте государю от 6 августа 1654 года рассказывает: в Крите был некто священноинок Неофит, по прозванию Карапелак, племянник господина Афанасия Пателария, который был здесь на Москве. Те, которые знают сего священно-инока, говорят, что он злой человек и что ходит на брань вместе с пашою (Дели-Хусейн-паша) и предает мир и христиан, ибо он из города Критского и все знает, и писал грамоты с совета сего паши к господину Иоанникию и к иным друзьям своим и просился быть митрополитом критским. Послал же он к господину Иоанникию 3000 золотых, чтобы дал пособляющим по 1000 ефимков. Иоанникий прельстился подарком и тайно, без совета архиереев, поставил Неофита, не дав ничего Великой Церкви за его поставление. По низвержении

Иоанникия узнали об этом архиереи и клирики, но уже не могли исправить сделанного[474]. За неуплату дани патриарху митрополитов отставляли. В 1670 году приехал в Москву на государево имя архиепископ Л идорикийский Панкратий. В привезенной им ставленной грамоте говорится, что он поставлен лидорикийским епископом на место своего предшественника, который был низвержен «сих ради вин: первая, яко не платил годовые дани и оправдания по соборному уложению, которое глаголет: аще кто от архиереев не платит полетное правдание, извержется, и за иные вины, которые он сам ведает»[475]. Но этого мало: патриархи иногда даже прямо грабили подчиненных им митрополитов. Так, приконийский митрополит Иеремия, получивший в Москве милостыню, в грамоте царю рассказывает, что молдавский воевода Василий отнял у него всю царскую милостыню за патриарший долг, а когда он прибыл в Царьград, то патриарх Иоанникий отнял у него силою 500 ефимков, а после еще 400, а потом отдал его на руки жиду, которому должна была Великая Церковь. Константинопольский архимандрит Парфений рассказывает, что «когда он воротился из Москвы в Турцию, то патриарх Иоанникий приказал воеводам и архиереям грамотою, когда приду, взять что есть со мною и наконец погубить... и свидетель мне Сын Божий, что ничто бы не спасло меня, кроме милостыни твоего царствия, которую предал в руки его (Иоанникия)»[476].

Из сказанного понятны становятся те крайне мрачные отзывы о положении дел в Константинопольской Патриархии, которые делают в своих отписках в Москву различные лица с Востока. Так, патриарх Парфений Младший писал государю: «В нынешнее время учинились великая смута, и колебание, и частая перемена патриархам, и иное многое зло, а отписать нам о том и известить державе вашего царствия невозможно; если бы и написали, святое ваше царствие слушать того бы не изволили»[477]. Молдавский учитель Гавриил Власьев в 1646 году писал: «Если изволит святое ваше царствие ведать про Цареградское патриаршество, то оно пребывает в великом непостоянстве и долгу. Господь Бог да наложит святую и

державную Свою руку и исправит оное; только трудно исправить, потому что двух патриархов тут кровь пролилась, и боюсь, что и впредь пути не будет, видя их такое непостоянство»[478]. В 1652 году назаретский митрополит Гавриил писал, что он, прибыв в Константинополь, нашел там большие мятежи не только между бусурманами, но и христианами, ибо турки старую царицу убили и многих начальных людей в доме царском; также и христиане или, вернее сказать, лжехристиане Вселенского патриарха Парфения безбожно смертию казнили, и между митрополитами ненависть друг на друга и обращаются ко властям бусурманским. Он сообщает далее, что бывший родосский митрополит принял магометанство и многие клеветы говорил на христиан и на патриархов Иерусалимского и Вселенского. Посему великое гонение воздвигли турки на патриархов и митрополитов»[479]. В октябрь 1653 года халкидонский митрополит Гавриил прислал грамоту, в которой так начинает свои сообщения о делах патриархии: «О патриархах наших не имеем, что и писать, боюсь и трепещу начать...» В следующем году он пишет: «Державнейший и святейший царю! Писать ли мне о непостоянстве патриаршества нашего? Ничтоже иное здесь, кроме скорби и болтани, как было и в прошлом»[480]. Положение дел в патриархии действительно приняло наконец невозможно позорный характер. Претендентами на Вселенский престол являлись и такие лица, которые не были даже настоящими христианами и, потерпев неудачу в домогательстве патриаршего престола, обращались в мусульманство. Вот случай, рассказанный приконийским митрополитом Иеремиею в грамоте государю, присланной в декабре 1652 года: «Бывшего патриарха Парфения люди искали отмстить кровь Парфения, и пронеслось про то, что родосский митрополит Мелетий в их совете и хочет быть патриархом. Слыша такие речи, патриарх Иоанникий сказал о том прикащикам молдавского и мултянского владетелей, и они искали времени, каким бы образом втайне его умертвить. Тогда Мелетий, не зная, куда от них бежать, обратился к султанову казначею и посулил ему много денег, чтобы посадить его на патриаршество. А тот ему говорил: для

чего тебе патриаршество? Завтра тебя отставят и убьют; для чего не обусурманишься и не поживешь, как хочешь? Он же, поганый, имея в себе дьявола, сказал, что он митрополит и дохода ему каждый год из области по две тысячи ефимков, а если обусурманится, что ему учинит султан? Казначей обещал ему сделать его капуджибашею, и митрополит дал ему свое исповедание, что на все готов, да пошел к патриаршим людям и, обманув их, будто сделается патриархом, просил, чтобы ему дали рухляди и деньги патриаршия и серебряные сосуды, но он, окаянный, за два дни до турецкаго Бейрама совершил свое отречение. Казначей говорил султану, что это человек богатый и из книг научился, что бусурманская вера приятнее Богу, и потом пришел к султану бусурманиться. Султан, по совету казначея, сделал его капуджи-башею, и христиане приняли от того большую брань; им говорили: чего вы ожидаете, когда столп вашей веры узнал, что не имеете вы истины?»[481].

После этого понятным становится, почему наше правительство в своих инструкциях константинопольским послам наказывало им, чтобы они про всякого нового патриарха наперед доподлинно узнавали, прежде чем придут к нему для благословения и совета: «Благочестив ли он, тверд ли в вере православной и не иноверен ли?»

Сильное и глубокое впечатление должны были производить на русских все эти вести о подкупах, интригах, пороках и даже преступлениях, царящих в Константинопольской патриархии, о тех тяжелых недугах, которыми была заражена вся церковная жизнь греческого народа. Русским, естественно, должно было казаться, что Греческая Церковь при внешнем бедственном положении поражена еще и страшными внутренними недугами, которые действуют на нее разлагающим образом, так что она не только вследствие внешних гонений, но и по характеру своей внутренней жизни находится на краю пропасти. Ввиду этого брать порядки Греческой Церкви за образец для себя, исправлять и перестраивать свою церковную жизнь по образцу греческой, по указаниям и под руководством гречан, было бы, по мнению русских, не просто безумием, но прямо злостным покушением на чистоту ничем не затемненного русского

Православия, значило бы недуги и язвы греческой церковной жизни искусственно пересаживать на здоровую русскую почву.

Кроме тех сведений, которые русские получали от самих греков относительно печального внешнего и внутреннего положения их Церкви, они могли хорошо познакомиться с характером греческого благочестия через постоянные наблюдения над греками, приезжавшими в Москву за милостынею или остававшимися в России на вечное житье. Все бедные греки, начиная с патриарха и кончая простым иноком, направлялись в Москву с единственною целью получить здесь, возможно, щедрую милостыню. Чтобы достигнуть этой цели, они употребляли все усилия понравиться русским и во всем угодить им: дивились перед русским благочестием и всячески восхваляли его, из угодливости подлаживались под русские религиозные обычаи в ущерб своим, греческим, даже, чтобы остаться в России, шли предварительно под начал для исправления своей несовершенной веры и вообще вели себя относительно русских льстиво, угодливо, поступаясь своими церковными особенностями и обычаями в пользу русских. При этом греки были корыстолюбивы, продажны, завистливы. В интересах наживы они готовы были пустить в ход интригу, кляузы, клевету, всегда готовы были торговать всем: и совестью, и знаниями – словом, за деньги, за шкурку соболя были готовы отдать русским все самое святое и заветное для православного христианина. При созерцании этой корыстолюбивой продажной толпы всевозможных гречан, готовых всячески пресмыкаться и угодничать из-за получки лишней пары соболей, невольно и естественно являлось у русских сознание своего нравственно-религиозного превосходства перед ними, невольно слагалось убеждение, что в делах веры и благочестия греку доверять никак не следует. Как-то невольно все в греках казалось русским нетвердым, шатким, подозрительным, достойным не подражания, а решительного осуждения. Не таков идеал истинно благочестивого человека предносился русскому уму, каким был современный и знаемый ими грек. Наконец, об упадке благочестия у греков свидетельствовали и те русские люди,

которые путешествовали по Востоку и лично наблюдали и изучали всю религиозную жизнь греков на месте. В этом отношении особенно важно было путешествие на Восток Арсения Суханова, который был официально уполномочен светским и духовным нашим правительством всесторонне и тщательно изучить православный Восток и результаты своих изучений и наблюдений добросовестно и правдиво сообщить правительству. В лице Суханова русские хотели путем собственного наблюдения и изучения состояния Греческой Православной Церкви на Востоке окончательно решить давно занимавший их вопрос, действительно ли греки в делах веры и благочестия не остались во всем верны истинному Православию или эти представления русских о греках были ошибочны, несогласны с действительностью. Суханов в качестве полномочного эксперта изучил на месте греческие церковные чины и обряды и, хорошо познакомившись с греческим благочестием, не только не опроверг ранее сложившихся русских воззрений на греков, но и вполне подтвердил их как несомненно справедливые, как вытекающие из действительного положения Греческой Церкви и греческого благочестия. Голос Суханова как эксперта должен был иметь решающее значение для большинства русских, не имевших причин заподозрить искренность и справедливость его отзывов о греках и греческом благочестии, тем более что Суханов только подтверждал то, что уже ранее думали о греках все русские, не исключая и самого правительства.

Из всего сказанного нами само собою следует, что русские до второй половины XVII века имели, со своей точки зрения, вполне достаточные и очень твердые основания думать, что после падения Константинополя истинное Православие и совершенное благочестие от греков действительно перешло на Русь, что современные греки уже не могут более считаться представителями и руководителями религиозной жизни православного мира; что Греческая Церковь в ее современном состоянии не только не может служить своими церковными порядками образцом для других православных Церквей, но и сама настоятельно требует серьезного врачевания; что русские

в своей религиозной жизни уже переросли своих бывших учителей и не только не нуждаются в их дальнейшем учительстве и в какой бы то ни было опеке с их стороны, но кое в чем уже могут поучить и самих греков, так как на Руси истинная правая вера все более цветет и ширится, а у греков она все более умаляется и потемняется. Так думали русские, так они и относились к грекам и вовсе не видели причин изменять эти отношения, считать их почему-либо несправедливыми и ошибочными. Наоборот, все, что только они знали о современных греках и их церковно-религиозной жизни, все, что они сами могли видеть и наблюдать из нее, все это только еще более утверждало их в несомненной правоте их взгляда на греков и греческое благочестие – думать иначе о греках они не имели никаких данных. Поэтому тот неподдельный ужас, та боязнь за чистоту и неповрежденность русского Православия и благочестия, которые так сильно проявились в русском обществе при виде грекофильской реформаторской деятельности Никона, не были пустою, только русским круглым невежеством измышленною боязнью, созданием невежественных и фанатичных поклонников родной старины, порождением нескольких интриганов, сводивших с Никоном свои личные счеты, но прямым, естественным следствием исторически сложившихся русских воззрений на сравнительное достоинство русского и греческого благочестия, причем эти воззрения нашли себе полное подтверждение и оправдание в сумме тех сведений о православном Востоке, какие имелись в руках русских за XVI и XVII века.

Глава 10. Перемена в воззрениях русских на относительное достоинство греческого и русского благочестия, произведенная церковною реформою Никона

(Взгляд греков на русских как на род грубый, невежественный, стоящий на низшей ступени христианского понимания и жизни. Сожжение греками на Афоне русских церковных книг как еретических. Необходимость после этого такого или иного решения вопроса: чьи церковные книги, чины и обряды правы – греческие или русские? Основания, почему эти вопросы должны были решаться греками в пользу их церковного обряда и чина. Церковная реформа Никона открыто признала несостоятельность предшествующей русской церковной жизни и безусловное превосходство греков в делах веры и благочестия над русскими. Признание Русскою Церковью законности церковной реформы Никона было вместе с тем торжественным и окончательным отречением русских от всех тех представлений о своем исключительном религиозном призвании и назначении, какие возникли у них после Флорентийской унии и падения Константинополя. Единичные обнаружения этих отживших представлений и после признания Церковью реформы Никона как доказательство их живучести и предшествующей широкой распространенности во всех слоях русского общества.)

Указанные нами воззрения русских XVI и первой половины XVII века на греков и греческое благочестие, несмотря на то что они имели за себя очень серьезные и убедительные данные, были признаны, однако, самими русскими уже в начале второй половины XVII века за ошибочные и несправедливые. Но русские не просто только отреклись от своих прежних воззрений на греческое благочестие, а и усвоили себе взгляд на это дело, прямо противоположный предшествующему. Они теперь стали думать, что истинное благочестие сохранилось вовсе не у русских, а у греков, что не греки, а русские допустили у себя разные церковные новшества, что русская церковная жизнь нуждается в исправлении по греческому образцу, по указаниям и

под руководством гречан. Этот коренной переворот в воззрениях русских на относительное достоинство греческого и русского благочестия совершился благодаря церковной реформе Никона, произведенной им под влиянием гречан, при их живом и деятельном участии.

Если русские смотрели на себя как на избранный народ Божий, как на нового Израиля, только в среде которого и сохранилась правая, ничем не затемненная вера, если они на этом основании относились к бывшим своим учителям-грекам свысока и покровительственно, как к народу, низшему их в делах веры и благочестия, то и греки, со своей стороны, не лучше относились к русским. Правда, являясь в Москву за милостынею, греки всячески хвалили здесь и прославляли русских, умилялись при созерцании их строгого и крепкого благочестия, но в этом случае часто говорило не искреннее чувство, недействительное уважение к русскому благочестию, а желание во что бы то ни стало угодить русским, понравиться им и тем расположить их к даче более щедрой милостыни. Правда, греки открыто и торжественно признавали Россию опорою и покровительницею всего Вселенского Православия, его последним надежным убежищем. Но покровительство России восточному Православию они понимали исключительно материально: оно должно было, по их мнению, состоять только в даче всем просителям с Востока возможно щедрой и обильной милостыни и, самое большее, в готовности русских свою политическую силу и могущество употребить на освобождение гречан от турецкого ига[482]. Чего-либо иного греки не ожидали и не требовали от русских, о которых они имели представление как о народе, хотя сильном и богатом, но в то же время грубом и невежественном, для которого еще нужна опека и водительство более зрелых и образованных гречан.

Понятно само собою, что греки свои нелестные представления о русских не высказывали в Москве, где за ними строго следили, но зато вне России они уже не стеснялись иногда выражать свои истинные, действительные отношения к русским и к самому их благочестию.

В 1664 году грек Иван Петров писал государю из Константинополя: «Извещаю, державный царь, что есть христиане, наши братия гречане, которые приезжают всякий год к царствию вашему торговать, на ваших подводах и с приставами для обереганья, и получают ваше царское жалованье – корм, и пошлин не платят. Они то почитают ни во что, приехав в Царьград осуждают царствие ваше пред басурманами, гречанами и жидами. Если начнут их спрашивать: что вы замешкались в Москве? – то отвечают, будто настоятель их Юрий Остафьев учил царевича вашего древком играть и оттого замешкались. А иных спрашивают: каким образом татаре воевали московскую Украину? – и они отвечают, будто при них приезжали татаре и около Москвы все села, деревни и посады выжгли и взяли полону сорок тысяч; никто против них не выходит для того, что царствие ваше тогда делали чан серебряный, чтобы крестить в нем королевича, басурманы им говорили: от чего не противятся московские люди татарам?

Гречане же отвечали: некий чернец заклял, чтобы им против татар войною не ходить… И иные многие речи говорили их поганые уста, а нам писать обо всем невозможно»[483]. В 1650 году клирошанин Чудова монастыря Пахомий, возвращаясь из Молдавии, доносил государю: «А которые гречане в волоской земле и те московских и киевлян русских людей ненавидят, а которые и приехали, и тех называют собаками»[484].

О самом благочестии русских, которым они так гордились перед греками, последние имели очень невысокое представление. «Кому, – говорили побывавшие в Москве гречане Павлу Алеппскому, – хочется сократить свою жизнь лет, например, на пять – на десять, тот пусть едет в страну Московскую и хоть по виду сделается человеком благочестивым, соблюдая постоянно пост, молитву, дневные чтения, обычай вставать на молитву в полночь и воздерживаясь при этом от всякого проявления радости и веселья, и от громкого смеха, и тихой улыбки, равно как и от употребления табаку и опиума». Ганский митрополит Неофит, будучи в Москве в 1628 году и насмотревшись здесь на московское благочестие, сделал о нем такой отзыв: «Только-де на Москве и веры, что

звонят в колокола много, а иного нет ничего». В письмах из Свияжска к своим друзьям в Константинополе тот же Неофит сообщает им, что будто бы русские мучат его день и ночь, заставляя сделаться москвитянином, «но аз к ним глаголю: почто буду москвитяном, аз бо есть православный христианин; они же лютейше меня мучат», пишет, что Бог хочет избавить его «от сего грубовидного и варваровидного народа московскаго… не суть сии православнии христиане». И сами русские подмечали иногда пренебрежительное отношение греков к русскому благочестию. Клирошанин Чудова монастыря Пахомий в 1650 году доносил государю, что русские богослужебные книги, которые царь посылает в разные афонские монастыри, там в небрежении бывают и в переделках текста, потому что в них (иноки-афониты) находят еретическое учение о перстосложении, «а которое ж твое царево жалованье даны греческим старцом в разные палестинские монастыри, иконы, и те, государь, иконы они, греческие старцы, все распродали и носят по торгам неподобно, будто простую доску, – тех икон они не почитают и в церквах их у себя не ставят». Составитель русских святцев из второй половины XVII векав послесловии замечает между прочим: «Грецы гордящеся и возносящеся глаголют, яко Русь от них начало прият, и неверием омрачаются, мняще русское благочестие ничтоже есть и о святых, угодивших Богу на Руси, у сомневаются».

Греки и русские с течением времени порознились между собою в некоторых церковных обрядах. Русские объясняли себе это явление тем, что греки потеряли истинное благочестие и привнесли в свою церковную жизнь разные новшества, заимствованные ими у латинян. Со своей стороны, греки смотрели на особенности русского церковного обряда как на искажение истинно православного обряда, как на отступление от него, допущенное русскими по невежеству. Более ревностные между греками не прочь были заклеймить русских за их церковно-обрядовые особенности именем если не еретиков, то раскольников. Такое отношение греков к русским церковным особенностям было подмечено и иностранцами. Олеарий говорит: «Русские во многих делах, как в основных

положениях веры, так и в церковных обычаях и обрядах своих, уклонились от греков, так что эти последние считают их за раскольников, хотя и не смеют высказать это по причине значительных приношений, которые ежегодно получают от них»[485]. Справедливость этого свидетельства Олеария, по крайней мере относительно известной части греков, подтверждается фактом сожжения в конце первой половины XVII века русских церковных книг на Афоне как еретических. Это в высшей степени характерное событие произошло таким образом.

Русь, благотворя всему православному Востоку, между прочим посылала в славянские восточные монастыри целые круги богослужебных книг московской печати. Эти посылки богослужебных книг стали обычны собственно со времени патриарха Филарета Никитича, когда в Москве усилена была типографская деятельность. Получив в Москве богослужебные книги, некоторые славянские афонские монастыри стали отправлять по ним богослужение, причем сейчас же обнаружилось, что между греческими и русскими церковными чинами и обрядами существуют некоторые несходства и разности. А так как на Афоне славянские монастыри находятся буквально рядом с греческими и каждый монастырь отлично знает все, что творится в другом, соседнем, то всякая малейшая разность в церковных чинах и обрядах выдавалась здесь особенно заметно и резко и невольно обращала на себя внимание всех иноков, которые к тому же всегда сильно дорожили своей репутацией как ревнителей и охранителей истинного православного благочестия. Тогда на Афоне немедленно по поводу усмотренных разностей в церковных чинах греческих и русских возникли горячие споры и препирательства: откуда произошла эта разность, кто отступил от древних чинов и обрядов, кто прав – русские или греки? Весь Афон разделился на две враждебные партии, ответившие на поставленные вопросы прямо противоположно. На одной стороне стояла тесно сплоченная, господствующая на всем Афоне греческая партия, на другой – сравнительно слабая партия иноков-славян, состоявшая по преимуществу из сербов,

у которых особенно сильно развито было национальное чувство и которые не хотели нести на себе тяжелое иго греков. Афониты-греки, со своей стороны, решительно заявили, что греческие церковные книги, чины и обряды во всем правы и согласны с древними, а что в московские книги внесены позднейшие выдумки и измышления, так что книги московской печати следует считать еретическими, достойными сожжения, а всех держащихся этих книг надлежит подвергнуть отлучению и тяжким карам. Но с таким решением спора были несогласны некоторые старцы славянских монастырей, употреблявшие при богослужении московские книги. Они, со своей стороны, заявляли, что истина на стороне московских книг, а не греческих, так как греки уже давно утеряли у себя древнее истинное благочестие, допустили у себя разные новшества в церковных обрядах и чинах, которые во всей своей чистоте и неизменности сохранились теперь только у русских да у них, сербов. Свои взгляды сербские иноки подтверждали очень веским, по их мнению, доводом: они представили от себя одну старую рукописную сербскую книгу, написанную за 130 с лишком лет до этих афонских споров, книга оказалась слово в слово согласною с Кирилловой книгой московской печати, в ней также нашлось то же самое учение о двоеперстии. Ясное дело, заключали отсюда сербские старцы, что русские книги действительно согласны с древними, что отступления от древних церковных чинов и обрядов сделаны позднейшими греками, а не русскими. Поэтому славяне-афониты не только не хотели подчиниться грекам, признать вместе с ними московские книги еретическими, но некоторые из них и других стали учить, чтобы они крестились по-московски, т.е. двумя перстами, а не тремя. Это открыто выраженное славянами-афонитами сомнение в правильности современного греческого обряда, это отрицание ими авторитета современных греков в делах веры и благочестия и нескрываемое желание заменить его авторитетом русско-славянским должно было сильно встревожить всех истых гречан и вызвать их на самые энергичные меры против обнаружившегося антигреческого направления на Афоне. В это время случился на Афоне охридский архиепископ Даниил,

родом грек, как и все охридские архиепископы, но паства которого состояла из славян, болгар по преимуществу. Даниил, как истый грек, презиравший славян, глубоко был возмущен смелыми заявлениями славян-афонитов и, чтобы сразу покончить с неприятными и опасными для греков спорами, посоветовал афонитам-грекам торжественно осудить книги московской печати как еретические и, как таковые, немедленно сжечь их вместе со старинною рукописною сербскою книгою, подтверждающей правильность московского двуперстного перстосло-жения. В то же время решено было последователей и защитников московских книг и московского обряда подвергнуть соборным и несоборным истязаниям, которые бы заставили их отказаться от всего московского, на случаи же их сопротивления решено было поступить с упорными так же, как и с московскими книгами, т.е. сжечь их. Собор греческих афонских старцев привел все это в исполнение. Очевидец, старец Амфилохий, рассказывал впоследствии перед Иерусалимским патриархом Паисием и Арсением Сухановым о сожжении русских богослужебных книг на Афоне следующее: «Он в то время был на Афонской горе и то все видел: сошлись-де старцы святогорские все, и надели на себя патрахели, и привели старца с московскими книгами, и облекли его в ризы, и поставили его среди церкви, и называли его еретиком, и книга-де держит еретическия, и крестится не по-гречески, и хотели-де его сжечь, и с книгами, тутожде и турки стояли призваны. И по многом-де безчес-тии тому старцу велели московская книги на огнь положить самому, и он-де многое время не хотел на огнь класть и за великую нужду, заплакав, положил, убояся и сам того огня. А сожгли-де московских книг: две в десть, а третья в полдесть, а иных не помню каковы. А старца-де того закляли, чтоб ему впредь так не креститься и никого не учить, и отдали его турку, и турок-де держал его у себя в железах многое время и, взяв с него (взятку), отпустил. А другого-де такого старца у них во всей Горе Афонской нету: борода-де у него до самой земли, якоже у Макария Великого, а носит-де ее в мешечки склав и тот мешечик с бородою привязывает к поясу, а имя ему Дамаскин – муж духовен и грамоте учен. И то-де греки сделали от

ненависти, что тот старец от многих почитаем, сербин он, а не грек, греки-де хотят, чтобы всеми они владели».

Таким образом, русские в глазах греков были народом грубым и невежественным, стоящим на низшей ступени христианского понимания и жизни, народом еще несовершеннолетним в делах веры и благочестия, который, будучи предоставлен в церковной жизни только самому себе, исказил и извратил по своему невежеству и неразумию православный церковный чин и обряд, хотя всю свою религиозность и полагал именно в сохранении внешней обрядовой стороны христианства, далее которой его благочестие не простиралось. Притязания русских на первенство и главенство в православном мире казались грекам притязаниями ребенка на невозможную для него роль взрослого человека. Греки были убеждены, что для русских еще необходимы опека и верховное водительство гречан, иначе русские благодаря своему невежеству, пожалуй, окончательно исказят то Православие, которое они некогда приняли от греков и в которое они уже успели привнести нечто ему чуждое.

Естественным следствием указанных взаимных отношений между русскими и греками было неизбежное столкновение греческого и русского каждый раз, как только представлялся какой-либо случай к обнаружению национальных, исторически сложившихся воззрений одного народа на другой, причем всегда возникал вопрос: кто прав – греки или русские, кто из них должен поступиться своими церковно-обрядовыми особенностями в пользу другого? Когда на Афоне русские церковные книги были сожжены как еретические, когда греческими старцами-афонитами торжественно было заявлено, что служить по русским церковным книгам, следовать им составляет преступление, за которое всякий должен подвергнуться тяжкой каре, когда весть об этом необычайном событии быстро распространилась всюду, возбуждая различные толки, состязания о вере греческой и русской; тогда вопрос о том, чей обряд прав – греческий или русский, потребовал своего окончательного решения. Толки о сожжении русских церковных книг на Афоне особенно сильны были в Молдавии, где

сходились тогда все православные народности, откуда лежал тогда прямой и обычный путь в Россию из разных мест православного Востока. Здесь, в Молдавии, можно было услышать и рассказы о сожжении книг от самих очевидцев, здесь происходили и состязания о вере русской и греческой, здесь находились и защитники афонского самосуда и его противники. Невозможно было скрыть этого прискорбного события от русских. Действительно, когда Арсений Суханов, сопровождавший Иерусалимского патриарха Паисия, возвратился в Молдавию из Москвы, куда его посылал патриарх с особым поручением, и остановился в метохе Зографского афонского монастыря, то старцы-славяне этого метоха поспешили сообщить ему как царскому посланцу, что на Афоне греки торжественно провозгласили русские церковные книги еретическими и, как таковые, публично предали сожжению. Они постарались разъяснить Суханову, что это событие не просто случайное и потому не имеющее особой важности, но что оно служит только одним из проявлений той исконной вражды греков к славянам вообще, которая началась еще со времен Кирилла-философа и продолжается доселе, так как греки не терпят ни малейшей самостоятельности славян, но всегда хотели и хотят владычествовать над ними. Близко к сердцу принял Суханов обиду русских со стороны греков, «наругавшихся над государевыми книгами», он собрал о событии точные сведения и пожаловался патриарху Паисию, который и заявил ему, что афониты «не добро учинили». Но этого мало. Патриарх нашел необходимым произвести в присутствии Суханова формальное дознание о сожжении русских книг. Он ставил охридского архиепископа Даниила, который в то время находился при патриархе, «с очей на очи» со свидетелями и очевидцами самого события, причем Даниил отказался от участия в этом деле, заявив, что он посоветовал афонитам сжечь только сербскую старинную книгу, в которой находилось учение о двоеперстии, а о сожжении московских книг он ничего не знает. Патриарх, со своей стороны, опять отозвался о поступке афонитов, «не добро они сделали». Но, не одобряя поступка афонитов, патриарх и все другие греки,

однако, прямо и решительно заявляли Арсению, который вступил с ними по этому случаю в горячие прения о вере греческой и русской, что именно русские погрешают в своих церковных чинах и обрядах, которые во всей их чистоте и неизменности сохранились только у греков, почему русские должны признать греков учителями и руководителями в своей церковной жизни.

О сожжении русских церковных книг на Афоне, о своих прениях с греками о вере Арсений Суханов немедленно послал обстоятельное официальное донесение царю и патриарху. В Москве, таким образом, узнали о том, что не только греки-афониты признают русские церковные книги еретическими и, как таковые, публично сжигают их, но что и Иерусалимский патриарх и другие греческие иерархи-учители считают русский церковный обряд и чин, в чем он несогласен с современным греческим, искажением и извращением истинно православного чина и обряда.

Понятно, что в Москве не могли отнестись равнодушно к происходившему на Афоне и в Молдавии, к открытым обвинениям русских греками чуть не в еретичестве. Сомнений в том, как должны были посмотреть в Москве на эти обвинения русских греками в еретичестве, казалось, не могло быть. Трудно было грекам нанести русским более сильное и кровное оскорбление, чем провозгласить их богослужебные книги еретическими, достойными сомнения, их церковные чины и обряды неправыми, несогласными с истинно православными чинами и обрядами. Это значило не только в слух всего православного Востока заподозрить чистоту Православия русских, открыто объявить их чуть не еретиками, но и назвать их развратителями всех других православных народов, которым они посылали свои еретические богослужебные книги, вследствие чего еретическая зараза из Москвы проникла даже и на Святой Афон и уже успела было пустить здесь свои корни, да, к счастию, афониты-греки вовремя заметили опасность и сожгли еретические московские книги. Невозможно было думать, чтобы Москва, всегда столь чувствительная к своей репутации как единственной теперь во всем мире

хранительницы и представительницы чистого, ничем не поврежденного Православия, отнеслась к этому факту благодушно и снисходительно, чтобы она не вступилась за свою честь, так бесцеремонно попранную и поруганную теми самыми афонитами-греками, которые на Москве постоянно твердили, что Русь есть опора и покровительница всего Вселенского Православия, что Святая Гора только и держится русскою милостынею, которые, чтобы остаться в царстве единого теперь православного царя, не прочь даже были отправиться под начал в какой-либо русский монастырь «для исправления их христианския веры». Казалось в таком деле невозможным, чтобы московский царь, этот «второй Константин и Феодосии», этот «от Божия Промысла и Святым Духом соблюдаемый православный царь», это «светозарное светило для всех православных», как его величали постоянно сами афониты в своих просительных грамотах о милостыне, вдруг признал себя, по указанию тех же афонитов, чуть не еретиком, свои богослужебные книги еретическими, достойными сожжения, свои вековые церковные чины и обряды искаженными, несогласными с истинно православными чинами и обрядами. А между тем в действительности и случилось именно это невероятное и невозможное, вопреки всему, что доселе думала, чем жила и к чему стремилась гордая своим Православием и благочестием Москва.

Русские стремились занять в православном мире место греков, которые, по их мнению, уже потеряли право на первенство вследствие своего уклонения от Православия и благочестия. В известном отношении русские достигли своей цели. Они имели удовольствие видеть, что в Москву, как столицу Православия, стекаются теперь самые разнообразные представители православного Востока, начиная с патриарха и кончая убогим старцем, что все они торжественно и единодушно признают Россию опорою, покровительницею всего Вселенского Православия. Но это первенство и главенство русских среди других православных народов было чисто внешнее и материальное, вытекавшее из внешнего цветущего состояния их Церкви и государства и вовсе не имело никакого отношения к

тому убеждению русских, на котором они строили свои притязания, т.е. к убеждению, что будто бы только у одних русских сохранилась теперь и правая, ничем не затемненная вера, и истинное, совершеннейшее благочестие. В глазах греков русские были, как мы видели, народом, исказившим православный церковный чин и обряд, народом, неспособным еще благодаря своему невежеству к самостоятельной церковной жизни, народом, «у которого только и веры, что в колокола звонят много, а иного нет ничего». Следовательно, русским, чтобы оправдать свою точку зрения на дело своих отношений к православному Востоку вообще и к грекам в частности, чтобы добиться первенства в православном мире не материального только, опирающегося на дачу щедрой милостыни, на возможность свою политическую силу и могущество употребить в будущем на защиту православных народов от турецких насилий, необходимо было доказать свое действительное религиозное превосходство над греками, стать выше их в понимании веры и в делах благочестия, проявить у себя такое богатство культурных сил, которое бы дало им возможность поделиться избытком этих сил со всеми другими православными народами и тем подчинить своему влиянию их духовно-религиозную жизнь, как это и было ранее с греками. Только под этим неизбежным условием русские могли претендовать на руководящую роль в православном мире, на действительное признание со стороны всех православных народов их первенства, главенства и всецелого превосходства над ними. Влияние Византии в православном мире, как мы уже замечали, и основывалось именно на том, что она была для всех православных народов Востока культурным центром, откуда исходили к ним наука, образование, высшие и совершеннейшие формы церковной и общественной жизни и прочее. Ничего похожего на старую Византию не представляла в этом отношении Москва. Она не ведала, что такое наука и научное образование, она даже совсем не имела у себя школы и лиц, получивших правильное научное образование; весь ее образовательный капитал заключался в том с научной точки зрения не особенно богатом и разнообразном наследстве,

которое в разное время русские посредственно или непосредственно получали от греков, не прибавив к нему со своей стороны почти ровно ничего. Естественно поэтому, что первенство и главенство Москвы в православном мире могло быть только чисто внешнее и очень условное; естественно было, что греки как народ сравнительно образованный и развитой по-прежнему были распорядителями и решителями всех дел и вопросов, где требовалось знание, опытность, образование, наука; что русские во всех подобных случаях волею или неволею должны были отступать на задний план, уступать руководящую роль образованным гречанам. Но этого мало. Сами русские в силу своей культурной несостоятельности невольно должны были подчиниться влиянию тех самых греков, место которых они думали занять в православном мире, и даже принуждены были признать высший авторитет греков в своих собственных, так сказать, домашних, церковных делах. Несмотря на все свое недоверие к грекам и их благочестию, на сознание своего религиозного превосходства над ними, русские, особенно с XVII века находясь в непрерывных живых сношениях с греками, невольно и незаметно для себя начинают сближаться с ними, принимать их в свою среду и все более подчиняться их влиянию. Это понятно. С XVII столетия разные гречане остаются в Москве на вечное житье, причем некоторые из них приобретают иногда при московском дворе видное влиятельное положение. И вот каждый из этих гречан-выходцев сознательно или несознательно становился проводником греческого влияния на Руси. Ради собственной выгоды он старался возвышать и укреплять в глазах русских авторитет греков, старался сделаться для русских человеком в каком-либо отношении полезным и даже необходимым, что было не особенно трудно, так как русские нуждались в людях образованных и сведущих, какими сами они не были. И чем настойчивее и решительнее русская жизнь предъявляет запрос на людей бывалых, сведущих, научно образованных, без которых она в некоторых случаях уже не может обойтись, тем более греки делаются на Руси людьми желанными, так как они по своему единоверию с русскими имели в их глазах решительное преимущество перед

всеми другими образованными иностранцами как иноверными. Само правительство все шире начинает пользоваться услугами разных гречан, охотно принимает их на свою службу, дает им даже важные политические поручения, привыкает прислушиваться к их голосу, начинает дорожить их мнением и так далее. И если оно по-прежнему еще невысоко ценит греков за их благочестие, зато невольно отдает им решительное преимущество перед русскими как людям ученым, образованным, начинает приглашать их в Москву для книжных переводов, для обучения русских людей и даже думает устроить в Москве постоянную школу, в которой бы греки-учители преподавали русским людям разные науки. Так все шире и глубже проникало на Русь влияние греков как людей ученых и образованных. Даже в заповедную область русской церковной жизни начинает незаметно вторгаться греческое влияние. Хотя русские и смотрят на греков как на утерявших истинное благочестие, как на допустивших в свою церковную жизнь разные новшества, заимствованные у латинян, однако это не мешает Филарету Никитичу обратиться к авторитету и указаниям восточных патриархов для решения возникшего на Руси спора о прилоге слова «и огнем» в молитве на освящение богоявленской воды. Патриарх Иосиф, несмотря на то что русский Стоглавый Собор дал вполне ясное и точное определение относительно введения в церквах единогласного пения, когда этот вопрос возник при нем снова, счел необходимым для его решения обратиться наперед к авторитету Константинопольского патриарха, голос которого и имел для него решающее значение. Так, сами русские вынуждены были открыто признаться, что и в церковной своей жизни они еще не могут обойтись без греков, их содействия и руководства, что их собственные духовные силы и средства, их знания, даже в сфере церковного обряда, так бедны и скудны, что своими только собственными силами они не могут справиться и с такими церковными вопросами, как вопрос о прилоге слова «и огнем» или об употреблении в церквах единогласного пения. Боязнь погрешить при решении хотя бы самого незначительного и неважного церковного вопроса, столь свойственная людям

благочестивым, но вместе с тем совершенно необразованным и неразвитым, та боязнь, которая проистекает из непонимания, что действительно важно и существенно в деле благочестия и что нет, невольно приводила русских к грекам и заставляла их искать у последних как у людей образованных и сведущих, опоры для себя, указания и советов, авторитетного решения возникавших церковных вопросов и недоумений. Из сказанного нами уже понятным становится, кто и как должен был порешить возникший на Афоне междуцерковный вопрос относительно сравнительного достоинства греческого и русского церковного обряда. Очевидно, что греки как люди науки и знания будут играть в решении этого вопроса активную решающую роль; русские вследствие своего невежества – пассивную и страдательную; очевидно также, что греки употребят все усилия со своей стороны, чтобы порешить этот вопрос в пользу греческих церковных особенностей, а у русских не найдется средств и умения отстоять перед греками свое церковное прошлое, так что победа уже по характеру борющихся сил естественно должна была остаться на стороне греков. Но грекам, впрочем, и не пришлось прибегать к каким-либо особым средствам, чтобы обеспечить себе полную победу над русскими: победа, и притом самая полная, далась им очень легко и скоро, без всяких особых усилий с их стороны. На патриаршей московской кафедре они неожиданно нашли человека, который оказался самым горячим поклонником греков и всего греческого, готовым во всем следовать их указаниям и внушениям, мало или вовсе не обращая внимания на указания своей родной старины, на протесты ее почитателей. Этот человек был патриарх Никон.

В то время когда на Афоне греки жгли русские церковные книги как еретические, когда по этому поводу и на Афоне, и в Молдавии шли горячие прения о вере греческой и русской, выдвинувшие на очередь жгучий и щекотливый вопрос: кто остался верен во всем истинно православному чину и обряду – греки или русские, в это время в Москве сделался патриархом Никон, державший в своих властных руках и Церковь и государство. На его долю и выпало порешить вековой спор

между греками и русскими об относительном достоинстве греческого и русского благочестия. Еще будучи Новоспасским архимандритом, Никон уже близко сошелся с разными греками, приезжавшими в Москву за милостынею, так как приезжие греки всячески старались заискивать у всемогущего царского любимца, который был самым влиятельным ходатаем за них перед царем. Сближение с греками не прошло для Никона даром. Он скоро подчинился влиянию ловких и угодливых гре-чан и, по их собственному сознанию, сделался самым завзятым грекофи-лом, какого ранее и не бывало на Руси. Греки умело и ловко воспользовались расположением к ним Никона, возбужденным в нем влечением ко всему греческому. Сблизившись с ним и овладев его доверенностью, они уже смело стали «зазирать» перед ним русские церковные чины и обряды, несходные с современными греческими, как неправые, как искаженные русским невежеством и неразумием и потому требующие немедленного исправления. Льстиво выделяя Никона из ряда других русских иерархов за его выдающиеся качества, они внушали ему, что у него хватит и сил, и власти, и умения на то, чтобы немедленно произвести требуемую церковную реформу, несмотря на протесты и крики разных невежд, неспособных верно понять и оценить относительное достоинство греческого и русского обряда. Зазирания и внушения гречан произвели на Никона свое действие: он стал смотреть на все глазами греков, а сделавшись патриархом, решился произвести церковную реформу, как она была внушена ему его друзьями и поклонниками-греками. По самому своему характеру склонный к увлечениям и крайностям, мало способный соблюдать меру и осторожность в чем бы то ни было, Никон и в своем грекофильстве доходил до крайностей, не знал меры. «Хотя я русский и сын русскаго, – торжественно заявлял он, – но моя вера и убеждения греческия». Действительно, Никон так отнесся к русской церковной старине, как будто бы он был настоящим, завзятым греком, для которого все ценное было только у греков, а все русское не заслуживало ни малейшего внимания и уважения. Решив, собственно, привести в полное соответствие русские церковные книги, чины

и обряды с современными греческими, Никон, кстати, уже переносит к нам и греческие амвоны, греческий архиерейский посох, греческие мантии и клобуки, греческие напевы, приглашает на Русь греческих живописцев, мастеров серебряного дела, строит монастыри по образцу греческих и дает им греческие названия, приближает к себе без разбора всех греков, слушает только их, действует по их указаниям, повсюду выдвигает на первый план греческий авторитет, отдавая ему решительное преимущество перед вековою русскою стариною, перед русскими доселе всеми чтимыми и признаваемыми авторитетами. Даже одного простого указания, подсказа какого-либо случайного заезжего в Москву греческого иерарха-милостынесобирателя было вполне достаточно для Никона, чтобы переделывать русскую церковную старину на современный греческий лад. Вообще все русское, несогласное с современным греческим, торжественно и решительно признано было Никоном порождением русского невежества и неразумия, отступлением от истинной нормы Православия, сохранившейся только у греков, которые должны служить образцом для русской церковной жизни[486].

Церковная реформа Никона должна была нанести смертельный удар исторически сложившимся представлениям русских о своем религиозном превосходстве над всеми другими народами, и в частности над греками, об особом исключительном призвании русских быть единственными представителями и хранителями истинного, ни в чем не поврежденного Православия, вконец или частию уже утерянного всеми другими народами. Если до Никона русские думали, что правая вера и совершеннейшее благочестие сохранились только у них одних, если они думали, что критерием для определения того, что православно и что нет, должно служить только русское и все с ним не согласное следует признавать за прямое уклонение от Православия, если русские думали, что историческое их призвание состоит в том, чтобы принятое ими от предков Православие хранить всегда неизменным, никогда и ни в чем не допуская самых, по-видимому, незначительных и малейших перемен в нем, то реформа Никона самым

решительным образом ниспровергала эти вековые воззрения русских как несправедливые и ошибочные. Она говорила русским, что истинное Православие во всей его чистоте и неизменности сохранилось только у греков, а вовсе не у русских, допустивших у себя искажения и новшества в церковных чинах и обрядах, почему они и требуют исправления по образцу греческих; что истинными хранителями и представителями Православия по-прежнему нужно считать греков, а русские должны быть причислены к разряду народов несовершеннолетних в религиозном отношении, для которых еще нужна опека и верховное водительство гречан; что задачи и цели исторической жизни русского народа нужно понять и определить иначе, нежели как они понимались и определялись до сих пор, причем и исходная точка для этого должна быть взята уже совсем другая, а не та, на которой исходили книжники конца XV и начала XVI века – жить долее по-старому и старым было уже нельзя, необходимо было так или иначе начинать новую жизнь.

Вполне естественно было, что грекофильская реформаторская деятельность Никона как шедшая совершенно вразрез с существовавшими дотоле в русском обществе воззрениями на относительное достоинство греческого и русского благочестия и прочее вызвала в приверженцах и поклонниках русской церковной старины сильный протест, горячее осуждение всей деятельности Никона и его самого. С их точки зрения, Никон естественно казался презрителем родной и святой старины, отеческих заветов и преданий, опасным, зловредным нововводителем, ведущим к конечной и несомненной гибели и Церковь, и государство. Но, несмотря на все протесты поклонников русской церковной старины, реформа Никона была, однако, признана всею Церковью как законная и правая, причем иерархи, как греческие, так и русские, присутствовавшие на большом Московском Соборе 1667 года, торжественно заявили, что отцы Стоглавого Собора, узаконившие в Русской Церкви обряд, несогласный с тогдашним греческим, действовали в этом случае «нерассудно, простотою и невежеством», что соборные клятвы они клали «без

разсуждения и неправедно», что председатель Стоглавого Собора митрополит Макарий «мудрствовал (на Соборе) невежеством своим безрассудно», что вся вина отцов Стоглавого Собора в том именно и состояла, что они составляли свои определения, «ниже со Вселенскими святейшими патриархи о том советоваша и ниже совопросишася с ними». Подписавшись под этим, продиктованным греками, определением о Стоглавом Соборе, русские тем самым торжественно и окончательно отреклись от своей церковной старины в пользу современной греческой церковной практики, сами признали весь период своей церковной самостоятельной жизни (от падения Константинополя до Никона), когда они устранили из нее всякое участие и влияние греков, периодом ошибок и заблуждений, временем уклонения русских от истинно православных чинов и обрядов, временем, достойным всякого осуждения и порицания! Вместе с этим русские торжественно сознались, что они еще неспособны к самостоятельной церковной жизни, что для них, как несовершеннолетних, нужна еще опека и водительство гречан, что образцом для них, руководством и светочем в их церковной жизни должно служить не их собственное прошлое, не своя родная старина, которою они так гордились, а современная греческая церковная жизнь. Это было поистине полное отречение от всех тех мечтаний и чаяний, которыми доселе жила Русь, по которым она строила свою внутреннюю жизнь, свои отношения к другим народам, в чем она видела свою главную заслугу и славу перед всеми другими народами.

Таким образом, церковная реформа Никона и ее признание всею Русскою Церковью, особенно в том виде, как это совершилось на Соборе 1667 года, были полным блестящим торжеством греков над горделивыми притязаниями русских на главенство и первенство в православном мире, притязаниями, возникшими и развившимися на счет бедствий и унижения греков, почему они всегда и были для них особенно ненавистны и оскорбительны. Теперь оказалось, что русские до сих пор строили свое здание исключительно на песке, что для него у них совсем не находилось никаких прочных опор и устоев,

почему оно сразу и рухнуло под первым напором, брошенное, как негодное и опасное, самими строителями. Правда, в русском обществе нашелся небольшой кружок лиц, который горячо и энергично (толково или не толково, это другой вопрос) восстал на защиту родной старины, ее заветов и преданий, который не захотел вместе с греками видеть в клятвах русского Стоглавого Собора только одно «безрассудство и невежество» его отцов. Но этот кружок лиц за свою приверженность русской старине, за свое упрямое нежелание признать и подчиниться новым требованиям и условиям жизни, за свое стремление разрушить мир и единение Русской Церкви со Вселенскою был осужден Церковью как непокорник и противник голосу целой Вселенской Церкви.

Справедливость требует заметить, что и после реформы Никона старые русские воззрения на греков как на утерявших истинное благочестие, на Москву как на преемницу Византии, как на единственную теперь хранительницу чистого, ни в чем не поврежденного Православия, несколько уже замутившегося у греков, еще не вдруг и не скоро вымерли даже в среде православного русского общества. Эти отжившие и окончательно уже осужденные Церковью воззрения заявляли, однако, себя в некоторых случаях с прежнею силою и настойчивостью, как будто церковной реформы Никона вовсе и не существовало, как будто грек оставался в глазах русских тем же, чем он был для них и до Никона. Любопытно при этом, что такие воззрения высказываются людьми не только строго православными, но и сравнительно образованными и передовыми, причем эти лица и не замечают того очевидного противоречия, в которое они впадают, с одной стороны, признавая церковную реформу Никона за правую, с другой – считая греков за утерявших истинное благочестие, которое теперь находится только на одной Руси. Укажем три характерные в этом отношении случая.

Русский православный книжник второй половины XVII века пишет святцы специально русских и славянских святых и в послесловии говорит следующее: «Аще и напоследок российстии людие благодать святаго крещения восприяша, но

болыпия благодати сподобишася. Вся бо царствия християнская от Рима и от Царя града и от Болгар, и Сербов, и Иверских, и прочих христиан во едино Российское царство вниде. Везде бо тамо обладаше латини и агаряне, единоже Российское царство благодатию Божиею сияет и процветает благочестием, ни от кого ненаветно. Тако же и патриаршество по благодати Божией благочестием сияет. В греческой земли святейшие патриархи от насилия безбожных агарян утесняеми, разве именем точию патриархи нарицаются, а воли им ни в чем окаянные турци не дают и насилие безчестное святейшим патриархом и прочим святителем и благочестивым Христианом поругание, елико и усты человеческими глаголати невозможно. И что мне о сем глаголати: елико, что ни есть честное во благочестии, вся сия от христианских царств в Российское царство принесено и украшается российская земля. Первое царский венец, потом святительский белый клобук и патриаршество, вместо папы Римскаго зде пятое патриаршество учинено по благодати Божией и по благословению четырех патриархов. Еще же паки речем, чудотворные образы и мощи святых чудотворцев и прочия святыни на Русь принесены изволением Божиим. И елико тамо от насилия безбожных агарян и латин христианство умаляется, толикозде благодать Божия простирается и христианское благочестие растет и ширится... И еще бы Греци гордящеся и возносящеся глаголют, яко Русь от них начало прият и неверием омрачаются, мняще русское благочестие ничто же есть, и о святых, угодивших Богу на Руси, усомневаются. Сами насилия ради от безбожных благочестие свое погубиша, чудотворные иконы, также и мощи святых разделивше, вся от себе отвезоша на Русь и свое благочестие пусто сотвориша. И таково насилие терпяще от нечестивых, яко и именем христианским не смеющее нарицатися, и святители их платия святительскаго и мнихи такожде подобающаго платия не смеюще надети. А о церквах Божиих и церковном украшении и уста не отверзаются»[487]. Другой случай имел место в Константинополе, причем действующими лицами были наши послы и Константинопольский патриарх с сопровождавшей его свитой. В 1700 году, 18 июля, наших константинопольских

посланников думного дьяка Емельяна Украинцева и дьяка Ивана Чередеева по окончании ими всех государевых дел посетил сам Вселенский патриарх Каллиник в сопровождении митрополитов Кизического, Халкидонского, Никомидийского, четырех старцев и двух бельцов. Поздравив послов с благополучным окончанием государевых дел, патриарх извинялся, что ранее он не посетил послов, так как «ему свободы не было», и затем говорил: «Двор-де тот, в котором они, посланники, ныне здесь живут, как он видит, зело стоит в низком и глухом месте, и чаять-де им посланником, живучи в таком непотребном дворе, прискучило». Послы отвечали, что такое место для жительства дало им турецкое правительство, а из дома, действительно, не видно ни поля, ни моря, ни самого города, во все время пребывания их здесь мимо их никто не ездил и не ходил, и жили они в этом глухом месте чуть не год как в тюрьме. Патриарх спрашивал: «В государстве-де Московском улицы и переулки пространнее ль здешних или таковы ж, также и домы великие каменные, есть ли?» Послы отвечали, что в Москве «каменного строения много и домы великие каменные есть многие, а улицы и переулки пространнее здешних». Патриарх объяснил посланникам, что при греческих царях в Константинополе «улицы и переулки были пространные ж, также и домы каменные у греков были великие, а как-де достался в руки агарянские, и с того времени все опровергнуто, и улицы и переулки и домы почали строить плохие и недолговечные, и того прежнего греческого строения, а имянно от царства царя Константина в остатке во всем Стамбуле только одна палата, которая и доныне цела близко салтанского двора, в которой учатся турки бить в барабаны и играть в сипоши». Посланники спрашивали: «Есть ли что теперь благочестивого царя Константина строения городового?» – «И святейший патриарх и митрополиты сказали, что кругом Стамбула только основание городо-вое царя Константина, а городских стен и башен его строения нет, все уже вновь после его перестроено, а инде починено, и в последние-де починивал царь Феофил, а где его починка была, и тому значит на башнях имяни его подпись». – «И спрашивал он, святейший патриарх:

около Москвы каменное городовое строение есть ли, и какова им здешняя салтанская резиденция кажется?» – «И посланники говорили, что около Москвы каменное городовое строение есть, а резиденция здешняя славная, понеже стоит междо двумя морями – Черным и Белым, только-де хотя и славна, однакож бедственна и всегда пребывала в смятениях, а имянно: в пременении веры и в ересях, а потом и в насилие агарянское досталась». – «И святейший патриарх и митрополиты говорили, что завидному месту всегда бывает тесно, а от расколов никоторое государство уйти не может и чаят-де не без того и в государстве Московском?» – «И посланники говорили, что в государстве Российском великих церковных расколов нет, разве когда изредка явится какой старец или поп, и то не о большом деле – о скуфье, или о платье, как подобает которому чину какую одежду носить, или о крестном знамении, и таким-де незначущим и неученым людям за такое раскольное малое дело краткой суд чинитца, смотря по вине чинят наказание или посылают в монастырь на смирение; и ныне милостью Божиею таких и иных никаких расколов в Российском государстве нет». – «И святейший патриарх говорил, что в здешнем царстве напредь сего расколы церковные великие были до седми соборов, а по седми соборех всякие ереси и расколы угасли, и так на седмом соборе утверждено и укреплено и постановлено, хотя б Ангел с небеси сошел, то в вере пременения не чинить, и ныне-де таких церковных расколов здесь междо Христианы не слышно ж, а которые и явятся, а такие смиряются у них увещанием от Божественного Писания и наказуются правильными винами – кротостью и смирением, а не смертною казнью[488], да и у турков-де расколы в вере их есть же, только они успокоивают такие расколы тайно, чтобы никто не ведал, и таких возмутителей у них казнят смертью»[489]. – «И посланники говорили: по-видимому-де царство греческое и вера православная и благочестие все перенеслось отсюду в Российское царство». – «И святейший патриарх говорил: он-де скажет им, посланником, о том некоторую разумную историческую притчу, чтоб у него того послышали и о чем он, патриарх, посланников спросит, о том бы ему сказали. И

спрашивал он, святейший патриарх, что в Московском государстве на реках и озерах птицы, имянуемые рыболовы, есть ли, и те птицы на тех реках и озерах зимуют ли или отлетают куда в иные теплые страны?» – «И посланники сказали, что такие птицы рыболовы в Российском государстве на реках и озерах летом бывают, а к зимнему времени отлетают в теплые страны, а к лету прилетают по-прежнему на теж места». – «И святейший патриарх говорил, что те птицы, где ни бывают, однакож на старину свою и во отчизну прилетают и в зимнее время всегда держатся в теплых странах, а именно – во Индии западной, и имеют-де те птицы между собою такую ревность благоискусную и друг другу помогательную, что которая из них птица остареет или от немощи своей ослабеет и лететь не может, то по такую старую птицу прилетают младые птенцы и тех старых подымают и помочь им в летании чинят, а вовсе не пометывают и не оставливают нигде. Также-де подобно тому и здешнее государство, хотя оно в вере и благочестии было древнее и старее Московского государства, только стало во изгнании, а Российское государство во свете начало быть славно и сильно, а паче распространилось всякими украшениями – премудростью и разумом пресветлейшего и державнейшего великого государя, его царского величества, которому да дарует Господь Бог над всеми победу и одоление, и ныне они, святейшие патриархи, и все православные христиане помощи и заступления требуют не от иного кого, токмо от его царского величества. И того ради, чтобы изволил его царское величество их старых в здешнем царстве не оставливать и помощью своею государскою изволил их вспомогать». – «И посланники говорили, что та ево, святейшего патриарха, объявленная им притча по премногу разумна, а на свете все дивное и недивное в руце Божий, что восхотет, то Он, Создатель наш, и сотворит». Этим не кончилась, однако, беседа наших послов с патриархом. Когда послы явились к нему за благословением перед самым своим отъездом из Константинополя, то патриарх неожиданно предложил им вопрос, имевший, очевидно, прямую связь с их предшествующею беседою и слухами, ходившими на Востоке,

об усиливавшемся все более влиянии Запада на Руси. «Догматы церковные, – спрашивал патриарх послов, – в своем ли существе в Российском государстве пребывают, и нет ли в чем пременения, и для чего то пременение учинилось?» Получив от послов уверение, что в Русском государстве никакого пременения церковным догматам никогда не было и нет, патриарх говорил, что Русь славна не величиною и множеством людей, «но самою тою верою православною и истинным и непоколебимым утверждением ея», а опасаться следует особенно римлян, которые везде ищут учинить в вере прелесть, «а у них-де здесь, хотя они и под игом бусурманским обретаются, еще в вере никакого пременения нет»[490].

Те же самые воззрения на греков и их благочестие выражает в своем путешествии и священник московской церкви Покрова Пресвятой Богородицы Лукьянов, который отправился на Восток для посещения святых мест 15 июня 1710 года и оставил нам описание своего путешествия. Как священник, и притом московский, Лукьянов сильно интересовался греческим благочестием и невольно сопоставлял его с благочестием русских. Его личные наблюдения над нравами, обычаями, религиозностью и благочестием греков привели его к очень невыгодным заключениям о греках и греческом благочестии, особенно по сравнению его с русским. «Греки, – говорит он, – непостоянны, обманчивы; только малые христиане называются, а и следу благочестия нет. Да откуда им и благочестия взять: грекам книги печатают в Венеции, так они по них и поют, а Венеция папежская, а папа – главный враг христианской вере; как у них быть благочестию? и откуда взять? Каковы им не пришлют книги, так они по них и поют. И так малым чем разнились с папежцы; а что пьют, едят, то все с ними вместе, а в церкви мы сами видели, что папежцы к грекам ходят, а греки к папежцам: так недалеко от соединения... Все нравы у грек и поступки внешния и духовныя все бусурманския, и а что прежния их бывали христианская , тех у них отнюдь и следу нет... А крестятся греки странно: руку на чело замахнет, а до чела далее не донесет, да и опустит к земле, отнюдь не увидишь, чтоб кто из грек до плеча доносил, а духовный чин у

грек хуже простова народу крестятся; срамно сильно, как войдешь в церковь, а рукою махает, а сам то на ту сторону, то на другую озирается, что коза… Патриарх греческий по вся годы церкви отдает на откуп, а берет за церковь по двести талерей и полтораста, а что год, то переторжка: кто больше дает, тому и отдает, хоть два талера передаст, тому и отдает. У них и митрополит митрополита ссаживает: дал лишнее, да и взял епархию. Так у них много безместных митрополитов и попов – так таскаются по базару, живут в Царьгороде, да собак бьют, ходя по улицам… А митрополиты греческие в церквах зело неискусны; все смеются и с греками говорят со стороны на сторону, и пения не слыхать, а сам, что коза, назад оглядывается, кричит по церкви; зело не хранят своего чина церковнаго; наши посельские попы лучше их митрополитов». Лукьянов даже помещает в своем путешествии особые статьи «о несогласии греков с Восточною Церковью». Он указывает до четырнадцати греческих уклонений от Православной Восточной

Церкви. Вот некоторые из них:

1) греки в крещении обливаются; 2) крестов на себе не носят; 3) неистово крестятся, ни на чело, ни на плечо недоносят; машают семо и овамо; 4) в церквах стоят в шапках, как молятся не скидают, а стоят в стойлах гордо, искривя бок, и глядят не к иконам, а на стены; 5) служат на одной стороне просфиры, и то на черствой, а миряне у них, не говев, причащаются; 6) патриархи, митрополиты и все духовные играют в карты и шахматы и т.п.[491]

Глава 11. Упадок значения греков на Руси после церковной реформы Никона и окончательное утверждение у нас в конце XVII и начале XVIII века западного влияния

(Значение греков, так высоко было поднявшееся у нас благодаря церковной реформе Никона, вслед за тем очень быстро падает. Несколько характерных случаев из конца XVII и начала XVIII века как доказательство упадка значения у нас греков. Причины этого явления. Неудачные попытки русского правительства основать в Москве с помощью греков греческую школу. Усиление у нас западного влияния, особенно благодаря ученым киевлянам. Неудачные попытки греков уничтожить у нас значение ученых киевлян и торжество с самого начала XVIII века латинской школы над греческою. Стремление Петра Великого сблизить Россию с образованным Западом и пересадить на Русь западную науку вызвало на Востоке неудовольствие и даже прямые протесты со стороны восточных патриархов. Окончательное утверждение у нас со времени Петра Великого западного влияния навсегда подрывает на Руси предшествовавшее исключительное значение и влияние греков.)

Церковная реформа Никона, по-видимому, должна была произвести коренной переворот в отношениях русских к грекам. Не только прежнее предубеждение русских против греческого благочестия не имело уже более места, но греки и все греческое приобрели в Москве прочное влиятельное положение, авторитет греков высоко стал теперь во мнении русских. Как при самом Никоне, так и после удаления его с патриаршей кафедры ловкие гречане захватили в свои руки все наши церковные дела и буквально хозяйничали в них. Они были душою, инициаторами и руководителями всех правительственных мероприятий по делу Никона и его противников, авторитетными советниками и решителями всех возникавших тогда церковных вопросов и недоумений, исполнителями ими же внушенных правительственных распоряжений, особенно по сношениям с

восточными патриархами. Русские в сознании своего бессилия, своей неспособности преодолеть своими только силами все более осложнявшиеся церковные затруднения как-то пассивно шли за своими учеными, готовыми на все руки руководителями, беспрекословно соглашались с ними во всем, не пытаясь и не решаясь оказать им в чем-либо противоречия или выступить против них с чем-либо своим. Греки не замедлили воспользоваться так благоприятно сложившимися для них обстоятельствами в своих интересах. Сами восточные патриархи, председательствовавшие на Соборе 1667 года в письме к Константинопольскому патриарху открыто сознаются, что своею деятельностью в Москве они имели в виду не только увеличить количество милостыни, которую русское правительство посылало их кафедрам, но и возвысить во мнении русских «лепоту греческого рода», восстановить у русских свою прежнюю честь и славу, «юже древлеимехом». Казалось, что греки вполне достигли своей цели. Русские отдали на их суд всю свою пропшую церковную жизнь, современное положение своих церковных дел, от них ждали решения всех своих вопросов и недоумений, перед восточными патриархами, как верховными судьями, стояли в качестве подсудимых сам русский царь и знаменитейший Московский патриарх, искавшие у них себе оправдания, готовые подчиниться их приговору; все их решения и постановления принимались русскими беспрекословно, безо всякого противоречия, хотя некоторые из соборных постановлений, продиктованные греками, и были прямо направлены против русского с целью за счет его унижения возвысить греческое. Казалось, что греки, раз прочно утвердив в Москве свой авторитет, надолго сделаются в ней полными хозяевами и распорядителями и даже окажут подавляющее влияние и на весь дальнейший ход развития русских, которые к тому же стремились устроить в Москве постоянную школу и иметь в ней учителями именно греков. Но как ранее действительность не оправдала мечтаний русских об их исключительном религиозном призвании и положении в православном мире, так теперь она не оправдала и надежд греков на утверждение их

исключительного влияния и преобладания на Руси. Отношения русских к грекам уже вскоре после Собора 1667 года не только не носят на себе характера недавнего преклонения и, так сказать, принижения русских перед греками, но и довольно недвусмысленно говорят за то, что русские даже к самим восточным патриархам потеряли значительную долю недавнего уважения, так как в сношениях с ними, в видах получения от них согласия на что-либо, употребляют такие средства, которые никак не применимы к лицам высокоуважаемым и почитаемым. Несколько характерных в этом отношении фактов пояснят нашу мысль. В 1670 году отправлен был из Москвы в Константинополь переводчик Христофор, который должен был выхлопотать у Вселенского патриарха за известное вознаграждение разрешительную грамоту гетману Многогрешному, которого патриарх ранее проклял. Когда переговоры об этом были благополучно окончены и разрешительная грамота была приготовлена, патриарх пригласил Христофора посмотреть ее, и тот, посмотрев, спрашивал патриарха: как он прикажет о жаловании царском – соболях? Патриарх отвечал, что никаким образом ему нельзя принять соболи, так как догадаются, что это царское жалованье, а лучше было бы переводчику продать эти соболи и вручить патриарху чистыми деньгами. Христофор продал два сорока соболей, взяв за них 480 ефимков, которые и отвез патриарху. Тот, взяв деньги, бил челом за царскую милостыню и, запечатав при переводчике разрешительную грамоту, отдал ее ему[492]. Характер этой сделки очевиден.

Суровое осуждение патриарха Никона должно было на всех русских, не ослепленных окончательно враждою к нему, производить тяжелое, удручающее впечатление, особенно когда возбужденные его делом страсти уже несколько успокоились. Сознание, что осуждение Никона было позором и для всей Русской Церкви, что ее честь требует восстановления Никона в патриаршем достоинстве, кажется, не было чуждо и самому Алексею Михайловичу, который всегда сильно жалел своего «собиннаго» друга. По крайней мере в грамоте царя Феодора к восточным патриархам о разрешении Никона говорится, что

Алексей Михайлович «воспоминати того (запрещения Никона) любве ради Христовы не благоволил», а Александрийский патриарх в грамоте по поводу разрешения Никона писал, что ему будто бы сообщено царскими послами: «Яко сицевую боголюбезную мысль имяше и иже в блаженной памяти приснопоминаемый отец ваш великий государь царь и самодержец – во еже простити онаго блаженнаго и патриаршескаго звания удостоити»[493]. Имел ли действительно Алексей Михайлович намерение возвратить Никону патриаршее достоинство или нет, только его сын, Феодор Алексеевич, решился добиться разрешения Никона во что бы то ни стало, несмотря на упорное сопротивление патриарха Иоакима, который право разрешить Никона признавал только за восточными патриархами, осудившими его. На Восток были отправлены послы Возницын и Чириков, которые повезли с собою грамоты ко всем патриархам с просьбою о разрешении уже умершего Никона. Но так как эта просьба, по мнению правительства, могла встретить на Востоке большие затруднения, ибо патриархам приходилось, разрешая Никона, стать в противоречие с состоявшимся о нем соборным определением, то послам дана была на этот случай особая инструкция, показывающая, что правительство хорошо знало, с кем оно имеет дело и как следует вести его. В инструкции послам говорится: «А буде Вселенские патриархи по нашим, великаго государя, грамотам учинить того (разрешить Никона) не похотят, и вы, наши великие послы, домогалися о том у них всякими мерами чрез кого возможно, и сверх того нашего великаго государя жалованье, которое на милостыню с вами к ним послано, дали б им, или с кем послали нашего великого государя жалованье особно от того из нашея великаго государя казны, которая с вами в запас послана, или у греков заняв – по двести по пятидесяти рублев патриарху, только б, конечно, того домогаться, чтоб они, Вселенские патриархи, для нашего государского прошения о том, по нашим, великаго государя, грамотам учинили и свои о том грамоты к нам, великому государю, с вами, нашими великими послы, послали… И есть ли крепко и упорно станут и непохотят того учинить и, по самой

конечной мере, дать по пяти сот рублев патриарху, а буде и по тому предложенью вашему не учинят, и, по самой нуже, дать по тысячи рублев человеку, только б учинили и в грамотах своих написали имянно». Возницын, прибыв на Восток (Чириков умер дорогою), прежде всего обратился к Иерусалимскому патриарху Досифею, чтобы тот помог ему выхлопотать у патриархов разрешение Никону. Досифей охотно взялся устроить это дело и говорил послу, чтоб он «все те дела положил на него, патриарха». Действительно, вскоре сам Досифей, а также и Антиохийский патриарх вручили послу свои разрешительные грамоты, вовсе не требуя от него какой-либо особой приплаты сверх той дачи, которую им вручил за это посол. Не то было с патриархами Константинопольским и Александрийским. Они решились воспользоваться благоприятными обстоятельствами, чтобы возможно больше получить с русских за свою услугу, и потому никак не соглашались вьщать разрешительные грамоты за ту дачу, какую им предлагали посол, они требовали гораздо большей. «По-вашему, великаго государя, указу, – доносил Возницын, – я, холоп твой, у святейших патриархов у Антиохийскаго и Иерусалимскаго святейшему Никону-патриарху прощальные и разрешительные грамоты взял, а Цареградской, государь, и Александрийской патриархи, хотя, чтобы я, холоп твой, от того дал им дачу большую, по се число своих грамот не отдают; только государь, – замечает посол, как ни есть, прося у Бога милости, и у них возьму, и придет то ваше, великаго государя, дело у меня, холопа твоего, по вашему государскому изволению в совершение». И действительно, настойчивый посол достиг своей цели – получил от всех патриархов разрешительные грамоты, не дав при этом ни одному из них великой дачи. С нескрываемым торжеством Возницын доносил государю, что он добыл от всех патриархов разрешительные грамоты Никону, «а учинил он то неусыпным своим промыслом и радением, без великих дач, а велено было от того дать и многую дачу и о совершении того дела радеть накрепко». Сколько каждый патриарх получил за разрешительные грамоты и во сколько вообще все это дело обошлось нашему правительству, видно из следующего донесения Возницына: «А

за те грамоты дал он, Прокофей, Царегородскому да Иерусалимскому патриархам по триста талеров, а Александрийскому Прохору сто пятьдесят талеров, Антиохийскому – сто талеров. Да сам он, Прокофей, поднес им патриархам: Царегородскому, Александрийскому, Иерусалимскому при отъезде своем из Царяграда за теж великаго государя и за иные дела по пятидесяти золотых червонных, да на соборы их: на Царегородской, на Александрийской, на Иеросалимской, на Антиохийской по двадцати золотых, а митрополитом дано собольми, а тот расход писан в соболиной раздаче» (именно, царегородскому логофету дана пара соболей в 12 рублей, «потому что без него никакия дела не делаются»; митрополитам, бывшим на Соборе по поводу разрешения Никона, дано двум по паре соболей в 15 рублей, двум по паре в 16 рублей и трем по паре в 10 рублей). Послу пришлось еще дать плату и старому Антиохийскому патриарху, который, не ведая своей смены и того, что новый патриарх уже дал Никону свою разрешительную грамоту, вручил послу такую же грамоту, за что и получил 100 талеров и 10 золотых[494]. Характер и этой сделки не требует объяснений. Присоединение Малороссии необходимо должно было сопровождаться и подчинением Киевской митрополии Московскому патриарху. Уже Никон хлопотал было об этом, но разные обстоятельства долго и после него препятствовали московскому правительству осуществить свое намерение. Между прочим, само киевское духовенство не желало подчинения Московскому патриарху и в своем сопротивлении опиралось на то обстоятельство, что Киевская митрополия зависит от Константинопольского патриарха. Ввиду этого нашему правительству приходилось вести дело с Константинопольским патриархом, чтобы получить от него разрешение на подчинение Киевской митрополии Московскому патриарху. Прежде чем приступить к решительному шагу, правительство решилось наперед исследовать по этому делу почву в самом Константинополе. В 1682 году нашему константинопольскому послу Возницыну был послан из Москвы следующий тайный наказ: «Усмотря время, когда пристойно,

говорить Прокофью Константинопольскому патриарху от себя, буди мочно, для чего Киевская митрополия колико лет пастыря не имеет, и спрашивать его о том пространными разговоры и доведыватца того всякими меры, как мочно: поволит ли он, патриарх, Киевской митрополии со всеми духовными быть под благословением святейших патриархов Московских и всеа Русии? А ты Константинопольскому патриарху прелагаешь для имени христианского от себя, чтоб благочестивая христианская вера распространялась и церкви Божий умножались, и всячески о том проведывать тайно, поступит ли он в то дело крепко – о том разведать, а чтоб патриарх о том не дознался и в Малой бы России о том не сведали нихто и, кроме б тебя, нихто того не ведал, говорить о том с великим остереганьем»[495]. Как Возницын исполнил этот тайный наказ и какие сведения удалось ему получить от Константинопольского патриарха, об этом статейный его список ничего не говорит. Но когда между московским правительством и гетманом Самой-ловичем уже решено было сделать Киевским митрополитом Гедеона Четвертинского с тем, чтобы он поставлен был Московским патриархом, тогда, в декабре 1684 года, в Константинополь отправлен был специальный посол грек Захарий Иванов, или Софир, с царскими грамотами и подарками к Константинопольскому патриарху с целью добыть у него отпустительную грамоту на Киевскую митрополию. Цари писали патриарху в своей грамоте, что они посылают ему сорок соболей в 200 рублей и впредь обещают его архипастырство в забвение не полагать. Софир, прибыв в Константинополь, передал царскую грамоту греку Юрию Мецевиту, который с нею и явился к патриарху. Тот велел Юрию прочесть грамоту государей и, узнав из нее, что ему присланы соболи, велел Захарию те соболи принести к себе. Но Юрий говорил патриарху, что наперед ему следует исполнить царское требование о Киевской митрополии, а потом уже получить и соболи. Патриарх говорил, что для удовлетворения царского требования необходимо созвать Собор, а это сделать нельзя без разрешения визиря, иначе он отсечет ему голову. Тогда Юрий сказал патриарху: «Для чего ему у Софира ныне соболи

имать, если он того дела не совершает? И патриарх на него с сердцем молвил: то-де государева жалованья прислано к нему, и того ж часу послал он к Софиру архидиакона своего и те соболи велел у него взять». По поручению патриарха и от его имени Юрий Мецевит писал в Москву к князю Голицыну, чтобы он послал от себя к визирю грамоту с просьбой разрешить патриарху вести дело о Киевской митрополии открыто, так как действовать тайно от визиря он, патриарх, боится[496]. Но московское правительство поступило иначе. Не входя в новые сношения с Константинопольским патриархом, оно, с согласия гетмана Самойловича, решилось поставить в Киев митрополита собственной властью. Действительно, Гедеон Четвертинский был поставлен, как известно, в киевские митрополиты Московским патриархом Иоакимом, которому он дал обещание во всем зависеть от него. Таким образом, Киевская митрополия фактически уже была подчинена Московскому патриарху, и нашему правительству оставалось только оформить это дело – получить от Константинопольского патриарха формальное утверждение уже совершившегося факта. С этою целью в ноябре 1685 года в Константинополь был отправлен специальный посол, дьяк Никита Алексеев. В грамоте, посланной с ним от государей к Константинопольскому патриарху, говорилось между прочим: «Послали мы, великие государи, наше царское величество, и сестра наша, великая государыня, благоверная царевна, к вашему святительству нашие государские милости – несколько золотых и соболей. И вашему б архипастырству те золотые и соболи у него принять велеть и о нашем государском здравии всесильного Бога молить соборне и келейне. А сколько числом тех золотых и соболей у него принято будет, и о том к нам, великим государям, к нашему царскому величеству, писать и свое архипастырское отпустительное благословение на митрополию киевскую подати и прислати с тем же нашим гонцом». Чтобы и на этот раз посылаемые патриарху соболи и золотые не пропали даром, как это было при посольстве грека Софира, Никите Алексееву даны были точные инструкции, как вести все дело. Великие государи и царевна Софья велели послать «своей государевы милостыни

ко святейшему Иякову, патриарху Константинопольскому, с подьячим Никитою Алексеевым тысячю рублев ж в то число собольми сорок в 300 рублев, сорок в 250 рублев, сорок в 210 рублев, да двести золотых червонных, считая по сороку алтын золотой… А в наказе Никите написать (что действительно буквально и было написано), чтоб те соболи и золотые святейшему патриарху поднести в то время, как великих государей по грамоте он, святейший патриарх, даст ему, Никите, к великим государем о Киевской митрополии отпустительную соборную грамоту. А буде святейший патриарх на Киевскую митрополию отпустительной грамоты не даст и ему, Никите, святейшему патриарху из тех золотых и соболей дать двадцать золотых, да на сто рублей соболей, а достальные золотые и соболи привести к Москве». Великие государи и царевна Софья послали с Никитою Алексеевым 200 золотых и Иерусалимскому патриарху Досифею и велели написать в наказе Никите, «чтобы домогатись ему у Иерусалимского патриарха, чтоб он, для царскаго величества милости, с Константинопольским патриархом советывал, чтоб царскаго величества по грамота о Киевской митрополии Константинопольский патриарх к великим государям отпустительную грамоту с ним, Никитою, послал и у той грамоты и ево б Иерусалимскаго патриарха рука подписана была, и как по тому совету Иерусалимскаго патриарха Константинопольский патриарх отпустительную грамоту даст; и Никите Иерусалимскому патриарху великих государей милостыню те двести червонных золотых отдать и к великим государем взять лист. А буде со святейшим патриархом Иерусалимским видетись ему Никите не лучитца, и ему те золотые привести с собою к Москве, а хотя где и видетись лучитца, а грамоты отпустительной Константинопольский патриарх на Киевскую митрополию дать не похочет, и ему, Никите, Иерусалимскому патриарху, великих государей милостыни из тех золотых дать двадцать золотых, а достальные привести к Москве». Никита Алексеев точно выполнил данную ему инструкцию. Согласно полученному приказанию, посол, прибыв в Адрианополь, прежде всего пожелал видеться с Иерусалимским патриархом Досифеем, чтобы склонить его в

пользу своего дела. Но Досифей решительно отказался видеться с Алексеевым без разрешения визиря. Когда это разрешение от визиря было получено, то посол, явившись к Досифею, стал склонять его в пользу царского предложения. Но тот не только решительно отказался помогать в этом деле послу, но и отнесся вначале крайне неодобрительно к самому царскому предложению. «Мы, – говорил Досифей послу, – не дадим своего благословения: прежде митрополиты киевские приезжали для поставления в Царьград и теперь бы изволили великие государя писать к нам о поставлении в Киев митрополита, и мы бы дали благословение, что вольно поставить его Московскому патриарху, а не вечно быть той епархии за ним. А то прислали просить благословения, когда уже поставили! Это Восточной Церкви разделение. Я советоваться об этом с Константинопольским патриархом не буду и отпустительного благословения, конечно, не дам». Тогда Алексеев стал приводить патриарху разные доводы в пользу русских предложений, как это ему повелевалось в инструкции, и в заключение говорил, что ему, святейшему патриарху, так же как и Константинопольскому, «прислано из великих государей жалованья, а впредь их государская милость от них отъемлема не будет». Досифей стал смягчаться, хотя и теперь он отказывался от деятельного участия в этом деле, но уже не говорил более о своем противодействии. «И патриарх говорил, что он в то дело вступатца, конечно, не будет, и как-де о том хочет Константинопольский патриарх, а ему б хотя дана была и великая казна, то б он такого дела не учинил», причем Досифей заметил, что и Константинопольский патриарх без разрешения визиря в этом деле, которое требует созвания Собора, сделать ничего не может. Но своих бескорыстных воззрений Досифей держался, впрочем, недолго. Когда визирь, к которому обратился Алексеев, дал свое согласие на русские предложения о Киевской митрополии, то Досифей уже говорил послу, что будто бы в правилах он приискал, что Киев можно отдать Москве и потому он будет теперь наговаривать патриарха Дионисия учинить по воле государей и сам от себя будет писать грамоту московскому патриарху, но не вместе, а

отдельно от Константинопольского. Досифей действительно прислал на подворье к Никите свою отпустительную грамоту на Киевскую митрополию, причем принесший грамоту архидиакон говорил: «Которое-де великих государей жалованья объявил он, Никита, святейшему патриарху, и он бы то отдал». Тогда посол сам отправился к Досифею и лично вручил ему за присланную отпустительную грамоту 200 золотых. С Константинопольским патриархом, права которого на Киевскую митрополию были нарушены русскими, дело обошлось проще, так как патриарх охотно пошел на денежную сделку. Он прислал послу свою отпустительную грамоту на Киевскую митрополию с архидиаконом и просил назначенное ему государево жалованье за грамоту прислать тайно, что и было исполнено. На прощальной торжественной аудиенции послу Константинопольский патриарх в присутствии всех греческих иерархов говорил, чтобы царь призрел Великую Церковь (тысячную дачу за отпустительную грамоту патриарх считал принадлежащею только ему, почему и просил передать ее ему тайно) и послал ей милостыню от казны своей, чтобы милостыня была прислана и всем бывшим на Соборе митрополитам, как это было при учреждении на Руси патриаршества, просил затем патриарх для Великой Церкви икон, утвари и прочего. Тогда же патриарх говорил, что посылает Московскому патриарху братское поздравление «и чтобы он, святейший патриарх, по своему к ним в Духе Святом братству, не забывал начало матери Соборные Церкви и к ним на искупление церквей от поган от своея казны елико возможно прислал, и то он, патриарх, не себе на одежду просит или сродником своим, но на искупление Церкви Соборные, которая не может уже три года искупитися, а ныне у них недороды хлебные и христиане все оскудали, а дань на ту Церковь наложена великая». Все эти просьбы о милостыни Великой Церкви, митрополитам, о присылке икон, разной церковной утвари и прочего патриарх изложил в грамоте к царю, причем не забыл попросить его и о своих родственниках, которые имели торговые дела в России, а также просил царя и за всех вообще греков, чтобы им дозволено было торговать в России

беспошлинно. Очевидно, Константинопольский патриарх, соглашаясь на уступку Киевской митрополии Московскому патриарху, имел в виду извлечь из этой сделки возможные выгоды для себя лично, для своих родственников, для Великой Константинопольской Церкви и для всех вообще греков, торговавших в России. Не остался доволен характером этой сделки только Иерусалимский патриарх Досифей. В грамоте к патриарху Иоакиму в 1686 году он пишет: «Да присылаете деньги и из ума людей выводите, берете грамоты сопротивные Церкви и Богу. Сказывал нам посланник ваш, яко письма от вас не привез, токмо приказали ему дати нам милостыню, аще ему дадим письмо, яко же хощете; и аще не дадим ему отпустительной грамоты, и он нам да не отдаст (милостыню)… Близ нас стоял посланник ваш и приходил к нему некоторый архимандрит Святогорский от страны Дионисия патриарха и просил денег от посланника и после да даст ему грамоты. И посланник отвещал, яко прежде да даст ему грамоты и потом да возмет деньги от него. И бя-ше удобнее, да поставите митрополита без благословенья, ниже присылаете деньги и просите прощения, яко есть явная симония; и ниже прощение есть прощение, ниже грамоты суть грамоты, аще ищете не по Бозе, понеже един не прощает наипаче же и с деньгами, токмо вси но и вси, паки не просто прощают, но егда суть нужда. Но зде несть, явно есть лихоимание и во уничижение Восточные Церкви». То же Досифей говорит и в грамоте государям: «Не просите сие (подчинения Московскому патриарху Киевской митрополии) через деньги, но просто веры ради и пользы верных, не якоже ныне, когда честнейший посланный извещает нам, яко аще дадим грамоту, даст и милостыню, и аще не дадим – не даст. И кир Дионисию, иже вопрошайте денег, отвеща он, яко имеет наказ царский прежде взяти грамоты, а потом дати деньги. И подобает ли апостольской Церкви великия Москвы просити от матери своей Восточные Церкви духовныя дарования за деньги? И неужели грамота оная, юже емлет честность его от Константинопольскаго и таким образом прошения, и из денег – есть ли грамота достойна? И аще суть нищий и обыкли имати деньги и давати грамоты – лепо есть

вашей Церкви просити таким образом сицевая великая прошения, яже дабы святый Бог презрит». И в грамоте к царевне Софье Досифей писал: «Сами патриархи Цареградские, которые дают грамоты, не дают их со всем сердцем, но ради денег, паче же суть и в себе не крепкие»[497]. Эти обличения не помешали, однако, Досифею дать от себя отпустителъную грамоту на Киевскую митрополию и получить за нее от русского посла 200 золотых. Русское правительство, очевидно, хорошо знало, с кем имеет дело и какие средства следует употреблять, чтобы заставить восточных патриархов исполнить то или другое его требование.

В 1715 году Петр Великий послал (из Петербурга, 4 июля) Константинопольскому патриарху Косьме две грамоты. В одной из них царь пишет, что он как истинный сын Восточной Православной Церкви должен от всего сердца хранить все ее догматы и постановления, что он и делает со всяким тщанием. Но, заявляет царь, «чистою совестью исповедую Вашему Всесвятейшеству, что растворением природы моей есмь вельми слаб и часто впадаю в превеликие болезни, наипаче стражду феброю и скорбу тиною, которые болезни мне приключаются больше от всяких суровых еств», так как приходится постоянно находиться в воинских трудах и путешествиях, «в которых трудно что от постных ядей к пропитанию получить». Поэтому «медики наши телесные нам советуют и принуждают от вышеупомянутых мне вредительных еств удерживатись», угрожая в противном случае опасностью жизни. Ради этого царь и решается прибегнуть «к духовному врачу» и просить его подать в его болезни «духовную целбу», т.е. разрешение на мясоястие во все посты, и надеется получить от его святейшества «отческаго снисходительнаго письменнаго ответа и разрешения». В другой грамоте к патриарху от того же числа царь пишет, что «православныя наши войска, которые воюют против супостат креста Христова и еретиков, ревностью божественною изливающе кровь свою за мать свою Святую Восточную Соборную и Апостольскую Церковь, и защищающе православную веру к вящей Божией славе», во время далеких походов по неудобным пустынным местам, «идеже мало, а

иногда и ничего не обретается никаких рыб, ниже иных каких постных яств», принуждены бывают в походах во время постов питаться часто только одним сухим хлебом. От такого плохого питания войска во время постов страдают разными болезнями и многие тысячи даже помирают, от чего войско обессиливает, а неприятель этим пользуется, «что и случилось при Нарве в 1700 году, в пост перед Рождеством Христовым», отчего и на будущее время может произойти великая опасность не только для государства, но и для всей Святой Восточной Церкви. Поэтому царь и просит патриарха разрешить русским войскам мясоястие во все посты, когда войска будут находиться в походе[498]. Чтобы домогательство царя имело решительный и несомненный успех, по его приказанию под-канцлер барон Шафиров послал от себя вместе с царскими грамотами письмо к патриаршему сакелларию архимандриту Кириллу. В этом письме Шафиров пишет, что он давно знает его преподобия искусство и христианскую ревность к государю и всему христианскому народу, и что «его преподобию зело известно о некоторой слабости природного здравия» августейшего монарха. Поэтому он просит сакеллария, дабы «мудрейшим и богословным рассуждением патриаршим и вашим вспоможением» дана была разрешительная грамота на мясоястие в посты как самому государю, так, «ежели возможно», и всему воинству, о чем «в патриаршей грамоте премудрым ораторством да внесено будет». Затем Шафиров, извещая сакеллария, что царские грамоты сначала будут переданы ему, пишет: «Ваше преподобие прилежно прошу, извольте те грамоты его святейшеству вручить и благополучные способы в сем деле показать по своей ревности и благоискусию, дабы монаршеское в том желание было исполнено и грамоты разрешительные сему листодавцу были отданы, который имеет содержать в сущем секрете и под именем купецким за сим делом посылается, от которого, *по получении желаемого, унинитца награждение и милостыня, как его святейшеству, так и вашему преподобию, с которым* (листодавцем) *послано денег ныне на те расходы пять мешков».* В заключение Шафиров обещает сакелларию за исполнение возлагаемого на

него поручения монаршую милость на все его желания. В конце 1716 года явился в Москву грек Григорий Ватаци и привез с собою к государю три грамоты от патриарха Иеремии.

Первые две грамоты заключали в себе разрешение государю и всему войску на мясоястие во все посты, исключая недели перед причастием[499]. В третьей грамоте Иеремия сообщает государю о своем избрании в патриархи, о том, что он вскоре по вступлении на патриарший престол получил царское донесение, «чрез которое возвещаете нам труды и болезни, которые от никоего зельного недуга повсяденно терпит ваше величество, того ради возбраняемо от назирающих врачей причащатися всяко случайных и злосочных снедей, нужду имеете разрешити на мяса во вся посты года». Патриарх извещает, что он посылает это разрешение для царя и для всего русского войска, и далее пишет: «Молим и мы вашу христоподражательную и щедролюбивую пресветлость, еже способствовати нам и руку подати помощи, ради многих обстоятельств времене и неудобоносных посторонних долгов сущия у нас Святыя Христовы Церкви, каковы никогда не бывали, и ныне зелно нас оскорбляют и стужают непрестанно и, по Бозе, надежды освобождения от них нигде не полу чихом. Того ради молим вашу благосердую пресветлость: да определит купно с грамотою за печатью красною, еже бы даватяся от богохранимого вашего царствия на всяк год по единой коробке соболей сущей у нас Христовой Церкви, к малому утешению и ослабе от многих и неудобоносных посторонних долгов». Потом говоря, что с грамотами к государю послан сын великого сакеллария, патриарх продолжает: «Молим прилежно вашу превысокую пресветлость, яко да вручит в руце его первее уже на три года помощь сию Церкви, сиреч три коробки». К этой просьбе патриарх прибавляет: «Аще же и вяще что возмнится вашему великодаровитому царскому намерению придати и дати к помощи нашей и церковнеи – воспримите всячески достойные и пристойные мзды от всецаря Бога». Писал патриарх особую грамоту и Шафирову, в которой, извещая его о посылке разрешительных грамот, просит его, чтоб он ходатайствовал перед государем о просимой патриархом милостыне, чтобы и

сам он прислал нечто «от благих своих», который ему даровал Господь, а также просит его «и приятелей своих, которых знаете, вразумить и подвигнуть к вспоможению, кийждо из них чем восхощет». С Григорием Ватаци прислал письма и патриарший сакелларий к бывшему константинопольскому послу Петру Андреевичу Толстому и к Шафирову. К Толстому сакелларий пишет, напоминая ему об их старой дружбе, чтоб он принял и во всем помогал посланному с грамотами сыну его, и затем говорит: «Приимите сию простительную и разрешительную грамоту от всесвятейшаго, о которой я знал, что имели есть благоговейнство и любовь, еже тую получить при отъезде своем отсюду (т.е. из Константинополя), но я времени не имел совершить ю, се ныне милостью Божиею состоялась». При этом письме приложена была и самая патриаршая разрешительная грамота на мясоястие Толстому во все посты, кроме недели перед причастием. В письме к Шафирову сакелларий писал: «Не могу представить радость, которую восприял есмь при получении честнаго вашего писания и повеления, и о сем благодарствие исповедую». Сообщает Шафирову, что благодаря тщанию его, сакеллария, «тое дело намеренное восприяло свое окончание, якоже подобало и по намерению прошения, а ныне всесвятейший подвигся и от любви, и от нужды, какову Вселенский престол никогда не имел, якоже ныне имеет». Просит исполнить просьбу патриарха о присылке царской грамоты за красною печатью, а также «еже бы изволил даровать на всякий год по одной коробке соболей, и ныне первое вдруг да дастся на три года впред таковая милость». Затем сакелларий просит уже наградить и его лично за хлопоты и усердие. «Молебне прошу и аз ваше превосходительство, – пишет он, – яко верна друга и благодетеля, да споспешествуете и поможете, дабы и мне, всегдашнему молебнику, иерею и усердствующему в повелениях, определено было от святаго и великаго царствия жалованье, аще возможно граматою за печатью красною, по два сорока соболей на каждый год, и да дастся первое вдруг на три года впред, или что угодно изболится святому и великому царствию, дабы и мне и ныне иметь при старости своей

спокойство и буду пребывать молитвенник ко Богу и к повелениям усердный. Извольте воспомянуть, ваше превосходительство, договор, учиненный между нами, чтобы помогать не только в возможных, но и в невозможных». К этому письму сакелларий присоединил еще следующую любопытную записку: «Сим писанием уведомляю ваше превосходительство о деле, что первая мешкота была за смятением церковным, понеже в 23 день марта поставлен бысть новый патриарх, в 8 день апреля зачали мы дело тое и даже до тридесятаго того же месяца (уже) восприяло конец. Однако же кроме того учинил ося и другое иждивение, якоже и ваше превосходительство признаете, о чем и объявлено 1716 года мая в 7 день: 200 червонных дано духовнику и советнику патриаршему, 100 червонных венетских секретнописателю с намерением (с согласия) господина Нед елки (серб, посланный в Константинополь от правительства с грамотами к патриарху), 80 червонных архидиакону, 80 червонных протосингелу, 40 червонных протодиакону, по приказу всесвятейшего патриарха, которыя я и иные платил из рук в руки, а в других остался должником и належит (чтоб) даны были те (деньги) сыну моему Григорию. Пять мешков денег дано всесвятейшему рукою господина Неделки». Государь был очень доволен полученным от патриарха разрешением ему и всему войску на мясоястие во все посты и в благодарность за это дал Константинопольскому патриарху жалованную грамоту с назначением ему ежегодной дачи в три тысячи рублей[500]. Этою ежегодною трехтысячною дачею Петр Великий имел в виду сделать Константинопольского патриарха навсегда послушным орудием в руках русского правительства, хотел заставить его решать те или другие церковные вопросы так, как желало того наше правительство. Цель была достигнута, по крайней мере относительно времени Петра, так как патриарх, действительно, немедленно исполнял то, что от него требовал царь. По требованию государя он отменил, например, доселе практиковавшееся на Руси перекрещивание лютеран и кальвинистов, утвердил отмену у нас патриаршества и замену его Святейшим Синодом и т.п.

Приведенные нами примеры наглядно показывают тот своеобразный характер, какой, особенно со второй половины XVII века, приняли отношения русского правительства к восточным патриархам. Ближе присмотревшись к грекам во время их хозяйничанья в Москве при Никоне и после оставления им патриаршей кафедры, русские вполне разгадали, наконец, истинный характер отношений к нам греков. Они увидели, что греки потому и настолько дорожат своими сношениями с Россией и влиянием в ней, насколько они рассчитывают получить отсюда те или другие выгоды для себя, что все их услуги русским имеют в виду корыстную цель получить за них возможно большую плату, что греки готовы все продать, лишь бы подороже, готовы на всякую послугу, лишь бы за нее хорошо заплатили. Исключения в этом отношении, как верно подметили русские, не составляла иногда и сами восточные патриархи: за добрую милостыню и они готовы были так же на разные послуги. Ввиду этого наше правительство во второй половине XVII века, желая получить от восточных патриархов решение какого-либо вопроса в желанном ему направлении, ставило дело таким образом: оно прямо предлагало патриархам за ту или другую услугу определенную дачу, которую, иногда поторговавшись наперед, оно и выдавало им по исполнении своего требования. Средство получать от восточных патриархов все желаемое найдено было действительно верное, так как оно всегда, как мы видели, достигало своей цели. Но зато подобные отношения к восточным патриархам сильно поколебали их авторитет и прежнее высокое уважение к ним русских. Если на Соборе 1667 года мы видим русских преклоняющимися перед восточными патриархами, перед их высшим авторитетом, перед которым ничего не значит вся русская церковная старина, если мы там видим русских беспрекословно признающими верховное право восточных патриархов судить и решать все русские церковные дела, их право судить русского царя и патриарха, то спустя только пятьдесят лет картина в этом отношении уже совершенно меняется. В 1721 году другой русский Собор – Святейший Синод торжественно и официально отменяет

возношение имени Константинопольского патриарха при богослужении, что доселе всегда делалось на Руси, – он не хочет терпеть даже и тени, малейшего намека на какое-либо преимущество или первенство Константинопольского патриарха в Русской Церкви. В синодальном определении причин, по которым решено было отменить в русском богослужении возношение патриаршего имени, прямо говорится, что «высокость патриархов Константинопольскаго, Александрийскаго, Антиохийскаго основана была не на ином чем, токмо на высокой чести оных градов», что Константинопольский Вселенский патриарх не имеет никакой власти над другими самостоятельными Церквами, и если он и называется Вселенским, а Александрийский судиею вселенной, то, хотя этому и отыскивают некоторые причины, «однакож из причин оных иные суть ложные, иные не крепки и толикой титле неравныя»[501]. Этим заявлением Святейший Синод навсегда и решительно отвергнул право Константинопольского и других восточных патриархов вмешиваться в русскую церковную жизнь. Действительно, с этого времени русские уже не стали более обращаться на Восток за решением возникавших у них церковных вопросов и недоумений, как это было прежде. Все свои внутренние церковные дела они решали уже теперь своими собственными силами и средствами, и даже в межцерковных вопросах голос Русской Церкви сделался одним из самых влиятельных, к которому должны были прислушиваться, и притом очень внимательно, сами восточные патриархи.

Не только Вселенские патриархи, но и все вообще греческое и все греки к концу XVII века потеряли у русских всякий кредит и значение. Если при Никоне все греческое принималось и вводилось у нас как образцовое для русских, достойное подражания, если Никон гордился тем, что он «грек по убеждениям», если греков принимали тогда в Москве с распростертыми объятиями, охотно подчинялись их руководству и водительству, от них ожидали переустройства и обновления русской жизни, то к концу XVII столетия и в начале XVIII эти отношения к грекам и всему греческому решительно

изменились. Для царя Петра Алексеевича греческая нация была уже отжившею, выродившеюся, ее история, правда, очень поучительна для русских, но не в смысле подражания и заимствования, а только как предостережение, как печальный опыт, который русским нелишне иметь перед глазами, чтобы избегнуть разных ошибок, которые совсем погубили греков. В этом именно смысле Петр не раз ссылался на пример Греции. Так, определяя обязанности Сената, государь писал, что «презрение указов ничем не разнится с изменой», так как в конце оно приводит государство к конечной гибели, «как то в греческой монархии явный пример имеем». «Должно всеми силами благодарить Бога, – говорил Петр при поднесении ему Сенатом названия Великого, Отца Отечества, Императора Всероссийского, – но, надеясь на мир, не ослабевать в военном деле, дабы не иметь жребия монархии греческой». В одном из писем к своему сыну Петр писал: «Не хочу многих примеров писать, но точию равно-верных нам греков: не от сего ли пропали, что оружие оставили и единым миролюбием побеждены и, желая жить в покое, всегда уступали неприятелю, который их покой в нескончаемую работу тиранам отдал»[502]. Правда, что Петр, нуждавшийся в людях образованных и повсюду их искавший, не прочь был наряду с другими иностранцами воспользоваться для своих целей и образованными греками и даже давал им архиерейские кафедры в России. Но при этом он был далек от мысли давать грекам какое-либо исключительное и влиятельное положение в Русской Церкви, они должны были служить ему просто, как и другие образованные и ученые лица. Но и эти греки не только не способствовали перемене отношения к ним русских, но, наоборот, своими обычными интригами, корыстолюбием, почти полным отсутствием нравственных, хотя бы и невысоких, качеств, еще более усиливали нерасположение к себе русских. Подвиги таких личностей, как бывший охридский архиепископ Филофей, сделавшийся у нас смоленским епископом, а потом уволенный за взяточничество; интриги фиваидского митрополита Арсения из-за вологодского подворья в Москве; такая личность, как Афанасий Кондоиди, впоследствии

вологодский архиерей; подвиги и дело иеромонаха Серафима Ариона, дело сына Иоанникия Лихуда Николая и пр. – окончательно должны были оттолкнуть русских от греков, к которым, наконец, русские, по свидетельству самих греков, стали действительно относиться гораздо хуже, чем ко всем другим иностранцам.

Таким образом, за тем необыкновенно высоким подъемом греческого влияния на Руси, какое мы видим при Никоне и которому, казалось, суждено было надолго и прочно утвердиться на Руси, последовал столь же быстрый упадок у нас всякого значения греков. Правда, русские уже не считали их, как прежде, утерявшими правую веру и истинное благочестие, признавали их совершенно равными себе по Православию, но вместе с этим из русской жизни окончательно и навсегда исчезает всякое непосредственное влияние современных греков – времена Никона у нас никогда уже не повторяются. Сношения с греками не прекращаются и теперь, но в них русские выступают только в качестве покровителей и благодетелей бедных единоверцев, а греки только в качестве просителей и несчастных, ищущих у русских или милостыни, или защиты от притеснения неверных. Иногда, как мы видели, русские еще обращаются в некоторых случаях к восточным патриархам, причем, однако, последним приходится только утверждать и подкреплять своим авторитетом то, что уже ранее окончательно решено русским правительством. При этом к содействию восточных патриархов русские прибегают только в тех исключительных случаях, где им кажется неудобным действовать на свой страх, или по щекотливости самого дела, или где так или иначе затрагивается межцерковный вопрос, когда голос одной Русской Церкви будет недостаточен, или когда русские фактически уже нарушили в чем-либо права восточных патриархов, как это, например, было в деле присоединения Киевской митрополии к Московскому патриархату. О каких-либо высших правах Греческой Церкви над русскою, о праве восточных патриархов вмешиваться в русскую церковную жизнь, играть относительно ее роль верховных руководителей и опекунов нет более и помина. Точно

так же у русских не является более мысли приглашать к себе греков, чтобы учиться у них, пользоваться в чем-либо их советами и указаниями, наоборот, русские стремятся теперь всячески оградить себя от вторжения в их среду греков. Архиепископ Амвросий в письме к Арсению Мацеевичу говорит, что надлежит «исходатайствовать на вдовствующия епархии настоящих пастырей, а не азиатских выходцев и афонских прелазатаев, за какое опущение нам ожидать неминуемого гнева Божия, на Страшном суде ответа»[503].

Чтобы объяснить, каким образом греки так быстро потеряли у нас всякое значение, недостаточно указать на нравственный характер их, не внушавший русским уважения и доверия, на их корыстолюбие, продажность, слишком заметное стремление эксплуатировать русских, на то обстоятельство, что греки и после Никона, являясь в Москву за милостынею, по-прежнему должны были всячески заискивать у русских, как у своих милостивцев и покровителей, вследствие чего русские по-прежнему относились к ним несколько свысока и покровительственно. Все эти условия в отношениях русских к грекам существовали и до Никона, и однако при Никоне они нисколько не помешали русским преклоняться перед греками, признавать их верховными судьями своих церковных дел, беспрекословно подчиняться им даже в тех случаях, где Русская Церковь была несогласна с практикою современной Греческой Церкви. Следовательно, в данном случае, кроме этих причин, существовали еще и другие особые причины, которые к концу XVII века окончательно подорвали у нас влияние и значение греков.

Церковная реформа Никона стала возможна именно потому, что прежние устои русской жизни, как они были намечены книжниками XV и начала XVI века, уже значительно пошатнулись, прежние идеалы и цели уже многих не удовлетворяли – жить только старым становилось все более невозможным, жизнь все более настойчиво требовала обновления и переустройства, причем все сильнее и сильнее начинала чувствоваться потребность в знании, нужда в науке и образовании, без которых и русским уже трудно было теперь

обходиться. Именно этим переломом, совершившимся тогда в русской жизни, – признанием несостоятельности и дальнейшей непригодности ее прежних основ, сознательным или несознательным стремлением к ее обновлению и переустройству (причем церковная реформа Никона была только частичным проявлением этого общего процесса), и объясняется то обстоятельство, что нелюбимые и подозреваемые в потере истинного благочестия греки получили, однако, в Москве такое влиятельное, преобладающее значение, что, по крайней мере в наших церковных делах, они сделались на некоторое время полными хозяевами и распорядителями. В них русские видели представителей православной науки, представителей высшего научного знания, они чаяли найти у них те силы, которые помогут русским переустроить свою жизнь сообразно новым нарождавшимся потребностям и задачам. Преклонение русских перед греками было естественным преклонением темного, необразованного человека перед человеком научно образованным, от которого он ожидает своего просвещения, решения возникших у него вопросов и недоумений, с которыми он не может справиться своими только силами. Раз греки уже сослужили великую службу русскому народу, просветив его христианством, воспитав его в строгой, беззаветной преданности Православию, теперь – в половине XVII века – русские ожидали от греков другой услуги – просвещения их наукою, которая бы дала им возможность возвысить уровень не только их религиозной, но и всей вообще жизни. И если бы греки сумели войти в смысл тех требований, которые тогда предъявляла к ним русская жизнь, если бы они в качестве людей высшего христианского образования и развития сумели внести в русскую церковную, смятенную разными нестроениями жизнь дух мира, любви и единения, если бы они приняли живое и деятельное участие в совершавшемся переломе русской жизни как просветительная, уряжающая сила, вносящая в темную народную жизнь свет науки и знания, выводящая ее на светлый путь, тогда они прочно и надолго утвердили бы свое преобладающее влияние на Руси, как это уже раз и было после принятия русскими христианства. Но

тогдашние греки были мало способны явиться на Руси просветительной и зиждительной силой, вестниками для русских иной, высшей и совершеннейшей, жизни, так как они сами были задавлены тяжелым, деморализующим народную жизнь рабством, сами нуждались в обновлении, в посторонней помощи и поддержке. Если у греков и была тогда наука, то не своя, а чужая, заимствованная с Запада, где они получали свое высшее научное образование. Но главное, греки не имели особой охоты делиться с русскими теми научными знаниями, которые они получали на Западе, вовсе не думали деятельно насаждать на Руси просвещение. Поэтому вполне было естественно, что греки не оправдали надежд русских, не дали им того, что те от них требовали; они воспользовались своим исключительным положением в Москве только для того, чтобы побольше нажиться от русских, разыграть относительно всей их прошлой самостоятельной, независимой от греков церковной жизни роль суровых неумолимых судей-карателей; они только величались перед русскими своею ученостью, своими знаниями, полученными в латинских школах, не привнося в то же время в русскую жизнь ничего способного возвысить ее. Правда, в сфере русского церковного обряда и чина были произведены греками некоторые перемены, но нельзя же, в самом деле, замену некоторых неважных самих по себе обрядов другими: двоеперстия – троеперстием, сугубой аллилуйи – трегубой и подобное, считать за такую серьезную церковную реформу, которая способна оказать возвышающее и просветляющее влияние на религиозную жизнь народа, находившуюся по большей части еще на уровне только внешнего формально-обрядового понимания христианства и отношения к нему. Правда и то, что греки торжественно и красноречиво заявляли в Москве о необходимости для русских науки и образования, советовали им открыть у себя школы, но дальше красноречивых заявлений и советов не пошли и в этом деле, так что и после 1667 года русские по-прежнему оставались без школы и науки. Таким образом все хозяйничанье греков в Москве не принесло русским никакой существенной пользы, а между тем оно обошлось им во всех отношениях слишком дорого, особенно же

для церковной жизни. Вместо мира и единства, доселе царившего в Русской Церкви, в ней явился раскол, вместо чаемого улучшения религиозной жизни русского народа в ней народилось небывалое доселе сектантство, все более и более удалявшееся от основ Православия и все сильнее заражавшее собою религиозно-нравственную жизнь нашего народа. Естественным последствием такого положения дел было полное разочарование большинства русских в пригодности греков к роли просветителей русских, к их способности содействовать русским в деле улучшения всей вообще русской жизни, в деле насаждения на Руси науки и образования. Тогда русские отстранились от греков и обратились к содействию тех, от кого и сами греки получили свое научное образование, т.е. к содействию Запада, куда уже давно направлялась мысль многих русских. Несмотря на крайнее предубеждение русских против всех западных народов как иноверных, их тяготение к образованному Западу начинает сказываться еще очень рано, но особенно оно усиливается после Смутного времени. Если беды, постигшие Русь в Смутное время, для одних (значительного большинства) были только наказанием за грехи и пороки народа, за расшатанность его религиозно-нравственной жизни, то для других (сначала значительного меньшинства) они были вместе с этим и естественным следствием отсутствия у русских тех специальных знаний, которые дают решительное преимущество перед русским народам, усвоившим себе западную науку. Отсюда в русской жизни после Смутного времени возникают два течения: одно хочет найти гарантии нормальной жизни государства и общества в усилении и строгом проведении в жизнь религиозно-нравственных требований, в безусловной верности всем церковным и народным традициям, в предохранении как церковной старины, так и всего народного быта от всяких изменений и новшеств; другое, не отрицая первого, начинает деятельно стремиться усвоить русским те знания, которые составляют основу могущества и силы западных государств, и с этою целью усиленно приглашает на Русь западных иностранцев как представителей разных профессиональных

знаний, искусств и ремесл. В самой Москве появляются целые слободы, населенные выходцами из разных западных государств, которые и служат посредниками между Западом и Русью, незаметно сближая их между собою и уничтожая то предубеждение, которое русские имели к западным народам. Но самое решительное влияние на сближение Москвы с Западом имели киевские ученые – сами ученики западных школ. Ученые киевляне приносили с собою в Москву западную науку, были сторонниками западной школы, они деятельно толкали на Запад и москвичей, побуждая их усвоять западную науку и устроить у себя школу по образцу западных. Но понятно само собою, что на первых порах западному влиянию невозможно было конкурировать, а тем более открыто бороться с греческим влиянием, которое имело за собою на Руси прочную, веками подготовленную почву, между тем как западная наука еще долго в глазах большинства русских была еретическою, враждебною Православию и даже прямо для него гибельною. Русские еще не отделяли тогда западной науки от вероисповедных западных особенностей и были убеждены, что вместе с западною наукой и учителями к ним перейдут и западные религиозные заблуждения. Только уже значительно позднее в лице киевских ученых русские в первый раз увидали соединение западной учености со строгим Православием и убедились, что можно учиться в западных школах и в то же время оставаться строго православным. Поэтому на первых порах, когда у русских проявилась потребность учиться и иметь собственную постоянную школу, они хотели учиться только у православных греков, только им они доверяли устроить в Москве школу и первоначальное учительство в ней. За Православие и полную благонадежность учителей-греков русским должны были ручаться сами восточные патриархи, которые, предполагалось, пошлют на Русь для насаждения в ней науки и образования людей хорошо им известных не только своею ученостию, но и своим строгим Православием и высокими нравственными качествами, какие подобает иметь всякому истинному учителю Православия. Но греки не сумели воспользоваться выгодами своего исключительного положения

– они не создали в Москве греческой школы, которая бы дала им возможность подчинить своему влиянию всю последующую духовную жизнь русских и предупредить или, по крайней мере, задержать их сближение с Западом: своим нерадением, своим равнодушным отношением к стремлениям русских завести у себя постоянную школу, которая бы служила рассадником образования на Руси, греки дали возможность утвердиться у нас западному влиянию, так что, когда они, заметив свою ошибку, вступили было потом в борьбу с западным влиянием, было уже поздно – их дело на Руси оказалось проигранным окончательно. В первый раз решение основать в Москве постоянную школу с помощью учителей-греков заявлено было в 1632 году, когда в Москве находился посланец Константинопольского патриарха Кирилла Лукариса, известный архимандрит Амфилохий. Царь и патриарх наказали ему, чтобы он попросил Лукариса приискать для московской школы подходящего православного учителя и прислал его в Москву. Но учитель сам неожиданно явился в Москву. Это был протосинкелл Александрийского патриарха Иосиф, ранее живший несколько лет в Южной России, где он изучил славянский язык. Это последнее обстоятельство делало его особенно пригодным как для переводных работ, так и для учительского дела. По просьбе царя и патриарха Иосиф решился остаться в Москве для перевода книг с греческого языка на славянский и для учительства во вновь устроенной школе на учительском дворе. В грамоте царя и патриарха к Иосифу сказано: «Протосингелу архимандриту Иосифу, будучи в нашем государстве нам служити… духовными делы, переводити ему греческия книги на славянский язык и учити на учительском дворе малых ребят греческаго языка и грамоте-де ему ж переводити с греческого языка на словенский на латинския ереси. А корму ему давати по полтине на день, да ему ж давати жалованья на всякий год по десяти аршин камки куфтерю, да по сороку куниц». Иосиф, поселившись в Москве, немедленно занялся переводом греческих книг на славянский язык. Кирилл Лукарис, выражая свое удовольствие, что Иосиф остался в Москве, и посылая царю книгу «Варинос, да Схолария, да

Геннадия, т.е. три библии (книги) против латин и еще другие три библии господина Мелетия, патриарха Александрийскаго», говорит в своей грамоте к царю, «а ныне бо протосингел Иосиф с тех книг перевод писал сколько может, как я писал ему в грамоте от себя, да велико-сильный Бог да сподобит и достальные те книги перевести». Очевидно, что Иосиф занят был в Москве главным образом переводами греческих книг, что не давало ему возможности всецело отдаться собственно школьному делу. Поэтому правительство не прекращало забот о приискании особого учителя для московской школы. В приведенной выше грамоте Кирилла Лука-риса государю и патриарху говорится: «Я ныне хотел было прислать к вам, великим государям, учителя Кириака от Св. Афонския горы, но он ехать не мог, потому что стар и бессилен. Сказывал мне архимандрит Амфилохий, чтобы прислать к нам, великим государям, иного учителя, и я буду впредь сыскивать»[504]. Но заботам Филарета Никитича об устройстве в Москве настоящей школы, руководимой хорошим учителем-греком, не суждено было осуществиться. В 1633 году Филарет Никитич умер, в том же или следующем году умер в Москве и протосинкелл Иосиф, а другого учителя, о чем так хлопотало наше правительство, Константинопольский патриарх не присылал к нам, несмотря на свое обещание «сыскивать его».

В 1645 году, по вступлении на престол Алексея Михайловича, вопрос об устройстве в Москве греческой школы снова был возбужден приезжавшим в Москву за милостынею палеопатрасским митрополитом Феофаном. В своей челобитной царю Феофан писал: «Да повелиши быть (в Москве) греческой печати и приехати греческому учителю учити русских детей философства и богословия греческаго языку и по русскому». Сам Феофан взялся подыскать и подходящего для такого дела человека и действительно нашел его в лице Константинопольского архимандрита Венедикта, который было и явился в Москву «для печати и учения». Но здесь Венедикт произвел крайне неприятное впечатление и был отослан назад. Причина этого заключалась в непозволительном самохвальстве, напыщенности и ученой надутости самого Венедикта, а также в

его мелочной притязательности, жадности и плутовстве. Высокопарные его грамоты к царю, в которых он величает себя «аз Венедикт, великий архимандрит, и учитель, и богослов Великой Церкви Константинопольской», в которых он неумеренно похваляется своим учительством, своими учеными занятиями и учительскими успехами, заставили правительство ответить ему довольно резко, с жестким обличением его учительского самохвальства[505]. Но не одним только самохвальством заявил себя в Москве великий учитель Венедикт. Явившись насаждать здесь науку и просвещение, чванясь и превозносясь своими учительскими талантами и успехами, он в то же время не стыдился подавать царю такие, например, челобитные: когда ему назначили поденное содержание обыкновенное, какое вообще полагалось архимандритам, – в два алтына, а архимандриту Александрийского патриарха, как представителю последнего, – в три алтына, он заявляет царю: «Аз богомолец твой твоим царским жалованьем, поденным кормом и питьем, оскорблен против своей братии... Александрийскому архимандриту по твоему государеву указу дано поденного корму по три алтына на день, а степени той александрийский архимандрит меня, богомольца твоего, меньши, потому что аз, богомолец твой, Вселенскаго патриарха архимандрит, а грамота мне дана от патриарха Вселенскаго и Иерусалимскаго и от всех соборов за вислою печатью». Или, например, такая характерная челобитная царю: «Много благодарю за твое государево жалованье сорок Соболев, но егда услышал, иже цена ему 20 рублев, и восплакахся, иже аз толико потерях что дал еловеку моему для грамоты, якже мне велели здесь (т.е. за написание грамоты по известной условной форме). Милосердый государь, пожалуй меня, богомольца своего государева, со слезами молю, вели государь тые сорок Соболев поценнее дати в сорок рублев, и сколько денег для ради пути, понеже имею много книг и икон, и да могу отвезти их в Царьград». Но этого мало. О Венедикте в Москве возникло целое соблазнительное дело, он обвинялся в составлении подложных грамот, в подделке подписи Александрийского патриарха и в заключение –

совместно с митрополитами Варнским, Силистрийским и архиепископом Элассонским, которые вместе с ним были в Москве, пограбить в Польше архимандритов этих иерархов, когда они будут возвращаться из Москвы с полученной от царя милостыней[506]. Не такого учителя хотели иметь в Москве…

Великий учитель Венедикт был отослан назад, а между тем нужда в устройстве постоянной школы чувствовалась в Москве все настоятельнее. В это время вокруг молодого царя сгруппировался целый кружок лиц, которые деятельно стремились подыскать на Востоке и в Малой России людей ученых и вместе строго православных, чтобы с их помощью водворить просвещение на Руси. Это были: царский духовник протопоп Благовещенского собора Стефан Вонифатьев, постельничий Феодор Ртищев и потом казанский протопоп Иван Неронов с братиею, к которой тесно примкнул и Никон. Это был кружок лиц по тогдашнему времени образованных и передовых, стремившихся улучшить всю тогдашнюю общественную и церковную жизнь, кружок по своим стремлениям и деятельности реформаторский. Входившие в состав его лица пользовались уважением и доверием молодого государя, который под их влиянием приглашает в Москву ученых киевлян и в то же время обращается с просьбою к восточным патриархам приискать подходящего учителя для московской школы и прислать его в Москву. Под влиянием толчка, данного кружком, и патриарх Иосиф поручает от себя греку Ивану Петрову приискать на Востоке подходящего учителя, что тот и исполнил. В 1649 году, будучи в Москве, Иван Петров доносил патриарху Иосифу: «Даю ведомость о некотором учителе смышленом эллинскому языку и рассудителя Евангельскому слову, и имя ему Мелетий, прозвище Сирих, что такова учителя второго не обретается во всей вселенной и ни в котором месте. И дал свое слово – хотел прийти сюда ко благочестивому царю и к святейшеству вашему, а будет изволение благочестиваго царя и великаго князя Алексея Михайловича, самодержца всея Руси, и произволением святительства вашего изволити дати грамоту мне, да он придет сюда, и челом бью, да мне о том учини указ и подай ответ»[507]. Но подходящий учитель сам неожиданно явился в Москву. В

январе 1649 года в Москву прибыл за милостынею Иерусалимский патриарх Паисий, при котором находился его дидаксал старец Арсений. Он оказался по тогдашнему времени человеком очень образованным, знавшим, что особенно важно, не только греческий и латинский, но и славянский язык, почему он и был для нашего правительства, занимавшегося тогда розысками подходящего учителя, настоящею находкою. За религиозную и нравственную благонадежность Арсения вполне ручалось то обстоятельство, что не мог же Иерусалимский патриарх иметь у себя дидаскалом человека сомнительного Православия и нравственно неблагонадежного. С согласия и одобрения Паисия Арсений был оставлен в Москве в качестве учителя риторики. Но учительствовать Арсению пришлось недолго. Сам патриарх Паисий, выехав из Москвы, прислал туда из Киева на своего дидаскала донос, из которого оказалось, что Арсений был воспитанник иезуитов, что он несколько раз менял свою веру и православным его назвать нельзя, а, скорее, еретиком. Произведенное дознание подтвердило этот донос, и Арсений вместо учительства попал на Соловки под крепкий начал. Так и на этот раз не удалось устроить в Москве греческую школу вследствие крайней неблагонадежности рекомендованного Иерусалимским патриархом учителя[508].

Неудача устроить в Москве школу с помощью дидаскала Иерусалимского патриарха, грека Арсения, не остановила, однако, дальнейших попыток нашего правительства найти на Востоке учителя, пригодного для московской школы. По просьбе царя этим делом занялись восточные патриархи, которые, наконец, уже в 1653 году, когда патриархом сделался Никон, прислали со своими рекомендательными грамотами такого учителя, который удовлетворял, по-видимому, всем требованиям русских. Это был митрополит Навпакта и Арты Гавриил. О нем Иерусалимский патриарх Паисий писал государю: «Повелели нам, богомольцу вашему, радети и обрести единого учителя премудраго и православнаго и не имел бы никакого пороку во благочестивой вере и был бы далече от еретиков и послати б и нам иво ко святому вашему царствию

поклонитися, да учинить учительство и учить эллинский язык, якоже она есть древня от иных язык, понеже она корень и источник иным.

И сего ради избрали есми достойнаго в таком деле, яко сего преосвященного митрополита Навпакта и Арты, пречестнаго экзарха всея Италии, премудраго учителя и богослова Великия Церкви Христовы, о Святом Духе возлюбленнаго брата нашего и сослужителя нашего смирения, господина Гавриила Власия, якоже такова в нынешних временах в роде нашем не во многих обретаетца. И будучи в таком деянии и мудрости и разуме, почтил его блаженнейший патриарх Александрийский Иоаникей, о Святом Духе возлюбленный брат и сослужитель нашего смирения, а мы почтили иво и наместником своим учинили со властию; в котором месте не будет отвещати за нас во всех благочестивых вопросех православные нашие веры. И объявляючи боголюбезную мысль святаго вашего царствия, понудили его прийти для любви великаго вашего царствия, аще и труды понести и многие убытки приняти и погибель живота своего, токмо идет на поклонение со прочими своими видети ваши царские очи и совершити дело с великим радением, что желает святое ваше царство – и великаго достоинства. Посем бьем челом великому вашему царствию, да восприемлеши его со отверстыми недрами любительно и человеколюбно и почтиши его, яко наместника нашего – двух патриархов. А какову честь ему учините, и та честь нам воздается, и для небеснаго и превышнего Бога пожалуйте его, как Бог известит великому вашему царствию, не яко иных, но боле того, потому что иной такой митрополит преже сего в ваши страны не приезживал. А только будет производит ваше царствие быть учительству, якоже выше сего рекли есми, и он готов есмь побыти, колико время ему возможно, а мы ему такоже обещалися, что ему имети волю свою, а будет благодарить великое ваше царствие. И он побудет и многое время, покаместа ученики от него отойдут, и противлятися будут с еретиками и ответ будут давать обо всяком вопросе, и будет благодариться великое ваше царствие и все бояре и князи, и будеши оставити вечное воспоминание в похвалу и славу от

всех царств и королевств. А будет не изволит царствие ваше быти учительству, и мы бьем челом, чтобы ему побыть, покаместа он похочет, а святое ваше царствие пожалуйте его своим царским жалованьем милостынею, чтоб ему с вашим царским жалованьем приехати к себе и покой свой получити и легость обрести от долгов своих, что имеет, а он да будет должен всегда молити всемогущего Бога о вашем царском многолетном здравии, якоже и прочий архиереи». Со своей стороны, и Константинопольский патриарх Иоанникий писал царю о митрополите, что посылает его к царю на недолгое время и что этот Гавриил «и богослов, и православный в роде нашем, и что произволит великое ваше царствие от него вопросити от богословия и изыскания церковнаго, о том будет ответ держати благочестно и православно, якоже восприяша благочестивая Христова Великая Апостольская и Восточная Церковь, такоже и блаженнейшие о Святом Духе возлюбленнии братья и сослужители нашего смирения Александрийский патриарх господин Иоанникий и Еросалимский господин Паисий избрали ево наместника своего и в грамоте своих о том объявлен. И того ради молим великого вашего царствия, да восприимлете его любительно отверстыми недры и честь ему повелите воздати не тако, яко инем, которые завсегда приходят к вашему царскому величеству, но того ради, что он послан от нас и от прочих двух блаженнейших патриархов – Александрийскаго и Бросалимскаго, и есть верный и древний друг и богомолец теплый блаженной памяти отцу вашему, святому царю и государю и великому князю Михаилу Феодоровичу всея Русии, также и святому вашему царствию, да он же прислал к великому вашему царствию две книги эллинским и словенским языком».

Наконец, митрополита Гавриила рекомендовали государю особыми грамотами молдавский воевода Василий и Хмельницкий. Но и помимо этих рекомендаций наше правительство знало Гавриила Власия, который ранее жил в Молдавии в качестве учителя и не раз присылал в Москву, как доброхот русских, отписки с политическими вестями. Кроме того, ранее он прислал в Москву две книги: одна Мелетия,

Александрийского патриарха, против иудеев, другая – грамматика, причем в тех книгах на одной стороне писано эллинским языком, а на другой по-славянски. Таким образом, митрополит Гавриил удовлетворял, по-видимому, всем требованиям, чтобы сделаться учителем в Москве: об его Православии, выдающейся учености и способности к учительству торжественно свидетельствовали своими грамотами сами восточные патриархи, он был известным испытанным доброхотом русского правительства, он знал славянский язык и уже ранее присылал в Москву книги, писанные на греческом и славянском языках. Несмотря, однако, на все это, Гавриил не остался в Москве, а был отослан назад. Можно думать, что русские не пожелали иметь у себя такого важного и сановитого человека, каким был Гавриил Власий, наместник двух патриархов и экзарх Италии, которого сами патриархи просили принять с особою честию и вниманием, – такой человек действительно для московской школы был уже слишком велик. Кроме того, Гавриил ехал в Москву только на время, с правом оставить ее, когда захочет, и ехал, кажется, не столько для учительства, сколько для того, чтобы ответ держать, «что его спросят от богословия и изыскания церковнаго». Очевидно, что прения Арсения Суханова с греками о вере произвели впечатление на восточных патриархов и они посылали теперь в Москву митрополита Гавриила в качестве чрезвычайного уполномоченного, не для учительства собственно, а для того, «что если произволит великое ваше царствие от него вопросити от богословия и изыскания церковнаго, и он о том будет ответ держати благочестно и православно, якоже восприяла благочестивая Христова Великая Апостольская и Восточная Церковь», т.е. патриархи посылали в Москву митрополита Гавриила именно с целью разрешить те недоумения, которые вызывали у греков и русских некоторые разности в их церковных обрядах и чинах. Как митрополит исполнил эту свою миссию, остается неизвестным, но кажется, что государь не производил вопрошать его от богословия и изыскания церковного, хотя возможно, что с патриархом Никоном он и вел беседу относительно разных церковных

вопросов, конечно оправдывая перед ним все особенности греческого обряда и чина, в чем они расходились с русскими. Как бы то ни было, только митрополит Гавриил не был таким учителем, какого хотели иметь у себя русские и о приискании которого они так усиленно просили патриархов. Это сознавали и сами патриархи, которые ожидали, что Гавриил не будет оставлен в Москве для учительства, почему в своих грамотах и просили государя наделить его при отпуске возможно щедрою милостынею; о присылке же другого, более подходящего человека, который бы мог всецело посвятить себя учительскому делу на Руси, они, по обычаю, не позаботились. Впрочем, и в самой Москве все правительственные заботы и хлопоты об устройстве постоянной греческой школы решительно прекратились, как скоро на патриаршую кафедру вошел Никон, который отослал назад митрополита Гавриила и окончательно снял с очереди вопрос об устройства в Москве школы, так что ему суждено было опять возникнуть и наконец осуществиться только уже в восьмидесятых годах XVII столетия. Правда, во время хозяйничанья у нас гречан, после удаления с патриаршей кафедры Никона приезжие греки не раз красноречиво говорили о необходимости устройства в Москве и по другим городам школ, где бы русские могли получать образование. Так, Паисий Лигарид писал государю: «Ты убо, о пресветлый царю, подражай Феодосиям, Юстинианам и созижди зде училища ради остроумных младенец, к учению трех язык коренных, наипаче: греческаго, латинскаго и славенскаго, имаши бо, о благочестивейший царю, под своею крепкою рукою толико пребогатые митрополии, толико преизобилующия архиепископии, толикая величайшая монастыри. Молю, да повел иши, воеже бо кождо сих начальников, по мере своих приходов толико имел питомцев и толико клирик пропитати тщился, ради изучения сих трех языков. Подобное и архимандритове монастырей ти царских тоежде сотворят». Паисий объясняет царю, что он, раздумывая о причинах, которые вызвали появление в Русской Церкви раскола, нашел, что все зло произошло от двух причин: от того, что нет народных училищ и библиотек. Если бы меня спросили: какие

столпы Церкви и государства? – я бы отвечал: «Во-первых, училища, во-вторых, училища и, в-третьих, училища». Со своей стороны, и восточные патриархи, судившие в Москве Никона и его противников, поучали царя и народ «взыскать премудрости». «Видим, – говорили они, – яко во мнозех от вас не имеет премудрость места, идеже главу приклонити... Оставивше греческий язык и небрегуще о нем, оставили есте и мудрость и аки оземствовасте (изгнали) ю. Страннии рода и противнии вере православной, на западе живущий, греческий язык яко светильник держат, ради мудрости его и училища его назидают. Арапове же не хиротонисают и единого не искусна суща греческому языку. И тии роди премнози за корень премудрости эллинский наш язык имеют, и того ради Святый Боже, херувимскую песнь поют по-гречески и возгласы эллинским языком творят, яко же грузи, серби, болгаре, мултяне и волоси. Зде точию лености ради зело обезценися (греческий язык). Взыщите же ее (премудрости) толь мощне, яко же искаху ее велиции вселенные учители: Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Афанасий Великий, Дионисий Ареопагит, Иоанн Дамаскин и инии многочисленнии святильницы Церкве. Ниже отрицайтеся неимением училища: ибо аще взыщете, даст предвечная мудрость до сердца благочестиваго самодержца таково хотение, еже училище построити и учители стяжати в сем царствующем богоспасаемом граде Москве»[509]. Конечно, эти поучения были хороши. Но дело в том, что московское правительство в них вовсе не нуждалось, так как оно давно не только сознало нужду для русских науки и образования, необходимость устройства в Москве именно греческой школы, но и не раз, как мы видели, обращалось к восточным патриархам с просьбою прислать в Москву для устройства школы и учительства в ней образованных, пригодных для этой цели греков. Следовательно, Паисию Лигариду и восточным патриархам нужно было не поучать русских о пользе и необходимости для них образования, а дать им хороших учителей-греков и самым делом помочь русским устроить в Москве школу, так как русские нуждались именно в людях, требовали самого дела, а не

поучений, хотя бы красноречивых и очень эффектных. Но ораторы не пошли далее слов, и Москва по-прежнему осталась без учителей и школы.

В то время когда греки так равнодушно и безучастно относились к попыткам нашего правительства устроить в Москве греческую школу, когда они присылали к нам учителей или совершенно негодных, или же и совсем их не присылали, несмотря на все просьбы об этом нашего правительства, русские обратили свое внимание на Малую Россию, сближение с которой началось у нас еще вскоре после Смутного времени и с течением времени все более усиливалось. В 1649 году любимец царя Федор Михайлович Ртищев устроил близ Воробьевых гор Андреевский монастырь, в котором поселены были иноки, вызванные из монастырей южнорусских. В то же время Ртищев пригласил из Киевской Лавры несколько ученых иноков «для обучения русских свободным наукам». В это же время и правительство вызвало в Москву нескольких ученых киевлян между прочим для перевода Священного Писания с греческого языка на славянский. Таким образом, с половины XVII века в Москве поселяются киевские ученые, число которых с течением времени все увеличивается. Они естественно становятся в Москве центрами ученой и образовательной деятельности и оказывают необходимо могучее влияние на умственную жизнь передового русского общества. Других ученых, кроме киевлян, в Москве не было, поэтому они одни могли удовлетворять и действительно удовлетворяли пробудившейся у москвичей потребности в научном знании и образовании, благодаря чему киевляне успели создать себе в Москве прочное и влиятельное положение, так что один из них, Симеон Полоцкий, сделался даже учителем самого наследника престола и стал вообще очень близко к членам царского дома. Так создалось и укрепилось у нас влияние и ученое значение киевлян, долгое время действовавшие в Москве без всякой помехи и конкуренции с чьей бы то ни было стороны греки сами устранились от той деятельности, на которую так усиленно приглашали было их русские, они сами уступили свое место в Москве киевлянам, воспитанникам и сторонникам западной

школы. Естественным последствием такого положения дела было то, что когда сознание необходимости создать школу в Москве снова пробудилось, то проект этой школы теперь был составлен уже киевлянами по образцу хорошо им известных западных школ, причем самое устройство школы и учительство в ней должны были попасть в руки киевлян, так как иных людей, способных к учительству, у нас тогда не было. Учреждение в Москве школы по проекту киевлян сразу бы утвердило у нас господство латинской школы, при которой уже не было бы места грекам. Но и на этот раз обстоятельства поблагоприятствовали грекам и дали им возможность исправить свои прежние упущения относительно русской школы, дали им возможность захватить дело учительства в Москве в свои руки. Против киевлян в Москве образовалась сильная партия, во главе которой стоял сам патриарх Иоаким, нерасположенный к латинской учености киевлян и даже прямо обвинявший их в латинстве. Он решился вовсе устранить киевлян от учительства в московской школе, вручив преподавание в ней православным ученым грекам, чтобы устраиваемая школа в Москве была строго православная, чуждая всякой латинской закваски, какою, казалось, была пропитана вся киевская ученость, сбивавшаяся даже по некоторым пунктам вероучения в латинскую сторону. Как и в былые времена, патриарх Иоаким обратился с просьбою к восточным патриархам, чтобы они прислали в Москву ученых греков, которые бы устроили в Москве школу и были в ней учителями. На этот раз восточные патриархи исполнили обращенную к ним просьбу, в Москву для учительства явились братья Лихуды, которые, по мысли восточных и Московского патриархов, должны были уничтожить в Москве влияние и значение латинствующих киевлян и придать московской школе чисто греческий характер. Таким образом, учительство во вновь устроенной школе в Москве попало в руки греков, которые через это получили полную возможность влиять на всю дальнейшую умственную жизнь русских; значение киевлян в Москве как людей науки должно было пасть и замениться значением ученых греков. Но в действительности этого не случилось, да и не могло случиться.

Дело в том, что у греков не было своей собственной высшей школы, где бы они могли получать высшее научное образование. Для этого сами греки принуждены были отправляться на Запад и учиться в тамошних школах, так что вся их ученость была по существу западная, вынесенная ими большею частик» из латинских школ. Ввиду этого учитель-грек в Москве мог быть и действительно был только посредником в передаче западной науки на Русь, его ученое значение ничем существенно не отличалось от такого же значения киевлян, он мог преподавать в Москве только такие науки и так, каким и как он сам обучился в той же западной школе, в которой учились и киевляне. Следовательно, все, что грек мог привнести в московскую школу специально греческого, заключалось единственно в преподавании наук на греческом языке вместо латинского, тем более что и самая верность Православию не могла в действительности считаться принадлежностью только грека, ибо как не все киевские ученые сбивались на латинскую сторону, так, наоборот, между учеными из греков находилось немало и таких, которые заражены были латинством, а иногда и протестантством. Понятно поэтому, что Лихуды, сами воспитанники западной школы, явившись в Москву для учительства, стали преподавать в московской школе тот круг наук, какой принят был тогда в западных школах, причем метод и порядок преподавания был опять только сколком с западной школы с тем лишь отличием, что преподавание велось главным образом на греческом языке, изучение которого стояло на первом месте. Но изучение и отчасти само преподавание на греческом языке не могло быть особенно устойчивым и продолжительным, не могло придать московской школе какой-либо особый, специально греческий характер. Хотя восточные патриархи, по словам Досифея, отпуская Лихудов в Москву для учительства, и дали им строгий наказ учить в московской школе только по-гречески и ни под каким видом не обучать латинскому языку, однако Лихуды не выполнили этот наказ патриархов. Наряду с греческим языком они стали преподавать в московской школе и латинский, одни науки они читали на греческом языке, другие на латинском[510], так что школа носила

смешанный греко-латинский характер, с преобладанием, впрочем, греческого языка. Понятно, почему Лихуды вопреки наказу патриархов стали преподавать в Москве и латинский язык. Языком школы и науки в то время был язык латинский, а не греческий, так что в деле сколько-нибудь серьезного научного образования латинский язык был тогда решительно необходим – ученый без знания греческого языка был тогда возможен, без знания латинского почти немыслим. А так как русские, конечно, хотели иметь у себя настоящую ученость и Лихуды как серьезные ученые не прочь были вести дело в московской школе по-настоящему, то они вместе с греческим языком обязательно стали учить русских и латинскому, языку тогдашней науки. Таким образом, греческий характер первой московской школы по самому уже существу дела не мог быть особенно устойчивым и продолжительным, как приданный по случайным сторонним ей побуждениям, хотя при учителях-греках он мог бы продержаться гораздо дольше, нежели как это было в действительности. Сами греки своими обычными распрями и интригами сделали то, что их очень скоро устранили от учительства в московской школе, которое естественно перешло затем в руки воспитанников западной латинской школы.

Тот же самый Иерусалимский патриарх Досифей, который прислал в Москву Лихудов, ручаясь за их полную религиозно-нравственную благонадежность и способность к учительству, который требовал от Лихудов, чтобы они преподавали в Москве только один греческий язык, скоро поссорился с Лихудами и стал всячески добиваться, чтобы их устранили из московской школы как людей совершенно негодных для учительства в ней. Досифей в этом случае руководился личными счетами с Лихудами, которые возбудили его ненависть и гнев некоторыми своими поступками, не имевшими, впрочем, прямого отношения к школе и преподаванию в ней. Первый повод к столкновению Лихудов с Досифеем подало наследство, оставшееся после известного иеродиакона грека Мелетия. Лихуды, сделавшись душеприказчиками Мелетия, согласно его завещанию, употребили оставленные им деньги на постройку Заиконоспасского училища. Между тем Досифей утверждал, что

Мелетий завещал свое имущество Святому Гробу, так что, по его мнению, Лихуды «учинили лукавство, взяв столько богатств диакона Мелетия», и что будто бы они ездили из Москвы в Венецию торговать на деньги Мелетия, принадлежавшие Святому Гробу. Дело о наследстве Мелетия повело к дальнейшим столкновениям Досифея с Лихудами, которые, заручившись в Москве влиятельным положением, стали покровительствовать приезжавшим в Москву грекам, по преимуществу тем, которых почему-либо преследовал Досифей. Это особенно резко сказалось в деле андрусского епископа Акакия, или Арсения, называвшего себя родственником Досифея, который, однако, его преследовал, а Лихуды открыто взяли его под свою защиту, старались оправдать Акакия от тех обвинений, которые возводил на него Досифей[511].

Покровительствуя в Москве гонимым Досифеем, Лихуды, наоборот, старались вредить его доверенным лицам, которых он посылал в Москву. Так, его племянник, архимандрит Хрисанф, был принят в Москве, по его мнению, довольно холодно, что он прямо объяснил враждебными ему происками Лихудов. Раздражало Досифея и то обстоятельство, что Лихуды заняли в Москве вообще видное влиятельное положение, так что пользовались особым вниманием и доверием правительства, а между тем они держали себя относительно Досифея совершенно независимо, не желали ему подчиняться ни в чем и даже в некоторых случаях открыто и смело противодействовали ему, чего никогда и ни от кого не мог выносить Досифей, человек, по отзыву Спафария, «запальчивый такой, что и в алтаре никому не спустит». Досифей решился во что бы то ни стало подорвать в Москве значение враждебных ему Лихудов и удалить их от преподавания в московской школе. Он стал доказывать русскому правительству, что Лихуды неправильно и небрежно ведут дело преподавания в московской школе и не оправдывают тех надежд, которые возлагались на них патриархами, когда они отправляли их в Москву для учительства. «Мы, и святой Константинопольский патриарх, и весь Собор, – писал Досифей в Москву, – приказали им, чтобы

не учили в школе латинскаго языка и учения, опричь эллинскаго, а они, приехав тамо, творили и чинят все противно. В толикие лета, – продолжает Досифей, что живут (в Москве), довелось было им иметь учеников многих и учити б граматику и иные учения, а они забавляются около физики и философии, и из учеников не только кто учинился учитель, но которые что и учили, и то недобре памятствуют, понеже без прилежания им учение предавали». Затем Досифей, действуя на вероисповедные опасения русских, усиленно старается доказать, что чистота Православия русских подвергнется неминуемой опасности, если они будут изучать в школе латинский язык. «Латины, – пишет Досифей, – от того времени, что отлучились от Кафолические Церкве, учинили многие обновления и потом, учившеся эллинскую мудрость, многие книги писали льстивою мудростию и оправдают себя, в которых и всякую добродетель отлагают и всякое зло прощают, токмо на то смотрят, чтоб прельстити простых принимати папежскую веру, тожде рещи – безбожество. Второе: кальвины люторяны, которые суть нечестивейшие всех еретиков и притворяются, будто делают, как повелевает Святое Писание, однако и они пишут на тайна и на святые отцы многие книги мудропрелестные и вымышленные, дабы могли прельстити простейших. Третие: паписты и кальвины имеют меж собою многих безбожных, которые писали и пишут многие книги по учению безбожного Епикура, и учат многими лукавствы безбожества. Четвертое: тот езувит, которой прежде всех был в Китайском царстве, тот был утаенный и нечестивой, сего ради и притворялся, будто пишет историю государства того, а меж тем пишет, что имеют китайцы лета начало от осми сот тысяч лет и иные такие безбожности блядословит. Пятое: паписты пишуще утвердити новые свои вымыслы, иногда святых зле протолкуют, а иногда оклеветают их и Святое Писание зло протолкуют, иными лукавствы и неведомыми историями радеют утвердити ереси свои, и сия вся кто прочтет, суще немудрый и неученый, чтоб мог рассудите – прельщается, обманывается и сердце его остужается и падает в сумнение веры. Сего ради приснопамятные цари Константин, и Феодосии, и Маркиан, и

Устиниан великие писали указы крепкие, чтоб жгли книги Порфирия, Фемистия, Ариевы, Несториевы и прочих еретиков. Приснопамятный святый и самодержец, Богом блаженный и почтенный отец ваш, чрез Мелетия-диакона присылал сюда и взял книги всех соборов – изволите указать смотрити в них и сыщите, яко истинность, что мы пишем. Тако подобает и вашему, великому и святому царствию, божественнейшие и боговенчанные самодержцы, яко да возбраните учение латинское от школы, потому что на латинском языке многие суть ереси и безбожества. Паче же святые самодержцы имеют и иное превелие имя, еже есть «дефенсоры», се есть оборонители веры, т.е. отмстители православный веры, сего ради имеют должность неотменную попещися наипаче в духовные дела, нежели в гражданских, чтобы не поволили учинитися какому обновлению в церквах и не повелите учинити какое дело, от которого будет вредительство. Маркиан-царь в сакре своей к святому Собору, иже в Халкидоне, пишет: вятще мним быти всех дел гражданских святые и православные веры попечение. Довольно есть, чтоб толкователи (переводчики) были латинского языка для единой только службы пречестного престола царского, а чтоб в школе латинского языка не учили, ниже прочитати – такой указ учинити и тако блаженнейшие владыки и пречестные самодержцы, будучи подражатели приснопамятных самодержцев православных, и будете наследниками в горнем Иерусалиме»[512]. Доказывая, что латинский язык ни под каким видом не должен преподаваться в московской школе, Досифей в то же время настоятельно требовал, чтобы в школе изучали обязательно только греческий язык, который имеет всевозможные преимущества перед латинским. Эту мысль Досифей подробно развивает в своем письме к дьяку Полянскому в 1702 году. Он пишет ему: «Сказавшему честности вашей, чтобы не учили детей ваших по-эллински, а по-латыни, скажи, во-первых, что древлесвятое Писание Дух Святый на эллинский язык предложил, а не на иный. Скажи второе, что язык сей предпочитает и употребляет во свидетельство не только вся Кафолическая Христова Церковь, но и сами еретики, понуждаемые истиною. Скажи

третие, что святое Евангелие и Деяния апостольские и послания святых апостолов эллински написаны. Скажи четвертое: на Вселенских Соборах эллины собирались, а французов, бывших два или три и не больше, эллински писали их деяния и каноны. Скажи пятое: избранные из отцов были эллины. Скажи шестое: восточные отцы суть западных учители. Скажи седьмое: заповеди и каноны святых апостол эллински написаны. Скажи осьмое: Символ апостольский и Символ Перваго Вселенскаго Собора и пределы прочих Вселенских Соборов эллински написаны. Девятое: церковные историки древние эллины были. Десятое: божественные обычаи, типы и утверждения самодержцев о вере и Вселенских Соборов эллински написаны. Одиннадцатое: самый язык латинский половина есть языка греческого. Итак, несравненно предпочитается эллинский язык латинскому, а кто предпочитает латинский, тот еретик и нечестивый, ради сказаннаго выше, и еще: поскольку на латинском языке написаны суть такие ереси наипаче без божества, по семь и в политических и в нынешних, т.е. грамматических, геометрических и астрономических, эллины суть учители латин, и как от церковных латины отпали и удалились, так и внешнее раздрали и осквернили. Глаголющий честности вашей учить детей твоих по-латыни есть еретик и обольститель самого себя, ибо не может сотворить в Московии то, что намеревается. Богу благоволящу, возбудятся стражи Кафолические Церкви Христовы, и все тут сущие возчувствуют обоняние смерти, скрытое в обонянии жизни, и попрут его ногами и сокрушат. Благочестивейший царь, первый страж и защититель святыя веры и изящная глава Кафолическия Церкви, очистит гумно свое, преданное и вверенное божественности его от всевышнего Бога, и солому, т.е. новоизобретателей и лицемеров, сожжет неугасаемым огнем, погубляя их всячески, пшеницу же святыя веры сохранит, как приял, и необновляемую, и непоколебимую[513].

Таким образом, Досифей преподавание в московской школе языков греческого и латинского ставил в прямую тесную связь с интересами Православия, которые, по его мнению, должны были необходимо пострадать на Руси, если в ее школах будут

изучать латинский язык, это орудие еретиков и безбожников. Внушения Досифея, возбуждавшие вероисповедные опасения русских, произвели, наконец, свое действие в Москве. Лихуды были отстранены от учительства, и латинский язык был изгнан из московской школы. Но это продолжалось очень недолго, всего три-четыре года, и затем гонимый язык снова водворяется в московской школе как язык науки и неизбежно занимает в ней первенствующее, господствующее положение вместо греческого. Очевидно, что греческое направление московской школы могло держаться под тем непременным условием, если бы в школе учительство находилось в руках греков, и притом довольно значительное время, которое бы дало возможность утвердиться и окрепнуть у нас греческому направлению. Лихуды во время своего учительства в школе, не изгоняя латинского языка, как необходимого для получения серьезного научного образования, дали, однако, решительный перевес греческому, их ученики были больше знатоками и приверженцами греческого языка, чем латинского, и останься Лихуды во главе московской школы, они воспитали бы, вероятно, целое поколение русских ученых с греческим направлением, за которое стояли и наши патриархи, подозрительно относившиеся к латинскому образованию[514]. Но Лихуды были отстранены от учительства благодаря энергичным настояниям Досифея, который преследовал ученых братьев только по личным побуждениям, не обращая внимания на те неизбежные последствия, которыми должно было сопровождаться удаление Лихудов из московской школы. Позволительно было по крайней мере ожидать, что Досифей, изгнав из московской школы Лихудов, постарается сейчас же на их место прислать в Москву других учителей-греков, чтобы преподавание в школе не перешло к приверженцам латинского направления. Но Досифей, достигнув своей цели – удаления из школы его личных врагов, не присылал уже более в Москву учителей-греков, несмотря на неоднократные просьбы к нему об этом патриарха Адриана. Следствия такого положения дел были понятны: московская школа, лишившись учителей-греков, должна была или закрыться, или перейти в руки лиц, получивших западное

латинское образование, которые или вовсе не знали греческого языка, или предпочитали ему латинский, который с 1700 года, со вступления в управление академии Палладия Роговского, действительно и сделался в московской школе господствующим, придав ей окончательно латинский характер. Нельзя не сознаться, что сам Досифей своею борьбою с Лихудами, окончившеюся удалением последних от учительства, своим нежеланием прислать в Москву на место их других учителей-греков как нельзя более содействовал торжеству у нас западного влияния, враждебного грекам и всему греческому. Но ревностный Досифей не думал, конечно, признаваться в ошибочности своего образа действий относительно московской школы и в своем непонимании происходившего тогда на Руси. В то же время он не хотел остаться и спокойным зрителем все более расширявшегося у нас западного влияния. Наконец, он отыскал, казалось, главного виновника зла, против которого и не замедлил ополчиться. Весь гнев Досифея обрушился теперь на местоблюстителя патриаршего престола Стефана Яворского, который, по его мнению, и был главною и единственною причиною господства латинского направления в московской школе и усиления у нас западного влияния. Яворский, по убеждению Досифея, будто бы заражен был латинством и ненавидел греков. Досифей прислал Яворскому грамоту от 15 ноября 1703 года, в которой укоряет его в том, что будто бы он «на некоторой трапезе со многими прохлаждался», причем присутствовали и некоторые греки, «опорочил Восточную Церковь о совершении святейшия тайны благодаренья, говорил еси явно, что греки говорят тое и другое», что своим знанием латинского языка он пользуется не для обличения «латинских басней», а чтобы смело и дерзостно писать против Восточной Церкви, как это видно из его сочинений, которые теперь находятся в руках Досифея; что Яворский, еще будучи учителем в киевской школе, «положения общая издал еси противная явно совершению святыя тайны божественнаго благодарения и иных неких. А теперь в Москве вконец греческое училище стерл еси и токмо о латинских старается, поставив учителей в иных убо едва благоговейных и честных, обаче в догматах строптивых,

яко-же от тебя научившеся немудрствовать право о мнозех». Далее Досифей объясняет, что он писал уже государю, чтобы не ставил в Москве патриархом ни грека, ни кого-либо из Малой и Белой России, учившегося в странах и школах латинских, а только природного москвича. Грек неудобен для московского патриаршества уже по тому одному, что он иноязычен, а малороссы потому, что, живя с латинами, «приемлют многие нравы и догматы оных, чему живым примером служит сам Яворский. Поэтому патриарх должен быть природным москвичом, так как патриархи московские всегда были строго православны, никогда не уклонялись «ниже направо, ниже налево». Между тем с переходом церковного управления на Руси в руки Стефана в церквах уже объявились веяния, которые Восточная Церковь, сиречь Кафолическая Церковь, всегда отметала и отгоняла, и он, Стефан, боится обличать нововводителей, что смело делал патриарх Иоаким. Поэтому-то Московским патриархом и должен быть только москвич, хотя бы и немудрый в церковных делах, довольно есть и то, чтобы был разумный, и смиренный, и жития благочестивого, и имея окрест себя мудрых, си-речь ведомых церковных нравов и догматов. В заключение Досифей пишет Яворскому, что если он воистину исправится и докажет и словом, и делом свое строгое Православие, «будешь и от нас и от прочих братии (признан как) искренний архиерей и превозлюбленнейпшй брат», но, прибавляет Досифей, под условием удовольствоваться «токмо тем чином, который выше получил еси, не желая ничего болыпаго», т.е. патриаршества, в противном случае, т.е. если бы Стефан и сделался патриархом, то, говорит Досифей, «хотя бы и казался во всем православным, ниже мы, ниже прочие святейшие патриархи без церковнаго негодования и полезной епитимий будем терпети (тебя) во пристойном (до удобного) времени». Но эта гневная и грозная грамота Досифея не достигла своей цели: Яворский по-прежнему оставался местоблюстителем патриаршего престола, и казалось даже вероятным, что он сделается Московским патриархом. Тогда Досифей решился воздействовать уже прямо на царя. В 1705 году он прислал государю обличительную грамоту, которую он в

1703 году послал Яворскому, с тем чтобы государь прочел ее «и выразумев укорителя и хульника восточныя, тож-де рещи, Кафолическия Церкви ругателя и хульника отцев и праотцев наших, ругателя и хульника святых, да сотворит отмщение блаженных отцев и праотцев ваших и всех православных, и да не понесете тое, еже оставити его в такой чести, хотя и вспокается и напишет противная в книгах хуления своего, в тех да умолчает, и от чести наместничества пречестныя да лишается. А какие суть хулы его – объемлет книга, которая напечатана в мултянской земле и подписана на имя вашея великия и самодержавныя державы». Затем Досифей, как и в грамоте в Яворскому, пишет царю, чтобы «патриарх не был избран из казаков, малороссиян, сербян и греков, а только из природных москвичей и чтоб он был стар и добраго гражданства (жизни) и чтобы был такой человек, который заботился бы об одной Церкви, а от политических дел был бы отлучен и не писался бы господин и патриарх, а только архиепископ и патриарх, и хотя будет философ, довольно ему знать церковное, ибо может иметь архиереев или клириков мудрых, служащих ему. Есть тут и другое: москвитяне патриархи как Церкви, так и царству не бывают наветниками и предателями, и еще: да не явится в мире, что не осталось потребных людей из москвитян, а возводятся странные на патриарший престол»[515]. Далее Досифей писал государю: «Да повелите святейшему патриарху, его же будет предводить Божия благодать: что отнележе упокоится о Господе блаженнейший и приснопамятный самодержец государь Алексей Михайлович, прежеланный отец высокаго и великаго твоего царствия: елика установишася в Церкви, яко же ваянная и оные комедии, которые составлены от некоторых в праздники – игры папежские и из сердца дьявольскаго произведенные, или что иное причинилося, хотя велико, хотя не велико, дабы имел власть и указ святейший патриарх истребить тоя из Церкви, и токмо бы оставил оная, яже беша древняя и отечественная»[516]. Очевидно, Досифей, так усердно вмешивавшийся в русскую жизнь и так охотно поучавший даже самих государей, как им следует поступать в том или другом случае, решительно не

понимал поучаемого им Великого Петра, тех целей и задач, которые тот преследовал в своей деятельности, не понимал того переворота, какой совершался тогда во всей русской жизни под водительством энергичного гениального царя, всеми силами и средствами стремившегося, вопреки поучениям Досифея, теснее сблизить Россию с образованным Западом. Как мало Досифей, насквозь пропитанный византийскими идеалами, способен был понять и оценить Великого Петра, как странно звучали иногда его поучения великому преобразователю России, это видно, например, из следующего. В 1698 году Досифей так убеждает царя продолжать борьбу с турками и не заключать с ними мира. «Ведаем, – пишет он, – что священная глава ваша исполнена разума, мудрости и любви и можно ли, приуготовив такие дела для избавления рода нашего, чтобы ты искал примириться, наипаче имея примеры великого Моисея, а после него судей и Давида, которые много потрудились на войне, и после них еще славных благочестием великоименитых самодержцев греческих, которые не щадили оружия и денег и трудов многолетних», поборая нечестивых. Чтобы еще более убедить царя продолжать войну с турками, Досифей приводит подходящие тексты из Священного Писания, указывает на примеры Гедеона, который победил мадеонитов немногими воинами, сулит Петру великую славу наравне с теми благочестивыми царями, «которые апостольски ублажаются у Бога, которых и Церковь, восхваляя, именует хранителями своими и отмстителями»[517]. Но все эти доводы и примеры, может быть убедительные для Алексея Михайловича, для царя Петра уже были совсем неубедительны; они показывают только, что Досифей совсем не понимал, с кем он имеет дело. Когда Петр послал своего сына за границу для науки, то известие об этом так смутило Досифея, видевшего в западных народах только злых еретиков и безбожников, что он счел своею священною обязанностью писать царю, чтобы предостеречь его от посылки царевича за границу, так как всякое сближение с Западом должно иметь гибельные последствия не только относительно самого царевича, но и всего русского царства. «Пришли сюда письма из Вены, – писал

он царю, – и похваляются там, что пошлет богоспасаемое святое ваше царствие высокорожденнаго и порфироднаго сына своего, тишайшего царевича, государя Алексея Петровича туда, образования ради и учения, и что кесарь сотворит крепкий союз со святым вашим царствием. Посему говорим: внемли божественнейший и величайший владыка не засылать из Московии пресветлейшего сына вашего, да не пойдет в чужия места и научится не образованию, но иностранным нравам, ибо неложный сказал апостол: портят благие нравы злая сообщества. Приснопамятные отцы и праотцы святаго вашего царствия и богоутвержденное ваше царствие ни от каких франков не училися обычаю и наукам, а владели и владеете едва не всею вселенною, будучи крепки, велики, страшны и непобедимы. А оные франки, знающие и образованные, что управили? Только что ядятся и воюют между собою, и о сем будем пространнее писать. Итак, богоутвержденный владыка, никакого соединения никогда не твори с франками, в числе коих же и самый Леопольд, паповенчанньш ложный кезарь, сколько раз солгал великому вашему царствию. Когда имеет нужду, притекает к великому вашему царствию и молит, и просит, и обещает много, а после тебя оставил одного, не боясь Бога и не устыдившись людей»[518].

Если уже такая сравнительно выдающаяся личность, как Иерусалимский патриарх Досифей, находившийся к тому же в течение тридцати с лишком лет в непрерывных сношениях с русским правительством и следивший за всем происходившим тогда на Руси, оказался неспособным понять Петра, смысл и значение его тяготения к образованному Западу, то тем более, конечно, Петр как поборник у нас западного направления не был понят заурядными лицами православного Востока, где его поступки, клонившиеся к сближению с Западом, вызывали только одно недоумение и разные, иногда вовсе не лестные для царя, толки. О впечатлении, какое произвело на Востоке путешествие государя за границу, Досифей в 1698 году писал Петру следующее: «Вопреки всякого чаяния услышали мы здесь о отшествии вашем в иностранное государство, а причины тому мы не ведаем… Поганцы здешния чаяли, что пришествие вашей

священной особы будет здесь в Византии для разузнания о всяких делах, а наипаче потому, что печется о художниках и иных потребных вещах, дабы устроить надлежащее приготовление, чтобы начать войну для избавления греков. Англичане сказали нам иное слово, сладостное не только для слуха, но и по самому делу, т.е. что божественный самодержавец северных стран сказал королю аглицкому, что в лето 1700-е будет петь молебен в храме Святой Софии. Мы, слышав сие, и первенствующие с нами святители не могли иное что учинить, как воздать славу имени Божию перед Богом и Отцом Господа нашего Иисуса Христа, да видим исполнение таких речей. Но между тем опять облак мрачный скрыл солнце надежды нашей и сделал дни наши днями темноты, скорби и печали, потому что приехали сюда посланные из аглицкой и голандской земли, возвещая здешнему властительству, что римский тиран чрез некоторых своих иезуитов писал здешним папистам, что преславный царь великой России поехал с немногими людьми в Англию, а оттуда будет и у него, а иные иначе говорили, а другие и написали, возвещая, как некогда иноплеменники с идолами своими противное на Израиля, суемудрствуя и ожидая нечто от вашей поклоняемой державы[519], а верховные все власти Восточныя Церкви и мы сами, пребывая в мултянской земле… были в такой печали, что от создания мира еще не видало солнце таких печальных, с рыданиями воздыхающих из глубины сердца. Но посетил нас Господь Бог и приехал к нам в Тарговист Родианин, называющий себя верным рабом вашего святаго державства, который сказал нам более утешительные вести о вашем величестве и правдоподобные причины, ради коих изволили путешествовать, и при том известии о здравии и спасении вашем. Посему утешились мы и христолюбивый господарь, и чрез грамоты наши утешили иных, и умножили моление к Богу о вашем величестве»[520]. В 1701 году в Москву прибыл грек, племянник и посланец Иерусалимского патриарха Досифея. Он между прочим говорил про русского турецкого посла, «что он приехал в Андрианополь 20 мая, и прием ему был по посольскому обычаю честно; въезжал он в города в немецком

платье, и турки тому дивились, а наипаче муфтий говорил всенародно: «Как же у Москвы с немцами война, а немецкое платье употребляют», – и о том у них много молвят, что греческое оставили, а немецкое приняли»[521]. Слухи о все более усиливающемся сближении России с Западом, об усвоении русскими западной науки и обычаев, о намерении царя, в видах теснейшего сближения с Западом, женить своего сына на иностранной принцессе побудили наконец и Константинопольского патриарха возвысить свой предостерегающий голос и указать царю на ту неминуемую и страшную опасность, какой подвергается Православие русских от их сближения с западными иностранцами. 1705 года 8 декабря Вселенский патриарх Гавриил тайно прислал к русскому константинопольскому послу Толстому одного грека, который от лица патриарха говорил послу: «Слышно-де ему, патриарху, учинилось, что в царствующем граде Москве по смерти святейшего Адриана-патриарха и доднесь патриарха нет, а учинен-де наместником патриаршеским во управлении церковных дел некто рязанский митрополит Стефан, который-де мудрствует купно с латыни и уже-де некоторые догматы церковные утвердил согласно с латынским, о которых-де догматах и прежде сего, во дни святейшего Калинника, патриарха Константинопольскаго, такожде в Москве прозябало нечто противное, обаче тогда оные противности были истреблены и благочестно было утверждено, а ныне сей рязанский митрополит оные догматы паки преложил согласно латинским. Такожде слышится, что ныне в Москве заведены школы латинские и многие-де есть езувиты и по домом честных и благородных людей учат детей их, такожде сообщились с латыни и платьем и прочим. И то-де он, патриарх, знает, что сие изволяет чинить царское величество для лучшего украшения своего государства, и чтобы произносилася добрая политика междо народом российским, обаче-де вельми остерегатися подобает, чтоб не повредилось благочестие, понеже-де езувиты ни о чем ином не помышляют, токмо чтоб им расширить и множить свое схизматическое мудрование, и когда-де во благородные младые сердца насеют своего

неправомудрствующаго семени, тогда-де уже которое благочестие последовати может, а ему-де патриарху, видя такое действие, от чего может благочестию быть умаление, молчать немочно и всеконечно-де говорить и писать ему о том патриарху належит нужда. Обаче-де не имея такого способу чрез кого писать, вельми он, патриарх, оскорбляется, изамышлял-де было и нарочно для оных дел послать в царствующий град архиереев двух или трех, обаче-де и того учинить неможно; понеже-де турки вельми к нему, патриарху, надзирают паче протчих, понеже о протчих патриархах небрегут, кроме Константинопольскаго, и того-де ради Иерусалимский патриарх и пишет к царскому величеству, еже имеет свободу, а ему-де писать никоторыми делы немочно. И того ради просит он, патриарх, ево посла, яко наместника царскаго величества, чтоб сие ево патриаршеские слова все написал к царскому величеству подлинно. К тому же-де и еще слух проносится, которому-де он, патриарх, и верить не хочет: говорят-де в народе, будто царское величество изволяет сына своего сочетать законного брака на сестре цесаря римскаго, и ежели-де сие учинить, конечное-де латинское мудрование в российском государстве возрастет, а благочестие умалится, и вельми-де ему, патриарху, о том удивительно: чего ради царское величество в государстве своем сыну своему не изволит изобрать невесту, или-де мало в Москве благородных честных девиц избранных и благочестивых, и какие-де ради причины сопрящися крайним свойством со иноверными?»

Таким образом, даже выдающиеся и верховные греческие иерархи не понимали и не хотели понять благотворного значения и безусловной необходимости для России преобразовательной деятельности Великого Петра. В его стремлении к сближению с образованным Западом, к усвоению результатов западной науки и пересадке ее на русскую почву – в этих лучших стремлениях великого царя они, подобно нашим раскольникам, видели только угрозу русскому Православию, которое будто бы неминуемо должно погибнуть на Руси от сближения с иноверным Западом, ибо иноверный и развращенный Запад неизбежно заразит своими ересями и

пороками и православную Русь. Греки лучше хотели бы, чтобы русские вовсе не учились, нежели бы учились у западных народов, им приятнее было бы видеть Россию грубою и невежественною, нежели пресыщенною западною наукою, так как при невежестве русских образованный грек всегда был бы необходим для них и ему всегда принадлежала бы роль руководителя и опекуна русских, что доставляло к тому же и немалые материальные выгоды. Конечно, сами греки могли сколько угодно учиться в западных школах – для них это было не опасно, но для русских это было, безусловно, гибельно. Поэтому если русские уже непременно хотели учиться, то обязательно должны были учиться только у греков и всячески избегать непосредственного знакомства с западною наукою, ради чего им не следует изучать и латинский язык, язык еретической западной науки. Между русскими и Западом всегда должен стоять посредником грек как ближайший и непосредственный руководитель русских, умеющий определить, что из западной науки полезно для них и что вредно, и потому хорошо знающий, чему следует учить русских и чему нет, так как сами русские по своему невежеству совершенно неспособны знать, что в западной науке действительно полезно для них и что гибельно и вредно. Такая оригинальная постановка дела, которую изо всех сил защищали и пропагандировали у нас греки, прикрываясь ревностию о сохранении на Руси Православия, которому будто бы грозит серьезная опасность со стороны коварного еретического Запада, была, конечно, для них очень выгодна, так как при непосредственном сближении русских с Западом, при непосредственном заимствовании ими западной науки руководящая и посредническая роль гречан должна была пасть сама собою, а вместе с этим греки должны были лишиться и всех тех выгод, какие доставляло им привилегированное, исключительное положение их на Руси; именно перспектива лишиться всего, что греки доселе получали от русских, пользуясь своим культурным превосходством над ними, и заставила восточных патриархов и других греков так враждебно отнестись к начинавшемуся непосредственному сближению русских с Западом, и хотя возможно, что патриархи

в этом случае руководились отчасти и религиозными опасениями, ввиду именно крайне преувеличенных на Востоке слухов об усиленном проникновении на Русь латинского влияния вместе с религиозною латинскою пропагандою. Но на этот раз внушения греков, старавшихся, как и всегда, действовать главным образом на вероисповедные опасения русских, потерпели полную неудачу. Не смущаясь ни криками доморощенных поклонников отжившей русской старины, ни грозными предостережениями близоруких восточных иерархов, великий преобразователь России твердо шел по раз намеченному пути сближения России с образованным Западом, по пути усвоения русскими западной науки и знаний, открывая этим для русских эру иной, лучшей и совершеннейшей жизни, в которой грекам с их прежними опекунскими притязаниями и эксплуататорскими стремлениями относительно России уже не было более места. С этого времени греки волею или неволею должны были признать за Россией право на первенство в православном мире не во имя только ее материальной силы и могущества, но и во имя ее культурного развития, которое, начавшись со времени Петра усвоением западной науки, поставило русских и в культурном отношении гораздо выше их бывших учителей – греков.

Приложение

№1

Перевод з грамоты, что писал к государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всеа Русии и ко отцу ево государеву блаженных памяти к великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичу Московскому и всеа Русии Цареградский патриарх Кирилл своею рукою греческим письмом в нынешнем во 142 году, Декабря в 8 день, з государевыми послы Офонасъем Прончищевым да з дьяком с Тихоном Бормосовым.

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа самаго единаго истиннаго Бога, Того слава во веки. Аминь. Кирил Вселенский патриарх.

Благочестивому и Богом венчанному, христианскому, самодержавному, милостию Божиею великому государю, царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всеа Русии, самодержцу владимирскому – (следует полный титул) – и преблаженнейшему и святейшему патриарху и великому государю кир Филарету Никитичу Московскому и всеа Русии, о Святом Дусе возлюбленному брату и сослужебнику нашего емирения. Молю Отца, Сына и Св. Духа, да покрыет и сохранит великое твое царствие и преблаженство твое во благом здравии и во спасении, и вашего царскаго величества сына и великаго князя Алексея Михаиловича такожде да сохранит во многолетном здравии, и да покорит все враги ваша в подножие ногам вашим. Великий государь, царь и великий князь Михаил Феодорович всеа Русии и преблаженный великий государь и святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии – пришли послы великаго вашего царствия Офонасей Осипович Прончищев да Тихон Васильевич Бормосов, разумные и достойные люди во всех делех великаго твоего царствия и преблаженства твоего, и в тех во всех ваших государевых делех неусыпные и спешные, перед великим царем Салтан Муратом говорили сколько было пригоже, и великому царю Салтан Мурату и началному ево пресветлому везирю Магмет-паше полюбилося, и почтили их и говорили с ними сколько было надобно. А как те ваши царские послы похотели поехати, и

великий царь Салтан Мурат ото уст началника везиря Магмет-паши велел им дать ответ любительной и доброй, что он с вами, великим государем царем и великим князем Михаилом Феодоровичем и с преблаженством твоим, великим государем святейшим патриархом господином Филаретом Никитичем Московским и всеа Русии, хочет быти в дружбе и любви, другу вашему хочет быти другом, а недругу недругом, и хочет послать войною на недругов ваших на проклятых ляхов за то, что они не спят и промышляют на всякое зло. Да они ж литовские ляхи послали к крымскому и посулили ему великие дары, чтоб ево подняти супротив великаго твоего царствия, и в том им Бог не помогает. Был у ляхов полонен некоторой крымской царевич и освободил ево Владислав на то, чтоб ему собрати много татар, чтоб приехать им на великое твое царствие на украинные города – и я имею надежду на всемилостиваго Бога, яко да пошлет ангела своего с небеси и потребит их и погубит их, и да познает всякий, что десная рука всесильнаго Бога во всем мощна великому твоему царствию, как опознали есмя от знамения явна чудеси, и хощу писати те знамения болшия и буди ведомо и внятно великому твоему царствию и преблаженству твоему. Первое знамение: некий Мирон Бурновский воевода был некогда в волоской земле воеводою, и как ево от воеводства отставили и он отъехал в Литву и купил себе город и стал с Литвою заодно, и после того опять похотел быти в волоской же земле воеводою, и литовские люди его не отпустили, и он посулил Владиславу за то, чтоб ево отпустили назад в Царьград, чтоб ему взять по-прежнему в волоской земле воеводство, на помочь против вашего царствия тысячю конных, а другую тысячю пеших и послати их под Смоленск. И Владислав для того ево в Царьград отпустил. И как приехал во Царьград и с приезду его на четвертый день отсекли ему голову, и от того разу рушилась вся мысль ево, а Владислав потерял тое помощь и надежду свою, на что было он надеялся у того Борновскаго воеводы от волоские страны. И то есть явно, что то сделалось Божиим повелением и помощью великаго твоего царствия. Потом второе знамение: литва послали к крымскому хану и посулили ему давати по-прежнему дань, что давали

велми много, чтоб наступили пленити великое твое царствие украинные города и места. И великий Бог сотворил по промыслу Офонасья Осиповича да Тихона Васильевича, что они говорили и сходилися почасту с везирем и дали ему ведати литовские лукавства и поспешили и написали грамоты к крымскому царю и к Кантемирю, и надеемся, что они по ся места вступили в Литовскую землю и будут и разорять. И то есть от Бога ж, что восхотели было они сотворити над вашими украйнами, и то им Бог воздал самим. Третие знамение, что здеся прислали ляхи меншово посла и Офонасей Осипович да Тихон Васильевич были у везиря у Магмет-паши и говорили ему, что б он им и их лукавым речам веры не давал, и он, везирь, того литовсково посла принял нечестно, и то есть Божие же изволение и многие то узнали, что Божия сила есть с великим твоим царствием и преблаженством твоего святительства. И ныне поехали к вам Офонасей Осипович да Тихон Васильевич с добрыми ответы, да им же, послом вашим, говорил везирь Магмет-паша, как учинял войну против литовскаго короля, и в те поры вам, великому государю Михаилу Феодоровичу всеа Руси, и вам, пресвятейшему патриарху Филарету Никитичу Московскому и всеа Руси, с Литвою не помириться, а только вы с Литвою помиритеся и их отставити прочь и с Литвою б их не ссорили. И послы великаго твоего царствия Офонасей и Тихон говорили везирю, что тому не быти, в том они заложат головы свои и на том постановили и имеем упование на силу всесильнаго Бога и на молитву и счастье великаго твоего царствия и преблаженства твоего, да будут дела ваша все во благом счастьи. А здесь во Царьграде вести из Литвы что большие паны меж собою в великом колеблении и в непостоянстве, не хотят Владиславу помогати супротив твоего великаго царствия, и спустил Бог на них великое межусобство и пролил на них свой праведный гнев, про то мы ведаем подлинно. А послы великаго твоего царствия Офонасей да Тихон исправили добрые дела, да с ними ж труды полагал толмач Анастасей и много тружался о делех великаго твоего царствия. А ныне они поехали к вашему царствию, а с ними вместе Мурат Салтаново величество послал посла своего, единаго агу везирьаземова капучиларке хаясы, а имя ему Алей-

ага, мы его знаем добрым человеком. А как Ахмет-ага, что приехал с послы великаго твоего царствия с Офонасьем Осиповичем да с Тихоном Васильевичем, а тот Ахмет-ага, приехав, здесь говорил и вознес вас и царствие твое и преблаженство твое и благодарил милость вашу и от того Ахмет-аги во многих окрестных государствах ваши царские имена и царствие ваше возношается и славится к вашей царской чести и повышенью. А как во Цареграде видели пречестные и пресвятые иконы великаго твоего царствия и преблаженства твоего и великие люди у нас того просили, чтоб им тех святых образов послати посмотрети, и я к ним не посылывал, а имею их паче великаго сокровища и поставил и устроил есми их в тайных моих кельях, в которых я сам пребываю и почитаю их и прикладываюся к ним, а когда молюся и я прошу в молитве своей, чтоб ваша царская молитва восходила к Богу с моей молитвою вкупе до моей смерти, что есми аз древний. Да великие ж люди, которые пребывают во Цареграде, християне ото всего народу и многие турки приходили в мою келию видети те святые ваши иконы и те честные иконы они видели, только турки к ним не прикладывалися, потому что на то я им не поволил и прикоснутися им к тем честным иконам не дал. А которые в то же время прилучилися греческие власти, и те к тем честным иконам прикладывались, а франкам и инаго народу никому не дал есми ни рукою прикоснутися, и благодарю много великое твое царствие и преблаженство твое, что есте мне учинили сию благодать, что мне имети те святые иконы, и да будет со мною Господь наш Иисус Христос и да сподобит нам стати пред лицем своим в царствии небесном. Да мы ж восприяли есмя, что прислал преблаженствие твое Минею общую, да Псалтырь со возследованием, да мы ж восприяли есмя милостынею великаго твоего царствия и преблаженства твоего все сполна, как писано было в ваших государских грамотах. Да мы ж приняли есмя сто рублев денег, а то все предали нам послы великаго твоего царствия Офонасей Осипович да Тихон Васильевич да Амфилохей-архимандрит верной наш слуга, что сколько есмя его не посылали к великому твоему царствию и к

преблаженству твоему, и он к нам приходил и послужил разумно и верно, яко прямой, добрый и святый, и правда в нем пред Богом и пред великим твоим царствием и пред блаженством твоим великая, и тем от вашего государскаго жалованья и подаянья сподобился в великих надобьях и нужах. И то имеем и со слезами благодарим великую милость великаго твоего царствия и преблаженства твоего и воздев руце молим всемилостиваго Бога о многолетнем здравии и счастливом пребывании вас великаго государя и великаго вашего царствия и преблаженства твоего, великаго государя царевича князя Алексея Михайловича и благочестивой царицы и великой княгини Евдокеи Лукьяновны и царевны Ирины Михайловны и царевны Анны Михайловны, и за все ваше царствие моление наше пред Богом в день и нощь, да сохранит и покрыет ваше царствие мирно и безмятежно и да покорит враги ваша в подножие ногам вашим, аминь. Еще объявляю, благочестивый великий царю Михаило Феодорович всеа Русии и великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии: послы великаго твоего царствия и преблаженства твоего Офонасей да Тихон будут к вам со всякими добрыми делы с послом великаго царя султан Мурата и преславнаго везиря Магмет-паши с Алеем-агою и есть с ними царские грамоты. И да будет ведомо великому твоему царствию и преблаженству твоему, что пришли и другие послы великаго твоего царствия Яков Оксентьевич Дашков да Матвей Михаилович Сомов, а лица великаго царя Султана Мурата еще не видали, и для того и с нами еще не видалися ж до тех мест, покаместа поехали первые послы, и мы и ныне потому ж не отлучимся работати великому твоему царствию и преблаженству твоему всем добрым делом и словом и поспешеньем и верою, сколько будет нам возможно. Да много, много молю и прошу великаго твоего царствия и преблаженства твоего, да простите нас, что если не возмогли изготовити и прислати человека своего поклонитися великому твоему царствию и преблаженству твоему, от великих наших недоволов и от агарянских насильств не имеем себе покою ни в день, ни в ночь, только надежны есмя на то, что молитва великаго твоего

царствия и преблаженства твоего да покрыет весь християнский народ и меня, грешнаго, и сохранит во всяком благочестии. Еще пишем и ведомо даем, что смерть свейскаго Густава Адольфа короля, что он приинял от цесаря, принесла нам велию печаль, потому что он был вельми надобен в нынешних временах, только еще великосильный Бог не оставляет дел своих без промыслу. Ведомо нам учинилось, что после его, Густава Адольфа короля, смерти советовали меж собою все вельможи и владетели и уставили бой великий с цезарем и побили цесарских многих воинских людей многажды. И ныне цесарь в великой тесноте, а имя, честь и слава бывшего Густава Адольфа короля везде славитца всегда. А ныне в его королевское место против цесаря войну ведет и во всем справу чинит канцлер свейской именем Ок-сенстер, разумной и великой человек, о том буди ведомо великому твоему царствию и преблаженству твоему, да имеете совет и любовь с тем канцлером свейским Оксенстерном, потому что он ныне вельми надобен. Да послали есмя к преблаженству твоему одну книгу Варинос, да Схолария, да Енодия, то есть три библеи супротив латин, да другие три ж библеи господина Мелентия патриарха Александрейскаго, и их увидит преподобный протосингел господин Иосиф, он уже учинил разумно и свято, что остался на имя ваше великаго государя и преблаженства твоего, а мы его здеся всегда почитали яко учительнаго и чтимаго мужа, и како покажет желание свое те книги перевесть на русский язык. А я ныне хотел было прислати к вам, великим государем, учителя Кирьяка от святыя Афонския горы, и тот Кирьяк ехати не возмог, потому что он стар и безсилен. А сказывал мне архимандрит Амфилохей, чтоб прислати к вам, великим государем, инаго учителя, и я учну вперед сыскивать, а ныне бы протосингел Иосиф с тех книг перевод писал, сколько он может, как я писал от себя к нему в грамоте моей, да и великосильный Бог яко да сподобит и достальные те книги перевести. Да и над Аверкием, бывшим верейским, праведный суд вы, великий государь царь и великий князь Михаило Феодорович всеа Русии и великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии, и указ свой учинили и видели есми о том грамоту,

рукописание преблаженства твоего, и нам про то стало ведомо и то все учинилося вправду и свято, и праведно. А у Анфиноге-на отрочника видели есмя ложную его ставленую и по правде он в запрещении и смирении, а прошал будто он прощения от иной власти. Да сказывали вам, великим государем, некоторые князья, будто прислали ко мне для ради его некую вещь, чтоб мне просити об нем, чтоб вы, великие государи, его простили, и то не буди тако: ко мне от них ни слова, ни вести не бывало, и ведомо буди преблаженству твоему, что те речи все о том Анфиногена не истинны суть. Такожде некоторой толмач ту тошной, говоря много с послом с Ахмет-агою, которой посол пришел с послом великаго твоего царствия и преблаженства твоего с Офонасьем Осиповичем да Тихоном Васильевичем, и сказал тот толмач ему, Ахмет-аге, что Царегородский патриарх посылает к Москве тайно человека своего именем Андрея, да пишет о всем, что в Цареграде ни деетца, а именем тот толмач Петр Красников. И таких слов и речей тому толмачу не надобно было говорить, и о том вам, великим государем, надобно заказати накрепко, чтоб впредь с такими людьми, что ни деетца, таких слов и речей не говорили, и то все разум великаго твоего царствия и преблаженства твоего исправить. Потом у вас, великих государей, прошу и молю, да учините единую мзду велию в едином деле боголюбном, как видим и мы, что достойно сотворит милость: к великому твоему царствию и преблаженству твоему в некоторое время приехал един человек именем Дмитрий Палеолог, лихой и злой человек и имел с собою некоторых безумных людей гречан, да с ним же был некоторый греченин же Юрьи от Варны, и за вину они сосланы, и то сделано праведно и свято. И того Юрьи мать и жена достойны всякой милости и плачутца день и ночь, как войду в святую церковь и из церкви, и они падаютца у ног моих безпрестанно, дабы я отписал о том к великому твоему царствию и к преблаженству твоему, чтоб вы, великие государи, простили его и прийти ему к матери, и к жене, и к детям своим, и в том будет ваша государская великая милость над бедною его матерью, и над женою, и над детьми. И о сем молю и прошу, да простите того Юрья от Варны, а потом как пожалует великое

твое царствие и преблаженство твое. Также приходят ко мне многие люди и прошают у меня грамот о милостинах, иные добром и челобитьем, а иные всякими статьями от иноплеменных, и нельзя им от докук грамот не дать, и над ними призренье и милость великаго твоего царствия и преблаженства твоего великая и неизреченная, а о сем Юрье, как положит Бог в сердцах ваших, тако и сотворите. Посем извещаю великому твоему царствию и преблаженству твоему, чтоб было ведомо, что Офонасей Осипович и Тихон Васильевич, говоря с везирем азем Магмет-пашею про ваши государские дела, и потом говорили ему накрепко, чтоб послати войною на недругов ваших, и везирь Аззем Магмет-паша о том докладывал султан Мурату, и Мурат Салтан велел послати и позвать к себе стряпчево крымскаго царя, который живет в Цареграде за делы, и велел ему послати гонцы в Крым к царю, чтоб он не помыслил послати войною в ваше Московское царство и однолично б поднялся сам и ехал в Литовскую землю, или ж послал сына своего. Крымскаго царя стряпчей с теми салтан Муратовыми грозными грамотами послал в Крым к царю товарища своего и поехал он из Цареграда мая во 2 число. Да в тех же днях везирь Магмет-паша велел Кантемир-паше и запороскому Абазе-паше и Будайскому паше и Мутьянскому воеводе и Волоскому воеводе ж, чтоб они все были готовы войною на недругов ваших на польских и литовских людей, по ся место еще не поехали, только один Кантемир-паша выехал в литовскую землю, о том к нам писано, что июня в 3 день Кантемир-паша в литовскую землю вшол, а про Абаза-пашу еще подлинные вести нет, только он на готове ж. Как поехал к крымскому царю гонец, и после того велели в Царьграде кликати биричем с повелением царевым, чтоб все ратные служилые люди западные страны, которые живут здеся и все б воинские люди ехали за Абаз-пашею, а хто не поедет, у него жалованье отнято и ис списку выкинуто будет, и тако вси текут. Еще буди ведомо великому твоему царствию и преблаженству твоему, что послы царствия твоего, Яков Оксентьевич да Матвей Михаилович, приехали в Константинополь июня в 8 день с Фомою Чукиным, а в 13 день июня ж месяца были и

виделися с визирем с Магмет-пашею, а июня ж 26 слышали, что крымский царь послал сына своего в литовскую землю войною. Потом я, убогой патриарх Константинопольский Кирилл, имею надежду на великое твое царствие и на преблаженство твое и вспоминаю о едином деле и молюся, да приклоните ухо в том, что я прошаю у вас, государей: король и все князья франские и цесарские земли, хотя и не нашея веры, а все нас чтят, и многие к нам писали с прошением, чтоб нам отписати к великому твоему царствию и к преблаженству твоему для сосланнаго Каролоса Тарерандуса, за что он сослан, да ко мне ж особно писали мать ево, да мне ж здеся во Цареграде били челом об нем посол французской, посол английской, посол лифлянской, посол веницейской, чтоб мне о том отписати к великому твоему царствию и к преблаженству твоему, чтоб велети ево свободити и отпустити, чтоб ему приехати к матери своей. И потом молю и прошу великаго твоего царствия и преблаженства твоего, да почтите патриаршеское достоинство во иноплеменных местах и странах, и объявится то, что нашего ради моления и прошения то сталось, о том я вам, великим государем, поклоняюся и для ради того сосланного Каролоса французскаго мое прошение и моление. Посем поклоняюся, пад на колена своя пред распятым Господем нашим, Исусом Христом, и молю великую его милость, что сотворил в роде христианском и нас ради распят бысть, Он же распятый да сотворит милость свою в жизни великаго твоего царствия, великий царю Михайло Феодорович всеа Русии, и преблаженству твоему, великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии, и да будете мнголетны в мирном пребывании и в велии радости, на исправление всего царствия вашего и всего народа христианскаго, и да покорятца все враги ваша в подножие ногам вашим и слава великаго Бога и Господа нашего, Исуса Христа, да будет и сияет и всегда пребывает над вами, и пресвятые и преблагословенные владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии молитва и моление да будет в помощь вашу, и святии архангели и ангели да будут хранители ваши, и всех святых молитвы да будут с вами, и да будут благочестивая и

христолюбивая царица и великая княгиня Евдокея и великий государь и великий князь Алексей Михайлович и царевна и великая княжна Ирина Михаиловна и царевна и великая княжна Анна Михаиловна многолетны, и да пошлет великосильный Бог с небес благое получение во всем великому вашему царствию, да благословляет и освящает вас и отгонит от вас всякаго супротивнаго и дарует вам благодать свою во веки. Аминь.

Писал в Константинополе, в нашем в патриаршем дворе, лета от Рождества Христова 1633 года, а от сотворения миру 7141 года, июня в 30 день».

Кирил Констянтинопольский патриарх (Греческие дела 7142 г. № 1)

№2

Перевод з греческие грамоты, что писал к великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии самодержцу, Царегородской патриарх Парфений в нынешнем в 157 году, апреля в 16 день.

Парфений милостию Божию архиепископ Констянтинополя нового Рима и Вселенский патриарх.

Благочестивому, Богом венчанному, Богом хранимому, християнскому, милостивому, непобедимому, милостию Божию великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии самодержцу, о Святом Духе сыну возлюбленному нашего смирения, молили Господа Бога датися великому святому вашему царствию здравие, мир, благоденствие, державу, победу на врагов видимых и невидимых и всякое благое и спасение от Бога вседержителя Господа нашего Исуса Христа, от нашего смирения молитва и благословение и прощение. Смирение наше сею нашею патриаршескою грамотою объявляем великому вашему царствию, что в 1647 году от Рождества Христова, в месяце в апреле, пришли послы от вас, великаго государя, царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии и блаженные памяти по плоти отца вашего великаго государя, царя и великаго князя Михаила Феодоровича всеа Русии, сюда во Царьгород к державному царю Салтан Ибрагиму – преславный вельможа Степан Васильевич Телепнев и честный Олферей Кузовлев с любительными царскими грамотами царствия вашего, и их приняли с подобною честию и царским чином, яко великих царских послов, по прежнему обычаю. И будучи у царя у Султана Ибрагима, а спустя после тово немногие дни пришли на наш патриаршеский двор к великие церкви и к нам, богомольцам вашим, благословения ради, и они нам подали две грамоты царские, блаженные памяти по плоти отца вашего великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всеа Русии, и милостыню великаго его царствия и вашего царскаго величества пять сороков соболей, и в тех царских

грамотах писано к нам его царскаго величества, чтоб нам с великим раденьем и любовию промыслити и добыти единаго дохтура зело досужа и искусна лекарскому мастерству, и чтоб он был достоин и разумел лечити немочь камчюжную и послати б к великому его царствию с послами царствия вашего, а посулити ему и здеся великое жалованье царствия вашего, а что мы ему посулим здеся, и то он будет имети безпрестанно от великаго вашего царствия, как приедет в царствующий град Москву. А в другой грамоте нам объявлял конечную дружбу и любовь, что имел великое его царствие к брату своему Салтан Ибрагиму и как подобает великим царем всегда держати любовь и дружбу накрепко, непоколебимо и соблюдати царские договоры и укрепленье до конца и умножати их по подобию, чтоб быти строению и мирное поставление царством их. И еще писал к нам великое его царствие, что приказано его царским послам, чтоб им думати с нами и спрашиватца у нас почасту ко всяким притчам и делам царствия вашего, чтоб быти царским делам наипаки утвержденным и добрым. И потом, великий государь, послы великаго вашего царствия, как были у Султана Ибрагима и у нас, учали делать всякие добрые дела, и, по повеленью блаженные памяти отца вашего великаго государя, послы царствия вашего всегда почасту нас спрашивали о всяких притчах и царских делех, и мы, для любви царствия вашего, учили их и ответ им держали, наставляя их и елико сила наша могла, отставя наши патриаршеские дела и раденье при том нашем небольшом времени. Благочестивый великий государь, послы царствия вашего были зело почтенны, и в благоденствии со всеми государевыми людьми, и были благодарственны от здешнего царя, и в тишине и в радости. И зря их, аз богомолец царствия вашего, был в радости и в веселии, что сподобил мя Бог видети во дни патриаршества моего таковых царских послов и царские грамоты блаженные памяти отца вашего, и я имел многое раденье и великую любовь послужити великому вашему царствию словом и делом – по силе своей, и объявлюся пред Богом и царствием вашим верной ваш богомолец боле бывших прежних Вселенских патриархов, для природы православные нашие веры и для

душевнаго спасения соверши-ти все ваши царские дела чистым сердцем, по повелению блаженные памяти по плоти отца вашего великаго государя. А ненавистник лукавой диявол, видя радение мое и по Бозе благоговение, что имел и имею во блаженные памяти, ко благочестивому отцу вашему великому государю и к великому вашему царствию, не возмог зрети те божественные дела, что совершали во дни наши к послом царствия вашего, учинилася великая смута от некоторых злых людей. После приезду послов царствия вашего осмь месяцев пребывал есми мирно и непоколебимо со преосвященными архиереи, с клирики, и с вельможи, и со всем Христовым стадом на патриаршеском престоле, и те злые люди, которых преж сего рек, благочестивый великий государь, безо всякие архиерейские думы и клириков, и вельможей, месяца ноября в 11 день, пришли на патриарший двор насильством султановым повелением и взяли меня наскоро с великим насильством сослати меня в Кипрской остров, и ссадили меня с патриаршево престола без вины, напрасно и посреди многих великих печалей, что имел оставление престола своиво и от сылке, но и боле тово печаль имел, что есми отстал от дел царствия вашего и от товарищей послов царствия вашего. А преблагий Бог наказал и паки милует благоволил надо мною, над богомольцем вашего царствия, великую свою милость, и молитвою иже во святых отца нашего великаго чудотворца Николы, вскоре мне он даровал освобождение и не дал мне видети дальнее мое сослание, но как есми доехали до места, иже во святых отца нашего Николы город Мир Ликейский морем в судне, и тут пристали для небольшово опочиву, и я просился от солтановых людей, чтоб меня пустили шед поклонитися в церковь великаго Николы, и они меня отпустили, и я, шед со многою великою радостию, поклонился, и в тот день заставил священника тое церкви служить святую литоргию, а после литоргеи пели молебен преж о многолетном здравии царствия вашего, потом и о себе. А как есмя пришли на берег сести в судно, ехати в ссылку, пребывал я зело в печали и в кручине, куды меня отвезут, и где буду получити отдохновение и пожити остальное мое бедное житие. О превелие чудо! Абие в тот час пришол

один человек от врагов моих злейших всех, и тот меня от всех берег дорогою накрепко с великим радением и многим мученьем железным, аки осужденнаго, и боле от солтановых людей, и он, изыскав время, наедине тайным обычаем пал на землю, плачющи и рыдающи, прося от нас прощения для той великие вины, что учинил над нами, и поговорил с товарищи для напрасные нашей ссылки, и он язнулся нам чистым сердцем, что учинити промысл и освободити нас от тое великие погибели, что пребывали. И тако, благочестивый великий царю, узнал ся истинно, что той, иже во святых отец наш Николае великий чудо-творед и теплый заступник, что освободил трех мужей от напрасной смерти, освободил и меня, грешнаго, от великия ссылочныя погибели. И той человек, что есми рек царствию вашему, сговоря с корабельщиками и изыскав доброе время добрым промыслом, посадили меня на струг, оставя султановых людей на берегу, отпустилися в море. И так приехали назад во Царь-город в тайне с великою радостию со исполнением Божиею помощию и молитвами святаго Николы, а где аз был в сокровенне, и слух мне дошел, что преставился посол царствия вашего Степан Васильевич и стали все ваши царские дела у Олферья Кузовлева. И слышал еще великую печаль и утеснение, что имел Олферей, посол великаго вашего царствия со всеми государевыми людьми, и пребывал и яз богомолец ваш в великой кручине и в печали, но не возмогох им никакой помочи воздати, потому что есми был в сокровенном тайном месте от врагов своих. А посол царствия вашего, Олферей Кузовлев, он есть муж зело смышлен и досуж, исправлял добре и чинно в таких непостоянных и смутных временах, полагая великие труды с великим радением о титле царствия вашего, вместе с переводчики и с толмачи, и стояли мужественно с великою надежею перед прежними везирями и при нынешнем преславном везирем Мегмет-пашею, друга нашего, и говорил о всяких притчах и царских делех, чтоб совершити повеление царствия вашего, когда смиренным обычаем, когда же образом кручинным – по времени смотря, только его не слушали ни в чем, потому что здесь было непостоянство и великие смуты. А мы, благочестивый великий

государь, здесь пребывали в сокровенном месте, в великой кручине и в печали от супротивных недругов наших, а благочестивый и пресветлыи государь всеа Молдавские земли, Кир Иоан Василий воивода, о Дусе сын возлюбленный нашего смирения и верный друг царствия вашего, проведал о освобождении нашем и приезд наш во Царьгород, еще нужи и утеснение, что есми имели, прислал к нам свое рукописанное письмо, и пишет к нам с великою любовию и благоговением, чтоб ехать нам к пресветлости его с великим упованием и надежею, получить покой нужам нашим. И видя мы то, богомольцы царствия вашего, великое благочестие и великую любовь, что он показал нам, и по его прошении учинили и пришли к его государской милости, и он, яко благочестивый и милостивый, восприял нас с великою радостию и со многим благоговением, и проведав беды и мучения, что учинились надо мною от сопротивных, и он зело о том печален был, и яз пребывал близ его пресветлой милости некое время с великою радостию, и веселием, и с великою честию, и покоем. Посем, великий благочестивый государь, приехали из Царя-города к нам первые соборные два архиереи, преосвященный митрополит Никомидийский господин Кирил, да Халкидонский господин Пахомий, присланы повелением и думою всех архиереев, и клириков, и вельможей, и ото всего миру к пресветлости его и ко мне богомольцу вашему, и привезли две грамоты, единую ко благочестивому и многолетному государю Иоане Василью воиводе, а другую ко мне, богомольцу вашему, проша меня со слезами и многим молением, чтоб поставити меня опять патриархом по-прежнему на высочайшем престоле. И сего ради, пресветлый государь, видя грамоту преосвященных архиереев собору и слыша изустно тех двух архиереев, что просят нас со слезами, и Василей воивода зело нас понуждал с великим раденьем и помощию исполнити нам хотение архиерейское, клириков и вельможей, и яз, богомолец царствия вашего, видя великое радение государя Василья воиводы и слезы тех двух архиереев, язнулся всею радостью, да будет повеление пресветлаго государя и освященнаго собору архиерейскаго, и тако приехал есми во Царьгород милостию

Божию и счастьем вашего царскаго величества с великою надежею, безо всякаго опасения. И паки обрели есми посла великаго вашего царствия Олферья Кузовлева и всех государевых людей в кручине и в тесноте и вельми в печали, боле прежнего, от многих великих непостоянств и налог здешних сторон чинятца, и от частаго переменения везирем, что чинятца грех ради наших, и того ради не возмогли никакого дела царскаго сделать, не токмо что сия, но и указной корм боле полутора года не давали, и они питалися собою, то же Богдан Лыков и Николай Сидоров и все переводчики и толмачи питалися вашим царским жалованьем, а от Султана корму им не было, а се здесь всякой харч дорог. Да сверх того было на них великое поветрие и померло большая половина. А как учинился новой царь Салтан Махмет и новой везирь, друг наш, Махмет-паша, и посол царствия вашего просил кончево отпуску, чтоб ему быти у новаго царя, и везирь Махмет-паша перед царем иво не ставил и подлиннаго отпуску ему не учинил, и посол царствия вашего о том промышлял вельможными людьми бусурманьями и гречанами, говорите везирю, чтоб ему быти у салтана у руки, да никто не мог ничево учинити никаким промыслом, а помешка им чинитца от издешних многих великих непостоянств и от частых перемен везиревых. И о всем о том слышал яз, богомолец царствия вашего, как приехал во Царьгород от верных, честных мужей наших друзей, и потужил вельми, что не прилучился в те нужные времена учинити, и порадети, и помочь подати послом великаго вашего царствия, и подумал есми с Божиею помощиею и осмелитца сходить самому к другу нашему к везирю Магмет-паше поговорити и побить челом, всяким промыслом учинити, чтоб освободить послов царствия вашего. И призвал я ночью тайным обычаем нашего преподобнаго архимандрита, господина Амфилохия, о Дусе сына возлюбленнаго нашего смирения, и вернаго раба царствия вашего, и разспросил его подлинно обо всяких царских делех, и что учинилося во время, как меня не было в Царь-городе и про посла царствия вашего, как пребывает и что иво прошение послово от везиря, и он мне обо всем разсказал, и потом иво послал к послу царствия вашего, ко Олферью

Кузовлеву распросити иво, что есть прошение от везиря. А посол царствия вашего прислал к нам тово ж архимандрита Амфилохия, и он сказал нам, что первое прошение есть о вашем царском титле, чтоб было написано в грамотах султановых по-прежнему извычею бывших царей Констянтинопольских, как писали к великим государем царем и великим князем всеа Русии, а второе, чтоб ему быти у Салтана Махмета у руки, третье, чтоб иво со всеми делами отпустили. Сии три прошения сказал мне архимандрит от уст послов царствия вашего, и аз был готов, благочестивый великий государь, Божию милостию сходити к везирю, другу нашему, совершити, что есмы думал, и только было итти к везирю, изнела меня большая немочь грех ради моих, лежал тридцать пять дней, и о том раскажет вам изустно посол царствия вашего, и тако стало дело посла царствия вашего несовершено. А месяца октября в 28 день Божею милостию и вашим царским счастием обмогся и пришел на прежней свой патриаршеский престол, и, не по многих днех, ходил есмы к другу ко везирю к Махмет-паше для дела царствия вашего и, говоря, бил челом ему о том прошении, что объявил посол ваш с нашим архимандритом Амфилохием, и везирь нам говорил, что царские грамоты написаны до моего визеревства во дни Агмет-паши, бывшего везиря, и переписать изнова не уметь. А что быти у новаго у салтана Махмета у руки, и то сказал не возможно, потому что султан лежит с оспою, а ныне и иные послы есть, а у руки султана не бывали, для того, что он не домогает. Только везирь, любви ради и для прошения моего, язнулся отпустить, и в тот час взял их к себе на двор с честию и надел на них кафтаны по извычею, и дал ему посла от нынешнего новаго царя к великому вашему царствию досужего человека Мустафу-агу. И после того как был у везиря, друга нашего, месяца ноября в 12 день, был посол царствия вашего на нашем патриаршем дворе и нас, богомольца твоего, благословения ради,и пели молебен в Великой Церкви для многолетнего здравия царствия вашего. Еще говорили есми с послом царствия вашего с Олферьем Кузовлевым, чтоб ему рассказать подлинно изустно царствию вашему, елико было

налоги и мучение в прошлых временах надо мною, богомольцем вашим, и то он видел оковидно, как был здесь во Царьгороде, я елико терпим по вся дни для Великие ради Церкви Христовы, да сотворити ему от нас земное поклонение великому вашему царствию благочестивому, Богом венчанному государю, новому царю нашему, Божиим повелением теплому защитнику в нужных временах. А посол царствия вашего, как возвратился от нашего патриаршескаго двора, в тот же день, по повелению цареву и друга нашего визиря Махмет-паши, сел на корабль вместе с турским послом с Мустафою-агою и поехали в добрый путь. Сие писали есми и объявляем на скоро и посылаем тайным обычаем к великому вашему царствию, яко верный ваш богомолец и о Бозе радетельной благочестию, запечатано нашею патриаршескою печатью. А иные тайны, что невозможно было писать к великому вашему царствию, и то услышите изустно от вашего царскаго посла, а потом паки, как Бог благоволит, будем промышлять послами к тебе, великому государю, наших патриаршеских людей, воздати подобное благодарение и от нас поклонение, якож есть подобно последствовати и должное нашего апостольскаго и святаго Вселенскаго патриаршескаго престола, якоже и преж святейшие патриархи чинили должное ко благочестивым, блаженные памяти бывшим царем Московским и всеа Русии, но и паки во время блаженные памяти бывшему по плоти отца вашего великаго государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии и блаженные памяти деда вашего великаго государя святейшего патриарха, кир Филарета Никитича Московскаго и всеа Русии, о них же молим Господа Бога, да упокоит души их в месте праведных, в недрах Авраама, и Исаака, и Якова в лице ангелском, пищи райские в месте светле, в месте прохладне, в месте покойне, иде же нет печали, ни воздыхания – во Царствии Небесном. Тебе же, новому великому государю, царю и великому князю, Алексею Михайловичу всеа Русии, великодарный и венчанный Христос Бог наш одарит вам победу, державу, многолетное здравие, благоденствие, душевное спасение и телесное здравие, да сотворит вас превыше всех лукавых супостат, да и покорит враги ваша подножие ног ваших,

якоже инаго о Бозе помощника и защитителя не имам в великих наших бедах и нуждах, только великое и святое и державное ваше царствие, яже одарит вам Господь Бог в нынешнем веце в глубокой старости и посему земному временному сподобит вас и небесному его царствию. Аминь.

Лета от Рождества Христова 1648 год, месяца ноября в 19 день, Индикта 8.

Константинопольский Вселенский патриарх Парфений и богомолец державнаго вашего царствия безпрестанный. (Греческие дела 7157 г. №19)

№3

Перевод з греческие грамоты, что писая к государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, бывшей Цареградской патриарх Паисей, з греченином Юрьем Ивановым в нынешнем во 164 году Декабря в 5 день.

Благочестивому, християнскому, православному, Богом венчанному, Богом соблюденному, превысочайшему, тихомирному, державному, милостью Божиею великому государю, царю и великому князю Алексею Михаиловичу всеа Русии, самодержцу Владимерскому (полный титул)… сыну о Дусе возлюбленному и желательному нашего смирения – молю Господа, всесильнаго Бога, да соблюдет и сохранит державное и святое ваше царствие во здравии и в соблюдении и долго-жизненном и долгоденственном пребывании, в державе и в победе на врагов видимых и невидимых, и со всею вашею православною, преславною палатою и со благословенным воинством. Сею нашею грамотою преже благословляем и молим святое ваше царствие и благодарим Отца и Сына и Святаго Духа о радостех, и веселиях, и победе, и о одолениях, что сподобил нас Господь слышати, что делаете над сопротивными. И о том буди славно имя Господне, и сила его святая да будет покрывати и исправляти все твое благословенное воинство на победу врагом твоим храбрством. Посеем, самодержавный царю, только произволит святое ваше царствие ведати о нас, богомольцах твоих, и скажу от начала, что великая церковь в разорении от убойства и убытков, что учинилось патриаршеством Иоанникиевым и дошло до того, что всем погинути. И собрався во дни те архиереи, и клирики, и вельможи, и прочие люди, нас выбрали, и нарекли сильно преж сего, и нас подняли, и взяли от престола нашего ларийскаго, и посадили нас на патриаршеской престол и не для инаго чего, и проведали нас, что любим мир и смиренное исправление, и такими обычаи, и хотя и не хотя, приняли такую тяготу патриаршескую, и пребывали преж, как изволил Господь, в

мире с малыми и с великими. Потом тот Иоаникей, не хотя ни на котором месте опочинути, да плачет о прегрешении своем по-иночески и по старости своей христианской, да оставит церковь, да будет в тишине, только преминуло не великое время и, шед, посулил денег туркам, и учинился опять патриархом и нас отженул от того места. И мы просили у него, чтоб нам дал опочилное место, да отбудем от мирские суеты и от колыбления. И не похотел нам того учинити, только смотрел того, чтоб нас погубили до конца и не слышно б было про нас, и никаково добра в воспомяновении своем не имел. А мы стояли в смирении, и смотрели, и ожидали милости Божий, а на патриаршество, во уме и в помышлении моем того не было. И невеликим временем привели опять за прегрешение наше некоторого Безбородаго от Тырнова Кирила наважника, сына сатанинскаго, и сверг Аникея, который был прежде сего, и хотел быти патриархом по-мучительски, без выбору соборнаго. А на того Безбородаго востали архиереи, и отгонили, и послали в заточение в Кипрской остров, а Оаникея не похотели учинить опять патриархом, только нарекли опять нас. И мы, ведая то патриаршество, будем держати десять дней от места до места – свидетель тому Господь, да не впаду опять в смущение мирское, и все архиереи всем собором нас просили и понуждали, и я нехотеньем своим, что от них отбитца не мог, принял опять Вселенский престол. И потом тотчас послали и привели Иоаникея от заточенья, что было заточил его Безбородый, и привели его на патриаршество с честью и славою, и как собрался весь Собор и он возопил, что в патриархех не хочю быть, и хотением своим попросил, и к нему принесли Великие Церкви правильную книгу и подписал отставление свое своею рукою. Потом патриарх Иоанникей и весь народ пошли в Великую Церковь, и певши молебная и облачась в патрахель и амофор, и наперед проклял сам себя, только-де буду воспоминати и просите патриаршества, и о том он клялся и потом просил божественнаго и освященнаго Евангелья и принял клятву евангельскую, да не буду просити до живота своего патриаршества никаким помышлением. Потом учинились со мною братцки и тотчас повелел есми написати

грамоту и отпустили ево с честью и со всякою радостью, да пойдет в митрополию жити тамо в покое, и в той митрополии есть монастырь крестотворный великой, там пребывает зовомый Фотодотов, которой дали ему на пищу владети. Он же, окаянный, не разуме, в какую сеть впаде, и не похотел николи в смирении быти и не пошол в митрополию, что ему дали, только шед и стал жити в Хие-городе. И оттоле учал писать письма к друзьям своим, чтоб ево взяли оттоле опять назад, и такое учинили, и возвратили, и привели иво во Царь-град, и потом не великое время шед опять и послали много безчетно денег, и вниде опять аки сле-пый на патриаршество посулом и силою, а не хотеньем ничьим, и не воспомянул проклятия своего, и клятвы, и оставления своего, и евангельской клятвы, и страха Божия, и срамоты человеческие, тако все то попрал и посрамил весь род християнской и получил себе безчеловечие. И стали все архиереи со мною с одной стороны за едино, и не хотел нихто выйти к нему по-клонитися, только я опять понаказал людем, чтоб шли к нему, не впасти бы им во зло от повеления салтанова, и тако прииде внутрь патриархия з бранию и с позором от малых и великих, и не вем, как будет пребывать. Посем християне все востали на него, аки зверие дивии за его божбу и за беззаконное клятвенное преступление, что он учинил. А я, бедной, живу во едином месте в великом страхованье от злаго таковаго помысла его и еще от долгу нашего великаго, что нас гонят должники наши, и остались пусты и бедны, и пребываем в великих теснотах. Потом Господь весть и размышляю единым делом, да обрящу едино место жити в покое и молити Бога за душу свою, и мне всякая нужа терпети, и не имею чем питатися, и о долгу своем стесняюся, только день и нощь молю Господа со слезами, да получю божественное его промышление, в одном месте, да сподобит мя Бог отлучитеся от суеты мирские. Сего ради державный и Богом венчанный царю великую надежду яко по Дусе сына имею святому вашему царствию, объявляю тесноту свою к милосердому и святому вашему царствию. Сего ради инаго упованья не имею, опричь Бога и царскаго вашего милосердия, и прошу да помилуеши меня и вспомянеши меня, что я ныне в

нужу такую впадши пребываю, учинишь мне, богомольцу твоему, помощь некую, часть от святой твоей милости, как тебе известит живо-начальная Троица, да мя утешишь от всех нахожений, что имею, и подаси мне радость от всех тех безчетных нужах и печалей, да мя исправишь святою своею милостью, да исправлюся от нуж своих, что имею и облегчуся и обрящу место покойно молить Бога всегда день и ночь о многолетном здоровье, и о пребывании, и на врагов победе святаго вашего царствия. А только будет повеление святаго вашего царствия да помилуешь и подашь тое милостыню в руки верному вашему рабу Мануйлу Костянтинову, да Фоме Иванову, и я им о том приказал бити челом о нас святому вашему царствию, и они к нам привезут и отдадут в руки наша, где я ни буду, и они меня сыщут, и не потеряетца от них. А святое ваше царствие будет в воспомяновении всегда от богомольца своего, и да подаст тебе Господь стократное благое в будущем веце во царствии своем небесном, а меня нужа великая заставила прибегнути с надежею к милосердому святому вашему царствию – Бог тому весть, и челом бью вельми, да не оставиши нашего прошения для ради душ блаженные памяти роду своего. А посем более того будет сказати изустно сей комист Юрьи Иванов, сродич Исайи Остафьева, который истинно словом и делом есть верен и теплый раб святаго вашего царствия, как есми его познали, да будет молитва наша с ним, потому что искушен и видитца добродетель ево без свидетелей, яж ево видел и разумели мы, должно поведать, что видели: прибегает с великим страхом Божиим и благоговением и верностью чистою к службе святому вашему царствию, во всяких делех есть добр и от верности ево имеет получити всякое святой вашей милости, яко верный раб в нынешнем времени, да воспоможетца святым вашим царствием. Посем покориши в подножие ног всех врагов борющих вас, да умножит державу и превознесет святое ваше царствие выше всех царств царствовать в доброй славе и крепости великой в род и род, молитвами всечистые и преблагословенные, всеславные владычицы нашей Богородицы и присно Девы Марии и всех святых.

Лета от Рождества Христова 1655 года, месяца мая 1 дня, индикта 8. Паисей, бывший Костянтинополя патриарх и богомолец святаго вашего царствия (Греческие дела 7164 г. №8)

№4

Грамота Иерусалимского патриарха Досифея от 15 ноября 1703 года к рязанскому митрополиту Стефану Яворскому с обличением его в латинстве, ненависти к грекам и пр.

Преосвященный и благочестивейший митрополите Резанский, кир Стефане, и пречестный о Христе Бозе возлюбленный, благодать Всесвятаго Духа да будет архиерейству твоему, Который и сохранит тя во здравии и спасении и во всякой радости.

Писание твое принес к нам иеромонах твой, Илия именем, которое писано января 25 нынешнего года от страны архиерейства твоего. Но понеже иногда неприяхом письма вашего, отвещающе о назначенных в нем, глаголем с братскою любовию, что естьли бы мы не хранили о архиерействе твоем духовную и братскую благую мысль, нужда была давно бы писать против тебя с гневом, неприлепивше наипаче и других Кафолические Церкви наставников, которые, Божиею ревностию подвижни, имели неотменное намерение, чтобы писать также против тебя полезная, но тех убо препяли есмы, также и доныне мы умолчахом. Сие убо яко со слезами приклонихом колена наша к Богу и Отцу Господу нашему Иисусу Христу, да избавит тя от всякаго порока строптиваго и да благоволит слышать нам о добром твоем правлении. Сие же яко святая Христова Соборная и Апостольская Церковь имеет многих врагов и стрегут время, чтобы сыскати им вину и оболгати сущая Восточныя Церкве непщеванием, зане в нынешней установленной главе всех христианнейших градов отступили нецыи от праваго пути, их же вина архиерей словесный и мудрый, а наипаче доверенный. Того ради да не радуются таковые и неволнии молчания друзи учинихомся, неукоряюще тобою новоуставленая. А ныне, получив ваше письмо и почаяв происшествие архиерейства твоего, откуда изыде, возрадовахомся, и хотя в письме твоем и есть нечто оскудеваемо, понеже не исповедует прегрешения, но отрицается слуху на тебя, обаче мы отрицание приятно и с

любовию приявше, возвращение и исправление совершеннаго Православия к древней красоте чаем. Но дабы слово по чину прежде бывших святых и избранных предуспевало, глаголем пространнее о том, что доведется сказати. Пишет архиерейство твое, яко предстоит Восточной Церкве, но обаче сие не токмо имать, зане на некоторой трапезе со многими прохлаждаяся, на котором были и некоторые греки, опорочил архиерейство твое Восточную Церковь о совершении святейшия тайны благодарения, говорил еси явно, что греки говорят тое и другое. Но однакож блаженный Павел порочит начинание, сего убо отговаривался от тех, которые говорят, аз есмь Аполло, аз же Павла, аз же Кифа, сие же глаголя о иных, о Христе бо Иисусе несть ниже Эллин, ниже обрезание, ниже скиф, ниже варвар. И понеже отлагает братская твоя любовь греков, что может предстояти Восточной Церкви, понеже греков порицает, от какаго роду вера есть, какою же верою спасаются даже доныне множества православных россиян, и каким исповеданием и правами освятилися толиции у россиян поклоняемые святые, которых и святые мощи и честные у вас и суть и почитаются и славятся по всей Восточной Церкви? Пишешь, что ты знаешь латинский язык и только Восточной Церкве предстоишь. Но ниже сие есть истино, занеже знати кому латинский язык, то не худо, а наипаче приятно, ибо многие Восточные Церкве словесницы научилися и учатся латинскому языку, обаче употребляют его во обличение латинских басней, а не кзащищению. Архиерейство ж твое всесмело и дерзостно писал еси начинания некая против Восточные Церкви и наипаче в разных своих списаниях и, будто протязаяся к Кавасилу и иных неких иерофинкторов, несешися против всея Восточные Церкве, претолковав и самотворив латинская начинания иумудрения. Авоспомянув архиерейство твое тое, что пишешь в них, не можешь рещи, что предстоишь догматам Восточные Церкви, но яво излагавши их, елика сила; не можеши отрещися от списаний своих, потому что пришли и до рук наших, которыя и некоторый от здешних учителей переведены на латинский язык. И видевши сия хульныя и противная отцем нашим, разрушили доводами противореченных гнилая твоя употребления, целую книгу

издивиче, которая ныне и в печать отдана, в которой о вышереченных причинах препяхом, чтобы пощажено было имя архиерейства твоего, благоговействующе наипаче врагов клеветы, яко же обыкше награждати сия чрез неких изменения во всей Восточной Церкве. Не можеши убо рещи, яко не суть погрешения сия великая и ереси виновная, которая сиречь утверждаются чрез вышереченные твоя списания, понеже отцы наши, сущие на Флорентийском Соборе и прежде его, тех, которые таковая умышляют, еретиками их нарекоша, и святейший патриарх Константинопольский Тарасий, пред лицем всего святаго Седьмаго Вселенскаго Собора, глагол аше, якоже видится в первом его деянии: в догматех бо аще мало, аще велико погрешати, едино есть, от обоих бо закон Божий разрушается. Пишет архиерейство твое, яко ты еси ученик преосвященнейшаго и в Святом Дусе брата нашего и сослужителя кир Варлаама, митрополита святейшия митрополии Киевския, и буде сие есть правда, надобно наипаче быти тебе ученику его и в образе веры, понеже он мудрствовал и мудрствует и поучает без порока отечественная. А твое архиерейство ввел еси в Церковь от себя многажды та, яже суть отвергнута и осуждена. И убо прежде бывшу тебе в Киевской школе, в богословских науках, и положения общая издал еси противная явно совершению святыя тайны божественности благодаренья и иных неких. И ныне в царствующем и православнейшем граде обретающуся тебе и в церковных пребывающу, в конец Эллинское училище стерл еси и токмо о латинских стараешися, поставив учителей во иных убо едва благоговейных и честных, обаче в догматах строптивых, якоже от тебя научившеся не мудрствовать право о мнозех. Пишешь, что писали к нам некоторые оттуда, быти тебе рачителю тамошняго святейшаго патриаршаго престола, однакож никто не писал к нам тако о тебе, но ниже мы писахом, что свойственно или о тебе, или против тебя, слышавше же о архиереистве твоем, что ты такой словесен и учителей, но имееши образом неким мысль отсечену в строительных и что и помудрствителен в церковных. Понеже от юно-шескаго возраста есми служители нелестнии, диаконы чистые, богомольцы бодрые и едва не

ревнители несравнимыя святыя тоя земля, в которой обретается архиерейство твое, писахом от любве и благоговения, и благовенчанному и благо-хранимому, крайнему защитителю, ревнителю, оборонителю и предстателю добрейшему святые Восточные Церкви, глаголем – к великой и тишайшей верховности, чтобы в патриарха не был выбран грек, или иные какая породы человек, сиречь или от Малыя или Белыя России, которые вскормилися и учатся в странах и школах латинских или полонских, хотя бы и (был) православнейший, но точию человек из Великия России, честный сиречь и не лестный москвитянен. Грек убо, зане овии полезни, сидят в том же озлобляющеся народу Божию и ожидающе конца, и приявше неизглаголанными стенаниями свободу чад Божиих, и наипаче подлинное – что иноязычни будучи, како могут такое великое настоятельство устроити? А те, которое волочатся туда и сюда и наипаче в тамошних странах, хотя егда и честнии, однакож, как наивящие мужики (т.е. необразованные) и несть не един, который бы возшел на такую степень, а прочие – зане совокуплени с латинами и приемлют многая нравы и догматы оных. О сем не надобно нам инаго образца, довлеет то архиерейству твоему, которое отшедши к латинским градом для возвращения мудрости и обратившеся, приведе в дар воспитавшей и почтившей тя Восточной Церкви списания исполнь хулы. Того ради молим, чтоб не пришло никогда такое лицо к святейшему патриаршескому престолу великия Москвы, но всегда б Москвитянин, понеже святейшие патриархи москвитяне всегда были православнии, и аще когда последовало изменение какое, от чистоты бе и простоты прегрешение, а не вольно зло-действенно и от страны мирские премудрости и умудреней папежства, обаче паки сия попечения имеша и о исправлении и в малых. Отнележе тамо (Богу благоволяющу) пребывал пречестный престол великия Москвы, все святейшие патриарси вступали в путь церковныя правости, неуклоняющеся ниже на право, ниже на лево. А отнележе архиерейство твое токмо учинился блюститель, объявилися ваяния, которая Восточная Церковь, сиречь Кафолическая Церковь, всегда отметала и

отгоняла. Вопрошаем тя, брат, чесо ради напечатал книгу против отеческих догматов, а потом, опасаясь обличить тех, которые приносят ваяние: в царствующий град, чесо ради блаженный святейший патриарх кир Иоаким, видя сия в Церкви, и с великим тщанием разрушил, а архиерейство ваше молчишь учинижающияся, а наипаче имеет Церкви заступителя и оборонителя святейшаго и православнейшаго, бодрствующаго и труждающагося и, по Павле, умирающаго по ней? И паки начинающе глаголем сего ради, и таких ради причин нужда есть, дабы в царствующем граде патриарх был москаль, и аще не мудрый есть в церковных делах, довольно есть и то, чтоб был разумен и смиренный и жития святолюбиваго, имея окрест себя мудрых, сиречь ведомых церковных правое и догматов, понеже глаголет Епифаний во ересех Валентинов, ниже зело сильный словом тех, иже в церквах председателей, речет кроме сих – понеже никто паче учителя, ниже слабый во слове умалит предание, понеже единой и тойжде веры сущие, ниже иже много о ней возмогающии прибавил, ниже иже малое убавил; а яже глаголет Епифаний, сия суть: ниже премудрейший патриарх глаголяй много, обаче не без пороку, пользует Церкви, но наипаче вредит; яко имеем приклад многих из патриархов Востока и Запада, ниже патриарх не сущ премудрейший и словеснейший, но православнейший и добраго жития, глаголет и действует нечто меныни потребных, ниже повреждает Церкви, наипаче ее пользует, творяй благая и учаяй прост сущи словом, а не разумом. Сего ради блаженный и приснопамятный князь Александр, который владел в России в лето 7605-е, прост будучи внешнею мудростию, отвещал по учительству духовному к посланным к нему кардиналам от ветхаго Рима: апостол и яко научиша, отцы яко претолковаша; соборы яко догмагичествовавше и утвердиша, так веруем, и иных собеседств о вере не приемлем. Сице преосвященный святый рязанской: подобает быти Московскому патриарху москалю, дабы сохранил отеческие дела непорочные, делами свидетельствует, а не словесами церковную истину, яко же сущую не в льстивых мудростях и прелестию, но силою и истиною. Прочая и братская твоя любовь, аще воистину

исправлен будеши, и познано будет благочестивое твое мудрствование во всей Восточной Кафолической Церкви и отметати будеши явно, яже от себя зло новоузаконенные и списанная, и известное будет истинное твое исповедание к православным догматом и явно творити будеши и словесами и делами, яко мудрствуешь сердцем и проповедуешь устами, яже исповедует вся Восточная Церковь – будешь и от нас и от прочих братии искренний архиерей и прелюбезнейший брат, последующе, сиречь и удовольствуяся токмо тем чином, который ныне получил еси, ничего инаго больше (да не) желаешь, понеже на святем патриаршеском престоле предвозвыситися, без всеявнаго и многовременнаго каяния и к тому многих лет расстоянием, аще и православнейший показатись будешь во всем – ниже мы, ниже прочий святейшие патриархи, без церковнаго негодования и полезной епитимий будем терпети во пристойном времени. Буди здрав ваша братская честность.

Из Константинополя, ноября 15 дня, 1703 году. Внизу приписано патриаршескою рукою: «Досифей милостию Божией патриарх святаго града Иерусалима». (Греческие дела 1703 г. №1)

№5

Грамота царя Алексея Михайловича к Волошскому воеводе Иоанну Дуке с просьбою, чтобы он похлопотал у восточных патриархов о разрешении Паисия Лигарида. 1671 г. 14 августа.

Божиею милостию от великаго государя, царя и великаго князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца Московскаго... (полный царский титул) Иоане Дуке, воеводе и владетелю Молдавские земли.

Бил челом нам, великому государю, нашему царскому величеству, богомолец наш преосвященный

Паисий Лигарид, митрополит Газский: по заступлению-де и прошению нашего царскаго величества святейший кир Досифей, патриарх Иерусалимский, ево, Лигаридия, совершенно разрешил и от всякаго юза и эпитимии свободил, и за то мы, великий государь, наше царское величество, благодарствовали Бога всеблагаго. И едва месяц прошол, паки обновишася жалобы и слова нечувственными против того ж помянутаго Лигаридия Газскаго. И тому мы, великий государь, наше царское величество, удивилися: откуду взачашася сия плевелы паки и к какому концу пришло наше царскаго величества предстательство и прошение, когда данное ему решение и к нам, великому государю, присланное у него паки отнято, о чем и архиереи государства нашего царскаго величества имеют не мало жали (жалости), которой прежде сего явно и с великою честию сослужение и священно-действование с ними имел? И того ради он, митрополит, просит у нас, великаго государя, у нашего царскаго величества вольные свободы, отити во страны своя для оправдания души своей и чина. Мы же, великий государь, наше царское величество, для нужных дел и тяготы ради старости евю не отпущаем, но всегда чаем в деле его полезнаго исцеления и утешения, и чтоб нам, великому государю, нашему царскому величеству, его митрополита пожаловать велеть с посланцом твоим, с Алексеем Васильевым, послать к тебе, Иоане Дуке, воеводе, нашу царскаго величества грамоту, чтобы ты, Иоан Дук, воевода,

приложил старание и службу свою о деле его истинным и благословенным сердцем, чтоб дан был ему прежней ево сан и полное решение, понеже нам, великому государю, нашему царскому величеству, в другорядь ко святейшим патриархом притещи о прошении его митрополитове не к чести показася. И тебе б, Иоан Дука, воевода, для нас, великаго государя, нашего царскаго величества, о том его митрополитове деле порадеть, понеже ты вяшщую и частую имеешь со блаженнейшими патриархи ссылку и дружбу. Также да напишеши от себя особую грамоту о том же митрополитове деле к Поенатакию, салтанову переводчику, чтоб он также блаженнейших патриархов наговаривал и ко прощению ево митрополитову подвигнул. И сие мы, великий государь, наше царское величество, тебе, Иоан Дука, воевода, объявя, желаем в том скораго и приятнаго ответу и последнего гаскому митрополиту прощения. А мы, великий государь, наше царское величество, в твоих делех, буде какие прилучатся, укажем такими ж мерами воздавать.

Писан в государствия нашего дворе, в царствующем велицем граде Москве, лета от создания миру 7179, месяца августа 14 дня. (Греческие статейные списки, №7, л. 125–129)

№6

Грамота государя Петра Великого от 4 июля 1715 года к Константинопольскому патриарху Косьме с просьбою разрешить ему, государю, на мясоястие во все посты

Всесвятейшему, премудрейшему и словеснейшему Новаго Рима и Вселенскому патриарху, господину, господину – кир Козме, нашему во Христе отцу, подобающее благоговение, еже радоватися, братски приветствуем.

Кийждо немощный желает врачевской помощи, дабы избегнути и изцелитися от своей немощи, которой целитель, наипаче в науке искусный, признав растворение природы, всякими способами тщится ускорить такому своими лекарствы, чтоб болезнь не застарела и не вредила более здравию. Мы, яко православной ваш во Святом Духе сын и святыя Восточныя Церкве уд, должен есмь от всего моего сердца охранять все догматы святые нашея матери Восточныя Церкви и чиню то, елико в силах моих есть со всяким тщанием. Обаче чистою совестию исповедую вашему Всесвятейшеству, что растворением природы моей есмь вельми слаб и часто впадаю в превеликие болезни, наипаче стражду феброю и скорбутиною, которые болезни мне приключаются больше от всяких суровых еств, а особливо понеже принужден быть непрестанно для обороны Святыя Церкви и государства и подданных моих в воинских трудных и отдаленных походах и путешествиях, в которых трудно что удобное от постных ядей к пропитанию получить. И такое растворение моей слабой природы признав, также и для объявленных путешествий, рассудили медики наши телесные нам советуют и принуждают от выше помянутых мне вредительных еств удерживатись, объявляя, что аще ли их совет преслушав, невоздержусь от таких ядей, то оные сумневаются в моем здравии и опасают, дабы не приключилося от того со временем какое внезапное бедство. Коея ради вины прибегаю к духовному врачу, еже есть к святой нашей матери, Восточной Церкви, и к вашему святейшеству, яко главнейшему оной во вселенной управителю, объявляя о оных превеликих и

тяжких болезнях, часто мне приключающихся и моему здравию вредящих, и прошу смиренно, дабы ваше всесвятейшество, благоразумно рассуждая (яко преемник Христа Спасителя и святых апостолов власть решити и вязати), вышепомянутую по моей природе мне тягость за слабостию здравия моего, мне подала в том свою духовную цельбу, решения – снисхождение в пище, да нисподоблюсь быть участником слов Спасителя нашего Иисуса Христа, глаголющаго: приидите ко мне обремененнии, да аз упокою вы, яко иго мое благо и бремя мое легко есть. Обаче паки истиною и чистым сердцем исповедую, что не яко б не хотяй соблюсти церковных правил и святых постов, по церковному преданию точию прошу сего – не буди то, но воистину ради вышереченных и неудобстерпимых моих и с того повсевременно приключающихся болезней. На сие уповаю получить от вашего все-святейшества отческаго и нисходительнаго письменнаго ответа и разрешения. И при сем да будут присно со мною святыя ваши молитвы и архипастырское благословение, пребывая вашего все-святейшества неотменный по Святому Духу сын и слуга, усердный Петр.

№7

Грамота государя Петра Великого от 4 июля 1715 года к Константинопольскому патриарху Косъме с просьбою разрешить на мясоястие во все посты всему русскому войску во время воинских походов.

Всесвятейшему, премудрейшему и словеснейшему, Новаго Рима Вселенскому патриарху, господину, господину – кир Козьме, нашему во Христе отцу, подобающее благоговение, еже радоватися, братски приветствуем.

Сим моим (писанием) принужден предложить на мудрое ваше рассуждение и надеюся, что ваше всесвятеишество, яко добрый пастырь, не отринет моего просительнаго предложения, которое последствует сице: понеже православные наши войска, которые воюют против супостат креста Христова и еретиков, ревностию Божественною изливающе кровь за мать свою святую Восточную, Соборную и Апостольскую Церковь и защищающе православную веру к вящей Божией славе бывают в тяжких и дальних походах и отдаленных и неудобных и пустых местах, идеже мало, а иногда и ничего не обретается никаких рыб, ниже иных каких постных яств, а по часту и самаго хлеба к нужнейшему пропитанию. К тому ж на такое множество воинов рыб и иных еств постных получить трудно, и тако принуждены оные единым сухим хлебом, и почасту же от мочи поврежденным, питатись, хотя бы и могли скота себе на пропитание получить. От сего часто случается, что во время постов большая часть помянутых войск различными болезнями страждут, и многие тысячи из оных и помирают, и в том не малая есть опасность (аще имеем во всем надежду на всемогущаго Бога), да не каво обрящемся бессильны на отпор неприятелем, и да не нападут на нас в такое время супостаты противные, как то случилось при Нарве в 1700 году в пост пред Рождеством Христовым, которое – храни десница Вышняго – может причинить величайший вред не только нашим войскам, но, и следовательно, и напасть православному нашему царству, и святей Восточной Церкве. Того ради молю ваше

всесвятеишество, да благоволите по данной вам благодати и власти, разсуждая к тому нужду ко охранению Апостольской Церкви, оным не токмо нашим, но и Христовым войскам, изливающим кровь свою за благочестие, разрешение подать, дабы они могли во время нужды разрешати на мясные и прочие в пост запрещенные яда. И есть благонадежен, что ваше всесвятейшество сицевое снисхождение, Православию полезное, учинить соизволит, понеже и первый в пророцех и паче всех человек постник и пустынножитель Иоанн Креститель, пришедшим к нему воином, не точию верным, но яко мнится римскаго идолослужительнаго тогда рода воином, желающим живот вечный наследовать, отвечал, инаго возможнаго не рассудил кроме того: да буду довольни оброки своими и никого не обидят. И понеже ваше всесвятейшество христианскою совестию уверяю, что сие не ради отвержения канонов и преданий церковных, что да не будет, но оные истинно и ненарушимо содержим, но и паче ради крайней нужды и пользы христианскаго воинства требую. Того ради не сумневаюсь, что всесвятейшество ваше, не презря наше лепотственное и нужное прошение, велие сердце православному воинству чрез моление и благословение вашего всесвятейшества подать. Пребывая впрочем вашего всесвятейшества неотменный по Святому Духу сын и усердный слуга Петр. (Греческие дела 1715 г. № 23)

№8

Жалованная грамота государя Петра Великого Константинопольскому патриаршему престолу с назначением ему ежегодной дачи в три тысячи соболями.

Божиею поспешествующею милостию, мы, пресветлейший и державнейший Великий Государь, Царь и Великий Князь Петр Алексеевич, всея Великия, и Малыя, и Белыя России, Самодержец Московский (и протчее большое титло), Наше царское величество, пожаловали, повелели дать сию нашу Царскаго Величества жалованную грамоту Иеремии архиепископу Константинопольскому новаго Рима и святейшему Вселенскому патриарху, за подписанием собственные нашея руки и за нашею государственною большою печатью для того: понеже нам, великому государю, нашему царскому величеству, он, святейший патриарх Иеремия, чрез грамоту свою с нарочно присланным своим доносил, что Церкви Божия, обретающияся в Константинополе, а особливая нареченная великая, где его патриаршей престол, от тяжких налогов от турок и частых и несносных поборов великое оскудение имеет и в несносныя и неоплатныя долги впала, от чего опасаетца крайнего бедства; чего ради просит нас, чтобы мы, яко сын православный Кафолическия Церкви, подражая о содержании православныя веры, в тех их нуждах некоторое вспоможение, чрез присылки к ним погодной милостыни и нашего жалованья учинить соизволили и о том бы нашею жалованною грамотою их обнадежили. И мы, из вышеупомянутая доношения святейшего патриарха Иеремия, нам учиненнаго, усмотри благочестивыя кафолическия веры Церквей утеснение и что оные под игом турецким (зачеркнуто: бусурманским) страждуще, а особливо его святейшаго патриарха кафедральная Великая Церковь в немалое оскудение впала, того ради, яко Православия любящий и сын тоя Восточныя Церкви, соболезнуя об оной, определяем повсягодное воспоможение великие Константинопольские Церкви, к нему, святейшему патриарху Иеремие, и будущим по нем святейшим Вселенским

Константинопольским патриархом из нашей царской казны посылать на каждой год на три тысячи рублев соболей, которое имеют отдавано быть без умедления присылаемым от него, святейшаго патриарха, которых, а имянно персоны две или три, и имеет он и сукцесоры его на том патриаршем престоле, будущим присылать по то наше жалованье повсягодно, которым присланным в нашем Российском государстве надлежащей и достойной, по чину и сану, прием и отпуск учинен быть имеет, и нашим монаршеским жалованьем оные, по примеру других, награждены будут, и в пути не токмо в государство наше едущим и назад возвращающимся свободной пропуск, но и в даче подвод и в других нуждах надлежащее воспоможение показано будет, а особливо когда имеют возвращатца из нашего российскаго государства с вышеписанною определенною годовою милостынею, то отныне будут даны подводы ради отвезения той определенной милостыни, которая пропущена будет в наших Царскаго величества городех безо всякаго удержания, не требуя никаких пошлинных и других платежей, якоже и ныне, с присланным от него, святей-шаго патриарха, Григорием Ватацием, отправить повелели мы на три тысячи рублев соболей, дав под оные и тому присланному подводы. И то все впредь содержать сею нашею Царскаго Величества милостивою жалованною грамотою обнадеживаем, определяя и узаконяя и нашим будущим наследником нашего Всероссийскаго царскаго престола, по сей нашей данной жалованной грамоте безо всякаго прекословия исполнять. И пребываем в надежде, что за такую нашу показанную милость и обнадеживание и впредь оною, он, святейший патриарх Иеремия, и его сукцесоры, святейшия Констан-тинопольския Вселенския патриархи, будут как за наше и наследников наших и весь наш царский дом многолетное здравие Бога молити, так и поминовение по наших царских прародителях и родителях завсегда творити и всякаго добра нам и государству нашему желати. При сем же повелеваем нашим генералом-губернатором, вице-губернатором, комендантом, лантратом и всякаго чина воинскаго и гражданскаго управителем, також в городех инспектором, бургомистром и таможенным служителем,

по вышеозначенному нашему всемилостивейшему соизволению присланных от него, святейшаго патриарха, и по нем будущих святейших Константинопольских патриархов, пропущать как в наше государство едущих, так и назад с тем по нашей милости определенным жалованьем возвращающихся, везде без всякаго задержания, и давать потребное число подвод, и нигде мостовщина и за перевоз чрез реки, також пошлина никакая, отправленных с ними соболей или протчей мяхкой рухляди, взята быть не имеет.

Дадеся сия наша Царскаго Величества жалованная грамота в Москве, 1718 генваря 3 дня, государствования Нашего 36 году.

У оригинальной приписано его царскаго величества собственною рукою: «По сему Петр».

Писана сия грамота на александрийских листах в тетрати и оболочена штофом с золотом, запечатана болшою печатью в ковчеге серебряном и отдана оная присланному от патриарха Доместику Ватацию.

Граф Головкин (Греческие дела 1718 г. №2)

№9

Две грамоты: одна государя Петра Великого и одна государыни Екатерины I Константинопольскому патриарху Иеремии в ответ на присланное им поздравление по поводу священного коронования государыни Екатерины Алексеевны.

От Его Императорскаго Величества к Константинопольскому патриарху кир Иеремии.

Всесвятейшему, премудрейшему и словеснейшему новаго Рима и Вселенскому патриарху, господину, господину кир Иеремию, вашему во Христе отцу, подобающее благоговение еже радоватися, братски приветствуем.

Почтенное братское вашего все-святейшества писание, от 25 дня месяца июня сего году писанное, мы здесь исправно получили, и выразумев из оного спасаемое ваше пребывание, возрадовалися, благодарив Господу Богу. При сем вашему всесвятейшеству за теплое ваше к Богу о нас моление, також и за благопоздравительное приветствие коронациею нашей прелюбезной супруги императрицы Екатерины Алексеевны достойное благодарение посылаем, уповая, что обоих нас и впредь в святых молитвах своих не оставите. Жалование же Константинопольской при вас Церкви, из казны нашей определенное, по требованию вашему выдать присланному от вас доместику Григорию Ватацию повелели. В протчем вашего всесвятейшества по духу отца и верховнаго Вселенскаго архипастыря пребываем всегда по духу сын и готовый... (заключительных слов нет).

Сентября – 1724 года

От ея Величества государыни императрицы Екатерины Алексеевны к Константинопольскому патриарху кир Иеремию.

Всесвятейшему, премудрейшему и словеснейшему, новаго Рима Вселенскому патриарху, господину, господину Иеремию, нашему во Христе отцу с подобающим благоговением поздравление посылаем.

С немалым почитанием мы вашего всесвятейшества молитву и благословение чрез почтенное ваше писание от 25

дня месяца июня писанное, благоприемлем, за что, а особливо за ваше усердно отеческое поздравление коронования, которым, Богу благоволившу, его императорское величество, государь мой супруг удостоити меня соизволил, вашему всесвятейшеству достодолжное отдаем благодарение и уповаем, что и впредь, якоже и просим, в святых молитвах своих нас не препомните. В протчем взаимно желая вам всякаго благополучия, пребываю вашего всесвятейшества доброжелательная Екатерина.

Сентября 21,1724 года (Греческие дела 1724 г. №1)

№10

Четыре грамоты государя Петра Великого к Иерусалимскому патриарху Досифею.

Грамота первая 1701 года

К Еросалимскому патриарху

Донесена нам, великому государю, нашему царскому величеству с архимандритом вашим Хрисанфом вашего блаженства грамота, в которой, слыша о нашем царскаго величества намерении, писали есте вы, что изволяем мы в завоеванном нашем граде Азове быти митрополии, а ваше к тому всесвятейшество требуете и того, дабы к приналежащим той митрополии во градех были подвластные епископии, которых бы благонравие было по древнему Кафолической Церкви обычаю смиренное, а наипаче, чтоб и житие их было якоже и ваше. И мы, великий государь, наше царское величество, по прежнему намерению своему и вашего блаженства по предложению, требуем того, чтоб был в том нашем граде Азове престол митрополитанской и к тому подвластные епископии из области вашего архипастырства из архиереев или священномонахов, которые б словенскаго языка и речения знали и могли бы в тамошней стране не только что живущих христиан ко спасению приводить, но и пограничных бы народов из поганства в благочестивую православную кафолическую веру греческаго закона навращать и в оной утверждати были довольни суть, и под властию своею по градом, где належати будет с нашего повеления, те епископии учением утверждали; и сего бы ради ваше блаженство, восприяв сею нашего царскаго величества грамотою известие в тамошних ваших странах, избрав житием искусных и в свободных науках ученых и в словенском речении знаемых из архиереев или архимандритов или из священномонахов, епископскаго сана достойных, на тую именованную азовскую митрополию и для иных епископии российских к нам, великому государю, к нашему царскому величеству, отпустили б двух или трех человек, а мы, великий государь наше царское величество, таких архиереев или архиерейскаго сана достойных особ и постояннаго жития всеисполненных, когда присланы будут с премногою нашею милостью восприяти и по достоинству

удоволити их будем. Засим предав ваше блаженство в Божие сохранение, а наше величество святых ваших молитв требуем и из тамошних краев всесовершеннаго известия поведения чрез ваше блаженство впредь слышати желаем.

Грамота послана со старцем Григорием 10 сентября 1701 года.

Грамота вторая 1701 года

От царскаго величества к блаженнейшему патриарху Иерусалимскому (после обоих титулов).

Хотя и прежде сего чрез архимандрита вашего блаженства Хрисанфа писали и отвещали на те письма, что к нам писаны чрез посланника нашего Емельяна Украинцова, и на те письма чрез тогож вашего архимандрита Хрисанфа писаны, и не токмо на письме, но и на словах чрез тогож, о всяких делах к нам писанных приказали объявити блаженству вашему, да и чрез великаго посла нашего, что належало блаженству вашему к делам обо всем ему прилежно наказано, о которых делех чаем, что по се число чрез тогож посла нашего вашей святости ведомость подлинная учинена; однакожде и ныне будучи благополучный случай через посланнаго владетеля мунтянскаго Петра, паки подвижны есмы писати к блаженству вашему, аще и краткое, понеже мы блаженство ваше имеем паче протчих всех о Христе возлюбленнаго отца, и пастыря, и великодушнаго мужа, и тем паки призываем блаженство ваше, дабы как прежде сего в богоугодных молитвах своих нас никогда запомнил и в делах наших приключающихся всегда пособника имели есмы, так и ныне по то-муж от блаженства вашего желаем, аки от возлюбленнаго отца и пастыря, яко да во всяких делех наших, покамест наш великий посол в тех краях пребудет, был бы ему блаженство ваше советник истинный, а мы, великий государь, наше царское величество, к тебе, возлюбленному отцу и пастырю нашему, поелико возможно не токмо словом, но и делом и во всех богопроходимых местах святых склонны есмы щедрою рукою способляти, токмо и блаженство ваше, как и прежде сего, и всегда честными грамотами своими нас посещать благоволиши и молитвою не оставляй. Засим поручаем себе богоугодным отеческим молитвам вашим, желая вам от Господа Бога крайнее спасение и совершенное здравие на многия и глубочайшия лета улучити.

Писано 3 сентября 1701 года. (Греческие дела 1701 г. № 1)

Грамота третья 1702 года

Блаженнейший и премудрейший пастырь и патриарше святаго града Иерусалима и всея Палестины кир Досифее, во Святом Дусе пречестный и любезнейший отче, вашего блаженства возлюбленная и духовная чада о Христе, лобызаем пречестную главу вашу, желая от Господа Бога вашему блаженству спасение душевное и телесное здравие на множество лет, во еже пасти стадо от Бога вам врученное на пажитве спасительном и богоугодном во славу Божию и в похвалу православнаго христианскаго исполнения.

Две грамоты блаженства вашего с великим нашим послом, с князь Дмитрием Галицыным, приняли: одну, в которой пишете о делех св. Гроба и о после, что там ему случилося, а в другой чинишь отповедь против грамоты нашея, что мы с Георгием Кастриотом к вам писали, из которых перво выразумев здравое пребывание вашего блаженства, зело обрадовалися, которое дай Боже нам слышать и впредь, что в добром состоянии сохранил вышний и о благословении ж выну к нам молитв ваших очень и впредь просим блаженство ваше, дабы не препомнил нас всегда во своих патриаршеских и к Богу заступительных молитвах. А о делех наших, что пишешь, что послу нашему и делом и словом советами вашими елика сила способствовал, как о том и сам посол наш известил нам, зело благодарствуем, что блаженство ваше чините зело годное, что доведется такая особы превосходительныя равному своему имени, как везде блаженство ваше прославляется паче всех иных архипастырей православных. И понеже ныне мы, великий государь, наше царское величество, рассудили, что для наших великаго государя дел, которые належат меж нами, великим государем, и меж Портою Отоманскою, доведетца посылати посла нашего, который бы жил на несколько время при той Порти, как и от иных християнских государей, там живут, се посылаем тамо посла нашего, ближнего нашего стольника и наместника Алаторскаго Петра Андреевича Толстова, которому указали, чтоб будучи ему тамо, советы свои приобщил с

блаженством вашим, как и прежние наши послы, будучи там, учинили; а от блаженства вашего желаем, дабы к тому послу нашему был еси во всяких приключающихся ему делах способник и словом, и делом, елико возможно. И того ради пространнее о том на письме отповеди не пишем ко блаженству вашему, понеже указали ему про всякие дела наши объявити словесно и советывати об них, как лучше мочно быти и как Бог наставит блаженство ваше, так и учинити против святаго своего прежнего обычая. А мы в том не токмо не сумневаемся, но надеемся, что блаженство ваше тому послу нашему будешь во всех делех советник и искренний помощник и о делех тамошних случающихся желаем от блаженства вашего, дабы всегда, чрез того же посла нашего, изволил к нам писати и объявляти, а у нашего царскаго величества тое радение и прилежание к нам блаженства вашего зело приятно и незабвенно будет.

Писано в 1702 году, апреля – в день. (Греческие дела 1702 г. № 1)

Грамота четвертая 1703 года

«Святейшему и всеблаженнейшему отцу и владыце, господину, господину Досифею святаго града Иерусалима и всей Палестины патриарху, мирнаго и душеспасительнаго состояния истинно желаем.

Понеже выразумели мы из доношения посла нашего, в Адрианополе пребывающаго, вашего блаженства искреннее радение и труды, которые полагаете во всяких случаях благопотребных к делам нашим, паче же ко всему православному християнству, по-прежнему вашему блаженству благодарствуем, желая, дабы и впредь, по своей к нам ревности, во всяких приключающихся делех благонаставительный свой совет подавати послу нашему и вспоможение всякими уведомлении чинити изволили, и оного блаженства вашего радение о делех наших никогда забвению предано не будет, но и всякою нашею сердешною любовью воздавати потщимся, прочее же повелели есмь словесно послу нашему вам донести. При сем и паки желаем от Господа Бога вашему блаженству мирнаго и душеполезнейшаго состояния, себя же вашим отеческим священным молитвам и благословению поручаем, и есмь вашего блаженства сын послушнейший.

Из Шлозбурка майя в 20 день 1703 году. А внизу помета: «Подчерченное писано рукою государя». (Греческие дела 1703 г. №1)

№11

Записка о начале и продолжительности разных церковных служб на Афоне, написанная жившим в Москве архимандритом афонского Иверскаго монастыря Дионисием. «Перевод с греческаго письма».

Во святой горе Афонстей обычай имеет такой: во владычних праздниках благовестят малую вечерню за два часа денных, а зимнею порою, как бдение бывает, благовестят за восемь часов ночных, а летнею порою за семь часов, и по вся воскресении за семь часов, и отпевание бывает от бдения во владычни праздники и по воскресным дням на восходе солнца, до отдачи часов, чтоб них тоне уснул после пения. А которому великому святому празнущему по уставу бывает також, как и прочие, а как бывает святому празнество, и в то время бдения не бывает, а бывает большая вечерня, и благовест бывает зимою за пол-три часа, а летнею порою за полчетыре часа, а завтреню начинают и поют за 6 часов до света, а поют в церкве пять часов, и выходят из церкви за час до света, чтобы братьи по кельям своим правило исполнить. А повсядневно зимнею порою поют вечерню за два часа, а летнею порою за три часа, а у завтрени повсядневной же зимою и летом всегда за четыре часа начинают и поем в церкве завтреню три часа и выходим за час до света, чтоб поотдохнуть небольшое время братьи и совершить бы им свои правила по кельям своим. А во обедни Ивана Златоустаго и во владычни праздники и по воскресным дням и повсядневно зимою и летом, как ударит два часа, учнут благовестить, и начнут обедню в третьем часу дни, и отпевают в четвертом часу.

А в трех постех в Рождественском, в Спожинском и в Петровском, когда поют аллилуйя, в понедельник, и в среду, и в пяток имеем иной чин потому, что на святой литоргии поем тайно в церкве предельной по чину, как ведетца в третьем часу без благовесту, и как ударит четыре часа и в пятом часу в соборной церкве благовестят и поют часы все сполна с поклонами, а после обедни роздают братье просфиры. Сей чин

ныне токмо в монастырех Святые Горы совершаетца, а в мире и по градом такие чины не бывают, и невозможно быть такому чину по мирским церквам, только бывают в третьем или четвертом часу дни поют часы, а потом обедню, еслицы хотят, другие ж часы поют, кроме литоргии. А в Великом посту в Афонстей Горе благовестят и начинают завтреню за пять часов и стоят в церкве в пении заутренном четыре часа, и выходят из церкви за час до света. А часы поют как ударит три часа, в четвертом часу дни благовестят и поют третий и шестой час по чину со чтении, потом выходят из церкви. А как ударит шесть часов, на седьмом часу благовестят и поют девятый час и вечерню по обедни, а как совершается в среду и пяток преосвященная (преждеосвященная) обедня, и выходят из церкви в девятом часу, и братия пойдет за трапезу, а из трапезы выходят в девятом часу. А повечерницу поют за полтретья часа до вечера против мца (месяца), как случитца. А в субботы и в недели в Великом посту начинают обедни в третьем часу дня, а от обедни выходят в субботу в четвертом часу, а в неделю в пятом часу для Великаго Василия. А в Светлое Христово воскресение Пасхи и во всю Светлую неделю начинают обедни во втором часу дни и совершаетца в третьем часу.

Сей чин и обычаи держат монастыри все Святые Горы, только в миру и по городам небольшим бывает отставлено ис того чину монастырскаго, и то бывает в миру во втором часу дни обедня начинают и отпевают в третьем часу для мирских покоев, и всеночные бывают менши и завтрени потому ж менши для мирских покоев и для нужных времян. А в трех постах: в Рождественском, в Успенском, в Петровском, егда поют аллилуйя, тогда не поют часов после обедни, якож во Святей Горе Афонстей, потому что в миру невозможно так быть, а только в монастырях, а поют часы междочасии и поклоны с третьего часа и до четвертаго потом и обедню, а иные и без обедни только часы одни поют междочасии и поклоны. А и Великий пост по городам в миру часы начинают в шестом часу и поют вместе третий, и шестой, и девятой, и вечерню, якож и зде на Москве бывает ныне такожде, и в наших странах в миру везде так бывает. А в наших странах в мире только не большая

рознь, и Афонстей горе управление ради мирских человеков, во всех прочих единогласие и един чин и обычаи и соединение обретаетца.

(Греческие дела 7174 г. №4)

№12

Синодальный указ в Коллегию иностранных дел по поводу мощей святаго мученика Христофора, привезенных из Греции 1723 года.

Указ Его Величества Императора и Самодержца Всероссийскаго из канцелярии Святейшаго правительствующего Синода в Коллегию иностранных дел.

Прошлаго 722 году, декабря 31 дня, по Его Императорскаго величества указу и по согласному Святейшаго правительствующаго Синода приговору и по некоторому в Синоде поданному доноше-нию, взять в Канцелярию Синода из дома монастырскаго приказу, секретаря Макара Беляева, ковчег серебряной, на котором изображен образ святаго мученика Христофора, а в том ковчеге явилась положенная под именем того мученика главы слоновая кость, о чем и Его Императорскому величеству сего генваря 10 дня Синодом докладывано. И по имянному его императорскаго величества указу поведено оной ковчег перелить в какой пристойно церковной сосуд, а содержавшуюся во оном под именем мощей слоновую кость положить в синодальную кунсткомору и написать на оную трактат с таким объявлением: как напредь сего, когда от духовных инквизиции не было, у потреблял ися сицевые и сим подобные супертиции, которые и от приходящих в Россию греков производимы и привозимы были, что ныне уже синодальным тщанием истребляется. И сего генваря 9 дня, по силе вышеписаннаго Его Императорскаго Величества имяннаго указу и по согласному Святейшаго Синода приговору велено о оной под именем мощей содержавшейся кости послать из Синодальной канцелярии в Коллегию иностранных дел и в приказ большего дворца и в прочие команды, где прием чужестранных вещей и награждение за те вещи напред сего было, и ныне бывает, такие указы, чтоб справленося было с записными книгами, в которых записываны греческих патриархов грамоты и привезенные в Россию из Греции и из других стран церковные и протчие вещи и учиненные за те вещи

дачи, между которыми всеприлежно взыскать надлежит то, что оная кость под имянем святаго мученика Христофора главы в котором году, и от кого, и с каким письменным свидетельством прислана, и кем привезена, и где до которых лет была, и за какую вещь содержалась, и колико кому какова награждения откуда за оную дано, о чем подано б было в Синод обстоятельное известие и с письменнаго о оной свидетельства, каково где сыщется, внесена б была копия немедленно, понеже то в сочинении определеннаго выше Его Императорскаго Величества имянным указом трактата, фундаментом быть имеет и Коллегии иностранных дел о выше объявленном учинить по Его Императорскаго Величества указу.

Обер-секретарь Тимофей Палехин Семенов. Канцелярист Михаила Дудин. Генваря 25 дня 1723 года (Греческие дела 1723 г. №1)

Примечания

[1] - После принятия христианства от греков, говорит Олеарий, «русские стали считать греков за людей как бы более святых и набожных, чем они, русские» (Чтения в Обществе истории и древностей российских.1863. Кн. 4. С. 308)

[2] - Православный собеседник 2 (1861). С. 90.

[3] - Сахаров И.П. Сказания русского народа. Ч. 2. М., 1837. С. 85.

[4] - Терновский Ф.А. Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение к Древней Руси. 4.1. Киев, 1874. С. 120.

[5] - Православный собеседник 1 (1863).

[6] - Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. I. СПб., 1900. С. 8.

[7] - Седерберг в своих заметках о религии и нравах русского народа (1709–1718 гг.) говорит: «Русские хвалятся тем, что апостол Андрей, брат Симона-Петра, тогда положил начало их вере, когда он из Греции через Понт Евксинский или Черный, перешедши устье Борисфена, явился в Киев, тогдашнюю столицу Руси, и проповедовал, обращал, крестил и научил всю Русь осенять себя крестным знамением» (Чтения в Обществе истории и древностей российских 2 [1873]).

[8] - Терновский Ф.А. Изучение византийской истории. Ч. II. С. 173.

[9] - Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Ч. II. СПб., 1861. С. 276.

[10] - Петрей в своей «Истории о великом княжестве Московском» говорит: «Русские думают, что одни только они христиане на земле, и хвастаются, что одни чтут, исповедуют и обожают Бога и Его милосердного Сына, а всех других на свете ославляют нехристями, язычниками и еретиками, которые не истинно исповедуют Бога, а презирают Его, не имеют надлежащей и правой веры, отметают Ветхий и Новый Завет, а

потому и отступники» (Чтения в Обществе истории и древностей российских 4[1867]. С. 435).

[11] - Известен тот ответ, который дал митрополит Филипп на вопрос великого князя относительно того, можно ли допустить в Москву въезд папского легата, сопровождавшего Софью Палеолог, с преднесением креста: «Нельзя послу не только войти в город с крестом, но и подъехать близко; если же ты позволишь ему это сделать, желая почтить его, то он в одни ворота в город, а я, отец твой, другими воротами из города; неприлично нам и слышать об этом, не только что видеть, потому что кто возлюбит и похвалит веру чужую, тот своей поругался».

[12] - «Русские, – говорит Седерберг, – не только привержены к греческой вере и исповедывают ее еще поныне, но и считают себя вернейшими последователями ее, чем самые греки, от которых они ее получили, невзирая на то, что они во многих членах не согласны с ними» (Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1873 г. Кн. 2. С. 3–4).

[13] - Материалом для настоящего исследования служили главным образом так называемые греческие дела, греческие статейные списки, турецкие статейные списки, греческие грамоты на славянском языке и некоторые другие рукописные источники, которые будут указаны в самом тексте. Все эти документы хранятся в Главном московском архиве Министерства иностранных дел. При этом долгом считаем заявить нашу искреннюю благодарность г-ну директору архива барону Федору Андреевичу Бюлеру за его всегдашнюю готовность оказать всяческое содействие нашим занятиям в архиве, а также приносим свою благодарность и всем служащим в архиве за их любезно-внимательное отношение к каждому требованию занимающегося у них.

[14] - Статейный список № 1, листы 186 – 200. Греческие дела 7152 г. № 1; 7159 г. № 8 и 41; 7164 г. № 24 и др.

[15] - Малышевский И.И. Александрийский патриарх Мелетий Пигас и его участие в делах Русской Церкви. Т. II. № 11. Киев, 1872. С. 4–5

[16] - Муравьев А. Н. Сношения России с Востоком по делам церковным. Т. I. СПб., 1858. С. 291.

[17] - Греческие дела 7206 г. № 31.

[18] - Муравьев А.Н. Сношения с Востоком. Т. I.С. 171.

[19] - Греческие дела 7154 г. № 7.

[20] - Муравьев А. Н. Сношения России с Востоком по делам церковным. Т. II. СПб., 1860. С. 235.

[21] - Греческие дела 7161 г. № 34.

[22] - Эта грамота афонитов напечатана нами в статье «Русская благотворительность афонским монастырям в XVI и XVII столетиях» // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения за 1882 г., месяцы январь, март, май, июнь.

[23] - Муравьев А.Н. Сношения с Востоком. Т. II. С. 239.

[24] - Раич И. История разных славенских народов, наипаче же болгар, хорватов и сербов, из тьмы забвения изъятая и в свет исторический произведенная. Кн. VII. Гл. IV, § 6.

[25] - См. Голубинский Е.Е. Краткий очерк истории православных Церквей Болгарской, Сербской и Румынской. М., 1871.

[26] - В окружном послании Константинопольского патриарха Каллиника, заключавшем в себе соборное постановление по делу синайского архиепископа Анании (присутствовавшего на большом Московском Соборе), стремившегося сделаться автокефальным, говорится, что находиться вне четырех патриархатов значило то же, что находиться вне христианства, «внутрь бо четырех патриархатов все христианство ограждается», хотя в это время и существовал пятый – Московский патриарх (Рукопись петербургской синодальной библиотеки «Икона», № 73, с. 178 об.). Как и почему в православной древней Церкви появилось именно пять патриархатов, а не больше и не меньше, и насколько справедливы основанные на этом притязания позднейших греков, см. в «Истории Русской Церкви» Е.Е. Голубинского (т. I, половина первая, с. 223 – 282).

[27] - Все документы относительно учреждения у нас патриаршества, которыми мы пользовались, указаны и

переведены в статье священника Николаевского: Учреждение патриаршества в России // Христианское чтение 2 (1879); 1 (1880), лучшее и обстоятельнейшее исследование по данному вопросу в нашей литературе и в десятом томе «Истории Русской Церкви» преосвященного Макария.

[28] - Тот же взгляд на учреждение в Москве патриаршества высказал впоследствии и известный Паисий Лигарид в своем сочинении о суде над патриархом Никоном. Паисий говорит: «Так-то Иеремия один провозгласил митрополита Московского Иова патриархом, как то записано и находится в царской книге; а бывшие при нем два архиерея, Досифей Монемвасийский и Арсений Элассонский, крепко удерживали Константинопольского патриарха от такого предприятия и возведения в патриархи, говоря, что это должно было совершиться непременно соборно и провозгласиться с согласия прочих трех патриархов. Хорошо можно об этом узнать из послания тогдашнего патриарха Александрийского, господина Мелетия к Иеремии, патриарху Константинопольскому», и далее дословно приводит самое письмо Мелетия (Рукопись Московской Духовной Академии 71. Гл. II).

[29] - Флетчер, бывший в Москве во время учреждения у нас патриаршества, говорит, что Иеремия вручил царю отречение от своего сана и свой патриарший посох и что Иов был наречен патриархом «Константинопольским и Сионским со всею властью, принадлежащею сему патриаршему престолу» (Библиотека для чтения 1 [1860]. С. 25). Очевидно, Флетчер мечты русских принял за действительный факт.

[30] - Замечательно, что и другие завзятые гречане, поддавшись обаянию цветущего положения Русской Церкви и государства сравнительно с бедственным положением других Восточных Церквей, невольно иногда признавали, что Московский патриарх должен занять первое место как заменивший собою Римского. Так, Паисий Лигарид в указанном выше сочинении о суде над Никоном говорит: «Оставалось и благочестивой Московии как господствующей над северными странами украситься и возвеличиться патриаршим титулом, и особенно тогда, когда благоугодно было всевышнему Богу,

после того как тиранство попрало четыре Вселенские Патриархии, возвести сие новообразовавшееся российское царство, как бы для нашего успокоения, дабы не пришли в отчаяние овцы Восточной Христовой Церкви, если не увидят на земле другого пастыря и православного самодержца» (гл. III). «Поелику, – продолжает он, – не знаю, каким образом Римский отделился от прочих патриархов; надлежало иному кому-либо заменить его, дабы исполнилось полное число пяти глав, почему в введен был прилично патриарх Российский, сохранявший совершенно таким же образом букву «р"». Но, спохватившись, Паисий через несколько времени замечает: «Российский называется пятым не потому, будто бы он занимает место Римского, как прежде сказали мы вскоре, впопыхах, ибо на основании Соборов никому не следует переменять положенные отцами нашими пределы. Достойно патриарху Московскому быть главою русских, автокефальным, подобно прочим восточным патриархам – и ничего больше. И великая Армения была подчинена Антиохийскому, но потом была почтена, отделена от оного и сделана автокефального. Российская Церковь – глава России, но хранит честь относительно патриаршества Константинопольского как апостольского, от которого и до сих пор имеет утверждение» (гл. IV).

[31] - Дополнения к А. И. Т. II. № 76.

[32] - Чтения в Обществе истории и древностей российских 4(1868).С. 363.

[33] - Там же 2(1881).С. 20–21.

[34] - Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. СПб. ,1872. С. 615 и приложение, с. 65 и 9.

[35] - Дополнения к А. И. 1 – 27. Царствен, кн. 209 – 210. Никоновская летопись. VII, 137.

[36] - Рущанский. Религиозный быт русских по сказаниям иностранцев // ЧОИДР 3 (1871). С. 92.

[37] - «Описание государственного архива старых дел» Иванова. С. 300. Поли. собр. нак. № 2.

[38] - См. в «Истории российской иерархии» о Крестном монастыре.

[39] - Греческие дела 7137 г. № 16.

[40] - Что эта грамота Лукариса существовала, это видно из того, что она значится в переписных книгах дел Посольского приказа 181 года № 4, л. 80 (Московский архив Министерства иностранных дел).

[41] - Греческие дела 7139 г. № 5.

[42] - Греческие дела, 7160 г. № 37.

[43] - 7163 г. № 15 (и впредь для обозначения греческих дел мы будем употреблять только год и номер).

[44] - 7163 г. № 15.

[45] - 7191 г. № 3.

[46] - 7142 г. № 12.

[47] - Рубан В Г. Пешеходца Василия Григоровича-Барского путешествие к Святым Местам. СПб., 1778. С. 623.

[48] - Павел Алеппский считает нужным отметить тот факт, что русские при подписании им разных подарков со стороны восточных просителей милостыни «ничему так не радовались, как священным предметам и греческим изображениям, к которым они питают большое религиозное почтение; ангорскую шерсть, шелковые газские платки и тому подобное они едва брали от нас, потому что в этих предметах у них изобилие» (Труды Киевской Духовной Академии 1876 г., июль, с. 71).

[49] - В Лавре Афанасия на Афоне есть Крест Животворящего Древа, принадлежащий игумену Лавры иеромонаху Григорию, как это видно из собственноручной записи его 1244 года, в которой он выразил, что эта святыня досталась ему по наследству от предков его. Она осыпана дорогими камнями (Еп. Порфирий [Успенский]. Путешествие на Афон. Ч. 1. С. 200).

[50] - Так, о св. Савве, архиепископе Сербском, рассказывается, что он во время своего путешествия в Иерусалим и в Александрию «честныя сосуды и мощи святых многие откупиваше, в отечествие свое пренести хотя» (Раин. История славянских народов. Кн. VII, гл. IV). В 1374 году суздальским архиепископом Дионисием за большую цену была

приобретена в Царьграде следующая святыня, которая ныне хранится в Москве в Благовещенском соборе: «1) ароматы, коими помазано было тело Иисуса Христа; 2) часть нешвенной ризы Господней; 3) губа, коею натаяли уста Иисусу Христу; 4) Его Кровь; 5) часть камени гробнаго; 6) часть ризы Богородицы; 7) власы из брады Христовой: 8) камень от столпа, к коему привязан был Спаситель; 9) венец терновый; 10) часть ложной багряницы; 11) Кровь из ребра Христова; 12) камень от доски, на которую положено было Тело Иисусово, снятое со Креста; 13) часть от трости, коею били Иисуса; 14) хитон Его; 15) камень от яслей; 16) ароматы, принесенные Марфой и Марией» (Памятники московской древности Снегирева. С. 92). Южная Русь святыню и особенно нужные ей мощи приобретала также от греков. В 1632 году Исайя Копинский писал патриарху Филарету Никитичу, что у них все разграблено, нет святых мощей, необходимых для антиминса и освящения мира, «понеже гречане мало бывают у нас, а преж сего у них святых мощей доставали» (Терновский С. Исследование о подчинении Киевской митрополии Московскому патриархату. Киев, 1872. С. 29. Арх. 10–3. Рас. Т. V).

[51] - Еп. Порфирий (Успенский). История Афона. Кн. III. С. 128.

[52] - Арсений. Летопись церковных событий. С. 653.

[53] - 7156 г. № 17.

[54] - 7178 г. № 76 и «Записки Русского археологического общества» II, 390.

[55] - Его путешествие. С. 527.

[56] - 7201 г. № 38.

[57] - С. 98.

[58] - ПСС. Т. III. С. 97.

[59] - Ввиду чего просители милостыни, отправляясь в Россию, старались запастись какою-либо святынею и при случае покупали ее где возможно. Так, например, поступил Антиохийский патриарх Макарий, который, по свидетельству его племянника Павла Алеппского, купил в Константинополе за большую цену разные священные предметы, между которыми

были: кусочек Животворящего Древа, залепленного в воск, в огне этот кусочек походил на раскаленный скип и потом опять делался черным, а в воде тонул; кусочек голгофского камня со следами Крови Спасителя; эта Кровь изменила свойства самого камня, который похож на кусок серебра и сиял как золото, а самая Кровь осталась светлою и походила на пылающий уголь (Чтения в Обществе истории и древностей российских 3 [1871]. С. 92).

[60] - 7149 г. № 14.

[61] - 7150 г. № 19.

[62] - 7159 г. № 42.

[63] - 7163 г. № 1.

[64] - 7165 г. № 6.

[65] - 7162 г. № 2.

[66] - 7144 г. № 7.

[67] - 7160 г. № 6.

[68] - 7164 г. № 24.

[69] - Турецкие дела 1706 г., связка 7, № 3, лист 119.

[70] - 7164 г. № 24.

[71] - 7169 г. № 10.

[72] - 7156 г. № 36.

[73] - 7161 г. № 3.

[74] - 7160 г. № 21.

[75] - 7162 г. № 2.

[76] - 17160 г. № 21.

[77] - 7156 г. № 36.

[78] - 7160 г. № 6.

[79] - 7202 г. № 1.

[80] - 7162 г. № 2.

[81] - 7161 г. № 3.

[82] - 7144 г. № 7.

[83] - 7188 г. № 31.

[84] - 7154 г. № 16.

[85] - 7136 г. № 1.

[86] - 7136 г. № 13.

[87] - 7201 г. № 4.

[88] - 1700 г. № 1.

[89] - 1704 г. № 23.

[90] - 7141 г. № 4.

[91] - 7153 г. № 32.

[92] - 7162 г. № 5.

[93] - 1754 г. № 6.

[94] - 7142 г. № 2 и 7144 г. № 7.

[95] - 7153 г. № 32.

[96] - 7155 г. № 13.

[97] - 7162 г. № 5.

[98] - 7165 г. № 2.

[99] - 7152 г. № 1.

[100] - 7166 г. № 12.

[101] - 7178 г. № 11.

[102] - 7149 г. № 14.

[103] - Муравьев. Сношения России с Востоком. Ч. II. С. 49–51.

[104] - 7165 г. № 21.

[105] - 7102 г. № 11.

[106] - 7163 г. № 13, 24 и 1.

[107] - 7156 г. № 21.

[108] - № 27.

[109] - 7159 г. № 19.

[110] - 7157 г. № 7; 7162 г. № 15; 7180 г. № 36. Павел Алеппский со своей стороны свидетельствует, что путивльские воеводы за пропуск просителей в Москву брали с них взятки, в противном случае держали их в Путивле и в Москву не пропускали (ЧОИДР 3 (1871). С. 215).

[111] - Например, в 1622 году пелагонскому митрополиту Иеремии от Путивля до Москвы давался поденный корм: 2 хлеба, 2 калача двуденежных, да на рыбу и на всякое съестное 2 алтына, 4 деньги на день. На содержание Иеремии со

спутниками его в Путивле до отправки их в Москву (с 30 августа по 12 декабря), по донесению воеводы, вышло: корму поденного на 26 рублей, 10 алтын, 4 деньги; да питья – меду и вина с кабака по кабацкой цене на 46 рублей, на 12 алтын, причем воевода в грамоте царю замечает, что от таких стояний просителей в Путивле «его царской казне чинятся большие убытки» (7130 г. № 2). В 1623 году Силистрийскому митрополиту Иоакиму в Путивле и от Путивля до Москвы давали поденного корму 1 гривну на день, а питья: четыре чарки вина да по четверти ведра меду; его спутникам корм и питье были особые (7131 г. № 1). В 1630 году погоянинскому архиепископу от Путивля до Москвы давали на неделю: 13 алтын, 2 деньги; архимандриту его 8 алтын, 2 деньги; келарю – 4 алтына; племяннику – гривна; служке – 2 алтына, 2 деньги (7138 г. № 17). Архимандритам разных монастырей и их спутникам давалось корму и питья: в 1625 году от Путивля до Москвы корм был дан на две недели; иерусалимскому архимандриту Кириллу 3 алтына на день, келарю 10 денег, дьякону алтын, патриаршему человеку алтын; итого четырем человекам на две недели от Путивля до Москвы дано: 2 р. 26 алтын, 4 деньги. Саввинскому архимандриту Григорию дано на день: 2 алтына. Иерусалимскому дано больше – 4 алтына, потому что он представлял собою лицо патриарха, от которого он был послан, келарю алтын, итого 1 р. 8 алтын, 4 деньги. Ватопедскому архимандриту Игнатию дано на день: 2 алтына, келарю да иеромонаху по алтыну, дьякону 5 денег, племяннику архимандрита бельцу – 3 деньги, итого 2 р. 8 алтын; всем им дано 6 р. 10 алтын из путивльских доходов. В самом Путивле до отправки их в Москву им давалось применительно к прежним дачам: иерусалимскому архимандриту надень 2 алтына, келарю алтын, дьякону 5 денег, патриаршему человеку Осипу 4 деньги; итого на неделю 31 алтын, 3 деньги. Саввинскому архимандриту: 2 алтына, келарю да иеромонаху по алтыну, дьякону 5 денег, племяннику 3 деньги; итого на неделю 1 р. 4 алтына. «А были, государь, они, – доносит воевода, – в Путивле до твоего государева указу четыре недели, и того поденного корму выдано им всем в те четыре недели 10 рублев, 26 алтын

из путивльских доходов с оброчных денег медвеного сбору. Всех подвод под них до Москвы дано было одиннадцать лошадей с санми» (7133 г. № 5). Подобные же дачи корму и питья в Путивле и от Путивля до Москвы давались обыкновенно и всем другим митрополитам, архиепископам, архимандритам и всем их спутникам.

[112] - 7148 г. № 8.

[113] - 7158 г. № 29.

[114] - 7157 г. № 7.

[115] - 7162 г. № 23.

[116] - 7168 г. № 8.

[117] - Приказная справка 1638 года говорит об этом: «Давано государева жалованья поденнаго корму и питья митрополитам и архиепископам и епископам, которые приезжали в прошлых годех к государю к Москве бить челом о милостыне: митрополитам дано корму и питья с дворца: по калачу смесному в полколача; по кружке меду вишневаго или малиноваго, по чети ведра меду цеженаго добра, по полуведра пива добраго на день; да из болыпаго приходу ему ж по гривне на день. Архиепископам и епископам давано корму и пития с дворца: по кружке меду вишневаго или малиноваго, по две кружки меду цеженаго, по две кружки пива на день; да ему ж из болыпаго приходу по 2 алтына, по 4 деньги на день человеку. А черным дьяконам по 7 денег, а иным по 6 денег человеку на день; толмачам и служкам по 4 деньги человеку на день. А питья давано келарям и черным попам и дьяконам по кружке меду, да по кружке пива человеку на день, а иным по две кружки человеку на день; толмачам и служкам по кружке пива человеку на день. Да дров зимою по 2 воза, а летом по одному возу в келью на неделю, да с земскаго двора по сторожу». Когда просители представлялись государю, то он по обычаю должен был приглашать их к своему обеду, но чаще вместо этого приглашения он посылал им «в стола место» почетные кормы сверх положенных поденных. Митрополитам в этих случаях корму и питья посылалось с дворца: «Калач крупичатой в полдве лопатки; кружка романеи, кружка меду вишневаго или

малиноваго, кружка меду обарнаго, по чети ведра меду паточнаго, полведра меду цеженаго, полведра пива добраго. Ествы сырою рыбою: по щуке на пар, по стерляди на пар, по блюду икры черные, по 20 сельдей паровых, по блюду вухи рыбы свежие, по щуке колодке, по звену осетрины просольные; по звену белужины просольные; из большаго приходу по две гривны. Келарем, и черным попом, и дьяконом давано по кружке меду обарнаго, по кружке меду цеженаго, по чети ведра пива человеку: из большаго приходу на всяко съестное им же по 2 алтына человеку. Толмачу и служке давано с кабака по две кружки меду, по две кружки пива человеку: из большаго приходу 10 денег человеку на всякое съестное» (7146 г. № 8). Архимандритам разных монастырей обыкновенно давалось на Москве поденного корму «по 2 алтына, да питья из новые чети по 2 кружки меду, по 2 кружки пива на день, келарем по 8 денег, по кружке меду, 2 кружки пива на день да им же по возу дров на неделю» (7153 г. № 23; ср. 7194 г. № 7). «А в которые дни они (архимандриты со своими спутниками) бывали у великих государей на приезде, и в те дни давано им корму и питья «в стола место» с поденными вдвое». Архимандритам, приезжавшим в качестве посланных от патриархов, дача корму и питья была несколько большая против обыкновенных архимандритов (см. 1712 г. № 29).

[118] - Вот официальное описание одного из таких приемов: «133 года (1625) майя в первый день указал государь царь и великий князь Михайло Феодорович всея Руси быти у себя, государя, на дворе на приезде Ерусалимскаго патриарха Феофана архимандриту Кириллу, да из Ерусалима ж Савина монастыря архимандриту Григорью, да Афонские горы Ватопеда монастыря архимандриту Игнатью и келарем и старцем. И того дни у государя архимандриты и старцы были. А послал по них на подворье с лошадьми и ехал с ними в город пристав их Тимофей Оладьин, и лошади посыланы под них с конюшни (царской), а келари, и строители, и черные попы, и старцы шли в город пеши. А приехав архимандриты в город, ссели с лошадей у посольские палаты и шли в посольскую палату и дожидалися государева выходу в Посольском приказе, а

келари, и строители, и черные попы, и иные старцы сидели в передней палате. А как они в городе были и в то время были в город стрельцы в цветном платье без пищалей. А вверх ко государю в золотую палату из Посольского приказа с архимандриты и старцы шел Тимофей Оладьин. А государь царь великий князь Михайло Феодорович всея Руси в то время был в золотой в середней в подписной палате в опашенке золотной. А при государе царе Михаиле Феодоровиче всея Руси были бояре, и окольничие, и думные люди в опашенках нарядных с кружевы и в черных шапках: а в сенех проходных и по крыльцу были дворяне и дьяки и подьячие всех приказов в чистом платье. А как архимандриты и старцы вошли ко государю в палату и явил их государю челом ударить посольской думный дьяк Иван Грамотин, и молвил: Великий государь царь и великий князь Михайло Федорович, всея Русии самодержец и многих государств государь и обладатель, – Ерусалимскаго патриарха Феофана архимандрит Кирилл, да Савина монастыря архимандрит Григорей, да Афонские горы Ватопеда монастыря архимандрит Игнатей, и келари, и старцы вам, великому государю, челом ударили. И архимандрит Кирилл правил государю от патриарха челобитье, и подали архимандриты грамоты. И велел государь спросить архимандритов о спасенье (лиц высших иерархических рангов государь спрашивал «о здоровье») и велел их призвать к руце. А после того явил государю поминки думный дьяк Иван Грамотин, и молвил: великий государь царь и великий князь Михайло Федорович, всея Русии самодержец и многих государств государь и обладатель, – Ерусалимскаго патриарха Феофана архимандрит Кирилл привез к тебе, великому государю: мощи великаго чудотворца Николы в серебряном ковчежце, мощи св. великомученика Георгия Победоносца, 2 свечи от Гроба Господня, меру Гроба Господня, воду св. Иордана реки, в ней же Христос крестися, да от Вифлиемскаго митрополита: мощи св. мученика Меркурия». Таким же образом дьяк являл «поминки» и от двух других архимандритов: саввинского и ватопедского. «И государь велел образ Спасов и мощи принять казенным дьякам. И велел государь сказати архимандритам

свое государево жалованье», которое и перечисляется. А после того государь велел сказать свое государево жалованье архимандритам и старцам – «в стола место» корм и питье и отпустил их на подворье (1733 г. № 5).

[119] - Из донесения путивльского воеводы государю о том, кто, откуда, зачем, с какою святынею и с какими грамотами приехал в Путивль; из ответной грамоты государя: пропустить просителей в Москву; из второго донесения воеводы государю, что по его приказу приехавшие отпущены в Москву с таким-то приставом, на стольких-то лошадях, а поденные кормы и питье даны им до Москвы такие-то; из записи расспросов просителей в Посольском приказе; из обозначения корма и питья, выдаваемого им в Москве; из описания церемонии представления государю; из перевода просительных и рекомендательных грамот или грамот с политическими и другими вестями; из перечня поднесенной государю святыни и из обозначения даров государя каждому просителю; из разных челобитных просителей государю, подаваемых в Москве по тому или другому случаю; из описания прощальной аудиенции у государя; из ответной грамоты государя, если приезжий был посланный от патриарха; из обозначения количества кормов и питья от Москвы до Путивля и проезжей грамоты – слагалось так называемое «дело» (греческое) о приезде в Москву такого-то или таких-то. Число «греческих дел» за различные годы было неодинаково, смотря по тому, сколько приезжало просителей. Из начала и середины XVI столетия греческих дел нет – они затерялись; из XVII столетия дошли все за самыми ничтожными исключениями, но большинство из них не сохранилось в полном виде. Извлечения из этих дел с обозначением, в каком году, кто и откуда приезжал в Москву, какую святыню и грамоты привез, какие получал кормы и что ему дано на приезде и на отъезде, составляют так называемые «греческие статейные списки». Относительно XVI века, до царствования Феодора Ивановича, от которого уже стали доходить до нас самые греческие дела, греческие статейные списки служат единственным источником для ознакомления с приезжавшими просителями, так как записи о них начинаются с Василия Ивановича, с 1509 года. За XVII

век, за самыми ничтожными исключениями, статейные списки не дают ничего, что бы не заключалось в самых делах. Но так как некоторые из них представляют выборку только однородных дел, то это может дать исследователю возможность по данному частному вопросу не рыться во всей громадной массе греческих дел (которые в настоящее время вместо прежних неудобных связок разложены в 122 картонах), а прямо обратиться к выборке статейных списков. Например, № 6 (статейные греческие списки состоят из 12 переплетенных рукописных книг) – «книга в десть, содержащая выписки о приезжих в Москву греках с окупны-ми российскими пленными»; № 9 – «книга в десть, содержащая доклады о платеже денег приезжим в Россию грекам и крымским жителям за выкуп ими российских пленных всякого звания». Вся книга № 11 содержит в себе описание приезда афонского Павловского монастыря архимандрита Исайи с известными предложениями от Константинопольского патриарха, молдавского воеводы, Сербского патриарха (о чем речь будет ниже), царские ответы всем этим лицам; отъезд Исайи из Москвы, его арест в Венгрии и возвращение в Москву. Книга № 12 содержит в себе почти исключительно грамоты к русскому правительству Иерусалимского патриарха Досифея. Но все это представляет только извлечение из самых греческих дел и может восполнять их лишь в тех случаях, где дела от утерь стали не полны.

[120] - 7133 г. № 5.

[121] - Греческие статейные списки, № 12, в конце листы не занумерованы.

[122] - Греческие грамоты на славянском языке – тетрадь о приезде Макария в Москву. Греческие дела 7176 г. № 19.

[123] - 7191 г. № 8.

[124] - Там же.

[125] - 7205 г. № 3.

[126] - 7157 г. № 7.

[127] - Там же.

[128] - 7157 г. № 27.

[129] - Чтобы составить хотя только приблизительное понятие о том, сколько разные просители получали в Москве милостыни применительно к нынешним деньгам, нужно практическую стоимость тогдашнего рубля класть более десяти нынешних, значит, десять тогдашних рублей будут стоить более нынешней сотни рублей и т.д.

[130] - Лично патриарху на одну только его персону в Москве выдавалось ежедневно «прут белые рыбины, прут семжины, да блюдо икры паюсные, да блюдо осетрины, да блюдо белужины, да два блюда пирогов пряженых, щука колодка, две ухи разных переменяясь, калач крупитчатый. Питья: кружка меду вишневого или малинового, кружка меду боярского, кружка квасу медвяного, полведра меду паточного, ведро меду княжего; да еще из большего приходу на мелкое: на лук, на чеснок, на масло, на крупы, на соль по 5 алтын» (7157 г. № 7). Каждому члену патриаршей свиты корм и питье давались особо.

[131] - Но чтобы составить об этом некоторое, хотя бы только приблизительное представление, я на основании имеющихся у меня под руками документов укажу означенные в них дачи различным патриархам за целое столетие, начиная с 1622 г. В 1622 году с послом Кондыревым послано Константинопольскому патриарху соболями на 300 рублей, Иерусалимскому на 120 рублей; Александрийскому на 100 золотых (7133 г. № 5 и 7135 г. № 11); в 1642 году с послом Бегичевым: Константинопольскому на 300 р.; Иерусалимскому – на 120 р., Александрийскому на 100 золотых, которые были ранее посланы с Кондыревым, но им не отданы по назначению, потому что тогда в Александрии не было патриарха; в 1626 году Иерусалимскому патриарху послано было с приезжавшим от него за милостыней в Москву архимандритом Кириллом соболями на 450 рублей, а Александрийскому с тем же архимандритом за 200 золотых угорских соболями на 160 рублей; в 1627 году послано Константинопольскому и Александрийскому патриархам с присланным ими митрополитом Анхиальским Христофором по 160 р. патриарху (там же). В 1630 году с послом Сомовым послано Константинопольскому на 350 р., Иерусалимскому на 200 р. и

Александрийскому на 100 рублей (Турецкие статейные списки 1630–1650 гг. № 6. С. 5–11). В 1631 году Иерусалимскому патриарху было послано на 400 рублей (7152 г. На 3). В 1633 году с послами Дашковым и Сомовым послано Константинопольскому патриарху на 400 р., Александрийскому на 150 р. (Турецкие статейные списки, № 6. С. 90). В 1634 году с послами Карабиным и Матвеевым послано Константинопольскому патриарху заздравной милостыни на 250 р., да на помин Филарета Никитича 400 р., Иерусалимскому заздравной милостыни 150 р., заупокойной – 500 р.; Александрийскому – заздравной 150 р., заупокойной 200 р. (Турецкие статейные списки, № 6. лл. 162 – 164; греческие дела 7142 г. Но 6; 7152 г. № 3; 7153 г. № 27). В 1635 году с греком Иваном Петровым послано Константинопольскому на 250 р., Иерусалимскому на 150 р. (7143 г. № 7). В 1637 г. Иерусалимскому патриарху с его игуменом Паисием, приезжавшим в Москву, послано на 150 р. В 1638 году с греком Иваном Петровым послано Константинопольскому на 300 р. и Иерусалимскому на 150 р.; а в 1639 г. с другим греком, Константином Остафьевым, было послано Александрийскому патриарху на 150 р. ив 1640 году с тем же греком на 150 р. В 1641 г. с греком Романом Савельевым послано Константинопольскому на 100 р., Иерусалимскому на 150 р. В 1643 году с послом Ильею Милославским послано Константинопольскому на 250 р., Иерусалимскому на 150 р., Александрийскому на 150 р. и Антиохийскому на 100 р. В 1645 г. с послом Телепневым и архимандритом Амфилохием, приезжавшим в Москву из Константинополя, послано: Константинопольскому на 350 р. Иерусалимскому на 350 р., Александрийскому на 150 р. и Антиохийскому на 150 р. (Греческие статейные списки № 5, лл. 222 – 229; Греческие дела 7153 г. № 32 и 47; 7158 г. № 27; 7170 г. № 28; 7191 г. № 18; Турецкие статейные списки № 6, л. 231). В 1650 г. Константинопольскому патриарху было послано на 150 р. (7158 г. № 27), а в 1651 году ему же с послами Телепневым и Кузовлевым послано на 250 р., Иерусалимскому на 150 р. Александрийскому на 150 р. (Турецкие статейные списки № 6,

лл. 332 – 333). В 1653 г. Иерусалимскому патриарху с нарочито присланным в Москву за милостынею архимандритом послано на 1500 р. (7161 г. № 10). В 1662 году Антиохийскому патриарху Макарию с архимандритом его Неофитом, приезжавшим в Москву, послано на 500 р. (7179 г. № 25). В 1663 году Иерусалимскому патриарху с иеродиаконом Мелетием послано на 300 золотых (7178 г. № 6). В 1667 г. Константинопольскому патриарху послано на 300 р., Иерусалимскому на 200 р. (7191 г. № 8; ср. Турецкие статейные списки, No 7, л. 155). В 1669 г. с иеродиаконом Мелетием послано Константинопольскому на 200 р., да ему же в том же году с послом Нестеровым послано было от патриарха Иоасафа на 150 золотых, соболя и бархат; Иерусалимскому – 200 р. и на искупление Святого Гроба 800 р., да по челобитью Паисия Лигарида на 300 р.; а патриарх Иоасаф со своей стороны послал с Нестеровым на 100 золотых, сорок соболей, 10 аршин бархату; Антиохийскому с Мелетием послано на 200 рублей (7176 г. № 19; 7178 г. № 7; Турецкие статейные списки № 10, л. 316 на об. и 322 на об.). В 1671 году Антиохийскому патриарху Макарию с присланным им в Москву митрополитом Тирским и Сидонским послано 300 золотых червонных, да соболями 700 р. (7191 г. № 8; ср. Греческие статейные списки № 7, л. 105). В 1681 г. с послом Возницыным было послано Константинопольскому на 250 р., Иерусалимскому на 150 р. Александрийскому – на 150 р. и Антиохийскому на 100 р. (7191 г. No 8; Турецкие статейные списки № 24, лл. 243 и 245). В 1682 г. за разрешение Никона дано: Константинопольскому – 300 талеров, Иерусалимскому – 300 талеров, Александрийскому – 150 талеров, Антиохийскому – 100 талеров (Турецкие статейные списки № 21, л. 224). В 1683 г. послано: Константинопольскому на 120 р., Иерусалимскому на 100 р., Александрийскому на 100 р., Антиохийскому на 70 р. и старому Константинопольскому патриарху на 70 р. (7191 г. № 8). В том же году Александрийскому патриарху с архимандритом его Симеоном, приезжавшим в Москву, послано было на 2000 р. (там же и 7200 г. № 20). В 1685 г. Константинопольскому патриарху было послано 200 р., а в 1686 г. ему же за отпустительную грамоту на Киевскую митрополию было дано

200 золотых червонных, да соболями на 760 р., а всего на 1000 р. Иерусалимскому патриарху за хлопоты по этому делу дано 200 золотых червонных (7200 г. № 20). В 1692 г. Александрийскому патриарху дано было на 500 рублей, да 100 золотых червонных (1717 г. № 26). В 1693 г. с архимандритом Хрисанфом послано Иерусалимскому патриарху 1000 р. (7021 г. № 4). В 1698 г. с послом Украинцевым Константинопольскому патриарху послано на 300 р.; в 1701 году с послом князем Голицыным – на 400 р. и в 1706 году – на 350 р. (1706 г. №9).

[132] - Самую грамоту смотри в Приложении. Интересна судьба этой жалованной грамоты Петра Великого, столь важной для Константинопольского престола. Она была отослана патриарху с греком Григорием Ватаци, привезшим разрешительные патриаршие грамоты на мясоястие; с ним же послана была патриарху и первая дача в 3000 р. и еще 3000 р. вперед за следующий год. Еще трехтысячная дача посылалась патриархам только два раза, так как от них не было присылки за нею. Это на первый раз чрезвычайно странное обстоятельство достаточно выясняется в следующем письме Константинопольского патриарха Иеремии к жившему в Москве Фиваидскому митрополиту Арсению от 15 апреля 1726 года: «Письма сии (которые патриарх посылал к Арсению для вручения императрице и Святейшему Синоду) к государыне императрице и Святейшему Синоду сочинили мы, которые, когда будешь вручать, скажи изустно Ея Величеству, что приснопамятный Великий Петр пожаловал Великую Церковь жалованною своею грамотою, которая обретается ныне в Нежине, и приняли мы три ежегодных милостыни его: но потом не только потерпели убыток, более ста восьмидесяти мешков турецких, но и в опасность впали за самою жизнь свою от лукавых людей по причине сей милостыни. Итак, ежели Ея Величество имеет намерение нас жаловать и помогать нам в настоящей нужде, ради душевного спасения приснопамятного супруга и для поминовения непрестанного Ея Величества, да ведает, что ежегодное жалованье неудовлетворительно (т.е. неудобно): когда же изволит оное присылать к нам, да повелит взять ту жалованную грамоту из Нежина и положить ее в казну,

где пусть действие оной остановлено будет, и да прекратится ежегодное даяние, ибо мы уже бедствуем опасностью своей жизни по сей причине. Но когда Бог просветит Ея Величество послать, да пошлет весьма тайно сюда к послу царскому, и от рук то примем, ибо нет уже нам средств посылать к вам своего человека ради вышесказанных причин, о чем Ея Величеству объяви» (№ 6). Таким образом, сам патриарх просил взять назад жалованную грамоту Петра Великого, которая и хранилась доселе в Нежине, и не посылать более милостыни погодно, так как от этого происходят великие бедствия для Константинопольской Церкви от турок. Но от самых денег патриарх не отказывается, а только просит назначенную ему жалованною грамотою сумму присылать не ежегодно, а когда придется, при благоприятных обстоятельствах, и притом так, чтобы она получалась самим патриархом тайно из рук русского резидента в Константинополе. В 30-й день апреля 1727 года указом из Коллегии иностранных дел в Малороссийскую коллегию велено взять из Нежина жалованную грамоту, данную Петром Великим константинопольской кафедре (1726 г. № 5). Следующая по ней Константинопольскому патриарху сумма уже более ни разу не посылались. По «палестинским штатам» 1735 года Константинопольскому патриарху, вопреки жалованной грамоте Петра, назначена только тысячная погодная дача, и притом с известными ограничениями. Но в Константинопольской патриархии, как видно, сохранилось, хотя и смутное, воспоминание о жалованной грамоте Петра. В 1752 году Константинопольский патриарх Кирилл обратился к императрице Елизавете с просительною грамотою, в которой он, перепутывая события, заявлял, что будто бы Петром Великим Константинопольскому (патриарху) и другим патриаршим престолам, а также разным восточным обителям назначена была определенная ежегодная милостыня, что в действительности было сделано только в 1735 году, которую другие восточные патриархи и обители всегда получали и получают доселе, и только Вселенский святейший престол, глава всех Церквей, остался лишен определенной ему за 20 уже лет императорской милостыни, почему патриарх и просит

прислать ему через русского резидента в Константинополе невыданные за прошлые 20 лет суммы, назначенные Константинопольскому престолу Петром Великим (1752 г. № 1). Между тем архимандрит московского Никольского греческого монастыря Афанасий от 13 марта 1754 года писал Константинопольскому патриарху Кириллу следующее: «Известно вам да будет, что здесь обретается одна грамота Великого Петра, и оная весьма секретно в моих руках находится, в коей повелевает Великий Петр, чтобы на всякое лето давать трону Константинопольскому по 3000 рублей в вечные веки на молитвы. Оная же милостыня тому назад двадесят и три года как не отдавана и стоит вся сумма готова, только дожидается единого писания вашего святейшества, у милостивейшей государыни, и тотчас по получении писания деньги отдадутся, понеже мне сказ дал преосвященный рязанский Димитрий, который очень любит род наш и в великой милости у всемилостивейшей государыни обретается и мой есть благодетель великий, и сие он точно от уст всемилостивейшей государыни слышал, что наши отцы духовные от толикого времени не посылают за милостынею, или может статься, что они Бога не молют за нас и для того и за милостынею не посылают? И тот преосвященный приказал мне сие до вашего святейшества написать, и, ваше святейшество, как изволите и Бог вас научит, так и сделайте, только бы все вам делать надобно с ведома его высокородия господина резидента российского, там обретающегося. Итак, или через его высокородия руки или иные секретно весьма сия милостыня пошлется неотменно. Да еще извольте о том писать до преосвященнейшего Димитрия, будет очень рад…» В конце письма находилась следующая приписка архимандрита: «В письме я писал до вашего святейшества, что уже 23 года, как не получали милостыни, но я после спрашивал и сказуют, что уже 30 лет, как не получали, оных же денег сумма сполна 300 мешков». Получив эти, нужно заметить, очень верные сведения о жалованной грамоте Петра, патриарх Кирилл в августе 1755 года снова обратился к императрице и в Святейший Синод с ходатайством, чтобы ему выслали назначенную Петром

Великим дачу Константинопольскому престолу, «что уже 30 лет, о чем мы точно справились и уже то у себя нашли, как один только здешний престол, глава всех Церквей, определенной ему императорской милостыни лишенным остался не по какому-либо вашему или прежде нас бывших патриархов небрежению, но от происходящих по обстоятельствам времен помешательств и опасности от державствующих над нами…». Теперь патриарх просил выслать ему назначенную Петром милостыню за все пропущенные тридцать лет «и еще к тому пожалованием какого-либо подаяния…» (1755 г. № 2). Чем кончилось это домогательство патриарха получить назаченную Петром трехтысячную погодную дачу сразу за 30 пропущенных лет, об этом наши документы ничего не говорят. Но, вероятно, исход этого ходатайства был тот же, что и в 1752 г., когда оно осталось без всяких последствий.

[133] - 1735 г. № 2.

[134] - «В тое шапку золота пошло и с угаром 2 фунта, 82 золотника с ползолотником, цена по 40 алтын золотой. Да в тое ж шапку поставлено каменья, а взято из мастерские палаты: два яхонта лазоревых сережных цена 70 рублев, и те яхонты растерты на два и сделано 4 яхонта и огранены; да четыре яхонта лазоревых в гнездах золотых, цена по 8 рублев яхонт; да из приказу золотого дела взято: яхонт червчатой в гнезде золотом, цена 6 рублев камень; 4 изумруда вставочных по 12 рублев изумруд, 3 изумруда сережных по 10 рублев изумруд, да изумруд же сережный 18 рублев; 5 яхонтов червчатых по 20 алтын яхонт; 20 искорок изумрудных, цена 5 алтын, по 2 деньги искорка; 8 яхонтиков червчатых по полтине камешок. Да в тое ж шапку поставлено на дробницы налпни 44 зерна бурминских по рублю зерно; да на обниску около дробниц пошло жемчугу 51 золотник с четью, цена по 4 рубля золотник. В тое ж шапку пошло аршин атласу, цена 30 алтын, пол-аршина камки вишневой цена 15 алтын, два аршина тафты лазоревой на рубль на 13 алтын, две деньги; два аршина киндяку лазоревого на 6 алтын 4 деньги; 8 горностаев, по 2 алтына с деньгою горностай; да на оболочку лага-лища пошло 2 сафьяна зеленых, цена рубль 6 алтын 4 деньги; да полтора золотника шолку

белого на 6 денег, бумаги хлопчатой круг венца фунт 3 алтына; да от лагалища и за дерево дано от дела 36 алтын, 2 деньги, и всего той шапке цена 880 рублев 29 алтын» (Греческие дела 7152 г. № 3; 7202 г. № 20; Греческие статейные списки № 2, листы не занумерованы).

[135] - Не менее роскошна была и шапка, сделанная для Александрийского патриарха. Каменья и жемчуг на нее оцениваются: «Пошло в святительскую шапку Александрийскому патриарху Иоанникею каменья, а взято каменье у англичанина у Ивана Ульянова: перстень золота с яхонтом лазоревым цена 25 рублев, лал цена 17 рублев, лал цена 8 рублев, 5 лалов цена 15 рублев; перстень золот с яхонтом лазоревым цена 20 рублев; изумруд вставошной цена 45 рублев, яхонт лазорев цена 8 рублев, 4 изумруда цена 29 рублев; перстень золотой с изумрудом граненым цена 13 рублев; 44 зерна бурминских цена по 25 алтын зерно; 4 изумруда сережных цена по 6 рублев изумруд, 55 яхонтиков червчатых цена по 10 алтын яхонтик, 20 искорок изумрудных, цена по 5 алтын искорка – всего по цене на 256 рублев с полтиною. На ту ж шапку дано на низанье 40 золотников жемчуга, а взять тот жемчуг у Андрея Колдермана, цена ему по 3 рубля с четью золотник, итого за жемчуг 130 рублев и обоего за каменья и за жемчуг 386 рублев с полтиною» (Греческие статейные списки № 5, лл. 219, 222–229).

[136] - 7140 г. № 11.

[137] - См. эту грамоту Лукариса в Приложении.

[138] - 7138 г. № 8.

[139] - 7155 г. № 11.

[140] - 7148 г. № 5; 7152 г. № 2; 7157 г. Но 17; 7194 г. № 6. Когда при архимандритах были их «племянники», то «племяннику» давалось по тафте смирной и денег по 5 и по 4 рубля человеку.

[141] - 7158 г. № 25 и 29; 7161 г. № 5; 7168 г. №12.

[142] - «А в прошлых годех из которых монастырей приезжали старцы бити челом о милостыне, хотя и пропусти указные годы, и с ними посылало великого государя жалованья в те

монастыри на милостыню одна дача, а на прошлые годы, в которые в указных годех не приезжали, не посылано» (7191 г. № 6).

[143] - 7196 г. №1.

[144] - Укажем примеры дач в разные монастыри, имевшие у себя жалованные грамоты, и количество приездов из них в Москву. Погоянинский Петропавловский монастырь получил жалованную грамоту в 1642 году, просители из него приезжали в 1653, 1684, 1689,1692,1705 и 1718 гг. и получили милостыню: в 1653,1684,1689 гг. по 180р.; в 1692 и 1705 гг. по 100 р., а в 1718 г. – 50 р. Архангела Михаила и Гавриила в Македонии: жалованная грамота дана в 1664 году с правом приезжать в шестой год; были в 1674,1688, 1692,1700,1705,1718 гг.; получили на каждый приезд по 100 рублей. Успенский, Погоянинской епархии, жалованную грамоту получил в 1662 г. с правом приезжать в пятый год; были в 1669, 1672, 1688, 1692, 1704, 1717 гг., получали 50 рублей в приезд. Троицкий македонский получил жалованную грамоту в 1690 г. с правом приезжать в седьмой год; были в 1700, 1705 и 1718 гг., получили в 1700 и 1705 гг. по 50 р. В 1718 г. –100 рублей. Авелев македонский получил жалованную грамоту в 1690 г. с правом приезжать в седьмой год, были в 1697 и 1720 гг. и получили по 100 рублей. Введенский Леповинский города Крыжевца монастырь получил жалованную грамоту в 1651 г.: были в 1700 г., когда получили 40 р., ив 1717 г., когда получили 100 р. (1726 г. № 7). Милешев: в 1628 г. дано от царя и патриарха на 204 рубля архимандриту и старцам, а в монастырь не послано; в 1635 г. дано на монастырь в Путивле 40 рублей (7143 г. № 6); в 1639 г. дано на 100 рублей, да богослужебных книг на 8 р. 20 алтын (7152 г. № 8); в 1643 г. дано было 50 р. (7153 г. № 28), а в 1653 г. на 150 р., да книги, и ризы, и покров на мощи св. Саввы, архиепископа Сербского; в 1657 г. «на подпись церковную и на милостыню» соболями на 300 р.; в 1660 г. на 150 р. (7168 г. № 9); в 1664 г. на 200 р. (7172 г. №26); в 1675 г. на 150 р. (7184 г. №4). Студеницкий, тоже сербский, монастырь получил жалованную грамоту в 1663 г. с правом присылать в пятый год, но были только три раза: в 1686,1691 и в 1703 гг., и получали

каждый раз по 100 рублей (1703 г. № 8). 4 Например, в 1645 г. в Троицкий и Стефановский города Трикала и в Пантелеймоновский города Янина монастыри дано было только по 50 р. на монастырь (7153 г. № 26). В 1648 г. в следующие монастыри послано было милостыни по 30 р. на монастырь: в гревенский Преображенский, в верейский Предтеченский, в Успенский города Сервия, Константина и Елены в городе Андро, в филипповский Федора Тирона, в янинский Ильи пророка, в Никольский г. Ларса, в трикальский Успенский (7156 г. № 24 и 27). Иногда и без жалованной грамоты монастыри получали высшую дачу. Так, в 1643 г. сербский Успенский г. Кастории монастырь получил на милостыню 100 р. (7152 г. № 8); в 1627 г. Троицкий г. Середокея (София) получил также 100 р. (7155 г. № 17), а Лесновский болгарский в 1652 г. – 50 р., да богослужебные книги; (7160 г. № 5); верейский Предтечев в 1648 г. получил 30 р., а в 1667, 1688 и в 1693 гг. уже по 100 р. (7198 г. № 1; 7201 г. № 37).

[145] - «По учиненному в прошлом 1735 г., по силе имянного блаженныя и вечнодостойныя памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержицы Всероссийския, указа о выдаче светлейшим палестинским четырепрестольным патриархам милостиннаго жалованья, штату и по воспоследовавшему по тому штату в 1742 г. Святейшаго правительствующаго Синода определению велено: в ниже означенный палестинския монастыри, по силе жалованных в оныя монастыри от Всероссийскаго императорскаго престола грамот, производить ее императорского Величества милостиннаго жалованья и за оным присылать из тех монастырей в Москву чрез 5 лет в шестой год, за которые того жалованья и выдавать из московской Святейшаго Синода конторы, а именно: 1) Афонские горы в Благовещенский Ватопедский монастырь за известную святыню на каждый год по 100 рублев, а на 5 лет 500 рублев; да в нижепоказанные монастыри выдавать в каждый монастырь по 35 рублев на год, а на 5 лет по 175 рублев, а именно Афонския же горы; 2) в Введенской хиландарской; 3) в Предтечев, зовомый Дионисиев; 4) в Георгиевский Зуграфский; 5) в Георгиевский Павловский; 6) в Иверский; 7) в Вознесенский

Есфигменской; 8) святаго великомученика Пантелеймона; 9) в Афанасиев великия лавры; 10) в Троицкой Алембасов (?); 11) в Благовещенский Филофеев Македонския земли; 12) в Введенской Тернопольской; 13) города Гирокострадана в Успенской; 14) Погоянинской епархии в Успенской же; 15) тояж епархии в Троицкой; 16) в Архангельской Михаила и Гавриила; 17)в Успенской, нарицаемой Авель; 18) города Вереи в Предтеченской; 19) города Янина в Богородицкой Ероменской; 20) тогож города в Ильинской; 21) тогож города в Рождественской; 22) Богородицкой, нарицаемый Тарханской; 23) Янинской области в Николаевский, имянуемый «от Господня мосту»; 24) в Успенской, нарицаемый Патерон; 25) Ангирскаго города в Спасский Вернопольский; 26) в Архангельской; 27) города Трапезона в Предтечев; Сербския земли; 28) города Крижевца в Введенской Липовинской; 29) Белаграда в Благовещенский Крушедолов; 30) в Вознесенской и чудотворца Саввы сербского, зовомый Милешев; 31) в Архангело-Михайловский Лесновский; 32) в Успенской Студеницкой; 33) в Благовещенской; 34) в Вознесенской Раваницкой; 35) в Метеорския горы в Сесвятской; 36) в Георгиевской, иже в Старом Мирнее; 37) преподобнаго Саввы Освященнаго в Александрии; 38) Волоския земли города Галицы в Николаевский; 39) Критскаго острова в Успенской; 40) Беломорскаго острова в Знаменской; 41) Беломорские ж страны в приписной к Богословскому острова Патма монастырю Богородицкой, что на острове Миле; 42) Ливанской горы в Успенской; 43) в скитской Воздвиженской в Польше в повете Галицком; 44) Молдавский земли города Сочавы в Николаевский, зовомый Кошуля; в Цареградския: 45) в Троицкой; 46) в Преображенской; 47) в Успенской, имеющейся близ Царя-града на острове Халки» (1742 г. № 12).

[146] - 7148 г. № 2.

[147] - 7134 г. № 19; 7144 г. № 12; 7148 г. № 4. Выражение, что милостыня давалась не только от царя, но и от патриарха, значит следующее: во все время патриаршества Филарета Никитича все просители милостыни после представления государю обязательно представлялись затем и патриарху,

который принимал их так же, как и государь, и также давал им от себя подарки в количестве несколько меньшем, чем государь. Именно, государь давал митрополитам, как это значится в росписи 1635 года: кубок серебряный в 3 гривны, камка куфтер 12 аршин, сорок соболей в 30 рублей, денег 40 рублей; патриарх давал образ окладной, кубок серебряный в 2 гривенки, камка смирная 12 аршин, сорок соболей в 25 рублей, денег 30 рублей. Архиепископам и епископам царь давал: кубок серебряный в две гривенки, портище камки куфтерю смирной, сорок соболей в 25 рублей, денег 30 рублей; патриарх давал: образ окладной, кубок серебряный в 2 гривенки, камка адамашка смирная, сорок соболей в 15 рублей, денег 15 рублей, и т.д. Относительно всех других просителей (7143 г. № 1) прием у патриарха заменял собою прием у государя на «отъезде», которого поэтому во время патриаршества Филарета Никитича не было. Эти патриаршие приемы имели место исключительно только при Филарете Никитиче, а ни прежде его, ни после их не было.

[148] - 7144 г. №15.

[149] - 7151 № 6; 7154 г. № И; 7155 г. № 3; 7158 г. №27.

[150] - Так, в 1627 году Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис просит за гречанина Дмитрия, которого, по словам патриаршей грамоты, «поклепали сего места насильники и в темницу и в железо сажали и многи муки ему дали, чтобы отрекся веры, чтобы он в их веру веровал», но грек остался тверд, успел бежать из темницы, и потому патриарх просит дать этому исповеднику приличную его подвигу милостыню (7153 г. № 12). В 1639 году тот же патриарх ходатайствует за двух тырновских торговых гречан, которые-де ехали с большим караваном в Софию, но «дьявольским навождением» напали на них агаряне-разбойники, все у них ограбили и взяли еще в плен родного брата одного из них, так что для его выкупа пришлось занять 500 золотых (7147 г. № 3). В 1646 году Иерусалимский патриарх Феофан просит за грека Петра Иванова, который «доброго и честного роду». У него во время пожара сгорел дом со всем, что было, а потом его постигла и большая беда: агаряне обвинили его как виновника пожара и хотели казнить,

но благодаря внесенному за него окупу в 2500 ефимков его отпустили. «Не имея, что себе сотворити, вышереченной заложил отца своего и матерь в закладе в агарянские руки, покаместа заплатит вышереченные ефимки» и обращается теперь за помощью к государю, так как «святое ваше царствие, – пишет патриарх, – напояет весь народ благочестивых православных христиан неизреченною своею милостынею». В том же году Константинопольский патриарх Парфений просит государя за грека Василия, которого вельможи его области послали отвезти в Царьград царские попоны, «и едучи дорогою, дьявольским искушением потонули в реке в одрианопольской те царския попоны все, только он, бедный, опростался», но зато был посажен турками в тюрьму, откуда его выпустили только после взноса 400 ефимков, которые пришлось занять. Или, например, в том же году другой Константинопольский патриарх, Иоанникий, писал об одном священнике янинской области Николае, что к нему пришел «соседа его детищ, а у него, Николая, в ту пору был горшок с кипятком, и тот детищ ненарочным обычаем тем кипятком обварился, и за то его тамошние владетели поймали и начали его мучить, и он от той беды и муки договорился дать за себя 250 рублев и, распродав имение свое, заплатил только сто рублей», а так как остальных денег заплатить нечем, то он и обращается к государю за милостынею (7154 г. № 4,5 и 24; 7155 г. № 20).

[151] - 7155 г. № 16; 7175 г. № 27. В приказной помете 1670 г. замечено: «Да в прошлых же годех, по пометам на выписках, давано великаго государя жалованья гречаном окупу за боярских людей по 50 рублев, за женский пол по 20 рублев собольми же».

[152] - 7179 г. № 13.

[153] - 7180 г. № 25.

[154] - 7155 г. № 11. Почему в Путивле не было при просителях братьев и племянников, тогда как в Москве они обязательно были почти при каждом просителе, это объясняется тем, что братья и племянники были просто купцы, провозившие в Москву товары; они поджидали на границе таких просителей,

которые пропускались в Москву, и присоединялись к ним, заплатив по уговору, в качестве их племянников или братьев.

[155] - 7162 г. № 18.

[156] - Посылка такой милостыни встречается в XVII столетии в 1622,1624,1628,1630,1634, 1643 и другие годы. См. Греческие дела 7132 г. № 11; 7133 г. № 5; 7136 г. № 8; 7142 г. № 6; 1710 г. № 13. Турецкие статейные списки № 6, лл. 33,140,166,308,377; № 21,221 и след.

[157] - 1710 г. № 8. Роспись 1710 года важна в том отношении, что она составлена была на основании предшествующих росписей.

[158] - Турецкие статейные списки № 6 (1630 – 1650), лл. 30,125,129,130, 312–319; № 19 (1678 г.), лл. 302, 307; № 27 (1699–1700), л. 1302 и др.

[159] - Так, например, афониты в своей коллективной просьбе царю в 1655 году о помощи всем афонским обителям решительно заявляют: «Веруй, во истину, многолетствуяй царю, яко аще не простреши свою многоподательную царскую десницу в помощь Св. Горе, запустением запустеет, инако несть». Александрийский патриарх Мелетий Пигас писал Федору Ивановичу: «Если бы не помощь твоей царственности, то верь, право-славнейший царь, Православие нашлось бы в крайней опасности» и т.п.

[160] - 7149 г. № 10.

[161] - 7162 г. № 15.

[162] - 7112 г. № 3. Митр. Макарий. История Русской Церкви. Т. X. С. 172. Т. XI. С. 41.

[163] - В наших приказных записях этот Мелетий титулуется: «Преосвященный архиепископ Мелетий, нареченный патриарх Ахридана града». По поводу этого Мелетия, проживавшего в Малороссии, Иерусалимский патриарх Досифей писал в Москву: «Обретающихся же тамо (в Малороссии) архиереев-греков, хиротонисавших многих священников в диаконов во едину литургию, якоже веданием и ради денег согрешивших и злый бывших приклад, неотложно низвергнута и никакому прощению удостоити. И некоего отогнаннаго архиепископа

Ахриданского, при том же и беглеца, украшающе сего имянем патриаршеским, якоже лицемера наплевати и епитимисовати». Допрошенный по этому поводу в Москве Мелетий заявил, что Иерусалимский патриарх Досифей «такую натуру имеет: большим завидует, а меньших изгоняет, болынойде он и мудрой и того ради пишет без соборного совету, что хочет». В доказательство того, что он не изгнан и не находится под епитимией, Мелетий представил свидетельствованные соборные грамоты и «советные листы» патриархов Дионисия Константинопольского, Парфения Александрийского и Иакова, бывшего Константинопольского патриарха. Мелетия отпустили из Москвы опять в Малороссию, но называться патриархом ему запретили (7194 г. № 11).

[164] - См. о нем: Полное собрание постановлений по ведомству православного исповедания. Т. II, № 460. С. ПО, 114.

[165] - Мы не разумеем здесь Малороссии, где греков всегда жило много и где греческие архиереи, по недостатку своих, были желанные для православных людей. Они жили здесь очень свободно, так как надзора за ними никакого не было, известно также, что в Нежине существовала целая постоянная колония греков, имевшая свою греческую церковь, свой клир и пользовавшаяся самоуправлением (см. о ней в Полном собрании законов, № 2260, а также: № 8656, 13396, 14247,15609,16250 и 18071).

[166] - Некоторые из них обзаводились в Москве своими домами и записывались в тягло. В 1708 г. сделана была перепись всех греков, живших в Москве, и в ней между прочим значилось: «Егор Иванов, сын Каптерев (русская переделка греческого прозвища «кафтор»), македонянин, к Москве тому 25 лет и тому ныне 10 лет записался в тягло в мещанскую слободу и живет на Москве своим двором» (1708 г. № 2 и 1709 г. № 20).

[167] - Так, например, относительно известного Николая Спафария Иерусалимский патриарх Досифей писал государю, что он посылает в Москву Николая, как «человека премудрого в латинстем и стовенском, а наипаче в еллинском языцех и русской скоро может выучить... благочестивый христианин и прям... многие государства и царства прошел учения ради...

Хотя б и искать такого человека с великим трудом, но не найтить, а Бог его посылает и придет он сам к вашему царствию. Прикажите ему переводить и толковать и писати гистории и книги, с какова языка изволите». Но рекомендацией Досифея не удовольствовались, а обратились еще с расспросами о Спафарии к греческому переводчику Посольского приказа, который сказал, что про Николая он слыхал в Константинополе, будто он человек ученый, и что прежде он был у волошского господаря Ильяша боярином, а потом было хотел сделаться сам господарем на место Ильяшево, но тот вовремя узнал об этом «и урезал ему за то носа, которой на нем знак и доныне есть; а в волоской-де земле обычай таков: у которого боярина нос резан и тому уж отнюдь господарем никогда быть у них не возможно» (Греческие статейные списки N 7, лл. 275 и 298).

[168] - 7142 г. № 5.

[169] - 7178 г. № 30.

[170] - 1749 г. № 1. Получив в управление Смоленскую епархию, Филофей, в видах скорой наживы, дозволял себе разные злоупотребления, за которые и лишен был кафедры.

[171] - 7137 г. № 6.

[172] - 7138 г. № 4.

[173] - 7151 г. № 7.

[174] - 7134 г. № 19; 7158 г. № 19.

[175] - 7135 г. № 5; 7136 г. № 1.

[176] - 7139 г. № 4. Аверкию Веррийскому дано было на шубу два сорока соболей, один в 22 рубля, другой в 18 рублей, а мантия в 22 рубля 15 алтын, пол-три деньги; зихновскому Неофиту дана мантия в 16 рублей, 18 алтын, 4 деньги.

[177] - 7162 г. № 5.

[178] - 7172 г. № 21; 7173 г. № 10.

[179] - 7138 г. № 8.

[180] - 7156 г. № 22.

[181] - 7191 г. № 10.

[182] - Нужно заметить, что антиохийцы ночевали в Лавре, и хотя для их помещения отвели им дворец, где ранее жила царица, однако они совсем не могли заснуть от множества разных насекомых.

[183] - Труды Киевской Духовной Академии 1876 г., апрель, июль, август, декабрь – статья Оболенского: «Московское государство при царе Алексее Михайловиче и патриархе Никоне по запискам архидиакона Павла Алеппского».

[184] - 7138 г. № 22.

[185] - 7134 г. № 18 и 19.

[186] - 7140 г. № 4.

[187] - Рушинский. Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков. Чтения в Обществе истории и древностей российских.

[188] - (1871). С. 279.

[189] - 7142 г. №5.

[190] - 7162 г. №15.

[191] - 7149 г. №10.

[192] - 7160 г. № 4; 7166 г. № 3; 7169 г. № 3.

[193] - 7161 г. №13.

[194] - 7166 г. №4.

[195] - 7149 г. №10.

[196] - 7173 г. № 15; 7191 г. № 10; 7192 г. № 8; 7194 г. №11.

[197] - Полное собрание постановлений по ведомству православного вероисповедания. II, №110,114,460.

[198] - 7143 г. №5.

[199] - 7151 г. № 7.

[200] - 7143 г. № 7; 7147 г. №№ 7 и 12; 7148 г. № 8. Чтобы яснее видеть беззастенчивый, эксплуататорский характер отношений подобного рода бедных царских богомольцев к русскому правительству, мы приведем некоторые выдержки из грамоты того же севастийского митрополита Иосифа к государю в 1642 г., в которой довольно ясно обрисовывается и самая личность Иосифа, и то положение, какое он занимал относительно русского правительства, и те приемы, с помощью

которых он, живя в Константинополе, старается привлечь к себе благоволение и щедрую милостыню царя. «Здеся, – пишет Иосиф царю, – патриарх есть всем церквам глава, и здеся сбираются все архиереи и все бедные возопиют и восхваляют великое ваше царствие, наипаче бедные святые монастыри, и друзья владыки Христа восприбегают сюда к патриарху, прося грамот от него восприбегнути к вашему царствию милостыни ради. И патриарх им грамот не дает страха ради старого патриарха Кирилла. И они прибегают ко мне с великими слезами и соупрошением от меня, и я им сказал, что недостоин есми писати к великому государю, и они меня не покинут на упокое, потому что меня знают толикие архиереи, что есми пожил некоторое время (в Москве). И молю и покланяюся, да не прогневается на меня царствие ваше, что к вам приезжают некоторые гречаня и наносят на меня, будтося емлю посулы и пишу грамоты... да сокрушит меня великое ваше царствие, только (т.е. если) я писал грамоты и имал посулы. Здеся ко мне имеют великое благоговение, что есми пожил у царствия вашего некоторое время, и всегда ваше царское жалованье есть ко мне безпрестанно, для того со многими ходатайствы пишем некоторым, а не всем; и еще, приходят к нам торговые люди, просят у нас грамот, а мы им не даем, а потому они чинятся нам великие недруги». Извещая затем царя о русских послах в Константинополе и о том, что присланные ему государем для построенной Иосифом на Афоне церкви сосуды, ризы, иконы и паникадило действительно отосланы им на Афон, а сам он пока живет в Троицком монастыре на острове Халки, митрополит продолжает: «Не имею, где прибегнути яз бедной, итти попросити срамлюся и ремесла никакова не знаю, а и здесь в Царегороде тово монастырского подворья не было и яз пребываю здесь иногда на патриаршем дворе – иногда для службы царствия вашего, а иногда для монастырскаго дела. И я хотя и нехотя купил двор на Галате, не хотя ставитца по чужим двором, потому что нашему чину позорно. И яз взял холопей ваших Богдана и товарища его (т.е наших тогдашних послов), и они видели тот двор, и должен есми 420 ефимков и молю и поклоняюся царствию вашему, да не отринешь меня, беднаго,

мучитца в бедности моей для ради Бога, сотворшаго небо и землю. Того предаю свидетеля – твое царское жалованье, чем вы, великий государь, меня пожаловали, и я того ни на какие бездельные расходы не истерял; и аще некто прилучится и учнет про меня какое зло говорить, и то они учнут говорить для того, что я их того хотенья не совершаю... А платьишко мое износилося и для многолетняго вашего царскаго здоровья и для государя царевича князя Алексея Михайловича поклоняюся и бью челом, да пожалует меня государь царевич, да сподобит меня Бог притти и облобызати руце его. По семь государь пребываю зело беден, а здеся всякие харчи – ества и питье – дорого и все покупаю». В духе Иосифа Севастийского действовали и другие выходцы, некоторое время пожившие в Москве, а потом снова возвратившиеся на Восток. (7150 г. № 9).

[201] - 7134 г. №2; 7136 г. №11.

[202] - 7135 г. № 19; 7136 г. № 11; 7137 г. № 22. Дворцовые разряды. II, 768 и 788.

[203] - 7136 г. № 13; 7138 г. № 3; 7142 г. № 5.

[204] - Дворцовые разряды. II, 139,175, 222 и 241.

[205] - 7138 г. № 22.

[206] - 7138 г. № 22.

[207] - 7144 г. № 1.

[208] - 7138 г. № 8.

[209] - 7144 г. №8; 7146 г. №6 и 7; 7147 г. № 11.

[210] - 7170 г. №11.

[211] - 7171 г. № 1 и 5; 7172 г. № 1; 7173 г. № 1; 7174 г. № 2; 7176 г. № 1; 7177 г. № 1; 7178 г. №1; 7179 г. №2 и др.

[212] - 7171 г. № 6.

[213] - 7171 г. № 1.

[214] - 7171 г. № 6 и 18.

[215] - 7177 г. № 39.

[216] - 7183 г. № 11.

[217] - 7171 г. № 1 и 6; 7172 г. № 28.

[218] - О своих прежних отношениях к Феофану Паисий показывал: «Феофан не греческой породы, а уроженец

черказских казаков…. а как-де он жил у волоскаго владетеля Васильева сына у Стефана воеводы в крестовых попах, и он-де ему, митрополиту, как он ехал к великому государю, много пакости чинил, только-де он все то забыл». Сербский митрополит Феодосии показал, «что он-де от него, архимандрита, пострадал». То же заявил и погоянинский архиепископ Нектарий. Очевидно, что между Феофаном, Паисием и компанией были старые личные счеты, которые теперь и отозвались на Феофане.

[219] - 7173 г. № 15.

[220] - О всех этих обстоятельствах мы узнаем из записки самого Паисия, поданной им государю для оправдания себя от обвинений, возведенных на него Никоном. В этой записке, разделенной на несколько параграфов, Паисий жалуется царю, что Никон мало того, что бесчестил его на словах, когда он был послан к нему в Воскресенский монастырь, но и «прислал мне книгу безчествующу и источающу великия кривды мерзкия, а вящшие были, яко аз есмь еретик и волхв, подписью его укрепленные. Ныне пришли грамоты, свидетельствующие быти мя архиереа Гасскаго митрополита, мужа учением наказание и премудростью украшена, сего же ради судия именный и посол престола апостольскаго констянтинопольскаго поставлен есть. Прошу вашего царскаго величества, что есть ныне, еже вредит к очищению моея славы и ко объявлению моего архиерейскаго достоинства и в рассыпанию Никоновых лжепредположений и к преломлению всех безчествований сопротивника моего, яко сие патриаршеские грамоты, сия священно святая писания (которые в действительности были подложными, как об этом заявлял впоследствии Константинопольский патриарх), мою невинность свидетельствующая, точию да просвятятся и явны сотворятся всему синклиту, яко же и пред всем синклитом обещещен орудием лукаваго диавола Агафаила, которому одному поверил Никон и изблевал яд на меня, невинного, – сия да будут по русски. Пришельником и блудящим архиереем называет меня Никон и никаких грамот не имущим, се уже таков несмь, и Святейший Патриарх Иерусалимский Нектарий, который столько грамот сюды прислал, а николи не писал таковых неистовых и

не объявлял вашему царскому величеству, что я такого чину человек есмь, паче же ведаючи, что не добре склонен есмь к Никону, яко явно есть из листа Дорофея архидьякона, который пишет, что я держуся боярской стороны и писал именем государевым грамоты к патриархом, которыми доспеваю конечное падение Церкви Восточныя и явную противность, аще бы таковы грамоты даны или взяты были в руки турские или крымские, горе бы было всем христианам церковным и мирским. Се безчестия явственныя, которыми моя слава раздирается неправедно! Для чего не писал, что есмь еретик и блудящь, без грамот мирных преходяй, то надобно было писать иерусалимскому архидьякону, которой есмь от области иерусалимския. Сего ради прошу, чтоб известился о том Никон настоящими грамотами патриарха Дионисия, яко имам вправду престол апостольский святаго Филимона единого от семидесяти апостол, понеже он всегда хощет, чтоб показал грамоты или свидетельства патриаршеские об архиерейском достоинстве, которое хотя первее познал, когда прислал ко мне свою грамоту, а потом презрел меня, что будто меня не знает и не может принять, яко архиерея, лживо прилагаючи, что будто я не имел являющих грамот, которыми обаче был есмь забражден Иерусалимскаго патриарха (?), который меня поставил в протопопы, монахи и митрополиты внутрь освященного Гроба. Сия да возвестятся по русски» (7175 г. № 2).

[221] - 7176 г. № 22.

[222] - 7178 г. № 6. Записки отдела русской и славянской археологии Русского археологического общества. Т. II. С. 600.

[223] - Чтобы понять смысл намеков крайне нелестного для Паисия письма Досифея, нужно иметь в виду письмо Паисия к логофету Константинопольской Церкви, которое Досифей прислал государю в обличение Паисия. Последний пишет логофету: «Еще прежде сего писали мы за великую дружбу к твоей честности, объявляя тебе про страдание и печаль и труды мои, и ныне также пишу тебе все дела сперва с краткословием. После неправедных и страшных отлучений и проклятий господина Парфения (?), что на меня наложил неправедно, последовало и господина Нектария болыни напраснословие,

неправедный на меня суд и оглашение и конечное отлучение, будто есмь душегубитель, разбойник и беззаконник, и так, без всякого расспросу и без достойно верных свидетельств и без двунадесять архиереев, но все в тайне учинили, – един Досифей, и тот мне незнаком, который ныне наследник учинился престола Иерусалимскаго. И как мне не возглашать о божественных законоведениях, когда оставили Церковь Божию вдовою, без пастыря, как горлицу пустынную, без покрова и без мужа, не обрящется жениху совокупиться: не будучи бо мужу в Иерусалиме, воцарилась Девора жена; так ныне есть вчерашние и третьегоднишние отрасли употребляются и властвуют, а старых, что в добродетелях и тщаниях подвизались с малых лет, наказуют и зазирают, чтобы они одни начальствовали; ни Бога не бояся, ни людей срамясь, клевещут на меня в зависти своей, чтобы получили желание свое, делами отрицался вышнего и божественнаго которого тонкими словами исповедуют и веруют страха ради человеческаго. Буди достоинство их, где суда не чают, как мертводушные, а я возлюбил душевное безмолвие и мирской мятеж отринул… Ни единого благоденствия не видел я от них, только на выворот, с лукавым помышлением писали было письма сперва на меня ремесла творя, слова сплетая, и те ремесла были от многих лет. Ныне же явлено бесстыдно пишут к державному царю и преблаженным патриархам такими словами оглашая, будто я изменник Святыя Церкви, порочного жития делатель, иноплеменный епископ, чужеславник. Если я чужеславен, пусть приведут свидетельство достоверное, ибо я трудолюбивая пчела, а не трутень…» Затем, оправдываясь от обвинений в латинстве и еретичестве указаниями на то, что он латинским повелениям не повинуется и не мыслит по-латински, «а только в учении их общником был», Паисий просит логофета, «ради прежняго душевнаго приятельства и дружбы, заступиться за него», «чтобы неученые и ненаказанные не тщеславились и не превозносились», просит, чтобы он ходатайствовал словом и делом перед патриархами о его скорейшем прощении (7178 г. № 27).

[224] - Самую грамоту государя к воеводе Иоанну Дуке см. в Приложении.

[225] - «Да митрополиту ж дано с дворца: 4 ведра и 2 кружки ренскаго, да рыбы два прута белужьих, да два прута осетрьих, связка сухих белых рыбиц; людям его: пять ведер вина, да десять полоть ветчины».

[226] - 7181 г. № 1.

[227] - 7180 г. № 25.

[228] - Реестр греческим грамотам. № 137; 1673 г., ноябрь 8 и декабрь 15; 1674 г., июль 16.

[229] - 7183 г. № 4.

[230] - 7184 г. № 7 и 8.

[231] - Реестр греческим грамотам – № 137; 1676 г., февраля 15.

[232] - 7185 г. №1.

[233] - Греческие статейные списки № 12. С. 1098 и 1107. Приведенное нами донесение киевского воеводы государю о смерти Паисия и указ государя о погребении Паисия в братском монастыре вполне разрешают вопрос (остававшийся доселе открытым) о времени смерти Паисия и месте его погребения.

[234] - Упомянутое найденное нами следственное дело об Арсении Греке было нами напечатано в «Чтениях в Обществе любителей духовного просвещения», в июльской книжке 1881 года.

[235] - 7157 г. № 7.

[236] - Этот архимандрит Афанасий сделался потом архиепископом города Фонара и по письму своего брата Арсения в 1658 году приезжал в Москву, где и получил обычную архиепископскую милостыню.

[237] - Архиепископ Скиафский и Сконийский Каллист приезжал в Москву за милостынею в 1653 году. Скиаф – небольшой островок против Фессалии.

[238] - 7157 г. № 33; 7174 г. № 34. Реестр приказным делам. Книга 2, связка 234, № 68.

[239] - В переписных книгах дел Посольского приказа – № 4,181 год, лист 183 – значится: «столпик, а в нем перевод с греческаго письма с тетради о освящении воды на Иордани, что подал в Посольском приказе архимандрит Дионисий в 170 году».

[240] - Эта записка напечатана в Приложении.

[241] - 7177 г. № 25.

[242] - 7136 г. № 11.

[243] - 7144 г. № 9.

[244] - 7148 г. № 8.

[245] - 7151 г. № 1.

[246] - 7154 г. № 18.

[247] - Турецкие статейные списки, № 27, 1699–1700 гг., лист 1195.

[248] - 7158 г. № 1.

[249] - 7158 г. № 9.

[250] - Митрополит Филиппополя и Драмы Софроний, которому Крижанич сочинил подложные грамоты, действительно приезжал в Москву в 1661 году со своим архимандритом Лаврентием и получил в Москве обычную митрополичью милостыню (7169 г. № 27).

[251] - Безсонов. Русское государство в половине XVII века. С. 190–193.

[252] - 7131 г. № 5.

[253] - Самое вероятное объяснение вражды между Иеремиею и его спутниками, вызвавшей донос, уже после приема Иеремии патриархом, а не ранее, как бы следовало, дали жившие в Москве греческие переводчики. Они показали, что Иеремия благодаря рекомендации Иерусалимского патриарха Феофана получил от Филарета Никитича лишний сорок соболей, да от князя Ивана Михайловича Воротынского за поднесенные ему мощи получил пять рублей, «и митрополит-де те соболи – жалованье патриарха и те пять рублей учал называть своими; архидиакон-де и келарь за то с ним бранились и говорили, что-де патриарх пожаловал те соболи на

монастырь, а не одному ему, равно и мощи он послал князю монастырские, и потому деньги за них должны, как и соболи, поступить не ему, а в монастырь, и за то-де меж ними брани было много».

[254] - 7132 г. №3.

[255] - 7134 г. №17.

[256] - 7136 г. №11.

[257] - 7155 г. № 2.

[258] - 7179 г. № 3.

[259] - 7204 г. № 18.

[260] - 1728 г. № 7.

[261] - В 1586 году просители афонского Зографского монастыря не были пропущены в Москву и получили милостыню 130 рублей в Путивле, так как они пришли из тех мест, где было моровое поветрие.

[262] - Так, например, в 1630 году архимандрит афонского Филофеевского монастыря был возвращен из Путивля назад потому, что не привез свидетельственных грамот ни от какого патриарха. В том же году и по той же причине не пропустили в Москву игумена города Охрида Преображенского монастыря. В следующем году по той же причине был возвращен назад из Путивля один греческий епископ, тогда как приехавший вместе с ним архимандрит ларисского Стефановского монастыря был пропущен в Москву, так как он имел рекомендательную грамоту от Константинопольского патриарха.

[263] - 7150 г. № 20.

[264] - 7140 г. № 12; 7144 г. № 12; 7149 г. № 15.

[265] - 7136 г. № 18; 7137 № 7 и 17; 7143 г. № 6.

[266] - 7144 г. №5.

[267] - 7151 г. № 4.

[268] - 7155 г. № 6.

[269] - 7155 г. №9.

[270] - 7156 г. №8.

[271] - 7156 г. №13.

[272] - 7156 г. №32.

[273] - 7156 г. №35.

[274] - 7157 г. № 29.

[275] - 7157 г. № 32.

[276] - 7162 г. №18.

[277] - 7167 г. № 4.

[278] - 7179 г. №14.

[279] - Ак. экспед. IV, № 214.

[280] - Ак. экспед. IV, № 214.

[281] - 7187 г. №7.

[282] - В 1694 году (№ 30) по случаю ожидаемой войны с султаном и крымским ханом издан был указ, чтобы всех просителей, находившихся в Москве, немедленно выслать из России, а вновь приезжающих сейчас же отсылать обратно за рубеж. В 1696 году (№ 8) этот указ был отменен. Подобные указы всегда издавались и в последующее время, когда ожидалась или наступала война с Турцией, а по окончании войны они опять отменялись.

[283] - 1702 г. №3.

[284] - 1705 г. № 13.

[285] - Всех гречан, живших в Москве, оказалось по переписи: 2 архимандрита, 9 иеромонахов и монахов, 1 капитан, 22 торговых грека, 31 рукодельных, да еще разыскано было до 30 разных греков, явившихся было сначала для записи в Посольский приказ.

[286] - 1708 г. № 2. 5 1718 г. № 15.

[287] - 1723 г. №8.

[288] - Описание документов и дел Святейшего Синода. Т. III, № 69,1723 г.

[289] - 1725 г. № 3.

[290] - Полное собрание постановлений по ведомству православного вероисповедания. Т. 1. № 19; т. 4. № 501, 694, 796.

[291] - Турецкие статейные списки № 1 (1512 – 1564). С. 111 и 248.

[292] - № 2, л. 337.

[293] - Древняя вивлиофика. Т. XII. С. 337–338,341–342.

[294] - Турецкие статейные списки № 3,1592 – 1594, лл. 55–57 и 235.

[295] - Греческие дела 7158 г. № 27.

[296] - 7140 г. № 11; 7142 г. № 5.

[297] - Турецкие статейные списки № 9. С. 23–25.

[298] - «Икона» (рукопись Санкт-Петербургской Синодальной библиотеки № 5). С. 16 – 17.

[299] - 1702 г. № 1.

[300] - Турецкие статейные списки № 8. С. 137–138.

[301] - Там же № 20. С. 240–241.

[302] - Там же №6,1630–1650. С. 104–107.

[303] - Там же, № 27,1699–1700 гг., лл. 1233 и 1234.

[304] - Там же, № 17,1677–1678, лл. 76 и 84.

[305] - 1704 г. №1.

[306] - Самая грамота патриарха в Приложении.

[307] - 7152 г. №18.

[308] - 7157 г. №19.

[309] - 7191 г. №2.

[310] - 1704 г. №1.

[311] - 1706 г. №1.

[312] - 7136 г. №8.

[313] - Турецкие статейные списки № 6, 1667 г. С. 137–138.

[314] - Там же, № 20, 1681–1682 г., лл. 240–242.

[315] - Там же, № 27, 1699–1700 г., лл. 553–554.

[316] - Эта грамота патриарха Парфения напечатана в Приложении.

[317] - 7157 г. № 22.

[318] - 1703 г. № 1.

[319] - 1707 г. № 25.

[320] - Турецкие статейные списки № 27, 1699–1700, л. 1082.

[321] - 7146 г. №5.

[322] - 7152 г. №1.

[323] - 7157 г. №19.

[324] - 7166 г. №11.

[325] - 7170 г. № 28.

[326] - Турецкие статейные списки № 8,1667 г., л. 304.

[327] - Турецкие дела, связка 7, № 3, л. 119 на об. и 120 на об. Досифей здесь намекает на следующий случай: один из служащих у Толстого решился потурчиться, а между тем он знал всех, кто имел с Толстым тайные сношения, и мог указать на них и турецкому правительству. Неминуемая беда грозила и Толстому, и всем грекам, служившим русскому правительству. Толстой употребил крайнюю меру: он отравил изменника, на что и намекает Досифей.

[328] - 7163 г. № 1.

[329] - 7166 г. N 3 и 4.

[330] - Турецкие дела, связка 6, № 4. С. 254, 255, 273, 274, 315, 316, 352 и др., связка 7, № 3. Эти две большие связки, обнимающие собою дела за 1705 и 1706 годы, в большей своей части состоят из переписки Толстого с Досифеем.

[331] - 7155 г. № 24.

[332] - Турецкие статейные списки, № 27, 1699–1700 гг. С. 200.

[333] - 7142 г. № 1.

[334] - 7200 г. № 1.

[335] - 7201 г. № 4.

[336] - 7206 г. № 31.

[337] - 1700 г. №1.

[338] - Турецкие статейные списки, № 27, 1699–1700 гг., лл. 1198 и 1199.

[339] - Соловьев СМ. История России с древнейших времен. Т. XV, Приложение.

[340] - 1706 г. № 1.

[341] - Турецкие дела, 1796 года, связка 7, № 3, лл. 405–406.

[342] - 1704 г. № 1.

[343] - Письма Петра Великого к Досифею напечатаны в Приложениях.

[344] - 1706 г. №1.

[345] - Мы имеем под руками даже один случай, из начала XVII века, когда турецкое правительство задумало было воспользоваться влиянием Константинопольского патриарха на московское правительство в своих интересах. В 1621 году патриарх Кирилл Лукарис с турецким послом греком Фомою Кантакузеном писал государю: «Имеем надежду, что порадеешь свободити от Литвы от злых недругов царствия своего Смоленск и иные места, (которые) с лукавством взяли из рук царствия вашего; ныне имеешь время, коль великий и крепкий царь Осман салтан хочет силою своею учинить воздаяние над теми ляхи, да и царствие твое имеет время доброе воздать им воздаяние, и да утвердится любовь меж вами с высокими враты». В другой грамоте к царю Кирилл, сильно выбранив злых и коварных ляхов, которые только и думают, как бы им овладеть русскими городами, усиленно выхваляет мудрого и могущественного султана, расположенного к грекам. «Нас любит и призирает, – пишет патриарх, – и, имея нас свободных, нас и домы наши и церкви, ни единого супротивия не имеем от великого его царствия, только живем и пребываем добре и все добровольно в покое пребываем и благодарим», уверяет, что султан поднимается отмстить ляхам за их злые дела, учиненные особенно относительно России, и советует царю без всякой мешкоты отнять у поляков, в союзе с турками, Смоленск. Если царь примет совет этот, то, уверяет патриарх, султан и его визирь будут иметь ко всем христианам еще более любви, и потому он именем Бога и Христа умоляет царя исполнить его прошение о союзе с турками против поляков. О том же Лукарис писал и Филарету Никитичу. Но, по приказанию Лукариса, турецкий посол грек Фома Кантакузен заявил на словах, что грамоты о союзе русских с турками против поляков патриарх писал по повелению султана, а не сам собою. Филарет Никитич, однако, отвечал Лукарису особою грамотою, в которой, сказав о польском разорении и о мире, заключенном с поляками на 14 лет, заявляет, что забыть сделанное поляками зло невозможно, и если бы польский король подал хотя бы малейший повод к нарушению мира, царь на него тогда поднялся бы. А что Москва

в борьбе султана с Польшею не подаст последней ни малейшей помощи и впредь полякам помогать не будет, в этом Кирилл может смело заверить султана (Турецкие статейные списки № 4. С. 97 – 123).

[346] - Турецкие дела, 1705 г., связка 6, № 4. С. 340.

[347] - Турецкие статейные списки, № 10, 1667 г. С. 332; № 15,1667–1679 гг. С. 56; №20,1681–1682 гг., л. 442.

[348] - Там же, № 3,1592–1594 гг. С. 57.

[349] - Там же, № 4, 1621 г. С. 97–123; № 6, 1630–1650 гг. С. 104–107.

[350] - 7143 г. № 7 и 8.

[351] - Турецкие статейные списки № 8,1667 г. С. 23–85 и 140; № 10. С. 66–75.

[352] - Там же, № 27,1699–1700 гг., лл. 1295–1296.

[353] - 7150 г. №11.

[354] - 7157 г. № 17.

[355] - Турецкие статейные списки, № 17, 1677–1678 гг., лл. 97–100.

[356] - 7143 г. №7; 7147 г. №12.

[357] - 7147 г. № 7 и 11; 7178 г. N 59.

[358] - 7153 г. № 19; 7159 г. № 8,24,39; 7162 г. № 6; 7164 г. № 6; 7163 г. № 30.

[359] - 7161 г. №16.

[360] - 7162 г. №17.

[361] - 7167 г. №3.

[362] - 7168 г. №21.

[363] - 7169 г. №4.

[364] - 7170 г. № 21.

[365] - 7161 г. № 30.

[366] - 7157 г. № 17.

[367] - Турецкие статейные списки, № 8, 1667 г., л. 331 на об.

[368] - 7149 г. № 12.

[369] - 7148 г. № 8. 2 7160 г. № 3.

[370] - 7169 г. № 30.

[371] - Там же, № 10 и 17.

[372] - 7159 г. №41; 7180 г. №25.

[373] - 7146 г. № 9.

[374] - 7148 г. № 8; 7150 г. № 17; 7157 г. № 17.

[375] - 7155 г. № 4 и 16.

[376] - 7161 г. № 31. 4 7150 г. № 17.

[377] - 7150 г. № 17; 7157 г. № 7; 7167 г. № 3.

[378] - 7165 г. №6.

[379] - 7143 г. №7.

[380] - 7165 г. №10.

[381] - 7186 г. № 3.

[382] - 7153 г. № 15 и 30; Муравьев. Сношения России с Востоком. Ч. II. С. 269 – 300.

[383] - 7154 г. №13.

[384] - 7155 г. №16.

[385] - 7159 г. №8.

[386] - 160 г. №40.

[387] - 7164 г. №25

[388] - Вот само донесение Даниила, которое мы приводим как образец подобных донесений: «Извещаю великому вашему царствию, ноября 26 числа, что есми известил о вестях агарянских с Федором Юрьевым, и ныне паки объявляю великому вашему царствию окаянство их: в месяце декабре в 7 день, на воскресной день, переменил салтан везиря своего Магмет-пашу и поставил на его место Селих-пашу, и той есть и доднесь везирем; и переменил янычерского агу; а в 8 числе пришел единой гален турской, который ехал в Египет, и за ним гнались немецкие галюны, и насилу ушел, и спереди нос у него обломан от пушек, и посрамились зело агаряне. В 10 числе декабря, в среду, поехал блаженнейший во Иерусалим степью, от страха немецкого нельзя было ехать морем. Того ж месяца 15 числа надел султан кафтан на Магмет-пашу, который был везирем, ехати ему в Селунь собрати все войско западные страны, чтобы быти им готовым весною ехати на Критской остров, а в 19 числе проводили ево. Того ж месяца в 23 числе

послал салтан каторжного дворецкого Химаралу с восмью каторги перевести Дели-Хусейн-пашу от Манавасии в Крит, и едучи гнались за ними немецкие галюны и немного их не взяли и убегли, а галюны пришли в Манавасию и с пушками, сбили многие домы и тако прислали гонца к салтану, и салтан призвал капитан-пашу, и велел ему взяти от части каторг ехати и перевести Дели-Хусейн-пашу, и он ему супротивился, что невозможно перевести не со многими каторги, потому что немецкая арманта есть много на поле (на море?), и насилу освободил армаду нашу и правез и султан раскручинился и в тот час ево задавил месяца генваря в 12 день в понедельник. Посем Дели-Хусейн-паша с Химараглым изыскали время зимнее и перешли в Критской остров; и потом, по времянной погоде, ночью пришел и Химарагл в 7 числе месяца февраля в Царь-город с некоторым Ассан-пашею с двумя каторги, и привезли сорок человек хрестьян от Критского острова от хана, и сказывали, будтося они хотели предать город Ханю, и в тот час, как их привезли к султану, иных велел повесить, а иных казнить пред собою при море, при своем Сардале. Месяца февраля в 18-й день пришла весть виницейскому агенту, что умер виницейский король и учинился на его место иной король и той был с арматою в Крите. Того ж месяца 20 числа послал султан единую каторгу с порохом в Хию город, потому что пришла весть, что армата немецкая многая есть на Белом море и боятся турчене, чтобы, шед, не взяли Хия-города и смутились. Да марта в 1-е число пришел другой стружок от Хии с грамотою к султану, чтоб наскоро учинил и сделал, выслал бы армаду скоро, потому что армада немецкая хочет ехать в Хию, тож и все Хиоти рухлядь свою похоронили в землю, а турецкие жены надели греческое платье. 21-го числа марта в день святого и праведного Лазаря, в субботу, пришел струг и пришла весть, что пришли 27 галюнов немецких за новыми городками и стали в Теноде; и смутился султан и все агаряне, и султан повелел капитан Мусса-паше, чтобы наскоро уготовить армату и изготовили 20 каторг, потому что досталь-ные не готовы были, и пошли на страстной недели в понедельник, 23 числа марта, и пошли до новых городков и оберегали, а дале того боялися

ехать от немец. В тех же днях ставил янычен и переменил яныченевого агу; да марта в 28 число, в великую и святую субботу, послал еще 15 каторг да четыре галюны, да месяца апреля во втором числе, на светлой неделе во вторник, изготовил 20 каторг на Черное море, только возвратили 10 каторг ночью опять назад к каторжному пристанищу, а достальная 10 осталась у новых городков у Лаврова мола оберегать. Месяца апреля в 15-й день, в понедельник, пришел гонец к салтану от крымского царя и просил помощи 40 000 людей, сказываючи, что идет московской на крымского царя со 100 000 воинскими людьми, и везирь тотчас послал его в молдавскому воеводе с грамотою, что ты говорил так: «Покаместа я сдеся воеводою, никакого страха не будете имети от московская, а ныне для чего восстали, только делай, что ни сделаешь, да утолиши его», – сие много и более того писал к нему и послал человека крымского царя к нему с грамотами. Месяца апреля в 16-й день, в четверг, поехал капитан-паша с 20 каторгами, да с тремя магуны и всех пошло 55 каторг, а 30 беломорских княженецких каторг и всего 85 каторг, да 5 магун, да 4 галюны, да 280 (?) кораблей меньших и больших торговых, на которых наклали ружья и воинских людей восточных и западных, и пошед и стали под новыми городками, только не смели выехать на море, потому что до 27 галюнов стояли перед Тенедом. В той же день пришел и посол великого вашего царствия на корабли и задержали его и стоял на великой быстрине в Ор-ваницкой деревне и на завтрее взяли ево и привезли в Царьгород и поставили его на молдавском дворе месяца апреля в 18-й день, в субботу. Июня 1-е число, в понедельник, были у руки у салтана, а в четвертом числе были у патриарха и подали ему вашу милостыню, а иному никому милостыни не дали и по сей день. Посем арманта турскаго стояла под новыми городками и послали весть к султану, чтоб учинили мольбу, потому что хочет ехать армата битися с немцами и тако сотворили в то время, месяца майя в 14-й день. А в 16-й день пошли галюны немецкие взяти воды позади острова Тенедосского, и осталось четыре галюна на море, и пошла армата на те на четыре галюна и учинили бой, и

потопили у турского 7 каторг, а у достальных каторг поломали весла и многих людей побили, и возвратились назад под новые городки позорны и восприняли турченя великий позор толико, что хотел салтан казнити всех крестьян, которые пребывают здесь в Царьгороде, только везирь и муфтий не пустили его казнить; и тако послали ту 10 каторг, которые оберегали губу Черного моря, с порохом и с пушками и с веслы, чтобы снарядить во вторые свою армату, и тако их имели в заверти до июня месяца. И одну ночь была тишина; и вышли они и пошли под Хию и видя, что немецкие галюны пошли прочь и потом во 2-й день пошли за ними в оттуда видя, что галюны не рушатся с места и прошли в Моновасею и собралось всей арматы турской в Моновасеи, а галюны немецкие, шод, съехались с другою арматою немецкою в Крите. Говорят, что имеют веницейские 110 каторг, да 80 галюнов, да 100 мелких каторг и оберегают протоку под Ханию и сказывают, взыскала время подобное армата турецкая и пошла было под Ханию и встретилась с немецкою арматою и бились и побили турскую армату всю до основанья со всем войском, немногие каторги ушли и те неведомо где, еще подлинно того не ведомо, а как проведаем подлинно и мы про то отпишем с Федором Юрьевым вскоре. Посем турченя есть кручинны и не знают, што делать, потому что в мае в 27 числе пригнали два гонца к салтану от крымского царя и привезли подлинные вести, что донские казаки осадили Азов. Да месяца июня в четвертом числе приехал иной человек от крымского царя, что идет великое войско московское на крымского царя, тоже и под Азов. И присылал везирь к послом и они посылали переводчика Дементья и ходил и сказал ему везирь, что как взяли турки Царьгород, от северные страны сабля не восставала, а ныне для которой нужды подняли саблю на нас? И переводчик отвечал им досуже и говорил, что блаженный царь наш, что представился, присылал послов к вам сюда о любви, тож и вы послали к нам (послов) о любви, а потом шод крымской царь воевал и взял 4000 полоняников, а потом вторые послал нас проведати, что вашего ли царя повеленьем или нет (нападал на московские области крымский хан) – и потом представился. И сел сын его и написал грамоты

против прежних грамот: и потом нас вы привезли в Кафу и заключили там и ехав крымский царь воевал места и взял 4000 полону, – ведает ли то салтан или нет? И везирь сказал, что нет. И переводчик сказал, аще про то не ведает салтан и он бы послал привести крымского царя и казнил бы его главу перед послом и тако поедим к нашему царю и утишим войну, а для ради Азова царь наш про то не ведает, потому что казаки самовольны и никто ими не владеет. И так его отпустил, ничего ему не говорил и имел корабль на готове отпустить посла ехати, а как услышали про войну, задержали его и заперли и не пускают никакого человека видитца с ним и до днесь, только корм им дают. А турчен стоит в великом размышлении и янычан ставят и посылают их к Днепру; тож пришли воинские люди от восточной страны многие и идут к Днепру, а того не ведаем, куды пойдут, а посем будем писать. Еще извещаю великому вашему царствию: в те дни, как присылал крымский хан людей своих к салтану о войске, в сие время прислал единого князя московского с грамотами к султану, сказываючи, чтобы ему дал салтан помочи 50 000 воинских людей ехати ему с крымским царем. Сие писал крымский царь, да и сам тож говорил, чая, что ему дадут сейчас помощь идти войною на вас; только султан, имея войну с немцами и слыша про войну азовскую, не послушал их, только ево почтил и поставил ево близко султан-сулеймания на дворе рузномедиеве (?) и корм ему указал, и смута учинилась во Царегороде, что приехал царевич с Москвы и сулил он им, аще да сяду на Москве царем и я вам дам Астрахань и Казань да будет ваша, сия и иная многая сулил туркам, а турки радовались. И услыша то, посол царствия вашего раскручинился зело и занемог толико, при смерти лежал, – в 3 числе августа причащали и маслом соборовали. Тож и аз, небольший богомолец ваш, порадел и виделся с тем княжичем один день, как он ходил на потеху с тремя его людьми, да с яныченином, который ево караулит, и я яныченина напоил пьяного и к нему приблизился и вопросил его и он объявил и рассказал мне, что яз, если приехал быть царем на Москве, да и княжей сын есми, приехал из Астрахани, завут меня князь Андреем Торхоги (?), а турченя его зовут князь

Алпут. Аще вы спросите о возрасте его есть тридцати лет, рыжеус, высок, тонок, белоглаз и лро него расскажет вам человек наш, который везет письмо наше, Василий Иванов, потому что и он с ним виделся и говорил сним.Аиной князь приехал от вас в Литву, а оттуда приехал в Мутьянскую землю, а оттуда поехал в магарскую (мадьярскую?) землю, а оттуда в Камусвары (Темешвар?), а оттуды прислал весть к будунскому паше и он послал и взял его и прислал его сюда к султану, и того зовут князь Иван, а отцово имя князь Василий Шуйский; тож ему корм идет и живет. Сие извещаем великому вашему царствию ныне и паки не во многие дни, что будет у них на уме, мы опять известим. Посем поклоняюся, молю и благословляю великое ваше царствие, от своего жалованья не забывайте нас, яко верных ваших рабов…» (7155 г. № 4). Вот какие подробные и обстоятельные отписки присылали государю обо всем происходившем в Турции политические агенты из гречан, так что наше правительство, пользуясь этими отписками, знало подробно все, что происходило в Турции, тем более что вести об одних и тех же событиях шли от нескольких лиц сразу, благодаря чему являлась полная возможность проверять и дополнять известия одно другим. Понятно, что эти отписки агентов имеют свое значение и в настоящее время как материал для историка.

[389] - 7157 г. №21.

[390] - 7160 г. №3.

[391] - 7156 г. №36.

[392] - 7160 г. №3.

[393] - 7154 г. № 10; 7155 г. № 1; 7149 г. № 14; 7155 г. № 2; 7156 г. № 36.

[394] - 7157 г. №17.

[395] - 7159 г. №37.

[396] - 7160 г. №3 и 21.

[397] - 7164 Г. №25.

[398] - 7159 г. №8.

[399] - 7160 г. № 3 и 14.

[400] - 7149 г. №14.

[401] - 7156 г. №35 и 37.

[402] - 7161 г. №31.

[403] - 7158 г. № 29.

[404] - 7157 г. №7.

[405] - Если сербский митрополит Михаил «испытывал» небесный иерусалимский огонь и нашел, что «от него жар и палит так же, как и от прочего вещественного огня», то наш русский паломник 1634 года, Василий Гагара, точно так же испытывавший небесный огонь относительно его свойств, нашел их после неоднократного испытания совершенно иными, чем сербский митрополит. І Гагара говорит: «Огнь же небесный багровиден, а не как прочий огонь естествен от земного огня. Аз же, Василий, у митрополита зажег в едину руку двадцать свеч и нача браду свою палити тем огнем, и ни един от влас брады моя погиб и не сгоре; и аз грешный токмо уверовал, что небесный огнь есть, како не сожгло брады моея от огня, какоже бывает от естественнаго огня, что многие вещи пожигает; тавоже и в другорядь, и в третий палил браду свою, и никакоже прикоснулся огнь власом моим. Аз же, Василий, прощения просил у митрополита в том, что неверованием одержим бых, чаях, что греки тот огнь составляют своим умышлением, а не небесный огнь сходит с небеси» (Сахаров. Сказания русского народа. Т. II. С. 120).

[406] - 7166 г. №3.

[407] - Турецкие дела 1706 года, связка 7 № 3. С. 14–15.

[408] - Там же, с. 120 на об. и 121.

[409] - Вследствие доноса Эргакия о готовящемся покушении на жизнь государя сделано было распоряжение о поимке посланных в Россию греков, «чтобы, поймав их, за крепким караулом к его царскому величеству прислать со всеми вещами, которые при них будут обретаться». Дело это повелевалось вести крайне секретно, чтобы посланные греки каким-нибудь образом не известились о предпринятых для их поимки мерах. Донос был сделан в феврале, 11 апреля в Петербург уже были доставлены два грека, Дементий и Петр, которых обвиняли в принятии на себя исполнения приказа султана – отравить

государя. Схваченные греки несколько раз подвергались жестокой пытке, но оба ни в чем не признавались (1712 г. № 5).

[410] - Соловьев. История. Т. XVI. С. 114.

[411] - 1743 г. №5.

[412] - 7155 г. №2.

[413] - Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее деятелей. Вып. 5. С. 367–370.

[414] - Турецкие статейные списки, № 13, л. 57.

[415] - 7157 г. №6.

[416] - 7157 г. №7.

[417] - 7159 г. №11.

[418] - Там же, № 17.

[419] - Там же, № 29.

[420] - Там же №19, 28.

[421] - Там же № 37.

[422] - 7161 г. № 5.

[423] - 7157 г. №22.

[424] - В 1651 году кесарийский митрополит писал в Москву: «Туркам не любо, что Василий-воевода выдал дочь свою за сына Хмельницкого, хотя Василий и извинялся, что сделал это неволею, после раззорения. От султана было к нему писано, что и в Царьграде можно было бы для нея сыскать честных людей, а ныне дочь его хоть собакам кинь» (7159 г. № 17). В 1652 году грек Димитрий Иванов сообщал в Москве: «Турки опасаются, что Хмельницкий будет в сватовстве с молдавским воеводою Василием, а мутьянский Матвей отпускает на свадьбу жену свою, и как они соединятся, то что-нибудь над ними (турками) промыслят». (7160 г. № 36).

[425] - 7163 г. №14.

[426] - 7164 г. № 17.

[427] - 7164 г. №24.

[428] - 7165 г. №10.

[429] - Древняя вивлиофика. Т. IV. С. 256.

[430] - Реестр греческим грамотам № 137, 1656 г., октября 8. К сожалению, самой грамоты патриарха мы не нашли.

[431] - Полн. собр. зак. № 180.

[432] - Выдержки из грамот Дионисия, Щербана и Арсения приведены нами по рукописи Санкт-Петербургской синодальной библиотеки «Икона», № 69,70,71 и 72. С. 168–173.

[433] - Причины неблаговоления Петра к архимандриту Исайи объясняются следующим показанием Исайи, данным им во время его вторичного пребывания в Москве. Когда он в первый раз приезжал в Москву и ему уже вручены были ответные грамоты государей патриарху Дионисию и воеводе Щербану, «тогда при отъезде, – показывал Исайя, – призвал нас к себе боярин князь Василий Васильевич Голицын и спрашивал: «Совсем ли нас отпустили от приказа? и простилися ли мы у святейшего патриарха?» – Я отвечал, что «с приказа отпустили, но у патриарха еще не были». Тогда боярин велел идти проститься к патриарху и потом опять у него побывать за отпуском, потому что есть некоторое дело государское, которое я должен буду устроить со Вселенскими патриархами. Пошел я к святейшему и, прощаясь, сказал, что князь говорил мне о некоем деле, которое надо покончить со Вселенскими патриархами, но я не знаю, какое это дело. Патриарх начал говорить мне: «Знаю дело, которое просит князь Василий у святейших патриархов, – чтобы они послали благословенную грамоту о том, чтобы могла государыня царевна София царскую корону носить и ей бы вместе с великими государями во всяком правиле поминаться». Патриарх судом Божиим и клятвою завещевал нам, чтобы мы о сем деле не ходатайствовали и его бы не учинили, и мы по завещанию святейшего пред спасительным образом обещались, что не будем о сем деле ходить и ходатайствовать, видя святейшего патриарха волю и рассуждение, и что не по правилам св. апостол и отец, чтобы при двух живых царях и третью особу женскаго пола на царство короновать. После сего, поклонившись патриарху, пошел я опять к князю Василию, и тот стал повторять мне прежнее слово: что хочет, чтобы мы у святейших патриархов некоторое дело повершили, которое потребно великим государям, о деле

же том известит нас севский воевода Леонтий Романович, но не изъявил нам, какое это дело, а только повторял, чтобы мы его исполнили. Я же не мог ему иначе отвечать, что если, то дело будет против нашей силы и по Боге, то должны мы потрудиться и послужить великим государям, но патриаршую тайну мы сохранили в сердце своем и, поклонившись князю, пошли в путь свой. Когда прибыли мы в Севск, призвал нас к себе воевода, но о том деле ничего с нами в тот день не говорил, а велел прийти на другой день и тогда только сказал, что ему приказали великие государи и князь Василий Васильевич сказать нам сие дело, чтобы я такую грамоту походатайствовал у Вселенских патриархов для государыни Софии, чтобы могла носить она царскую корону и в правилах церковных поминовение иметь вкупе с великими государями, и приказывал нам воевода именем царским и царевны Софии и именем князя Василия Васильевича, чтобы мы то дело исправили. Я же, видя свою немощь и помня слово святейшего патриарха, сказал Леонтию Романовичу, что, по указу великих государей, должен я доложить те слова святейшим патриархам, но не берусь, конечно, чтобы сие учинилось, ибо знаю, что святейшие патриархи много о сем деле будут рассуждать, но того не знаю, будут ли сие чинить или нет; поскольку знает он, архимандрит, что патриархи Вселенские дали власть патриарху Московскому во всяких делах церковных и царских, и имеет он власть вязать и решить, и следует такое благословение просить у Московского патриарха, и нечего о таких делах в турские области посылать, которого совершенство в Московском государстве имеется. Леонтий на сие слово отвечал, что от сего нашего патриарха ни благословения, ни клятвы не ищем, плюнь-де на него. Архимандрит устрашился такому бесстрашию и безбожию. Леонтий еще говорил, что даст ему, архимандриту, человека, который с ним у святейших патриархов говорить будет. Но архимандрит сказал, что человека напрасно трудить не надобно, ибо и сам он о том доложит; и если будет на то их воля, то и сами они сие без человека сделают. Он, архимандрит, так отговаривался, помня патриарха Московского слово и рассуждение, и таким образом отбился от того воеводы.

А о том, чтобы доложить святейшим патриархам о том деле и тайное намерение святейшего кир Иоакима поведать, у меня такое намерение было: зная Вселенских патриархов мысль, что, когда услышат они неблаговоление и неблагословение (Московского патриарха) о сем, никаким образом не возмогут дело сие к совершению привести. Так поехал я в путь свой». Понятно, что после такого показания о замыслах теперь уже низвергнутой Софьи, причем Исайя волей или неволей принимал в них участие, он не мог ожидать к себе благосклонного отношения от правительства Петра.

[434] - 7196 г. № 16; 7197 г. № 2; 7190 г. № 27. Греческие статейные списки № 11 составляют целую переплетенную книгу, которая содержит в себе все документы и дела относительно приезда архимандрита Исайи с известными предложениями посылки к патриарху и воеводе грека Дементия, посылки самого Исайи, его ареста в Венгрии и пр.

[435] - Первое сочинение: «Сказание к отрицающимся на поставление и клянущим своим рукописанием русскому митрополиту и всему священному Собору, еже не приимати поставлены на митрополии и на владычество от Римскаго папы латинския веры и от Цареградскаго патриарха, аки в области безбожных турок поганаго царя, и поставленнаго от них не принимати». Второе: «Сказание, яко не оскверняются святая николиже, аще и многа лета обладаеми суть градове от поганых».

[436] - 7177 г. №13.

[437] - Чтения в Обществе истории и древностей российских 1871 г., статья Рущинского.

[438] - Собрание государственных грамот и договоров. Т. III, № 34. С. 149.

[439] - Заседание в книжной палате 18 февраля 1627 года по поводу исправления катехизиса Лаврентия Зизания. Издание Общества любителей древнерусской письменности. СПб., 1878. С. XVII.

[440] - Подлинный список прения Арсения Суханова с Греками о вере находится в греческих делах Московского архива

Министерства иностранных дел, 7157 г. № 8.

[441] - Малышевский. Мелетий Пигас. Т. II. №26. С. 81–82.

[442] - Там же. Т. I. С. 71, 74, 372, 580.

[443] - Челобитная государю палеопатрасского митрополита Феофана 1645 года напечатана нами в полном виде в статье: Следственное дело об Арсении Греке и ссылка его в Соловецкий монастырь // Чтение в Обществе любителей духовного просвещения. 1881 г., июль.

[444] - Рущинский. С. 161.

[445] - Турецкие статейные списки, № 27, 1699–1700 гг. С. 203.

[446] - 7151 г. №1.

[447] - 7153 г. №19,30, 32.

[448] - 7160 г. №37.

[449] - 7161 г. №16.

[450] - 7161 г. № 34.

[451] - 7163 г. №1.

[452] - 7164 г. № 8.

[453] - 7164 г. №28.

[454] - 7151 г. №1.

[455] - 7153 г. №32.

[456] - 7154 г. №19.

[457] - 7159 г. №39.

[458] - 7160 г. №3.

[459] - 7162 г. №2.

[460] - 7163 г. №1.

[461] - 7158 г. №9.

[462] - Сахаров. Сказания русского народа. Т. II. С.161 и 190.

[463] - 7159 г. № 17, 39; 7160 г. № 21; 7161 г. № 16.

[464] - 7 161 г. №37.

[465] - 7162 г. №5.

[466] - 7163 г. №1.

[467] - 7146 г. №6.

[468] - 7145 г. №3.

[469] - 7147 г. №12.

[470] - 7148 г. №8.

[471] - 7153 г. №32.

[472] - 7163 г. №1.

[473] - 7154 г. №15.

[474] - 7163 г. №1.

[475] - 7178 г. №30.

[476] - 7163 г. №1.

[477] - 7153 г. №32.

[478] - 7154 г. №19.

[479] - 7160 г. №21.

[480] - 7162 г. №2; 7163 г. № 1.

[481] - 7161 г. №16.

[482] - Каких отношений России к православному Востоку желали гречане, как они понимали русское покровительство Вселенскому Православию, это видно, между прочим, из следующего характерного заявления Иерусалимского архимандрита, впоследствии патриарха, Хрисанфа. В грамоте к патриарху Иоакиму он убеждает его подвигнуть царей на освобождение Святого Гроба Господня из рук еретиков и далее пишет: «Царство махометанское на всяк год пророка своего на гроб истрясует неисчетные сокровища, и нынешний султан прошедшаго лета учини едино паникадило и прясла на гроб его и истрясе болши трех сот рублев. И аще они трясут толика и толика единому ложному пророку, якоже они исповедуют, что убо нам подобает, православнии, творити на Владычнем Гробе, в нем же уснул есть Богочеловек Иисус, Сын и Слово Божие – наипаче вам, ид еже есть сила царская, яже многими образы может предукрепити в концы вселенныя. Рига испанский на пищу старцам папистам, иже собирают во святом граде, дает на всякий месяц по тысящи грошей и изряднее вся елика им пристоят ко всякому делу, он во вся годы присылает с людьми своими, без старческаго труда. Ваше же велие святое и державное царство, яко убо есть едино православно во всей вселенней подобает наипаче посещати святые места» (Рукопись

Санкт-Петербургской синодальной библиотеки «Икона», № 154. С. 407). Как греки понимали характер русского покровительства православным восточным обителям, это с особенною ясностью видно из следующего случая. В 1682 году в Москву прибыл синайский архиепископ Анания. Он просил государей взять Синайскую обитель на свое царское попечение, ибо в противном случае ею может овладеть папа Римский. Архиепископ определяет, в чем именно должно состоять царское попечение о Синайской обители: ей следует дать на Москве подворье да какой-либо русский монастырь с вотчинами. Но на этот раз домогательства синаитов не имели успеха. Тогда в 1687 году в Москву прибыл синайский архимандрит Кирилл с особыми полномочиями от синайского архиепископа Иоанникия и всей братии обители, которые прислали царям челобитную с просьбою принять в свое полное ведение Синайский монастырь, послать в него русских иноков, так чтобы он был в полном смысле русскою царскою обителью. На этот раз домогательства синаитов увенчались полным успехом. Синай официально был принят под особое русское покровительство и сделался русским царским монастырем, синаитам послана была денежная дача, дана была жалованная грамота с правом приезжать в Москву за милостынею через два года и, сверх того, велено было устроить серебряную раку для мощей великомученицы Екатерины. Синаиты немедленно воспользовались своими новыми отношениями к русским царям в видах извлечь из этих отношений возможные материальные выгоды для себя. В 1693 году прибывший в Москву синайский архимандрит Кирилл привез к государям грамоту от своего архиепископа, в которой тот благодарит царей за присланную милостыню и особенно за драгоценную раку для мощей великомученицы Екатерины, – «рака сия есть-де восьмое чудо к семи древним». Далее архиепископ просит царей пожаловать их обитель обильно всеми потребами и, подобно Ивану Васильевичу Грозному, послать своих двух-трех бояр для посещения Синая (разумеется, с богатой денежной дачей, как это и было при Грозном). В заключение архиепископ просит отпустить мзду и по жалованной грамоте, и чтобы жалованье

сие было погодное, потому что всякие два года, как написано в жалованной грамоте, присылать человека по дальности пути не могут, и чтобы жалованье было деньгами, а не соболями, так как от товаров непрестанно бывают большие убытки. Была просительная грамота от архиепископа и к царице Наталье Кирилловне, причем на нее возлагалось особое поручение. Так как Синайская обитель теперь сделалась царским монастырем и потому должна иметь царские сосуды, которых у нее, однако, нет, то царица и должна позаботиться о снабжении монастыря царскими сосудами, ибо это суть все иноки, пусть же управляется монастырь, как управляются и собственные ее монастыри, во славу и честь ее царствия. Подобного же содержания была грамота к царицам Прасковье и Евдокии Феодоровнам, которых архиепископ называет возлюбленными своими дщерями и посылает им благодать от Господа Иисуса и от святой Неопалимой Купины. Царицу Прасковью архиепископ просил сделать в монастырь лахань с рукомойником, а царицу Евдокию – архиерейскую шапку с омофором во славу своего имени, как делали и прежние боголюбивые царицы, которые не только сооружали царскую утварь в обители, но и самые монастыри созидали. Была грамота и к царевне Софье Алексеевне, в которой на нее возлагалась забота о снабжении царского монастыря ризами и сосудами, и архиепископ не сомневается в исполнении его просьбы, ибо благодеяния царевны превосходят милостыню цариц Феодоры и Феофании. Были и еще две грамоты к царевнам Екатерине и Наталье Алексеевнам такого же содержания. Первую архиепископ сравнивал с царицею Феодорою и премудрою Екатериною и просил ее, чтобы приняла милосердым разумом царского произволения посланного архимандрита Кирилла. Ей было поручение: каменья и венец на раке великомученицы Екатерины остаются без украшения, а потому он просил ее, чтобы она прислала каменья и жемчуг на украшенье, как подобает ради лучшей лепоты, и еще одну золотую лампаду. Наталье Алексеевне давалось поручение: так как монастырь скуден покровом и дискосом с покровом и не имеет украшенного Евангелия, то ей следует позаботиться обо всем этом, причем

архиепископ предупредительно посылал к ней и самое Евангелие, на которое она должна была сделать драгоценный оклад. Так обстоятельно и точно распределил синайский архиепископ обязанности каждого лица царствующего дома относительно вкладов в обитель. В 1697 году синайский архиепископ снова обращается к государю с просьбою, чтобы он ежегодно давал на обитель по пяти тысяч рублей, «что да не будет вам в тягость, но в радость», поучает при этом архиепископ. Но, как видно, такой запрос самому архиепископу показался уже слишком чрезмерным, и потому он сейчас же допускает очень крупную сбавку с цифры своего запроса. «Если вам, – говорит он, – видится тяжко 5000 рублей, потешьте нас хотя меньшим – двумя тысячами всякий год и жалованною грамотою». И на этот раз, как и прежде, архиепископ обращается с просительными грамотами к разным лицам царствующего дома. Так, царице Прасковье он между прочим писал: «Милости просим, если произволение твоего царствия будет, едино паникадило серебряное быти над мощами святыя Екатерины в вечное поминовение и в славу твоего царствия». У царевны Екатерины Алексеевны просит покров и икону на раку, а у Натальи Алексеевны – серебряное паникадило для монастырской трапезы и т.п. (см. нашу статью: Русская благотворительность Синайской обители // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1881 г., октябрь – ноябрь). Так в высшей степени выгодно для себя поняли синаиты свои новые отношения к Москве: своею обязанностью они считали просить, требовать и получать, на царя же они возлагали обязанность давать им крупные суммы денег, ценные разнообразные подарки, радостно удовлетворять все монастырские нужды и потребы. Ничем не прикрытое желание как можно более и скорее нажиться на счет тароватого русского правительства, выманить у него всеми способами побольше денег и ценных вкладов – вот единственные побуждения, которые руководили синаитами в их сношениях с Москвою. В такие же отношения к русским государям усиленно стремились стать и все восточные обители, навязчиво предлагавшие государям сделаться ктиторами той или другой обители.

[483] - 1 Сношения с Востоком. Т. II. С. 298.

[484] - 7158 г. № 9.

[485] - Чтения в Обществе истории и древностей российских 4 (1868).С. 387.

[486] - О церковной реформе Никона и ее противниках мы готовим к печати отдельное исследование, почему в данном случае мы и ограничиваемся в своих суждениях о реформе Никона самыми общими и короткими замечаниями.

[487] - Рукопись Московской Духовной Академии № 201, лл. 338 и 339.

[488] - Очевидно, что патриарх говорил это с прямым желанием укорить русских, которые казнями расправлялись с расколоучителями, что, как видно, хорошо было известно патриарху, несмотря на заверение послов, что теперь в России никаких расколов нет.

[489] - Этим указанием, что турки казнят появляющихся у них раскольников в вере, патриарх опять имел в виду укорить русских, которые расправляются со своими раскольниками по-турецки – казнями, а не борются с ними по-христиански – Писанием, кротостью и смирением.

[490] - Турецкие статейные списки № 27,1699–1700 гг., лл. 1188–1196 и 1231.

[491] - «Путешествие во святую землю священника Лукьянова» напечатано в Русском Архиве за 1863 год.

[492] - 7178 г. №75.

[493] - Турецкие статейные списки, № 20. С. 382 и 731.

[494] - Турецкие статейные списки, № 20. С. 385, 386, 574 на об. и 720; № 21. С. 120, 121,218,219 и 224.

[495] - Там же, №20, л. 480.

[496] - Там же, № 25, лл. 329–336; № 26, лл. 36–39.

[497] - Там же, № 25. С. 184, 185, 202, 206–212,365,405; № 26. С. 43,53,58,59,86–90, 98,132,135,136,137–139. Весь № 25 статейных турецких списков, составляющий из себя целую книгу, заключает в себе исключительно документы касательно подчинения Киевской митрополии. Ответные грамоты

патриархов по этому делу находятся и в греческих делах 7195 г. № 3.

[498] - Эти грамоты Петра Великого см. в Приложении.

[499] - Разрешительные грамоты Константинопольского патриарха государю и войску на мясоястие во время постов напечатаны в Полном собрании законов, № 3020, 3178.

[500] - 1715 г. №23; 1716 г. №23.

[501] - Опись документов и дел Святейшего Синода. Т. I. Приложение № XXIV.

[502] - Соловьев. История. Т. XVI. С. 85; Т. XVII. С. 166, 390.

[503] - Чтения в Обществе истории и древностей российских 2 (1862), смесь. С. 21.

[504] - 7141 г. №2; 7142 г. №1.

[505] - Вот очень характерный ответ нашего правительства Венедикту, неумеренно похвалявшемуся перед русскими своею ученостию и учительством: «Преблагий, всесильный и премудрый Бог, видимых и невидимых Творец и Содетель, премудрости Наставник, мудрых Исправитель и всякому смыслу и делу Хитрец. Той наставляет всякаго человека, просящаго у Него усугубить таланты, а еже от себе превеликий сан богословия учителем налагай, и се есть, им достойно от иных таковая похвала приимати, а от своих уст токмо единому мудрых Исправителю и всякому делу Хитрецу всесильному Богу несложная похвала приносити – се есть корень христианскому любомудрию и не зазорный учительский сан. К ним же речено: «Да воссияет свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, иже на небесех», разумей житием и разумом в богословии и благочестии свидетельствованна, реку убо во Апостолех Павла, паче инех потрудившагося, во истину бо силы велия бе не довляше человеческое тщание. Трое бо внесе в проповедь: усердие горящее и дерзостное, душу, все что-либо буди претерпети готовую и разум и мудрость, недовляше бо бе долюбное житие непорочно аще бы и духа силу не прияло. И зри от него первого, паче же слыши его пишущаго: «Да безпорочно буди служение наше, и паки: утешение бо наше не от прелести, ниже от

нечистоты, ниже в словеси ласкания, ниже виною лихоимения», видел ли еси непорочное, таж по сих на всяк день умираю, тако ми нашея похвалы, ю ж имам о Христе Иисусе, таж строение его бых иудеом, якож иудей, беззаконным, яко беззаконен, подзаконным, яко подзаконен и бритвится (?) и безчисленная творить. По сих слыши, како и похвалу о себе таковый небопарный орел рек: ничим же бо лишихся праведнейших апостол, аще и ничто же есмь, мне меньшему всех святых дана бысть благодать сия в языцех благовествовати неисследованное богатство Христово и просветити всех, кое есть смотрение тайны сокровенныя от веков в Боге, создавшем всяческая Иисус Христом, да скажется ныне начальством и властей на небесных церковию многоразличная мудрость Божия под преложению век, яже сотвори о Христе Иисусе, Господе нашем. И посему учителей есть добродетель не чести искати, ниже славы от начинаемых, но спасения их и вся о сем творити, за неже иное ищущий несть учитель. Блаженный Павел напыщения всякаго свободь сый, тако пребывание, якожь един от многих, пачеж и тех меньший, сего ради и раба им себе нарицает и множайшая к чину моления вещает. Отдадим похвалу яже от себе внешним любомудрецом, сии убо аще не похвалятся от себе лишени суть мзды похвальный будут, похваляют же их неведущии благочестия, ни силы Божия. Во благочестии же учителю страшну быти похвалы, я ж и от иных приносимая на него, самому же о своих молчати и соунижати себе, не рабским соунижением, но якож учителю довлеет. При патриархе и меньшему от него в чину не достоит учителем нерещися, а еже богословцем, и о сем мню, яко бессловесну дерзость. Укоряя же Господь наш книжников и фарисеев (Мф. зач. 93) глаголаше: любят же преже возлегания на вечерех и преже седания на сонмищах и зватися от человек: учителю, учителю! Но учеником же, научая их, Господь наш глаголаше: вы ж не нарицайтесь учителе, един бо есть учитель ваш Христос, вси же вы братия есте, и отца не зовете на земли, един бо отец ваш иже на небесех; ниже нарицайтесь наставницы, един бо есть наставник ваш Христос, болий же в вас да будет всем слуга, иже бо вознесется – смирится,

смиряяйся вознесется – слышали есте реченное, подобаше бо ти и сие, господине, речение в памяти имети, и не дерзку быти от своих уст на похвалу».

[506] - 7154 г. №15.

[507] - 7157 г. №24.

[508] - На вопрос, каким образом патриарх Паисий, несомненно ранее знавший прошлое Арсения, решился, однако, рекомендовать его в качестве учителя и организатора устраиваемой в Москве школы, которая должна была сделаться рассадником православной науки на Руси, – на это можно ответить следующими соображениями. Патриарх Паисий, отправляясь в Москву, старался составить себе дорогою многочисленную свиту, с тем чтобы часть полученной ею в Москве милостыни присвоить себе, причем в выборе лиц для своей свиты он поступал не особенно разборчиво. В Киеве Паисий встретился с Арсением и включил его как знающего славянский язык в свою свиту в качестве своего дидаскала, в каком звании Арсений и был отрекомендован государю. Узнав из беседы с царем о его желании устроить в Москве школу, в которой бы учителем был благонадежный во всех отношениях грек, Паисий, желая сделать царю угодное, указал на своего дидаскала Арсения как на человека, который с успехом может занять место учителя в школе, тем более что он знал и славянский язык. О том, что Арсений был воспитанник греческой иезуитской коллегии в Риме, где он сделался униатом, что он был побусурманен и потом опять униат, Паисий не сказал на этот раз ни слова, вероятно, потому, что никак не ожидал того, чтобы это дело когда-либо вскрылось и сделалось известно в Москве. Таким образом, простая угодливость перед царем, желание выслужиться перед ним, а вероятно, и желание иметь в Москве учителем свою креатуру побудили Паисия рекомендовать Арсения на место учителя в московской школе. То соображение, что Арсений мог в Москве пропагандировать свои латинские или какие-либо иные неправославные воззрения, не беспокоило патриарха. Паисий хорошо знал, что в Москве относительно всякой иноверной пропаганды было крайне строго, за малейшую попытку в этом роде Арсений мог

попасть на Соловки или куда-нибудь подальше. Поэтому простое чувство самосохранения должно было заставить Арсения отказаться в Москве от всяких, даже малейших и случайных, проявлений симпатии к латинству. Знал он, конечно, и то, что Арсений вовсе не был горячим, искренним и убежденным поклонником латинства, способным во что бы то ни стало внести пропаганду в русское общество. Наоборот, это был человек без определенных религиозных убеждений, всегда способный всем поступиться, если того требовали обстоятельства, его личная польза и выгоды, такой человек в Москве, несомненно, будет строго православным. Что же касается того обстоятельства, что такому сомнительному и во всех отношениях неблагонадежному человеку патриарх решился поручить насаждать в Москве строго православную науку и просвещение, для чего, по-видимому, требовался человек несколько другого нравственного закала, иных религиозных убеждений, то Паисий, как и большинство тогдашних греков, смотрел на это далеко не строго, ибо греки совершенно не похожи были в этом случае на русских. Большая часть тогдашних образованных греков училась в западных школах, из которых они иногда выносили и западные, несогласные с Православием, понятия. На самих патриарших восточных престолах сидели иногда такие патриархи, строгое Православие которых подвергалось некоторыми сильному сомнению. Что же касается нравственных качеств различных восточных иерархов, то они довольно часто были даже очень невысоки. Самого, например, Паисия народная молва упорно обвиняла в варварском убийстве Константинопольского патриарха Парфения Старшего, как об этом, по крайней мере, не раз доносили в Москву разные агенты. Поэтому такая личность, как Арсений, не была на Востоке исключением, а явлением довольно обычным, к которому все привыкли и к которому в большинстве случаев относились или равнодушно, или прямо снисходительно. Наконец, Паисий, вероятно, в существе дела вовсе не интересовался московскою школою, ее направлением и процветанием; его в Москве занимали совсем другие вопросы, тем более что как грек он, конечно, смотрел на

русских по-гречески, т.е. свысока, пренебрежительно, только как на грубую материальную силу, неспособную к высшему развитию. Что же касается того обстоятельства, как могло случиться, что патриарх Паисий, оставив Арсения в Москве в качестве учителя, сам же потом сделал на него донос, то это объясняется просто следующим: вместе с патриархом Паисием отправился из Москвы и Арсений Суханов, назначенный сопровождать патриарха. Прибыв в Киев, Суханов постарался собрать все сведения о личности оставленного в Москве учителя, чтобы все узнанное сообщить о нем в Москву. Поэтому патриарху Паисию необходимо было поспешить объясниться с московским двором относительно Арсения Грека, чтобы не испортить своих отношений к Москве и предупредить Суханова. Благодаря этому обстоятельству и появился донос Паисия на Арсения, причем Паисий сознается, что Арсений вовсе не был его действительным дидаскалом, как он назвал его в Москве, а дидаскалом, взятым в Киеве, так сказать, напрокат, только для пополнения свиты на время пребывания патриарха в Москве. Что же касается заявления патриарха, что будто бы ранее он совсем не знал ничего об Арсении, то это опровергается показанием Арсения во время производства следствия над ним, что он обо всем рассказал ранее патриарху Паисию, который его простил, благословил и дал ему от себя разрешительную грамоту, которая теперь и находится у него, Арсения. Против этого показания Арсения ничего не возразили. Очевидно, что разрешительная грамота Паисия действительно была у Арсения.

509 - Прибавления к творениям святых отцов. 3 (1846). С. 162–164.

510 - Смотри о преподавании Лихудов в: Смирнов С. История Славяно-греко-латинской академии. М., 1855.

511 - Этот Акакий в письме к племяннику Досифея Хрисанфу называет себя его двоюродным братом, заклинает его именем Бога Вышнего и душою общего великого их дяди и госпожи тетки, чтобы не был против него в Москве, куда он едет, причем замечает: «От дяди же своего (Досифея) никакого добра не видали, как сам он (Хрисанф) знает». Со своей стороны,

Хрисанф показывал в Посольском приказе, что Акакий, родом из Пелопоннеса, пришел в Иерусалим, где сделался диаконом и служил брату Досифея Каллисту, но потом обокрал его и бежал в Кипр, причем захватил у старца часть Животворящего Древа и другую святыню. Затем Акакий появляется в Морее, где обманом сделался епископом, а потом пробрался в Венецию, а теперь едет в Москву. Хрисанф просил арестовать Акакия и отобрать у него украденную им часть Животворящего Древа. Когда 18 марта 1693 года епископ Акакий приехал в Москву, то спрошенный о честном древе, показал, что при нем есть часть оного, ради святыни и исцеления болящих, что он приобрел эту часть древа в Иерусалиме, живши восемь лет у патриаршего брата, который был ему двоюродный дядя и любил его, как сына, и благословил его сам крестом, от которого многие получили исцеление. Бывши в венецианском лазарете и увидав здесь одного беснующегося солдата, осенил его трижды этим крестом, и тот исцелился. И у него самого дорогою опухло лицо, он попросил ехавшего с ним архимандрита осенить его честным древом, и болезнь миновалась. Попросили епископа дать список находящихся у него мощей, но он отказался исполнить эту просьбу, заявив, что держит мощи у себя как неоцененное сокровище, ставленную же свою грамоту объявил, которая, однако, по рассмотрении показалась очень сомнительною, почему Акакий и заключен был пока в Новоспасский монастырь. Со своей стороны, патриарх Досифей писал государю и особенно Московскому патриарху, чтобы Акакий, как «чадо гнева», был непременно сослан в заточение в какой-либо дальний русский монастырь, чтобы и «нехотя мог спастись и впредь других бы не обманывал». В противном же случае Акакий, возвратившись в Турцию, известит турок о существующей переписке между Досифеем и русским правительством, вследствие чего турки Иерусалимского патриарха умертвят и всех, которые при нем живут, перевешают или на кол посадят. Поэтому-то патриарх сильно опасается Акакия, «который хвалился, что ожидает из Царь-града свидетельных грамот от патриарха, что он добрый человек, потому что обещались исходатайствовать такие грамоты

школьные учители Иоанникий и Софроний Лихуды, и то верно, что они стараются получить сии грамоты, и чтобы епископу отсюда выйти и учинить какое-либо зло патриарху Иерусалимскому и его престолу за то, что святейший писал об них к царскому величеству правду о неправильном искательстве ими княжеского звания и о неприлежании их в учении. Посему, гневаясь на него, хотят всяким образом ему отмстить и в челобитной пишут, чтобы государи велели его (Акакия) отпустить из Москвы судиться с патриархом Иерусалимским. Это прошение поистине достойно смеха или слез, и хотят они показать свою скверную гордость или явную глупость, будучи простыми старцами и домогаясь судиться с апостолопрестольным патриархом – и кто их прошению не посмеется, их самих не обругает? Они не только с ним судиться, но и явиться к нему не посмеют, ибо сейчас там каторгу узнают и испытают за свое безумное дерзновение. Посему и стараются подкупить, чтобы о низвержением епископе пришли грамоты из Царьграда и хотя бы чрез него учинить какое мщение Иерусалимскому престолу, клеветами у турок. Но такие грамоты не могут прийти, кроме разве подложно составленных подкупом, а если бы и пришли, то нельзя не подвергнуть особому рассмотрению от таких злонравных людей, потому что патриарх Иерусалимский ложно и затейливо таким государям писать не станет, и он по своему патриаршескому лицу наипаче заслуживает веры». Между тем Акакий подал государям челобитную, в которой между прочим заявлял: «По древней лести диавольской позавидовал архимандрит Хрисанф, что привез он (Акакий) ради царского здравия некую часть честного древа и иные святые мощи и присылал к нему своего человека, чтобы никому о том не объявлял, если хочет себе добра. Он же не хотел изменить своего намерения и потому оболгал его, Хрисанфа, в Посольском приказе, будто все, что он привез, краденое». Акакий умоляет царей освободить его из заточения и запретить Хрисанфу писать об нем к патриарху Досифею, что будто бы он на него клевещет, «ибо тогда патриарх (Досифей) грамотою своею его, конечно, погубит». Эта челобитная Акакия, подкрепленная, вероятно, ходатайством за него Лихудов, имела

успех. Акакию велено было давать обычное для архиереев-просителей содержание и сверх того ему дано было 10 руб. на милостыню, «так как святыню свою он не повез к польскому королю или венецианскому князю, но к ним, великим государям». Тогда Досифей прислал в Москву новую грамоту, в которой заявляет, что Акакий «был хиротонисан от беззаконников некиих, или образом беззаконным, того ради епископом называться не достоин, посему и низвержен от Цареградского великого Собора и от нас самих». Затем Досифей описывает соблазнительные похождения низверженного Акакия в разных странах, где он выдавал себя за действительного епископа и называл себя то архиепископом Иоппии, то епископом андрусским, то уполномоченным от Святого Гроба на сбор пожертвований. Досифей просит заточить лжеепископа в какой-нибудь дальний монастырь. Так как в это время пришла в Москву грамота Константинопольского патриарха и Собора, вполне подтверждавшая донос Досифея на Акакия, то этот лжеепископ-авантюрист был сослан нашим правительством в город Казань, где, вероятно, он и умер (7201 г. № 33).

[512] - 7201 г. № 4.

[513] - 1702 г. №1.

[514] - Хотя и при таких условиях едва ли возможно было ожидать, чтобы у нас мог действительно выработаться и прочно водвориться какой-либо особый тип греческой именно школы, уже просто потому, что такой школы не выработалось и у самих греков. Досифей, настаивая на обучении в московской школе только греческому языку и безусловно изгоняя латинский, требовал от Лихудов и их преемников почти невозможного, тем более что он ради господства у нас греческого языка готов был сузить московскую школу, этот первый рассадник образования на Руси, до пределов только специально церковной школы, в которой бы не забавлялись около физики и философии, как это было при ненавистных ему Лихудах.

[515] - То же о поставлении патриарха писал Досифей государю и ранее, именно в 1702 г. (№ 1).

[516] - 1705 г. № 1.

[517] - 7206 г. №31.

[518] - 1702 г. №1.

[519] - Здесь Досифей намекает на распространившиеся тогда за границей слухи, которые особенно усердно разносили повсюду иезуиты, что будто бы Петр Великий решился соединиться с Римскою Церковью. Относительно этих слухов Феофан Прокопович замечает, что они с 1700 г. распространены были иезуитами и другими католическими духовными в разных иноземных странах и «тем ложным слухом как греческим, так и русским восточного исповедания людям не малое чинили в вере сумнительство» (Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время. М., 1868. С. 430).

[520] - 7206 г. №31.

[521] - 1701 г. №21.